

Институт философии РАН

ФИЛОСОФ И НАУКА

Александр Павлович
ОГУРЦОВ

Москва

Голос

2016

УДК 101+101.9

ББК 87.3

Ф 56

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 16-03-16004д
«Философ и наука. Александр Павлович Огурцов»*

Рецензенты:

доктор философских наук Т.Б. Любимова,
доктор философских наук Е.Н. Ивахненко

Ф 56 **Философ и наука. Александр Павлович Огурцов /**
Отв. ред. С.С. Неретина. М.: Голос, 2016. — 538 с., илл.

ISBN 978-5-9193-2012-8

В книге, посвященной памяти выдающегося российского философа Александра Павловича Огурцова (1936–2014), участвуют его друзья, коллеги и ученики, с кем ему было свободно жить и мыслить. Философия для А.П. Огурцова представляла предельный способ отношений человека и мира, тематизацию смыслов такого отношения к миру, обществу, культуре, к самому себе и к другому. Особое внимание он направлял на философию науки, которая, как пишут некоторые его друзья, близко не напоминала одноименной позитивистской универсальной систематики, которую сегодня переоткрывают заново и заставляют учить студентов, магистрантов и аспирантов. Главным было чувство "материкового слоя", фундаментального исторического залегания любого научного знания, выражавшего себя в логике, которая может быть открыта только философу и закрыта для систематизатора. Образ мысли А.П. Огурцова был образом его жизни — не случайно многие статьи посвящены именно его бытию философом.

УДК 101+101.9

ББК 87.3

ISBN 978-5-9193-2012-8

© Неретина С.С., составление, общая редакция.

© Коллектив авторов

Содержание

C.C. Неретина. Шаги во времени. Без предисловия 7

I

C.C. Неретина. Путь к себе

Новый мир. Странности отчуждения.....	52
Тотальная революция.....	69
Болевые точки.....	89

A.C. Карпенко. Тоска по философии

Прелюдия.....	97
Подавление философии	105
Дискуссия между «механистами» и «диалектиками»	105
«Меньшевистствующий идеализм»	110
«О диалектическом историческом материализме»	115
Философия на первом вздохе	122
Откат.....	127
Освобождение	136
Заключение	145

B.A. Лекторский. Александр Павлович Огурцов:

философия как исследование и как образ жизни	147
--	-----

Ю.М. Резник. Что значит быть философом?..... 155

Так кто же такой философ — мыслитель или проектировщик?	
О назначении философа	156
О проектной деятельности философа	160
Бытие персонально-сущего философа как публичный акт	162
Созерцание как воссоздание мира человека из чистого	
присутствия мыслителя.....	166
Предельное вопрошение о бытии человека	
как формулирование проектного задания	172

4 Содержание

Философствование как эманципация человеческого духа и экзистенциальная коммуникация.....	176
Философствование как метапроектная практика	179
А.П. Огурцов как философствующая личность	
Прикосновение к таланту	182
О философии и философе.....	183
Скажи мне, кто твой друг...	185
Мыслить широко и не упускать детали	187
Ф.Н. Блюхер. Александр Павлович Огурцов как ученый-гуманитарий	189

II

П.Д. Тищенко. Наука переднего края и дисциплинарные практики	202
Идея переднего края в интерпретации А.П. Огурцова	204
Дар слова	207
Вечная истина Протагора	208
Язык живой и мертвый	209
В.А. Бажанов, Н.Г. Баранец. А.П. Огурцов и философия науки XX в. Подведение итогов.	212
Н.Г. Баранец. Заметки при чтении «Философии науки».....	222
В.В. Платонов. Об образах образования	237
В.М. Розин. Особенности методологического дискурса А.П. Огурцова.....	260
И.И. Мочалов. В.И. Вернадский в творчестве Александра Огурцова	
Приобщение к наследию В.И. Вернадского.....	277
Пересечения с И.В. Кузнецовым и Б.И. Кедровым	278
О двух эпиграфах к монографии Александра Огурцова.....	278
Концепт «передний край науки»	281
Александр Огурцов: заключительная часть монографии 1988 г....	283
Троє на переднем крае: К.Э. Циolkовский,	
В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский	285
В.И. Вернадский как естествоиспытатель и философ	292
Направление историко-научных интересов Вернадского	294
Развитие науки как движение к ноосфере	296
И.Б. Гете и В.И. Вернадский: обсуждение общих проблем.....	297
В.И. Вернадский – Институт истории естествознания и техники АН СССР (РАН) – А.П. Огурцов.....	303
Из размышлений Александра Огурцова о В.И. Вернадском в контекстах возможного и действительного	310

Последний сюжет: диалог мыслителей.....	314
<i>В.П. Макаренко.</i> О бюрократии в современной России.....	318
Исходные посылки	319
Прозрения Андрея Платонова	329
Паек и оппозиция.....	332
Экономические гарантии	337
Агентурные гарантии	345
Политические гарантии.....	346
Концепт троевластия.....	349
Автохтонный политический порядок	356
Выводы.....	358
<i>А.В. Рубцов.</i> После постмодерна: реабилитация философии	360
На пороге сверхнового времени	
Прощание с модерном	361
Исчадие рая	362
Новое или порядок?	364
Русский модерн — утрированный и незавершенный	365
Рождение постмодерна из духа современности	366
Дух постмодерна и тупики постмодернизма	367
История болезни.....	367
Постсовременность, постмодерн, постмодернизм	370
Восторги симуляции	371
На пороге неомодерна	373
Из света в тень	373
Карта исторической местности	374
Новый конфликт...	375
...И новый контраст	377
Мегапроекты свободы	379
Архитектоника постмодерна	
Время	
Исторический размер события	380
«Контрольная предметность» постмодерна	382
Большой нарратив об архитектуре	386
Языки и территории постмодерна	388
Постмодернизм как имитация: симулякры спонтанна.....	393
Коррекция зрения.....	394
Пространство	
Тупики постмодернизма	397
Из времени в пространство (из истории в географию).....	398
Историчность модернизации и концы модерна	402
Модерн как прогресс вне времени.....	405
Еще одно Переоткрытие Времени	409
Непространственный постмодерн и графический рационализм	412

6 Содержание

Континуум	415
Пространство «времени постмодерна»	415
Внутреннее время postmodern.....	419
Рождение модерна из духа времени.....	422
Новое во времени или порядок в пространстве?	424
Суррогатное время в пространствах имитации.....	427
«Порядок вне времени» как антипод спонтанности	429
<i>O.A. Донских.</i> Конец стиля — конец эпохи	432
<i>Б.Г. Юдин.</i> А.П. Огурцов. Путешествие в биоэтику.....	443
III	
<i>В.А. Бажанов.</i> Александр Павлович Огурцов.	
Каким я его помню.....	460
<i>А.А. Гусева.</i> Живая речь и ценность рецензий.....	469
<i>Л.С. Давыдова.</i> Мастер и подмастерье (о работе над «Новой философской энциклопедией»).....	475
<i>К.А. Томилин.</i> Отец как Führung Field.....	478
БИБЛИОГРАФИЯ	503
ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ЖИЗНИ.....	520
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	523
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	536

С.С. Неретина

ШАГИ ВО ВРЕМЕНИ. БЕЗ ПРЕДИСЛОВИЯ

Жизнь моя! Иль ты приснилась мне?

Я назвала эту книгу в параллель книге Э. Жильсона «Философ и теология», в которой Жильсон подчеркнул единичность, одинокость и персональность философа в отличие от теологии, из которой, по мнению многих философов, родилась наука, дающая, как считается, объективные знания о действительности, т.е. действующая безлично. Это название к тому же подчеркивается последней прижизненной публикацией Александра Павловича «Поражение философии», в которой он акцентировал опасность, идущую для философии от религии. Дело, разумеется, не в самой религии, а в попытках заслонения ею философии, банализации понятий и пр.

Он писал эту статью молча и решительно. В это время наша институтская группа по изучению латинского языка переводила Августинов трактат «О диалектике». Для Саши, Александра Павловича Огурцова (АП), весьма подходила метафора лозы, напоминающая латинскую букву «v». Августин в этом трактате так написал об этой букве: «Никто ведь не отрицает, что слоги, в которых буква «v» выполняет функцию согласного звука, например, первые слоги в таких словах, как “vafer, хитрый”, “velum, покрывало, завеса”, “vinum, вино”... “vulnus, рана”, издают жесткий и твердый звук... Следовательно,

8 С.С. Неретина

когда мы говорим “сила, vis”, то суровый звук слова <...> совпадает с вещью, которую обозначает»¹.

Все это будто сказано о нем — и вино, и хитрость, и завеса, и рана, и сила, в которой знание, и страшное «venit», «ушел».

Августин словá со звуком «v» называет неистовыми (violens), связанными с цепями (vincula) и «лозой» (vitæ). «Оттого и земля, которая извивается и проторена ногами путников, называется путем-дорогой (via)», потому что путь проторен «силой ног» (vi pedum). Вот эта сила, вогнутость-выгнутость, зrimо представленная фигурой АП, была характеристикой его мысли. Лоза легко — натянутая тетива — превращалась в лук, быстро и метко выстреливающий. Да и спиритуальные мотивы, корениющиеся в этой букве, в случае АП вели к выяснению истины. Родные, друзья и знакомые знали, что в моменты наивысшего подъема этого духа, он говорил: «Я сейчас правду говорю», и она всегда была нелицеприятной. Моя невестка, Наталья Анзимирова, врач, долго упорно «ведшая» АП по тропам болезни, кричала мне из дачной беседки в дом: «Светлана Сергеевна, уводите Сашу, он собирается правду говорить!» Но что невестка! — друзья и коллеги опасались его правды, некоторые превращались в недругов, а мы всякий раз разводились.

Философия владела всей его жизнью, она была его жизнью. Он собою являл мысль. Я была другом, повседневной необходимостью до тех пор, пока он не опознал и во мне толику той же закваски, тогда я стала женой и соавтором. Дело было именно в общей ориентированности жизни. Мой смысл жизни состоял в том числе в получении этого признания и одобрения. Его же смысл — быть каждодневно Гераклом, поднимавшим над землей Антея. Стихотворение Беллы Ахмадулиной «Когда моих товарищей корят...» было одним из любимых.

«Не думаю, что идея смерти автора справедлива и имеет какие-то перспективы, — писал он. — Конечно, в современной массовой культуре проблема авторства стала весьма острой. Наука стала также Большой наукой, практически массовым производством. С этим, очевидно, связаны такие явления, как большое число соавторов в исследованиях по физике, космологии и т.д. Что же касается меня, то все мои статьи — авторские. Они отличаются авторской позицией, хотя она нередко скрыта за историко-философским изложением. В таком изложении историко-философских позиций

¹ Aurelius Augustinus. De dialectica. VI.

надо увидеть мое “препарирование” истории философии, авторскую интенцию, проведенную на историко-философском материале. Другой человек, с другой интенцией, может препарировать историю философии иначе, увидеть в ней иного рода подходы и ракурсы»².

Его отношение к авторству сравнимо с позицией М.М. Бахтина, тоже прятавшего себя в тексте. Но только Бахтин это делал, давая слово своим героям в полифоническом диалоге, а он давал слово науке. Это свойство науки — прятать автора. Но разве нельзя допустить, что Бахтин понял это свойство науки и применил его к совершенно иному подходу?

Владимир Товиевич Кудрявцев впечатление от его мысли выразил так: «“Философия науки” Александра Павловича Огурцова близко не напоминала одноименной — позитивистской универсальной систематики, которую сегодня переоткрывают заново и заставляют учить студентов, магистрантов и аспирантов. Это было чувство “материкового слоя”, как пишет Александр Рубцов, фундаментального исторического залегания любого научного знания. В логике, которая может быть открыта только философию и закрыта для систематизатора».

Занимался ли он философией науки? Да, конечно — в том именно смысле, в котором говорил Кудрявцев. Теорией культуры, образования, методологией? — Да, в том именно смысле. То есть собственно и только философией. Так уж случилось, что я была свидетелем рождения всех книг, и его собственных, и наших совместных. Иногда я говорила: вот эта глава или раздел, — не слишком ли реферативны? Пусть, отвечал он, мысль становится виднее, ясно, как она движется, да и многие не знают этих вещей. Из этого родилась легенда о его энциклопедизме. Он морщился, когда его так называли. Все на деле шло от того самого материка. Я видела его каждый день, последние три года, когда болезнь овладела им, почти ежечасно, а в эти часы — почти ежеминутно. Я видела, что он читал, что и как он писал, сама за ним читала то же, но когда он выступал на семинарах, конференциях, симпозиумах, отвечал на вопросы, я диву давалась: не могла понять, откуда вдруг появлялось то, о чем не было в этих книгах и статьях, новых или старых.

«Он справился с жизнью», — сказал о нем Александр Ев-

² Еще раз о философии и о многом другом (интервью Ю.М. Резника с профессором А.П. Огурцовым, 2 июня 2009 г. // Личность. Культура. Общество. 2010. Т.ХII. Вып. 1 (№№ 53–54). С. 417.

10 С.С. Неретина

геньевич Разумов, и это действительно так. Он справился со многими болезнями, с исключением в 1968 г. из компартии, что в то время было «черной меткой», он спокойно и самостоятельно уходил с должностей, не столь, правда, больших, с заведования Отделом науки и техники Института философии РАН, Центром методологии и этики науки... Он справился даже со мной. Он был уверен в себе, поскольку был ироничен, многопланов, жизнерадостен. В интервью журналу «Личность. Культура. Общество» он говорил: «Я философ-одиночка, хотя почти все мои книги выпущены в соавторстве с другими людьми, но я человек общительный и быстро нахожу и возможность совместной работы, и общие точки соприкосновения с другими позициями»³.

В действительности он был авантюристом. Он исследовал разные пути познания, менял позиции, ракурсы, аспекты. И со *своего* (старого ли, нового) его сбить было нельзя.

Он сам написал свою биографию. Скупо, без особых подробностей: родился, жил, писал, интересовался тем-то и тем-то. Эдакая сводка. Одна подробность, ему не принадлежащая, втерлась в его *curriculum vitae* — он не был профессором. Сам он написать этого не мог. Более того: предупредил, что он не профессор. В интервью Ю.М. Резнику в ответ на вопрос «Почему Вы не стали членом РАН?»⁴ сказал, что «вопрос, конечно, интересный. Но хотел бы напомнить, что у меня нет даже профессорского звания»⁵. Скорее всего, вставил кто-то, искренне уверенный, что так оно и было. Да и все были уверены — те, кто его не знал, но зачем-то искал, заглядывая в нашу комнату, всегда спрашивали, где найти профессора Огурцова. А я, подсмеиваясь, отвечала, что профессор в нашей комнате одна я.

Александр Павлович родился 14 сентября 1936 г. в Москве в семье преподавателя истории Павла Ивановича Огур-

³ Огурцов А.П. Профессиональное кредо. Интервью [Ю.М. Резнику] с профессором А.П. Огурцовым // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. VII. Вып. 3 (27). С. 336.

⁴ АП, кажется, в конце 1990-х, был выдвинут «в академики» общим собранием Института философии, но не стал и документы собирать, сказал, что их много, к тому же его возмутило предостережение одного из членов РАН, что ставка будет на совсем другого человека, который, кстати, не прошел.

⁵ Огурцов А.П. Профессиональное кредо. Интервью с профессором А.П. Огурцовым. С. 340. Ю.М. Резник, который брал это интервью, все же оставил в заглавии слово «профессор», исполнив недонесенную ВАКом роль.

цова (1912–1976). Его мать, Анна Степановна Огурцова, урожденная Осина (1912–1979), была домохозяйкой. Отец к моменту его рождения был директором школы, слава богу, для девочек, т.е. Саша не был его учеником, а значит, не был и предметом всяческих уязвлений со стороны школьников (сын директора!). А поскольку отец был директором, то у них была отдельная квартира при школе, что в ту пору было большой редкостью. Потом Павел Иванович был доцентом в Заочном политехническом институте. Его семья, а потом и он сам почти всегда жили в округе Таганки: сначала на Рабочей улице, потом в Ведерниковом переулке, по окончании МГУ и после развода с первой женой снимал комнату в доме за театром на Таганке, затем на Открытом шоссе, где возле дома — после исключения из КПСС — торчал «воротник», и его мама, поглядев в окно, говорила: «За тобой» (подразумевая — «следят»). После трагической смерти третьей жены жил на Рогожском валу. Мы жили и на Рогожском, и на ул. Корнейчука, и на Волгоградском проспекте возле м. «Пролетарская». Нашим последним местожительством была 5-я Кожуховская ул.: далеко от Таганки он не отъезжал. Это значило много: был двор со всеми таганскими следами: со сленговыми оборотами, с мальчишеской гурьбой, «заячьими» поездками на трамвае, руганью, с, прямо скажем, неаристократическим дворянством.

Война началась, когда ему было пять лет, и они с мальчишками перелезали через забор на какие-то заводские склады, куда падали фугасы, собирать еще тепленькие осколки. У него остались сильные впечатления о бегстве жителей Москвы из Москвы. 16 октября они с матерью пошли на Рогожский рынок, а назад вернуться сумели с трудом: все было заставлено машинами, телегами и тележками, вещами, не говоря уже о море людей. Сумбурные, единичные воспоминания. Разбрелося стадо, которое вел на мясокомбинат мальчик-подросток. Стадо разбрелось. Мальчик бегал, пытаясь его собрать, потом от страха повесился.

Через некоторое время мать с детьми (у Саши сестра двумя годами моложе его) эвакуировалась с детдомом в Козмодемьянск. В его память врезалось (сохранился записанный на видео Сашин рассказ), как они переплывали Волгу и должны были причалить к месту, которое было разбомблено, а на берегу пылал пожар. Другое воспоминание: как спасались от волков. Мать с кучером (Саша был в санях) везли продукты для детдома, а за ними летели волки, и кучер настеги-

12 С.С. Неретина

вал лошадок. В 2008 г. я была в Йошкар-Оле и рассказала преподавателям в университете, где читала лекцию, об этом случае. Мне ответили: «А у нас и сейчас полно волков, мы на дачах строим специальные заграждения». Саня тем самым воспоминанием был признан как бы своим.

Отец, поскольку директорская должность обязывала его быть и членом райкома ВКП(б), не эвакуировался с семьей: он должен был оставаться в Москве как бы связным, как бы подпольщиком — в случае прихода немцев он был обязан исполнять роль сапожника-надомника, сидевшего на улице, чтобы наблюдать и передавать кому надо какие-то сведения. Сейчас это смешно, но так было. Как было и то, что много позже, поведя сына в Донской монастырь как в музей, наставник юношества, директор школы, член райкома встал на колени на ступенях храма.

Рассказы о школе и о семье были скучными, сухими, брови сходились. Саша рассказывал об этом тяжело, без лишних слов. И несколько раз повторял историю таксиста, который как-то вез его домой: на вопрос о том, как он относится к Сталину (дело было после похорон, в марте 1953 г.), смачно плонул, проговорив «хорошо, что сдох».

С детства основным увлечением было собирание и чтение книг, огромная библиотека была его богатством. Он вспоминал о бабушке, работавшей в типографии. Для него важно было, не кем она работала (на одной из, что называется, «последних» должностей), а что работала она именно в типографии, где печатали книги. Когда переезжал в однокомнатную квартиру на Открытом шоссе, его друзья выстроились цепочкой от грузовика по лестнице до квартиры и передавали книги. То же проделывали мы, переезжая на Кожуховскую, к удивлению шофера: никогда столько не видел, 9 000. Я требовала: одну купишь, другую даришь. Это привело к тому, что количество книг стало удваиваться: покупал и он, и я, а поскольку интересы примерно одинаковые, то и книги покупались одинаковые и прятались, ибо запрет касался обоих. В результате, когда обман открылся, мы даже обрадовались: все повторные уехали на дачу, обеспечив наше с ними беспребойное общение.

Саша — как книжный человек — утыкался в книгу как в то, что энергически его концентрировало. Для него чтение всегда было равноценно мышлению, сродни восприятию в древности «Илиады», заменяющему все книги, газеты, картины,

радио- и телепередачи, хотя он одновременно обкладывался газетами, слушал радио и внимательно смотрел многие передачи по ТВ. Некоторые лингвисты считают, что слово «книга» образована от праславянского «кнети», т.е. «знать». Полагают даже, что русский термин «князь», польский «ксендз», болгарский «кнез» и другие, относящиеся к племенным вождям, жречеству так или иначе связаны с семасиологией знания. Так это или нет, но словари, даже отгораживаясь от такого родства содержаний термина «книга», считают необходимым упомянуть про подобные изыскания. Но Саша нутром знал родство книги и знания. Я помню, как он радовался, когда я писала о латинском значении *res*-реальности как о вещной полноте знания-дела, о просторе знания-дела, непременно связанного со свободой. В такой полноте, где записано уже все, человек всегда носил псевдо-имя. XX век весь жил этой псевдоименностью. Ахматова, Андрей Белый, Максим Горький, Демьян Бедный, не говоря уже о Ленине, Сталине и их приспешниках, которые почти все поменяли фамилии. Двойное сознание, окутавшее XX век-волкодав, — тоже результат такой псевдоименности.

Он исходил все букинистические магазины, покупая старые книги. У него еще в школьные годы были дореволюционные или вышедшие на заре советской власти монографии об эволюции, которые он пересказывал затем в университете и которые не сослужили ему хорошей службы на экзаменах: он, не слушавший плоских объяснений преподавателей, ссылался на них в годы, когда ссылаться на них было опасно. Они и сейчас лежат на полках (ставить нельзя — распадаются) — в бумажных обложках, вытертые и обветшалые.

Книги — Сашина свобода. Свободное существование, где он не зависел ни от кого. Когда в 1968 г. он подписывал письма в защиту арестованных диссидентов, он это делал не только из дружбы, а по велению этой самой свободы, которая гораздо шире всех тех прав, за которые мы боремся. Любая акция — один из ее феноменов. И в этом смысле — он один из самых свободных людей, который «торчал, где воткнут», ибо от себя не убежишь. В этом смысле понятны взаимоприязнь и взаимоуважение с В.В. Бибихиным. Когда в Институте расформировывали сектор информации и стоял вопрос, куда девать людей, кто-то сказал, что не знает, чем занимается Бибихин. АП вздернулся: как не знает! Бибихина, который писал бесконечное множество рефератов по европейской

14 С.С. Неретина

философии, знал любой интеллигентный гуманитарий. И он предложил Владимиру Вениаминовичу войти в состав нашего Центра. Их взаимоуважение объяснялось просто: дух «все один над той же бездной, упасть в соседнюю нельзя». АП вообще собирал Центр по апофатическому принципу: у него работали те, от кого кто-то отказывался, и не давал их в обиду, даже если те обманывали ожидания. Не дать в обиду — это сам характер, столь необходимый в современности: почетно защищать знающего и мыслящего, труднее — теряющего свое и без того небогатое имение. Даже когда он хотел от кого-то освободиться в силу полной моральной невозможности сражаться, он лишь объяснялся с этим человеком, но не занимался кляузами и не обращался за поддержкой к начальству. Он трусил самой возможности разрешать проблемы силовым способом. В силу понимания знания как свободы он был абсолютно чужд гордыни, но спокойно и строго менял свое отношение к старым мыслям и идеям. К нему вполне «применимы слова С.С. Аверинцева: «На своих предшественников я смотрю снизу вверх и поэтому вынужден быть резким, так как не могу быть снисходительным».

Его последняя статья «Подавление философии» касалась того, что делается попытка отлучить людей с помощью догматически-религиозного знания от этой самой независимой свободы. Он точно так же мог отказаться от каких-либо подписей, если они не соответствовали его взглядам, или, наоборот, будучи уже серьезно больным, тащиться «гулять» на Тверскую в сентябре 2013 г., протестуя против развала Академии наук.

АП окончил школу с серебряной медалью (с четверкой по литературе), но в ранних классах у него были и тройки, в том числе по естествознанию. После его смерти одна из студенток, писавших у нас курсовые работы, увидев его самодельно сшитый из куска картона и разрезанных тетрадных листков табель с тройками-четверками-пятерками, сказала: «Слава Богу, значит, есть еще надежда (имела в виду: стать чем-то значимым. — С.Н.), если и у АП были тройки!» Табель был сделан во время войны. Он вообще вызывает к себе трепетное отношение, как к редкостному документу, поскольку хранится не в большом музее, а дома, в старой серой папке.

Одновременно учился игре на баяне в училище им. М.М. Ипполитова-Иванова. У него был уникальный слух, и он хорошо, правда, редко, играл и на фортепьяно. Его слух опережал умение рук, в результате он забросил игру. Но пластинки соби-

рал, и их у нас было едва ли не столько же, сколько книг. Он покупал все новейшие средства для слушания музыки, в последнее время все больше и больше, потому что новое появлялось все чаще и чаще. Он выискивал в газетах какие-то невероятные объявления о продажах новых дисков. В результате все боковины книжных полок были ими забиты, так что к книгам можно было пролезть, предварительно убрав всю аппаратуру, т.е. процесс пользования литературой превращался в проблему. Впрочем, музыка составляла часть его работы: он многие свои вещи строил по музыкальному канону.

В школе они дружили втроем: его друзьями были Леонид Оксман, Игорь Зуев, имени третьего друга я не запомнила. Чаще всего они собирались у Оксмана, устраивая междусобойчики, когда родителей не было дома, ведя бесконечные беседы об искусстве (отец Леонида был художником) и литературе, а после школы втроем решили поступать на философский факультет МГУ. Поступил, однако, в 1953 г. он один. Другим пришлось выбирать иную стезю. Рассказывал об учителях — химике и военруке. Химик был хорошим химиком, пока у него не погибли жена и сын, после этого сидел на уроке молча или делал что-то не то, а военрук развлекал мальчишку рассказами о женском поле и пыхтел, как говорил Саня, вспоминая, видно, что-то интимное, сравнивая это интимное с паровозом, который нужно было толкать, что встречалось ревом и гоготом.

На мои расспросы, когда возникло его оппозиционное отношение к советской власти, он отвечал, что оно в это время и началось. Я не очень верила, но историй о переосмыслении времени он не рассказывал. Я думаю, что и не мог рассказать: это происходило подспудно. Он был еще школьником, когда умер Сталин. Пошел, как многие, на похороны. Дошел почти до конца спуска с Рождественского бульвара на Трубную, едва не попал под колеса здоровых грузовиков, и его кто-то втащил на стену (в то время разваленную, а потому низкую) бывшего Рождественского монастыря. Его друг тоже едва не попал под ноги разожженной толпы, его даже и свалили, и он вместе с другими где-то как-то сползлись, отодвинули крышку канализационного люка, вернулись домой по канализации, когда все уже были в отчаянии. Мне было в ту пору 11 лет, и мы с моими кузенами тоже пошли, но когда я потеряла галошу на той же Трубной, у поворота на Петровский бульвар (шли со стороны Садового кольца), мои братья и сестра сочли за лучшее все-таки вернуться. Здесь скрестилось много судеб.

16 С.С. Неретина

Философский факультет МГУ он окончил в 1958 г. Но еще в начале учебы его спросил учившийся на 4 курсе М.К. Мамардашвили: «Ты что, все время будешь тратить на лекции? Я, например, поставил себе задачу: выучить три языка. Сижу в Ленинке». Саша стал ходить в Ленинку, и его основная учеба проходила в курилке (смолил с 15 лет), где, как и он, курил, например, Я.Э. Голосовкер, почтительная память о котором и книжка с дарственной надписью сохранялась у него до конца жизни; занимался в логическом, затем методологическом кружке, который основали А.А. Зиновьев, Б.С. Грушин, М.К. Мамардашвили и Г.П. Щедровицкий, ходил три года на занятия на физический факультет, и после третьего курса, когда нужно было определяться профессионально, выбрал философию. Но физику знал основательно, разбираясь в сложнейших вопросах. Отзывы о философском факультете того времени у него были иронические. Однажды на экзамене по истории философии ему достался билет про досократиков. Рассказ был недолгим, но преподаватель (дама), слушавший его, повторял: «Ыще! Ыще!».

Встречи в Московском методологическом кружке произвели на него большое впечатление. «Я, — говорил он, — уже на первом и втором курсах познакомился не только с тем, что и тогда, и сегодня считаю перспективным, но и со стремлением сталинистов не допустить свежий воздух в нашу философию, законопатить ее в прежних убогих схемах»⁶. На мой вопрос, какие случались казусы в то время, что было важно, а что внушало отвращение, он ответил: «Казусов, наверное, было много, но я их плохо помню. Об одном из них мне напомнил Л.Н. Митрохин (он у меня был руководителем курсовой по логике) по прочтении книги воспоминаний А.Д. Косичева. М.К. Мамардашвили выступил в стенной газете с заметкой о парадоксах Зенона. Насколько я помню, он доказывал, что эти парадоксы не разрешимы и связаны с двумя подходами в математике — с подходом дискретной математики и с подходом математики непрерывных функций. На семинаре по диалектике я повторил мысли М.К. Мамардашвили (естественно, сославшись на него). Что после этого развернулось: меня таскали на комсомольскую группу, на комсомольское бюро

⁶ Моя позиция. Интервью с А.П. Огурцовым // Методология науки: исследовательские программы. М., 2007. С. 8–9.

и т.д. Дело выеденного яйца не стоило, но надо же показать свою бдительность»⁷.

Диплом писал по «Проблеме отчуждения в философии Гегеля» (название после ряда перипетий было переделано в «Проблему диалектики труда в философии Гегеля») у М.Ф. Овсянникова, который оценил работу на «отлично» (Гегель надолго стал центром внимания АП, он его переводил, писал предисловия-послесловия-комментарии к его трудам). При утверждении темы на Ученом совете факультета, однако, выступил недоброй памяти М.Т. Иовчук, назвавший тему почему-то «ревизионистской» и не достойной дипломного исследования. Все же диплом был написан, оппонентом назначен А.Н. Чанышев. Но Иовчук добился назначения дополнительных оппонентов. Ими оказались А.С. Богомолов и Т.И. Ойзерман. Диплом не понравился оппонентам, прежде всего – А.С. Богомолову, настаивавшему на тройке. Чанышев и Овсянников оценили на «отлично». Примирил всех В.Ф. Асмус, предложивший поставить четверку.

Богомолов был еще одной точкой нашей встречи с Сашей: Алексей Сергеевич был оппонентом на защите моей кандидатской диссертации о средневековом сознании и, напротив, очень поддержал ее. Наши с Сашей головы, когда речь случайно заходила о Богомолове, поворачивались в разные стороны длиной в двадцать лет – разница между его защитой диплома и моей защитой диссертации. За два десятка лет мировоззрение могло и поменяться.

«С 1964 г. по 1967 г. он работал научным консультантом в редакции журнала “Вопросы философии” (ВФ. – С.Н.), затем в Институте международного рабочего движения (ИМРД) АН СССР». Так он написал в своей Автобиографии (почему-то писал о себе в 3-м лице, сказалось многолетнее участие в разного рода сборниках, где представлялись чьи-то взгляды, скажем, Ленина, и не хотелось хоть как-то себя соотносить с этими взглядами, и многопудовая работа в разного рода энциклопедиях), В Автобиографии опущен период с 1958 г. по 1964 г., поскольку он не относил его к философской работе. Между тем это время было чрезвычайно, скажем так, занимательно.

АП после окончания МГУ поступил на работу, по-видимому, по совету отца (который к этому времени оставил директорство и стал, как я упоминала, доцентом Заочного по-

⁷ Там же. С. 9.

18 С.С. Неретина

литехнического института) в Московский технологический институт легкой промышленности (МТИЛП), где выполнял функции заведующего кабинетом философии и где в 1961 г. вступил в КПСС. Отзывы его об этом времени были неприязненно-ироничные, в основном предпочитал отмалчиваться, хотя и там он встретил людей, с которыми ему было интересно. Иногда он юмористически вспоминал, как предложил одному из начальников отдела этого Института сделать туфли на подошве, плотно охватывающей верх туфель. «Если бы в то время были соответствующие технологии, я был бы изобретателем слипонов», — смеялся он. Это станет его основной чертой: мгновенно включаться в научную работу всюду, где бы ни оказался.

Собственно эту мгновенность включения обеспечивало то, что мы именуем мыслью. Мы часто полагаем под мыслью ее содержание, а не порыв, который, будучи еще не осознанным, уже включает работу ума.

В первых философских работах АП «Проблема труда в философии Гегеля»⁸, «Критика буржуазных и ревизионистских фальсификаторов “Экономико-философских рукописей 1844 г.” Маркса»⁹ и «Критика искажений ранних работ Маркса»¹⁰, написанных во время работы в институте легкой промышленности, он еще работает в духе заданной марксистской парадигмы. Некоторое время эта фразеология будет присутствовать и в дальнейшем, поскольку иногда делать ему приходилось вещи, которые довольно быстро его возмутили, — и навсегда. Когда он уже работал (недолго) в Институте философии, до перехода в ВФ, в Отчете о работе за 1962 г. он писал: «За истекшие 10 месяцев неоднократно давал письменные отзывы по заданию руководства сектора (диалектического материализма. — С.Н.) на рукописи, статьи и др., принимал участие в обсуждениях книг, рукописей, диссертаций и пр. По заданию дирекции писал доклад для М. Митина...» (курсив мой. — С.Н.). Вот эта неправедная работа младшего научного сотрудника за академика без высшего образования, «управлявшего» всей философией страны, использование

⁸ См.: Научные труды Московского технологического института легкой промышленности. М., 1960. Вып. 15. Далее — МТИЛП.

⁹ Там же. Вып. 17.

¹⁰ Юбилейная сессия МТИЛП. М., 1960.

академиком труда младшего научного сотрудника как крепостного довела его до точки кипения: через несколько лет он станет одним из самых яростных критиков не только Марка Борисовича, но всей советской системы, тогда и следа не останется от прежней фразеологии.

О первых статьях он никогда не упоминал, хотя впоследствии всегда говорил, что за мысли, выраженные (не в этих, но) в подобных работах, ему не стыдно. Так, вместе с В. С. Тюхтиным он участвовал в книге под общей редакцией Б. М. Кедрова «Ленин об элементах диалектики: диалектика — теория познания» (М., 1965), Трудно судить о степени участия АП в этой работе (он все еще был на подхвате), но, как и в других вещах, он (очевидно, вместе с Тюхтиным) брал быка за рога, поняв, что у Ленина «сравнительно редко встречаются высказывания, где дается философский анализ этого элемента диалектики» (имеется в виду шестнадцатый элемент — переход количества в качество. — С.Н.), и принялся за его поиски. Зная, как тщательно и напористо АП что-то искал, лично у меня, читавшей эту работу много позже и скептически, и сомнения не возникло, что он нашел этот элемент, «подходя» «к анализу ленинского наследства» «с осторожностью, так как выделить всеобщие моменты <...> закона из его частного применения <...> — довольно сложная задача»¹¹. Выискивали посттрапично из двадцати одного тома Полного собрания сочинений: из тт. 1—4, 8, 11, 16, 26—30, 32, 34, 36, 41—45 — и сделали выводы, имеющие действительное отношение к диалектике и обращающие внимание на «переходы, превращения и взаимодействия вещей», на сбрасывание ими старой формы и обновления содержания, на раскрытие «внутреннего “механизма” функционирования <...> противоположностей, находящихся в единстве», но забыв при этом о вожде мирового пролетариата¹².

Впоследствии уже с иных позиций он будет заниматься этими самыми переходами, превращениями и взаимодействиями — онтологией процесса.

Работал он в «легонькой промышленности» до 1961 г., когда поступил в аспирантуру сразу двух институтов: Московского государственного экономического института (ко-

¹¹ Ленин об элементах диалектики / Под ред. Б. М. Кедрова. М., 1965. С. 297.

¹² Там же. С. 328.

20 С.С. Неретина

торый вскоре был переименован в Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова и в который пошел, судя по всему, опять же по рекомендации Павла Ивановича¹³⁾ и Института философии АН СССР. Но, поскольку уже начал учиться в первом, там и остался. В аспирантуре проучился год, перейдя на должность старшего редактора в издательство «Высшая школа». Работу над диссертацией не оставил: она должна была называться «Диалектика труда в работах Маркса». Через некоторое время, однако, он перешел в Институт философии, откуда был на месяц командирован в философскую редакцию издательства «Советская энциклопедия» на время болезни Э.В. Ильинкова, но фактически до конца дней он от издания энциклопедий, энциклопедических справочников и словарей сам себя не освобождал, считая это нужным делом — для пересмотров всех позиций, всего философского знания, — понимая это как выявление точек переключения мысли. Да и многие его работы были этому посвящены, см., например, такие названия «От нормативного разума к коммуникативной рациональности»¹⁴ или «От натурфилософии к теории науки»¹⁵, где «от... к» означают не эволюционный процесс, а именно точки переключения.

В 1964 г. он стал консультантом в «Вопросах философии», где подружился с В.Н. Садовским, И.В. Блаубергом, Р.В. Садовым. Вместе они готовили о(б)суждение Митина, который был тогда главным редактором ВФ. Он рассказывал, что однажды на первый этаж, где располагалась редакция, к нему подошел Ильинков и сообщил, что из сталинских лагерей вышла вдова Я.Э. Стэна — известного довоенного философа, который не только учил Сталина философии, но и открыто критиковал его. В свое время Стэн написал в «Большую Советскую энциклопедию» статью «Философия». Сохранились контрольные экземпляры этого тома с его собственноручной подписью под статьей. Но в свет вышел том с подписью Митина. Вся «авторская» работа Митина заключалась во

¹³ На одном из выпусков «Трудов института», где помешана статья АП, есть дарственная надпись одного из тамошних сотрудников: «Уважаемому Павлу Ивановичу на память от Румянцева Б.А. 15.04.65».

¹⁴ Огурцов А.П. Этос науки и риторика: от нормативного разума к коммуникативной рациональности // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. VII. Вып. 3 (27).

¹⁵ Огурцов А.П. От натурфилософии к теории науки. М., 1995.

вставке цитат из работ Сталина и в восторженных оценках вклада Сталина в марксистко-ленинскую философию. От вдовы Стэна узнали, что Л.С. Шаумян, сын революционера С.Г. Шаумяна, тогдашний главный редактор издательства «Советская Энциклопедия», сохранил сигнальный экземпляр с авторством Стэна, который он показал философам из ВФ.

В партгруппе журнала, в которую входил Митин, было заведено партийное дело о плагиате, создана комиссия, в которую входили Садовский, Е.Т. Фадеев и Огурцов. Они попытались определить, кто получил деньги за эту статью, но бухгалтерские документы того времени не сохранились. Садовский обнаружил в архиве Президиума АН СССР опись статей Митина, написанную и подписанную им в связи с избранием в члены-корреспонденты. В предисловии к книге «Боевые вопросы материалистической диалектики» Митин обвиняет Стэна в том, что он японский и германский шпион. Предисловие было подписано 14 сентября 1936 г., когда Стэн еще был под следствием, в день, когда родился АП, — есть же необычные внутренние связи! Словно донос тут же спровоцировал рождение своего бичевателя.

На комиссии решили созвать партийное собрание и вынести Митину — что? Хоть бы какое-то взыскание. Огурцов спросил Митина, какие у него были основания объявить Стэна шпионом. Ответа не получил. Митин, выступая на собрании, сыпал угрозами в адрес комиссии, кричал, что он — кандидат в члены ЦК КПСС и не позволит и пр., пр. Все были так поражены его угрозами, что в итоге партийное собрание проголосовало не за «какое-то взыскание», а за исключение из партии, хотя потом участникам собрания «выламывали руки», доказывая, что Митина почему-то исключать нельзя. Но из кандидатов ЦК КПСС его все же вывели. А через некоторое время его место в ВФ занял Иван Тимофеевич Фролов. Однако непотопляемый Митин стал возглавлять отдел по идеологической борьбе, не зная ни иностранных языков, ни философии. Все это АП рассказывал в интервью мне и Ю.М. Резнику¹⁶.

Но вот анекдот, не вошедший в анналы, но рассказанный мне. Во время обсуждения в журнале Марк Борисович вроде бы что-то писал. Вдруг он поднял глаза. «Так, — сказал он. — О

¹⁶ См.: Методология науки: исследовательские программы. К 70-летию со дня рождения Александра Павловича Огурцова / Отв.ред. С.С. Неретина.. М., 2007; Личность. Культура. Общество. 2010. Том XII. Вып. 1 (№№ 53–54).

ком речь?» «О Вас, Марк Борисович...» «Ну что ж, сделаем выводы, проанализируем...» Так ли — нет, но анекдот, важная часть жизни 60—80-х гг. XX в., вполне в духе жизни Митина.

Можно ли сказать, что такие поступки АП формировали его характер, его полную неспособность потворствовать фальши и пошлости, оставшуюся до конца жизни? Мне кажется, что он, зря не лезший на рожон, таким родился, и эти поступки лишь проявляли характер. Уже под конец его руководства нашим Центром методологии и этики науки он писал одному из сотрудников про одно непривлекательное событие, что оценивает его «не как малоприятное происшествие, а как позорное, лично у меня [у него. — С.Н.] не вызывающее ничего, кроме омерзения. Тем более, что это происходит в секторе, сотрудники которого должны заниматься проблемами этики науки...». Но это было позже, а тогда надвигался памятный всем 1968 год. К счастью, годом ранее, в 1967 г., АП защитил кандидатскую диссертацию, но не «Диалектику труда», а «Отчуждение, рефлексия и практика», которая представляла собой три соединенные большие энциклопедические статьи.

Включение АП в философскую жизнь совпало с хрущевской «оттепелью» — недолговременной и прохладной. Однако благодаря этой «оттепели» у нового поколения тогдашней советской интеллигенции сформировалось отвращение к казарменно-репрессивной официальной идеологии и пробудился интерес к гуманистическому марксизму, который нашел свое выражение в философской антропологии Маркса. Философское сообщество того времени проходило исcus Марксом. Отвергая маркистско-ленинскую идеологию, оно не отвергало марксизма. В.С. Библер долго считал себя марксистом. Расставание с ним было тягостным. М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкий, А.А. Зиновьев — все писали о Марксе, считая его выдающимся философом XIX в. При этом пользовались старой привычной фразеологией, используя термины «буржуазный» или «ревизионистский» при определении своего отношения к проблемам, всерьез поставленным Марксом.

Помимо «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» Маркса, громадное воздействие на АП оказalo чтение ранних работ Д. Лукача («История и классовое сознание»), к которому он, кстати, возвращается и в последней книге, «Бытия и времени» М. Хайдеггера. В нашей философии сложилось впечатление, что Хайдеггер стал болевой точкой только после переводов 1993 г., выполненных, в первую очередь, А.В. Ми-

хайловым и Бибихиным, а затем после публикации в 1997 г. перевода Бибихина «Бытия и времени». Но о Хайдеггерे (Гайдеггере) писал Н.А. Бердяев. О нем писали П.П. Гайденко, в 1963 г. опубликовавшая книгу «Экзистенциализм и проблема культуры», Т. Шварц «От Шопенгауэра к Хайдеггеру» (М., 1964), А.М. Руткевич «От Фрейда к Хайдеггеру» (М., 1985). На Хайдеггера в книге «Язык. Знак. Культура», которую я готовила к переводу на английский в издательстве «Прогресс» в 1975 г., ссыпался М.К. Петров. В 1964 г. на философском факультете МГУ состоялась научная конференция «Марксизм и экзистенциализм», где Гайденко сделала доклад «Проблема времени в философии М. Хайдеггера». Сам АП на той же конференции выступал с критикой экзистенциалистской концепции языка и на основе этого выступления написал статью «Экзистенциалистская философия языка. М. Хайдеггер» для сб. «Философия марксизма и экзистенциализм» (М., 1971). На одной из конференций в Обнинске после его доклада поднялся генетик Н.В. Тимофеев-Ресовский, который в 1964–1969 гг. заведовал отделом радиобиологии и генетики в Институте медицинской радиологии АМН СССР, расквартированном в Обнинске. Он рассказал о личных встречах с Хайдеггером, который подарил ему портсигар. Я же помню фотокопию перевода Михайловым статьи «Время картины мира», которую мне подарили в день рождения и которая затем, передаваемая из рук в руки, где-то затерялась — это было задолго до публикаций переводов. Уже после смерти АП дома нашла тюбингеское издание 1957 г. «Sein und Zeit».

Хайдеггер, таким образом, исследовался в России еще при жизни Хайдеггера, но, видно, не было почвы для его глобального исследования. Если бы не «холодная война», было бы любопытно узнать его отношение к работам о нем из страны, на которую он естественно обращал внимание. Потом АП не раз возвращался к теме Хайдеггера, а в то время радостно набросился на реферат Бибихина. Сейчас перечисленные работы о Хайдеггерне не читаются или отставлены в сторону, в архив, но в то время они как нельзя лучше обнаруживали от тепельные философские стратегии. В эти годы живо обсуждались новые для советской философии проблемы — отчуждения, сущности человека, гуманизма и фетишистского сознания, бюрократии. АП принимал в этих обсуждениях живейшее участие. Гуманистическая интерпретация марксизма, возникшая в СССР одновременно с «пражской весной», по-

служила одним из идеиных истоков демократического движения, проявившегося, в частности, в выступлениях за свободу слова, совести, в защиту политзаключенных. Эти годы были отмечены дружбой с философами Э.Г. Юдиным, Б.И. Шрагиным, М.К. Петровым, Э.В. Ильенковым, сотрудничеством с историком М.Я. Гефтером. Начатки демократического движения были раздавлены в годы застоя. Сектор методологии истории, которым руководил Гефтер, был ликвидирован в немалой степени потому, что сотрудники его пытались по-новому прочесть именно Маркса. С Петровым велись бесконечные споры по поводу знаковых интерпретаций теологии, трансфинитности, человекоизмерности. Все эти споры можно обнаружить в вышедших в 2000-е годы книгах, в обсуждениях и семинарах, записи которых опубликованы.

В разных интервью АП называл Ильенкова своим учителем. Это надо понимать не в том смысле, что он развивал его идеи, а в смысле выучки, школы в строгом смысле слова. На него произвел большое впечатление один из его визитов к Ильенкову. Он вошел в квартиру на тогдашней ул. Горького, на полу которой были разложены детали радиоприемника — в определенном порядке, намечая архитектуру и логистику будущей конструкции. И Ильенков сказал: «Тише, не наступи, чтобы случайно не смешать». Такая тщательность и разборчивость произвели на АП огромное впечатление.

Интерес к Марксу упал в Девяностые во время Перестройки, и на него перестали ссылаться. Лишь к середине нулевых годов XXI в. это неприятие было (правда, не у всех и не настоятельно) преодолено. Когда АП готовил учебник по истории культурологии, он дополнил его главой о понимании культуры Марксом, написанной В.М. Межуевым. Я никогда не была марксистом, я даже не упоминаю этот учебник среди своих работ, разве что однажды, по обязанности, хотя в учебник почти полностью вошла наша с АП книга «Время культуры» (была исключена глава об О.Э. Мандельштаме как не подходящая для целей учебника). Но он полагал, что без марксизма картина была бы неполной. И в этом сказалось лишь его желание справедливости. В последней нашей совместной книге «Онтология процесса» тоже есть параграф о Марксе, где оспаривается обычное понимание Марксом времени, как правило, сводящегося к социологическому измерению рабочего времени как времени труда и свободного времени как времени досуга и восстановления рабочей силы, к уяснению

их взаимоотношений. На деле все гораздо серьезнее — речь шла о роли времени не только в трудовой теории стоимости, отстаиваемой Марксом, но о его *социальной философии* времени, предполагающей, что приравнивание разных видов труда друг другу благодаря подчинению человека машине или через предельное разделение труда ведет к тому, что человеческая личность отодвигается на задний план. Качество труда перестает иметь значение, замещаясь количеством произведенных вещей, отделенных от личности человека. Вещи, человек в том числе, становятся растворенными в моменты процесса, а сам процесс превращает разные формы предметности в общий поток, выступающий как новая действительность в ее вещной, косной реальности.

Маркс выразил позицию,озвученную Кантовой, поскольку исходил из противопоставления мира свободы миру необходимости. У Маркса царство необходимости представлено товарно-денежными отношениями, наемным трудом и отчуждением человека, а царство свободы мыслится как господство свободной жизнедеятельности, основанное на процессуальности социальных систем, на качественном характере времени личности, на самоцели ее развития безотносительно к какому-либо масштабу времени. Оживившиеся в 1960-е годы дискуссии о Марковой теории абстрактного и конкретного труда, сопоставление теорий Маркса, А. Бергсона, Хайдеггера, Л. Альтюссера, на взгляд диспутантов, предвосхищали основные линии европейской философии XX в. На первый взгляд, речь шла о сравнительно-историческом методе исследования, хотя этот вывод скоропалителен. Ибо, если в концепциях XX в. речь шла о темпоральности субъекта (*Dasein* у Хайдеггера, жизни у Бергсона, социальных суперсистем у Альтюссера), то Маркс стремился преодолеть дуализм субъекта и объекта в такой точке отождествления мышления и бытия, которую он нашел в динамичной, изменчивой, процессуальной социальной системе производства. Речь идет не о сравнительно-историческом методе, а о трансдуктивном переключении позиций. И это АП подметил очень точно, как точно и считал, что дуализм между субъектом и объектом, свободой и необходимостью Маркс не столько преодолел, сколько наметил. Этот дуализм проявился, к примеру, в альтернативности законов стоимости и законов цены производства. Но первые мыслились как динамические законы, а вторые как законы-тенденции. Маркс о том не писал, но важно

26 С.С. Неретина

заметить, что законы-тенденции обладают вероятностным характером. И это для АП, который в последнее время как раз и занимался вероятностными характеристиками мышления, было существенным наблюдением. Марксистская концепция утопична именно в смысле этой непреодоленности.

Марксизм АП осваивал серьезно, впрочем, как всё, что делал. Когда через несколько лет он был уволен с работы по личному распоряжению директора Института международного рабочего движения Т.Т. Тимофеева («три Т») и был взят на работу в Институт истории естествознания и техники (ИИЕТ) АН СССР, он долго был «рабом» Б.М. Кедрова, вместе с ним создавая «Марксистскую концепцию истории естествознания» сначала XIX-го, а потом XX в.

Точнее, все считали, что он был «рабом», чему он не слишком сопротивлялся, поскольку Бонифатия Михайловича любил.

На деле было другое. Я выше говорила об особенности его жизни: он с радостью влезал в любую работу и решал поставленные задачи, видя в них возможность приложения мысли, а, поскольку честолюбивым не был никогда, то делал это с присущей ему остротой взгляда, любовью к предмету и философской любознательностью. Он и много лет спустя будет с головой влезать в неожиданно возникающие проблемы.

Однако — и я это утверждаю — АП всерьез никогда не был марксистом, как бы это ни могло показаться на основании его первых работ. Он реконструировал историко-философский процесс с авторской позиции, ставя все, и Маркса в том числе, в зависимость от решаемой проблемы, например, выясняя, что такое марксизм. Любой материал был интересен своими «привязками к философии» (обоснование Гамильтоном алгебраической теории на Кантовом анализе времени!)¹⁷. Не принадлежа ни к какой школе, он являл собой пример истинного диалогизма, его всеядность находила пищу в общении, в попытках понимания, даже взаимопонимания другого. Он щедро рассказывал и о своих выдающихся предшественниках, с которыми доводилось работать, и современниках, считая, что Россия вопреки многим кликушам дала в XX в. много философов мирового уровня: В.И. Вернадского, А.А. Мейера, А.Ф. Лосева, Я.Э. Голосовкера, В.С. Библера, Э.В. Ильинкова, В.В. Бибихина, С.С. Аверинцева, А.В. Михайлова, М.К. Петрова.

¹⁷ См.: Еще раз о философии и о многом другом. С. 418

Он был слишком рационален и остранен от любого текста, чтобы быть чьим-то последователем. Было понимание, вовлеченность в мысль, а не чувствование и тем более не подчинение общей воле. Потому использовать наработанные формулы для выражения мысли, требовавшей этих формул, было для него обычной научной работой. В упомянутой главе для книги «Ленин и элементы диалектики» они вместе с соавтором употребляли затащенные штампы, но остраненный стиль выдавал скорее желание понять, чем и как мыслил тот, о ком Б.Л. Пастернак говорил, что «он управлял течением мысли и только потому — страной», и эта остраненность больше, чем что-либо, показала невозможность управления страной на основании такой мысли.

Я не приукрашиваю позицию АП и не стремлюсь сделать ее более фрондерской, чем на деле, тем более что он никогда не был фрондером. Но те, кто слышал его выступления, доклады, видел его реакцию на сообщения коллег, знают о провокативности его мысли, о ее строгости, дотошности, въедливости, истовости. Впоследствии он писал об этой своей способности быть в метапозиции к любой проблеме. «Я никогда не принадлежал и не принадлежу к тем “розовым сциентистам”, для которых наука — это “всё и вся” культуры, а философия науки — средоточие всей философии. И тогда, когда я занимался проблемой отчуждения у Гегеля и Маркса (а это было только в 1960-е гг. — С.Н.), и когда писал статью «Феноменология» в «Философскую энциклопедию», и, когда, работая в Институте истории естествознания и техники, стал заниматься философией и методологией науки, для меня всегда было ясно, что философия охватывает гораздо более широкий круг проблем, в том числе экзистенциальных, не сводимых к логической и философско-методологической аналитике». Более того, он пишет, что только сейчас стал распространен подход к философии как к рефлексии об основаниях культуры, который называют то универсалиями, то ценностями, который они с В.А. Лекторским, В.С. Швыревым, Э.Г. Юдиным *уже заявили и прописали* в статье «Философия» в «Философской энциклопедии». В 2005 г. АП, считая, что эта статья в целом сохраняет свою ценность, все же пересматривает ее в том смысле, что философия там «мыслится предметно, по образу и подобию дисциплинарного знания, которое обладает своей предметной областью и категориально-методологической системой, направленной

28 С.С. Неретина

на постижение *differentia specifica* объекта исследования»¹⁸. В это время мы писали ответ на такие представления о философии — книгу «Пути к универсалиям», где философия представлена как стремление, настигающее и формирующее вещь, как некое «вдруг» мысли.

С этим же остраненным взглядом АП можно столкнуться и когда он размышляет о том, что философия как способ рационализации пока еще не подвластных науке проблем, т.е. не стоя в ряду научных дисциплин, с одной стороны, универсализирует частные методы и исследовательские программы, а с другой — способна и «”закрыть” программы, создавать видимость их решения, поскольку она экстраполирует и методы науки, и ее предметную область, и исторически-конкретные способы научного отношения человека к миру на всю науку, на весь мир, на все типы отношения человека к миру». Марксизм как раз и закрывал такого рода проблемы, и с этим категорически не согласен АП как философ *par excellence*. Он писал: «В этом смысле той критики метафизики, которая была характерна для марксистской философии, выдвинувшей на первый план исследование саморазвивающихся процессов в противовес анализу естественных тел в классической метафизике, и той деконструкции прежней метафизики, которую развернул М. Хайдеггер. Один из изъянов марксистской философии заключается, по-моему, в том, что, универсализируя понятия и методы эволюционизма, она сама превратилась в “мировую схематику”, в своего рода метафизику и, трактуя диалектику как учение о развитии и единстве противоположностей, она создавала видимость решения проблем, “закрыв” саму возможность выявления новых онтологических схем естественных и гуманитарных наук, например, выявления различных типов систем, их организованности и самоорганизации». Это — достаточный ответ на собственное начало философской работы, и это обнаруживает причину и условие, по которым мы начали работу над онтологией процесса. Но это же обнажает и «изъян фундаментальной онтологии Хайдеггера», который состоит «в другом — в неприятии научного знания и любой эпистемологии»¹⁹.

К слову сказать, после 1980-х гг. имя Маркса АП в своих

¹⁸ Интервью с профессором А.П. Огурцовым // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. VII. Вып. 3 (27). С.324–325.

¹⁹ Там же. С. 329.

работах почти не употреблял. Переосмысление и отношения к марксизму, и к трудам Маркса в России происходило параллельно тому же процессу во Франции, но там анализ и критика развивались в нормальных условиях. У нас же все время было чувство сокрушаемости и невозможности высказываться открыто: до 1990-х годов меч цензуры и висел, и падал. Когда, наконец, цензура была отменена и во время горбачевской перестройки при объявлении свободомыслия все стало открытым, то философы с голода набросились на франко-немецко-американскую литературу, *не предав забвению* собственную, но некоторое время *не представляя* своей. Не потому, что слабы, а потому, что новая действительность, во-первых, требовала серьезного осмыслиения, а во-вторых — торопились издать, переиздать, перевести, успеть. Боялись: проснешься завтра — а на улице красные флаги и плакаты типа «Новое поколение советских людей будет жить при коммунизме». К тому же когда мы говорим, скажем, об античной философии, мы плохо ощущаем течение времени: нам кажется, что все происходило в одно предельно сжатое время, позволившее создать философию. Откровенные цинико-критики не признают наличия философии в России. Возникла, однако, нелепость: быстро забыв философию культуры, например, В.С. Библера или М.К. Петрова, были в то же время приняты Мамардашвили и Бибихин, первая книга которого вышла в 1993 г. Постулирование: нашей философии нет — столкнулось с утверждением, что она есть. Объяснения: есть, но мало. А сколько надо? Говорят это выпускники философских факультетов, зачем-то пошедшие на эти факультеты и преподающие на них, явно полагающие неизменную предметность философии.

АП, перечислив философов мирового уровня в России второй половины XX в., одновременно заметил, что при этом «Россия всегда (и в царский, и в советский периоды) отличалась не-приятием “любомудрия”... репрессивная идеология и практика сделали свое дело» — философы или уходили в сопредельные гуманитарные сферы, или составили «слой “свободно парящей интеллигенции”, о котором писал еще К. Мангейм»²⁰.

Между тем, с 1960-х гг. круг чтения, соответственно круг размышлений существенно расширился. Возник ИНИОН,

²⁰ Там же. С. 337.

Институт научной информации по общественным наукам АН СССР, который поставлял и книги, а главное — рефераты книг, не доходящих до читателя. Бибихин писал в сокрушении сердца, что в то время, как его ровесники на Западе серьезно анализировали возникший мир, он занимался их реферированием. Я скажу несколько иначе: мы радовались, что наши современники на Западе осмыслили мир, готовы были присоединиться к совместному осмыслению, не страшась своего опоздания. Поскольку мы, люди, опаздываем всегда, то, кто сейчас впереди, кто сзади, большого значения не имеет. Гораздо большее значение имеет неспешное распутывание клубков мысли. И это гораздо важнее скандалов вокруг того, много или мало философии в нас.

Можно обнаружить сдвиги в хронике жизни АП: почти на три года (с 1968 г. по 1971 г.) исчезло его имя из философской литературы, но не из общественного мнения — последствие подписантства. Современным молодым людям не слишком ясен острый смысл этого явления: мы сейчас столько всего подписываем! Ходим на демонстрации протеста, стоим возле зданий суда, почти открыто спорим, несмотря на угрожающие предостережения. Представить себе, что такое выйти на площадь с протестом, в то время было почти невозможно. Забастовка рабочих электровозостроительного завода в Новочеркасске (1962) против повышения розничных цен, сопровождавшаяся снижением зарплаты, закончилась расстрелом и в прессе не обсуждалась. Народ внутренне гудел, но внешне безмолвствовал. В 1968 г. после того, как был раздавлен нашими танками «социализм с человеческим лицом» в Чехословакии, у части интеллигенции возникла, однако, потребность выразить свой протест против такого наглого вмешательства в дела иностранного государства. Несколько (семеро!) человек вышли на Красную площадь. Их арестовали, судили, кого-то отправили в ГУЛАГ, кого-то сослали. Я помню, как собирали вещи для Ларисы Богораз. Но и до 1968 г. в СССР действовали подпольные кружки (об этом рассказывает Г.М. Померанц в своих книгах), «гудели» академические институты, на собрания приходили вышедшие из ГУЛАГа люди. Институт истории АН СССР был разделен надвое, потому что парторганизация не давала санкций на изгнание из партии А.М. Некрича, всего-то написавшего небольшую книгу на основании *изданных* материалов «1941. 22 июня»! Были

инсценированы писательские дела: сначала Иосифа Бродского, затем А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля.

Символом того времени стал Александр Ильич Гинзбург. Так, правда, его никто не называл — просто Алик. Алик решил, что он не будет подпольщиком, пропагандируя открытое и свободное общение. Он стал издавать журнал «Синтаксис», участниками которого были Иосиф Бродский, Булат Окуджава, Белла Ахмадулина, Евгений Рейн, Генрих Сапгир и др. А после процесса над Даниэлем и Синявским издал «Белую книгу по делу А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля», где рассказывалось об этом процессе. Создателей «Белой книги», а ими, помимо Алика, были Юрий Тимофеевич Галансков, Алексей Александрович Добровольский и Вера Иосифовна Лашкова, арестовали, дело слушалось 8–12 января 1968 г. в Московском городском суде. Подсудимым вменялись в вину публикация книги за границей, а, кроме того, «преступная связь» с эмигрантской организацией «Народно-трудовой союз», организация, с которой Институт философии успешно проводил конференцию по синергетике спустя чуть более 20 лет.

Кампания в защиту Гинзбурга и К^o способствовала консолидации протестной активности в стране и установлению двойственности правозащитного движения: активного (например, публикация открытых писем в чью-то защиту с передачей «на Запад») и пассивную, нацеленную на повышение профессонализма, что совсем не мало. Стала издаваться «Хроника текущих событий» — самиздатский информационный бюллетень. Именно тогда ряд философов также подписал письмо в защиту Гинзбурга и К^o. В числе «подписантов» были Г.П. Щедровицкий, Б.И. Шрагин, И.А. Алексеев, Ю.А. Да выдов и др. В их числе — АП., который был исключен, как и многие, из КПСС и уволен с работы личным приказом директора²¹. В то время он был известен в самых разных кругах. Есть свидетельство Неи Марковны Зоркой, киноведа, о том, как его исключали. Она пишет о том времени, когда они еще не были знакомы (познакомились позже). «Рассказывали про некоего Сашу Огурцова из какого-то академического

²¹ В интервью Резнику АП сказал, что исключены были все члены КПСС. Это, однако, не так. Некоторые после исключения в первичной партийной организации затем получили выговор и оставлены в партии.

института, который, будто бы, когда его начали на парткоме допрашивать, вдруг послал всех матом и кинул им билет! Вот это да! Так бы и мне!»²².

Диссиденты и люди, активно сочувствующие им (жены и мужья диссидентов, друзья и подруги), жили в то время сплошенно. Девизом были слова из песни Б.Ш. Окуджавы «Возьмемся за руки друзья».

После исключения из партии, влекущего увольнение с работы, АП печатался редко, да и работал кое-где и кое-как.

Мы с Сашей познакомились в момент, когда его исключили из КПСС. Я работала в секторе методологии истории М.Я. Гефтера. В 1968 г. нас разогнали. Я об этом написала две статьи, потому повторять здесь историю сектора нет смысла²³. Важно только сказать, что организованный в 1964 г. сектор методологии истории показал, что методология не одна. Академик-историк И.И. Минц, один из главных сталинских идеологов, написал Гефтеру, когда тот выступал в Президиуме Академии наук, доказывая необходимость организации сектора методологии истории, записочку, в которой напоминал, что методология уже есть, марксистская, и она одна. Организация сектора методологии истории означала, однако, ее конец задолго до ее официального конца. Сектор просуществовал четыре года, но эти годы изменили дискурс, ракурс, аспект, саму историю.

Гефтер с друзьями долго воевали с дирекцией Института всеобщей истории АН СССР за право существования сектора, писали записки в президиум АН СССР от имени сочувствовавшего академика А.М. Румянцева, которые я таскала помощнику Румянцева Б.С. Работу, одному (наряду с Румянцевым) из инициаторов и создателей Института конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР, человеку, сыгравшему, кстати говоря, большую роль в разрядке международной напряженности. В наше время подстегивания международной напряженности это читать странно, но разрядка была частью «оттепели». Помогал Гефтеру в этой ра-

²² Зоркая Н.М. Как я стала киноведом. Биографическая проза. М., 2011. С. 180 (Перепеч. из: Зоркая Н.М. Мой незабываемый 1968-й //Кинематограф оттепели. Документы и свидетельства / Сост., comment. В.И. Фомина. М., 1998). Неля Марковна перечислила многих «подписантов», рассказала о них очень интересно и очень лично. Благодарю за помощь в поисках этого материала Н.А. Зоркую.

²³ См.: Неретина С.С. Точки на зренії. СПб., 2006.

боте АП. И однажды Михаил Яковлевич нас представил друг другу, хотя это было не в его привычках: он всегда старался беседовать один на один. Саша стоял на балконе, спиной прислонившись к перилам, и смотрел в комнату на нас с Леной (Еленой Михайловной) Михиной, собиравшихся что-то печатать, собирать, отвозить. Улыбающийся очень худой человек с длинными черными волосами и казавшимися черными глазами. С этого момента мы стали дружить: ходить в кино и вести по вечерам бесконечные телефонные разговоры о философии, социологии, политике, о наших кошках-собаках и вообще о том-о сем.

Эхо сектора Гефтера прозвучало много позже. Когда в 90-е годы организовывался наш Центр, АП придумал для него название: Центр методологии и этики науки. Я спросила: почему такое название (меня кривило от слова «методология», для меня с эпохи марксизма-ленинизма это было слово с рогами). Он сверкнул глазами: к такому названию никто не придерется. И я вспомнила, что меня кривило и тогда, когда Гефтер пригласил меня работать в сектор методологии истории: что это такое? Я должна идти туда, откуда (от марксизма-ленинизма) всеми способами пыталась уйти. Потом я подумала, что это псевдоним разноглазия знания, теоретических путей знания, вариативности взглядов *на* и *в* познание. Гефтер сумел меня примирить с этим тугим словом. Но вспомнила я об этом тогда, когда в Центре стала появляться серия сборников: «Методология: от феноменологии к онтологии», «Методология и антропология», «Методология науки: исследовательские программы», «Методология науки и дискурс-анализ». АП издалека слал привет Михаилу Яковлевичу. Название нашего Центра оказалось заставкой для возможности выполнения не только конкретно-дисциплинарных задач, который решает каждый институтский отсек, а всех философских проблем. И мы жили с этим названием около двух десятков лет. Потому неверно считать АП методологом науки, как неверно считать и теоретиком науки. Он был философом второй половины XX в. — начала XXI в., привычно работавшего под разными псевдонимами, в том числе методолога. Весь XX век был псевдоименен. Жаль, что это оказалось не понятым.

Года не прошло после его смерти, пары башмаков не изношено — Центр с таким названием упразднен. Я бы его оставила хотя бы как мемориальный центр.

Этот хитрый просверк глазом — характеристика жизни АП — его философская характеристика. Если этого просверка не учесть — не учесть и необыкновенно гражданственной его позиции в каждом жесте, философском ли, политическом или повседневном. Ирония помогала ему в его бросках: он мог вонзить этот свой взгляд в любую проблему, в любой спор, отсекая пошлость и высокомерие.

Но вернемся в конец Шестидесятых.

Некоторое время после увольнения он мыкался без работы, а затем, в 1969 г., попал в Советскую социологическую ассоциацию. Его друзья (И.В. Блауберг) и его тогдашняя жена (Н.Ф. Наумова) предложили внештатно поработать над Социологическим словарем, что он и сделал, написав 1200 страниц. Затем его взял к себе И.С. Кон. Словарь не вышел, он до сих пор бродит по нашему дому с полки на полку. Может быть, когда-то удастся его опубликовать — для *истории* появления социологии в нашей стране это важный документ. А в 1971 г. его взял к себе Б.М. Кедров, с которым они вместе выпустили две монографии. Хотя с какого-то тома в издательстве «Наука» сняли его фамилию. Друзья-редакторы (например, А.И. Могилев, который в издательстве «Наука» заведовал философской редакцией) предупреждали АП о том, что фамилию снимают, он что-то пытался сделать, но в принципе он не был борцом за свое марксистское имя в отличие от философского.

Кедров выступил гарантом научной квалифицированности АП, но он еще долго — и по прежней увлеченности, и по новым обязанностям — занимался Марксом. Обращение к философской антропологии Маркса привело, естественно, к более углубленному изучению немецкой классической философии, прежде всего — философии Гегеля. Я уже писала, что первые — еще студенческие — работы АП были посвящены проблеме труда в философии Гегеля, анализу его натурфилософии, его диалектике, категориям “мера”, “практика”, “отчуждение”. Эта философия была, однако, далека от антропологии, чужда проблематике человека, а проблема отчуждения отождествлялась с объективацией духа в различных формообразованиях — нравственности, праве, искусстве, религии, науке, философии. Так в поле зрения АП оказались проблемы философии науки, понимаемой как часть философии объективного духа, или философии культуры. Философия науки тем самым рассматривалась как рефлексия о категориальной

структуре научного знания и формах его развития, о методологических процедурах и принципах науки, ее основаниях, идеалах и нормах. В составе философии науки помимо методологии науки вычленяются гносеология, аксиология и онтология научного знания.

Поворот к философии науки у АП был связан еще с одним обстоятельством. Философская антропология по своему замыслу и принципиальной установке противопоставлялась объективно-научному знанию, прежде всего — социологическому изучению общественной жизни. Необходимо было разобраться в том, каково же отношение философской антропологии и социологии. Это привело к обсуждению таких проблем, как место ценностных установок и суждений в объективном знании, идеалы и нормы научной деятельности, механизмы трансляции знания в различных культурах, роль различных систем образования в трансляции знания. Гносеологический анализ познавательных методов и структур, исторических форм системности знания восполняется изучением форм сознательной институциализации знания. Поэтому поворот в 70–80-е годы от гносеологии к социальному-философскому исследованию знания повлек за собой сдвиг интересов АП к проблемам социологии знания и социологии науки, дисциплинарной организации научного знания, форм коммуникации ученых на переднем крае науки (типы дискуссий в классической науке, научные школы, “невидимые коллегии” и др.). Расширение гносеологических установок позволило рассмотреть классическую философию и логику не только как рефлексию о структуре и способах изложения дисциплинарного знания, но и как своеобразную форму социальной институциализации науки (так называемая “университетская”, или академическая наука), прежде всего идеалов научности.

АП исполнилось 50 лет, и он был уже очевидным авторитетом и среди коллег, и среди определенного (диссидентского и околодиссидентского) интеллигентского круга. Его пятидесятилетие отмечалось среди этого круга друзей широко, более того, на самом празднике ожидалось разрешение спора: он должен был что-то сделать, а если нет — побриться. С незапамятных времен он ходил, как пелось в одной песне, «в бороде» («Сегодня парень в бороде, // А завтра где? В НКВД.// Свобода, б... // Свобода, б... свободы»). Вот эту бороду, чтобы не быть в НКВДе, пришлось сбрить. Я помню, как издалека увидела его, спешившего в ИИЕТ (он всегда спешил, хотя

никогда не опаздывал и вообще не было необходимости спешить), и не узнала: из-под берета не торчало бороды. Вадим (Вадим Львович) Рабинович (1935–2013), химик и алхимик, поэт и философ, написал стихотворение с посвящением «Александру Павловичу Огурцову в решающие моменты его бытия, осмысленные в день его пятидесятилетия (опыт перевода с внутренней речи на внешнюю)». Вот этот перевод.

*Охвачен сплином или смогом,
Но сердцем вечно молодой,
Он говорит: «Клянуся Богом...» –
После одной.*

*Затем, пригубив рюмку твиши
И закусив ее икрой,
Он говорит: «Ты меня слышишь?» –
После второй.*

*За третьей рюмкою, не скрою,
Изыскан, словно стиль ампир,
Он скажет с прямотой мужескою
Насчет тыр-пир и восемь дыр.*

*И вот, когда уж всё забыто,
Под утро, серое в свинец,
Процедит, словно шито-крыто:
«Марье Ивановне... конец!»*

*Итак: от Бога и до Марьи,
Пробравшись через восемь дыр,
Скликает он, вовсю гусаря,
Своих товарищай на пир.*

*На пир ума... Строка проспекты
Илюшке бедному²⁴, развив
Б.М.²⁵ глобальные проекты,
А после этого отлив*

*В томы тяжелые... Ей-богу,
Почти один среди жулья,*

²⁴ Илья Семенович Тимофеев (1923–2014) заведовал сектором в ИИЕТ, где работали П.П. Гайденко, В.М. Рабинович, А.В. Ахутин, В.П. Визгин и др.

²⁵ Бонифатий Михайлович Кедров (1903–1985) – директор ИИЕТ, затем заведующий сектором, куда взял на работу А.П. Огурцова.

*Дурья и прочего шмулья²⁶ —
Как солнца луч навстречу смогу.*

*О, Саня милый! Ты нас слышишь?
Той Марье вовсе не конец!
Немало ты еще напишишь
Как умница и молодец.*

*Концепций Марксовых в развитие,
Да вздрогнет весь ученый мир
И только вымолвит «тыр-пыр»
В ответ на все твои открытия...*

*Мы любим Саню Огурцова,
Как водка любит помидор.
Но... не пора ли выпить снова,
Что так не просто с неких пор».*

Вадим подтвердил все, что я сказала раньше и длиннее, т.е. хуже. Друзей действительно было много. После иных празднеств, когда многие оставались ночевать, я едва могла пробиться к входным дверям.

До 1988 гг. АП работал старшим научным сотрудником ИИЕТА АН СССР, куда они с Б.Г. Юдиным в 1986 г. перетащили и меня из журнала «Природа». Я почти два года была ответственным секретарем «Вопросов истории естествознания и техники». Эти годы, когда мы практически втроем (Саша, Борис и я) весело и споро делали журнал, были одними из самых счастливых в жизни, и я всегда буду благодарна им за доставленную радость — общения, понимания, открывшегося простора. А с 1988 г. он до конца жизни работал в Институте философии РАН.

И все же до 1976 г. работы АП появлялись крайне редко. Пятитомная «Философская энциклопедия» в голубой обложке в то время была (особенно начиная с т.3) важнейшим философским прорывом: стали публиковаться статьи о философах «серебряного века», но и вообще о хороших современных или забытых философах и поднимались новые темы. АП стал публиковаться и в ней, и в других энциклопедиях, надол-

²⁶ Шмуль Рувимычем Вадим называл Семена Романовича Микулинского (1919–1991), который с 1974 г. по 1987 г. был директором ИИЕТА, сменив на этом посту Б.М. Кедрова. АП и Рабинович, с одной стороны, и Микулинский, с другой, люто ненавидели друг друга.

го определивших его краткий, сухой сдержаннй стиль. Там он приобрел новых друзей, таких, как, например, Ю.Н. Попов, с которым не прерывал общения всю свою жизнь и о котором отзывался с безмерным почтением. Поскольку я была редактором первой статьи АП в ж. «Природа», я хорошо помню, как недобро памяти А.С. Федоров, зам. директора ИИЕиТа и куратор нашего философского отдела, пытался или снять его статью из номера, или напечатать ее под псевдонимом, или загнать куда-то в угол. Фотографии в первой напечатанной статье не дали, хотя большие статьи в «Природе» всегда сопровождались авторскими фото. Диссидентский шлейф за ним тянулся долго, хотя сам он активным участником возникшего тогда диссидентства не был (или надо разбираться, что входило в это понятие). Я помню, как пренебрежительно относилась к нему редактор книги А. Тойнби «Постижение истории», вышедшей в переводе его друга Е.Д. Жаркова и составителем которой был АП, помню свое удивление его, скажем так, кротостью, с какой он сносил ее, мягко говоря, хамство, — ему важно было, чтобы книга вышла.

В ходе перестройки вообще многое было забыто или перекошено. Для Саши ударом был весьма странный поступок Г.Д. Гачева, считавшегося его другом. В «Независимой газете» в 1990-е гг. появилась статья NN (который, кстати, как-то приносил свою статью и в Вопросы истории естествознания и техники, и я ее редактировала), в которой он «разоблачал» гонителей Гачева. Он привел в пример редакторскую правку «науковеда» Огурцова, которая как бы превращала блестящий текст Георгия Дмитриевича в серую писанину. Я хорошо помню эту историю. Гачев, который был и моим хорошим знакомым (я была редактором в журнале «Природа», где он хотел опубликовать главу из «Национальных образов культуры», и, уже забракованную все тем же уже помянутым Федоровым, послала ее на рецензию Д.С. Лихачеву с просьбой или не откликаться, или дать положительный отзыв. Получила положительный. Статья все равно не пошла, но рецензию у меня попросил Георгий Дмитриевич, и я ему отдала). А с АП они работали в соседних секторах в ИИЕТе, и, когда обсуждалась книга и была вначале забракована, Гачев, не раз просивший Сашу выступить своим защитником перед Ученым советом или защитником близких ему людей²⁷,

²⁷ Вот записка Гачева Сане, хранящаяся теперь в моем домашнем архи-

сделал это и на этот раз. АП, как обычно, обдумывал стратегию защиты. И придумал: отредактировать ее не образным, а научообразным языком, которым овладел, работая в энциклопедиях (я считаю своей заслугой, что отучила его от этого языка), но правку внести карандашом — ее легко стереть после одобрения книги Ученым советом. Так оно и случилось, с одним «но»: книга была одобрена и вышла в авторском варианте, но экземпляр с карандашной правкой остался, и Гачев любезно передал его пасквилянту. Его жена, Светлана Григорьевна Семенова, и дочь, Анастасия Георгиевна Гачева, были возмущены этой статьей, и свое возмущение высказали нам на одном из происходивших в то время симпозиумов по философии науки. Анастасия Георгиевна даже хотела написать опровержение — видимо, не удалось. Но она всегда и всюду выражала Сане почтительное уважение. От Георгия же Дмитриевича мы не услышали сожалений. И он почему-то очень удивился, когда я, встретившись с ним в Институте философии РАН, где издавалась одна из его книг, весьма холодно с ним поздоровалась. Саша это переживал остро, но молча. Это был дружеский удар поддых. И я никогда не стала бы об этом даже упоминать, если бы было выражено хоть малейшее сожаление с его стороны.

АП сам назвал свой стиль «аналитико-дискурсивным, т.е. ориентированным на целостное постижение рассуждения, которое вместе с тем не может быть постигнуто вне аналитичности. Причем аналитический стиль» он не противопоставлял дискурсивному, «так как любая аналитичность предполагает дискурс или восприятие и постижение целостной структуры или текста, или беседы, а также обмен мнениями между собеседниками, каждый из которых выступает в защиту своей позиции, и беседа, тем не менее, образует целостную речевую структуру». Так, он полагал, что «Венский кружок логического эмпиризма ограничивался высказываниями, изолированными и от контекста беседы, и от самой беседы. Г.Г. Шпет ограничил философию языка анализом слова: для него слово — основное понятие, оно есть концентрация смысла. Венский кружок представил структуру научного рассуждения

ве: «Саня! Будь добр и ласков — этот Светланин (его жены Светланы Григорьевны Семеновой, специалиста по истории русской религиозной философии, 1941–2015. – С.Н.) опус к следующему вторнику (10 ноября) великолушно отрецензировать — страничку-полторы — в 2-х экз. и — перепечатать. Обнимай. Твой Ж. Гачев. 3.11.[19]87».

в виде атомов-пропозиций. Для них фраза, или пропозиция, концентрация смысла, возникала на основе нейтрально-го протокольного языка. Изначально научное рассуждение представлено в некоем целостном дискурсе, который, конечно, можно препарировать в совокупность атомарных выска-зываний»²⁸.

АП полагал, что осмысление любой речи требует аналитичности, но всегда нужно иметь в виду ее целостность, потому что тогда ухватывается смысл. Этот период его жизни – Восьмидесятые – Девяностые – был богат друзьями. К старым (оставшимся от Шестидесятых – Семидесятых) прибавились новые – Ю.А. Шрейдер, С.В. Мейен, В.В. Калиниченко. Он был накоротке с А.В. Ахутиным, П.П. Гайденко, Н.С. Юлиной. Но самым близким нашей семье был Юра, Юрий Александрович Фридман (1932–2007), режиссер, который был скорее не другом даже, а братом, который всегда защищал его от моих насоков, с которым мы обсуждали наши за-мыслы, бегали по театрам и выставкам, болели, лечились и по которому тосковали, когда он ставил спектакли где-то в глухи. Все они были весьма талантливые люди, с которыми легко было жить, пить, петь, писать стихи, работать, сжигая себя. Когда Сане исполнилось шестьдесят, Б.Г. Юдин сказал: «Честно говоря, я думал, что Санька до шестидесяти не до-живет: так горел».

Конец 1980-х гг. (начиная с 1985-го, с приходом на должность Генерального секретаря КПСС М.С. Горбачева) уже предвещал перемены. Я помню, как, когда я уже работала в ВИИЕТ, меня остановила П.П. Гайденко и спросила, когда же Саня подаст заявление на восстановление в партии. Я что-то неопределенно хмыкнула, а про себя подумала, зачем это ему надо. Потом передала этот вопрос Саше, он улыбнулся и сказал: «Зачем мне это надо?». Меня вообще интересовал тогда вопрос с партией. Сама я в ней не только не была, но и всегда отмахивалась от этого: мне трудно было представить себе, что я кому-то должна рассказывать свою автобиографию, посвящать незнакомых и чужих людей в факты моей жизни. Не письмо же потомкам... Мне это казалось чудовищным. Я спрашивала у АП, зачем он-то вступил, и по-

²⁸ Еще раз о философии и о многом другом (интервью Ю.М. Резника с профессором А.П. Огурцовыми, 2 июня 2009 г.) // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. XII. Вып. 1 (№№ 53–54). С. 417.

лучила два разных ответа: 1) семью надо кормить (в 1961 г., в год вступления в КПСС, он был женат, и у него был сын), 2) обсуждая этот вопрос со Шрагиным, они решили, что надо расшатывать ее изнутри. Думаю, правда, что в 1961 г. были и иллюзии обновления, связанные с хрущевской «оттепелью». С этой иллюзией были связаны и «ленинские» темы. Считалось, что Сталин — злодей, предавший заветы Ленина. Мой тогдашний муж, без ума влюбленный в русскую литературу, просил меня, в то время откомандированную в Отдел рукописей Ленинградской Публички для занятий палеографией с исторического факультета МГУ, посмотреть, нет ли там письма Ленина, якобы отменявшего расстрел Н.С. Гумилева. Наивность была колossalная: кто бы стал в Публичку, пусть и в Отдел рукописей, отдавать столь жуткие письма! Нужно было еще десятилетие, нет, нужен был 1968-ой, чтобы иллюзии развеялись в дым.

Перестройку мы пережили уже вдвоем. Он очень внимательно относился ко всем событиям, ходил на все демонстрации, словно боялся, что без него что-то не свершится. В августе 1991 г. мы ходили к Белому дому, и он подставил плечо под какую-то балку, которую несли на строящуюся баррикаду. Я тогда смеялась: «Ты как Ленин на субботнике». Из наших в то время ближайших знакомых не все были твердо уверены в том, что путч кончится плохо. Регина Семеновна Карпинская, к которой мы в какой-то момент завалились попить кофе (она жила в высотке на набережной им. Тараса Шевченко), боялась, что все кончится плохо. Моя итальянская подруга Анна Педетти в это время передавала какой-то итальянской газете происходящее перед Белым домом. Саша молчал. Но когда передали, что путчисты отбыли к Горбачеву в Форос, строго и внятно произнес: «К хозяину полетели!» Он был уверен, что Горбачев, пусть молча, но дал возможность путчистам переустановить часы.

Это было время, когда многие интеллигенты вошли в Верховный совет. С.С. Аверинцев, Вяч. Вс. Иванов... Саша, насколько я знаю, был единственным или одним из немногих, кто отказался выдвигаться в депутаты. Когда в Институте Давид Израилевич Дубровский предложил его кандидатуру, он вышел на сцену и, после того как возразил «Я не член партии» и получил ответ: «Примем!», обескураженно произнес: «Я всю жизнь хотел заниматься своим делом, чтобы мне не мешали. Сейчас как раз такое время. Зачем мне?..»

Так же он ринулся было на помошь Б.Н. Ельцину и в 1993 г. (после возврания Е.А. Гайдара). Но тут я своих мужчин, ни сына, ни мужа, никуда не пустила. «Домой!» — кричала я сыну в трубку, когда он позвонил и сказал, что едет со съемок какого-то кино по Минскому шоссе и что готов... «Домой, пожалуйста: у них (у Гайдара, Ельцина) были все возможности справиться. Нельзя так рисковать людьми!». Наутро мы с Наташой, моей невесткой, правда, поскакали к Моссовету, не взяв ни Илью, ни Сашу, поить кофе из термосов ребят, жегших костерочки на мостовой, что производило впечатление некоего революционно-романтического флёра, и услышали гулкий удар. По парламенту. По Белому дому.

Впрочем, сказать про Сашу, что он был не смел, не только нельзя, а даже неловко об этом думать. Его отчаянная порядочность срывала его с места и бросала туда, куда требовали обстоятельства. Однажды мы поздно ночью, чуть ли не последним поездом метро ехали на вокзал, на ночной поезд в Коктебель. Народу было мало. Я дремала. Вдруг почувствовала, что место возле меня опустело. Оказалось: встал Саша. Два вора, два здоровых, высоких мужика снимали золотую цепочку с шеи спящей девушки. Они делали это умело и даже как-то нежно: та не проснулась или, испугавшись, сделала вид, что не проснулась. Из всех сидящих в вагоне только небольшой, очень худой Саша встал на выручку. Поезд остановился, двери открылись, воры выскользнули, и я считаю, что это позволило Сане остаться в живых. Но у него ни на секунду даже мысли не возникло, что можно было этих бандитов как бы не заметить.

Мы жили тогда плохо — я впервые взяла деньги в долг. Стояла в очереди в магазин на Никольской улице, где когда-то продавали химические препараты, за фланелевой мужской рубашкой.

В 1988 г., когда мы уже работали в Институте философии, вышла, наконец, его первая монография «Дисциплинарная структура науки», сданная в печать в ИИЕТ'е, на основании которой в 1991 г. АП защитил докторскую диссертацию с тем же названием. Эта монография обозначила границу, точку поворота в его жизни.

Распад советской идеологии позволил поставить ряд новых проблем социальной истории науки: подавление философии в СССР, возникновение науковедения в СССР в 20-е гг. XX в., возврат к анализу отечественных историко-научных

разработок, преданных забвению из-за господства тоталитарной идеологии, в частности В.И. Вернадского, К.Э. Циолковского, В.Н. Муравьева и др. Основной круг интересов, сосредоточенный на социальной истории естествознания, дополняется еще одним — историей философии науки. Иногда говорят: это человек эпохи Возрождения. Про АП можно сказать — человек эпохи Просвещения, синонимом которой является «Энциклопедия» Вольтера, Д. Дидро и Ж.Л. Д'Аламбера. Его собственные энциклопедические знания тому были бы подтверждением, если бы он не был человеком, философом, ученым нашей современности: внимание к столь разнообразным вопросам и проблемам обеспечивалось единым концептуальным каркасом. Его энциклопедизм происходил не из постоянного накопления знаний, которые затем обобщаются и результируются. Наоборот: его мысль, постоянно стоявшая в точке начинания, внимательная к тому, что стоики называли «ведущим», потому и умеющая разворачиваться в разные стороны, требовала энциклопедизма. Постоянный настрой на новое толкал его на участие в самых разных проектах, на создание собственных проектов. Так, например, работая в РГНФ, он организовал серию публикаций философов, не забытых, но находившихся в тайниках нашей памяти: Г.С. Батищева, М.К. Мамардашвили, М.К. Петрова и др. Он принял активное участие в издании «Новой философской энциклопедии», где был автором (и соавтором) ряда статей. Организаторы и редакторы этой энциклопедии (В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин и он) получили Государственную премию. Особенностью ее было то, что в ней давались альтернативные точки зрения на один и тот же предмет; статьи, посвященные одному и тому же вопросу, подписывались разными авторами, которые не дополняли друг друга новым материалом, а выдвигали *свои собственные* позиции по заданному вопросу.

Осмысление особенностей античной философии науки, начатое в книге «Дисциплинарная структура науки» (1988), продолжено в исследовании «философии науки эпохи Просвещения», в анализе особенностей отечественной философии науки, начиная с XVII в. Понятие «образ науки», выдвинutое еще в 1972 г. в статье, опубликованной в сборнике «Философия и наука», используется при исследовании разных образов науки в России в XX в. (от функционально-организационного до экологического). Акцент на философии

Просвещения имел дальний прицел: философия, которая саму мудрость понимала как свободу мысли и которая, таким образом, себя рассматривала как «путь постижения свободы», соответствовала теме, которая давно была его чаянием: раскрытие природы тоталитаризма. Тоталитарная власть в сопряжении с наукой нашла свое раскрытие в сборнике, составителем которого был А.П. Огурцов²⁹, и в статьях «Наука: власть и коммуникация» (ВФ. 1990. № 11), «Идея научной революции в социально-политическом контексте» (сб. «Революции и традиции в науке». М., 1990 и др.). Но дело и не только в теме. Или: вообще не в теме. АП ненавидел советскую темень, окружавшую нас очень долгое время. Он был совершенно пристрастен к малейшим малостям этой темени, тем более к ее размахистой, нахрапистой внутренней пошлости и погани, готовности к уничтожению не то что нового, но — всего, готовности не к научению, а к тотальной борьбе с непонятым. Тот безусловный прогресс в науке, которым прославился СССР, покоился на кромешной беспробудности власти, желающей только сохранить эту власть. Необходимость такого сохранения, т.е. вооружения, и позволило совершить научную возгонку. Этим объясняется неустанное возвращение АП к теме террора, ГУЛАГа, философского поражения. В своей последней прижизненно опубликованной статье «Поражение философии», которая является его своеобразным завещанием, он писал: «Когда в [19] 60-е годы я входил в философию, я отдавал себе отчет о крайне неудовлетворительном состоянии философских исследований, и как-то, собравшись в редакции “Философской энциклопедии”, мы (я и Эрик Григорьевич Юдин) сформулировали перед собой ту задачу, которую поставили перед собой, — сделать всё для того, чтобы не опустить планку философских разработок и по мере сил способствовать подъему этой планки (пусть небольшому, но всё же заметному)³⁰. Я полагаю, что он эту задачу решил, потому что неустанно трудился, разворачивая свои, каждый раз новые, интенции. Его книги и статьи цитируются, недавнюю ссылку я видела в «Независимой газете» по поводу академического персонала, который пытаются ликвидировать ликвидаторы Академии

²⁹ Наука и тоталитарная власть и наука / Отв. ред. А.П. Огурцов. М., 1993.

³⁰ Огурцов А.П. Поражение философии // Vox. Философский журнал. 2013. № 15 (vox-journal.org/).

наук. Он стал несомненным авторитетом в философии. То, что был членом редакционного совета Новой философской энциклопедии, членом редколлегий многих журналов («Вопросы философии», «Человек», «Вестник РГНФ», «Идеи и идеалы»), Новой российской энциклопедии, членом редколлегий многих серий книг — свидетельство, однако, не только его авторитетности, но и его необыкновенной активности. В 1989—1990 гг. АП руководил межинститутским семинаром по социальной истории отечественной науки и был руководителем проекта «Социальная история отечественной науки (электронная библиотека и архив, 2000: <http://russcience.euro.ru>). Перевел ряд работ Э. Гуссерля.

В 1990 г. АП впервые выехал за рубеж: вместе с Б.Г. Юдиным и П.А. Тищенко они полетели в Америку. Лететь было не в чем, мы пообтерхались. Я в день его вылета прискакала из Италии, мы на ходу где-то встретились, и я передала ему джинсы, в которых он потом долго жил. В Нью-Йорке они встретились с Б.И. Шрагиным, с которым не чаяли увидеться. Связь с ним прервалась по вине Саши: он патологически не мог писать письма. Только в последние годы, часто находясь в больнице, в отделении реанимации, начал писать мне длинные записки. Борис переживал молчание, спрашивал Лину Туманову, куда запропастился Саня. К 1990 г. Шрагин был уже тяжко болен, встрече был рад. Расстались с надеждой, но оказалось — в последний раз. Вскоре он умер. Потом мы вместе были в Италии, Греции, Германии, Франции, Израиле. В Италии встречались с Витторио Страда, который, спутав Сашу с другим Огурцовыми, Игорем Вячеславовичем, написавшим программу военно-политической организации «Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа» и долгие годы отбывавшим лагерный срок, долго выспрашивал его о жизни в ГУЛАГе, но потом, когда улыбающийся Саша вскрыл обман, разговор потек о литературе, философии, истории, войдя в знакомое русло. Мы расстались друзьями. Семья Страда жила на острове. Они с женой проводили нас на пароходике до Венеции. Это случилось в день рождения Саши. Было несколько часов до поезда в Москву, и мы решили отпраздновать. Но у нас почти не было денег. Мы, расположившись на скамье у моста Риальто, подсчитали мелочь и решили, что нам вряд ли удастся откупорить шампанского бутылку. Решить купить хотя бы бутылку минеральной. Пошли вдоль витрин и испытали шок: минеральная стоила дороже бутылки красного вина, которую мы купили и распили, закусывая остатками печенья.

В Девяностые была интенсивная научная жизнь. Ездили на конференции в Минск, Пермь, Ростов-на-Дону, где когда-то жил М.К. Петров. Саша много способствовал изданию его книг, участвовал в Петровских чтениях. Знаменательной была конференция в Анапе после развала СССР. В Анапе стали обсуждать проблемы перевода. Очень волновались украинцы: боялись как бы хайдеггеров «дом бытия» не зазвучал как «хата бытия».

Последние пятнадцать лет жизни АП прошли *sub specie morbi*. В 1999 г. Саше сделали три операции на сердце. Недоброжелатели считали, что после длительного наркоза он вряд ли сохранит остроту ума. И я подвигла его на то, чтобы вместе писать книгу, которая получила название «Время культуры». Так началась наша совместная работа. На деле она смогла начаться потому, что *у нас был ежедневный семинар. Наши книги – производное этого ежедневного семинара*. Мы написали, помимо «Времени культуры» и «Истории культурологии», еще четыре книги: «Пути к универсалиям», «Реабилитация вещи», «Концепты политической культуры» и «Онтология процесса», не говоря о многочисленных статьях, которые я, возможно, опубликую отдельной книгой.

В последнее десятилетие его жизни мы вместе организовали онлайновый журнал «Vox. Философский журнал», издастельство «Голос», для которого он лично подготовил сборник «Платон-математик» (2011), который довольно быстро разошелся, лично готовил и почти закончил редактирование книги Поппера «Мир Парменида» (издание заторможено смертью В.М. Садовского, который был правопреемником Поппера), участвовал как автор в коллективной монографии «Философские акции» (2011), который наш Центр специально готовил, отвечая на вопрос «что такое философия?» Мы также вместе подготовили книгу «Подвластная наука? Наука и советская власть» (2010). Это было дополненное издание старого сборника «Наука и тоталитарная власть» (1993). Разошлось две трети тиража. Это была издательская неудача, хотя мы считали эту книгу очень актуальной: она готовилась в годы, когда страна переходила на рельсы, называемые чаще всего авторитарной властью, но которую я определяю как принципат.

Мы жили втроем. Со всеми поочередно прошедшими через нашу жизнь собаками: умнейшей дворнягой Митричем, ирландским сеттером рыжим Шоном, с прибившимся к нам пуделем Шмендриком, с англичанками-сеттерами Корой и Ло-

рой. Я была хозяйкой Лоры, а она — хозяйкой Саши. Мы жили вместе, но и каждый самостоятельной жизнью. Эта жизнь ему нравилась. За день до смерти я спросила его: «Хочешь домой?» Он моргнул. Я говорила ему, что он не должен уходить, многое не закончено, в том числе не дописано заключение к нашей книге «Онтология процесса». Потом оказалось, что оно написано, я в нем не изменила ни строчки. Но подумала: в тот момент, когда я произносила казавшиеся ему уже нелепыми слова, он, вероятно, уже знал свою последнюю, всю жизнь преследуемую мысль. Жаль, что она осталась за порогом.

Я добилась его признания, и я лично ему благодарна — за согласие с идеей речевого тропизма, концепта и философского концептуализма, уже и им развивающегося и отстаиваемого, за открытие средневековой идеи интенции.

Он очень тяжело и долго болел и тяжело умер. Обладавший сильным голосом, он этого голоса был лишен: горло было забито дыхательной трубкой. Его сразил второй инсульт, разом обостривший три «недостаточности»: сердечную, легочную и почечную. «Потому что дряхлое время вечности остановилось, наконец». Последние слова из «Осени патриарха» Маркеса стали и его последними словами в записной книжке: Маркес умер 17 апреля 2014, через три дня после того, как Саша попал в больницу, из которой он уже не вернулся домой.

Последние дни его жизни я готова была повторять вслед за Маркесом: «Я не верю в Бога, но я его боюсь». Думала даже, что все-таки чего-то от него жду. Однако, оказалось, ждать нечего, надо только бояться. И еще, того же Маркеса: «Не плачь, ибо это закончилось, улыбнись, потому что это было».

Как считал АП, «каждый мыслитель, анализирующий современное ему общество, не может не задумываться о его будущем. Но аналитическое прогнозирование этого будущего не может вытекать лишь из альтернативности будущего общества современному. В историческом процессе необходимо увидеть те тренды, которые ведут к этому будущему обществу, которое складывается из наличных, актуально присутствующих изменений и трансформаций»³¹. Это одна из последних его редакторских правок текста.

Вообще крайне любопытно просматривать библиограф-

³¹ Неретина Светлана, Огурцов Александр. Онтология процесса. Процесс и время. М., 2014. С. 350.

фию его работ, чтобы стало ясно, как сдвигались позиции (от марксизма до философского концептуализма), как прорабатывались аналитические аспекты, менялись и тщательно прорабатывались темы — от самых конкретных («Концепция науки Б. Больцано») до самых широких («Концепции науки. XX век: В 3-х т.»). При этом очевиден самый важный сдвиг: от обобщающих итогов к общению, к изменению стиля: от некоего объективного построения к философскому «я», ответственному за поступок речи. Школа, строгое философствование, жесткая философская позиция начинания проблемы и жажда ее обсуждения. В статье Л. Блауштайна об Э. Гуссерле, помещенной в Антологии «Львовско-Варшавской школы» — последней книге, которую он очень хотел издать (и сейчас она издана), — приводятся слова великого феноменолога: «”Философия — это героизм” <...> Философия является моральным вызовом человечеству»³². Этими словами можно с полным правом отметить жизненный путь АП. Он был философ в полном изначальном смысле слова — стремления и любви к мудрости, к истине, к знанию, открывающимся иску любого вопрошания о любой вещи. Для него «философия — это определенный, предельный тип отношений человека и мира <...> это тематизация предельных смыслов отношения человека к миру, обществу, культуре, к самому себе и к другому»³³. Начало начинается с любого разлома, с любой точки, где оно грезится, где нечто показало себя непонятным, более сильным, чем все предыдущее знание, и требуемый вопрос нуждается в том, чтобы был ответ, каким бы он ни был, иначе начало повиснет в воздухе. Ответ (и ответственность) здесь не менее важен, чем вопрос. Героизм в том, чтобы услышать нечто, ждающее ответа. Иначе не возникла бы ни потребность в вопросе, ни жажда ответа. Я думаю, что его заинтересованность в работе над дискурсом, если под дискурсом понимать речь (или событие, выраженное речью), застигнутую в момент преображения или потери значений, была из такого начала.

С этим же связан и его жгучий интерес к истории философии. Здесь дело не в ставшей, к сожалению, расхожей фразе,

³² Блауштайн Л. Эдмунд Гуссерль и его феноменология // Львовско-Варшавская школа. Антология. М., 2015. С. 601.

³³ Интервью с профессором А.А. Огурцовым // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. VII. Вып. 3 (27).. С.325.

что история философии есть сама философия. Он различал два этих понятия, полагая, что история исполняла роль осведомителя о срывах, сломах и перекапываниях. Что история — не эволюционный процесс (с этой ролью справляется банальная традиция), а революционный. Она трансформаторна, по определению: след не может не быть очерченным. Многие из нас боятся слова «революция», помня о кровавых социальных катаклизмах, с ним связанных. Когда на Украине случился Майдан, я произнесла: «Революция», а он, сверкнув глазами: «Кровь!» Но мы знаем английскую революцию, французскую и русскую, забыв про американскую, которая в учебниках истории не описывается как революция — как освободительное (от англичан) движение. Но в результате освобождения сменилась не просто власть, а форма правления, и при этом не было ни рубки голов, ни гильотины. Кстати, и у нас в 1991 г. не было.

Я, разумеется, сейчас утрирую позицию АП, но смысл ее передаю верно. История — не сплошная линия. Это линия ломаная. Точки слома — точки начинания новой истории-философии. Сама же эта линия проходит не через однородное, а через слоистое время, в котором старые идеи не умирают среди нового знания, а — напротив — вступают с ним в парадоксально-цепкую связь, не во всем желая уступать дорогу. В нашей совместной книге «Онтология процесса» ему принадлежит идея, что процесс понимается как стохастическая серия событий, обладающих уникальностью, необратимостью и сложностью. Именно этот сдвиг современного мышления от гомогенной и линейной темпоральности к нелинейной и эмерджентной темпоральности является предметом исследований. Эта стохастичность пронизывает всю книгу, наподобие стохастической музыки.

И все же главная линия его философской жизни — *мощнейший антитиранический запал и мысли, и действия*. Он легко мог повторить Мандельштама:

*Я свободе как закону
Обручен и потому
Эту легкую корону
Никогда я не сниму.*

Свобода, в конце концов, в какой-то мере свойственна всем. Огурцов понимал ее как владение таким знанием (не информацией), такой способностью им оперировать, что, влезая в любой спор, разговор, участвуя в круглых столах практиче-

ски на любую тему, на семинарах и конференция, он вольно оперировал заданными и вдруг возникшими понятиями, не претендую на роль их создателя. Иногда, не зная как отнестись к Огурцову, который, очевидно, значителен, но не системен, у меня спрашивают: ну, вот что, какое понятие он создал? Ну, во-первых создал, например, «образ науки», «обращенная вероятность», «диспозициональный концептуализм», «познавательные модели», во-вторых, он все известные понятия взъерошил, побуждая их пересматривать, например, понятия Канта – *Begriff, Notion* и *Konzept*, в-третьих, рассуждая о чем-то новом, задавал, как правило, оставляемые в стороне вопросы: для кого? в чем? по сравнению с чем? Вот этот его заряд взбадривал (или должен был бы взбодрить) философию больше, чем введение новых терминов.

Последней конференцией в России была конференция, посвященная связи религии и культуры, в Перми, где некий профессор, проповедовавший необходимость православного образования, сказал мне в ответ на мой вопрос, что делать неправославным преподавателям: то, что делают с несогласными, – уберем. Компенсацией был вид на Каму, когда-то полноводнейшую, а теперь обмелевшую, и музей деревянной скульптуры и современного искусства. Последняя зарубежная поездка состоялась за полгода до смерти – в Бордо, мы участвовали в коллоквиуме, посвященном 175-летию со дня рождения В.И. Вернадского, где его после его доклада окружили французские студенты, вытащили в фойе и устроили свой симпозиум. Он был счастлив. Это вообще была счастливая поездка, хотя он был очень слаб: мы час шли сотню метров от нашего отеля до памятника главному интенданту Франции. Но увидели Гаронну, свободную, не зажатую гранитом реку, никогда отделявшую галлов от аквитанцев: об этом писал Цезарь.

В этой книге мы не пытались анализировать только и исключительно труды АП, хотя есть и такие работы. Мы не собирались только вспоминать какие-то значимые эпизоды его жизни, личные встречи и отношения, хотя есть и воспоминания. Интересовали проблемы, которые обсуждались вместе с АП, на которые он сам обращал внимание. Яснее вырисовывались точки схода мыслей. Например, не раз возникал концепт переднего края науки, а статья А.В. Рубцова «После постмодерна: реабилитация философии» – прямой ответ на его «Поражение философии». При этом чаще всего в обсуждение втягивалась вся философия.

Откликнувшись – низкий поклон.

I

С.С. Неретина

Путь к себе

Новый мир. Странности отчуждения

Я назвала эту часть статьи «Новый мир» потому, что это время символизировалось журналом «Новый мир», главным редактором которого в 1960-е гг. был А.Т. Твардовский. Время и идеи этого времени были окрашены «Новым миром» (прозой А.И. Солженицина, Василя Быкова, Ю.В. Трифонова, В.Н. Семина, стихами Давида Самойлова, Б.А. Слуцкого, Ю.Д. Левитанского, блистательными очерками В.В. Овечкина, Е.Я. Дороша и др.), когда многие стали приходить в сознание, осмысливать правду о себе, о войне, ГУЛАГе, сталинщине. Возникало чувство не только расширения рамок истории, но и её провала.

Сейчас, однако, читая работы даже хороших нынешних философов, иногда с удивлением можно заметить, что история в них сплющивается, лица, события, споры, понятия и категории мелькают без связи друг с другом. Возникает впечатление, что пишется все это с оглядкой на сиюминутный запрос и желание по-быстрому разделаться с предшественниками. Клио, однако, — муга, т.е. «мыслящая», оставляющая вещественные следы. Не у истории есть какой-то крот, она сама и есть крот. Русское слово «крот» этимологически связано с движением, шевелением и рытьем (мы говорим: я нарыл источники, или вообще: я что-

то нарыл, т.е. разыскал). В забвение уходит большая часть того, что известило нас о своем существовании и скрылось. Филологи-античники знают, что иногда две следующие друг за другом фразы кажутся не стыкующимися друг с другом, однако, не исключено, что ушла в забвение связка, хранящаяся в самом слове. У меня иногда возникает желание составить реестр таких несостыковок. Августин связывает забвение с погребением, что означает возможность потери начал-истоков. Так что делать с первоисточниками, если мы утрачиваем значения слов? Иногда кажется, что те, кто повторяет философские «зады», действительно хранят историческую память. К тому же что считать первоисточниками? Только ли Парменида, Гераклита, Платона, Аристотеля? Те, кто был еще вчера, уже тоже — источник. Повторение способствует пониманию и вниманию, *repetitio* — востребованность разборки в том, что осталось за бортом исследования. И в результате вытаскивают оттуда пусть нечто почти незаметное, но прежде незамеченное. Диалог идет всегда, даже когда по разным причинам не ставишь целью достичь истоков. Это случается в силу и силой исследования. Их вызывает сама мыслимость (мыслительная способность). «Забвение», *oblivium* хранит связь с тем, что зачеркнуто, замазано, что еще надо постараться заново ввести в память, или на ум, чтобы понять, почему нечто замазано. Надо ли его приводить на ум или оставить погребенным, чтобы оно не повторилось. Русское слово «забвение» говорит о чем-то, что не просто замазано, а находится за пределами бытия. Память и ум — то, чем мы обладаем, а забвение? Августин, пытавшийся понять забвение, сумел продумать, что это такое, что о забвении может идти речь только в паре с памятью и умом (иначе все, начинаясь, тут же и кончается), что между забвением и умом-памятью есть переключение, инициированное умом, и это позволяет понять, почему нынешнему уму мало обливаться слезами над вымыслом — ему подавай самоё старое (начало!) для жизни здесь и сейчас³⁴. Философская работа Александра Павловича Огурцова (АП) и ее анализ — одна из таких попыток.

Эта работа четко распадается на три этапа: 1) критический (1963–1976), когда шел пересмотр Марковых позиций и уход с этих позиций; 2) философско-научный (1976–1998), 3) философско-концептуалистский с выдвижением принципа вероятностного пути знания (1999–2014). Все три — осоз-

³⁴ См.: *Aurelius Augustinus. Confessiones. Liber X.*

нание кризисов философии и места рождения философии, связанного с крушением старого понятийного аппарата. Первый отмечен статьей «Отчуждение». Второй период связан с рациональной философией. Если «Отчуждение» закрывало первый период, то книги «Дисциплинарная структура науки» (1988), «Философия науки эпохи Просвещения» (1991), главной темой которой являлось осмысление французской революции, «От натурфилософии к теории науки» (1995) составляли второй, завершаемый коллективными монографиями «Философия природы: коэволюционная стратегия» (1995) и «Отечественная философия науки: предварительные итоги» (1997). Маленькая книга «Философия науки эпохи Просвещения» является своего рода фокусом, через который просматриваются и «Дисциплинарная структура науки» и – особенно – «От натурфилософии к теории науки», в которой отмечены циклы и варианты упадка и возникновения постреволюционного эволюционистского знания. Третий период связан с философией концептуализма и пробабилизма, с нашими совместными книгами – «Время культуры» (2000), «Пути к универсалиям» (2006), «Реабилитация вещи» (2010), «Концепты политической культуры» (2011) и «Онтология процесса» (2014), между которыми он сумел написать с В.В. Платоновым «Образы образования» (2004). В наших совместных книгах мы старались сохранить каждый свой стиль при общем обсуждении тем и выработке стратегии изложения. В них главным героем было не обобщение, а общение. Но, прежде всего, этот период связан с осмысливанием того, что АП считал философией (это свое видение он выразил в трехтомнике «Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы» и в многочисленных интервью), с прогнозами философии, с болью за философию. Этому, собственно, посвящена его последняя статья «Поражение философии». Впрочем, после нескольких операций на сердце, которые были в 1999 г., после операции на желудке в 2011, после тяжелейших глазных операций все книги, статьи, выступления были главными. Последними.

Статья «Отчуждение» в то время обсуждалась повсеместно. Уже после смерти АП, мне передали соболезнование, пришедшее из Института философии, политологии и религиеведения Республики Казахстан, где было написано, что «в 1967 г. он защитил кандидатскую диссертацию “Отчуждение,

рефлексия и практика”, многие идеи которой, особенно связанные с проблемой отчуждения, актуальны и поныне». Статья была опубликована в 1967 г., а память оставила по себе в 2014-м. Дата появления статьи важна — она опубликована за год до исключения из партии в 1968 г., в ней было выражено многое, чем АП жил. Написанное в этой статье современно, определяет нашу жизнь, наши тревоги, наше пристрастное отношение к нынешней позорной и неправедной жизни.

Каждый этап — новое начинание философии, отрабатывание старых и выдвижение новых принципов, на которых и по поводу которых происходила мысль. Но на каждом этапе им говорило его собственное время.

Попытаемся разобраться в каждом из этих этапов на примерах отдельных работ.

«Отчуждение» он писал как исследовательскую статью для пятитомной «Философской энциклопедии» 1960–1970 гг. Это — не справочный материал и не реферат. Он передавал ее затем в другие энциклопедии, сокращая или дополняя. Об отчуждении к тому моменту было написано крайне мало (кто-то где-то написал о нем: занимался-де модной в 1960-е годы темой — этот кто-то ошибался: модной, т.е. широко обсуждаемой эта тема стала именно после статьи АП). Об этом писали либо до 1926 г. (см. библиографию в «Философской энциклопедии», либо уже много позже: Ю.Н. Давыдов — в Предисловии к т. 4 Собрания сочинений Гегеля («“Феноменология духа” и ее место в истории философской мысли»); И.С. Нарский — в № 4 за 1963 г. в «Философских науках» («Об историко-философском развитии понятия “отчуждение”») и Т.И. Ойзерман, который в 1965 г. опубликовал монографию «Проблема отчуждения и буржуазная легенда о марксизме»).

Что сделано в энциклопедической статье? Прежде всего, это превосходный историко-философский анализ проблемы, что всегда подкупает. К 1967 г. новая французская философия к нам заглядывала в основном в виде книг о Марксе, да и сама она только нарождалась (у АП в домашней библиотеке парижское издание «Pour Marx» («За Маркса») Альтюссера, двухтомник «Lire le Capital» («Читать “Капитал”») Альтюссера, Э. Балибара (É. Balibar) и Р. Эстабле (R. Establet), у меня дома был «Lenin» Альтюссера). М. Фуко («Слова и вещи») в русском переводе появился лишь в 1975 г. Только что был издан М.М. Бахтин, где проблема другого и чу-

жого поставлена как проблема³⁵, при которой происходит как бы присвоение чужого слова в ситуации диалогической речи, т.е. речи, которая требует ответа, а значит понимания и участия. В научно-исследовательских институтах редко, но читались доклады о соотношении Я и другого, Я и чужого. Ставится Б. Брехт, писавший об остранении и заставивший вспомнить В.Б. Шкловского. Остранение – не отчуждение, но сопоставление ненароком случилось. Термин «остранение», использованный Брехтом, по-немецки звучал как «die Verfremdung». При обратном переводе на русский язык его смешали с марксистским *die Entfremdung* – «отчуждение». В подкорке сознания при мысли об «отчуждении» рядом стояло «остранение». Для АП это стало некоторой преградой. Он старался эту преграду преодолеть, пытаясь не смешивать двух разных вещей. Факт отчуждения он рассматривает как парадоксальный момент проявления «невыносимой силы» человека, по Марксу, который в такую же невыносимую силу превращает собственную деятельность, притом Человек из активного субъекта превращается «в объект общественно-го процесса». Это, кстати, очень важно для понимания действий современных СМИ.

АП ставит акцент на то, что отчуждение характеризует, прежде всего, «овеществление» общественных связей, и он показывает способ такого овеществления через показ точек расхождения, слома или преображения, которые не снимают предшествующие процессы отчуждения от права (древнеримское выпадение людей, лишенных собственности, из общества, христианское грехопадение), а включает их в себя на манер стохастических элементов, конкурирующих внутри одной системы и не прекращающих о себе докладывать.

Но это и привело к сравнению отчуждения с остранением, предполагающем, что вещь видится как бы в первый раз и заново, и вовсе не обязательно ее понимать в качестве *так сейчас явившейся*. Тем более что дело было связано с собственностью. Шкловский настаивает на этом, ссылаясь на рассказ Л.Н. Толстого «Холстомер». И хотя речь в его статье «Искусство как прием», где вводится этот термин, идет вроде бы о новом видении вещи, на деле – об опосредовании вещами отношений между людьми. Смысл такого опосредования – в том, чтобы называть *своими* вещи, которыми не владеют, что,

³⁵ Ее впервые поставил учитель Бахтина А.И. Введенский.

по меньшей мере, странно, но не менее и *чуждо* или *отчужденно*. Это проблема своего и собственности, нынешняя насущная проблема (ее остро в 90-е поставил Бибихин), но вяло, если вообще решаемая.

Именно в связи с этим ставится вопрос о разрушающем влиянии общественных антагонизмов «на личность человека». Термин «разрушающий» здесь оценочный термин, фиксирующий определенное состояние, при котором «личность» вообще не обязана рассматриваться как нечто особое и уникальное. *Тема тоже вполне современная*. И дело не только в акте передачи определенных «прав личности политическому организму» — этим со времен Т. Гоббса не удивишь. Можно оставаться личностью и без имущества, но вне политического пространства — вряд ли, ибо полития — поле проявления личностной свободы. АП фиксирует точку слома: факт, что разрушение случилось, но стоит ли это делать и дальше, не есть ли это путь в безнадежность свободного существования? Он фиксирует момент появления такой безнадежности: *в условиях нового времени, когда все грезило свободой, проявляется «ее безличный и авторитарный характер*.

Такие точки слома, по АП, обнаруживающиеся в любой эпохе, показывают не только то, что в любое время «люди, скрывая свои подлинные намерения, предстают друг перед другом в масках, общество превратилось в “собрание искусственных людей с деланными страстями”», но и как они это делают. Отчуждение — термин, заставляющий совершить подмену понятий, имен, определений. Это обусловило важность той идеи забвения, с которой мы начали статью, — подмена могла способствовать забвению изначальных смыслов вещей, отчего «забывшему» сознанию трудно обнаружить связь суждений. Этим же была обусловлена повальная псевдонимность XX в. (легче, наверное, перечислить тех, кто не пользовался псевдонимами, чем тех, кто с начала XX в. ими пользовался). Эта псевдонимность связана с тем, что когда-то называли «двойным сознанием», и с прямой ложью XXI в., когда произошло то, что АП назвал банализацией понятий, т.е. тоже забвением их изначальных значений и соответственно ведущих к умоизвращению. Сейчас это очевидно при анализе таких, например, терминов, как «фашизм», «национализм», «хунта». Но повторю: дело происходит в 1967 г., т.е. в старом мы можем обнаружить *возможности* нового.

И смысл здесь именно в методе исследования, каждый раз

новом, показывающим, как происходит перекапывание терминов, речевых оборотов, личных и социальных связанныстей. Поэтому Центр методологии и этики науки возник не случайно. АП, правда, никогда не переставал быть справщиком метода в смысле поиска нового пути — не методологом: метод непременно включал в себя заставку, которой не может не быть при условии постояннодействующего ученого незнания; методология же является собой дисциплинарную структуру.

Метод исследования АП предполагает, что приданье нового определения или понимания — дело напряженного ума философа: для одного современный человек живет «...всегда вне самого себя; он может жить лишь во мнении других, и одно только это мнение дает ему, так сказать, ощущение его бытия», для другого — отчуждение не онтологично, потому что процессуально³⁶, для третьего...

Но ведь и на процесс можно посмотреть как на онтологию. Этой идеи (*онтологии* процесса) у АП в то время не было, но она предчувствовалась самой стохастикой его мысли. Если в Философской энциклопедии 1967 г. он определяет отчуждение как философскую категорию, то в Философском энциклопедическом словаре 1983 г. он определяет его как «социальный процесс», присущий антагонистическому обществу. И процесс здесь неназванно онтологический. Основной для АП была идея целостности, но она всегда была важна, как важны история, культура и повседневность, даже если эта целостность дана как неоконченная, как фрагмент с открытым началом и открытым концом. Если не знать, что слова «вечно прикованный к отдельному малому обрывку целого, человек сам становится обрывком», принадлежат Ф. Шиллеру³⁷, которого цитирует АП, то их вполне можно прочитать как принадлежащие нашему времени.

Разумеется, нет смысла модернизировать любую позицию, но вникнуть в нее стоит, если философи предстоит прожить как философи еще почти полвека.

Что в этой статье осталось незамеченным? Сопоставление Хайдеггера и Н.А. Бердяева, о коих в то время почти *не знали*, а потом не заметили тех, кто знал. Между тем оба писали об отчуждении. Но если у Бердяева — АП пишет со ссылкой

³⁶ См.: там же. С. 30.

³⁷ Шиллер Ф. Статьи по эстетике. М.; Л., 1935. С. 213, 214.

на «Смысл творчества» — отчужденное бытие связывается с «кризисом гуманизма» и «возникновением машинной техники, разрушающей органическое отношение между человеком и природой», то Хайдеггер, для которого отчуждение — очевидно, не предметность, хотя он не произносит этого слова, рассматривает условия появления отчуждения. Отчуждение рассматривается как «способ бытия в *условиях* общественности, в *мире повседневных забот*»; обезличивание человека, превращение его в функциональную единицу общества он описывает как растворение человеческой «экзистенции» в *Man* — отчужденных общественных нормах поведения и образа мыслей. «Используя общественные средства сообщения, используя связь (газеты), каждый уподобляется другому... Мы наслаждаемся и развлекаемся так, как наслаждаются другие, мы читаем, смотрим и высказываем суждения о произведениях литературы и искусства так, как смотрят и высказывают суждения другие; но мы сторонимся также “толпы” так, как сторонятся другие; мы “возмущаемся” тем, чем возмущаются другие. Способ бытия повседневности предполагает *Man*, которое не является чем-то определенным и которым является все... («Sein und Zeit», Tüb., 1957, S. 126–27)». (Курсив в цитатах всюду мой. — С.Н.).

«*Man*» Хайдеггера, что Бибихин перевел как «люди», «люди» неизвестного рода, вообще все, Огурцов перевел как «другие», подразумевая под «другими» тоже «всех вообще». На мой взгляд, это даже точнее, потому что в бытии-с-другими действительно при использовании «публичной информационной системы»³⁸ «всякий другой» (Бибихин) или «каждый» (Огурцов) «подобен», или «уподобляется другому»³⁹. «Другие» в данном случае — те, кто поступает, как все, носители горизонтальной передачи чего бы то ни было от поколения к поколению.

Термин «отчуждение» и концепция отчуждения прижились долго. После его введения Гегелем, где «отчуждение»

³⁸ Так у Бибихина передано то, что у Огурцова звучит как «общественные средства сообщения» — в 1960-е годы еще не было понятия о СМИ, слово «коммуникация» чаще всего употреблялось в значении комплекса систем, обеспечивающих систему жизнедеятельности потребителей, например, инженерные коммуникации, подземные коммуникации и пр.

³⁹ См. и ср.: Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В.В. Бибихина. М., 1997. С. 126–127.

рассматривалось как становление духа чем-то отличным от самого себя в объективном мире, и развитой Л. Фейербахом теории отчуждения как проекции духа человека на воображаемое божество, даже Маркс при жизни этот термин употреблял редко, а, как пишет М. Мусто, «в марксизме II Интернационала (1889 [год рождения Хайдеггера. — С.Н.] — 1914) он отсутствовал полностью»⁴⁰. Это-то и интересно: термин стал широко употребляем в XX в., отвечая чаяниям XX в. Но если Д. Лукач, вновь введший этот термин в оборот, обращал внимание на овеществление производственных отношений, на экономические структуры общества, то Огурцов скорее на гуманистические эффекты, ведущие не столько к обезличиванию, сколько к «рождению “странныго” мира», намекая на идею «остранения» Шкловского, тем более, что Маркс давал для того основание. В этом суть его противопоставления Бердяева и Хайдеггера. Если Бердяев делал акцент на материализованное бытие, которое и есть отчужденное бытие, связанное, повторим, с «кризисом гуманизма» и «возникновением машинной техники», то Хайдеггер связывал его с *падением* (термин Бибихина) в мир, или *обреченности* (термин А.В. Михайлова) здесь-бытия⁴¹.

АП основывался на «Бытии и времени», но спустя примерно четверть века Бибихин переводит «Письмо о гуманизме», в котором Хайдеггер прямо спорит с концепциями типа Бердяевской, что подтверждает интуиции Огурцова. Он считает, что, поскольку Маркс, «осмысливая отчуждение, проникает в сущностное измерение истории», то «его взгляд превосходит другие исторические теории». Поскольку же ни феноменология, ни экзистенциализм не достигают этого измерения, то продуктивный диалог с марксизмом оказался невозможным. Но именно к этому диалогу готов сам Хайдеггер, анализируя среди прочего понятие «отчуждение», пытаясь отойти от «дешевых опровержений» материализма. Дешевое опровержение, на его взгляд, состоит в следующем: «существование материализма заключается не в утверждении, что все есть материя, но в метафизическом определении, в согласии

⁴⁰ Мусто М. Еще раз о Марковой концепции отчуждения // Журнальный клуб Интелрос «Альтернативы». 2013. № 3 (<http://www.intelros.ru>). Последнее посещение 16.03.2016).

⁴¹ Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / Пер. А.В. Михайлова. М., 1993. С.40.

с которым все сущее предстает как материал труда»⁴². Человек, почувствовавший в себе субъекта, опредмечивает действительность. В существе техники и кроется существо материализма, «о которой, — как он пишет, — хотя и много пишут, но мало думают. Она не только по своему названию восходит к “техне” греков, но и в истории своего развертывания проходит из “техне” как определенного способа “истинствования” <...> т.е. раскрытия сущего»⁴³. Строго возражая «Бердяеву» (и АП в статье чутко подметил две разные позиции), Хайдеггер так же «странным» образом определяет отчуждение, считая, что присутствие, или *Dasein*, не может быть фактически оторванным от самого себя. Чем оказывается отчуждение? «Оно вгоняет присутствие в способ бытия, склонный к предельнейшему “самоанализу”, искушающему себя во всех толковательных возможностях, так что являемые им “характерологии” и “типологии” сами уже становятся необозримыми <...> ведет <...> к тому, что присутствие в себе самом запутывается»⁴⁴. Акцент на самоанализ, который можно сделать в этой фразе, ведет к тому же, что говорит и АП: к странности, остраненности, даже забвению бытия. Но акцент на «запутывании» возвращает к изначальному утверждению о «растворении человеческой экзистенции в “Ман”». Это в свое время позволило АП сделать вывод, что для рождения «странности» мира больше сделали гегелевское понимание самосознания абсолютного духа, его персонификация, «которая в мистифицированной форме отражает в себе предшествующую теоретическую деятельность», или фейербаховское религиозное сознание, понятое как «разорванное сознание»⁴⁵.

Разумеется, Хайдеггер обращал внимание на отчуждение как на «экзистенциальный модус бытия-в-мире». Но взгляд на исторически-определенное бытие, а не просто историческое Ман, напоминающее анонимную ментальность школы «Анналов», важен не менее. Ханна Арендт в вы-

⁴² Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / Сост.. перевод, вступ. статья, комм. и указатели В.В. Бибихина. М., 1993. С. 207.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 178.

⁴⁵ Огурцов А.П. Отчуждение, рефлексия и практика. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. филос. наук. М.. 1967. С. 4.

шедшей к этому времени книге «*Vita activa oder vom tätigen Leben*» (Stuttgart, 1960)⁴⁶, писала, касаясь отчуждения, что дело Маркса «заключалось в том, чтобы определить человека в “его индивидуальнейшем бытии одновременно как общественное существо” <...> Эту от природы общественную природу человека Маркс часто называет также его “родовой сущностью”, и знаменитые Марковы теории отчуждения трактуют в первую очередь самоотчуждение человека, а именно его отчуждение от своей родовой сущности: “Непосредственное следствие того, что человек отчужден от продукта своего труда <...> есть отчуждение человека от человека”»⁴⁷. Эта позиция, противоположная Хайдеггеру, но близкая АП, показывающая сходство движения мысли.

Ясно, что переход к Хайдеггеру от Бердяева, критика Хайдеггера осуществились в энциклопедической статье напрямую, поскольку сшибка позиций здесь была очевидна — только-только являющегося советскому свету Бердяева и только-только являющегося Хайдеггера, который, вскипев в 1960-е при вяло текущей оттепели, кстати, так и остался погребенным под ворохом доперестроечных и постперестроечных философских самооправданий вплоть до 1993 г., когда друг за другом появились переводы Хайдеггера А.В. Михайловым «Работы и размышления разных лет» и Бибихиным «Время и бытие». После 1997 г., когда Бибихин перевел «Бытие и время», пошел вал переводов. Но тогда это было шествие наощупь, было началом, с начала же преданным забвению, — обращали внимание на что-угодно, только не на то, что составляло соль статьи.

Этот настрой в другом месте (не в энциклопедии) нуждался бы в сопоставлении с Хайдеггеровским же пониманием личности, которая «не вещь, не субстанция, не предмет»⁴⁸. Но и отчуждение — не предмет, а способ бытия в мире повседневности, способ, ускользающий от необходимости объяснения, но открывающийся пониманию, поскольку понять отчуждение — значит понять человека в опыте отчуждения.

⁴⁶ Русский перевод: Арендт Ханна. *Vita activa*, или о деятельности жизни / Пер. В.В. Бибихина. СПб., 2000.

⁴⁷ Арендт Х. *Vita activa*, или о деятельности жизни. С. 115. См. также с.210 и § 35 «Начало отчуждения мира» в гл. 6 «*Vita activa* и Новое время».

⁴⁸ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2002. С. 47.

Не понять, что за предмет — отчуждение, а понять, каким образом отчуждение проявляется в человеке — то, на что обрела внимание Арендт.

Хайдеггер — имя, сломавшее старую парадигму анализа проблемы. Этот слом обнаруживается просто при внимательном чтении его описания проблемы.

Факт обращения к другим направлениям философско-социологической мысли, формирующими в человеке капиталистических обществ «импульсивную мотивацию (в капиталисте — садизм, иррациональную жажду власти; в рабочем — мазохизм), которая, возникнув, превращается в одно из условий функционирования и развития» общества, показывает неприемлемость для АП «поверхностных форм превращенных социальных связей», которые он считал следствием непонимания «подлинных причин и реального процесса отчуждения». Этот реальный процесс обнаруживается в работах Маркса 1842–44 гг. и прежде всего — в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.», где исходным пунктом понимания становится проблема отчужденного труда. По Марксу, в условиях антагонистических общественных отношений рабочий относится к труду как к принудительному внешнему процессу, «не разворачивая свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряя свою физическую природу и разрушая свой дух. Человек ощущает себя свободным не в процессе труда, а лишь в том бытии, которое не отличает его от животного».

Это АП подметил так же, как и Ханна Арендт. Суть выражения — в том, что «отношение рабочего к своей деятельности определяет и отношение его к предметам и продуктам своего труда, которые принадлежат не ему, а либоциальному частному собственнику, либо всеобщему капиталисту — государству и выступают по отношению к рабочему как чуждые, враждебные ему сущности, во власть которых он все более попадает». И если в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» Маркс выводит отчуждение из отношения рабочего к своему труду, которое как результат определенных социальных процессов само должно быть объяснено, то в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс развивают это свое понимание, считая необходимым «...изобразить действительных индивидов в их действительном отчуждении и в эмпирических условиях этого отчуждения...» ... и фиксируют следующие моменты процесса отчуждения: 1) отчуждение частной собственности; 2) отчуждение государства, когда общий интерес “...принимает

самостоятельную форму, оторванную от действительных — как отдельных, так и совместных — интересов, и вместе с тем форму иллюзорной общности”»; 3) отчуждение социальной деятельности, которая превращается в «отрицательную форму само-деятельности» — труд». Новым в «Немецкой идеологии», по мнению АП, является то, что «отчуждение связывается здесь с разделением труда и рассматривается как его следствие». Теоретически же завершенный вид концепция отчуждения приобретает у Маркса в экономических рукописях 1857—58-х гг., «Капитале», у Энгельса — в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», «Анти-Дюринге» и др.

Желание показать формирование реального процесса отчуждения спровоцировало АП на исследование разных понятий, выражавших различные стороны отчуждения и их соподчинение. Он подчеркивал необходимость анализа понятий и делал это, насколько позволяли рамки жанра энциклопедической статьи. Эта кропотливая работа с понятиями — та школа, которую постоянно возобновлял АП. Он подвергает анализу возникающие при этом процессе «понятия Verausserung, Entausserung, Entfremdung, Fremdartigkeit, Versachlichung, Verdinglichung, выражавшие различные стороны отчуждения и их соподчинение категории Verausserung, Entausserung, Entfremdung выражают углубление процесса отчуждения, по мере развития товарно-денежных отношений. Verausserung характеризует факт передачи, отчуждение товара одним товаровладельцем другому, т.е. изображает отношения простого товарного обмена; капиталистические отношения эта категория описывает с их внешней, обменно-правовой стороны. Категория Entausserung (отчуждение во внешнем бытии) дает более глубокую характеристику превращенных социальных отношений: она выражает овеществление социальных отношений в деньгах — вещественном носителе абстрактного богатства. Наконец, категория Entfremdung носит наиболее всеобщий и глубокий характер, выражая отчуждение всего социального мира, созданного человеком, превращение его в чуждый человеку мир капитала. При этом и юридическое отчуждение (Verausserung), и отчуждение во внешнем бытии (Entausserung) являются внешними формами процесса отчуждения (Entfremdung)».

После такого расклада полномочий определенных процессов, выраженных упомянутыми терминами, АП показывает отличие Маркса от тех ученых, которые занимались проблем-

мой отчуждения: он анализирует самый процесс отчуждения, снимая вещную оболочку его, которая обнаруживает исторически определенный тип общественных отношений. В «Капитале» выявляется специфика этих сторон отчуждения, что позволило Марксу связать теорию отчуждения с теорией фетишизма, в частности товарного фетишизма: овеществление (*Verdinglichung, Versachlichung*) общественных отношений и персонификация вещей как одно из проявлений отчуждения.

Отсюда понятен дальний интерес АП к вещи, что мы пытались выразить в книге «Реабилитация вещи», в которой основной акцент был сделан на единстве нечто и знака, его звукового и речевого выражения, что и делает вещь вещью и что совершенно выпало из поля зрения Маркса. Но момент чуждости между нечто и знаком очевиден, вопрос состоял в том, как соединяются эти чужести друг с другом. «Нечто» всегда уже то, что есть, а знак меняет это «есть», он, *signum*, — *falsum*. Но это ложное или фальшивое, ошибочное нам зачем-то нужно, поэтому, строго говоря, занимаясь философией, т.е. мысля и говоря, мы занимаемся теорией ложного. То, что Поппер назвал теорией фаллибилизма, существовало задолго до него в средневековой философии, например, у Аврелия Августина, фраза которого «*fallor, sum*», «ошибаюсь, значит, существую» не вошла в крылатые выражения, очевидно, из большой «любви» к средневековью, начиная с XVII в. Да и «*cogito ergo sum*», принадлежащее Декарту, родом оттуда же, только недавно об этом стали напоминать. Подчас думается, что философия столь привлекательна для немногих именно потому, что эта теория лжи не способна удовлетворительно отвечать на вопросы об истине. Отсюда наша способность врать (врачевать) и наша же способность верить в существование истинного. Потому без этапа, когда требовалось понять процесс отчуждения, когда нечто становилось иным и, стало быть, ложным по отношению к тому, от чего оно отчуждалось, не было бы поворота к вещи. Но в то время важно было подчеркнуть основные моменты отчуждения: 1) «отчуждение деятельности человека, который выходит из процесса труда обедненным и опустошенным, поскольку творческие силы человека противостоят ему как чуждые, господствующие над ним силы капитала; 2) отчуждение условий процесса труда и его результатов; 3) извращение отношения между субъектом и объектом: человек становится объектом производственного процесса, а отчужденная вещь,

капитал, получает самостоятельное активное существование. Происходит субъективирование вещей и овеществление субъектов, которое Маркс вскрывал в учении о фетишизме.

Идея отчуждения странным образом оказывается актуальной и сейчас. 4 марта 2015 г., после похорон казненного политика Бориса Немцова на радиостанции «Эхо Москвы» С.И. Сорокина вела беседу с известным адвокатом Генри Резником, который определил современную ситуацию как «неконтролируемый подпольный терроризм». При этом он сказал: «Я бы прибавил тут хорошее слово немодного нынче Маркса – “отчуждение”, учитывая ту тяжелую ситуацию материальную, расслоение колоссальное, коррупцию, от власти у нас люди были отчуждены». Реально мы присутствуем при рождении новой ситуации, востребовавшей старое понятие для атомизированного общества.

И.Г. Яковенко, размышляя о собственности как священном и неделимом праве, считает, что она «должна быть закреплена на уровне Конституции. Законная собственность может быть отчуждена у титульного собственника только за долги. Единственным основанием утраты права собственности может быть признание ее по суду незаконной. Собственник имеет право апелляции к суду высшей инстанции. Лишать собственности могут только судебные исполнители. Собственник имеет право защищать свою собственность всеми доступными ему способами. Власть, посягающая на собственность граждан, утрачивает основания легитимности». То, что, казалось, было делом давно минувших дней, есть наша повседневность, правда, сейчас речь уже идет о том, чтобы вырабатывать процедуры, способствующие «отчуждению частной собственности на государственные и муниципальные нужды», что «возможно только в соответствии с тщательно прописанной процедурой, включающей оценку объекта независимой аудиторской службой и выплату вознаграждения»⁴⁹.

В свое время Бибихин в статье «Для служебного пользования» сетовал, «что когда ваш ровесник в Германии готовил докторскую диссертацию по философии, вы возвращались домой после трех лет в армии уже без мыслей о философском факультете, с идеалом народной простоты и физического труда. Нужны были годы, чтобы высшее образование

⁴⁹ Яковенко И.Г. Что желать? // <http://libatram.net/read/160804>. Последнее посещение 29.07.2015 г.

снова начало манить вас <...> Совершенным чудом попав в рай сектора информации Института философии, вы находили имя вашего немецкого сверстника в библиографии, откуда могли теперь выбрать его для перевода и реферата. Не в том беда, что он тем временем, спокойно и систематически работая, успел далеко уйти вперед. Хуже было то, что вы следили теперь за ним из ниоткуда, из темноты. То, что он делал на свету, изложенное вами, шло в далекие кабинеты и в закрытые отделы библиотек. То, чем вы занимались, было не философией, а только информированием <...>»⁵⁰.

В случае с АП было иначе: он сам прорабатывал проблемы, прорабатывал разрешенные властью проблемы так, что они казались не разрешенными и неразрешимыми при разрешенности властью. Ситуация (не только для АП, но для всех, кто всерьез пытался понять, что такое марксизм, а в начале 1960-х даже и ленинизм, который некоторое время пытались отсоединить от сталинизма) парадоксализовалась тем, что этих, желающих всерьез разобраться, действительно эти проблемы интересовали, а тех, кто считал марксизм единственным допустимым мировоззрением, интересовало лишь одно: чтобы новое прочтение не выходило за рамки установленных догм. Люди, называвшие себя философами или историками, будто не понимали, что этого — при новом прочтении чего бы то ни было — не может быть. Всё пойдет по-другому. В статье «История с методологией истории», посвященной истории краха сектора Гефтера, я писала, что реально марксизм окончился, когда был создан сектор методологии истории, самим появлением своим показавший, что есть иные методы анализа, чтения, рассуждения о жизни, истории, обществе. Но я хочу сказать, что реально сектор был разогнан (как официально считается) не из-за опубликованной книги «Историческая наука и некоторые проблемы современности», а из-за невышедшей, но подготовленной к печати — «Ленин и проблемы истории классов и классовой борьбы». Дебаты по поводу этой книги велись до ее выхода в свет. На одном из таких обсуждений меня вежливо попросили не вести записей.

Так что статью «Отчуждение» нельзя читать как чисто академическую справку. Ею двигала сама наша тогдашняя жизнь, которую не прочитала наша жизнь современная.

⁵⁰ Бибихин В.В. Для служебного пользования // http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/bibihin/2/j26.html. Последнее посещение 16.03.2016 г.

Дело в том, что при наложении проблемы отчуждения, казалось бы, капиталистического сообщества на социалистическое, оказывалось, что речь идет о чудовищном отчуждении работников от любого (в том числе гуманитарного) труда. Не случайно синонимом слову «труд» стал термин «работа» (от «раб»), а не «opus» как свободное поэтическое произведение.

Нигде АП не говорит, что в социалистическом обществе создаются объективные условия «для преодоления отчуждения, для отмирания государства», как о том твердила официальная концепция. Наоборот, он пишет: «Превращение социальных институтов в сложные рационализированные бюрократические системы... является одним из следствий отчуждения». Бюрократизация же социальных институтов «связана с пассивностью народных масс, которые из подлинных творцов исторического развития превращаются в объект политического управления со стороны господствующего класса». Это прочитывается в русле социалистической жизни, даже если пишется о капитализме. Можно задать вопрос: где же при социализме господствующий класс? Но на помощь приходят слова Сталина о том, что при социализме классовая борьба только усиливается. Партийная номенклатура, то, чему впоследствии АП посвятил не одну свою работу, вполне и до поры до времени успешно играла роль этого класса. В 1965–1967 гг. это прочитывалось так. В то время это называлось «фигой в кармане», но через год он заплатит за нее получением «волчьего билета» — изгнанием из КПСС.

Сейчас легко смеяться над фигами в кармане, но в то время они рассматривались как насмешка над партократами. Это было время, когда философия поднимала голову, потому что все понятия теряли свои значения. Вот и М.К. Петров через год в ж. «Вопросы философии» скажет, что сейчас нет смысла разбираться в оппозициях материализм/идеализм, капитализм/социализм⁵¹.

Статья об отчуждении — это статья о том, как «формируются *специфические формы ложного идеологического сознания* (от религии в собственном смысле до “светской” авторитарной идеологии)», как «*классовое сознание превращается в институциональную идеологию*, которая адекватно выражает волю господствующего класса, враж-

⁵¹ См.: Петров М.К. Предмет и цели изучения истории философии // Вопросы философии. 1969. № 2. С. 131.

дебного народу» и — внимание! — «демократической интеллигенции, но превратно отражает самую социальную реальность». Например, «увеличивается власть политических институтов над культурой (господство цензуры, консолидация органов печати в руках небольшой группы политиков и т.д.), а также разрушительное влияние средств массовой коммуникации и пропаганды (печать, радио, телевидение и пр.), с помощью которых осуществляется психологическая обработка масс, навязываются идеологические штампы, стереотипы мысли и поведения. Возникает разобщенность внутри самой культуры: формируется так называемая “массовая культура”, ориентирующаяся на эстетическую неразвитость обыденного сознания и закрепляющая ее».

В целом это — диагноз нашего времени, поставленный почти полвека назад.

Тотальная революция

Второй период (1970—1995) — период прорабатывания идеи научного рационализма, всегда привлекательного потому, что это понятие (всевластие экспериментирующего Разума) оказалось трудно определимым, хотя оно стало девизом века Просвещения, или «века философских наук»⁵². Это время работы в ИИЕТе, где он был связан естественнонаучным материалом, который, как он говорил, ему был «не сам по себе интересен, а своими “привязками” к философии. Например, никто не знает, что Гамильтон в 1804 г., прочитав работу Канта “Критика чистого разума”, построил обоснование алгебраической теории на основе кантова анализа времени. Алгебра для Гамильтона — это приложение чистого учения о времени как последовательности “теперь”. Существуют неявные метафизические предпосылки, которые становятся основанием для осмысления определенного материала, для построения научной теории»⁵³.

Философия естествознания понята АП как рефлексия культуры. При этом он исследовал социальную историю на-

⁵² Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. М., 1993. С.3.

⁵³ Еще раз о философии и о многом другом // Личность. Культура. Общество. 2010. Т.XII. Вып. 1 (№№ 53—54). С. 418.

уки и социальную теорию познания и дал анализ дисциплинарной структуры науки и междисциплинарных исследований различных форм научного сообщества; тех изменений, которые происходят «на переднем крае» науки (новых форм организаций науки и малых групп научных исследователей: научных школ, «невидимых коллегий»).

АП до последнего момента собственной жизни стоял на позициях Разума, защищая его от пополновений теологии. В книге «Философия эпохи Просвещения», до сих пор мало исследованной эпохи, он тщательно анализирует различные полемизирующие друг с другом концепции естествознания, «по-разному трактующие и свой объект, и характер развития науки, и ее движущие силы, дающие совершенно различную периодизацию исторического процесса»⁵⁴.

Надо заметить, что АП только в последних интервью специально говорил о необходимости возвращения к началам, к поискам истоков философии: он полагал, что это стремление выражено в имени философии, так же, как предполагалась и свобода как таковая. Участвовать в бесконечном повторении этого не хотел. Греческая *ελευθερία* завораживала как пение сирен, которых, не погибнув, хочется услышать. Греки ли открыли саму идею свободу, которая, судя по всему, означает добровольное следование божественному (высшему, истинному, лучшему из всего, что любишь), это вообще вопрос. Но это «ведет» философию, и это он считал естественным, а потому не был озадачен специальными разработками принципов. Он бросался в обсуждение с этой самой свободой, формируя принципы в процессе обсуждения, которое само при этом превращалось в массированный вопрос. Его философией был спор; не провозглашение диалога, а сам разворачивающийся диалог, основанием которого служила идея пробабилизма. С античных времен «скептицизм относительно абсолютного истинного знания и относительно абсолютного критерия его истинности привел к осознанию значимости идеи вероятности и к утверждению различных степеней вероятности. Можно сказать, что впервые в истории философии была развита эвристическая концепция вероятности, примененная к анализу форм знания и выдвинувшая вместо идеи истины идею

⁵⁴ Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. С. 3.

правдоподобности»⁵⁵. Для того, чтобы диалог о смысле знания был строг и избавлен от «избыточных трактовок слова “вероятность”, когда им называются разнорядковые предметы, предполагающие различные категориальные и методологические средства исследования», стоило бы, на взгляд АП, создать вероятностную методологию⁵⁶.

Эпоха Просвещения – фокус, через который все концепции, прошлые и современные просматриваются и анализируются с помощью того самого метода, который был выработан на первом этапе философской деятельности АП. Я бы хотела обратить внимание на то, что за внешне сухим изложением сути дела (философии науки) прорывается живое соучастие в судьбе человека. Это было свойственно АП: он был эмоционально весьма сдержан, даже сух, но совершенно непоколебим в принципах, особенно политических, полагая, что «пороки просвещенных народов обусловлены не ростом, а упадком знания»⁵⁷, что полностью соответствует нашей действительности. К нему вполне применимы слова, сказанные об одном из героев его книги «Философия науки эпохи Просвещения» Ж.А. Кондорсэ, арестованного во время Парижской революции и доведенного до самоубийства его издателями: «Он совсем не хотел пятнать свою мысль воспоминаниями о своих преследователях, и в величественном и продолжительном одиночестве он <...> посвятил себя работе общей значимости и способной выдержать испытание времени»⁵⁸. Сам АП посвятил себя неуклонному, неспешному, непрерывному занятию философией, невзирая на моду, стрелы и скверны, философией строгого разума.

На что обратил он внимание, занимаясь эпохой Просвещения, определившей во многом и наше время, и, прежде всего, обогатившей его понятием сциентизма?⁵⁹ Прежде всего, на

⁵⁵ Огурцов А.П. Метафизика и способы обоснования исчисления вероятностей (разрозненные заметки) С. 4. // Vox. Философский журнал. 2010. № 8 – vox-journal.org. Последнее посещение 31.07.2015.

⁵⁶ См.: там же. С. 18.

⁵⁷ Цит. по: Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. С. 140.

⁵⁸ Цит. по: там же. С. 137–138.

⁵⁹ См.: Пущаев Ю.В. Об одной попытке «спасти Просвещение» («Статья трех авторов» в свете современной ситуации) // http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1143&Itemid=52. Последнее посе-

жесткое отличие науки от искусства, начатое еще в Средневековье. Наука – это то, что «исходит из идеи эмпирической проверяемости выводов из гипотезы или теории, их интерпретации на эмпирическом материале»⁶⁰, а искусство – это «средство, с помощью которого разум может проникнуть в души и распространить свои достижения»⁶¹. АП замечает, что «в этом подходе к роли искусства не трудно заметить утилитаристские мотивы, уже присущие просветительскому сциентизму, однако следует обратить внимание на другой аспект: просветители осознанно проводят различие между искусством и наукой»⁶². На это редко обращают внимание, пользуясь двумя терминами (наука и искусство) как само собой разумеющимися. Во-вторых: АП обратил внимание на рождение имманентной философии (хотя будет мощное противостояние этому со стороны классической немецкой философии). Невзирая на противоречия в осмыслении мира (Разум, с одной стороны, Бог, с другой), усилия просветителей были направлены на события (в том числе, а, может быть, и прежде всего, научные) этого мира. Последующая экзистенциальная, а затем и постмодернистская философия – наследники той самой имманентности. В орбиту действия разума включаются климат, сельскохозяйственные работы, создание календаря, географические путешествия, навигация, физическая конституция человека, его история, государственный строй и политические институты, историография⁶³, обломки древних памятников («архивы мира»), животные, птицы, минералы и пр. И все это направлялось идеями равенства и свободы, хотя с позиции некоторых носителей этих идей науке отказывалось в почтении.

АП же в презрении к науке и к раскидывающемуся вширь

щение 16.03.2016 г. К сожалению эта книга не упомянута в статье, касающейся этого времени. Ее автор рассматривает только статью М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьева и В.С. Швырева «Классическая и современная буржуазная философия (Опыт эпистемологического сопоставления)».

⁶⁰ Огурцов А.П. Философия эпохи Просвещения. С. 151.

⁶¹ Там же. С. 155.

⁶² Там же.

⁶³ АП буквально заставил меня включить в «Онтологию процесса» главу об историографии Парижского восстания Этьена Марселя, потому что по ней видно, как меняются оценки события в зависимости от политических пристрастий историка. Эту изменчивость в оценках при предположенности «потерянных побуждений» особенно важно было понять в то время, когда обсуждалась концепция единого учебника истории.

знанию, в презрении к кропотливому труду и терпеливому наблюдению, без которых нет « дальновидности острого ума », видел « конечную причину временных побед жестокости и пороков »⁶⁴, агрессивности со стороны даже профессионального сообщества и просто хамства, даже если политически (по какой-то случайности, например из эпатажа) люди оказывались на одной доске. Естественноисторический подход к истории показал силу воздействия культурно-исторической и политической среды на развитие знания. Потому просветители подчеркивали важную роль государственной власти, не культивирующей, а уничтожающей предрассудки, где всякий человек, а не привилегированная каста людей мог проявлять деятельный ум и иметь отклик на его действия. АП считал ошибкой подобные упования, хотя понимал заинтересованное участие ученых в революции, потому что в этом случае власть рассматривалась как то, что можно переустановить.

Как и Ж.А. Кондорсэ (короткий рассказ в книге о его самоубийстве и о подобных же жизненных перипетиях, происходивших с другими философами, загнанными властью на край пропасти, обнаруживает внутреннюю потребность АП понять границы отношений науки и власти), он был озабочен вопросом: « Я спрашиваю, почему с такой заботливостью устраниют тех, просвещение и республиканизм которых оказали бы самое сильное сопротивление королевской власти. Не хотят ли заключить нас в тюрьмы и не заняты ли приготовлением их, со всем искусством бастильских тюремщиков, только для того, чтобы подвергнуть нас пытке слышать, как будут провозглашать короля? »⁶⁵. Он жил реально с такими жестко продумываемыми вопросами, усугубленными войной на Украине, спровоцированной Россией, разгоном РАН, попытками ввести режим возрастных ограничений на официальные занятия наукой и пр. Это не влияние профессии на судьбу личности, это и есть целое человека как сопричастника жизни.

Эпоха Просвещения как бы опровергла разные стратегии и разные логики мышления, что делает ее похожей на нашу современность (достаточно переключить кнопки на телевизоре, чтобы это понять). Именно эта схожесть и заставила АП приступить к ее анализу. К тому же эта эпоха — эпоха крова-

⁶⁴ Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. С. 140.

⁶⁵ Там же. С. 137.

вой революции, а АП относился к этому феномену с тревогой. Он, рационалист того же аналитического склада, который проповедовали просветители, определял разум не только как обобщающий, но и как общающийся, открытый, вероятностный, ибо ему претила диктатура Разума, пропагандируемого философией Просвещения. АП почти на пальцах показывал, как происходил переход к диктатуре, «выдвинувшей программу формирования сознания и способностей индивида независимо от его желаний, возможностей, выбора», считающей себя вправе переделывать человека «в соответствии с универсальными нормами Разума, вести всех людей к всеобщему счастью, не интересуясь их мнениями и предпочтениями»⁶⁶. Он считал пагубной самонадеянность ученых Просвещения, и в этой пагубности видел «причину трагедии террора, развязанного якобинцами»⁶⁷.

Какие, однако, разные революции: в русской революции 1917 г. не было и тени обсуждения власти всеобщего Разума, в русской революции 1991 г. при провозглашении плурализма о разуме забыли вообще: он вошел в агон войны.

АП видел метания этой эпохи. С одной стороны, было желание Декартовых ясности и достоверности (фактически именно в это время формируется *историческое* сознание, влекущее за собой проблему причинности и путь к историческому априори). С другой — представление бытия как истории, «исключенной из состава всеобщего, необходимого, достоверного и объективного знания и рассматриваемой как сугубо описательная, эмпирическая наука, которая может достичь лишь вероятного, а не достоверного знания»⁶⁸.

Идея вероятностного подхода была главной в последние годы жизни АП, он специально посвящал ей доклады, статьи, огромные разделы в монографиях. Связана она была у него, исходно, с даламберовой идеей «потерянных побуждений к движению»⁶⁹. И это при том, что Д'Аламбер как раз в науке искал ясные и простые исходные принципы, число которых должно быть минимально. Однако противоречие это кажущееся: вероятность, как считал АП, также поконилась на яс-

⁶⁶ Там же. С. 39.

⁶⁷ Там же. С. 40.

⁶⁸ Там же. С. 30.

⁶⁹ Там же. С. 129.

ных принципах. Вероятное иногда путают с релятивным. Года за три до смерти он делал доклад о пробабилизме как пути поиска истины, и некоторые ученые эту идею восприняли странно: якобы он предлагал некий релятивистский вариант исследования. Ему пришлось объяснить позицию: для истины каждая самая строгая теория — вероятностна. Каждая теория была вероятной для *другой* теории...

Причем, как он сам говорил, его интересовала судьба идеи вероятности, ее происхождение и восприятие с самых ранних времен. Понятно, почему «теория случая», как ее называл П.С. Лаплас, должна была в эпоху Просвещения возродиться как феникс: это время (особенно на первом этапе), когда история начала рассматриваться как «поле предположений, а не очевидных фактов». Она «мыслится здесь как последовательное движение по синхронным срезам, а последовательность определяется с помощью анализа структуры языка, соотношения его элементов», благодаря которому «преодолевается разрыв времен»⁷⁰.

АП считал предрассудком убеждение многих ученых, что якобы вся классическая физика основывается на лапласовском детерминизме. Иначе как «так называемый детерминизм» АП не называл идеи Лапласа. Он, АП, даже объяснял, откуда он взялся. Эпохе Просвещения досталось большое богатство знания от прежних времен, а собственные естественноисторические исследования понуждали это разнообразие каким-то образом классифицировать. Чтобы соединить непрерывность природы с изменчивостью организмов, ученые начали классифицировать ее образования. Природные существа в классификационной таблице (Просвещение заворожило и нас на создание бесконечных таблиц, моделей и схем) должны были размещаться «в порядке непрерывной одновременности» с тем, чтобы показать время и подчинить себя «времени как силе, развертывающей элемент за элементом»⁷¹. Естественно классифицированное время — это «квази время и квазистория», но в них скрыто бесконечное количество вариаций вещей. Поскольку же история исключалась из состава всеобщего и необходимого знания, она рассматривалась как эмпирическая наука, которая способна дать о себе только ве-

⁷⁰ Там же. С. 26–27.

⁷¹ Там же. С. 29.

роятностное знание. Но поскольку историческим сознанием проникнут весь корпус знания, то в него проникают и вероятностные основания знания, даже если исследователь настаивает на достоверных принципах. Этот парадокс и фиксировал Лаплас. Когда он написал то, что именуют детерминизмом («современные события имеют с событиями предшествовавшими связь, основанную на очевидном принципе, что никакой предмет не может начат быть без причины, которая его произвела»), он под очевидностью полагал то, что лежит на поверхности, но затем он описывает состояние схватывающего это единство Ума в сослагательном наклонении: «Ум, которому *были бы* известны для какого-либо данного момента все силы, проявляющиеся в природе... *если бы* он, кроме того, был достаточно обширен, чтобы подвергнуть эти данные анализу, *обнял бы* в одной формуле движения величайших тел Вселенной наряду с движениями легчайших атомов: не *осталось бы* ничего, что *было бы* для него недостоверно...»⁷². В книге «Опыт философии теории вероятностей» он с самого начала подчеркивал, что, только если допустить абсолютного наблюдателя, Ум, знание будет детерминированным, а не вероятностным. Но в этом Лаплас не нуждался.

По мнению АП, Лаплас разворачивал принцип «обращенной вероятности», предлагающей «отношение числа благоприятных случаев к числу всех возможных случаев», что и позволяет определить степень достоверности». При этом «случайность, — как пишет АП, — позволяет определить степень достоверности, удачно восполняя неуверенность и недостаток наших знаний. А вероятность выражается дробью, в числите которой — число благоприятных случаев, а в знаменателе — число возможных случаев»⁷³. Последние слова АП напишет много позже, но рождалась эта мысль во время написания «Философии науки в эпоху Просвещения». Человеческое знание вероятностно, поскольку возможности человека ограничены временем его жизни. Возникновение теории вероятностей (Паскаль, Лаплас и др.) привело к иной трактовке знания: его регулятивной идеей стала не идея истины, а идея правдоподобности.

Прочитав статью АП «Венский кружок и переход от фи-

⁷² Цит. по: Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. С. 49. Курсив мой.

⁷³ Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы; В 3-х т. Т. 1. СПб., 2011. С. 246.

зикализма к пробабилизму»⁷⁴ я показала ему фрагмент из «Комментария к Порфирию» Боэция, где тот говорит о вероятностном, или правдоподобном характере знания. Он очень обрадовался и включил ссылку на Боэция в параграф «Исчисление вероятностей и способы его обоснования в Новое время» книги «Философия науки: двадцатый век», вышедшей в 2011 г. к его 75-летию. В идеи пробабилизма он видел критерий выбора, связанного с обсуждением проблемы, а не с постулатами воли.

Эта идея, как считал АП, усиливалась с каждым новым шагом научных исканий. При этом одни считают, что теория вероятности – это область математики (А.Н. Колмогоров). Другие, что это область естествознания (Р. фон Мизес). Но для него было «существенно то, что вместе с теорией вероятности (независимо от того, как ее понимать – то ли как математическую теорию, то ли как область естествознания) существует и ее *философское осмысление*», ибо чисто математические объяснения не в состоянии включить в себя ряд разделов математики, в том числе *теорию вероятности*⁷⁵.

Он показывает, как менялось отношение к достоверности у Д'Аламбера. В развитии науки тот видел, «во-первых, прогресс, во-вторых, прогресс, направленный к выдвижению математически очевидных или достоверных гипотез, в-третьих, сопоставление выводов из них с экспериментальными результатами и изложение исходных гипотез, если фиксируется несоответствие между ними»⁷⁶. Здесь-то между достоверной гипотезой и экспериментальными данными и гнездились потерянные побуждения, делавшие теорию вероятностной. АП отмечает теоретическое метание Д'Аламбера: решительный противник спекулятивных гипотез, он в результате склонился к различию между этими гипотезами и гипотезами достоверными.

Позже АП определял пробабилизм как миропонимание, которое предполагает «1) отказ от критерия истинности знания как абсолютистского и теологического, 2) выдвижение

⁷⁴ См.: Vox. Философский журнал. 2009. № 6 – vox-journal.org. Последнее посещение 18.03.2016 г..

⁷⁵ См. подробнее: Еще раз о философии и о многом другом. (Интервью Ю.М. Резника с профессором А.П. Огурцовыми, 2 июня 2009 г. С. 417. Курсив мой.

⁷⁶ Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. С. 129.

критерия правдоподобности знания, 3) выявление степеней вероятности знания, 4) что находит свое выражение в принципах построения статистической физики, теории эволюции, в экономической теории предельной полезности, ставшей основой политической философии либерализма»⁷⁷. В книге «Философия науки: двадцатый век» он насчитывает уже девять принципов пробабилистской науки: «1) гипотетический характер знания, 2) критерием научного знания является правдоподобность, а не истина, 3) трактовка каузации как идеализации вероятностных процессов, 4) фаллибилизм как фундаментальная характеристика научного знания, т.е. подверженность научного знания ошибкам, погрешностям в отличие от инфалибилизма религии и любых идеологий, 5) вероятностный характер теорий и оценка степени их вероятности, 6) поворот к индуктивной, а не к аксиоматико-дедуктивной логике, 7) достоверное знание как трансцендентальный идеал научного знания, 8) опровержение как процедура обоснования и оправдания теорий, 9) связь логики эмпирических наук с процедурами измерений и с теорией ошибок»⁷⁸. Он полагал, что на принципах индивидуализма, выбора субъекта действия, роли субъекта в ситуации неопределенности, критического отношения к надындивидуальным структурам, динамическим естественным законам базировалась не только теория предельной полезности, но также австрийская школа экономической теории и политической философии⁷⁹.

Сама эта мысль непременно должна была завершиться выдвижением *историчности* бытия, и это, подчеркивает АП, сделала, повторим, эпоха Просвещения, которая представила *исторический* подход к природе и к естественной истории. Истории эти имеют разные периодизации, т.е. перед нами фактически параллельные истории. Не трактовки исторических событий, а сами истории, поскольку их хронологии разные. Человек ученый, *homo sciens*, поставлен на перекрестке расщепляющихся миров. И прежде всего это выразилось в переориентации биографического исследования. Если Плутарх делал «Сравнительные жизнеописания», а Свето-

⁷⁷ Vox-journal.org 2009. № 6. Посещение 31.07.20015.

⁷⁸ Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы. С. 262.

⁷⁹ См.: Vox-journal.org 2009. № 6. Посещение 31.07.20015.

ний описывал «Жизнь двенадцати Цезарей», то отныне начинают создавать биографии ученых. И это связано не только с задачами общего образования (век-то просвещения), а со стремлением понять науку как результат их деятельности, с задачей по выявлению условий, в которых развивался талант, философско-методологическим осмыслением «средств, процедур и приемов научного исследования. Не властитель государства становился образцом для подражания, даже не просто знаток, а исследователь, вооруженный специальными приемами исследования. Философия при этом, и он обратил на это специальное внимание, в эпоху Просвещения стала пониматься столь широко (как путь к свободе), что, помимо философии теории вероятностей (Лаплас) создавались философии зоологии (Ж.Б. Ламарк) или, например, анатомии (Э. Жоффруа-Сент-Илер)⁸⁰.

В этом сборнике есть глава у А.В. Рубцова «Прощание с модерном», где о постмодерне поставлен вопрос: зачем нам это? Так и про *Les Temps modernes*, Новое время, можно спросить так же.

Это время бунта. Против монархии. Против твердо установленных, якобы истинных правил. Против одностороннего хода истории. Против систем. Удивительно: системы только-только создавались, а уже против них восстали французы-философы. Д'Аламбер выступал, например, против «духа систем», считая, что нужно заботиться об эмпиристской теории познания, о поддержке гениальных ученых, независимо от того, в какой стране он живет. Так, он с удивлением заметил, что и тридцати лет не прошло, как Франция начала отказываться от картезианства в пользу идей И. Ньютона. Считая, что на развитие науки большое влияние оказывают различные формы правления, которые (обратим на это внимание) определяют виды знаний (о чем наша нынешняя боль и забота), Д'Аламбер делает такое социологическое наблюдение: в республике преобладают риторы и философы, а в монархии — поэты, богословы и геометры⁸¹. Если взять эти критерии, то по количеству богословов у нас сейчас действительно монархия, а если принять во внимание, например, рассуждения некоторых наших выпускников философских

⁸⁰ Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. С. 3.

⁸¹ Там же. С. 125.

факультетов об отсутствии у нас философов, то и по этому основанию мы не республика, а всего лишь суверенная демократия. Вот с этим и разбирался Огурцов.

Для него «речь не идет о какой-либо философской системе. Думаю, что время систем прошло». Нужно, однако, понять опоры миропонимания, которые позволили бы, например, «объединить статьи на разные, казалось бы, несоставимые темы». Речь идет о «глубинных структурах, которые обнаруживаются в актах мысли, в моем поведении, в моих поступках». Это он отвечает в интервью, которое я у него брала в его семидесятилетие, на вопрос, в чем состоит его философия. Оно опубликовано в 2007 г. в ему посвященном ифрановском сборнике «Методология науки: исследовательские программы». В этом интервью он формулирует «фундаментальные принципы сознания и действия».

«Исходный принцип — поступок. Поступок всегда индивидуален. Он выходит за границы общепризнанного и традиционного <...> мысль — тоже поступок. Мысль — не просто акт интеллекта. Как поступок, она включает в себя и волю, и воображение, и эмоции <...> это обнаружение всех способностей индивида <...> любой поступок предполагает самопознание, самосознание, осознание себя-в-мире, своего несовершенства, своей ограниченности и своих возможностей <...> без самосознания поступок — это спонтанная акция и ничего больше. Аффективные, исступленные действия — это акции, но еще не поступок. Это подступ к поступку. Самосознание — условие поступка, его возможность, но не его актуальность <...> начинать философию надо с индивидуального поступка <...>

Следующий принцип — “вызов-ответ”. “Ответ” — это всегда ответственность <...> ответственность — это не просто свобода выбора того или иного решения. Ответственность предполагает свободу, основанную на расчете и калькуляции интеллектуальных и материальных ресурсов, анализе возможных результатов и следствий, на соотнесении цели и используемых средств и т.д. Философская проблема свободы состоит не в поиске такой виртуальной сферы, где человек не свободен — будь то свобода выбора, виртуальной жизни и пр. Сложность состоит в том, как в не-свободных условиях жизни достигается что-то новое, постигаются новые смыслы и проектируются новые решения. Загадка в том, как в не-свободе (имеется в виду социально-политическая жизнь. — С.Н.),

из которой человек не может “выпрыгнуть”, достичнуть то, что на философском языке называется свободой. Я называю по-другому: оригинальным решением, новацией, смелой, нетривиальной мыслью <...>⁸²

Размышляя о направленном на Другого ответе АП поясняет, что Другой — это не просто другой человек, но и группы людей, т.е. в ответе предполагается интерсубъективность «моего» решения, которое до тех пор, пока не находит отклика в микросообществе, является индивидуальным делом. В этом очевидное сходство мысли АП с мыслью Д’Аламбера. Он лишь предельно доводит эту позицию до отрицания противоположности истинного знания и правдоподобного мнения-доксы. В таком противопоставлении АП видел ошибку Сократа, ибо знание, как любое убеждение, тоже правдоподобно, тем более, что истину АП считал религиозной категорией. Именно признание /непризнанность является критерием отличия индивидуального акта от личностного поступка, который есть проявление интерсубъективности.

Это рождает третий принцип, выведенный из идеи коммуникации и названный АП социальной онтологией. В ее основании лежит сложнейшая проблема. АП называет ее «загадкой», которую надо отгадывать. Она состоит в следующем: если «интерсубъективность — это процедурное единство» признанных в обществе концептов, понятий, методов, обладающих в силу их признанности статусом принудительности, то статус их существования неясен: «как из фикций, из кентавров, созданных фантазией, мыслью, они становятся чем-то объективным»⁸³? Первым свидетельством их «овеществления» является язык, в котором субстантивируются прилагательные, о которых упоминает АП, но, добавим, Августин в диалоге «Об учителе» говорит о других частях речи, которым тоже приписывается статус существования. Возникает парадокс, который АП назвал парадоксом соприсутствия и который в Средние века назывался *communicatio idiomatum*, связанный со странным соединением двух разных природ в одном. Некая единичность уже несет в себе свой собственный вид (тип). Но отсюда и онтология уже не может рассматриваться просто как учение о бытии или как метафизика суще-

⁸² Моя позиция. Интервью с А.П. Огурцовыми // Методология науки: исследовательские программы. М., 2007. С. 20–22.

⁸³ Там же. С. 23.

го. Она «по сути дела является матрицей сложившихся форм объективированного сознания»⁸⁴. Понятие «матрицы объективированного сознания» — еще одно понятие, принадлежащее АП, свидетельствующее о том, с чего начата эта статья: о том, как уходят в забвение содержания вещей, имена которых мы начинаем переводить на основе новых, им не принадлежащих содержаний, искривляя историю, делая ее случайной. Потому важное значение имеет дискурс-анализ, которым занимался последнее время АП, а методология озадачилась процедурностью мысли, отвечающей на вопрос «как?», который естественно заряжен и предметностью «что?».

Идеологи Просвещения, поставив проблему соотношения «естественного» и «цивилизованного», видели решение в том, чтобы *естественный* человек в цивилизованном обществе стал одновременно *цивилизованным*, что возможно только в «царстве разума». Поскольку просветители исследовали данные этнографии, то они заинтересовались феноменом Робинзона, дав этому факту «своеобразное истолкование»: они допустили в свой мир «себялюбивого автономного индивида», у которого за плечами огромный груз цивилизации, вырвав его из общества, чтобы из его эмоций и знания-умения вывести новые формы общества⁸⁵. Старые формы относились за счет заблуждений и предрассудков, в том числе религиозных, а новый человек, изображаемый как бюргер, должен появиться вследствие воспитания и создания новых социальных условий. Бюргер, т.е. горожанин, должен быть активным гражданином, борцом за гражданские свободы. Но хотя эпоха Просвещения представила исторический подход к природе, она *странно* исторична. Странная история должна быть отброшена вместе с провиденциализмом (сразу вспоминается Марксово отношение ко всей докоммунистической истории как к предыстории человечества). Но при этом, несмотря на объявленный бой религии, философия истории Просвещения телеологична, а это значит, что, выгоняя религию в дверь, ее впускали в окно. Она одновременно антиисторична.

Впрочем, это естественно: как только появляется некое положительное, катафатическое утверждение, тут же появ-

⁸⁴ Там же. С. 24.

⁸⁵ См.: Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. С. 7.

ляется апофатическое. И религия эта была своеобразной, ибо она выдвинула парадоксальный лозунг *веры в Разум без Бога* (Бога заместила Природа, и она, как и Разум, была вынесена за границы исторического сознания. Это при том, что основателем науки (физики, математики, астрономии) считали библейского Адама. (Парадокса ради, скажу, что некоторые методы доказательства изначальной научности просветители заимствовали из эпохи отвергаемых ими средних веков. Так М. Дутенс считал (1776 г.), что современные ему новаторы ограбили древних, сделавших научные открытия в далеком прошлом⁸⁶. А в средние века полагали, что из путешествия по Египту Платон вывез мудрость Моисея). В рассказе об этом опять же чувствуется методологический рисунок ломаной линии развития науки и мышления в целом.

Декарт отверг старую — схоластическую — философию, разработав новые принципы мышления. Философы Просвещения начали проводить их в жизнь, одновременно эти принципы меняя, при помощи бесконечных проверок, споров, составления номенклатур, таблиц, задающих сеть отношений.

Таблица — гвоздь этой философии, опустившаяся в наши дни на уровень обыденности: мы составляем таблицу при представлении рабочего отчета за определенное время. Может быть, сермяжная правда этих ненавистных нам таблиц в будущем позволит исследователям (если таковые останутся) выявить синхронность и диахронность отношений между самыми разными вещами, в том числе между элементами собственного организма. Скажем, в кардиологии при проведении холтеровой монитории человек должен в соответствующей таблице записать свои действия (ходьба, нагрузка, сидение, лежание) для синхронизации этих действий с данными монитора. Таблицы способствуют и еще одному делу: выявлению повторов не только в мысли своих современников, но своих потомков.

Когда в свое время я писала о принципах К.С. Малевича, с помощью которых он описывал изменения в жизни XX в., в том числе изменения в искусстве (футуризм, кубизм, сюрреализм), онставил их в зависимость от по-новому определенных и задействованных массы, скорости и направления движения. Каково же было мое удивление, когда я, перечитывая книгу АП «Философия эпохи Просвещения» при подготовке

⁸⁶ См.: там же. С. 11.

этой статьи, обнаружила, что эти принципы (масса, скорость и направление движения — в такой именно последовательности) были выдвинуты Г. Монжом (1746–1850) как «силы природы, имеющиеся в распоряжении человека»⁸⁷. Сила тавтологии такова, что требует признания того, как философия с помощью тавтологий обнаруживает свои болевые точки.

Создание таблиц (АП показывает генезис этого метода, с тех пор упроченного новыми технологиями) вело к перестройке языка: он стал «средством обозначения и указания места того или иного эмпирического объекта в таблице. Трансцендентализм и имманентизм безвыходно столкнулись в этой философии. Трансцендентный выход найдут во второй половине XVIII–XIX вв., акцент на имманентности поставят в XX-м. Будучи в значительной степени наследниками эпохи Просвещения (попробуй, например, в диссертации обойтись без упоминания сравнительно-исторического метода исследования!), мы эту эпоху — с ее не столько обращением к онтологии, сколько к гносеологии — обходим, тем не менее, стороной, даже говоря о дискурсивности, о языковых разрывах, позволяющих комбинировать разные элементы знания. Между тем, она фиксировала как разрывы языка, ускользая от логоцентризма, так и их преодоление за счет «хорошего конструирования языка». Язык рассматривали — на манер механики — как конвенциональную *искусственную* знаковую систему, т.е. как *signum falsum*. Именно язык, а не речь оказался способным «преодолеть разрыв времен» и — вызвал в XX в. к жизни философию языка в широком смысле слова (языкоречия). Так — конструктивно-механически — понятый язык есть модель квазивремени и квазистории, сосуществующая с представлением о единственном замысле словесно заданной истории природы, направленной «к осуществлению совершенной формы — человеческого существа»: «камень, дуб, лошадь, обезьяна, человек — это постепенные и последовательные вариации прототипа»⁸⁸.

АП цитирует Ж.Б. Робине. Но опять-таки интересно провести сравнение. Аврелий Августин в трактате «О диалектике», со ссылки на которую началась моя вводная статья, разносит по разным категориям речь, направленную от мысли

⁸⁷ Там же. С.46.

⁸⁸ Там же. С. 29–30.

говорящего к слушающему, и речь, направленную слушателем в мысль слушающего, для выражения которых в латинском языке используются разные слова (*loquor* для первой и *dico* для второй). Это значит, что и направления «от... к» разные, и выражают они разное, но их задача — одна: соединить времена. Однако понимание времени в эпоху Просвещения было не объективной характеристикой бытия и не релевантным существованию мира. Оно было амбивалентным в другом смысле: с одной стороны, это было квазивремя сконструированного мира, а с другой — оно было личным временем переживания и свидетельством шаткости человеческой жизни. Работает доказательство Декарта о том, что именно время является свидетельством существования Бога, поскольку, если время завершается каждую секунду, а человек остается живым, значит, кто-то его сохраняет, и этот кто-то — Бог.

У критиков религии этот принцип обернулся другим: если время лично переживаемо, значит, «всякая минута, которую в свою пользу употребить, не вечно для тебя пропало. Чувствуй свое бытие». Или: «Считай мгновения: каждое приходило к тебе, способно поместить доброе дело»⁸⁹. Но если проблематизировать мысль АП, то это значит, что мир, конструируемый человеком с помощью языка, структура которого совпадает, как полагали просветители, с размышлением о мире, уже тем самым является очевидным и достоверным. В связи с этим и идея прогресса, выдвинутая просветителями, тоже должна рассматриваться не в смысле совершенствования мира. Она, как они и объясняли, может пониматься как «движение природы по ряду бесконечных вариаций»⁹⁰, как возможность рассмотрения «исторического потока событий с определенных теоретических позиций»⁹¹ и как «наличие силы, развертывающей элемент за элементом»⁹².

Но не значит ли это, что время могло быть определено как сила? Не как необходимый элемент силы-энергии, а как сама энергия? Можно ли прочитать выражение Ф. Бэкона «зна-

⁸⁹ Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. С. 16. АП процитировал выдержки из письма М.Н. Муравьева (1778 г.) сестре и из его статьи «Дицизы для записывания», опубликованной в журнале «Утренний свет».

⁹⁰ Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. С. 30.

⁹¹ Там же. С. 31.

⁹² Там же. С. 29.

ние — сила» как «знание — дело времени»? При принятии идеи прогресса это не худшее понимание. Появление фактически новой дисциплины — истории науки — понималось как попытка представить широту охвата знанием (с его ошибками и достижением), информирования людей о распространении наук и искусств. Это свидетельствовало об изменении качества человеческого рода, о переопределении человека, который становится человеком образованным, создающим свой собственный образ, упражняющим и критикующим свои способности, просвечивающим себя разумом как рентгеном.

Есть и еще одно соображение. К XVIII в. веток, отходящих от древесного ствола под названием «физика», предложенного Декартом, значительно прибавилось. Мощный ствол физики породил огромное количество наук, которые не были «в работе» в прежние далекие и не очень времена. Открытия, происходившие в этих науках, были поистине удивительными, и эти открытия продолжались вплоть до середины XX в. Пик открытий пришелся на 1960—1970-е гг., когда в ходу было удивление ими, выраженное в стихотворении Б.А. Слуцкого: «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне» (это время, кстати, сопровождалось мощным поэтическим взрывом). Потом количественное увеличение открытий стало не столь заметным. Появилось то, что связано с технологиями и междисциплинарностью. Именно в этот момент перестала «работать» и идея прогресса, и закончилось отношение к науке как к безличной структуре, основанной на эксперименте и однозначности. Думаю, что термин «прогресс» связан именно с успехами естествознания вполне определенного периода, когда возник интерес к наблюдениям за «прогрессией, интервалы в которой, — как говорил Бернар Ле Бовье Фонтенель, — сначала крайне велики, а затем, естественно, все более и более уменьшаются»⁹³.

Нельзя сказать, что и раньше не замечали таких интервалов. Боэций говорил, что нет такого малого расстояния между точками, куда нельзя было бы вставить еще одну, Николай Кузанский писал о бесконечно великим и бесконечно малом, но их интересовала Божественная способность сворачиваться и разворачиваться. Здесь же все происходило при естественном свете человеческого разума, за которым можно было наблюдать и с помощью которого можно было ставить

⁹³ Там же. С. 73.

эксперименты. Интерес представлял сам «путь, по которому шел человеческий разум», а «это удовольствие требует большого образования», — писал все в той же «Истории Академии наук» Фонтенель⁹⁴. И АП оказался податлив этой радости, сумев ее передать, как податлив оказался радости рассказывать о мастерах прошлого, идеи которых отклонялись от обычного пути, они из самих себя создавали нечто. Он почувствовал вкус эпохи Просвещения, которая была эпохой не только Разума, но и Вкуса. Античность — зрение (умозрение), Средневековье — слух, Просвещение — вкус, Постмодернизм — осязание. Дальше, наверное, по Адорно, обоняние. Вот, оказывается, можно продумать и еще один момент «конца человека» — конец исследований его чувственно-ментальной природы... Вкус, однако, опять же с горчинкой нашей горячащейся современности. Некоторые сейчас считают чем-то незначащим накопление знаний, вытячивая дело не по делу лозунг «многознание уму не научает», вызывающий растерянный смех в ситуации абсолютного незнания, бравирования этим незнанием, граничащим с желанием учиться. Впрочем, если кто-то при таком многознании научится не быть хамом, то многознание полезно.

Просвещение и учило этой полезности, которая была своего рода гносеологическим критерием, но которую (полезность) считали все же вторым понятием после математической достоверности. Полезность же, значение которой не меньшее у Августина, который считал ее критерием значимости вещи вместе с любовью и наслаждением, действительно определяла ценность знания, не сводимую к сиюминутной пользе: она показывает путь не только нашего просвещения, но и играет роль транслятора знания, способа, каким происходит передача знания.

Эпоха Просвещения выполняет и еще одну задачу философии — научения. Часто, говоря о том, что философии нельзя научить, пренебрегают этим свойством. Нельзя научить, однако, *философствовать*, но то, что философия уже представляет собой коллекцию топорщащихся мыслей, требующих соучастия, это факт. Интерес к Хайдеггеру с его «Что зовется мышлением?» свидетельствует об этом.

АП никогда этого не забывал, его мотивировало от заявлений о конце философии, о пренебрежении к нашему философство-

⁹⁴ Цит. по: там же.

ванию, где немаловажен сам интерес, то, что он называл «оптимистическим идеализмом». Сам он, бросаясь в гущу спора, всегда находил себя в ситуации начала. Но напоминал и слова Д'Аламбера, что «философия, стараясь нравиться, кажется забыла, что она, главным образом, призвана поучать»⁹⁵ (оставим на совести переводчика это «поучать» — учить, конечно же, в самом наисерьезнейшем значении этого слова, когда любое наше говорение делается именно с этим желанием (см.: Августин. Об учителе). Смысл так понятой философии, т.е. философии, разбухающее тело которой требует определений предметных границ, выражен в энциклопедии, которая служит не только «своего рода картой земных полушарий»⁹⁶, но где все знания — современны, одновременны, работают вместе, и только исторический анализ предполагает осознание их процессуальности. Сама идея энциклопедии воплощает ту идею квазиодновременности, о которой говорилось выше.

На что обращается внимание? На то, что человек неправильно двусмыслен (одновременность и процессуальность), независимо от того способа, каким можно эту двусмысленность, или его двуголосие, объяснить — Богом ли, Разумом ли, Природой... В этой двойственности — залог его постоянного желания выйти из себя, добраться до определенности, о которой с внутренней тоской думают, что ее нет, но все же, все же, все же... О чем свидетельствует наше измененное время: в силу ряда обстоятельств, вызванных нашим общежитием, нашей коммуникативной системой, наших политico-экономических изменений и нашим отвращением к этим обстоятельствам

Фонтенель, Тюрго, Руссо, Вольтер, Дидро и Д'Аламбер, Кондорсэ и другие — герои его небольшой, но насыщенной, плотной книги «Философия эпохи Просвещения», проникнутой знанием трагического финала, когда Разум оказался под гильотиной. Длинный список казненных, арестованных или эмигрировавших ученых нельзя читать без содрогания и парадоксального ужаса: вся эта «аристократия ученых», создавшая огромное количество журналов, огромное количество научных учреждений — Академию наук, королевский колледж, школу военных инженеров в Мезье, Парижскую

⁹⁵ Там же. С. 124.

⁹⁶ Там же. С. 121.

обсерваторио и Королевский ботанический сад, направленная «и на прогресс техники, и на создание разумного политического устройства, и на совершенствование морали и нравственности», вызвала против себя «плебейскую ярость». Ее, эту аристократию ученых, считали вредоносным наростом на теле общества, их исследования «казались бесполезными причудами изощренного труда интеллектуалов»⁹⁷.

Я не пишу здесь о других методологических ориентациях в философии истории Просвещения — об ориентации на эмпирические знания и ориентации на математическое естествознание и о многом другом. Я просто показываю метод личного конструирования истории и переживания, возможность их со-в-местности, о чем впоследствии АП скажет в своем кredo, в интервью «Моя позиция» (см. выше).

АП писал эту книгу в отчаянной самоотрешенности 1990-х годов, когда мы как-то опять защищали от нападок Институт философии, и он считал, что эти нападки — разлом в понимании, что сейчас возникает новое видение, обозначается место философии, которое, однако, прежде чем наполнится философией, может заполниться кровью, если не живой, под гильотиной, то душевной, оскорбленной увольнениями, очернениями, пренебрежением. Геракл приподнял окровавленного Антея и показал его миру, но все повторилось заново меньше, чем за год до его смерти.

Болевые точки

Каждый этап жизни АП оканчивался серьезной болезнью. После первого заболело сердце. Он не раз попадал в больницы. После второго — инфаркт, несколько операций на сердце в 1999 г. Миллениум — время во всех отношениях переломное. Прежде всего, тем, что центральное для философии середины XX в. понятие культуры, по Бахтину, территории не имеющей, архаизировалось, став складом разнообразных традиций. Тогда мы решили продиагностировать нашу эпоху в книге «Время культуры», чтобы показать точки замораживания смысла в сущности, разума в вере и т.д.

Это третий этап его жизни. С этого момента его интересовали только занятия философией. Он не думал, что идея

⁹⁷ Там же. С. 182.

смерти философии или автора справедлива, осознавая в то же время, что наука, к примеру, стала практически массовым производством, с чем связано большое число соавторов, например, в работах по физике. Но желая развернуть философию в спорах и в критике друг друга, давал ей жестокий диагноз.

В интервью журналу «Личность. Культура. Общество» в 2005, а затем в 2009 г. уже звучат апокалиптические мотивы. Определяя философию как «сопереживающее понимание себя, другого, мира» и «способом рационализации пока неподвластных науке проблем»⁹⁸, считая, что «философия имеет дело со всеми формами дискурсивных практик»⁹⁹, АП констатировал, что планка отечественной философии снижается. Одним из факторов снижения является то, что некоторые философы относят себя и других вместе с собой к философедам. Это не его термин, он ему не нравился, считал его «экстравагантным термином». Он замещает его термином «специалист по философии», разъясняя разницу между таким специалистом и философом. Специалист, он считал, «знает тезаурус философии, но не видит ее проблем. Философ может и не знать современного ему философского языка, создавать свой самобытный язык, но он в состоянии усмотреть проблему там, где специалист по философии ничего не увидит»¹⁰⁰. Заметив, что они решили в свое время с Э.Г. Юдиным поднять планку философских исследований и осуществить это в «Философской энциклопедии», где в то время работали, АП констатирует неумолимо: «Боюсь, что эту планку уже не удержать, она пошла вниз. И я могу сказать, почему. Один из индикаторов этого падения планки — повальное увлечение постмодернизмом — одной из версий критики рационализма... основной мотив постмодернизма — противостоять рационализму, который назван логоцентризмом»¹⁰¹.

Оставаясь в рамках высокого рационализма, АП совершил в этот последний период то, что называется перекапыванием своей философии.

⁹⁸ Интервью с профессором А.П. Огурцовыми // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. VII. Вып. 3 (27). С. 329.

⁹⁹ Там же. С. 328.

¹⁰⁰ Там же. С. 333.

¹⁰¹ Еще раз о философии и о многом другом // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. XII. Вып. 1 (№№ 53–54). С. 434–435.

«Понимаю, что где-то поблизости смерть». В понимании этого он переворачивал глыбы: теория культуры, универсалии, анализ вещи, политические концепты, онтологически понятый процесс. Во времена одной из операций в 2011 г. ему повредили связки, и он почти потерял голос.

Этот период определен его жестко концептуалистской философией, и он отдавал отчет самому себе. Свой философский стиль он сам определил как «аналитико-дискурсивный, т.е. ориентированный на целостное постижение рассуждения, которое вместе с тем не может быть постигнуто вне аналитичности»¹⁰².

«Время культуры» — это, как мы считали, эпилог философской теории культуры. Мы пытались дать анамнез этого времени и повели рассказ с разных определений, данными разными философами.

Книга быстро разошлась. Кто-то даже посетовал на малый тираж. Но она оказалась не понятой. Многие увидели в ней некую историю культуры, перечень определений, и не случайно через некоторое время нам заказали на ее основании сделать учебник «История культурологии». Основанием книги послужили две мои работы: о Мандельштаме, которую мы включили в книгу в качестве второго предисловия, и о культуре как современном гностицизме¹⁰³. Но ее смысл был в очерчивании границ самой теории. Когда я сказала об этом одному из ведущих культурологов, он попросил показать страницы, где это было написано, и опешил, увидев и прочитав их. В сказанном не было обнаружено не только несказанное, но сказанное. То же обнаружилось в «Реабилитации вещи»: некий наш оппонент нашел там даже то, на что мы возражали. Я думаю, что дело не в неведении и не в необходимости знать неведомое, а в том, что человека вынуждает знать само это неведомое нам знание, допускать его, возбуждая способность к познанию, нам уже данную (это входит в понятие «человек»). Вопрос в опознании того, кем-чем нам эта способность дана. В «Реабилитации вещи» (как, впрочем, и в «Путях к универсалиям») мы и пытались опознать эту способность к познанию, заданную вестью вещавшей вещи.

¹⁰² Там же. С. 416.

¹⁰³ Неретина С.С. Современность — это гностицизм? //Философский факультет. Ежегодник УРАО. 2001. № 2.

Метод АП понимал как путь (что и значит слово «метод»), по которому общее переключается во что-то конкретное и одно. Это конкретное помогает найти и путь в чистую мысль. В переходе «от методологии к онтологии» (таково название сборника, вышедшего в ИФ РАН) намечены пути выхода и в познание бытия, и в само онтическое как такое последнее (или первое – в данном случае это одно и то же), в оспаривании которого может начаться война и не обязательно только словесная. Для АП общая вещь всегда дается через вещь-знак, вокруг которой идет спор, что же это такое – ведь знак меняет значения. Что заставляет менять их? Что заставляет принимать их за таковые или за метафоры, за части или целое, иронически опровергать и буквально принимать. Это непременно ведет к вопросу, что такое сама философия, а если твоя жизнь – это философствование, то приобретение ли это или поражение. Какие признаки поражения? АП перечисляет четыре главных? 1. *«Инфицирование философии богословием»*. «Первое поражение философии как рефлексивной и рациональной мысли состоит не только во все большем движении к теократии, но и в утверждении в общественном сознании предпосылок и догматов религиозной веры». 2. *«Поворот научной мысли к религиозным интерпретациям своих открытий и изобретений»*. 3. *«Исчезновение целого ряда категорий и универсалий прежней философии»*, таких, например, как «внутренний мир», «идеальное», «душа», «дух», «идеал». «Это, – как он пишет, – стало уже заметным для современных писателей, например, для Людмилы Улицкой, но не для философов». 4. *«Банализация... категориальных и методологических ресурсов» философии¹⁰⁴*.

Для АП это были не пустые слова. Он не был согласен с Бибихиным, говорившим о деле философии. Он считал, что «философию не делают. Делают табуретки. А занятие философией напоминает скорее работу ткача, о чем писали и Платон, и Гегель. К глубокому прискорбию, нередко нити рвутся, и распадается связь времен»¹⁰⁵. Когда АП перечислял огромное количество современных трендов, он этот перечень, разумеется, пропускал через себя. Он считал, что философия по

¹⁰⁴ Огурцов А.П. Поражение философии // Vox. Философский журнал. 2013. № 15 (vox-journal.org). Посещение 1.08.2015)

¹⁰⁵ Огурцов А.П. Этос философии науки // Философия и культура. 2014. № 7 (79). С.993.

сущи одна, не прошлая или современная, и эта одна философия, которую он называл «новой старой», являет себя через разные концепты: социологические, когда философская мысль связывалась с теми или иными социальными или религиозными группами, через движение альтернативных тем или решение вечных проблем, через смену и противоборство различных направлений, связи с развитием естествознания и математики, с развитием искусства и искусствознания и т.д. Наши книги он считал именно альтернативной историей философии. Мы старались показать прошедшие мимо внимания других философов проблемы, например проблемы образования универсалий, способов их достижения и существования или проблему вещи через метаморфозы самого этого понятия, формирующего реальность, разные способы разумения, если помнить, что слово *ratio* — однокоренное со словом *res* — вещь-дело и его понимали как изречение вещей, порождающее и разные формы властования, а не только отношения к вещи как к потребительской ценности и как к объективации человеческого труда. Более того, мы показывали, что и логики, и философы нынче вновь поворачиваются лицом к универсалиям в концептуалистском варианте. И это стало особенно заметно после накала постмодернистского проекта анонимности, разрывов, разнородных симуляций — от выборов до массовых инициатив, в том числе — военных, в итоге вновь приводящих к имперским и тоталитарным проектам, в попытках примкнуть к полноте рода через неведомо какую традицию, в отличие от прежних не обеспеченных ни «картиной мира», ни экономикой, ни политикой. Потому проект универсалий начинает заново прорабатываться на личностном уровне, где каждый должен взять ответственность на себя.

Но потому же для АП важно было дотошно исследовать каждую позицию, каждый срез мысли, восстанавливать имена и приоритеты. Его рассказ об Отто Нейрате в трехтомнике, где он показывает его выдающуюся роль в создании и деятельности Венского кружка, вызывает (во всяком случае — у меня, поскольку я была редактором этой книги) почтение, сопровождаемое молчаливым желанием не спугнуть это правдивое ведение мысли, осторожно восстанавливающей разрушенную картину. АП подробно описывает возникшую полемику между Нейратом и Поппером, которая касалась оценки последним протокольных предложений как смешения психологизма и физикализма, с чем не был согла-

сен Нейрат. Полемика касалась и проблемы индукции, исходные основания которой кардинально различались у обоих оппонентов (Нейрат основывал индукцию на методологическом решении, в то время как выводы связывались с логической дедукцией, взгляды же Поппера были контриндуктивистскими), и Попперовой идеи фальбилизма. Нейрат считал ее оплотом псевдорациональности, подчеркивая, что «принцип фальсификации не может быть парадигмой всех реальных (эмпирических) наук», поскольку «”логическая абсолютизация” метода фальсификации противоречит плюрализму эмпирических наук». К тому же существует «методологическая асимметрия между процедурами подтверждения <...> и процедурами фальсификации», что связано «с асимметрией modus ponens и modus tollens»¹⁰⁶. Полемика была основательной, но когда в 1960-е годы она разгорелась вновь и по тем же вопросам имя Нейрата «вообще не упоминалось, а его наследие покрылось “травой забвения”»¹⁰⁷.

И, казалось бы, к этому были основания: он учился на факультете политэкономии и статистики, преподавал в торговом колледже, был директором музея экономики в Лейпциге да еще членом Социал-демократической партии Германии, сидел в тюрьме после падения Баварской республики, а позже стал директором музея жилья и городского планирования, будет заниматься графическим дизайном во время второй мировой войны. Был политэмигрантом, бежал в Англию в открытой лодке. То, что в тюрьме он написал работу «Анти-Шпенглер» с критикой «Заката Европы» О. Шпенглера, что был основным автором Манифеста Венского кружка и душой Движения за единство науки и «Международной энциклопедии унифицированной науки», было словно забыто. Жаль, что об этих фактах его биографии не сообщает АП, который пишет, однако, нечто более существенное, поскольку его интересовал внутренний логический стержень критического ума Нейрата: в «критической заметке о “Логике исследования” Поппера подметил действительные изъяны методологии фальсификационизма. Своей критикой “метафизических иллюзий” Поппера, pragматических ориентаций в логике исследования, своим поворотом к историческим и

¹⁰⁶ Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы. I. Философия науки: исследовательские программы. СПб., 2011. С. 145.

¹⁰⁷ Там же.

социологическим аспектам применения научного знания, к практике научных исследований Нейрат во многом предвосхитил ту критику неопозитивизма, которая развернулась в 60-е годы прошлого века»¹⁰⁸.

Восстановив «историческую справедливость» относительно Нейрата, АП восстанавливал движение мысли, более тонкое и точное, чем оно было к моменту пропажи из научного знания некоего индивида, ибо в этом случае в человеческую историю вошло не только «предвосхищение критики неопозитивизма в 60-е годы прошлого века» (бог бы с ним), но произошел, как говорит АП, «поворот» к чему-то иному, не названному критикой: «к историческим и социологическим аспектам применения научного знания, к практике научных исследований». И это введение поворота захватывает больше, чем прямая линия строго логических рассуждений. Поворот напоминает об античном стадионе, где спортсмены двигались не по кругу, а по прямой, в конце разворачиваясь на 180°. «Драма личной судьбы Нейрата-политэмигранта» вместе с «его инновационными идеями, затерянными в архиве истории»¹⁰⁹, но поднятыми на поверхность внимательным и сторожким философским взглядом АП, стала исполненной совестливой полноты и единственного смысла (научной) жизни. АП вытащил имя Нейрата из забвения, спасая его от мелочного беспамятства.

Собственно, в философии АП занимался именно этим: воссоздавал полноту вопрошания в поворотах (соответственно – вариабельности, правдоподобности, вероятностности) мысли, в которой мысль работает как нельзя более строго. Но подвигает человека на спор с самим собой, с необъятностью разбросанных фактов то, что недоказуемо в знании и в философии. Что с ним делать? Показать. Когда Боэций пытался помыслить, что такое две природы Христа – единые и неслияные, он, логик, не задумываясь, прибег к показу на пальцах. Посмотрите, говорит, на венец: его образуют драгоценный металл и драгоценные камни, только если они собраны вместе в одном направляющем движении; но существуя раздельно, венца они не образуют.

Когда я дописывала последние страницы «Онтологии про-

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же.

цесса», я вела почти дневниковую запись последних дней АП. Он сам осознавал это: последними словами в записной книжке были слова Маркеса «потому что дряхлое время вечности остановилось, наконец». Я специально записала в книге, что именно он читал, что хотел прочитать, какие вопросы задавал себе и нам, потому что в этот момент осуществлялась та самая процессуальная онтология, создаваемая им в его личное время. Это было ее явление.

А.С. Карпенко

Тоска по философии

Прелюдия

Это была долгая и многострадальная эпопея. Наконец, после десяти с лишним лет неустанных поисков и ожиданий в 1985 г. на свет появилась первая книга 5-го тома «Истории философии в СССР»¹¹⁰. Четвертый том вышел еще в 1971 г.

Александр Павлович Огурцов с растерянным видом держал в руках объемистый том с сиреневым отливом, пахнущий свежей типографской краской. Девятая глава под названием «Разработка проблем диалектического материализма в период развитого социализма» (§1, §3, §4) была написана авторским коллективом в следующем составе: В.А. Лекторский, Э.Г. Юдин, А.П. Огурцов и В.С. Швырёв.

¹¹⁰ История философии в СССР: В 5-ти томах. Т. 5. Кн.1 / Отв. ред. В.Е. Евграфов. М., 1985. Пятый том посвящен развитию марксистско-ленинской философии в СССР в период от Великой Октябрьской социалистической революции до настоящего времени. В центре тома — анализ ленинского философского наследия послеоктябрьских лет, борьбы советских философов-марксистов за утверждение и развитие ленинского этапа в философии марксизма, за реализацию идей, выдвинутых в решениях съездов и Пленумов ЦК КПСС.

Но не все они дожили до этого радостного дня — в 1976 г., в возрасте 46 лет, умер Э.Г. Юдин¹¹¹.

Теперь они втроем собирались в Институте философии АН СССР, который располагался на Волхонке 14, и бурно обсуждали, как отметить завершение этой эпопеи, а заодно помянуть Эрика. Лекторский предлагал идти к нему в сектор, но Швырёв все-таки настоял на своем, и они, чтобы не светиться на работе, пошли в знаменитую стекляшку напротив Института, прихватив по дороге всё необходимое.

Стекляшка пользовалась такой большой популярностью среди философов, что некоторые проводили в ней весь рабочий день. Здесь всегда было весело, как и на этот раз, а тут еще внезапно появилась и мгновенно разнеслась важная новость: на только что состоявшемся пленуме генеральным секретарем ЦК КПСС был избран М.С. Горбачев. Только они расположились за столиком и чуть выпили, как человек, даже не сидевший, а стоявший у соседнего столика в весьма разгоряченном состоянии, громко заявил: «А генсек-то молодой, может и не придется его сразу хоронить, а то надоела эта похоронная музыка...». К нему сразу кто-то подошел. «Посуду» пришлось лихорадочно прятать, и как ни уговаривал Швырёв пойти в другое место, они быстро разошлись.

Огурцов заехал к себе на работу в ИИЕТ (Институт истории естествознания и техники), где все только и говорили, что о молодом генсеке. «Может, хоть теперь что-то изменится, — подумал он, — ведь никто уже давно ни во что не верит. Идеология себя полностью исчерпала...». И никому не показав вышедшего тома, отправился домой. На душе было почему-то неспокойно, да и написанное ему уже не очень нравилось, поэтому повернув книгу в руках, он засунул ее на полку под другие книги, чтоб не попадалась на глаза.

Ночью ему приснилось, что кто-то долго и настойчиво

¹¹¹ Несомненно, на это повлияли трагические события, произошедшие с ним в 1956 г. Осенью он выступил на партийном собрании и предложил улучшить информацию о партийной и государственной жизни, имея в виду только что случившиеся венгерские события. Он был исключен из партии, а за то, что попытался восстановить справедливость — арестован и осуждён на 10 лет по обвинению в «антисоветской пропаганде и агитации». В 1960 г. Э.Г. Юдин был освобождён досрочно (без снятия судимости). И всё это происходило во времена хрущевской оттепели! См.: Томские заморозки хрущёвской оттепели (Сборник документов и материалов) / Ред. Ю.В. Куперт, Л.Н. Приль; Составитель Л.Н. Приль. Томск, 2010.

звонит в дверь. Он проснулся, хотя сон продолжался, это был сон во сне, с трудом встал и пошел открывать. За дверью никого не оказалось, хотя звонок продолжал звонить и, наконец, Огурцов догадался, что это непрерывно и угрожающе звонит телефон. На другом конце провода был сильно выпивший Швырев, он что-то кричал в трубку, матерился и грозился набить морду какому-то Фришу. В этот момент до Огурцова вдруг дошло, что начало их статьи в 5-ом томе было вялым, беззубым и очень слабым. И теперь их ждет партком, именно об этом и кричал Швырев. Надо было срочно посмотреть, как начиналась статья того самого Фриша и сравнить. Огурцов никак не мог понять, куда девалась книга, она как будто испарилась. Наконец, нашел, открыл на 374-й странице, где начиналась X глава, написанная А.С. Фришем, под названием «Проблемы исторического материализма в переходный период от капитализма к социализму» и прочел первые строки: «*Отбив атаки интервентов и белогвардейцев, Страна Советов вплотную взялась за решение великих созидательных задач социалистической революции.*

Остолбенев, Огурцов перечитал эту фразу еще раз и стал листать книгу назад, пока не добрался до начала статьи, которую писал их коллектив: «Многосторонний прогресс науки в СССР, дальнейший подъем марксистской философской мысли тесно связаны с полной и окончательной победой социализма, с построением развитого социалистического общества, с возникновением и развитием мировой социалистической системы» (с. 314).

«Да, слабовато, Швырев абсолютно прав, — подумал Огурцов, — здесь легко можно придраться к тому, что все связывается “с полной и окончательной победой социализма”, а когда еще эта победа будет?» Но тут, к большому своему облегчению, Огурцов подметил, что Фриш в предисловии ссылается только на XII съезд партии, а они сразу на несколько и, более того: «Важную роль в развитии марксистской философии сыграли решения XXIV—XXVI съездов КПСС, пленумов ЦК КПСС, Постановление ЦК КПСС о мерах по дальнейшему развитию общественных наук (1967) и другие партийные документы».

Вдруг он почувствовал сильное головокружение и стал проваливаться в бездну, заполненную какими-то гнусными рожами: «Как же мы могли пропустить? — застонал он, — это ужасно! Такой немыслимый просчет! Могут принять за про-

думанную идеологическую диверсию. И где были Лекторский со Швырёвым? А эти бесчисленные редакторы и цензоры, которые столько лет вычитывали и проверяли текст? Неужели всё пропало?..» Оказалось, и самым очевидным образом, что в отличие от Фриша, они в своем введении *не сослались на труды Ленина*. А это уже криминал. Осознанный подрыв великого дела построения коммунизма на всей земле, *антисоветская агитация*. За это раньше и расстрелять могли...

От этой мысли Огурцов вздрогнул и проснулся, но только в первом сне. В дверь продолжали звонить все настойчивее и даже начали стучать. Огурцов пошел открывать и увидел странного типа, который представился работником райкома партии и без приглашения пройдя в комнату, недовольно и злобно бросил на ходу: «С вечера звоним, почему не подходишь к телефону? Собирайся, тебя срочно вызывают на заседание райкома». «Что, будете исключать из КПСС?» — спросил Огурцов. «Да, — твердо ответил работник райкома. «Интересно», — подумал Огурцов и неожиданно улыбнулся. Потом докурил последнюю сигарету и без всякой суеты спокойно собрался.

Вскоре он оказался в высоком кабинете и предстал перед вершителями своей судьбы. Они сидели за длинным столом и каждый держал в руках открытую первую книгу пятого тома «Истории философии в СССР». Только он успел подумал, что недавно где-то видел все эти рожи, как секретарь райкома строго объявил:

— Вы обвиняетесь в организации в 1971 г. подпольной группы в размере четырех...

— В количестве..., — поправил Огурцов.

— Хорошо, пусть в количестве, от этого суть дела не меняется, — и жестко продолжил:

— В количестве четырех человек, которая на протяжении 14 лет вела антисоветскую агитацию и пропаганду. Что Вы можете на это сказать?

— Чушь собачья.

— А вот у нас есть свидетельские показания члена группы.

— Чьи? — страшно удивился Огурцов.

— Эрика Григорьевича Юдина. Вам знакома эта фамилия?

— А когда он дал показания? — с еще большим удивлением спросил Огурцов.

— Вчера вечером, вот подпись и дата.

— Но ведь он умер в 1976 году. Мы вчера по случаю выхода этой книги, — Огурцов кивнул на стол, — даже его помянули.

Тут произошла некоторая заминка. Секретарь робко посмотрел на сидящую рядом с ним женщину в строгом сером костюме.

— Ничего, продолжайте, — сказала она, — главное показания, а человек найдется. Затем, вспомнив что-то хорошее, добавила, обращаясь к Огурцову:

— Это Вам повезло, что у нас сейчас гуманистический период.

— Итак, ставится на голосование вопрос об исключении из партии Александра Павловича Огурцова. Кто за? Отлично, единогласно! Все материалы передаются в соответствующие органы. А Вы что смеетесь? Скоро тебе будет не до смеха, — переходя на ты, резко сказал секретарь.

— Придурки, — произнес Огурцов, стараясь из-за своей интеллигентности не смотреть на женщину в сером, — перед тем, как исключать, навели бы справки. Я уже давно беспартийный. Меня из партии исключили еще в 1968 году.

Огурцов думал, что этим вызовет настоящий шок у присутствующих, но увидел только насмешливые улыбки и злорадное перешептывание. Он жутко разозлился.

— Это Вас *там* исключили, *а здесь* — Вы первый..., — загадочно произнесла женщина в сером.

Только теперь Огурцов понял, что его сделали козлом отпущения, что философией ему больше никогда не дадут заниматься и что отныне он вечный кандидат философских наук. Но главное, почему именно он, самый молодой из этой четверки, оказался инициатором и организатором антисоветской организации, а не доктора наук Лекторский и Швырев? Неожиданно секретарь райкома грозно спросил: «А Вы читали статью Александра Самойловича Фриша о переходе от капитализма к социализму?» Тут такая ярость охватила Огурцова, что он прямо в лицо секретарю закричал: «А наср... мне на атаки белогвардейцев, если даже потом перезахоронят Деникина в Донском монастыре. И дело совсем не во Фрише, хотя он и трус порядочный, а в Ленине...». Наступила такая вязкая тишина, что в ней можно было застрять при падении. Только женщина в сером не растерялась, и шипя что-то про КРТД¹¹²,

¹¹² КРТД — контрреволюционная троцкистская деятельность. Это — «вышка» или, в крайнем случае, особо тяжкие работы, которые никто не выдерживал. Удалось уцелеть, наверное, только Варламу Шаламову. Историки по сей день спорят: помогла ли ему сердобольная машинистка, которая при перепечатывании его документов на Колыме изъяла букву «Т», или это оплошность НКВД, при назначении Шаламову нового срока. В результате, буква

бросилась к телефону. Огурцов выскочил из кабинета и громко захлопнул за собой дверь.

От этого звука он и проснулся: кто-то пришел домой и громко захлопнул дверь. «Что за бред мне приснился, — подумал Огурцов, — какие-то белогвардейцы, победивший их Троцкий, и это в 1985 году! Интересно, а что на самом деле написал Фриш во введении к своей статье?» Он долго искал книгу, очень хотелось курить, но ночью кто-то всё выкурил. Книги нигде не было, потом он все-таки нашел ее под кроватью, открыл на 374-й странице, и прочитал то самое начало: *«Отбив атаки интервентов и белогвардейцев, Страна Советов вплотную взялась за решение великих созида-тельных задач социалистической революции»*.

Остолбенев точно так же, как во сне, он снова перечитал эту фразу. А потом долго ходил по комнате и размышлял о смысле жизни, о тяжелой доле советского философа и о несчастном Фрише, который ни в чем не виноват. И ему, 50-летнему ученому, вместо того, чтобы заниматься любимым делом, т.е. философией, нужно обязательно ссылаться на бесконечные съезды, пленумы, постановления, которые ничего для философии не значат и никогда не значили. Философия — это в первую очередь духовная и интеллектуальная свобода, а тут идеология, подавляющая всё. Сколько из-за этого ему пришлось вынести! И главное, уже все давно знают и понимают, что все эти ссылки чистой воды хренотень, но без этого не опубликуют, не пустят, не дадут...

В январе 1968 г. Огурцов, следя своим моральным принципам, подписал письмо 80-ти о прекращении суда над Гинзбургом, Галанковым и др. Они, активисты самиздата, были арестованы по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. Центральным пунктом обвинения против Гинзбурга было составление и публикация за границей сборника под названием «Белая книга» по делу писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля. Оказалось, что Синявский и Даниэль дошли до того, что без всякого на то разрешения опубликовали свои литературные произведения за рубе-

«Т» выпала и получилось “КРД”, а это, хотя тоже очень плохо, но не так... Благодаря этому Шаламов выжил и затем написал знаменитые «Колымские рассказы», где отчетливо показывает, что в лагере существует только одна реальность, и эта реальность — смерть.

жом, т. е. минуя ГЛАВЛИТ¹¹³. Да, еще под *псевдонимами*, как в свое время сделали Ульянов и Джугашвили. И как они только посмели?

Из-за того письма Огурцова исключили из партии, что было для большинства коммунистов крахом всей жизни. И в тот же день, без всяких объяснений, приказом директора Института международного рабочего движения (ИМРД) он был уволен с работы. Всё вместе это означало запрет заниматься философией. Оставался только один шанс облегчить себе жизнь (без восстановления на работе, но зато опять в партии) — покаяться, что некоторые из списка 80-ти и сделали. Но когда это предложили Огурцову, он твердо ответил: «Никогда!» Начались мытарства в поисках работы, ведь надо было ещё кормить семью. Главная проблема человека, исключенного из партии, — это публикация научных трудов, но, как правило, ему отказывают и, вообще, все боятся брать такого человека на работу. После смены нескольких мест Огурцова взял к себе директор ИИЕТ академик Б.М. Кедров, крупнейший специалист в области материалистической диалектики и философских вопросов естествознания. Он мог себе позволить брать на работу кого угодно, даже диссидентов¹¹⁴, поговаривали, что ребенком он сидел на коленях у Ильича. Кедров предложил Огурцову сотрудничество, и они вдвоем опубликовали два фундаментальных труда по марксистской концепции истории естествознания¹¹⁵.

Здесь стоит подчеркнуть, что к началу событий 1968 г. Огурцов, несмотря на свою молодость, был уже авторитетным и признанным философом, его даже привлекали к напи-

¹¹³ Главное управление по делам литературы и издательств СССР — орган, осуществлявший цензуру печатных произведений. По замыслу Ленина (1922) даже муха не могла пролететь за бугор мимо этого органа. Был ликвидирован Горбачевым в октябре 1991 г.

¹¹⁴ Но в том-то и дело, что Огурцов не был диссидентом. И никогда ни в каких диссидентских мероприятиях участия не принимал. Он мечтал заниматься философией, но в ИМРД пришел однажды Б.И. Шрагин, тоже кандидат философских наук, и предложил морально поддержать попавших в беду людей, всего лишь поставив подпись. Когда-то в “оттепель” они с радостью вступили вместе в партию. Шрагин также был исключен из КПСС и уволен с работы без права работать в научных учреждениях. В 1974 г. он эмигрировал.

¹¹⁵ Кедров Б.М., Огурцов А.П. Марксистская концепция истории естествознания: XIX век. М., 1978; Кедров Б.М., Огурцов А.П. Марксистская концепция истории естествознания. Первая четверть XX века. М., 1985.

санию статей в пятитомную «Философскую энциклопедию» (порождение хрущевской оттепели), которая выходила с 1960 по 1970 гг. В 1967 г. в 4-ом томе была опубликована его большая статья «Отчуждение», а вот 5-ый том, который вышел в 1970 г., уже накрыла волна борьбы с диссидентами¹¹⁶. Тем не менее, у Огурцова¹¹⁷ выходит статья «Феноменология» и, что очень важно, там он публикует, в соавторстве с уже знакомыми нам лицами, чуть ли не главную по первоначальному замыслу статью Энциклопедии — «Философия»¹¹⁸.

По существу, период творчества философа Огурцова, начиная с 1970 по 1985 гг., прошел «под колпаком». Но вскоре поднялся ветер перемен, и идеология медленно начала отступать¹¹⁹.

¹¹⁶ Большие проблемы возникли у А.С. Есенина-Вольпина (сына Сергея Есенина [1924, Ленинград – 2016, Бостон]), логика, математика, поэта . Еще в 1959 г. в Москве стала нелегально распространяться его книга «Свободный философский трактат», который заканчивался издевательским афоризмом над властями: «В России нет свободы печати – но кто скажет, что в ней нет и свободы мысли» (см. Есенин-Вольпин А.С. Философия. Логика. Поэзия. Защита прав человека: Избранное / Ред. В.К. Финн и А.Ю. Даниэль. М., 1999. С. 52). Этого ему простить не могли. 5 декабря 1965 г. в День Конституции Есенин-Вольпин организовал знаменитый митинг на Пушкинской площади (это была первая манифестация после выступления сторонников Троцкого в 1927 г.). Целью митинга было требование гласности суда над писателями Синявским и Даниэлем. В руках Есенин-Вольпин держал плакат: «Уважайте Советскую Конституцию – наш Основной закон!» После этого его поместили в психиатрическую больницу. Главный редактор «Философской энциклопедии» академик Ф.В. Константинов в 1965 г. распорядился: «Статьи Вольпина снять». Есенин-Вольпин, чтобы не подводить редакцию, разрешил публиковать его статьи «анонимно или под псевдонимом “А”». И статьи вышли, но в следующем виде: фундаментальные работы «Метод аксиоматический» и «Непротиворечивость» вышли без подписи; большая статья «Парадокс» опубликована за подписью «А.С.»; целый ряд статей были подписаны «А.С. Москва»...

¹¹⁷ Авторский коллектив Энциклопедии был утвержден задолго до событий 1968 года.

¹¹⁸ Лекторский В.А., Огурцов А.П., Швыров В.П., Юдин Э.Г. Философия // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 332–342.

¹¹⁹ В 1988 г. в № 6 ж. «Новый мир» появилось несколько рассказов из «Колымских рассказов» В.Т. Шаламова. В 1989 г. в этом же журнале (№№ 7–11) были опубликованы, отобранные А.И. Солженицыным главы из эпопеи «Архипелаг Гулаг». Осенью 1989 г. журнал «Нева» начал публиковать книгу Р. Конквеста «Большой террор». А чуть ранее в газетных киосках появился журнал «Огонёк» с портретом на обложке расстрелянного Н.С. Гумилёва. И продавщица повторяла изумленным покупателям, в том числе и мне: «Да, да, это тот самый Гумилёв».

Подавление философии

В 1989 г. Огурцов опубликовал статью «Подавление философии»¹²⁰. Стоит сказать, что сам термин «*подавление философии*» не был изобретением Огурцова. В 1981 г. в Нью-Йорке на русском языке вышла книга И. Яхота¹²¹, которая и по сей день является наиболее полным, с использованием огромного фактического материала, исследованием тех трагических событий 20–30-х гг., которые происходили с философией в России. В предисловии автор пишет, что тема, заявленная в его книге, до недавнего времени вообще была запретной, а отдельные робкие голоса, призывающие этот период исследовать, ни на что не влияли. Яхот с горечью констатирует, что 5-ый том «Истории философии в СССР», охватывающий советский период, до сих пор не опубликован, хотя прошло уже 10 лет с момента выхода предыдущего тома. И сам дает объяснение такому положению дел: «Авторы столкнулись с большими трудностями, которые связаны с тем, что правдивое освещение истории советской философии может дискредитировать не только отдельных лиц, но и всё официальное учение в целом».

Дискуссия между «механистами» и «диалектиками»

В 1922 г. по указанию Ленина из страны были изгнаны такие выдающиеся русские философы, как Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский, П.А. Сорокин, С.Л. Франк и др.¹²² Есть основания считать, что на этом

¹²⁰ Огурцов А.П. Подавление философии // Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С. 353–374 (далее ссылки внутри текста). Тираж книги огромный — 200 тыс. экз.

¹²¹ Яхот И. Подавление философии в СССР (20–30-е годы). Н.У.: Chalidze Publication, 1981. Автор книги — Иегошуа Яхот, окончил в 1943 г. философский факультет МГУ, доктор философских наук (1965), профессор (1966). В 1977 г. переехал в Израиль.

¹²² См.: Макаров В.Г., Христофоров В.С. Пассажиры «философского парохода» (судьбы интеллигенции, репрессированной летом — осенью 1922 г.) // ВФ. 2003. № 7. С. 113–137. Троцкий так прокомментировал эту акцию: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно».

развитие великой русской философии на своей родине было закончено. Это означало, что площадка для единственно правильной философии, а именно марксистско-ленинской, была полностью расчищена. В подтверждение, в том же году был создан философский журнал «Под знаменем марксизма» (ПЗМ), в первой книжке которого (№ 1–2) появилась статья Л.Д. Троцкого «Об общих задачах журнала»¹²³. А уже в № 3 за 1922 г. была опубликована статья Ленина «О значении воинствующего материализма», начинавшаяся словами: «Об общих задачах журнала “Под Знаменем Марксизма” тов. Троцкий в № 1–2 сказал уже все существенное и сказал прекрасно». Философское завещание Ленина (каковым принято считать эту статью) наполнено воинственной злобой и бранью. Вот только несколько примеров. В начале статьи он набрасывается на «современных народников» (народных социалистов, эсеров и т. п.), которые отступили от Н.Г. Чернышевского «в погоне за модными реакционными философскими учениями, поддаваясь мишуре якобы “последнего слова” европейской науки и не умея разобрать под этой мишурой той или иной разновидности прислужничества буржуазии, ее предрассудкам и буржуазной реакционности». Затем на известного немецкого ученого Артура Древса (характеристика Ленина), обвиняя его в том, что он помогает «эксплуататорам заменять старые и прогнившие религиозные предрассудки новенькими, еще более гаденькими и подлыми предрассудками». А в конце статьи Ленин обрушивается с критикой на социолога Питирима Сорокина, опубликовавшего в журнале «Экономист» статью о влиянии войны на состав, свойства и общественную организацию населения. Он ругает журнал и обращается к русскому рабочему классу, чтобы он «подобных преподавателей и членов учебных обществ <...> вежливенько перепроводил в страны буржуазной “демократии”. Там подобным крепостникам самое настояще место».

Но два, на первый взгляд, позитивных момента следует отметить. Ленин призывает воинствующих материалистов заключить союз с представителями современного естествознания. Однако этот призыв не был услышан и не мог быть услышан, поскольку одновременно было сказано: «Надо помнить, что именно из крутой ломки, которую пережива-

¹²³ Эти номера не сохранились, так как после высылки Троцкого в 1929 г. из страны они были изъяты из обращения и уничтожены.

ет современное естествознание, рождается сплошь да рядом реакционные философские школы и школки, направления и направленыца». Но почему именно *реакционные*? Другой «позитив» совершенно абсурдный — это призыв изучать *идеалистическую* диалектику Гегеля *материалистически*: «Мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически».

Классики марксизма-ленинизма усмотрели в гегелевской философии величественное здание (каким оно в свое время и являлось), в котором сам Дух выступал не как неизменная субстанция, а как революционный процесс. Этот Дух становится настолько диалектическим, что «укореняется в самом бытии». Но места для *Духа* в материалистической философии не находилось, и потому предстояло совершить грандиознейший плагиат не только в истории философии, но и во всей истории человеческой мысли, который заключался всего лишь в смещении некоторых акцентов. В результате оказывалось, например, что Дух — есть не что иное, как пролетариат. Затем предстояло самое трудное — придать этому плагиату легитимность и законную силу. Самый простой путь, как мы увидим, это физически убрать или дискредитировать конкурентов (в том числе, Гегеля) и провозгласить себя отцами основателями новой религии, покоящейся на диалектическом методе. Именно вопросы диалектики приобретут первостепенное и в итоге трагическое значение для судеб советской философии. О том значении, которое имела гегелевская философия, и, в особенности, ее диалектический метод для советской философии, интересно написано в книге О.Ю. Сумина с весьма примечательным названием¹²⁴. В разделе 1.2. «Философская идея в моменте объективности (отношение к философии Гегеля в рамках политической идеологии)» читаем: «Сам приход к власти [большевиков] обосновывается как следствие результатов философии Гегеля, “очищенных от идеализма” усилиями Маркса и Энгельса. А после захвата власти непризнание «диалектического метода» уже расценивается как идеологическая измена, равнозначная государственному преступлению».

9 июня 1924 г. состоялось учредительное собрание, на котором было создано «Общество воинствующих материа-

¹²⁴ Сумин О.Ю. Гегель как судьба России. Изд. 2-е, испр. и доп. Краснодар, 2005.

листов» (ОВМ). Н.И. Бухарин (включенный в президиум) и Троцкий прислали письменные приветствия. Вокруг журнала сформировались новые кадры философов, во главе которых вскоре оказался А.М. Деборин¹²⁵, последователь первого русского марксиста Г.В. Плеханова. В 1926 г. Деборин становится главным редактором журнала.

Но начиная с 1924 г., философская общественность оказалась втянутой в острую дискуссию. Центром обсуждения стал вопрос о *предмете марксистской философии* и ее отношении к естественным наукам. Вполне логично: поскольку никакая другая философия не имеет права на существование — нужно было четко определиться с этим. Тогда никому и в голову не могло прийти, что за открытыми философскими дебатами может скрываться что-то опасное.

И сразу образовались два непримиримых противоборствующих лагеря. С одной стороны — *механисты*, возглавляемые И.И. Скворцовым-Степановым¹²⁶, а с другой — *диалектики*, возглавляемые Дебориным. При этом механисты в массе своей были естествоиспытателями, а диалектики — «чистыми» философами, как правило, мало сведущими в вопросах естествознания. В книге Яхота дискуссия между механистами и диалектиками рассматривается подробно. Если кратко, то суть ее в следующем.

В XVII—XVIII вв. наибольшее развитие среди всех наук получила механика, и естественно, философы прибегали к ее услугам, когда объясняли мир. Это приводило к сильно-му упрощению картины мира, поскольку все другие формы развития, например, биологические и общественные сводились к механике и объяснялись ее закономерностями. Метод, при котором сложные явления сводятся к их более простым составляющим, называется *механицизмом*. Механисты считали, что марксистская философия должна строиться на естественнонаучном, главным образом, физическом фундаменте, и тогда возникала сложнейшая проблема “сведения” качества к количеству. *Механистическому* материализму противопоставлялся *диалектический* материализм, и диалекти-

¹²⁵ В 1908 г. окончил философский факультет Бернского университета. Под влиянием Плеханова в 1907 г. стал меньшевиком. После октябрьского переворота 1917 г. поддержал большевиков.

¹²⁶ Видный большевик, советский государственный и партийный деятель, переводчик и редактор русского издания «Капитала» К. Маркса.

ки видели основную свою задачу в разработке философских категорий в их абстрактном общем виде, при этом главным здесь становился диалектический метод Гегеля. Механисты твердили: «Наука — сама себе философия», а деборинцы видели в этом угрозу для философии как абстрактной науки.

При таком диаметрально противоположном подходе дискуссия стала принимать все более жесткий характер и быстро распространилась на университеты, институты и многочисленные кафедры. Тысячи и тысячи статей и выступлений. Сколько страсти, ума, и вдохновения! Иногда обсуждения длились допоздна и продолжались неделями. Никогда и ни где, ни в какой стране не было и не будет такого всплеска философской мысли! И что важно, это были относительно *свободные* диспуты. Хотя не стоит забывать, что всё это происходило в рамках одной доктрины, и доктрина эта — марксизм, к тому же в ее *большевистской*, т.е. в крайне агрессивной и воинствующей форме. Отлучение от марксизма было тяжким обвинением, но вначале носило характер, скорее, морально-го порицания. Весьма резкие и неполиткорректные эпитеты звучали с обеих сторон, но таким был стиль зарождающейся новой эпохи, стиль победителей с довольно низким культурным уровнем. По мере развития дискуссии этот тон со стороны диалектиков становился всё более и более угрожающим.

Заметим, что с публикацией в 1925 г. рукописи Энгельса «Диалектика природы», а также ленинской заметки «К вопросу о диалектике»¹²⁷ в журнале «Большевик» (№ 5–6), позиция диалектиков-деборинцев заметно упрочилась. Но когда в 1928 г. напряжение между механистами и деборинцами достигло кульминации и механисты ушли из ОВМ, в результате чего произошел раскол, деборинцы в ответ организовали «Общество воинствующих материалистов-диалектиков» (ОВМД) и, видя, что дискуссии не предвидится конца, решили прекратить ее с помощью организационных мер. Для этой цели в Москве была создана «II Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научных учреждений», которая проходила в апреле 1929 г. в Коммунистической Академии. Конференция открылась докладом Деборина «Современные проблемы философии марксизма». По докладам Деборина и

¹²⁷ Написана в 1915 г. Вошла в «Философские тетради» Ленина, впервые опубликованные в 1929–1930 гг. в ленинских сборниках IX и XII. Обратим внимание на это: «Диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма...».

О.Ю. Шмидта были приняты две резолюции, в которых течение механистов квалифицировалось как наиболее активное ревизионистское философское направление. Хотя суть ревизии марксизма оставалась необъясненной и непонятной, сам термин «ревизионизм» впервые приобретал значение политического преступления.

Теоретически дискуссия была окончена и завершилась полной победой Деборина и его учеников. Однако истинный смысл происходящего был скрыт как для проигравших, так и для победителей. Он был также скрыт и для многих исследователей этой дискуссии (в том числе и для Яхота). Разгром механистов был, по сути, политической акцией в форме «строгого» научной дискуссии. Поскольку к механистам причислял себя Бухарин, возглавивший несколько позже на общественных началах Институт истории естествознания и техники в Ленинграде, то истинной целью этой акции был первый этап расправы с Бухариным — его дискредитация как философа¹²⁸. В дальнейшем это подтвердится общим обвинением механистов в «правом уклоне».

“Меньшевистствующий идеализм”

Наступил 1930 год, не предвещавший, казалось бы, ничего плохого для воинствующих материалистов. С одной стороны, многие деборинцы могли поздравить друг друга с большим успехом¹²⁹ на выборах в Коммунистическую академию, которые прошли в середине года. А с другой стороны, в партийной печати уже стали появляться серьезные критические выпады против деборинцев. Деборину уже ставили в вину то, что он назвал Ленина *учеником* Плеханова в философии. Такая критика обрадовала механистов и вселила в них надежду.

Однако ни первые, ни вторые по-прежнему не понимали сущности происходящего. А суть состояла в том, что к этому времени Сталин устранил с политической арены всех своих противников. Троцкий уже был выслан, Каменев и Зиновьев, обвиненные в «левом уклоне», т.е. в троцкизме, сняты со всех постов, а Бухарин в 1929 г. был обвинен в «правом уклоне» и выведен из состава Политбюро ЦК. Stalin становился глав-

¹²⁸ Заметим, что Бухарин является автором весьма известной среди марксистов того времени книги «Теория исторического материализма» (1921).

¹²⁹ Деборин стал членом Академии Наук СССР в 1929 г.

ным действующим лицом, хотя область идеологии пока еще была неподвластна единоличному контролю. Теперь политическая борьба на два фронта против правого и левого уклона переносится соответственно на идеологическую борьбу против механистов и диалектиков, правда, к философии это уже не имеет никакого отношения.

По-человечески, Сталина можно понять. «Как они смеют, — думал он, наверное, — развели какую-то бесконечную тягомотину, собираются, где хотят, критикуют, кого хотят... Какие-то Плеханов, Ленин, Троцкий, Бухарин, да еще эти недоумки Деборин со Степановым, а про меня ни слова. Энгельс им понадобился! Главным теоретиком по всем без исключения вопросам, тем более философским, должен быть — я, Сталин. Ведь именно я написал статью “Диалектический метод”¹³⁰ к московскому Декабрьскому восстанию 1905 года. Но за четыре с половиной года Всесоюзной дискуссии, когда только самый тупой не высказался о диалектике — никто, ни одна сволочь даже не упомянула эту фундаментальную работу. Никогда им этого не прощу, никогда». И от обиды Сталин чуть не заплакал...¹³¹.

Конечно, для реализации сталинских замыслов нужны были помощники, ими и стали «новые силы», возглавляемые М.Б. Митиным, наиболее одиозной фигурой среди философов того времени.

7 июня 1930 г. в главном печатном органе ЦК ВКП(б) «Правда» выходит знаменитая «статья трех»¹³², которая ознаменовала собой не только «великий перелом» в ходе всей дискуссии, но и предрешила трагический конец школы Деборина. В этой статье уже на официальном уровне говорилось о том, что деборинцы проявили пассивность в разоблачении троцкистов. Деборинцы пытались защищаться (о чем потом пожалели), но на заседании Президиума Комакадемии, кото-

¹³⁰ Из цикла «Анархизм или социализм».

¹³¹ Никакой особой иронии в этом тексте нет. Stalin пытался наладить «философский контакт» с Дебориным, а когда не получилось, обратил внимание на его наиболее талантливого ученика — Я.Э. Стэна. Stalinу понравились и содержание, и боевитость нападок Стэна на Скворцова-Степанова в журнале «Большевик». Ничего из этого не вышло (Стэн был расстрелян в 1937 г. по списку, утвержденному Stalinым). Никому из них и в голову не могло прийти, что Stalin претендует на роль главного философа-марксиста во всем мире.

¹³² См.: Митин М., Гальцевич В., Юдин П. О новых задачах марксистско-ленинской философии // Правда. 1930. 7 июня.

112 А.С. Карпенко

рое длилось четыре дня — с 17 по 20 октября — всё было кончено. В принятой грозной резолюции говорилось: «ОВМД не может допустить пребывания в его рядах людей, причастных к двурушнической, предательской борьбе “право-левого” блока против генеральной линии партии и ее ЦК».

Однако последнее слово в обвинении деборинцев не могло быть сказано без Сталина, и это произошло 9 декабря 1930 г., когда состоялась беседа Сталина с бюро ячейки Института Красной профессуры философии и естествознания. Убедившись после доклада Митина, что всё идет «по плану», Stalin в дружеской беседе о задачах борьбы на два фронта в философии обозначил деборинскую школу как «меньшевистствующий идеализм», не «меньшевистский», что было бы совсем плохо, а именно «меньшевистствующий». Им была поставлена очередная задача, которая в записи Митина выглядит так: «Также он поставил задачу разворошить все написанное по вопросам философии деборинцами: “Надо разворошить и перекопать весь навоз, который накопился в философии и естествознании. Все, что написано деборинской группой, — разбить”, — заявил он и добавил: “Бить — главная проблема. Бить по всем направлениям и там, где не били. Готовьтесь к боям. Не забудьте Рязанова. Вообще Институт Маркса и Энгельса у нас на отлете”»¹³³.

А причем здесь Д.Б. Рязанов? Он никакого участия в этих дискуссиях не принимал. Но именно Рязанов в 1925 г. издал книгу Энгельса «Диалектика природы», под его редакцией также издавались собрания сочинений Маркса и Энгельса, наконец, он пользовался всеобщим уважением у большевиков как крупнейший знаток марксизма. Рязанов был основателем и первым директором Института Маркса и Энгельса, которым руководил с 1921 г. по начало 1931 гг. По всей видимости, целью Сталина была уже дискредитация Рязанова как философа. И его обвинили, вначале Митин, а затем «Правда» (15.01.1931) в меньшевизме и недооценке вклада Ленина в развитие марксизма¹³⁴.

¹³³ Митин М.Б. Некоторые итоги работы на философском фронте // Под знаменем марксизма 1936. № 1. С. 25.

¹³⁴ А поводов, за что расстрелять, было много. Еще до революции Рязанов сотрудничал в «Правде» и других газетах с Троцким. Неоднократно выступал против политических преследований и помогал Троцкому, когда тот был сослан в Алма-Ату. Хранил материалы Горького контрреволюционного харак-

25 января 1931 г. было принято продиктованное Сталиным постановление ЦК ВКП (б) «О журнале “Под знаменем марксизма”», где содержались следующие обвинения: «Журнал [возглавляемый Дебориным] не сумел осуществить основных указаний Ленина, данных им в статье “О значении воинствующего материализма”, не стал боевым органом марксизма-ленинизма»; [деборинская] «группа воскрешала одну из вреднейших традиций и догм II Интернационала — разрыв между теорией и практикой, скатываясь в ряде важнейших вопросов на позиции меньшевистствующего идеализма». В результате был изменен состав редакции журнала, а Митин стал ответственным редактором. Деборина заставили выступить с публичным покаянием, и он был изгнан из Института философии, хотя был одним из его создателей. Ему по личному распоряжению Сталина запретили писать философские труды и вынудили перейти на работу в Институт истории. Обратим внимание на еще один важный факт. В 1929 г. на русском языке выходит первый том собраний сочинений Гегеля, предисловие к которому написал Деборин¹³⁵. В нем Деборин постарался максимально развить все «прогегелевские» элементы марксизма, опираясь также на работы Энгельса (и вскользь на Ленина, поскольку «Философские тетради» еще не были опубликованы). Он очень высоко оценил диалектический метод Гегеля и сделал это талантливо, что не могло пройти мимо Сталина. Отвечая на вопрос, в чем же принципиальное отличие диалектики Маркса от диалектики Гегеля, Деборин пишет: «Преобразование Марксом гегелевской диалектики выразилось, прежде всего, в том, что он превратил ее из *абстрактной* в *конкретную*»¹³⁶. И эта конкретность в полной мере стала применяться диалектически, когда на последней стадии дискуссии механисты громили аргументами диалектиков, а диалектиков — аргументами механистов.

Интересно, что в Постановлении совершенно иезуитски (черта, так свойственная Сталину) главной опасностью объявляется «механистическая ревизия марксизма», а не «идеалистические извращения марксизма группой тт. Дебо-

тера. Рязанов был обвинен в связях с мифической правооппортунистической троцкистской организацией и 21 января 1938 г. расстрелян в возрасте 68 лет.

¹³⁵ См.: Деборин А.М. Гегель и диалектический материализм (вступительная статья) // Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 1. М.—Л., 1929. С. XI—CIII.

¹³⁶ Там же. С. XXVII.

114 А.С. Карпенко

рина, Карева, Стэна и др.» Казалось бы, вот она — надежда деборинцев на спасение. Но все оказалось наоборот, понятие «меньшевистующий идеализм» стало отождествляться с понятием «контрреволюционный троцкизм». В передовице «Воля советского народа» было заявлено: «Меньшевистующий идеализм есть рогожное знамя, которым троцкистско-зиновьевская нечисть прикрывала свою злодейскую террористическую работу»¹³⁷. Так, философский журнал под руководством Митина становится главным органом по политическим доносам¹³⁸. Как недавно написал Н.Н. Александров: «Деборинские ученики былипущены под нож»¹³⁹.

До сих пор никто не знает, что такое меньшевистующий идеализм, хотя эта идиологема была принята, как величайший вклад в мировую сокровищницу философской мысли. Позднее термин стал распространяться на ряд теоретических «ошибок» в других областях знания: на политическую экономию, литературоведение, медицину и т.д. Вот его определение в известном четырехтомном «Толковом словаре русского языка» (1935–1940) под редакцией Д.Н. Ушакова: «Меньшевистующий идеализм — идеалистическое меньшевистское контрреволюционное извращение марксизма».

В 1936–1938 гг. разгром был завершен. Из активно действующих механистов уцелели единицы¹⁴⁰. Все ученики и соратники Деборина по Институту философии были уничтожены (кроме самого Деборина)¹⁴¹, кто-то был расстрелян,

¹³⁷ ПЗМ. 1936. № 8. С. 10.

¹³⁸ В 1944 ПЗМ был закрыт по указанию Сталина за ненадобностью.

¹³⁹ Александров Н.Н. Звезда Богданова. М., 2013. С. 132.

¹⁴⁰ Повезло Скворцову-Степанову — он умер в 1928 г. от брюшного тифа тяжёлой формы, кремирован, и его прах помещён в Кремлёвской стене.

¹⁴¹ Почти всех исследователей данных событий интересовал вопрос, почему уцелел Деборин, который умер только в 1963 г. И совсем недавно стали открываться чудовищные факты: «По замыслу кровавого “режиссера” ему отводилась одна из главных ролей в готовившемся Сталиным в последние годы жизни антисемитском процессе. Академик Деборин был снят с должности заведующего сектором новейшей истории Института истории АН СССР. Сотрудники сектора — евреи — как “неправильно подобранные” Дебориным кадры были уволены из Института. Несколько человек, ранее работавших вместе с Дебориным а Президиуме АН СССР, были арестованы. Их обвиняли в том, что они участвовали в террористической группе, задачей которой было уничтожение руководителей Академии наук. Деборин же изображался следователями МГБ покровителем этой группы» (см.: Корсаков С.Н., Деборин М.Г. Борьба академика А.М. Дебо-

кто-то погиб в лагерях. О чём они думали, когда шли на расстрел или погибали от тоски, издевательств и, главное, от неправды? Одно дело, когда государство убивает тебя за реальные преступления, тобой содеянные (хотя и это жестоко) — и совсем другое дело, когда тебя уничтожают только за веру в то, что философия это любовь к мудрости. Шестая глава книги Яхота заканчивается словами: «*Течения, получившего название “меньшевистующий идеализм”, на самом деле не существовало*» (курсив Яхота).

«О диалектическом и историческом материализме»

Принято считать, что после 1931 г. начался истинно ленинский период в развитии марксистской философии. Однако самые догадливые уже поняли, что Ленин сегодня — это Сталин. Поскольку к ленинскому этапу возвращаются по сей день, приведем некоторые факты из книги Яхота.

В начале 30-х гг. XX в. советские философы клялись, что они расправятся с меньшевистующими идеалистами за то, что недооценили Ленина. В конце 30-х гг. о Ленине почти не вспоминают. Уже в 1932 г. на страницах журнала ПЗМ появилось: «Во главе нашей партии стоит выдающийся *диалектик*, вождь нашей партии т. Сталин» (курсив мой. — А.К.). Или в этом же году: «Мы особое внимание должны обратить на изучение и пропаганду разработки диалектики нашей эпохи в работах Ленина и Сталина». Имя Ленина еще не сходит со страниц, но цель совсем другая: осветить деятельность Ленина величием Сталина. Главный смысл в том, что понять ленинский этап в философии можно только постигая Сталина, поэтому вся философия начала перекраиваться под Сталина, и ему стали приписывать непомерные заслуги в создании новой марксистской диалектики.

Яхот отмечает, что уже в программе по диалектическому

рина за научную и общественную реабилитацию: повесть в документах и свидетельствах // Философский журнал. 2014. № 1(12). С. 117–118). Уже по инерции после смерти Сталина 20 марта 1953 г. состоялось заседание Президиума АН СССР, посвященное разбору персонального дела Деборина, где он был обвинен в том, что длительное время вел «пропаганду меньшевистующего идеализма» (там же. С. 120). По указанию Сталина органами МГБ был составлен «Тerrorистический центр» во главе с Дебориным, и можно только предполагать о далёко идущих целях Сталина...

116 А.С. Карпенко

материализму, опубликованной в 1937 г., Ленина почти нет — доминирует Сталин. В списках литературы, рекомендованной к некоторым темам, тоже ни одного произведения Ленина — только Сталин и... Берия. О Ленине вспоминают лишь тогда, когда речь идет о борьбе с друзьями Ленина — Троцким и Бухариным. В год шестидесятилетия Сталина (1939) в последнем номере ПЗМ даже появилась лирика, обычно не свойственная большевикам: «История человеческой мысли знала многих гигантов. Вы стоите в ряду величайших» (с. 81). Почему не самый величайший? Просто еще не успели до конца освоить выхолощенный и доведенный до крайнего примитивизма текст Сталина «О диалектическом и историческом материализме», включенный в качестве 2-го раздела IV главы в катехизис «Краткий курс истории ВКП(б)», вышедший в 1938 г.¹⁴²

Сразу же после выхода книги произошла ее канонизация. Специальным Постановлением ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «Краткий курс истории ВКП(б)» и его раздел «О диалектическом и историческом материализме» были объявлены «энциклопедией основных знаний в области марксизма-ленинизма», представляющей собой «официальное, проверенное ЦК ВКП(б) толкование основных вопросов истории ВКП(б) и марксизма-ленинизма, не допускающее никаких

¹⁴² Опубликован также в газете «Правда» 12 сентября 1938 г. Вот уж никак не думал, что мне придется читать этот текст. А начинается он с определения «диалектического материализма»: «Диалектический материализм есть мировоззрение марксистско-ленинской партии. Оно называется диалектическим материализмом потому, что его подход к явлениям природы, его метод изучения явлений природы, его метод познания этих явлений является *диалектическим*, а его истолкование явлений природы, его понимание явлений природы, его теория — *материалистической*» (курсив Сталина). Таким образом, диалектический материализм называется диалектическим, потому что он диалектический, и материалистическим, потому что он материалистический, т.е. всё сводится к наипростейшей тавтологии: *A* есть *A*. Совсем неплохо для начинающего семинариста, очарованного пустотой и мертвящим холодом тавтологического мышления. Из этой тавтологии можно получать другие тавтологии, например, *A* есть *A*, потому что *A* есть *A*, и т.д. Теперь понятен стиль политических обвинений: «Этот подлец является троцкистом, потому что вел контрреволюционную троцкистскую деятельность», т.е. потому, что он троцкист. И этим погублено столько жизней! Так на руинах двух «уклонов» (механисты /диалектики/) родилась сталинская философия. Но суть философии не в том, чтобы всё сводить к тривиальностям, а наоборот, чтобы непрестанно выходить за границы любого мышления.

произвольных толкований»¹⁴³. Теперь на десятилетия вперед любые попытки развития марксистско-ленинской философии (а другой не было) в лучшем случае расценивались как ревизия, а в худшем — как извращение. В обоих случаях применение репрессий привело к полной стагнации философского знания, а результатом насильственного насаждения марксизма-ленинизма явилось отвращение к философии, как таковой.

Главный итог борьбы Сталина за марксистско-ленинскую философию в 30-е гг. XX в. заключался в том, что дорога к славе величайшего диалектика всех времен и народов была расчищена и утрамбована¹⁴⁴. Правда, и на этой дороге порой случались мелкие неприятности.

Новая дискуссия. Весьма амбициозным проектом в конце 30-х гг. стала многотомная «История философии», которой предстояло в свете сталинского видения переоценить историю человеческой мысли, начиная от античных времен (т. I) до нынешних (т. VII — Ленин и Сталин). В Институте философии АН СССР была развернута работа над всеми томами, и уже в 1941 г. вышли первые два тома под редакцией Г.Ф. Александрова, Б.Э. Быховского, М.Б. Митина и П.Ф. Юдина. В 1943 г. авторский коллектив этих томов был удостоен Сталинской премии I степени. В этом же году выходит третий том (первая половина XIX века) и неожиданно подвергается резкой критике. Всё началось с доноса З.Я. Белецкого¹⁴⁵ Сталину. В результате, вопрос о III т. обсуждался на заседании Политбюро ЦК, и в мае 1944 г. было принято специальное постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII — начала XIX веков», направленное против «возвеличения Гегеля». Книга была лишена присуждённой ранее Сталинской премии,

¹⁴³ С 1938 г. по 1953 г. «Краткий курс ВКП(б)» издавался 301 раз в количестве 42 816 000 экземпляров на 67 языках. Поощрялось заучивание отдельных отрывков на память и самые правоверные пытались заучивать...

¹⁴⁴ О претензиях Сталина на ведущую роль в философии см. гл. 5 в: Сойфер В.Н. Сталин и мошенники в науке. М., 2012.

¹⁴⁵ В 1943—1953 гг. заведовал кафедрой диалектического и исторического материализма философского факультета МГУ. Современники называли Белецкого «красным террористом». О нем ходило много анекдотов, среди которых следующий: когда его спросили что есть истина, он, распахнув окно аудитории (тогда факультет находился на Моховой) и, указав на Кремль, воскликнул: «Вот она — истина!»

118 А.С. Карпенко

зато широкую известность получило приписываемое Сталину определение гегелевской философии как аристократической реакции на французскую революцию и французский материализм, причем сам Гегель определялся как апологет прусско-юнкерской монархии. И лишь немногие обратили внимание на то место в редакционной статье журнала «Большевик», где указывалось, что «авторы III тома *необоснованно* приписывают Гегелю распространение диалектики на общественную жизнь»¹⁴⁶ (курсив мой — А.К.). В том-то и дело, что указывать нужно было на того, *кто* в действительности распространял диалектику на общественную жизнь! В итоге, работа над «Историей философии» была прекращена, а сам III т. из научного обихода изъяли. Быховского выгнали из Института философии, а Б.С. Чернышев, считавшийся большим эрудитом в различных направлениях истории философии и в основном написавший главу, посвященную Гегелю, в том же году умер от инфаркта. В.Ф. Асмус подвергся очередной «проработке».

Наступление на гегелевскую диалектику этим не ограничилось, а напротив, стало набирать силу. Сложившейся ситуацией воспользоваться Г.Ф. Александров, возглавлявший управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) и решивший упрочить свое положение на философском олимпе¹⁴⁷. В 1946 г. он переиздает с дополнениями свой учебник 1939 г. «История западноевропейской философии» и организует в печати кампанию восхваления этой книги. Она получает Сталинскую премию (второй степени), и в 1946 г. Александров становится академиком АН СССР. Однако вскоре последовал новый донос Белецкого¹⁴⁸ Сталину, где сообщалось, что в книге Александрова решение ЦК о третьем томе «Истории философии» «сведено на нет». На этот раз всё оказалось серьезнее.

¹⁴⁶ О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX в. // Большевик. 1944. № 7–8. С. 16–17.

¹⁴⁷ Подробно всему этому, а также философско-идеологическому хитросплетению последующих событий и трансформации советской философии был дан глубокий анализ в: Добренко Е. Метасталинизм: диалектика партийности и партийность диалектики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 3(27). С. 26–64; Добренко Е. Метасталинизм: диалектика партийности и партийность диалектики (II) // Там же. № 4 (28). С. 253–298.

¹⁴⁸ После предыдущего доноса он получил орден Трудового Красного Знамени.

Сталин предлагает организовать обсуждение «Истории западноевропейской философии» в Институте философии, видимо, с целью устроить показательную порку начальника Агитпропа. Дискуссия продолжалась три дня в середине января 1947 г., и материалы обсуждения были направлены в секретариат А.А. Жданова. Однако обсуждение оказалось «беззубым», поскольку критиковать своего непосредственного руководителя, начальника Управления пропаганды и агитации ЦК, никто не решался. Тогда Сталин распоряжается о проведении новой широкой дискуссии, в ходе которой Александров должен быть окончательно дискредитирован. Вторая дискуссия, проходившая уже в ЦК под руководством Жданова с 16 по 25 июня 1947 г., имела гораздо более высокий статус и в официальных партийных документах называлась «Совещание работников научно-философского фронта, посвященное дискуссии по книге Г.Ф. Александрова “История западноевропейской философии”». На нем присутствовала практически вся идеологическая номенклатура страны, а в президиуме — секретари ЦК ВКП(б). Всё это означало, что философия стала непосредственным продуктом работы идеологического аппарата государства.

Открывая совещание, Жданов заявил, что «потребовалось вмешательство Центрального Комитета и лично товарища Сталина, чтобы вскрыть недостатки книги». Книге Александрова инкриминировалось, прежде всего, отсутствие партийности, но оказалось, что вопрос стоит о необходимости вскрытия серьезных недостатков не только в учебнике Александрова, но и в положении дел на всем философском фронте. 19 июля 1947 г. на заседании Секретариата ЦК ВКП(б) было принято постановление «Об издании журнала “Вопросы философии”» (главным редактором стал Б.М. Кедров), в четвертом пункте которого указывалось об обязательной публикации в этом журнале материалов только что прошедшей дискуссии¹⁴⁹. Сам Александров, возомнивший себя чуть ли не «классиком» (и это при живом Сталине!), уступил свое место М.А. Суслову, был значительно понижен в партийно-идеологической иерархии и назначен директором Института философии АН СССР.

¹⁴⁹ Дискуссия по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии», 16–25 июня 1947 г.; Стенографический отчет // ВФ. 1947. № 1.

О последствиях дискуссии в специально посвященной ей работе сказано так: «И многие годы и десятилетия придется преодолевать тот паралич философской мысли, который охватил философов после дискуссии 1947 г.»¹⁵⁰.

Приписывание Гегелю шовинистических нацистских взглядов, обвинения в реакционности и контрреволюционной сущности его воззрений («троцкистом» Гегеля все-таки не называли...) было всего лишь ширмой, прикрытием чего-то очень важного и самого главного. Многие исследователи в дальнейшем пытались разобраться, почему стали так изничтожать Гегеля, диалектика которого была названа Лениным одним из источников марксизма. Близко к решению этой проблемы подошел в своей книге Яхот, но наиболее точный ответ,озвучный и моему пониманию атмосферы того времени, был сформулирован Добренко: «Гегель был слишком важен для марксизма: собственно, он-то и был его философским основанием (вся “философия марксизма” — диалектический материализм, — изложенная в «Кратком курсе», была лишь пересказом Гегеля). Гегель был слишком могуч как мыслитель — настолько, что его было невозможно обойти в изложении “основ марксизма”. Именно потому, что “рациональное зерно” гегелевской системы — диалектика — стало обоснованием революционного теоретизирования, именно потому, что Гегель стал воплощением философии как таковой, именно потому, что гегелевская диалектика, своеобразно воспринятая в качестве “диалектической логики”, конструкции гибких и изменчивых понятий, стала, по сути, сталинским образом политического мышления, сам первоисточник подлежал удалению подальше от глаз»¹⁵¹. Уже в борьбе против меньшевистствующих идеалистов одним из основных обвинений было преклонение перед Гегелем и утверждение его важности для марксистской теории. Таким образом, Гегель не только как философ, но и как великий диалектик был устранен с пути Сталина, а сама гегелевская диалектика была окончательно перевернута с ног на голову. В этом перевертывании законы диалектики становятся мощным оружием: «Законы диалектики становятся в руках художника-вождя законами трилле-

¹⁵⁰ Есаков В.Д. К истории философской дискуссии 1947 года // Вф. 1993. № 3. С. 106.

¹⁵¹ Добренко Е. Цит. соч. № 3. С. 46.

ра. В сталинизме нет иных правил, кроме партийности (читай: диалектики), которая сама — лишь принцип произвола и, соответственно, ключевой принцип террора»¹⁵² (курсив автора).

Основной целью «Краткого курса истории ВКП(б)» являлась максимальная фальсификация самой истории в государственном масштабе, со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе, и для философии. Как это стало возможным? Очевидно, был совершен поэтапный переход от диктатуры пролетариата, декларированной Марксом, к диктатуре одной партии, осуществленный Лениным, чтобы затем под прикрытием Ленина смогла реализоваться диктатура Сталина. Принцип партийности философии, провозглашенный Лениным и утверждающий, что философия должна отражать интересы определенной партии, стал исключительно удобным средством для крайней политизации философии и устранения из нее всякого философского содержания. Теперь через философию, которая становится «комиссаром», можно извратить любой факт и оболгать все. Именно такую функцию и выполняет идеология при тоталитарных режимах, но вопрос об идеологии стоит особняком, и мы еще к нему вернемся.

В заключение этого раздела приведу характеристику Сталина как философа: «Продолжая линию Ленина на превращение философии в политизированный феномен — орудие тоталитарного режима, С. создал и институализировал устойчивую систему генерирования, отбора, вертикальной ротации и воспроизведения ангажированных властью идеологических кадров, тем самым надолго трансформировав официальную-государственную философскую мысль в СССР в агрессивную духовную субстанцию реакционно-религиозного характера»¹⁵³. К этому стоит добавить следующее: «Ни Маркс и Энгельс, ни тем более Ленин, не говоря уже о Сталине, философами не были. Они писали на философские темы лишь в связи с иными, более актуальными для них политическими, идеологическими и экономическими сюжетами»¹⁵⁴.

¹⁵² Добренко Е. Цит. соч. № 4. С. 295.

¹⁵³ Новейший философский словарь / Ред. и сост. А.А. Грицанов. Мин.: Изд. Б.М. Скакун, 1998 (изд. 3-е, испр. в 2003).

¹⁵⁴ См.: Добренко Е. Цит. соч. № 3. С. 45.

Философия на первом вздохе

После смерти Сталина еще как бы по инерции продолжалось идеологическое уничтожение механистов и меньшевистствующих идеалистов. В 1955 г. по этой теме было защищено сразу три диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук с почти одинаковыми названиями: *Чудинов Э.М.* Разгром Коммунистической партией Советского Союза механицизма и меньшевистствующего идеализма в философии и его историческое значение¹⁵⁵; *Шендрек Н.И.* Борьба Коммунистической партии Советского Союза против механицизма и меньшевистствующего идеализма (1920–1932 гг.); *Шишкин Н.С.* Борьба Коммунистической партии Советского Союза за философские основы марксизма-ленинизма против меньшевистствующего идеализма. Вся эта риторика свидетельствует об огромном влиянии, которое оказывала идеологическая обработка на массовое сознание, и о том, во что превращалась философия. Только к середине 60-х годов на волне разоблачения культа личности Сталина на XX съезде КПСС (1956 г.) послышались робкие голоса противников огульного охаивания философских взглядов Деборина и некоторых других, но, конечно, с позиции марксизма-ленинизма. Этому периоду посвящен раздел «Об оценке событий тех лет» в 4-ой главе книги Яхота и §2 «Исследования деятельности деборинской группы в 60-е» гг.» в статье Н.Б. Коршунова¹⁵⁶.

Большим событием научной жизни стал выход в 1965 г. шестого тома «Истории философии»¹⁵⁷, первая книга которого была посвящена истории философии в СССР. Наконец-то, со страниц авторитетного издания признавалось, что «в фи-

¹⁵⁵ Первое слово в названии диссертации Чудинова явно ассоциируется с названием знаменитого романа А.А. Фадеева «Разгром», в котором описываются события, происходящие в 1920-е годы во время Гражданской войны в Уссурийском крае.

¹⁵⁶ Коршунов Н.Б. Так называемый «меньшевистствующий идеализм» в исследованиях историков русской философии (1951 – 2001). Часть 1 // Философские науки. 2002. № 6. С. 52–73; Часть 2 // Там же. 2003. № 1. С. 25–46. См. также его предыдущую статью: Коршунов Н.Б. Подавление инакомыслия и философская полемика в СССР в начале 1930-х гг. // Философские науки. 2000. № 4. С. 75–88.

¹⁵⁷ История философии. Т. VI (Кн.1, 2) / Ред. М.А. Дынник, М.Т. Иовчук, Б.М. Кедров, М.Б. Митин, Т.И. Ойзерман, А.Ф. Окулов. М., 1965.

лософской полемике 20-х – начала 30-х годов допускались перегибы <...> не было, однако, оснований считать философские взгляды Деборина и его учеников политической методологией троцкизма, законченной антимарксистской концепцией. В последствиях, в условиях культа личности, Деборин и ряд других товарищей, допускавших ошибки в философии, несправедливо были по существу отстранены от активной философской деятельности, а некоторые советские философы подверглись необоснованным репрессиям, что нанесло ущерб философской науке»¹⁵⁸. Так, хотя и в весьма завуалированной форме, было впервые сказано о репрессиях против философов¹⁵⁹.

Однако от внимания Яхота и Коршунова ускользнуло одно важное событие. В декабре 1965 г. в редакции журнала «Вопросы философии» состоялось обсуждение шестого тома «Истории философии», где шел разговор об истории советской философии¹⁶⁰. Для нас это обсуждение особенно важно еще и потому, что здесь впервые появляется А.П. Огурцов¹⁶¹.

¹⁵⁸ Там же. С. 145.

¹⁵⁹ Справедливости ради надо отметить, что за год до этого выходит 3-й том «Философской энциклопедии» со статьей Митина «Меньшевистующий идеализм», где говорится, что «в условиях культа личности Сталина некоторые из представителей ошибочных течений в философии были неправильно объявлены врагами народа и безвинно репрессированы» (с. 389). Однако следующий абзац всё ставит на свои места: «В целом же принципиальная критика идеалистических извращений марксистской философии, допущенных Дебориным и его сторонниками в 20-х гг., имела большое значение для дальнейшего развития марксистской философской мысли, для популяризации философского наследия Ленина, обоснования ленинского этапа в развитии диалектического и исторического материализма».

¹⁶⁰ Совещание в редакции. Обсуждение VI тома «Истории философии» // ВФ. 1966. № 3. С. 157–181. В последующем на страницах ж. «Вопросы философии» будет проведено немало обсуждений различного формата, посвященных советской и русской философии: 1997. № 11. С. 3–38; 2008. № 9. С. 3–39; 2014. № 7. С. 3–38; 2015. № 5. С. 103–141.

¹⁶¹ Вообще этот год был значимым для Огурцова. В соавторстве с известным специалистом в области материалистической диалектики Тюхтиным выходит глава под названием «Ленин об элементах диалектики». В «Философских тетрадях» Ленина (1914–1915 гг.), многократно переизданных, содержится конспект книги Гегеля «Наука логики». Здесь Ленин, излагает шестнадцать элементов диалектики, последним из которых является следующий: «переход количества в качество и vice versa» (т. 29. С. 203). Вот именно этому элементу и посвящена глава: *Огурцов А.П., Тюхтин В.С. Ленин об элементах диа-*

124 А.С. Карпенко

Среди множества вопросов, которые обсуждались на совещании, наибольшее внимание привлекает дискуссия между “механистами” и “диалектиками”, а также вопрос о соотношении политики и философии. На выступлениях, посвященных этим вопросам, и остановимся.

Мирный ход обсуждения был нарушен выступлением сотрудника журнала «Вопросы философии» Огурцова. Он отметил, что «зачастую в VI томе философская мысль чрезмерно сближается с политической <...> а в параграфе, где рассматривается позиция школы А.М. Деборина, необходимо было бы более тщательно и глубоко проанализировать философскую специфику взглядов представителей этого направления, поставить вопрос об оценке его как “меньшевистующего идеализма”, которая, как говорится в этом томе, была дана И.В. Сталиным. Вообще для авторов этого параграфа характерна позиция умолчания, стыдливость и боязнь при изложении сложных процессов, происходящих в то время. Особенно неудовлетворительно написаны страницы, посвященные периоду культа личности» (с. 162). Здесь Огурцова призывает критиковать не только Сталина, но и работы советских философов, т.е. «kritиковать самих себя». Огурцова поддержал Л.И. Греков, сказав о необходимости более точной оценки деборинской группы как философской школы. Греков также констатировал, что «в определенный период имело место увлечение комментированием работ Сталина и чрезмерное подчинение философии политике, которое часто шло во вред философской науке» (с. 163–164). Не остался в стороне и В.В. Соколов, отметив, что «размытие границ между философией и идеологией приводит к тому, что часто

лектики // Диалектика — теория познания. М., 1965. С. 296–328. Хочется обратить внимание только на два момента из этой довольно-таки пространной главы. Во-первых, на бездоказательность и штампованность следующего утверждения: «Целый ряд задач, вставших в период Октябрьской социалистической революции, в период новой экономической политики, был успешно решен благодаря тому, что Ленин выявил диалектику революционных и эволюционных изменений, диалектику количественных и качественных изменений» (С. 327). Но самое большое впечатление производит безграничная вера в идеи марксизма-ленинизма. Здесь авторы цитируют Ленина: «Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни» (С. 313). И как могли Огурцова через два с половиной года исключить из КПСС?

вместо истории философии читатель встречается на страницах VI тома с историей партии, идеологической жизни страны и т.п.» (с. 164). В конце своего выступления Соколов не без ехидства заметил, что в первом томе Сталин оценивается как один из учеников Маркса, Энгельса и Ленина, а в данном томе он становится объектом критики.

Довольно-таки резким было выступление В.М. Каганова, поддержавшего характеристику группы Деборина, как скатившуюся в ряде вопросов на позиции меньшевистствующего идеализма (этот раздел в VI томе был написан Митиным). Каганову также понравилось, что в VI томе проводится принцип партийности философии и «доказывается тесная связь философии и политики». В этом смысле «философия <...> служит опорой политики партии» (с. 167). После этого последовало очень пространное и полностью политизированное выступление Митина, в котором он выложил свой главный козырь, вероятно, чтобы охладить пыл молодых философов, а может даже и напугать их: «У Деборина было прямое выступление в печати в 1908 году против В.И. Ленина, в котором он называл В.И. Ленина механистом, субъективистом. Деборин был меньшевиком» (с. 168). Это было сильно сказано! Можно только предположить, какое гробовое молчание повисло в аудитории после таких слов. Однако разнообразию мнений это все же не помешало.

Интересно выступление Ц.Г. Арзаканьяна: «Тесная связь философии с идеологией, политикой несомненна. Однако прозвучавшее здесь положение о том, что философия есть что-то вроде служанки политики, неверно. Философия и политика — различные области идеологии, а в нашем обществе они призваны служить одной общей цели: делу строительства коммунизма» (с. 169). Кажется, все согласны, что марксистско-ленинская идеология есть нечто незыблемое и вечное. В выступлении Арзаканьяна, кстати, впервые затронут очень важный вопрос (на который я также постараюсь дать ответ в своей работе) — является ли развитие советской философии непрерывным прогрессом или нет: «<...> вряд ли обоснованно утверждать, что и путь советской философии — путь непрерывного прогресса, как это, собственно, изображено в VI томе. Начиная с 30-х и до середины 50-х годов — почти двадцать лет у нас было заметное отставание философской мысли, снизился уровень философского образования, особенно историко-философского, объективный, научный, партийный философский

126 А.С. Карпенко

анализ часто подменялся навешиванием “политических”, а в действительности безответственных ярлыков <...>» (там же). В письме большой группы философов с Украины (среди которых был и М.В. Попович) подчеркивалось, что между «философским <...> и политическим знанием вообще нет взаимно-однозначного соответствия». Там отмечалось также, что «в книге стоило прямо сказать, что термин “меньшевистствующий идеализм” является неадекватным выражением философских воззрений группы Деборина» (с. 172). Такую оценку поддержал и В.А. Карпушин, по мнению которого «этот термин неправилен, причем он неправилен фактически, по содержанию» (с. 179). В заключительном слове М.А. Дынник, комментируя выступления о взаимоотношении философии с политикой, сказал, что «философия в определенном смысле действительно служит целям научного обоснования политики» (с. 180).

Пожалуй, из всех выступлений 60-х годов, посвященных данному периоду советской философии, обсуждение VI тома «Истории философии» являлось наиболее открытым и критичным.

27 февраля — 1 марта 1967 г. Институтом философии АН СССР и Научным советом АН СССР по истории общественной мысли был проведен Всесоюзный Симпозиум по актуальным проблемам истории философии и ленинского этапа ее развития¹⁶². В подготовке Симпозиума приняли участие Министерство высшего и среднего специального образования СССР, Всесоюзное общество «Знание» и Московский университет. Это было первое совещание философов со временем дискуссии 1947 г.¹⁶³ В докладе Иовчука и в ряде других

¹⁶² См. отчет: Богомолов А.С. Симпозиум по актуальным проблемам истории философии // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1967. № 5. С. 100—107.

¹⁶³ Для полноты картины упомянем всеми забытое Всесоюзное совещание по философским вопросам современного естествознания, которое проходило в Москве с 21 по 25 октября 1958 г. В отчете сказано, что данное совещание есть «пример правильно организованной, принципиальной дискуссии, где спорные научные вопросы решаются *не путем демагогических наскоков и наклеивания оскорбительных ярлыков*, а путем серьезного, глубокого анализа данных науки» (курсив мой. — А.К.). В работе совещания участвовали виднейшие ученые страны, специалисты различных отраслей знания. «На совещании постоянно присутствовали 20 академиков, 30 членов корреспондентов АН СССР, 15 академиков и 34 члена-корреспондента союзно-республиканских и отраслевых академий <...> 75 представителей партийных, советских и других организаций». Обсуждались философские вопросы квантовой механики, теории относительности, космогонии, физики элементарных частиц, а

выступлений «были подвергнуты критике утверждения о “деформации” и “застое” философской мысли СССР 30-х годов, о ее “изоляции” от философской мысли зарубежного мира в настоящее время» (с. 102). Только в выступлении Я.С. Блудова¹⁶⁴ (Харьков) было отмечено, что «при оценке дискуссий 20-х годов была допущена ошибка, состоящая в переносе научной полемики в сферу политических оценок, что привело к нарушениям научной демократии». Блудов «оспорил правомерность понятия “меньшевистующего идеализма” в применении к взглядам А.М. Деборина и его сотрудников». Однако даже эта «умеренная» оценка деборинской школы вызвала негодование. Как указано в отчете: «Ряд товарищей не согласился с этим, считая правильным принятые в условиях острой классовой борьбы Постановление ЦК партии <...> о журнале «Под знаменем марксизма»» (с. 103).

Откат

Перед тем, как перейти от последних уже холодных дуновений оттепели к настоящему морозу брежневской эпохи, сделаем одно предположение. В 1961 г. Деборину удается опубликовать сборник статей «Философия и политика», и он сразу же начал готовить новый том своих статей, где в качестве предисловия собирался поместить свои воспоминания. Однако сделать это он не успевает, Деборин умирает в 1963 г., а жестокая правда, содержащаяся в его «Воспоминаниях», все равно не была бы опубликована.

Только недавно эти «Воспоминания» были опубликованы Корсаковым¹⁶⁵, который совершенно прав, считая, что «этот текст является ценнейшим источником по истории отечественной философии советского периода». Деборин дает уничижи-

также вопросы кибернетики и биологии. В отчете подчеркивается, что «совещание прошло под знаком торжества идей диалектического материализма в современном естествознании». См.: Чесноков Е.Н. О Всесоюзном совещании по философским вопросам современного естествознания // ВФ. 1959. № 2. С. 86–88.

¹⁶⁴ В 1929–1930 гг. — первый ректор Харьковского университета. 1-го января 1935 г. арестован, но освобожден в 1939 г. Спасло его то обстоятельство, что он был посажен до того, как начался «Большой террор».

¹⁶⁵ Воспоминания академика А.М. Деборина // ВФ. 2009. № 2. С. 113–133.

тельную характеристику Сталину как философи, отмечая, что в очерке «О диалектическом и историческом материализме» («энциклопедия марксизма») «нет ни одной самостоятельной мысли», пишет о недовольстве Сталина «гегельянством» Ленина и о неправомерном провозглашении Сталина величайшим диалектиком. А вот какую цитату из доноса-статьи Митина приводит Деборин: «Карев, один из непосредственных организаторов убийства Сергея Мироновича Кирова, Стэн, один из руководителей подлейшей двурушнической террористической группировки Шацкина — Ломинадзе — Стэна, не менее десятка других участников троцкистско-зиновьевской шайки — вот кем оказались руководители и кадры меньшевиствующего идеализма». И буквально пронзает душу то чувство, с которым Деборин спешит дать зарисовки-портреты своих уничтоженных учеников, впоследствии старательно стираемых из памяти советской философской мысли. Вот его резюме: «Сталинский смерч смел с лица земли целое поколение научных работников — философов, историков, экономистов, правовиков, естественников и т.д.»¹⁶⁶

А мое предположение состоит в том, что будь эти «Воспоминания» опубликованы во времена хрущевской оттепели, еще до наступления заморозков, то последующее развитие советской философии могло быть другим. Однако этому не суждено было сбыться.

Уже в 1966 г. в ж. «Вопросы философии» последовал откат на прежние позиции. Здесь появляется статья П.В. Алексеева¹⁶⁷ (принимавшего участие в обсуждении VI тома «Истории философии»), которая заканчивается так: «В связи с постановкой вопроса о философском наследстве В.И.Ленина, о ленинском этапе в развитии марксистской философии вся дискуссия [с механистами] была затем поднята на новую ступень. Началась борьба на два фронта: против механицизма и против формалистического уклона [т.е. против диалектиков] за партийность в философии, что нашло свое отражение и партийно-политическую оценку в историческом постановлении ЦК ВКП (б) от 25 января 1931 года «О журнале “Под знаменем марксизма”» (курсив мой. — A.K.).

¹⁶⁶ Там же. С. 126.

¹⁶⁷ Алексеев П.В. Дискуссия с механистами по проблеме взаимосвязи философии и естествознания // ВФ. 1966. № 4. С. 44—54.

В следующем году выходит статья А.В. Щеглова¹⁶⁸ (принимавшего участие во Всесоюзном Симпозиуме...), впервые специально посвященная интересующей нас теме. В ней отмечается, что «дискуссия 1929–1931 гг. носила подлинно демократический характер» (с. 116). Острота же дискуссии «обусловлена в значительной степени обострением в эти годы классовой борьбы в Советском Союзе и на международной арене, в том числе и борьбы идеологической». Отмечается позитивная роль «быстро созревших в процессе борьбы» молодых коммунистов под руководством Митина. И главное: «В ходе дискуссии порой происходили *перегибы*¹⁶⁹ (курсив мой. – A.K.). Если физическое уничтожение большого числа философов всего лишь «перегибы», что же тогда означает тотальный террор?

Через два года после обсуждения VI тома «Истории философии» выходит статья главного редактора ж. «Вопросы философии», академика Митина¹⁷⁰, который настаивает на том, что философская деятельность в силу своей специфики не может стоять вне политики, а также подчеркивает, что «можно говорить о большом *положительном значении этих дискуссий*» (курсив автора), и, звучит почти издевательски: «Нельзя не отметить некоторых отрицательных явлений, обнаруженных в ходе дискуссии. Взгляды Деборина и его группы порой характеризовались как проявление классово враждебной идеологии, как идеализм, антиленинизм, политическая методология троцкизма, а сами они — как политическая агентура меньшевизма. *Подобного рода утверждения отступали от действительного смысла Постановления ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 года*¹⁷¹ (курсив мой. – A.K.). Я привожу эту большую цитату, потому что это не личное мнение Митина (он его не имел), а официальная партийно-государственная установка на освещение событий тех лет.

¹⁶⁸ Щеглов А.В. Философские дискуссии в СССР в 20-х и в начале 30-х годов // Философские науки. 1967. № 5. С. 110–118.

¹⁶⁹ Там же. С. 116.

¹⁷⁰ Митин М.Б. Некоторые проблемы развития диалектического материализма в послеоктябрьскую эпоху // ВФ. 1968. № 1. С. 14–24.

¹⁷¹ Там же. С. 17.

Между выходами 3-го и 5-го томов «Философской энциклопедии» прошло всего 6 лет, но идеологическая обстановка радикально изменилась, не оставив от «оттепели» ни следа. В 5-ом томе публикуется статья «Философская наука в СССР», где читаем: «В борьбе с троцкизмом, правым и “левым” оппортунизмом и др. антиленинскими группировками и течениями партии и ее видные деятели в 20–30-е гг. М.И. Калинин, С.М. Киров, В.В. Куйбышев, И.В. Сталин, М.В. Фрунзе, Е.М. Ярославский и др. отстаивали и развивали идеи марксизма-ленинизма, в т. ч. и философские <...>. Во 2-ой пол. 20-х – начало 30-х гг. проблемы философской науки широко обсуждались *на свободных дискуссиях* в печати и собраниях <...>. Механистич. филос. концепция Н. Бухарина, при помощи к-рой “обосновывались” его правооппортунистич. взгляды, была подвергнута критике в конце 20-х гг. в работах И.В. Сталина и др. сов. марксистов»¹⁷² (курсив мой – А.К.). Поразителен этот уникальный список «выдающихся» философов-большевиков¹⁷³, но не менее поразителен и другой, когда говорится, что ошибки механистов «были подвергнуты критике, в частности, А. Дебориным, Н. Каревым, И. Лупплом, Я. Стэном, Г. Тымянским и др. философами» (с. 361). В то же время они «сами допускали существ. ошибки формалистич. и идеалистич. характера, выразившиеся в сближении диалектич. материализма с идеалистич. диалектикой Гегеля, в недооценке ленинского филос. Наследия <...>». Но дело в том, что все философы из этого списка, кроме Деборина, были *расстреляны*? и авторы указанной статьи не могли этого не знать. Очевидно, они были уверены, что правда *никогда* не будет сказана.

¹⁷² Богданов Б., Иовчук М., Каганов В. Философская наука в СССР // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 359–369.

¹⁷³ Как же поредел список партийных философов! Пришлось выбирать из пустоты, а именно из тех, кого не затронул сталинский террор. Так, стали «видными» философами Калинин, Киров, Куйбышев и Фрунзе, не имеющие к философии вообще никакого отношения, даже самого отдаленного. Имел отношение к философии Ярославский, один из создателей и руководителей хорошо вооружённых формирований при РСДРП, занимавшихся так называемыми экспроприациями – грабежами банков и частных лиц, средства от которых направлялись на партийные нужды. Позже громил и «механистов», и «диалектиков». Председатель «Союза воинствующих безбожников». Составлял и подписывал списки запрещённых книг, в которые вошли произведения Платона, Канта, В. Соловьёва, Л. Толстого, Ф. Достоевского и др.

Так заканчивались 60-е годы, в конце которых начались «идеологические погромы»¹⁷⁴. В 1969 г. Ю.А. Левада, «за идеологические ошибки», допущенные в «Лекциях по социологии», которые, в частности, состояли в том, что не была освещена роль классов и классовой борьбы как решающей силы развития общества, был лишен звания профессора. После выхода книги под ред. М.Я. Гефтера «Историческая наука и некоторые проблемы современности» (1969) сектор методологии истории, возглавляемый им, был закрыт по указанию ЦК КПСС с формулировкой «по идеологическому несоответствию». 12 и 13 мая 1970 г. по рекомендации Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС в Отделении философии и права Академии наук СССР состоялось обсуждение книги «Ленинизм и диалектика общественного развития», написанной коллективом научных сотрудников Института философии АН СССР (редколлегия в составе В.Ж. Келле, В.В. Денисова и Е.Г. Плимака) и выпущенной в издательстве «Наука» в том же году. Этому обсуждению предшествовал донос в ЦК, указывающий, что в 6-й главе делается попытка оправдать существование в партии оппозиции как объективно необходимого и закономерного явления, а это не что иное, как попытка реабилитации Троцкого и Бухарина. Уже 27 мая состоялось партийное собрание сотрудников Института философии АН СССР, на котором обсуждали вопрос «О работе с кадрами в Институте», и там книга была подвергнута резкой критике за идеально-теоретические ошибки.

В 70-е годы идеологический контроль стал резко усиливаться. Вот только несколько примеров из предисловия к книге «Как это было»¹⁷⁵. Всю жизнь под подозрением в разного рода идеологических прегрешениях был В.Ф. Асмус. В 70-е годы был запрещен к изданию большой труд А.Ф. Лосева о философии В.С. Соловьева¹⁷⁶. Б.М. Кедрова несколько

¹⁷⁴ Термин введен А.И. Володиным. К этому мы еще вернемся.

¹⁷⁵ Лекторский В.А. От редактора // Как это было: воспоминания и размышления. М., 2010. С. 12–13.

¹⁷⁶ Хотя Асмус и Лосев всегда были знаковыми фигурами в советской философии, но участия в дискуссиях 20–30-х годов они не принимали и уцелили... Правда, Лосев прошел «перековку» на Беломорско-Балтийском канале, а Асмус в 30-е годы ожидая ареста, держал приготовленным в прихожей чеподанчик. Асмуса я застал в 1969 г., будучи студентом 1-го курса философского ф-та МГУ слушал его лекции по древнегреческой философии (а начал он

раз снимали с занимаемых им постов и объявляли ему взыскания по партийной линии. А.А. Зиновьева, М.К. Петрова и Г.П. Щедровицкого исключили из партии (Зиновьева затем выслали из страны). Журнал «Вопросы философии» под руководством Фролова стал считаться «ревизионистским», и в 1974 г. редакция была разогнана, а сам журнал реорганизован с целью «выправить линию журнала в ряде вопросов, сделать его более боевым и партийным органом нашей философской науки». Но чем же были вызваны все эти гонения и идеологические проработки? Ведь главный и неизменный объект деятельности один и тот же — марксистско-ленинская философия, причем, никто не представлял себе жизни ни общественной, ни личной без этой философии. Оказывается, всё дело в том, что ее нельзя было *разивать*, потому что существовал *канон*. А что же тогда можно? «Более углубленное» прочтение работ Ленина. Причем углубление не должно выходить за рамки углубляемого. В силу скудости философского наследия, оставленного Лениным, — это была титаническая задача, требующего максимального напряжения всех интеллектуальных способностей¹⁷⁷, то же самое относится к Marxu и Энгельсу.

Но когда вдруг появился В.Ж. Келле, крупнейший, если не самый крупный специалист по историческому материализму, и начал говорить о каких-то общественных формациях, не до конца проясненных Марксом и Энгельсом (и взявшись на себя смелость всё окончательно прояснить), то ничего другого, кроме злобы, ненависти и зависти у коллег это не

первую лекцию на древнегреческом) и сдавал ему зачет. Редкой доброты был человек.

¹⁷⁷ Тем не менее, с этой задачей справлялись. В одной только второй главе («История философии». 1965. Т. 6. Кн. 1), которая называется «Развитие марксистской философии В.И. Лениным в послеоктябрьский период», встречается более 250 ссылок на Ленина. Хотя в этот период Лениным была написана только одна статья, которую с натяжкой можно отнести к философской, а именно «О значении воинствующего материализма», рассмотренная нами выше. Как пишет В.А. Леглер: «При долгом существовании с опорой только на канонический текст может возникнуть кризис в связи с отсутствием дальнейших проблем для разработки. Например, советские философы за полвека в десятках тысяч книг и диссертаций использовали все словосочетания, которые можно было извлечь из трудов классиков, и вынуждены были бесконечно повторять одно и то же». См.: Леглер В.А. Идеология и квазинаука // Философские исследования. 1993. № 3. С. 68–82.

могло вызвать. В конце концов, в 1974 г. Келле пришлось самому оставить сектор исторического материализма, который он возглавлял, и уйти из Института философии. Незадолго до смерти В.Ж. Келле состоялась его беседа с главным редактором ж. «Вопросы философии» Б.И. Пружининым¹⁷⁸. В ней упоминались также и события 1974 г. Но нам сейчас интереснее такие темы, поднятые Пружининым, как новое наступление идеологии (хотя еще не забыты времена, когда «идеология господствовала и пыталась поглотить всю сферу интеллектуальной и духовной жизни») и, что чрезвычайно важно, — *вопрос о соотношении идеологии и реальности*. Именно за попытки отделить идеологию от познания социальной реальности Келле и его соавторы подверглись в свое время обструкции.

Здесь я бы хотел обратить особое внимание на то, что основной и единственной функцией марксистско-ленинской идеологии было *создание новой реальности*, в этом суть любой тоталитарной идеологии. И когда специалисты по историческому материализму, даже самые выдающиеся, разделяют идеологию и познание той самой реальности, которую создала эта идеология, то они, в сущности, пытаются отделить *идеологию от идеологии*. Непрерывное поддержание искусственной реальности, которая постепенно переходит в ирреальность, требует мощного репрессивного аппарата, потому что возникает несоответствие, противоречие между искусственной реальностью и действительностью. И здесь существуют только два пути: либо война против своего народа, либо крушение идеологии. Таким образом, всё зависит от *оснований идеологии*. Если эти основания *ложны*, то крах идеологии неизбежен, и это может привести к гибели государства. Или: террор должен быть перманентным, до последнего человека, что тоже ведет к гибели государства, если не всего мира...

Наиболее яркой и трагической фигурой своего времени является Э.В. Ильенков, который еще в 1953 г. был обвинен в гегельянстве. В.Н. Садовский пишет, что в середине 50-х гг. на философском факультете МГУ произошло «решительное восстание аспирантов и некоторых молодых преподавателей против произведенного партийно-философской элитой в конце 40-х — начале 50-х гг. изнасилования исто-

¹⁷⁸ См.: Беседа Б.И. Пружинина с В.Ж. Келле (11 мая 2010 г.) // ВФ. 2011. № 1. С. 60–66.

134 А.С. Карпенко

рии русской философии. То, чем в то время являлась русская философия, об этом сегодня даже страшно вспоминать»¹⁷⁹. Несомненно, во главе этого «восстания» были А.А. Зиновьев и Э.В. Ильенков, а его главной целью было возвращение к диалектике Маркса «Капитала» и его предшественников в разработке диалектики, при этом особо подчеркивалось значение Гегеля. Таким образом, диалектика Гегеля реанимировалась, и на этой основе Ильенков стал разрабатываться *особую* концепцию диалектической логики¹⁸⁰. Всё это нашло широкий отклик у студентов и молодых преподавателей, но вызвало жесткие ответные действия, поскольку: «последовательное развитие нового подхода означало, что ведущие специалисты по диалектике сразу же оказывались не у дел, а их пространные и торжественные комментарии к “краткому” сталинскому варианту диалектического метода выглядели как дилетантские и даже комичные. Это они сообразили сразу и связали подлинную охоту на ведьм <...> Постоянно кого-то громили, выводили на чистую воду, тащили на дыбу»¹⁸¹. Уже в самом начале деятельности Ильенкова его взгляды были определены как «извращение философии марксизма». Причем, Ильенков не раз встречался с Дебориным и, по-видимому, высоко ценил его изыскания в области марксистской диалектики. Закончилось все это самоубийством Ильенкова 21 марта 1979 года¹⁸².

В 70-е годы всё в большей и большей степени начинали преобладать политические стереотипы и оценки 30-х годов, отличаясь лишь тем, что по отношению к «меньшевистующим идеалистам» уже не употреблялись такие выражения, как «контрреволюционные троцкисты». В уже упоминаемом мною разделе «Об оценке событий тех лет» Яхот делает такой вывод: «Вместо того чтобы заклеймить одно из тяжелейших

¹⁷⁹ Садовский В.Н. Философия в Москве в 50-е и 60-е годы // ВФ. 1993. № 7. С. 159.

¹⁸⁰ Здесь стоит отметить абсолютное неприятие Ильенковым любой логики, кроме диалектической, и фанатичную ненависть к формальной. Я, пройдя специализацию на кафедре логики философского факультета МГУ, с этим никогда не мог согласиться.

¹⁸¹ См.: Митрохин Л.Н. «Докладная записка»-74 // ВФ. 1997. № 8. С. 50.

¹⁸² Панихида проходила в Институте философии. Присутствуя на его похоронах, я выслушал много различных речей, в том числе и от людей, подвергавших Ильенкова травле.

злодеяний, известных в истории, — массовое уничтожение ученых за взгляды, высказанные в научном споре, — делается все возможное, чтобы затушевать, замаскировать, глухо что-то «признать», но так, чтобы все осталось по-старому»¹⁸³. Первый свободный вздох философии оказался последним еще на двадцать с лишним лет.

Надо сказать, что при обсуждении VI тома «Истории философии» не раз возникал вопрос о необходимости написания всеобъемлющего труда по истории советской философии, об этом говорилось и на Симпозиуме 1967 г. Несомненно, это ускорило проведение научно-исследовательской работы по подготовке и публикации «Истории философии в ССР». Первые четыре тома вышли с 1968 г. по 1971 г., а первая книга пятого тома, непосредственно посвященного советскому периоду, припозднилась и, как мы уже знаем, появилась лишь в 1985 г.

Итак, мы возвращаемся к тому, с чего начали, к знаменитому 5-му тому. Что же там было сказано о дискуссии конца 20-х начала 30-х годов? Берем главу VII «Проблемы диалектического материализма в советской философской науке в переходный период от капитализма к социализму (первая половина 30-х годов)», написанную В.Н. Колосковым. В самом начале читаем: «В центре этой дискуссии стояла борьба за ленинизм» (!) Никакой борьбы за ленинизм не было и быть не могло, потому что никто против Ленина в то время выступать не мог, по определению. Таких сумасшедших среди философов не было. Упоминается также, что в дискуссии было «почти полное отсутствие критики методологических основ троцкизма». А ведь на дворе уже 1985 год! И, наконец, окончание главы: «Философская дискуссия конца 20-х — начала 30-х годов и *последующая положительная творческая деятельность* советских ученых-марксистов по освоению, разработке и пропаганде диалектического материализма сы-

¹⁸³ Однако не надо думать, что именно «за взгляды, высказанные в научном споре» было уничтожено «целое поколение» философов. Это только повод. Когда машина террора запущена, то не имеет значения кто ты: марксист (с различными уклонами), троцкист, ревизионист или еще какой-нибудь «извращенец» (любимый термин борцов за чистоту марксистско-ленинской идеологии). На самом деле, террор не прошел ни мимо верных ленинцев, ни мимо верных сталинцев. Как написал А.С. Беловежский: «Логика террора такова, что места для логики не остается» (см.: Беловежский А.С. К-тотализм // Псевдонимы. М.-СПб., 2011. С. 83).

грали большую позитивную роль и явились важным рубежом в развитии советской философской науки. В соответствии с указаниями Коммунистической партии был осуществлен *поворот* работы философов-профессионалов к решению актуальных задач борьбы за социализм... Принцип партийности философии был выдвинут на первый план» (курсив мой. — А.К.). А вот глава VIII «Вопросы диалектического материализма в советской философской науке в период упрочнения и развития социалистического общества», написанная Л.А. Коганом. Здесь в первом разделе говорится о том, что работа Стالина «О диалектическом и историческом материализме» несла философские знания в массы, а ее главным недостатком было то, что «самое понятие ленинского этапа в развитии марксистской философии не нашло должного отражения». И, наконец, IX глава «Разработка проблем диалектического материализма в период развитого социализма», написанная В.А. Лекторским, Э.Г. Юдиным, А.П. Огурцовым и В.С. Швырёвым... Но здесь остановимся. Об этой главе и следующей, десятой, автором которой был А.С. Фриш, я уже писал в самом начале.

Освобождение

К концу советской эпохи положение на философском фронте в количественных параметрах характеризовалось полной и окончательной победой, о чем свидетельствовали следующие цифры: «По данным Госкомстата СССР, на 1 января 1989 г. в стране насчитывалось чуть меньше полутора тысяч докторов философских наук. Из них 36% ученых представляли специальность “диалектический и исторический материализм”, 25% — специальность “теория научного коммунизма”. Иными словами, наиболее идеологизированные специальности имели более 60% всех докторов философских наук. Тогда как ученые, специализировавшиеся в области истории философии, составляли 12%»¹⁸⁴.

Как уже упоминалось, в 1989 г. появляется статья А.П. Огурцова «Подавление философии» в книге «Суровая драма на-

¹⁸⁴ Цит. по: Добренко Е. Метасталинизм: диалектика партийности и партийность диалектики. № 4 // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 3–4. С. 295.

рода» и одновременно, с незначительными изменениями и сокращениями, публикуется ее журнальный вариант¹⁸⁵. В дальнейшем я буду ссылаться, в основном, на первое из указанных изданий. В том же году выходит еще одна публикация Огурцова на эту тему, но ее мы рассмотрим позже. Эти работы представляют для нас самостоятельный интерес, поскольку из текста видно, что Огурцов не был знаком с книгой Яхота.

Статья начинается с эпиграфа: «Я новый мир хотел построить. Да больше нечего ломать» (В. Друк). Она написана на волне горбачевской перестройки и главный объект критики — сталинизм во всем его псевдо-философском обличии: «все богатство и многообразие философских исканий <...> было окончательно подавлено и замещено идеологическим катехизисом [“Краткий курсом истории ВКП(б)”], в котором, на примитивные, далекие от жизни псевдо-философские вопросы стали даваться столь же примитивные псевдо-философские ответы» (с. 353). Поскольку в последнее время тема сталинизма неожиданно стала актуальной — особую актуальность приобретает и эта статья, в которой подчеркивается, что «гиперкритическая идеология оказалась разрушительной, конечно, для самой философии» (с. 354). Здесь Огурцов проводит четкое различие между *партиократией* и *автократией*, считая, что переход от первой ко второй «имел самые губительные последствия, в том числе и для философии, поскольку была создана система жесткого контроля за печатью, преподаватели проходили проверку на лояльность, а инакомыслие, не допускавшееся и раньше, стало рассматриваться как политическое (контрреволюционное) действие» (с. 356).

Главным стержнем статьи, безусловно, является дискуссия между «механистами» и «диалектиками». Очень интересна оценка этой дискуссии: «И те, и другие пытались, по существу, реставрировать внутри философского знания компоненты уже отжившие — или механицизм, или идеалистическую диалектику» (с. 357). При этом «спор между “механистами” и “диалектиками” был далек от научной полемики» (с. 358—359). Любопытно также замечание Огурцова, что «основные усилия [деборинской школы] были направлены на то, чтобы гальванизировать гегелевскую диалектику, доказать ее дей-

¹⁸⁵ Огурцов А.П. Подавление философии // Общественные науки. 1989. № 3. С. 161—183.

ственность во всех частностях и деталях» (с. 359). Теперь мы уже знаем, что именно это и вызвало наибольшую ярость у Сталина. Огурцов добавляет также, что «при всей глубине философского мышления Гегеля нельзя все же забывать <...> что гегелевская концепция и в постановке и в решении многих философско-методологических проблем несла на себе печать культуры вековой давности, что она отражала особенности и ограниченность науки того времени, усиленные идеалистической критикой современной ей науки, развернутой в натурфилософии (в частности, критики Гегелем атомизма, ньютоновской оптики, дифференциального исчисления)». В этой связи автор подробно останавливается на споре между В.И. Вернадским и А.М. Дебориным о месте философии и ее воздействии на развитие естественных наук. Постепенно спор переходит в довольно-таки резкую полемику, между естествоиспытателем и гегельянцем, причем, аргументы первого Огурцов безоговорочно поддерживает¹⁸⁶.

Знаменитое постановление ЦК ВКП(б) «О журнале “Под знаменем марксизма” он квалифицирует как призыв к избиению кадров, «верных партийно-государственным ценностям бюрократии и не принимавших идеологии беспрекословного послушания директивам авторитарной системы» (с. 365) и приводит цитату из статьи «За большевизацию работы на философском фронте» (из специально подготовленного молодыми коммунистами сборника, направленного против Деборинцев): «В подготовке теоретических кадров необходимо взять самый решительный курс на создание их из среды пролетариев, из среды членов партии, имеющих опыт гражданской войны, опыт массовой, партийной, общественной рабо-

¹⁸⁶ Заметим, что в 1928 г. в связи с выборами в Академию наук Вернадский резко выступил против Деборина, одного из спущенных сверху кандидатов в академики. По его мнению, уже сама приверженность Деборина к диалектическому материализму начисто лишает его труды какого-либо серьезного научного значения, ибо это философское направление представляет собой просто-напросто «пережиток гегельянства, которое отходит все дальше и дальше в историю». Деборин и еще двое кандидатов-коммунистов не набрали необходимых 2/3 голосов (Бухарин прошел всего лишь с перевесом в один голос), и тогда произошел беспрецедентный случай: под давлением партийного аппарата руководство Академии было вынуждено принять решение о перебаллотировке. В результате 13 февраля 1929 г. все трое были избраны академиками. См.: Брачев В.С. Укрошение строптивой, или как АН СССР учили послушанию // Вестник АН СССР. 1990. № 4. С. 120–127.

ты, из среды стойких большевиков-ленинцев, проверенных на опыте внутрипартийных битв со всякого рода антиленинскими уклонами, из среды пролетариев, батрачества, из среды колхозников, бедняков и середняков”» (там же). Огурцов обращает внимание на военизированную стилистику (типа «открыть большевистский огонь») заключительного этапа дискуссии, которая «должна была создать образ врага, представить вчерашних единомышленников, учителей и своих же товарищей как злостных врагов и прямых идеологических противников. Такого рода стилистическими фигурами “оттачивалось оружие”, которое вскоре будет пущено в ход не только против теоретических и идеологических кадров партии, но и против своего же народа. Философия становится в буквальном смысле идеологической дубиной, с помощью которой сталинисты завершили разгром вольнолюбивой философской мысли, покончили даже с минимальными островками независимых теоретических исканий» (с. 366). Таким образом, тема «сталинизации философии», в результате которой «философия, низведенная до уровня “идеологического оружия”, сама превращается в средство подавления науки» (с. 367), в статье Огурцова становится главной.

Также отметим, что впервые в советской литературе здесь приводится список, хотя и очень краткий, но все-таки — список уничтоженных философов: «В философии, ставшей идеологией автократии, все более утверждались и окончательно победили серость, раболепство, прислужничество, доносительство и страх. Уже были расстреляны или умерщвлены в лагерях Н.А. Карев, И.К. Луппол, С.Ю. Семковский¹⁸⁷, Я.Э. Стэн, Г.Г. Шпет, П.А. Флоренский и сотни мыслящих философов¹⁸⁸. Черное крыло репрессий, колесница смерти и

¹⁸⁷ Заметим, что у Семковского не было ни одного шанса выжить, даже если бы он был больше ленинец, чем сам Ленин: он был двоюродным братом Троцкого.

¹⁸⁸ В журнальном варианте статьи добавлена фамилия В.К. Сережникова. За революционную деятельность был выслан за границу (1907–1912). Декан (1923–1925) факультета общественных наук МГУ. Причины, по которым он был репрессирован, не известны. Одним из таких обстоятельств могло быть то, что он родился в казачьей семье и в Санкт-Петербургском университете обучался за счет казачьего войска. Однако не надо упускать из вида, что Сережников считался специалистом по материалистической диалектике... К тому же в 1936 г. в журнале ПЗМ (№ 7) он опубликовал статью «Диалектика мира по Аристотелю».

убийств подмяли под себя философскую мысль. Сталинисты от философии (а их было немало) были не только оруженосцами палачей, одетых в форму НКВД, но и сами палачами, преданными «гению всех времен и народов» и поставивших эту преданность выше нравственности <...>. Философская жизнь на одной шестой части планеты была подавлена» (курсив мой. – A.K.) (с. 368–369)¹⁸⁹. Мой курсив здесь не случаен. В это невозможно поверить, но уже в другой, совершенно новой стране, освобожденной от сталинизма и ленинизма, тексты Огурцова будут корректироваться безо всякого на то позволения автора!

Стоит сказать, что ко времени публикации статьи Огурцова процесс десталинизации был в самом разгаре, а к Ленину только начинали подбираться. Огурцов позитивно оценивает статью Ленина «О воинствующем материализме», в которой, по его мнению, была намечена программа историко-философских исследований. И здесь, действительно, был опубликован целый ряд интересных работ, но, как известно, все было свернуто в результате дискуссий 40-х годов. Огурцов посвящает этому раздел «Подавление историко-философских исследований», в котором выражает свое искреннее возмущение (а порой и удивление) самим фактом проведения подобных дискуссий: «Громадные территории страны лежали в развалинах. Не было пищи, крова над головой, не хватало одежды. В стране еще были продуктовые карточки, голод 1946 и 1947 годов усугубил и без того ужасное положение в сельском хозяйстве. Низменская оплата по трудодням в колхозах, широкое использование женского и детского труда, драконовские законы, применяемые даже к подросткам, “шарашки”, куда были согнаны лучшие интеллектуальные силы страны, разгул бериевщины <...> А в это время партийное и идеологическое руководство разворачивает дискуссию по истории философии!» (с. 371).

Но мы уже знаем, что все перечисленное здесь Огурцовым — ничто перед желанием Сталина стать величайшим ди-

¹⁸⁹ Недавние исследования показывают совершенно жуткий размах репрессий всего лишь против сотрудников Института философии. См.: Корсаков С.Н. Политические репрессии в Институте философии // Философский журнал. 2012. № 1(8). С. 120–170.

алектиком. Это похоже на бред и безумие, но таковы реалии, к этому выводу приводит чистое аналитическое рассуждение.

Сразу в шести пунктах Огурцов дает характеристику «сталинско-ждановской» версии истории философии и показывает, насколько она была далека от реального развития философской мысли. В последнем шестом пункте он затрагивает вопрос о русской домарксистской философии, наследие которой «объявлялось далеким от “столбовой дороги” человечества, что, конечно же, деформировало представление об истории философии» (с. 373)¹⁹⁰. Подводя итоги, Огурцов пишет: «Судьба философии в эпоху сталинщины трагична. Подавление философии, а затем подавление с помощью идеологизированной философии многих перспективных научно-исследовательских направлений имели губительные последствия как для самой философии, так и для научного знания в целом. Вся структура философского знания была исказжена» (там же).

Заканчивается статья следующим предупреждением: «И все же не будем обольщаться. Попытка объединения консервативно-охранительных сил под хоругвями, на которых начертано: “Не могу поступаться принципами”¹⁹¹, показала, что демон сталинизма еще не изжит. Но вместе с тем она натолкнулась и на мощное противодействие, обострила критическое сознание и способность к осознанному действию. Де-

¹⁹⁰ В журнальном варианте статьи к этому сделана сноска (№ 31) от редакции: «Даже во время “оттепели” 1956–1963 годов на философском факультете МГУ имена русских религиозных философов вообще не упоминались. История русской философии в соответствующем курсе трактовалась как поступательное триумфальное развитие материализма, диалектики и революционно-демократической мысли <...>. Еще в конце 60-х годов кафедра истории философии народов СССР запрещала выпускникам философского факультета защиту дипломной работы по теме “Философские взгляды Ф.М. Достоевского”. Вообще, к Достоевскому у большевиков было особое отношение. Даже в 1961 г., когда выходит объемистый труд, посвященный истории философской мысли в России от ее истоков до распространения в стране марксизма (этим авторы специально себя ограничивают, чтобы не иметь никакого отношения к великим русским философам, высланным Лениным за границу), имя Достоевского ни разу не встречается, хотя встречаются имена, философское влияние которых ничтожно. См.: Галактионов А.А., Никандров П.Ф. История русской философии. М., 1961».

¹⁹¹ Здесь Огурцов имеет в виду письмо Нины Андреевой, опубликованное 13 марта 1988 г. в газете «Советская Россия», в котором дается позитивная оценка личности Сталина.

сталинизация мировоззрения, разрушение идеологического и психологического комплекса сталинизма — важнейшая предпосылка утверждения нового мышления, которое отдает приоритет общечеловеческим ценностям, исходит из многообразия и вариантности философских исканий. Марксистская философия излечивается от сталинизма и своим критическим самопознанием освобождает нас от самого страшного недуга — идеологии авторитаризма».

Заметим, что последнее предложение отсутствует в журнальном варианте статьи. Уже начиналось наступление на саму марксистско-ленинскую философию, да и на марксизм в целом, и редакция могла снять заключение статьи. Тема марксизма всегда интересовала Огурцова¹⁹², о чем говорит его большая статья в «Новой российской энциклопедии»¹⁹³.

В 1989 г. происходит событие чрезвычайной важности: под редакцией академика Фролова¹⁹⁴ появляется учебник по философии совершенно нового типа¹⁹⁵. Учебник, изданный

¹⁹² Здесь стоит упомянуть один факт, красноречиво говорящий о том времени, когда Огурцов был исключен из партии. В 1968 г. выходит солидный труд ««Капитал» Маркса, философия и современность» и там публикуется статья Н.Ф. Наумовой «Этапы интерпретации философии Маркса». Только недавно удалось установить, что автором этой статьи является Огурцов. Он оказался перед нелегким выбором: или снять статью, или опубликовать ее под псевдонимом.

¹⁹³ Огурцов А.П. Марксизм // Новая российская энциклопедия. Т. X (1). М., 2012. С. 452–458. Здесь он пишет: «Наибольшую известность получил марксизм-ленинизм, или советская версия М., сформированная В.И. Лениным и реализованная в практике И.В. Сталиным с её культом насилия, революций, особенно мировой революции, революционного слома государства, диктатуры пролетариата, репрессивного механизма тотальной власти коммунистической партии, её властных органов и, в конечном счете, авторитаризма диктатора». Говоря о советских марксистах, Огурцов констатирует, что они все более и более превращали марксизм «в замкнутую совокупность бессодержательных догм, не имеющих никакого отношения ни к реальности, ни к новым теориям». Огурцов подытоживает оценку марксизма западными философами следующим образом: «“Общим местом” в оценках является трактовка М. как амальгами “экономического детерминизма” с мессианской эсхатологией».

¹⁹⁴ С 1987 г. помощник Горбачева по идеологии. В 1989 г. Фролов становится главным редактором газеты «Правда», а в следующем году — членом Политбюро ЦК КПСС (последнего призыва).

¹⁹⁵ Фролов И.Т. (ред.). Введение в философию. Учебник для высших учебных заведений. В 2 ч. М., 1989.

огромным тиражом (200 тыс. экз.), мгновенно разошелся, но народ так изголодался по живой философии, что в следующем году пришлось делать дополнительный тираж в полмиллиона экземпляров. В предисловии отмечается, что появление учебника «обусловлено революционными переменами, происходящими в нашем обществе, и было бы немыслимо без этих перемен» (с. 14). В самом учебнике признается, что «сурвое осуждение, отстранение от преподавания и исследовательской работы, запрет на публикации — такой была нередко судьба тех, кого считали “отступниками”, “ревизионистами”. Это коснулось творческой части философов из “поколения ХХ съезда”» (с. 270). И далее: «Перед философией эпохи перестройки встает сложная и ответственная задача — раскрыть в полном объеме саму материалистическую диалектику, в рамках которой достойное место должна занять человеческая субъективность — эта важнейшая сфера бытия <...> Проблемы человека и гуманизма вновь выходят на первый план философских исследований <...> Философии марксизма предстоит сыграть здесь инициативную и интегрирующую роль» (с. 274).

Оказывается, кроме марксистско-ленинской философии, существует еще и немарксистская философия, которая имеет такое же право на существование и о которой можно писать без ругани и проклятий. Ей посвящена вся четвертая глава. Теперь можно даже с философских позиций обсуждать проблему бытия Бога (с. 338–340)¹⁹⁶. Большим достоинством учебника является то, что чуть ли не вся первая часть содержит достаточно правдивую историю философии, которая ранее подавалась, как свирепая классовая борьба между материализмом и идеализмом в свете сокрушающей победы первого над вторым и торжества материи над духом¹⁹⁷. А на с. 208, пусть вскользь, но упоминаются великие русские философы, изгнанные Лениным из России. Во второй части учеб-

¹⁹⁶ Правда, здесь слово “Бог” повсюду пишется с маленькой буквы. Как заметил А.И. Солженицын, коммунисты потратили четыре заглавных буквы для слова «КПСС» и пожалели одну для слова «Бог».

¹⁹⁷ Развитие современной физики говорит нам: да, борьба была, но между Альбертом Эйнштейном и Нильсом Бором, причем победил Бор, полностью отрицающий наше обычное (и в том числе материалистическое) понимание реальности. См.: Карпенко А.С. В поисках реальности: Исчезновение // Философия науки. 2015. Том 20. С. 36–72..

ника раскрываются основные положения и понятия философии, освещаются наиболее важные ее проблемы, в том числе *дискуссионные*. Это означает, что нерешенные проблемы все же существуют и по ним допускаются свободные дискуссии.

Обращает на себя внимание одна странность учебника: авторский коллектив указан, но не указано, кто какой раздел или параграф писал. Однако можно однозначно утверждать, что параграфы «Полемика между “механистами” и “диалектиками”», «Дискуссии 30-х годов» и «Дискуссия 1947 года» (гл. III, раздел «Марксистско-ленинская философия в послеленинский период») написаны Огурцовым. Текст представляет собой первую из указанных статей в значительно сокращенном виде, но ее основные положения сохранены, в том числе и список репрессированных философов. А вот авторство следующих двух важных параграфов в этом разделе: «XX съезд КПСС и развитие философии в СССР», а также «Перестройка философии в свете нового мышления» установить так и не удалось. Можно сделать только предположения, и они есть. Всё это выглядит довольно загадочно, если учесть, что в переработанных и, главное, *дополненных* изданиях учебника эти два параграфа вообще исчезают, а текст самого Огурцова подвергается цензуре (!) Правда это случилось позже и совсем в другой стране... А вот что произошло на самом закате советского периода в истории философии.

В 1988 г. В.А. Лекторский становится главным редактором ж. «Вопросы философии», а в 1991 г. на его страницах публикуется полностью уже известная нам книга Яхота¹⁹⁸. В колонке «От редакции» говорится: «В нашем журнале уже публиковались материалы, посвященные событиям 20-х годов. Высылка большой группы “буржуазных” философов, гонения на тех из них, кто продолжал работать на родине, конечно, во многом предопределили судьбу философии в стране. Однако своя драма разворачивалась в 20–30-е годы и в среде марксистов, которым, казалось бы, открылось в то время широкое поле для творческой деятельности. И здесь шли негативные процессы, закончившиеся “сталинизацией” марксистской теории, ее превращением в догматизированную государственную идеологию <...>. И все же в тени оставался общий процесс

¹⁹⁸ Яхот И. Подавление философии в СССР (20–30-е годы) // ВФ. 1991. № 9. С. 44–68; № 10. С. 72–138; № 11. С. 72–115. См. также переиздание в журнале «Скепсис». 2005. (http://scepsis.net/library/id_172.html).

борьбы различных групп философов и идеологов, их взаимные обвинения, притязания на доминирование в философской среде и поддержку властей предержащих, — все то, что делало нормальную философскую жизнь невозможной».

И последний штрих, весьма символический. Почти через сорок лет после разгромных диссертаций, посвященных философским дискуссиям 20–30-х годов, в Москве в 1991 г. защищается аналитическая диссертация А.А. Меховой по этой теме¹⁹⁹ с привлечением нового материала, в том числе, впервые указаны работы зарубежных историков. Ее вывод однозначен: «Целью участников дискуссий зачастую был не поиск истины, а стремление к монополии в философии, в трактовке и толковании марксизма» (с. 8). И далее: «“Великий перелом”, политический “поворот” философии [как результат дискуссий] свел возможное многообразие к убогому, унифицированному, “единственно-верному” и потому тупиковому пути» (с. 21).

На самом излете советской власти в официальной печати была все же дана объективная оценка тех страшных событий, и это делает ей честь.

Заключение

Казалось бы, всё сказано, но тема подавления философии на этом не заканчивается. Рассмотренные нами дискуссии и их последствия, как родовое проклятие всей советской философии продолжают требовать отмщения, и поводов для этого предостаточно. Анонимное исправление и сокращение уже изданных текстов, скрытие и фальсификация неоспоримых фактов, отстранение или самоустранивание Огурцова от новой борьбы в оценке произошедшего в 20–30-е годы²⁰⁰ — вот неко-

¹⁹⁹ Мехова А.А. Философские дискуссии «механистов» и «диалектиков»: философия и политика. Автореф. диссер. на соиск. уч. степени канд. филос. наук. М., 1991. (Работа выполнена на кафедре философии Академии общественных наук ЦК КПСС). Ссылки внутри текста.

²⁰⁰ Однако еще один раз он к этой теме вернется. См.: Огурцов А., Филатов В. Подавление философии в СССР // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 413–416. Стоит также обратить внимание на объемистую антологию статей о науке под властью тоталитаризма, но тема подавления философии здесь отсутствует. См.: Подвластная наука? Наука и советская власть / Сост., научн. ред. С.С. Неретина, А.П. Огурцов. М., 2010.

146 А.С. Карпенко

торые симптомы нового времени. Память о событиях тех лет и, особенно, сознание их последствий — высвечивают и то, чего не хотелось бы знать.

Главный философский вопрос, поставленный временем, недавно очень точно был сформулирован Добренко: «В советское время утверждалось, что у философии есть один “основной вопрос” (о первичности материи), ответ на который определяет всю ее историю. Основным вопросом постсоветской философии стал вопрос о том, *была ли советская философия философией*»²⁰¹ (курсив мой. — А.К.). Действительно, откуда на выжженной пустыне могла появиться «великая» постсоветская философия? Или у философии есть дерзкая тайна, которая заключается в том, что она *неистребима*? Эти вопросы, конечно, требуют специального рассмотрения.

В 1991 г. А.П. Огурцов стал доктором философских наук, а в 2003 г. Лауреатом Государственной премии за работу по подготовке и изданию «Новой философской энциклопедии». В 2011 г. он публикует фундаментальный труд, подводящий итоги его многолетних исследований в философии и социологии науки²⁰², и в этом же году награжден медалью Института философии РАН «За вклад в развитие философии». А незадолго до своей кончины он опубликовал критическую статью о сегодняшнем положении философской мысли в России²⁰³. Несомненно, она перекликается с только что поставленными вопросами, но наиболее важным станет рассмотрение тех философских идей, которые интересовали Огурцова в самое последнее время²⁰⁴.

²⁰¹ Добренко Е. Цит. соч. № 3. С. 32.

²⁰² Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы. В 3-х частях. СПб., 2011.

²⁰³ Огурцов А.П. Поражение философии // Vox. Философский журнал. 2013. № 15 (vox-journal.org) Переопубл.: Политическая концептология. 2014. № 2. С. 90–96.

²⁰⁴ Уже после написания этой статьи я обнаружил сайт документов и статей, посвященный большевистской философии. В третьем томе можно найти также книгу Яхота и исходную статью Огурцова. См. Овчаренко В.И. Большевистская философия. В 3-х томах. 2008. URL: <https://sites.google.com/site/bolshevistphilosophy/Home>.

В.А. Лекторский

**АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ ОГУРЦОВ:
ФИЛОСОФИЯ КАК ИССЛЕДОВАНИЕ
И КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ**

Александр Павлович Огурцов (для меня он был Саней) — удивительное явление в отечественной философии. За последние десятилетия я не знаю никого из моих коллег, кто мог бы так же основательно соединять огромную эрудицию, необычную широту интересов с глубиной проникновения в суть проблем и с по-настоящему оригинальным мышлением. А философия была для него не просто интеллектуальным занятием, но образом жизни.

Это, конечно, свойство каждого подлинного философа. Можно быть прекрасным специалистом, например, в физике или химии и быть при этом мелким человеком в жизни. Говорят: «хороший человек — не профессия». Но ведь философия — это не только профессия. Предмет философии не нечто удалённое от личности и жизни того, кто ею занимается, ибо философия — не просто одна из специальных дисциплин в ряду других, а уникальное усилие по постижению фундаментальных основ, смыслов жизни и деятельности, а поэтому и собственной жизни. Жизнь не может быть неосмысленной. Но плохо осмысленная жизнь не стоит того, чтобы ее прожить, как сказал один великий

философ. Александр Павлович прожил жизнь исследователя, книжечея и творца интеллектуальных миров. И вместе с тем это была жизнь борца за истину, справедливость, честность, чего бы это ни стоило: исключения из партии, лишения работы. Он был тихим и деликатным человеком. Но он был как кремень в утверждении человеческого достоинства.

Мы дружили более 50 лет.

Я помню, как в начале 60-ых гг. он появился в нашем секторе (тогда это был сектор диалектического материализма) Института философии. Он вошёл в комнату вместе ещё с одним нашим другом Генрихом Батищевым. Оба только что закончили аспирантуру и были зачислены в к нам в штат. С тех пор я либо непосредственно работал вместе с Александром Павловичем (в Институте философии, журнале «Вопросы философии»), либо регулярно встречался с ним, мы обсуждали разные философские проблемы и, конечно, события нашей личной и общественной жизни, иногда даже писали нечто совместно.

Особенно памятны для меня наши регулярные встречи и дискуссии в начале 70-ых гг., которые длились почти два года. Незадолго до этого Александра Павловича исключили из партии за подписание письма в защиту осуждённых диссидентов. Его выгнали из Института международного рабочего движения, он одно время был безработным, затем устроился в Советскую социологическую ассоциацию, а потом его взял в Институт истории естествознания и техники тогдашний его директор Бонифатий Михайлович Кедров, удивительный человек, крупнейший историк и философ науки, пригревший у себя целый ряд людей (П.П. Гайденко, М.К. Мамардашвили, В.С. Библер, А.С. Арсеньев, Э.Г. Юдин и др.), ходивших под подозрением у идеологического начальства. Именно в это время нас — Александра Павловича, меня и Владимира Сергеевича Швырёва — собрал Эрик Григорьевич Юдин для совместного написания статьи «Философия» в очередной том «Философской Энциклопедии».

Нужно сказать, что «Философская Энциклопедия», 5 томов которой вышли в 60-ые и начале 70-ых гг. прошлого века, была необычным явлением отечественной философской жизни. В ней опубликовано немало статей, которые стали событиями не только нашей философии, но и культуры в целом. Достаточно назвать такие тексты, как «Идеальное» Э.В. Ильенкова, «Фашизм» Ю.А. Левады, «Православие»

С.А. Аверинцева, цикл статей А.Ф. Лосева по античной философии, серию статей по истории русской религиозной философии (таких авторов, как С.С. Хоружий, Р.А. Гальцева и др.). Сам Александр Павлович опубликовал в этом издании замечательные статьи «Отчуждение». «Рефлексия». «Практика», которые стали основой его кандидатской диссертации (я недавно перечитал эти тексты и поразился их актуальности). В целом уровень публикаций был очень высоким. Это был прорыв в философии и задание в ней новой планки.

И вот для публикации в последнем, заключительном томе этого издания статьи, посвящённой центральной теме всех пяти томов, нас приглашает Э.Г. Юдин (он работал одно время редактором «Энциклопедии», и ему принадлежит важная роль — наряду с А.Г. Спиркиным, З.А. Каменским, Р.А. Гальцевой и др. в осуществлении этого грандиозного замысла).

Мы собирались на даче, и в течение пяти дней работали вместе: каждый сначала писал собственный раздел, потом мы обсуждали написанное, правили тексты, затем сводили их воедино. Работа нас увлекла. Нужно было прийти к пониманию философии, которое нас всех устроило бы. В то время официально считалось, что философия (или, по крайней мере, марксистская, рассматривавшаяся в качестве эталона философии вообще) — это исследование наиболее общих характеристик природы, общества и мышления. Правда, иную точку зрения ещё в 1954 г. выдвинули в своих «Тезисах» два философских смутьяна Э.В. Ильенков и В.И. Коровиков. Они доказывали, что философия по своей глубинной сущности — это теория познания, а точнее теория мышления. За это их осудили и изгнали из философского факультета МГУ, что не помешало тому же Ильенкову вместе с А.А. Зиновьевым произвести интеллектуальную революцию: породить новое поколение философов с новой проблематикой и стилем исследования. Но к началу 70-ых гг. нас не устраивало не только официальное понимание философии. Не в полной мере мы могли согласиться и с тем, что философия сводится к теории познания (нужно сказать, что сам Ильенков, хотя он нигде и никогда публично не дезавуировал своих «Тезисов», фактически значительно расширил своё старое понимание философии в статьях об идеальном, о деятельности, о свободе, об отчуждении, о нравственности и искусстве). В результате горячих обсуждений мы пришли к мнению о том, что философия всегда исследовала предельные основания познания и

деятельности. При этом в связи с развитием культуры и науки понимание этих оснований менялось. А это значит, что «вечная» проблематика философии приобретала тот или иной вид в разных исторических и культурных ситуациях. Философия всегда была осмыслением культуры и познания и вместе с тем созданием новых типов познавания и жизни: способов теоретической работы, способов жизни (рационалист, эмпирик, стоический мудрец, эпикуреец, циник, утилитарист и др.).

В итоге мы не только написали статью, нам удалось опубликовать этот довольно еретический по тем временам текст в последнем томе «Философской Энциклопедии» — правда, с редакционными поправками и с добавлением особого раздела о марксистско-ленинской философии (написанного другим автором), в котором воспроизводились общепринятые формулировки.

Александр Павлович играл особую роль в процессе подготовки этого текста. Он высказывал множество интереснейших идей. Он прекрасно знал историю философии. И когда кого-либо из нас увлекал полёт фантазии, он быстро опускал нас на землю, сопоставляя наши теоретические конструкции с реальными фактами.

После публикации нашей статьи мы решили не прекращать совместной работы над осмыслением философии как специфического феномена культуры. Наша четвёрка стала регулярно собираться на еженедельный семинар, мы пытались осмыслить как роль философии в прошлом, так и современные способы философствования, новые вызовы философии в связи с развитием специальных наук о познании и мышлении, появление и успешное развитие нефилософской общенациональной методологии, возможное будущее философии. Мы делали доклады, а затем их обсуждали, при этом дискуссии были жаркими. Была мысль написать совместную книгу на эту тему. Два года длились наши семинары. Но вот, когда мы, казалось, были готовы к тому, чтобы приступить к написанию книги, внезапно скончался Эрик Григорьевич Юдин — инициатор и главная движущая сила этого начинания. И наша идея совместной книги как-то заглохла. Правда, участники семинара получили незаменимый опыт в философствовании о философии. Что и выразилось в последующих публикациях каждого из нас. Александр Павлович возвращался к теме природы и судьбы философии в ряде своих последующих текстов.

Он опубликовал очень много: десятки книг, сотни статей. Это и классические книги по науковедению: история классификации наук, дисциплинарная структура науки. Это и исследования по философии культуры. Это пионерская книга по философии образования — я сам интересуюсь этими сюжетами и очень много почерпнул из работы Александра Павловича. Это, наконец, фундаментальное исследование истории философии науки в 20 в. — такого раньше у нас не было, да и за рубежом такого рода работы единичны. То, что сделал Александр Павлович, было бы под силу только целому научному институту с разнообразной тематикой и множеством сотрудников.

Но при всём обилии исследовательских интересов Александра Павловича, одна проблема, как мне представляется, была для него всегда центральной и самой беспокойной. Это вопрос о судьбе философии.

Этому посвящена с болью написанная и опубликованная около 20 лет тому назад его статья о подавлении философии в советские годы. О сегодняшней судьбе философии не только в нашей стране, но и во всём мире Александр Павлович написал в одной из самых последних своих прижизненных публикаций под мрачным названием «Поражение философии». Над этим текстом я и хочу поразмышлять.

Александр Павлович пишет о тех проблемах, которые связаны с восприятием философии в современной культуре и которые влияют на сам способ философствования и на судьбу этого специфического занятия. Он обращает внимание прежде всего на процесс инфильтрации философии и религии, философии и теологии. В общественном сознании религия вытесняет философию, считает Александр Павлович, а так как религия в принципиальном отличии от философии исходит из неоспоримых, не подлежащих сомнению и критическому обсуждению постулатов, то уровень критического мышления в обществе падает в целом. Далее он пишет о теологических истолкованиях новейших научных теорий вроде концепции параллельных миров и мультиверсума. Он усматривает факт поражения философии также в исчезновении из современного философского словаря целого ряда понятий, игравших принципиальную роль в традиционной метафизике: универсалия, душа, внутренний мир и др. Наконец, поражение философии видится Александру Павловичу в том факте, что ряд философских категорий предельно банализируется,

включаясь в массовую культуру (эта мысль иллюстрируется на примере категории «априори»).

Я думаю, что Александр Павлович в самом деле вскрыл ряд больных проблем современной философии и современной культуры. Вместе с тем я хотел бы оспорить его вывод. Думаю, что правильнее было бы говорить не о поражении философии, а о вызове, который сегодня культура и наука как её часть предъявляют философии. Дело не в том, что культура более не нуждается в философии. Скорее наоборот. Необходимость философского осмысления современного познания и жизненного мира острее, чем когда бы то ни было. Другое дело, что философия должна дать ответ на этот вызов. Если она не сможет этого сделать, то это будет не просто поражением философии, но и поражением самого человека.

Сегодня в культуре происходит следующее. С одной стороны, религия и псевдо-наука действительно пытаются вести наступление на рациональное мышление и на философию. Но с другой стороны, наука, культивируемая в изоляции от гуманистических ценностей и даже в противостоянии им, это тоже угроза человеку и философии. Философское осмысление так называемой технонауки и жизненного мира современного человека — важнейшее условие дальнейшего существования человека и культуры. Философия не сливаются ни с религией, ни с наукой, а занимает особое место в пространстве культуры.

Технонаука ныне вторгается в «жизненный мир» человека и преобразует его и самого человека. Привычные способы понимания мира в ряде случаев перестают работать, возникает ситуация дезориентации. Построение мостов между «жизненным миром», образом себя и миром, создаваемым современной технологией, становится сверх актуальным.

Многие специалисты считают, что развитие новых информационных технологий (телевидение, компьютер, Интернет и др.) и становление так называемого «электронного общества» делают человека менее свободным, создают новые возможности для манипулирования людьми и ограничивают человеческую автономию. Возникает феномен «виртуального Я», и некоторые люди начинают предпочитать обычной жизни жизнь в «киберпространстве». Границы между обычной реальностью и реальностью виртуальной в ряде случаев размываются. Сложность интеграции разных потоков информации в рамках единого сознания делает возможным феномен

«размытой идентичности» или «полиидентичности». В этой связи диахроническое и синхроническое единство сознания оказывается под угрозой.

Зато появилась и стала весьма популярной новая биотехнологическая утопия. Ряд учёных и философов разрабатывают проект трансформации человеческой телесности с помощью генетической инженерии иnano-технологий и конструирования новых физических и психических характеристик человека. Некоторые из них даже думают о том, что можно серьёзно удлинить продолжительность человеческой жизни, а в перспективе сделать человека бессмертным. При этом признаётся, что в случае реализации этого проекта человек в привычном смысле слова исчезнет, а его место займёт некое суперчеловеческое или постчеловеческое существо. Возникло движение трансгуманистов, утверждающих, что смысл существования человечества состоит в создании условий для появления постлюдей. Это утопия, но как в своё время заметил Бердяев: «опасность утопии в том, что она может осуществиться».

Какова может быть роль философии в этой ситуации? Существует мнение о том, что сегодня философия должна превратиться в своеобразную «экспериментальную метафизику», которая разрабатывает концептуальные основания для искусственного конструирования новых «жизненных миров» и новых человеческих существ, в том числе и тех, кого называют постлюдьми, и которые не обязательно будут похожи на людей, существовавших до сих пор. В соответствии с этими взглядами главная функция философии и культуры в целом — это творчество как самоцель безотносительно к существующим моральным и другим ценностям и способам самопонимания.

Я думаю, что эту точку зрения принять невозможно. Дело в том, что проектная и конструктивная роль философии имеет смысл постольку, поскольку речь идёт об изменениях в пределах именно человека, т.е. о таких, которые исходят из ценности человеческой индивидуальности, из идеи совершенствования человека, а не превращения его в пост-существо, т.е. по сути дела в нелюдь. Реализация идеи человеческого бессмертия, которой вдохновляются трансгуманисты, привела бы к тому, что все основные культурные ценности, предполагающие любовь, мужество, заботу (о детях, стариках, близких), готовность к самопожертвованию и др. стали бы ненужными. Исчезновение смысла смерти привело бы к ис-

чезновению смысла жизни. То, что выглядит как реализация вековечной мечты — обретение бессмертия — привело бы по сути дела к самоубийству человечества. Пост-человек и стал бы таким убийцей. Роль философии в связи с обсуждаемыми проектами состоит в том, чтобы критически оценить приобретения и потери в случае их реализации (даже частичной), в том, чтобы выявить возможные угрозы для существования человека и его культуры в случае бездумного и ничем не ограниченного экспериментирования с человеческим телом и мозгом. Философия может играть практическую роль в критической рефлексии над данной ситуацией и в оценке возможных путей трансформации человека.

Вот ещё одна важнейшая функция философии в современной культуре. Рефлексия всегда была отличительной особенностью философии. Ею пользовались учёные в тех случаях, когда они анализировали основания той или иной научной теории. Сегодня само-рефлексия во всё большей степени становится потребностью обычного человека. Ибо человек, живущий в современном обществе, всё чаще сталкивается с необычными ситуациями, когда привычные способы мышления и действия перестают срабатывать и когда приходится принимать нестандартные решения, предполагающие способность к критическому, творческому и рефлексивному мышлению. Ряд специалистов в области теории и практики образования пришли к мнению о том, что лучший способ воспитания критической и творческой личности — это введение в практику обучения чего-то вроде философской дискуссии. Отсюда популярность в ряде стран преподавания в школе «философии для детей».

Так, философия и философский способ мышления могут участвовать в формировании творческих личностей, которые в свою очередь могут влиять на изменение и развитие культуры.

Таким образом, потребность во влиянии философии на теоретические исследования и на образ жизни человека не исчезает, а возрастает в небывалой степени.

Александр Павлович был воплощением необыкновенного единства теоретической мысли и философского образа жизни.

То, что он сделал, лучшее доказательство того, что пока человек существует, он будет нуждаться в философии, ибо человек не может существовать, не задавая вопросы о самом себе, о смысле своего познания и своей жизни. В этом качестве философия ничем не может быть заменена.

Ю.М. Резник

Что значит быть философом?

*Философствование есть путь человека,
который – исторически во времени –
постигает бытие*

К. Ясперс

Чтобы понять философию, надо определить в первую очередь место и роль самого философа. М. Хайдеггер, эксплицируя вопрос о бытии как основной вопрос философии, выделяет наряду с этим опрашиваемого или выспрашиваемого субъекта опршивания (спрашивающее бытие), т.е. того, кто спрашивает или самого спрашивающего. И этим «кто» является, с моей точки зрения, человек во-прошающий, в том числе философ. В отличие от Хайдеггера, которого интересует структура вопроса о бытии, я хочу показать, как философ может и должен творить реальность бытия. Почему люди, чья жизнь и судьба связана профессионально и личносно с философией, обязаны не только постигать мир во всей глубине, но и проектировать его, выглядывая из своего присутствия. Одним из таких людей, творящих философские тексты и создающих собственный проект бытия, был и остаётся для меня Александр Павлович Огурцов.

Так кто же такой философ – мыслитель или проектировщик?

О назначении философа

Я полагаю, что профессия философа связана не только с предельным вопрошанием о бытии сущего, но и с творчеством смыслов (производством концептов), что приводит в результате к созданию онтологических проектов (перспективных образов бытия, намечаемых к построению), которые осуществляются им в состоянии чистого присутствия (созерцания) и в процессе экзистенциальной коммуникации (метафизического диалога).

Однако существуют и другие мнения на этот счет. Приведу некоторые из них, чтобы понять назначение философа:

- «философ – это человек, который постоянно переживает вещи из ряда вон выходящие, видит и слышит их, угадывает их и жаждет, грезит ими...»²⁰⁵ (Ф. Ницше);
- «философ лечит вопрос – как болезнь» (Л. Витгенштейн)²⁰⁶;
- «философ тот, кто сперва должен излечиться от многих недугов собственного рассудка, прежде чем он придет к понятиям здравого человеческого разумения» (Л. Витгенштейн)²⁰⁷;
- философ занимается «прояснением смыслов» всех проблем и решений, а не открытием истин, как наука (М. Шлик)²⁰⁸;
- «философ – это человек, улавливающий как бы скрытые трещины в структуре наших понятий, там, где другие видят перед собой только гладкий путь, полный банальностей» (Ф. Вайсман)²⁰⁹;
- философ – человек, который стремится «открыть тотальность бытия» (Ж.-П. Сартр)²¹⁰;

²⁰⁵ Цит. по: Хайдеггер М. Введение в метафизику / Пер. с нем. Н.О. Гучинской. СПб., 1997. С. 97.

²⁰⁶ Витгенштейн Л. Философские исследования // Путь в философию. Антология. М., 2001. С. 27.

²⁰⁷ Там же. С. 72.

²⁰⁸ Шлик М. Будущее философии // Там же.

²⁰⁹ Вайсман Ф. Как я понимаю философию // Там же. С. 84.

²¹⁰ Цит. по: Тузова Т.М. Ж.-П. Сартр: бытие – это то, на что вы отваживаетесь // Там же. С. 179.

- философ – человек, который духовно (экзистенциально) обеспокоен и мотивирован на преодоление границ познания²¹¹;
- философ – человек, который стремится открыть подлинную реальность и обосноваться в ней (Х. Ортега-и-Гассет)²¹²;
- «философ – человек, ищущий мудрость» (Ж. Маритен; он постигает фундаментальные реалии, затрагивающие природу вещей, самого человека, Бога, и служит Истине и Свободе²¹³);
- «философ экзистенциального типа не объективирует в процессе познания, не противополагает объект субъекту. Его философия есть экспрессивность самого субъекта, погруженного в тайну существования» (Н.А. Бердяев)²¹⁴;
- философия как беседа «души с самой собой в свете ее притяжения к мудрости, которая вряд ли мыслима без братского единения людей» (В.П. Визгин)²¹⁵;
- «философы – это учителя жизни, а не наркоторговцы и технократы. Не продавцы смертельно сладкой лжи для зомбирования и “прогрессивного снятия” человека» (В.А. Кутырев)²¹⁶.

Как видно, в приведенные выше функциональные определения философской деятельности и миссии философа входят самые разные качества. Выделим наиболее существенные из них:

1. *метафизическая роль* (осмысление тотальности бытия, трансцендирование, выход за пределы своего познания в мир иного, переживание запредельности, обретение мудрости и поиск истины);
2. *экзистенциальная позиция* (стремление к свободе и свободному познанию);
3. *логическая функция* (прояснение смыслов и обоснование понятий);

²¹¹ Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире / Пер. А.К. Судакова. М., 2012. С. 18.

²¹² См.: Ортега и Гассет Х. Из рецензии на книгу Эмиля Брейе «История философии» // Путь в философию. Антология. С. 192.

²¹³ Там же. С. 273.

²¹⁴ Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990. С. 263.

²¹⁵ См.: Визгин В.П. Как я понимаю философию // http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_2/2.pdf (обращение – 20.08.2013 г.).

²¹⁶ Кутырев В.А. Человеческое и Иное: борьба миров. СПб., 2009. С. 190.

4. образовательная роль (формирование мировоззрения, обучение и учительство);
5. коммуникативная функция (предельное вопрошение, организация диалога и духовное единение людей);
6. терапевтическая функция («лечение» собственного рассудка и коррекция вопроса).

Философия, по Бердяеву, есть творческий акт, устремленный к трансцендентному, к переходу за грань мировой данности и природной необходимости. И еще: философия является активным (в познавательном смысле) преодолением действительности, творческим преображением мира. Поэтому философ действует, постигая Истину, т.е. Абсолютного человека, а не созерцает мир, открывая в нем законы внешней необходимости.

Философ живет в пространстве свободы, выражая ее дух. В моем понимании именно он является субъектом метакультуры и выразителем парадигмы становления. По Бердяеву, принципиально и то, что философия — самостоятельная область культуры, а не науки. Она первороднее, исконнее науки, она ближе всего стоит к Софии²¹⁷. Если наука есть послушание необходимости, то философия является освобождением человеческого духа, *общей ориентировкой в совокупности бытия человека*²¹⁸. Философия любит мудрость и ищет истину. Ее основная задача состоит в трансцензусе, переходе за грани познанного наукой. «Философия есть искусство познания в свободе через творчество идей, противящихся мировой данности и необходимости и проникающих в запредельную сущность мира»²¹⁹.

Приведу некоторые предпосылки философского постижения творчества, предложенные Бердяевым и уточненные мной.

Во-первых, философия стремится постигнуть предельные смыслы и основания мира. Ее основное предположение состоит в предположении смысловой постижимости мира и возможности проникновения в иной мир. Это — целостная реакция духа на совокупность бытия.

Во-вторых, философия стремится разгадать тайну человека и через него раскрыть тайну бытия. Всякому

²¹⁷ Бердяев Н.А. Философия свободы. С. 264.

²¹⁸ Там же. С. 267.

²¹⁹ Там же. С. 269.

философскому познанию предшествует самосознание человека²²⁰. Она есть внутреннее познание мира через человека. Поэтому и антропология, по мнению Бердяева, должна предшествовать онтологии и космогонии. Он убежден, что философия антропологична и космогонична, поскольку человек космичен по своей природе. Он есть центр бытия и микрокосм.

В-третьих, только философия способна постигнуть природу творчества. Она в отличие от науки открывает человеку смысл творчества, поскольку она опирается на силу интуиции. Наука же выражает дух необходимости и несвободы. Она использует дискурсивное мышление как формально-логический аппарат. В отличие от него философская интуиция есть симпатическое вживание, вникание в существо мира, предлагающее соборность как высший принцип духовного бытия и качество сознания. В отличие от науки философия не создает очередную систему приспособления к миру, а преодолевает его необходимость через творческий познавательный акт.

Назначение философа состоит в постижении мира трансцендентного, а также в том, чтобы способствовать осознанию и реализации человеком своей творческой роли в Космосе. Бердяев пытается соединить в философском познании принципы антропологизма (ориентация на ценность человека) и космизма (ориентация на постижение Космоса, иного бытия).

Философия зависит от общества, но не обязана ему служить, так же, как и уподобляться господствующему мировосприятию эпохи. Бердяев был убежден, что философия как теория творчества не может быть академической, государственной или буржуазной философией, т.е. духовным пристанищем чиновников и буржуа. «Философ, — подчеркивал он, — не может служить государству или политическим партиям, академиям или профессиональным целям... не может быть на службе у людей и у частных целей человеческих»²²¹.

Сегодня, когда определенная часть философов политически ангажирована, а подавляющее большинство из них находится на службе государства, работая в академических учреждениях или вузах, внутри философского сообщества сложилась ситуация дифференцированности (раздробленности). Философы Россииdezориентированы. К сожалению,

²²⁰ Там же. С. 293.

²²¹ Там же. С. 291.

многие из них служат не Истине, а интересам своей корпорации, которая чрезмерно опекается и мало поддерживается нашим авторитарно-бюрократическим государством.

Итак, и ученый, и философ пытаются предложить рационально обоснованную картину мира. Но они различаются своими подходами (миссиями). Миссия ученого — быть проводником между миром и обществом, выступая одновременно создателем и интерпретатором научной картины мира, в котором господствуют природная необходимость и целесообразность. Миссия же философа состоит в постижении мира трансцендентного, а также в том, чтобы способствовать проявлению творческой роли человека в Космосе, опираясь на весь массив мировой мысли и собственный эзистенциальный опыт. Его творческое предназначение — выразить тотальность бытия и представить её в виде общезначимых и эзистенциально пережитых текстов или проектов.

О проектной деятельности философа

Но главное, что предстоит еще освоить современному философу — это проектирование бытия человека в мире. И для этого обществу надо вернуть в философию субъекта, а самой философии придать статус духовной и, прежде всего, проектной практики. При этом у философии и философов имеется двоякое назначение.

С одной стороны, они призваны постичь тотальность бытия и его смысловую структуру, исходя из собственной эзистенциальной ситуации и погружаясь в мир человека. «Если назначение философии, — писал М. Мерло-Понти, — раскрыть первичный смысл бытия, то она не может оставаться таковой, отворачиваясь от удела человеческого: ей, напротив, необходимо погрузиться в него»²²².

С другой стороны, философия призвана творить мир из человека и для человека, конструируя концепты, создавая для него метафизический проект и предлагая ему универсальные смыслы бытия. В известном смысле она демонстративно осуществляет публичный акт трансцендирования, т.е. производство новых смыслов из эзистенции мыслителя как человека вопрошающего и стремящегося к свободе. Для того чтобы

²²² Мерло-Понти М. В защиту философии / Пер. И.С. Вдовиной. М., 1996. С. 14.

построить метафизический проект человека, философиу необходимо вначале создать проект собственного бытия и выразить смыслы индивидуального существования.

В этом и заключается истинное предназначение философа и его отличие от миссии ученого, задача которого состоит в проведении фундаментальных и прикладных исследований, нацеленных на социально значимые результаты. Только тот мыслитель (исследователь), кто приближается к этому идеалу, вправе называться высоким званием «философ». Остальные исследователи, преподаватели философии и просто любители мудрости (да простят меня мои коллеги) должны отдавать себе отчет в том, что они находятся лишь у истоков философствования или в преддверии философского здания. Вход в него осуществляется не по пропускам (или дипломам докторов и кандидатов философских наук), а по личному призванию, помноженному на неустанный и упорный труд.

К сожалению, многим нашим официальным деятелям, занимающим высокие посты в академических структурах, совершенно невдомек, что их занятия философией не имеют ничего общего с постижением бытия в свободе. Боюсь, что занавес над трансцендентным приоткрывается немногим и только тем, кто действительно проник в тайны бытия благодаря своему таланту, глубокой проницательности, огромному трудолюбию и неистребимой философской вере. Меня успокаивает то, что я лично знаю таких коллег по философскому цеху, кто достиг этого высокого уровня и может заслуженно называть себя философом. К ним я относил и отношу Александра Павловича Огурцова.

Быть настоящим философом — это значит видеть бытие в целом сквозь призму своего персонально-сущего-бытия, стать абсолютным (трансцендентальным) субъектом мирообразования, способным создавать (проектировать) возможные миры для себя и других, не утрачивая при этом чистоты своего видения и присутствия духа. Я уверен, что всё описанное мною относится в полной мере к профессиональной судьбе Александра Павловича Огурцова. В заключительной части своей статьи я хочу рассказать о нём подробнее как о субъекте философствования.

Философование следует рассматривать как общее человеческое дело, в котором принимают участие сам человек и философ. Это — «нацеленное на целое и предельнейшее,

в чем человек выговаривается до последней ясности и ведет последний спор»²²³. И всё же инициатором философствования как диалога о желательной для человека структуре бытия выступает философ. Это он заинтересован, прежде всего, в предельном вопрошании к человеку, побуждая последнего к последнему выговариванию.

Я согласен с М.Н. Эпштейном в том, что философия имеет дело не с реальностью, а с возможностью. «Философия до сих пор старалась объяснять или изменять мир, тогда как собственное её дело — умножать возможные миры»²²⁴. Смысл философии и философствования коренится в особом, проективном преломлении персонально-сущего философа и продвижение его персонального проекта (проектов) в публичную сферу, где последний может быть востребован другими людьми.

Бытие персонально-сущего философа как публичный акт

Я согласен с тем, что «философия начинается там, где появляется вопрос о бытии сущего»²²⁵. Но как это происходит, мне еще предстоит разобраться.

Начну с вопроса о том, каково то сущее, из которого философ видит мир человека и своё бытие. В этой связи выскажу несколько предположений, относящихся к бытию персонально-сущего самого философа.

Во-первых, философ видит бытие сущего человека вообще из своей экзистенции, презентируя себя в свободе, хотя и будучи ограниченным свободой тех субъектов, с которыми его связывает общая судьба. Только являясь свободным, философ может охватить мир человека как целое. В этом смысле философия есть дело помочи свободному человеку или коммуникация свободных людей. На это указывают многие исследователи. Так, известный отечественный философ культуры В.М. Межуев постоянно подчеркивает: философия есть

²²³ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир — конечность — одиночество / Пер. с нем. В.В. Бибихина, А.В. Ахутина, А.П. Шурбелева. СПб., 2013. С. 27.

²²⁴ Эпштейн М.Н. Философия возможного. СПб., 2001. С. 66.

²²⁵ См.: <http://www.platonizm.ru/content/dugin-martin-haydegger-filosofiya-drugogo-nachala> (обращение – 12.08.2013 г.).

«самосознание человека, осознавшего себя свободным» или «взгляд на мир свободного человека»²²⁶. Наверное, это так и есть. Но этого явно недостаточно, чтобы понять роль философа в проектировании бытия человека. Ведь не случайно каждый великий философ, как пишет В.А. Лекторский, создавал «принципиально новое видение мира»²²⁷.

Видеть бытие другого человека (и себя как другого), находясь в свободе, — весомое, но не недостаточное условие метафизического проектирования. Необходимо еще разобраться в том, чем примечательно философское видение бытия человека как другого. Ведь другим может оказаться он сам, но чаще всего он создает образ третьего лица, предназначенный для демонстрации его другости в интимной или публичной сфере. Интимной я называю в данном случае не физическую, а духовную близость людей.

Как я уже отметил выше, между философом (медиатором) и обычным человеком (модератором) имеются посредники. Ж. Делёз и Ф. Гваттари называют их концептуальными персонами²²⁸. Это — фигуры, мыслящие бытие в нас и через нас. «Роль концептуальных персон состоит в том, чтобы показать локусы мысли, её абсолютные делокации и релокации. Концептуальные персоны суть мыслители, только мыслители, и их персональные черты тесно связаны с диаграмматическими чертами мысли и интенсивными чертами понятий. Некоторая концептуальная персона, которая никогда не существовала до нас, мыслит в нас»²²⁹. Например, в нас может мыслить придуманный или воображаемый нами Платон, весьма далекий от своего исторического персонажа, поскольку он мыслит в нас и нашим языком.

Философ может создавать в своём мире не одну, а несколько концептуальных персон, соответствующих тем или иным возможным мирам человека. Эти персоны могут быть узнаваемыми, например, как фигуры классиков философии («Платон», «Кант» и др.) или привычными, тематическими (например, фигуры «Отец» и «Сын», «Простак» и «Мудрец» и т.д.). Обычный же человек в проектировании бытия

²²⁶ См.: http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_1/2.pdf. (обращение – 20.08.2013 г.).

²²⁷ Там же.

²²⁸ См.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? С. 90–91.

²²⁹ Эпштейн М.Н. Философия возможного. С. 98.

редко прибегает к формированию собственной концептуальной персоны, пользуясь уже готовыми образцами мышления или предложенными ему концептуальными фигурами. Его приоритеты лежат в области модерирования (или модерации) жизненного мира. Судьба же философа тесно связана с той концептуальной персоной (фигурами), которая наиболее полно представляет его аутентичный стиль мышления и выражает присущую ему инаковость бытия.

Как бы там ни было, концептуальные фигуры в проектировании не замещают философа перед лицом людей, ищущих образцы проектирования, а лишь презентируют его возможности. Они нужны философу не только для того, чтобы быть ближе к публике в плане личной доступности, но еще и для сохранения анонимности своего персонально-сущего, которое ему не хочется выставлять всякий раз напоказ. Философы дарят миру образы возможного сущего, не заботясь о своём авторстве. Их другость, как и инаковость, всегда останется с ними. Её нельзя скрыть, но невозможно и потерять.

Во-вторых, можно предположить, что у обычного человека образ бытия весьма расплывчат. Он знает, как делать, но не всегда знает, что делать. Но одно без другого, как известно, не бывает. Человек живет в своём мире (экзистенции), который существует всякий раз отдельно для него, здесь и теперь и наряду с бытием другого конкретного сущего (мира вещей и других объектов или субъектов). И поэтому он редко задумывается о высоких материях, предпочитая делать всё своими руками. Возможно, сущее-вообще для многих обычных людей не существует вовсе или существует отдаленно, как нечто не очень значимое. Можно также предположить, что им открывается единое сущее человека или мир в целом лишь частично. Но это всё предположения, требующие подтверждения. Мы знаем, что за маской обычности (персоной) скрывается богатый внутренний мир.

В первую очередь обычному человеку дано своё конкретно-эмпирическое сущее и знание того, как практически обустроить (смодерировать) своё бытие, опираясь на собственный опыт и духовное наследие человечества. Он — *Persona grata* в проектировании.

Следовательно, философ, как и обычный человек, взирает на бытие другого только со стороны своего сущего (персонально-сущего и непосредственно — сущего-я). Но его проект бытия человека базируется на видении себя самого сквозь

призму всеобщего. А это связано уже с профессиональными компетенциями и особенностями философского мышления.

Но чем же конкретно отличается философ от обычного человека, практикующего проектирование как вид деятельности? «Философ – не просто мыслящий человек, отвечающий за то, что он мыслит. Философ есть художник мышления, поскольку он мыслит многогранные возможности мышления, как актер выводит на сцену множество лиц, заключенных в его “я”»²³⁰. Он умножает возможные миры, создавая их до востребования и благодаря концептуальным фигурам, которые кажут себя миру (отдельным людям, публике и пр.) благодаря своей известности или узнаваемости. Ведь последние суть ничто иное как феномены интерсубъективного сознания, а значит, в их основе находятся все те же интенциональные объекты. И у философа, и у обычного человека имеются свои посредники. Разница состоит лишь в их качестве. Вряд ли обычный человек выберет себе для построения и демонстрации проекта персону Платона, хотя, конечно, бывает всякое.

Философ, как и актёр, обладает способностями к перевоплощению. Он наделен свойством вхождения в иные, потенциальные миры, которые не только предшествуют актуальным мирам, но и вырастают из них, порождая нечто иное, чем то, что предполагалось ранее. Философ не просто существует в потенциальных мирах, а создаёт их силой собственного воображения, предоставляя обычному человеку ориентиры в бытии²³¹.

А что же делает обычный человек? Да простят мне тавтологию, обычно он поступает как необычная и интересная личность. И когда он приступает к проектированию, от этой обычности и обыденности не остается и следа. Его цель – организовать (смоделировать) сам процесс реализации про-

²³⁰ Эпштейн М.Н. Философия возможного. С. 93.

²³¹ Я не хотел, чтобы у читателя сложилось впечатление, что позицию философа я ставлю выше, чем позицию обычного человека. Для меня они равны как участники процесса метафизического проектирования. Здесь нет никакой иерархии, но существует разделение труда между людьми разных призваний и профессий. Призвание настоящего философа (а не настоящих философов, наверное, не бывает) – служить Истине так, как он её понимает и способен выразить, чтобы донести до других людей. А эта истина в моём представлении есть субъективно-всеобщее философа, вырастающее из его профессионального и экзистенциального опыта.

екта. Именно поэтому я отвожу ему роль модератора в проектировании. Но в символическом оформлении содержания проекта своего бытия он нуждается в помощи философа или иного специалиста. Философ выдвигает идеи, предлагая их в той или иной символической оболочке (картина мира, проект и пр.), а практикующий человек организует их реализацию. И в этом деле он намного превосходит философа. Кто же еще, как не он сам, лучше знает свою проблемную ситуацию и сумеет создать условия для её разрешения в ближайшей или отдаленной перспективе.

И, в-третьих, философ занимается миром духа, который предстает перед его «внутренним» взором как мир идеальных сущностей (объективно-идеальных и субъективно-идеальных), обладающих интенциональностью²³². Дух – это не просто некая инстанция, в которой бытие сущего вдруг открывается сознанию. В нём заключена, по Хайдеггеру, «сознательная решимость к сущности бытия», настроенная на изначальность²³³. В известном плане дух – это сосредоточение в бытии человека вселенского разума, усиленного мощью мирового сущего, как такового. Но главное в нём состоит в бытии и движении идей как мыслительных форм, обладающих эффектом подражания и побуждения к действию.

Итак, сфера проектных интересов философа – не воссоздание бытия человека-вообще или совокупного сущего человека, а его субъективное видение всеобщего в нём, которое рассматривается им к тому же сквозь призму собственной экзистенции (бытия истинно-сущего) и в определенной перспективе. И эти интересы близки, хотя и не тождественны интересам не совсем обычных людей, приступающих к проектированию своего бытия в качестве модераторов.

Перейду теперь к анализу некоторых, значимых для меня особенностей созерцания и философствования как проектных практик мыслителя, находящегося в чистом присутствии.

Созерцание как воссоздание мира человека из чистого присутствия мыслителя

Созерцание как смыслополагание (смыслотворчество) бытия человека возможно только в чистом присутствии. И

²³² См.: Хайдеггер М. Введение в метафизику. С. 10–30.

²³³ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 130.

это не только моё убеждение. По Хайдеггеру, находиться в присутствии может каждый, кто выступает как сущее-для-себя. Находиться же в чистом присутствии означает на практике освободить свой разум от всех предрассудков и искажений, чтобы увидеть мир в его всеобщих определениях. Но и это еще не все. «Чистота» присутствия определяется уровнем абстрагирования от бытия и зависит от способностей к его целостному схватыванию и символическому выражению.

Философ познает смысловую структуру человеческого бытия посредством трансцендентальных понятий, исходя из собственного жизненного мира. В отличие от ученого он видит мир человека не сам по себе, как таковой, и не фрагментарно, а из себя и целостным образом. В этом состоит его главное отличие от других субъектов познания и преобразования.

Так, с точки зрения Гуссерля, объектом философии является «не мир как он есть сам по себе (установка науки), а смысл и значение его для субъекта»²³⁴. А по мнению Витгенштейна, «смысл мира должен находиться вне мира. В мире всё есть, как оно есть, и всё происходит, как оно происходит; в нем нет ценности — а если она и была, то не имела бы ценности»²³⁵. Значения и ценности появляются у субъекта, который дистанцируется от мира, чтобы постичь его со стороны. И это присуще как философи, формирующему видение своего будущего, так и обычному человеку, организующему процесс практической реализации проекта.

Причем объект созерцания — человек — принадлежит не сознанию, как таковому, а субъекту философствования, обладающему сознанием. Однако это — не только его образ человека. Он принадлежит и другому субъекту, имеющему сходный опыт познания. Созерцание есть индивидуальное по форме и коллективное по содержанию образное постижение человеческого бытия. Философ оперирует с образами, а ученый, как и обычный человек, имеет дело с явлениями²³⁶. И эти образы заключены в форму целостных феноменов.

Однако обычный человек мыслит себя и своё бытие в эмпирических феноменах. Поэтому цель философского со-

²³⁴ Что такое философия? // Путь в философию. Антология. С. 8.

²³⁵ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. 6.41 // Там же. С. 18.

²³⁶ См.: Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М., 2000. С. 18.

зерцания — выразить сущность бытия сущего человека, как оно представляется последнему, т.е. в виде феноменов и посредством личных конструктов и экзистенциалов, которые философ переводит далее в категории и концепты на стадии логического обоснования проекта. Феномены как целостные образования человеческого бытия существуют только для философа.

Специфика созерцания философами бытия человека, в том числе своего собственного, характеризуется, с моей точки зрения, такими чертами, как целостное видение, концептуальность, направленность на выявление всеобщего, рефлексивность, экзистенциальная ориентация, проективность и событийность.

Целостное схватывание человеческого бытия сущего дано философу посредством феноменов и установления связей между ними. «Целостное бытие — это такое бытие, понятие которого не разделено пропастью и которое, однако, не исключает неантезириующее-неантезируемое бытие-для-себя, бытие, существование которого было бы единым синтезом в-себя и сознания: оно идеальное бытие-в-себе, основанное благодаря для-себя и идентичное этому для-себя, дающему ему основание, т.е. *ens causa sui*»²³⁷.

Далее. Философ постигает реальность *всеобщего* или всеобщее в структуре (совокупности) человеческого бытия через категории (философские универсалии), которые охватывают своим содержанием не отдельные феномены, а общие стороны или грани бытия всего сущего. Мыслить о всеобщем в бытии человека, можно лишь находясь в чистом присутствии, освободившись от предрассудков и логических противоречий, хотя и не избавившись полностью от субъективности и ценностной пристрастности.

Созерцание есть всегда целостное и ценностное восприятие человеческих сущностей. Или, иначе говоря, усмотрение сущностей выражает его рефлексивную и проективную установку. Гуссерль называет такие сущности чистыми. Только в сущностном созерцании проявляется чистая сущность. Созерцание в философии — это взглядывание в мир сущего, высматривание сущностей, коренящихся в жизненном

²³⁷ См.: Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Заключение // Путь в философию. Антология. С. 168.

мире²³⁸. Именно этим и занимается философ, постоянно всматриваясь в бытие человека и стараясь быть ему полезным в формировании образа будущего.

Категориальное мышление в философии человека отличается *концептуальностью*. Отвечая на вопрос, что такое философия, Делёз и Гваттари пишут: «<...> философия — это искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты»²³⁹. Творчество концептов — основное содержание и функциональное назначение философского созерцания человеческого бытия. Носителями концептов выступают концептуальные личности или персоны, которые заключают в себе мир всеобщего в бытии человека. От их имени и ведется диалог между философом и обычным человеком, которому адресовано послание в виде концептуального видения бытия человека и в качестве человека.

И, наконец, философское созерцание бытия человека возможно лишь в экзистенции самого философа. В ней проявляется его само-сущее и выступает наружу в виде концептуальной личности — посредника между философом и обычным человеком. В отличие от присутствия вообще как бытия «здесь и теперь» (вот-бытия в духе Хайдеггера) экзистенция характеризует его личное, свободное и ответственное отношение к миру и к человеку. Об этом писали многие представители экзистенциализма (Хайдеггер, Сартр, Ясперс и др.).

Так, Хайдеггер считал, что философу, чтобы быть услышанным среди людей, нужно иметь фундаментальное настроение («желание быть везде дома») и целостную установку («видеть мир в целом»). Причем одного без другого не бывает. С моей точки зрения, нет никакого схватывания целого человеческого бытия без захваченности познавательной ситуации экзистенцией мыслителя. Но ведь то же самое происходит и с обычным человеком, поднимающимся на высоту осознания всеобщих (родовых) интересов и стремящегося прорваться в сферу потенциально-должного, сформировать собственный образ инобытия для себя и своих близких.

По Ясперсу, постижение мира философией осуществляется через возможную *экзистенцию*. «Может быть, эта

²³⁸ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М., 1999. С. 29.

²³⁹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? С. 10.

экзистенция открывает путь для сознания вообще в мире объектов...»²⁴⁰. Если экзистенция есть то, что относится исключительно ко мне самому и выступает источником всех моих мыслей и действий, то можно предположить вслед за Ясперсом, что быть для субъекта означает не просто мыслить себя как особенное сущее, но и принимать решения относительно себя и собственной жизни²⁴¹.

А это значит, что философ высказывает не одни лишь предположения, а принимает решения относительно своего бытия в мире и понимания бытия в целом. Его созерцание деятельно и проективно. Оно творит мир человека не только таким, каким он видится философу благодаря его экзистенциальной решимости к бытию, но и с учетом экзистенциального опыта других людей. Однако при этом он продолжает вести диалог с обычным человеком, ищущим себя и пытающимся разобраться в своем жизненном мире. Философу нужна моральная поддержка людей, далеких в силу рода своей деятельности от философии, поскольку его творчество адресовано во многом им, и ради них ему приходится работать изо дня в день, чтобы найти путь к постижению бытия истинно-сущего и сделать шаг в направлении абсолютного бытия.

И еще надо отметить важные свойства экзистенциальной направленности философского созерцания — *событийность и проективность*. Феномены человека предполагают встречу с бытием, миром лицом к лицу. Конструируя феномен человека, философ как бы заново открывает для себя его мир. Он узнает себя в части освоенных и преобразованных (переосмысленных) им феноменов бытия человека. Но с новыми феноменами, которые возникают внезапно на табло сознания, он встречается впервые. Поэтому созерцание как акт конструирования человеческого бытия «можно рассматривать как событие. Событие, отличное от своего же собственного содержания»²⁴². Одним словом, событием становится каждый феномен человека, смысл которого открывается философу в созерцании заново или встречается им впервые. Это — вспышки света в пространстве бытия.

²⁴⁰ Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире. С. 36.

²⁴¹ Там же. С. 37.

²⁴² См.: Мамардашвили М. Феноменология — сопутствующий момент всякой философии // Путь в философию. Антология. С. 388.

Проективность же созерцания я рассматриваю как взглядывание вперед, опережающее видение бытия человека, формирование образа (картины) бытия-сущего-впереди-самого-себя. В отличие от рефлексии как глубинного усмотрения сущностей в бытии человека проективность связана с представлением о способности человека к перевоплощению, к смене образов бытия и утверждением себя в мире как бытийного существа, т.е. существа, укорененного в бытие.

Кроме того, необходимо отметить, что созерцание доступно каждому человеку, который может войти в чистое присутствие (объять своим взором мир-вообще) и способен отрешиться от индивидуально-субъективных наслойений, вычленяя всеобщее в бытии человека и постигая его сквозь призму собственной экзистенции.

Созерцанием может заниматься любой подготовленный человек, который поднимается на высоту постижения всеобщих смыслов человеческого бытия, пропуская их сквозь ценностный фильтр собственной экзистенции. Чтобы быть философом в этом смысле, философом по жизни, а не по службе, не обязательно иметь базовое философское образование. Философии нельзя научиться только в университете. Недостаточно также писать тексты по философии или иметь большой жизненный опыт. Всё это — важные, но не достаточные предпосылки философского созерцания как целостно-интуитивного и опережающего (проективного) схватывания мира феноменов бытия человека в состоянии чистого присутствия. Необходимо еще обладать способностями к философствованию как особого рода духовной практике. И далеко не все так называемые профессиональные философы обладают этим качеством.

Таким образом, созерцание в философии означает интуитивное схватывание бытия человека целостным и проективным способом, исходя из собственной экзистенции (бытия-для-себя). Проективность характеризует «высвечивание» бытия человека в модальности возможности и представление его как бытия-впереди-самого-себя. Она указывает также на способность созерцающего к опережающему видению бытия человека, в том числе своего собственного. Причем последнее налагается на всеобще-сущее человека, разворачиваясь далее в трансцендентальное поле.

Созерцание — это поток света, благодаря которому образуется просвет бытия и определяются далее духовные приоритеты для человека. Более того, в ходе философствования

сливаются воедино созерцание и экзистенция. Последняя просветляется, становится, по словам Сартра, не только возможной, но и просветленной. А само созерцание как целостно-интуитивное схватывание мира в чистом присутствии приобретает экзистенциальную окраску. Поэтому просвет бытия я и рассматриваю как коридор открытых возможностей, которые философ умножает на сущностном уровне (как медиатор), а обычный человек постигает в своём жизненном мире на практике (как модератор).

Философ живет как в мире целостных образов (феноменов), так и в мире всеобще-сущего, рассматривая феноменальное поле с точки концептуального измерения трансцендентально-го поля. Именно в пограничной ситуации он выстраивает концептуальное поле (систему концептов и связанный с нею круг концептуальных личностей) и встречается с обычными людьми, ищущими свой путь к практическому постижению и преобразованию собственного бытия. Как я уже подчеркивал, посредником между ними выступает концептуальная личность, способная интерпретировать универсальные смыслы бытия с точки зрения проективных установок самого человека.

Философ строит дом бытия для себя и других. И, кроме созерцания, обнаруживающего свойство проективности, существует еще одна разновидность его духовной практики — философствование, исходным пунктом которого выступает предельное вопрошение.

Предельное вопрошение о бытии человека как формулирование проектного задания

«Философствование, — писал Хайдеггер, — живо только тогда, когда оно высказывается в слове, выражает себя, что, правда, не обязательно означает “сообщение другим”»²⁴³. Без выражения в слове не может быть и самого философского акта, в котором формулируются вопросы к бытию.

Философия имеет дело с сущим, которое обращено на самое себя. Это — сущее (сознание), в котором заключен весь доступный ему мир. Но поскольку сознание философа субъективно и ценностно окрашено, то и сам процесс постижения человека проходит через его ценностные фильтры. Ведь су-

²⁴³ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир — конечность — одиночество. С. 439.

щее человека открывается ему отдельно и в том виде, в котором он способен его воспринимать и понимать. Это вдвойне относится к философии, которая постигает мир в диалоге мыслителя и человека. Главное для неё — вопрошение, а для самого мыслителя — быть инициатором вопрошания и осуществлять трансцендирование (смыслотворчество).

Правильно сформулированный вопрос о смысле бытия человека, в том числе самого мыслителя, — душа философствования. В собственном бытии философ реализует свою миссию «внутреннего» вопрошания, обращенного к самому себе и другому как особому роду сущего. В нём философствующий человек ищет ответ на вопрос о том, кто он сам в этом мире, каково его бытие, причем не здесь и теперь, а в перспективе становления. Некоторые исследователи именуют этот феномен философским даймоном. «Эту область мы назвали *философским даймоном*, то есть пространством вопрошания о бытии сущего или точкой наблюдения за человеком (как мыслящим мыслимое) изнутри. Это — сфера логоса, где он выясняет все сущее как единое (*en*), как *φύσις*»²⁴⁴. Философия «есть вопрошение, в котором мы пытаемся охватить своими вопросами совокупное целое сущего и спрашиваем о нем так, что сами, спрашивающие, оказываемся, поставлены под вопрос»²⁴⁵.

Следовательно, бытие человека является для философа вопросом или проблемой. К тому же человек есть проблема для самого себя и других, кто находится с ним в со-присутствии. Поэтому суть философствования состоит в том, чтобы обращаться к бытию с вопросами, причем к тому бытию, которое само может вопрошать себя и вызывать к себе подобному сущему. Главное в нем — «мыслить мыслимое» о бытии сущего в диалоге (как бытии-с-другими) с другими людьми, обмениваясь с ними идеями и конструируя образ мира как со-бытия.

В ходе философствования субъект не только вопрошает, но и творит мир посредством инструментов трансцендентального поля (экзистенциалов и личных конструктов, концептов и категорий). Философом становится не только тот, кто видит мир иначе, чем большинство обычных людей. Для философа недостаточно видеть сущность человека, скрытую в глубинах

²⁴⁴ См.: <http://www.platonizm.ru/content/dugin-martin-haydeger-filosofiya-drugogo-nachala> (обращение — 12.08.2013 г.).

²⁴⁵ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. С. 333.

его бытия. Так, У. Джеймс утверждал, что философия есть, прежде всего, мыслящий человек, проникающий в тайны бытия. «Философия во всей полновесности этого слова все же есть лишь мыслящий человек, человек, мыслящий в большей мере о наиобщих свойствах бытия, нежели о частностях»²⁴⁶.

Но мыслить бытие, в том числе своё собственное, — это значит удваивать реальность, делать её возможностью для себя и других, а также внося в неё смысл и облекая в форму трансцендентальных средств. А это значит также — умножать возможные миры человека и наполнять его бытие новыми смыслами. Именно поэтому философствование как проектная деятельность «есть бытие, посредством которого в мир приходит смысл»²⁴⁷.

Суть философии состоит в том, чтобы мыслить каждый раз иначе, мыслить концептуально, конструируя возможные миры и находясь в экзистенции, а самого философствования — в смыслотворчестве как расшифровке кодов трансцендентного, скрытых в бытии. Философ видит в мире не только самого себя, но и другого человека как мыслящее существо, способное к производству смыслов. Поэтому еще один аспект, заключенный в вот-бытии, относится к существованию *другого* вот-бытия. Это не только вопрошение к самому себе, но и вопрошение к себе подобным, разговор с ними (диалог) о существ вообще и собственном существе, в частности, что и отличает философствование как коммуникацию, производящую возможность со-бытия.

И еще: «философствование есть последнее выговаривание, то предельное, в чем человек уединяется до своего чистого присутствия...»²⁴⁸. Но как можно донести смысл бытия до другого, находясь в чистом присутствии и погружаясь в мир духа? Всё дело в том, что философ вовлекает в движение своего духа идеи, добытые мыслителями прошлых эпох, преломляя их в собственном смысложизненном контексте. Как писал Н.А. Бердяев, «философски я могу познавать лишь свои собственные идеи, делая идеи Платона или Гегеля собственными идеями, т.е. познавая из человека, а не из предмет-

²⁴⁶ Джеймс У. Введение в философию. Рассел Б. Проблемы философии / Пер. с фр. А.Ф.Грязнова. М., 2000. С. 14.

²⁴⁷ Там же. С. 177.

²⁴⁸ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления . С. 336.

та, познавая в духе, а не объективной природе»²⁴⁹. По мнению мыслителя, это — принцип бытийственно-жизненной, а не объективистской или субъективистской философии.

Причем нашими партнерами в таком диалоге могут быть как живые мыслители, обладающие чистым присутствием и всеми признаками вот-бытия, так и ушедшие от нас философы, находящиеся в там-бытии и на расстоянии веков, а также обычные люди, которые нас окружают и обнаруживают способность мыслить иначе, чем большинство их современников. Опознать этих людей не трудно. Они ставят вопросы о смысле бытия и пытаются найти на них практические ответы («как быть»). И здесь им нужна помочь философов (как медиаторов), которые вступают с ними в диалог посредством конструируемых ими концептуальных личностей. От имени всех поколений философов с ними ведут разговор сократы и гегели, олицетворяющие собой накопленный столетиями опыт философствования.

Вопросы о сущности человеческого бытия, которые ставит и стремится решить философ, позволяют сформулировать проектное задание, суть которого состоит в следующем. Так, отвлеченные вопросы типа «что такое бытие человека?», «кто таков сам человек?», «в чем смысл его жизни?» на самом деле переопределяют каждый раз возможности быть иным. С точки зрения самого человека ответы на эти вопросы не даны изначально. Он сам должен для себя найти эти ответы и сформулировать тем самым своё жизненное кредо или, иначе говоря, проектное задание, направленное на переосмысление и переустройство собственного бытия в определенной временной перспективе.

Согласитесь, уважаемые читатели, что философствование есть не просто созерцание в состоянии чистого присутствия, но и умножение сущностей (создание возможных миров). Оно открывает людям их собственное бытие, причем не таким, каким оно им представляется, а иного бытием. Тем самым философ устанавливает глубинную экзистенциальную связь с другим человеком в себе (сущим-в-себе-и-для-себя) и в его окружении (сущим-в-другом-и-для-него). Для этого и нужна коммуникация в философии, которая благодаря посредничеству концептуальных личностей, ведущих дискурс от имени

²⁴⁹ Бердяев Н. О назначении человека // Путь в философию. Антология. С. 290.

философов, представляется мне как экзистенциальная коммуникация, являющаяся со-бытием людей в свободе.

Философствование как эмансипация человеческого духа и экзистенциальная коммуникация

Философия как проектная деятельность призвана раскрыть и обосновать потенциал свободного развития человека. Поскольку свобода укоренена в человеческом бытии, то главная проблема, которая стоит перед философом, — это содействовать открытости коммуникации в мире и расширению пространства свободного дискурса. «Философия — это то, — писал Ясперс, — посредством чего человек становится самим собой, в то время как он становится сопричастным действительности»²⁵⁰. Сопричастность есть важнейшая предпосылка проектирования человеческого бытия как бытия-в-свободе и как и nobытия, возможного через свободу.

На эмансипаторскую роль философии указывал в своё время Ю. Хабермас, настаивая вместе с тем на том, что философ — это местоблюститель и интерпретатор. Быть блюстителем места означает, по мысли теоретика, удерживать интерес ученых к универсалистской проблематике и не скатываться в эмпирическую реальность²⁵¹. Но не только для ученых нужна роль местоблюстителя философа. Он осуществляет интерпретацию человеческого бытия как бытия-в-свободе для себя и других людей, привлекая для этой цели фигуры концептуальных личностей.

Таким образом, философствование я рассматриваю как освобождение человеческого духа, обремененного необходимостью, освобождение от стесненности жизненными проблемами, в том числе достижение свободы от вещной зависимости и поиски смысла бытия истинно-сущего (человечного и сверхчеловечного в человеке). Для этого философу необходимо изменить своё видение и обрести экзистенциальную решимость к бытию. Поэтому философ взирает на мир не только с позиции вечности, а как существо конечное, страдающее, стремящееся обрести свободу и освободиться от тотальности бытия. Но главное для него — эмансипация духа и производ-

²⁵⁰ Ясперс К. Введение в философию // Путь в философию. Антология. С. 228.

²⁵¹ Там же. С. 372.

ство всеобщих смыслов, необходимых для утверждения свободного бытия человека, а также значимых для людей данной эпохи, времени и региона.

Вполне очевидно, что философствование как свободное постижение и nobытия сущего осуществляется не только в чистом присутствии, но и в диалоге, коммуникации. Только будучи свободным в своём творчестве и открытым к коммуникации с себе подобными (равно-сущими), философ способен проникнуть в суть и nobытия человека и обогатить наше видение мира.

В этом смысле философствование есть коммуникация свободных личностей, осуществляемая по поводу предельных (и запредельных) оснований бытия всего сущего, в том числе такого сущего, как человек. Кроме того, это — коммуникация между равно-сущими, хотя и экзистенциально укоренными в своё бытие, но выглядывающими из своего присутствия и впередсмотрящими.

Эту мысль развивает Ясперс. «Философия, — пишет он в предисловии к первому тому, — цель истинной общности само-сущих людей, — была делом индивидов, которые в неслыханном избытке собственной боли и собственной достоверности свидетельствовали нам из *одинокой дали*, — не призываю нас последовать за ними <...> Но сами мы философствуем не из одиночества, а из *коммуникации*. Исходным пунктом для нас становится: как относится и действует (*steht und handelt*) человек к человеку, как индивид к индивиду <...> Моё философствование всем своим содержанием обязано тем, кто был ко мне близок»²⁵². Следовательно, философствование, рассматриваемое как диалог, есть вместе с тем общее дело свободных личностей, образующих в ходе проектирования со-бытия «истинную общность само-сущих людей». Тем самым само-сущее каждого участника такого диалога находит свой способ быть причастным к бытию всеобщего вместе с другими равно-сущими.

Философская коммуникация как диалог между само-сущими и вместе с тем равно-сущими выступает в разных формах. С одной стороны, она представляет собой конкуренцию идей и исследовательских программ. По мнению Делёза и Гваттари, философия, будучи детищем древнегреческой ци-

²⁵² Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире. С. 20.

вилизации, несёт в себе следующие предпосылки — дружество, свободу и соперничество. Иначе говоря, философы — это сообщество дружественных, свободных и равных людей, которые соперничают друг с другом. Ведь созерцание, рефлексия, коммуникации суть значимые, но недостающие позиции, необходимые для утверждения проектной миссии философов в мире.

Чтобы быть причастным к творению со-бытия они должны стать дружественными с другими, столь же равновеликими существами (равно-сущими), что не мешает им сохранять свою самость (само-сущее). А это требует от философов способности к заинтересованной и вместе с тем беспристрастной интерпретации (толкованию) чужих идей как «сгустков» возможного опыта (способов) воплощения иного в бытии человека.

С другой стороны, философ как участник диалога с равно-сущими (коллегами по профессиональному цеху или обычными, практически более подготовленными людьми) выступает далее как творец собственных концептов (своего рода — «концептор»). Но у него нет монополии на концептотворчество. Концептами пользуются представители науки, искусства, дизайна, рекламы и просто обычные люди. Причем не только пользуются, но и создают их, не будучи профессиональными философами.

Значит, дело обстоит не столько в производстве концептов, схватывающих смыслы бытия, сколько в их правильном толковании. Философ есть, прежде всего, толкователь (интерпретатор) концептов, как уже существующих и созданных до него, так и создаваемых им самим, что особенно важно. На мой взгляд, его роль в бытийной коммуникации вполне определена: производство и интерпретация концептов, необходимых для проектирования со-бытия, в котором каждый человек есть для себя и других возможность иного сущего, а все они вместе составляют сложную конфигурацию существ-для-себя или «истинную общность» само-сущих людей, являющихся друг для друга равно-сущими.

Кто же ведёт спор и участвует в экзистенциальной коммуникации от имени философов? У каждого из них имеются свои концептуальные личности, которые соединяют в себе субъективно-сущее самого философа и всеобще-сущее, выражаемое близкими ему по духу мыслителями. Философ всегда встроен в концептуальное поле и разделяет вместе со своими единомышленниками определенную систему концептов.

Он опирается в своей творческой деятельности на идеи и основные положения, высказанные авторитетными мыслителями. Одним словом, он вписан в философскую традицию и является приверженцем определенного течения (направления).

Так, например, я придерживаюсь традиции экзистенциальной феноменологии, основателем которой можно условно считать Хайдеггера, опирающегося в свою очередь на труды автора грандиозного проекта трансцендентальной феноменологии Гуссерля. Значит ли это, что моими концептуальными личностями являются непосредственно Гуссерль и Хайдеггер? И да, и нет. Очевидно также то, что от их имени могут выступать мои концептуальные персоны, которые представляют экзистенциально-феноменологическую традицию. Их имена (псевдонимы) не так важны. То, как я трактую идеи Хайдеггера, еще не есть аутентичный Хайдеггер. Это — мой образ его видения себя и бытия, а значит сконструированная мной концептуальная фигура. Я говорю «Хайдеггер», подразумеваю собственную интерпретацию его философствования, а значит, использую его имя как фигуру речи.

Таким образом, философствование становится проектной деятельностью благодаря созерцанию (как выглядыванию вперед себя из чистого присутствия), эмансиpации духа (как стремлению само-сущего к истинно-сущему и бытию-в-свободе) и экзистенциальной коммуникации (как адресному вопрошанию и свободному обмену идеями между равно-сущими). Проектирование бытия человека как возможности ино бытия опосредовано участием концептуальных личностей, или персон.

Философствование как метапроектная практика

Суть философствования состоит, с одной стороны, в личностном (мотивированном и ответственном) обращении к миру как целому, содержащему в себе смыслы надличностного существования, а с другой — в свободном поиске образа возможного бытия человека, открытого для восприятия иного.

Для многих исследователей философствование есть «напряженное в ищущей мысли экзистироование личности человека», в основе которого лежит приближение души к мудрости. Это — своего рода духовная практика. С этим, в принципе, можно было бы согласиться, если не преувеличивать значение

термина «духовное». «Философия открывает простор, простор бытия, какой-то свет возможностей для человека мыслить и существовать с повышенным сознанием и духовной ясностью». Пожалуй, лучше не скажешь, хотя мне больше нравится выражение «просвет бытия». Кстати, именно Ясперс для характеристики миссии философа в мире использует понятие «просветление экзистенции». Именно таким просветлением бытия экзистенцией и одновременно путем к трансцендентному я и представляю себе философствование.

Философствование я рассматриваю двояким образом: как рефлексивную деятельность, близкую к созерцанию («выглядывание из чистого присутствия»), но не тождественную ей, и как метапроектную практику. Обычно рефлексию связывают с «поворотом сознания», разделяющим наблюдателя и наблюдаемое им со стороны. Рефлексивный взгляд на человеческое бытие предполагает дистанцирование философа от «объекта» (человека), хотя и удерживает в зоне внимания его собственную позицию. Это позволяет учитывать эффект «кривого зеркала» и другие искажения образа бытия человека в сознании философа.

Проективностью обладает, как я уже писал, и созерцание, но практика проектирования есть нечто другое. Поскольку практику вообще я рассматриваю как деятельность по созданию и тиражированию значимого опыта в сфере изменения условий существования людей, то проектная практика связана, на мой взгляд, с накоплением и распространением человеком опыта переустройства его собственного бытия и становления инобытия. Это может быть опыт самого философа, его концептуальной фигуры или другого человека, погруженного в мир иного и стремящегося сознательно изменить основания своего бытия в направлении расширения пространства возможностей.

Проектировать бытие — это значит также изменять условия и основания существования человека в мире, в том числе находить баланс между противоборствующими тенденциями — экзистированием как путём к-себе-и-для-себя и трансцендированием как движением от себя к мировым тотальностям. Трансцендирование наделяет человека мощью мирового разума и духовной энергией всего человечества, несравненно большей, чем экзистирование, рождающее чувство драматичности и уединенности в ходе противостояния миру. Однако, трансцендируя, человек теряет часть своей жиз-

ненной силы, приобщаясь к источнику более могущественному, чем он сам. Он перестаёт быть-для-себя и становится заложником высших сил — культуры, социума, божества и пр.

Таков проектный подход в феноменологической философии, и этим он принципиально отличается от созерцательного по сути подхода субстанциалистской философии, а также от имманентного, универсалистского или партикуляристского, проблемного или предметного познания человека, характерного для науки в целом.

Итак, философствование предполагает, с одной стороны, предельное вопрошение, а с другой, последнее выговаривание и ответы на вызовы бытия, последний спор с ним. Итог такой духовной практики — новый проект бытия человека, который рассматривается как его со-бытие с Другим (или другими) и в контексте поиска опыта иного.

Для понимания философствования как метапроектной практики (и вместе с тем — диагностической процедуры) особенно важны такие качества философа, как вопрошение (постановка вопроса) и «лечение» вопроса. Первая часть связана с формулированием вопросов о предельных основаниях бытия сущего, вторая часть — с коррекцией вопроса, избавления его от ненужных значений, засоряющих основной смысл.

Лечение вопроса (и вопросом) означает, по Витгенштейну, логическое прояснение мыслей, мыслей о сущем в его бытии, которое есть предельная форма его существования. Оно реализует терапевтическую цель философии — избавление знания от концептуальных недугов (путаницы, логических ловушек и тупиков)²⁵³. Такая процедура предполагает, по Вайсману, вскрытие трещин и противоречий в структуре понятий ради достижения смыслов обозначаемых феноменов. Но чтобы сделать это, философию нужно обладать, с точки зрения Маритена, всей «мощью рефлексивной способности, даром видения и концептуального выражения тех проблем, которые одолевают его современников...»²⁵⁴.

Я считаю, что Александр Павлович Огурцов соединил в себе качества субъекта философствования и свободной лич-

²⁵³ Витгенштейн Л. Мысли о философии. Фрагменты из работ // Путь в философию. Антология. С. 37.

²⁵⁴ Маритен Ж. Философ во граде // Путь в философию. Антология. С. 281.

ности, способной проектировать образы бытия, опираясь на собственный жизненный и профессиональный опыт. Он умел не только «лечить вопросом», но и создавать пространства дискурса, в котором каждый из коллег легко находил своё место, не отказываясь при этом от своих философских предпочтений. Но обо всём по порядку.

А.П. Огурцов как философствующая личность

Прикосновение к таланту

Писать о высоком таланте — большая ответственность. Это дано не каждому и, наверное, найдутся коллеги и соратники, которые раскроют грани таланта Александра Павловича лучше меня. Но и я хочу поделиться своими впечатлениями о его яркой и талантливой личности. Не буду перечислять случаи знакомства и встреч с ним. Гораздо важнее вспомнить то, что меня поразило в этом человеке до глубины души.

Александр Павлович — это легенда в истории отечественной философии и науковедения. Пожалуй, другого такого человека я не знаю. Ни до него, ни во время его необыкновенно насыщенной жизни такого энциклопедического таланта еще не было в российской философии. Своим глубоким вчитыванием в философские тексты и масштабом теоретического обобщения он поражает любое воображение.

Его имя стало обрастать легендой еще во времена издания первой, пятитомной Философской энциклопедии, когда он с коллегами сумел не только подготовить, но и издать в сжатые сроки так нужные нашему сообществу энциклопедические статьи. Уже в студенческие годы я смотрел на Александра Павловича как на живую легенду и небожителя.

Каково же было моё переживание, когда я встретил простого на вид и доступного в общении человека в середине 1990-х гг. Затем в начале 2000-х наши встречи стали более регулярными, и я смог воочию убедиться в блестящем аналитическом уме и историко-философском чутье Александра Павловича. Он стал для меня чем-то большим, чем персонифицированная в образе конкретного человека и воплощенная в его текстах легенда. Тогда я долго не мог понять, почему такой выдающийся мыслитель вот так запросто и скромно ведет себя в общении. И эту загадку нельзя объяснить ба-

нальным «всё гениальное — просто». Суть дела заключается в его самоидентификации. Он считал себя скромным червем философских и научных полей. Об этом свидетельствуют два интервью, которые мне удалось взять у него в 2000-е гг.²⁵⁵

В моём представлении Александр Павлович — «человек, который философствует», или философствующая личность. Именно так я назвал своё первое интервью с ним. Людей, которые пишут тексты или рассуждают о философии, много. Но тех, кто может философствовать, размышляя о бытии сущего, анализируя разные онтологические модели и проживая их на собственном опыте, — единицы. Он был, несомненно, философом, а не специалистом по философии (философоведом).

О философии и философе

С Александром Павловичем у нас было несколько линий для обсуждения. Одна из них — сущность самой философии. По его словам, «*философия — это тематизация предельных смыслов отношения человека к миру, обществу, культуре, к самому себе и к другому*»²⁵⁶. В своей философской деятельности он придерживался реляционного способа мысли, который трактуется как развертывание человека в мир, принципов тематизации, т.е. проблематизации экзистенциальных и когнитивных ситуаций. Вместе с тем Огурцов настаивает на том, что философия есть скорее любознание, а не любомудрие. Она невозможна без сопереживающего понимания мира, себя и другого. Мне этот образ философии нравится.

Чем отличается философ от специалиста по философии? С точки зрения Александра Павлович тем, что второй знает тезаурус философии, но не видит её проблем, а первый может не владеть современным философским языком, но в состоянии усмотреть проблему.

Но кто же таков сам Александр Павлович? Он считает

²⁵⁵ См.: Человек, который философствует (интервью Ю.М. Резника с профессором А.П. Огурцовым, май 2005 г.) // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. 7. Вып. 3 (№ 27). С. 324–330; Еще раз о философии и о многом другом (интервью с профессором А.П. Огурцовым, 2 июля 2009 г.) // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. XII. Вып. 1. С. 416–438.

²⁵⁶ См.: Человек, который философствует (интервью Ю.М. Резника с профессором А.П. Огурцовым, май 2005 г.). С. 325.

себя по роду занятий и профессии философом, занимающимся наукой, а не науковедом, использующим точные методы в исследовании науки²⁵⁷. И что еще важно отметить: Александр Павлович был человеком интеллектуальной культуры XX в. Он жил в этом веке, обстоятельно знал его философские и научные традиции. И хотя его философское наследие выходит за рамки прошлого века, что-то мне подсказывает, что его собственные способ мышления и стиль исследования сформированы во многом мыслительными практиками представителей Венского кружка, Кассирера и Хайдеггера, Поппера и Куна.

Александр Павлович, будучи философствующей личностью, испытывал тягу к чтению. Он умел читать и понимать тексты самой разной сложности. И его цель — постижение неизведенного²⁵⁸. Завидная участь человека, который способен сам создавать шедевры, но предпочитает изучать опыт мысли других людей, чтобы переработать их в собственные размышления. Удивительно, в наше время, когда столько развелось авторов, находится человек, тонко чувствующий текст и умеющий его творчески корректировать. И это качество восхищает меня в Александре Павловиче, как и его тяга ко всему настоящему и стоящему в философии и науке. Для меня стиль философской работы Огурцова остается непревзойденным образцом духовного подвижничества. Именно таким я себе представляю настоящего философа в наше время. Читатель знает мой иронический и местами резкий тон в отношении некоторых фигурантов философского сообщества. Но здесь я, как никогда, пишу искренне и с чувством неподдельного восхищения. Мне не знакомо чувство зависти в отношении талантливых людей. Я ими просто восхищаюсь.

Мне, как и Александру Павловичу, нравится восхищаться другими, причем не в уничижительном смысле, а в смысле воодушевления и приподнятости духа. А это состояние предполагает, по Г. Марселю, умение выходить из самососредоточенности, концентрированности на себе и своём внутреннем²⁵⁹, которое зачастую подстраивается под внешнее. И этот выход возможен через самоотдачу и самоутверженное творчество. Таким был и останется в моей памяти Александр Павлович Огурцов.

²⁵⁷ Там же. С. 329.

²⁵⁸ Там же. С. 335.

²⁵⁹ Марсель Г. Опыт конкретной философии. М., 2004. С. 40.

Скромное очарование философствующей личности Огурцова я бы объяснил не только самоограничением, но и тем, что Марсель называл восхищением и удивлением от иного. Такой философ, как Александр Павлович, не мог быть собственником идеи, олицетворяющим истину в последней инстанции. «Философствующий здесь-и-теперь, можно сказать, преследует реальностью. Ему мало факта существования. Существование неотделимо от некоторого удивления <...> Большая часть патентованных профессиональных философов не обнаруживает ни малейшего следа этого исходного удивления»²⁶⁰. Огурцов не из их числа. Ему неведомо «привыкание к реальности». Им, как и ребенком, движет метафизическое удивление, характерное для дологической формы мышления наших далеких предков.

Вместо привыкания к реальности, которое присуще большинству исследователей, не имеющих философской веры, в Александре Павловиче прорывается то, что Марсель именует «ожогом от реальности». « <...> Конкретная философия невозможна без непрерывно возобновляемого и подлинного творческого напряжения между «я» и глубинами бытия, в котором и благодаря которому мы есть мы»²⁶¹. Философ Огурцов смог избежать в своей творческой биографии крайностей, присущих философскому истеблишменту. Он ушел от нас воплощенным в своем духовном теле и с чувством восхищения, возвышающего его над серыми буднями повседневности.

Скажи мне, кто твой друг...

Своё жизненное и профессиональное кредо Огурцов сформулировал так: «Меня сформировали талантливые люди и умные книги»²⁶². Он ценил и то, и другое, всерьез относясь к самости другого человека. Я думаю, что это относится не только к его прошлому опыту, но и к настоящему. Он имел еще один талант — принимать других в том смысле, чтобы иметь возможность участвовать в их духовной жизни. Ему была присуща любовь к мысли, как таковой, безотносительно к тому, кому она принадлежала. Ведь мысль бесплотна и

²⁶⁰ Там же. С. 51.

²⁶¹ Там же. С. 52.

²⁶² Человек, который философствует (интервью Ю.М. Резника с профессором А.П. Огурцовы, май 2005 г.). С. 333.

анонимна, а её авторство весьма сомнительно в мире, где всё или почти всё сказано. В его жизни присутствовали другие в качестве носителей высказанной, а скорее недосказанной мысли. Он, как никто другой, умел доказывать и выражать чужую мысль, облекая её в собственную форму, а тем самым преобразуя полумысль, предвосхищающую нечто, в истинное суждение. Именно таким учителем или мастером мысли запомнился мне Александр Павлович.

Говорят, что масштаб и качество деятельности человека зависит от качества среды (непосредственного окружения), которую он выбирает. Александр Павлович сделал правильный выбор. Он поступил на философский факультет МГУ и связал свою жизнь с философией, а также людьми, работающими в ней. Его окружали в годы обучения на факультете такие мыслители, как Зиновьев, Мамардашвили, Грушин, Г.П. Щедровицкий и др. Его друзьями были в те годы Э.Г. Юдин, М.К. Петров, Шрагин и др. Их сблизили совместная работа над Философской энциклопедией и сотрудничество в редакции журнала «Вопросы философии». В Институте социологии он знакомится с Левадой, В.А. Ядовым, Коном и др., а затем после перехода в ИИЕТ работает вместе с Ахутиным, Рабиновичем, П.П. Гайденко, И.А. Алексеевым, Б.С. Грязновым и др. Так что круг общения Александра Павловича в те годы (конец 1960–1970-е гг.) был весьма разнообразен и представителен.

Лично я очень рад тому, что в моей жизни был такой человек, как Александр Павлович Огурцов. На первых страницах трехтомной книги «Философия науки»²⁶³, которая стала одним из итогов его творческой деятельности, он написал мне: «От автора с уважением и с воспоминаниями о совместной работе». С ним интересно было работать. И не только в подготовке печатных изданий, но и в организации учебных курсов и программ. Я вспоминаю с благодарностью его участие в Летней философской школе, которую наш Институт философии проводил совместно с Рязанским государственным радиотехническим университетом в июле-августе 2011 г. (научный руководитель школы – Б.Г. Юдин, координатор – Ю.М. Резник). Огурцов – ведущий лектор школы. На его лекции собирались и аспиранты, и преподаватели. Он был не только фи-

²⁶³ См.: Огурцов А.П. Философия науки: Двадцатый век: Концепции и проблемы: В 3-х частях.

лософом, но и талантливым педагогом, умеющим заинтриговать слушателей и передать им энергию философской мысли.

Александр Павлович был знаком не только с именитыми авторами, но и с не очень известными широкой философской публике исследователями «из глубинки». Он живо интересовался новинками книг, выпущенных в разных уголках страны, удивляя собеседниками не только широтой своей философской эрудиции, но и знанием текстов региональных авторов.

Мыслить широко и не упускать детали

Александр Павлович — настоящий эрудит и энциклопедист в лучших традициях прошлых столетий. В наше время — это редкий и уникальный тип мыслителя. Все современные философы, как правило, отличаются узкой специализацией. Такие исследователи, как Огурцов, рождаются один раз в полвека. Ему присущ тонкий и изысканный стиль знатока деталей. А современная философия большей частью своего успеха и общественного признания обязана деталям мышления. Здесь важны нюансы, которые были так хорошо знакомы Александру Павловичу.

Я знаю многих людей, работающих в области философии, но редко кому из них удается воплотить себя в реальности. Как писал Г. Марсель, быть воплощенным — это значит овладеть в полной мере своей телесностью и стать субъектом²⁶⁴. Другими словами, это значит быть телом-субъектом. В хрупком физическом теле Александра Павловича зиждился сильный дух, рвущийся на свободу. Его не заботили многие социальные условия. Ему были чужды зависть и стремление возвыситься над другими людьми. Скорее всего, эти другие самости, несмотря на желание, не могли возвыситься до масштабов его личности и, возможно, часто упрощали его феномен ради возвышения собственного присутствия в мире, обремененного необходимостью соответствовать социальным ожиданиям.

Александр Павлович никому и ничему не соответствовал. Он жил естественно (как дышал) и творил в состоянии перманентной философской рефлексии, будучи вполне реальным и конкретным человеком. В экзистенциальном плане его отличала фундаментальная причастность к миру, который он воспринимал с легкой ironией, как впрочем, и свое собственное бытие в нем.

²⁶⁴ См.: Марсель Г. Опыт конкретной философии. С. 16–17.

Огурцов относил себя к поколению «шестидесятников». И не случайно он избрал для себя философию и социологию науки. Именно они в советское время давали наибольший простор для свободного творчества, обеспечивая вместе с тем широкий охват тем и проблем.

Вряд ли у меня получилось в столь кратком обзоре дать представление об образе Александра Павловича Огурцова как человека и философа. Он достоин добротной философской биографии. А пока ограничусь грустной констатацией: меня продолжает преследовать ощущение, что людей, испытывающих ожог от реальности, становится всё меньше и меньше. Как-то притупилось восприятие бытия у большинства титулованных или патентованных философов. Возможно, и далее таких людей, как Александр Павлович, не будет больше. Они рождаются в единичном исполнении, а умирая, продолжают жить в наших сердцах. Потому что мы срастаемся с ними, становясь одним целым.

Александр Огурцов прожил красивую и яркую жизнь. И я не считаю его философом-одиночкой, каким он называл себя в разговоре со мной. Он философствует, даже уйдя от нас в запредельный мир. Надеюсь, что очень скоро за ним в философское сообщество придут новые поколения последователей и соратников. Факел зажжен и продолжает гореть. Нельзя позволить ему потухнуть. Ведь ради этого жил и работал Александр Павлович Огурцов.

Ф.Н. Блюхер

**АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ ОГУРЦОВ
КАК УЧЕНЫЙ-ГУМАНИТАРИЙ**

В апреле то ли 1985 г., то ли 1986 г. меня, молодого специалиста Института философии, попросили довести член-корреспондента АН СССР М.Т. Иовчука из помещения Института права на Знаменке до Института философии на Волхонке. Хотя я не был сторонником того направления в марксизме, которого всегда придерживался уже покойный член академии, мысль о последствиях столкновения уже пожилого человека с московской гололедицей заставила меня отнестись с должным вниманием к этому, в общем-то, ничтожному административному поручению. Во время нашей полукилометровой неспешной «прогулки» человек, которого я видел единственный раз в жизни, рассказал мне довольно забавную историю о том, как он сотоварищи в 1949 г., в споре с Лаврентием Павловичем Берия, отстоял создание не только академического учреждения под названием «Институт философии», но и существование самой общественной институции под именем «философия». Аргумент Лаврентия Павловича был довольно прост: «Если есть марксизм-ленинизм, который, как известно, является высшей формой научного мировоззрения, зачем тратить деньги и ресурсы на изучение

предшествующих стадий этого развития? Не рациональней ли сосредоточить все силы на одном, но главном направлении удара, на изучении и развитии марксизма-ленинизма?» Я не запомнил аргументы в «защиту философии», о которых мне рассказывал покойный академик, меня поразила другое, — спор, со слов Иовчука, продолжался несколько часов. Только представьте на минуту эту картину. Москва, осень 1949 г., в угловом кабинете на втором этаже помещения Института государства и права по Знаменке д.10 несколько руководящих членов партии и правительства — ну не мог же всесильный руководитель атомного проекта и куратор ГУЛАГА в то время «уступить» в одиночку в теоретико-хозяйственном споре никому, кроме Хозяина, — несколько часов спорят о том, «быть философии в СССР или не быть?»

Конечно, мы не можем воспроизвести аргументацию участников той дискуссии, нам даже не известно, была ли в действительности эта дискуссия, и не потому, что маститому «ученому» нужно было вводить в заблуждение случайного попутчика, — человеческая память репродуцирует часто не то, что с нами происходило, но то, чего нам хотелось бы, чтобы с нами произошло. И понятно, что с возрастом, ухудшением физического состояния и снижением критического самоконтроля наша память может начать выдавать наше желаемое за наше действительное. Странно другое: я нисколько не удивился этому рассказу. Как я понимаю сегодня — по двум причинам. Во-первых, аргумент Берии был рационален, во-вторых, при той экономике, которая практиковалась после войны, каждая из групп влияния, представленная в госаппарате, конкурировала друг с другом за ресурсы в виде людей, ставок и возможности распоряжаться частью госсобственности, что только и составляло их реальное могущество. Поэтому «воспоминания» покойного академика вполне могли быть отголоском какого-то давнишнего спора «хозяйствующих субъектов». Но, тем не менее, представим, что этот спор имел место быть и попробуем его реконструировать, чтобы, в конечном счете, ответить на вопрос, вынесенный в заглавие.

Зачем философия, если есть наука?

Современное общество развивается во многом благодаря внедрению результатов труда ученых, инженеров, техников. Овладение научно-техническими инновациями — действительный путь прогрессивного развития человечества. Вопрос

«Что есть истина?» наконец нашел свой ответ. Истина — то, что является результатом научного познания.

Можно вспомнить множество аргументов, придуманных с середины XIX в., разграничающих философию и современную науку, но в целом понятно, о чем идет речь. За два века полемики выработалась и стандартная аргументация возражений против такого разграничения. Современная наука нуждается в философии для обобщения результатов в научной картине мира, для размышления над основаниями научных понятий и для создания методологических схем, используемых в науке.

И если бы меня спросили: «Кем для тебя был Александр Павлович Огурцов?», — я бы, не сомневаясь ни секунды, ответил: «Ученым». То есть человеком, который никогда не шел ни на какие компромиссы по вопросам истины. Культура безличного научного текста, которой он придерживался, его энциклопедизм, его интересы, связанные с развитием естествознания, даже попытка возрождения «философии природы» — все выдавало в нем человека, для которого вопрос «а как оно все устроено на самом деле?» был глубоко не праздным. Но, если мы признаем «истину» основной чертой современного философского знания, то и все проблемы, связанные с развертыванием этого понятия, становятся и проблемами современной философии.

Для современной науки существование абсолютной истины — принцип, лежащий в самом фундаменте научного знания. Одновременно с этим в самой науке мы имеем дело с конкретной истинностью, которой мы маркируем те или иные знания в рамках какой-либо научной теории. Тем самым, стремление к абсолютной истине порождает рост различных теоретических моделей, в рамках которых мы производим истинные знания, несмотря на то, что они часто несовместимы со знаниями, полученными в рамках других теоретических моделей. Это приводит к естественной дифференциации наук даже в рамках, казалось бы, одной научной дисциплины, из последних примеров — астрофизика. Если бы мы считали философию особой формой освоения действительности, то, скорее всего, и форма организация философского знания была бы иной, однако этого не происходит. Современная философия — не что иное, как одна из гуманитарных наук, исследующая процесс рационального объяснения человеком своего

места в мире. И, как любая другая гуманитарная наука, философия включается во всеобщий процесс дифференциации знаний. Речь даже не о традиционном делении на «логику и этику». «История философии», «политология», «культурология», «методология» представляют из себя вполне законченные научные программы со своим предметом и методом исследования, которые, впрочем, также подвержены процессам дифференциации. Поэтому первоначальный вопрос оказывается просто неправильно поставленным. Философия не противопоставляется науке, потому что она сама есть одна из гуманитарных наук, а, если точнее, философские науки входят в гуманитарные наряду с филологическими, историческими, правовыми и т.п. И в этом плане сказать «Я – философ» означает лишь одно: в профессии ученого у меня есть свой предмет и отдельный от других гуманитарных наук метод, при помощи которого я этот предмет исследую.

Следовательно, подумав немного, я бы уточнил свой первоначальный ответ: «Александр Павлович Огурцов – учёный-философ».

Во-первых, по образованию. Образование играет особую роль в жизни человека. Оно приобщает его к культуре. Высшее образование в СССР приобщало человека к мировой культуре. «Мировой» – не означало принадлежность к существующей в Европе и США в настоящее время, «мировой» означало принадлежность к всемирной, причем в том идеальном виде, в котором только и должна существовать мировая культура (в виде музыки Прокофьева или музея Эрмитажа), поэтому реальное столкновение с современной западной культурой могло окончиться непониманием или даже раздражением. Но эта идеальная культура было гарантом того, что Александр Павлович задавал самые высокие (идеальные) стандарты для своей собственной работы.

Однако, как мы понимаем, стандарты берутся не с неба, они задаются предшествующей философской традицией, и Александр Павлович строго следовал традиции *Geistwissenschaft*: скрупулезно учитывать все точки зрения, исследовать категориальный аппарат, выстраивать историю развития понятия, видеть противоречие там, где другие старались их не замечать, и даже свой текст рассматривал лишь как очередной этап развития духа, а не легковесное эссе. Если ты не разделял эту традицию, читать такие тексты

было неинтересно. Знакомая парижанка удивлялась, почему советская гуманитарная наука такая скучная? Ответ очевиден, потому что она — немецкая. «Профессора философии по всему миру пытаются решить — у какой европейской нации им следует позаимствовать свою философию. Если отправляешься в Японию на философский факультет какого-нибудь университета, то первое, что надлежит узнать, читают ли там англоязычные или же немецкие философские тексты... Португалия ввозит свою философию из Франции, такая страна как Перу ввозит ее из Германии, Скандинавия ввозит свою философию из Америки и Англии»²⁶⁵. Все зависело от места, в котором существовала философия страны-экспортера; если для Франции — это литература, со всем контекстом литературного процесса, таким как критика и журналы, то для Германии — прежде всего университет и карьера университетского профессора, а уже как следствие — участие в культурной и общественной жизни города и империи германских наций (*urbi et orbī*). Даже Ф. Ницше не избег этой общей немецкой судьбы.

Во-вторых, по профессии. Признание и глубокое уважение Александра Павловича коллегами по цеху бесспорно. Можно сказать, что А.П. Огурцов был одним из самых авторитетных сотрудников института, да и не только института, — города, страны. Города (*Civitas*), осознающего свою роль в мировой культуре, и страны, претендующей на изменение всемирной истории (*orbis*). Но всегда ли предмет, который мы признаем по формальным признакам, соотносится с тем, что он есть по существу дела? Я не сомневаюсь во мнении коллег, я хочу понять, на чем оно основано кроме естественной цеховой солидарности. Сократа признали виновным, выборы в нашей стране признали честными, Россия по закону является и признается большинством как федеративное государство, но это же не значит, что Сократ — виновен, выборы — честные, а Россия — федерация. Возможно, что Институт философии АН СССР создавался Иовчуком и Берия вовсе не для того, чтобы в нем занимались философией. Это не исключительный случай для наших институций. Так, если для управления культурой в стране нужно министерство, значит, сама культуры является производной от форм государственного устрой-

²⁶⁵ Интервью Елены Петровской с Ричардом Рорти // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. М., 1997. С. 121–122.

ства. И если государство мыслит культуру как идеальный музей им. Пушкина, а философию как нечто среднее между хранилищем слепков, «квинтэссенцией культуры» и царицей наук, то и от философа в таком случае ожидают то ли «духовности», то ли «научности». К чести Александра Павловича, он всегда выбирал «научность». Это не означает, что он был сциентистом, ровно наоборот. Его осознанный выбор научной рациональности позволял ему видеть в «духовных поисках» других рациональные основания. Александра Павловича любили, ценили и уважали, в том числе, и за то, что в наших текстах, разговорах и человеческом общении он находил те самые рациональные начала, которые иногда делали нас специалистами по философии, а иногда — просто учеными.

В третьих, специальность. Он настаивал на включении слова «методология» в название сектора. «Центр методологии и этики науки.» Лично для меня и, насколько я могу сегодня судить по работам коллег, лишним словом здесь было «этика». В секторе могли обсуждаться этические вопросы, но сектор не проводил этических исследований. Именно Наука была объектом интереса Александра Павловича, а методология — инструментом, при помощи которого он проводил свои исследования. Даже «дискурс» он собирался исследовать на примерах развития логики и математики, что, конечно, имело мало общего с тем, как употребляет этот термин современная западная культура. Хотя, что такое современная западная культура по сравнению с всемирной?

Зачем философия, если есть учение (*dogma*)?

Но, прежде чем отвечать на этот вопрос, мы должны уточнить, что такое «учение» и зачем оно нужно. Учение мы понимаем в широком смысле, как принятые без доказательства аксиомы, предпосылки, верования, из которых мы впоследствии выводим различные теоретические положения. С данной точки зрения между гедонизмом, стоицизмом, марксизмом, христианством, национализмом или либерализмом нет особой разницы. Более того, некоторые из этих учений сами являются философиами в узком смысле слова, а некоторые имеют свои философские основания; словосочетание «христианская философия» или «философия итальянского фашизма» воспринимаются нами как вполне уместные. Однако наша тема — не христианство и фашизм, а советский марксизм, т.е мы должны ответить на вопрос Лаврентия Павло-

вича, «зачем вам философия, когда у нас есть марксизм-ленинизм?»

Мировоззренческие учения хороши тем, что в них в сжатой форме даются основные ориентиры для принятия решений «здесь» и «сейчас». Молодость — это и есть время, когда сама жизнь ставит тебя перед необходимостью таких решений, но одновременно с этим у тебя нет ни багажа жизненного опыта, ни глубины познания предмета. Именно правильное учение дает возможность молодому человеку ощутить себя то ли винтиком развития мировой культуры, то ли рядовым солдатом передового отряда цивилизации. Марксизм был вполне приличным учением, потому что соединял научность и прогрессивность.

Марксизм — научная философия, но не философия науки в узком смысле слова, а мировоззрение, опирающееся на передовые научные открытия XIX в. Быть марксистом в XIX в. означало в том числе возможность относиться к остальному населению мира как к необразованной, темной массе и через участие в движении за освобождение рабочего класса способствовать его образованию. Для крестьянской, отсталой России такая установка оставалась актуальной и большую часть XX в. Однако роль научности в мировоззренческом учении двояка. С одной стороны, идеология опирается на научные результаты, по крайней мере, на те, что подтверждают истинность этой идеологии, с другой стороны, формирует «объективную» картину мира, которая позволяет ученому при получении противоречивых эмпирических результатов, внезапной смене исследовательских программ или парадигмы оставаться ученым, т.е. апеллировать исключительно к научной истине. Наука ведь не только набор теорий, но и борьба за истину одних теорий против ложности других. Но как мы знаем из развития логики в XX в., «истинность» и «ложность» являются терминами метаязыка. И значит, получают свое определение не в рамках самой теории, а где-то «на практике», «в условиях свободного рынка», «посредством экспертной оценки представителей гражданских некоммерческих организаций», т.е. с точки зрения того или иного идеологического учения. Остается понять, на чем основана претензия мировоззренческого учения на исключительность.

На наш взгляд, «правильное» учение должно, прежде всего, давать своим последователям четкие ориентиры для од-

нозначного решения «здесь» и «сейчас»: что именно нужно делать, чтобы сделать свою жизнь лучше. При этом можно: «отказаться от ума», как христиане; «немного потерпеть», пока мир изменится к лучшему в результате игры по «правильным» правилам, как социалисты или либералы; найти «виновного» в том, что нужные изменения не произошли, как националисты или религиозные фундаменталисты, — стратегии ухода от эмпирической проверки мировоззрения могут быть разными. Александр Павлович никогда не был верующим или националистом, поэтому нам остается рассмотреть только два учения, в отношении к которым, по всей видимости, он определялся: марксизм и либерализм. Оба учения прогрессивные, т. е. adeptы обоих утверждают, что они за прогрессивное развитие человечества, просто для одних прогресс отождествлялся с увеличением производства, а для других — с широкой борьбой за права.

Любопытно, что на знаменах марксизма также было написано «*Liberté*». Мы забываем, что социализм в XIX в. означал радикальное освобождение от оков частной собственности, мещанства, угнетения человека человеком. В этом нет ничего странного, дело в том, что «свобода» — очень удобный идеологический инструмент. Сама «Свобода» не имеет никакого положительного определения, поэтому речь всегда идет только об освобождении. А вот то, освободились мы от того, что нам не нравится или не освободились, легко проверяется эмпирически. Поляки в 1830 г. хотели освободиться от власти русского царя, граждане Российской империи в феврале 1917 г. хотели скинуть самодержца Российского, жителям Москвы и Ленинграда в 80 гг. XX в. не нравилась власть КПСС; поляки подняли восстание, русские солдаты захватили власть в Петрограде, москвичи и ленинградцы помогли Б.Н. Ельцину прийти к власти. Во всех трех случаях население получило именно то, что хотело, — «*Liberté*». Мы сейчас не рассматриваем ни rationalности мотивов перечисленных событий, ни их последствий. В конечном счете, мы всегда можем сказать, что «это уже другая история». Эмпирический критерий однозначно указывает нам: произошло освобождение от данной конкретной несвободы или не произошло.

В сущности, никакого чистого либерализма быть не может, потому что либерализм всегда конкретен, христианский либерал борется за реформы в христианстве, марксисты-ли-

бералы боролись сначала за рыночные методы при строительстве социализма, а потом за евроМарксизм, либералы в Европе борются против евробюрократии, экономические либералы борются за снижение налогов и против избыточного администрирования, «нашим» либералам не нравится Путин. Если бы еще при этом было хоть какое-то внятное объяснение, что-то, что отнимут у плохих парней, перейдет к хорошим, то, глядишь, — и я бы стал либералом. Однако мой жизненный опыт говорит мне, что рассчитывать я могу скорее на солидарность близких (по социальной, религиозной, национальной или культурной идентификации), чем на эффективную защиту представителей власти моих неотъемлемых прав. Мы не вели долгихочных «кухонных разговоров» с Александром Павловичем, но что-то мне подсказывало, что и ему пришлось расстаться в жизни с иллюзией по имени «*Liberté*».

Правда, еще раньше ему пришлось расстаться с иллюзией «справедливого марксизма», со всеми его неотъемлемыми частями в виде «диктатуры пролетариата», «классовой борьбы», «руководящей роли передового отряда», — все это можно было бы пережить, если бы в результате диктатуры, борьбы и руководства то, что отнималось у плохих, перешло бы к хорошим; к сожалению, тот самый жизненный опыт, которого так недоставало в юности, показал, что хорошие, как только у них оказывалось то, что отнимали у плохих, сами становились плохими. Не случайно же именно в отсутствии террора и войны, в «мирные и травоядные» 70—80 гг. XX в., на вопрос «кем ты работаешь?» «приличнее» стало отвечать, что ты «просто ученый». *Égalité* оказалось ложью, а ложь Александр Павлович не выносил органически, поэтому он спокойно и без пафоса положил свой партийный билет задолго до того, как против *Égalité* стали бороться те самые партийные функционеры, с которыми он не желал быть в одной компании.

Парадоксально, но в марксизме бегство от марксистской идеологии могло привести к научности. Правда, нужно было определиться с критериями «истинности» и «ложи». Написанный в XIX в. «Капитал» начал отставать от развития экономики. Рывок в развитии математики, логики, естествознания требовал других подходов. И Александр Павлович стал искать их в самих науках, а также в ученых, которые его окру-

жали. Так возникли два качества, которые отмечают все: его глубокий энциклопедизм в изложении различных авторских концепций и авторитет среди широкого научного сообщества. Но здесь же находился корень будущей проблемы. Научное сообщество принимает в свой круг только своих, только ученых. Пришлось определяться по гамбургскому счету. Выбор был: либо историк науки, либо философ науки, но и историк науки и философ науки всегда привязаны к какому-либо конкретному предмету, как то: к истории физики или к философским вопросам биологии. Однако если ты выбирал узкую специализацию, то приходилось отказываться от всего остального богатства научных знаний, а этого Александр Павлович делать не хотел, интеллект не позволял. Ответ подсказала сама философия, т. е. ее история. Огурцов стал Философом-энциклопедистом, продолжателем традиции европейского Просвещения конца XVIII в.

Позвольте, возразите Вы, но ведь это не в традициях немецкого университетского профессора, и будете абсолютно правы. Сознательно или бессознательно, Александр Павлович выбрал философскую традицию, которая была ближе его жизнелюбивому характеру, традицию предреволюционной Франции. Так, последователь немецкой философии через сознательно выбранную роль философа Просвещения становится «французом». Но не современным чопорным, скрытым и мелочным французом Пятой республики, а тем «французом» второй Империи, которого мы знаем по французской литературе XIX в. Литературный Париж XIX в. с его расцветом культуры, науки и богемной жизни переносится в другой имперский город, а существующая в стране власть приобретает знакомый образ узурпатора- популиста Луи Бонапарта, столь удачно описанного Марксом и прокомментированного Г.Г. Диленским.

Остается понять небольшой исторический диссонанс — как совместить Москву второй половины XX в., культурные фикции и идеологические шаблоны XIX в. и философскую миссию позднего французского абсолютизма. Ответ лежит на поверхности, все это сосуществовало в СССР.

Тривиальная по своей сути фраза «мы не выбираем ни время, ни место своего рождения» должна быть уточнена, — что выбор формы, в которой мы хотим прожить свою жизнь, в большой степени зависит от нас. Можно уйти в монастырь

и жить как в Египетской пустыне VI в., можно уехать на Кавказ, а там уж как повезет, выбор от раннего железного до высокого средневековья всегда к вашим услугам, можно эмигрировать в современность через Израиль, Европу или Америку, а можно остаться в столице и получить все то же самое, но «в одном флаконе».

Вполне себе нормальная для XVIII в. европейская страна Россия пропустила европейское социально-политическое развитие XIX в. и оказалась разорванной между узкой прослойкой ученых, инженеров, дипломатов, врачей, педагогов, редких администраторов, художников и артистов двух столиц и остальной массой народа с их не сильно образованными руководителями. В этой ситуации кто-то должен был вернуться к истокам и взять на себя ту самую миссию Просвещения и образования, которая изменила Европу во второй половине XVIII в. Мне представляется, что обращение к «Философии образования» было для Александра Павловича не случайным. С каким бы вопросом ты к нему не обращался, всегда получал не только ответ, но и новые знания, которые нужно было обдумать и сделать своими. В течение всего XIX и большей части XX в. страна теряла свой культурный капитал, образованный слой неравнодушных людей сначала в погоне за величием парадных залов Зимнего дворца, затем в утверждении исторического первородства. Но в стране всегда были люди, благодаря которым традиция Ж.О. Ламетри, Д. Дидро, П.А. Гольбаха, К.А. Гельвеция, Ж.-Ж. Руссо и И. Канта не прерывалась, они восстанавливали культурный слой, боролись с мифами и невежеством, учили, и Александр Павлович скромно стал одним из них.

Мы не знаем, как протекал тот диспут в здании по адресу ул. Знаменка д.10, решения принимались в другом здании, лежащим ниже по движению транспорта. Для философии Берия и Иовчук случайные персонажи. Мы точно знаем, что исторически выиграл спор Александр Павлович Огурцов. Они не хотели, чтобы мы стали Просвещенными, они хотели, чтобы мы становились узкими специалистами, которыми удобно управлять при помощи эффективных менеджеров, а он, просвещая, приобщал нас к мировой культуре, и благодаря ему мы становимся европейцами. Ну, те, которые остались в Москве.

II

П.Д. Тищенко

НАУКА ПЕРЕДНЕГО КРАЯ И ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПРАКТИКИ

Человек — это существо, обращенное к себе с вопросом о смысле существования перед лицом собственной смерти. Смерти в первом, втором и третьем лице. Все, что мы о ней знаем как ученые или философы, относится лишь к третьему лицу: Кай — человек, люди смертны, потому Кай смертен. О необходимости смерти для Кая в третьем лице можно порассуждать и с точки зрения биолога-эволюциониста, и с точки зрения философа-персоналиста, который вслед за А.С. Пушкином надеется и убеждает других в том, что «весь я не умру...». Но как раз «весь»-то он умрет, а временное посмертное существование, возможно, сохранит его нарративный «аватар» — «автор», который если и выживет, то не сам по себе (в таком модусе бытия он «умер», как справедливо подметили постструктуралисты), а в со-бытии с другим, как голос, рождающийся в глотке или на кончике пера другого — его читателя.

Иной опыт нам раскрывает мир в смерти человека, с которым был «на ты», — близкого, друга, товарища. Смерти во втором лице. Особенность этого опыта в том, что местоимение «ты» — трикстер, как оборотень перевоплощающийся в речи в «я». Переживание смерти «тебя» (Александра Павловича, Саши, Сани...) — одного из моих «ты» не отстраня-

ет от смерти как внешнего, чужого события, случившегося с Каем, а остраняет (по В.Б. Шкловскому) все многознаменое «о» смерти, превращает ее в переживании ужаса, ушедшей из-под ног почвы, в «мою» смерть...

Не выдерживая ужаса, который безраздельно правит, когда остаешься наедине с собой, каждый из нас торопится заговорить его как невыносимую зубную боль. В этом, верно, психотерапевтическая роль поминок, в которых «твоя» смерть преобразуется в «его» смерть — в смерть героя разделенных между нами припоминающих повествований. В мире рассказанной жизни время, как и в классической физике, обратимо, экзистенциальный ужас смерти «я-ты» заменен страхом, боязливым благоразумным избеганием опасностей... «Я же говорил ему — не надо курить, а он...». Мы снова на твердой почве, знаем что делать, пишем для Кая на каждой пачке сигарет предупреждение... В подтверждение приводим данные статистики, что некурящие Каи живут дольше на столько-то лет. Но какое это отношение имеет ко «мне», для которого в любой *миг* настоящего вся жизнь уже была вчера в любом возрасте — и сейчас в шестьдесят девять лет, и, если доживу в семьдесят, семьдесят пять... Будет в прошлом настоящего, у которого волею судьбы (болезни или случая) изымается будущее... «Его» в «тебе» и «себе» сохранит «их» память, а «тебя» в «себе» храню лишь «я», пока живу... Храню, как «яйцо» хранит кащееву иглу — искру изничтожающей и из *ничто* порождающей творческой мощи бытия...

Книга, в которую пишется эта статья, играет роль поминальной беседы. У каждого своя «тема» припоминания, свой настрой, раскрывающий в ней (теме) то, что в ином настрое остается неприметным...

Я хочу высказать ряд соображений по теме «науки переднего края» в ее отношении к дисциплинарной структуре научного знания, опираясь на несколько текстов известного автора А.П. Огурцова в молчаливой внутренней беседе-споре «про себя» с ним (Саней) и собой... Настрой, создаваемый опытом смерти во втором лице, открывает в теме «науки переднего края» особый смысл личного исполнения. На переднем крае науки не только совершаются открытия, но и исполняется или не исполняется судьба, призвание ученого. Социологи науки, профессионально расколдовывающие мир в третьем лице, введшие это понятие, естественно не обратили на данный аспект своего внимания. Открытие внешнего

мира со-бытийно связано с желанием удостовериться в истине собственного существования. Удостовериться для себя и других. И здесь тоже есть свой передний край экзистенциального личного усилия и выбора (попытки *узнать себя* в качестве ученого) и дисциплинарного само-утверждения или само-подтверждения в качестве автора стольких-то публикаций, кандидата или доктора наук, академика... В научной проблеме как на пограничном рубеже *между* познанным и непознанным человек стоит на грани мира, который двуосмысленно раскрывается, разлагается как пучок света призмой культуры на антитетезы внешнего и внутреннего, пространства и времени, объекта и субъекта...

Идея переднего края в интерпретации А.П. Огурцова

Согласно А.П. Огурцову: «Передний край науки организован проблемно. Это означает, что знание здесь существует и функционирует иным образом, чем там, где речь идет о передаче полученных результатов последующим поколениям. Здесь ядро когнитивной организации — проблема, а не решение, вопрос, а не ответ, деятельность, а не изложение уже найденного ответа в готовых формулах. Если иметь в виду существование знания на переднем крае научных исканий, то способом его существования оказывается правдоподобная прикдка, оправданное, но еще необоснованное предположение. Именно потому, что жизненным миром этого уровня организации науки является деятельность, активность, поиск, а не готовые, уже ставшие результаты, не объективно-истинные итоги, именно поэтому здесь принципиальное значение имеют такие характеристики, как проблемная ситуация, неопределенность, риск, незапланированность научных исканий. Ведь научная деятельность, еще неотложенная в своих результатах, неотделима от возможных ошибок, неоправданных аналогий, некорректных моделей, заблуждений и неправильных ходов мысли»²⁶⁶.

Когда мы сегодня, на гребне конъюнктурной озабоченности, спрашиваем — как возможны меж- и даже трансдисциплинар-

²⁶⁶ Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени доктора филос.наук. М., 1990. С. 16.

ные исследования? на каком основании, в каком универсуме могут встретиться и вступить в осмысленный диалог языки множества специализированных научных дисциплин? — уверен — прежде всего — на *переднем крае науки*. Огурцов недвусмысленно свидетельствует: «... структура *переднего края науки* истолковывается как сосуществование и столкновение различных смыслов, как разноречье, изобилующее бывшими и будущими, сбывающимися и несбывающимися смыслами, как универсум отражающихся друг в друге внутридисциплинарных и междисциплинарных языков (курсив мой. — П.Т.)»²⁶⁷.

Ядро универсума меж- и трансдисциплинарных исследований — проблема, а его структура характеризуется как «разноречье», как «отображение» друг в друге различных языков. Отображение неустойчивое, поскольку отображает не ставшие образы, а эффекты становления, не устойчивый смысл, а многоразличие смыслов бывших и будущих, не находку, а поиск, не результат, а действие, не омертвевшее объективно-всеобщее понятие, а живой концепт, несущий в себе личную, обостренно субъективную энергию конкретного ученого.

Дисциплинарный язык иной: «по отношению к живому потоку исследовательских актов он выступает как система языка и норм, необходимое условие достижения взаимопонимания между учеными и осуществления познавательных актов. Этот язык оказывается вместе с тем той системой отсчета и той моделью мира, которые пронизывают каждый коммуникативный акт <...>

Он является условием и инструментом свободных исследовательских исканий, необходимым им для того, чтобы реализовать свою цель, — познать реальность и выразить ее в определенном общезначимом языке»²⁶⁸.

Дисциплина создает отчужденное от создателя знание, которое без смысловых изменений можно транслировать в качестве информации другим. Знание переднего края науки принципиально личное (М. Полани), концептуальное (С.С. Неретина). Оно живое, являющее себя в языке как стихии, не превращенной в «инструмент», не обеспечивающее власти и контроля — поэтому рискованное. Оно еще не положено (в гегелевском смысле) в качестве *системы*. Оно — предполо-

²⁶⁷ *Он же*. Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы. Ч. II. СПб., 2011. С. 288.

²⁶⁸ Там же. С. 287.

жительно и бытийствует между системными представлениями как разрыв, как *диастема*²⁶⁹, как «дырка» в логическом рассуждении, как *ничто* из того, что в качестве интерсубъективной *чтойности* сугубит дисциплинарное знание.

Но эта «дыра» не является голым отсутствием. Как раз наоборот — полнотой и избыточностью сбывающихся и еще не сбывающихся смыслов — *проблемой*. Диастемальная дыра нуждается в охране, заботе о сохранении разрыва. В этом аспекте она (забота) одноприродна с экологической заботой о сохранении «дикой» природы. Как ни парадоксально, но лишь в этом случае у нас есть надежда на целостное «видение» как спорящих друг с другом дисциплинарных, так и меж- и трансдисциплинарных идей.

Проблема, как отсутствующее, осмысленно образует целостность. Эдгар Морен, пародируя в некотором смысле Ж. Деррида, обращает внимание на то обстоятельство, что в английском языке слова *whole* (целое) и (*hole*) дыра различны лишь в написании, но звучат одинаково: «... целое неправомерно гипостазировать. Целое само по себе есть просто дыра (*the whole is a hole*). Целое не функционирует как целое, если части не функционируют как части. Целое должно быть соотнесено с организацией. Наконец, и главным образом, целое несет в себе расколы, тени и конфликты»²⁷⁰.

Обоснование возможности сопряжения спорящих и, внешне, безразличных друг другу дисциплин в меж- и трансдисциплинарных познавательных практиках возможно лишь в мудрости знающего незнания в духе Николая Кузанского или абсолютного знания *все-единства*²⁷¹ В.С. Соловьева. Подчеркну еще раз. Проблема как «дыра» (наподобие «черных дыр» в астрономии) представляет собой не отсутствие, а скорее присутствие бытия, его жизнепорождающую мощь. Мощь, вынуждающую мысль мыслить. В ней зарождается само желание «хочу сказать» как начало всех производных от этой экзистенциальной ситуации опытов выражения мысли... Это и есть *начало*, которое присутствует в наших пред-по-

²⁶⁹ Тищенко П.Д. Мир — машина: система и диастема // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7 / Под ред. Ф.Г. Майленовой. М., 2013. С. 10–25.

²⁷⁰ Морен Эдгар. Метод. Природа природы / Пер. с фр. Е.Н. Князевой. М., 2013. С. 166.

²⁷¹ Формула все-единства у В.С. Соловьева удерживает парадокс — диастему “между” всем (множественностью) и единством.

ложении на переднем крае науке. По Аристотелю: «Общее всякого начала быть первым, откуда бытие, становление или познание»²⁷².

Попробую промыслить подход к началу в горизонте поставленной темы...

Дар слова

Собственно говоря, первый шаг выдвижения к началу уже произошел. Произошел в даре внимания другого — составителя (редактора) этой книги С.С. Неретиной, давшей мне слово, предложившей написать статью. *Слово*, которое она дала мне, не имело внутреннего содержания постольку, поскольку это содержание я еще только должен был выразить в будущем тексте сам. Но дар уже состоялся. И, это, по содержанию пустое, взятое мной слово (принятый дар) совершило магический акт творения возможного мира публичного общения. Общения меня как возможного автора с другими — теми, кто готов стать «публикой», т.е. сообществом читателей. Причем раскрывшийся в слове-даре мир изначально оказался настроен темой поминальной беседы, припомнения ушедшего от нас друга и коллеги А.П. Огурцова, и принимаемыми по умолчанию правилами философского (дисциплинарно устроенного) письма. И, если в своих конкретных рассуждениях мы — авторы и читали книги можем радикально разбегаться в тематической и авторской от-себя-*тине*, то над всеми правит общность по настроению. Неважно, что и как будет сказано. Любое, по случаю или загодя написанное произведение, станет ответным даром, своеобразным жертвоприношением на алтарь его памяти...

В начале было слово... Это могучее, семантически пустое слово-дар, создающее возможные миры меж-дисциплинарных разноголосиц, играет, как я предполагаю, первостепенную роль в пограничных взаимодействиях переднего края науки.

На переднем крае науки происходит сложная перекличка дискурсов, ориентированных на истину и профанных, недисциплинированных дискурсов живого языка.

²⁷² Аристотель. Метафизика, V2, 1013b, 16 слл (79 Б) (цит. по переводу В.В. Бибихина: Хайдеггер М. О существе основания // Философия в поисках онтологии. Сб. трудов. Самара. 1998. С. 80).

Вечная истина Протагора

В заметке «Вечная истина Протагора» Т.В. Васильева выражает традицию понимания обоснования, различая несовершенное знание людей с улицы и тех, кому открыто большее — вечное и божественное. «Но можно ли требовать на суде, — пишет она, — от рядового гражданина сверхчеловеческого божественного откровения? Разумеется, нет. Справедливо ли преследовать человека за его конечность, за его земное несовершенство? Разумеется, несправедливо. Мерой правды или неправды в суде выступает сам человек, его откровенность. Чистосердечно заблуждаясь, чего-то по простоте душевной не понимая, но оставаясь откровенным, искренним, человек не лжет, он и не может претендовать на большее, чем откровенность, — как что ему представляется, так это и есть для него, большее — для богов и от богов. Это и есть великая правда Протагора, которая заставила платоновского Сократа поставить вопрос об истине, как вопрос о человеческой природе»²⁷³. В этом рассуждении есть неосторожность. Мог ли нерядовой гражданин, например Сократ, претендовать на суде на большее, забывая о своей собственной человеческой конечности и человеческой конечности судей? Мог ли предположить, что «божественное откровение», на которое он полагается в своей речи, никак не связано с этой его собственной конечностью? Васильева утверждает, что «если в природе человека нет ничего сверхчеловеческого, то прав Протагор, и нет истины помимо субъективного представления. Чтобы спасти объективную истину — а это была потребность дня, Еврипид со сцены (“Финикиянки” 498 сл): устраните субъективность в представлении о добре и зле и прекратите войны, — пришлось к человеческой природе прибавить сверхчеловеческое, а именно — божественную природу бессмертной души. Бессмертная душа уже может претендовать на знание вечного»²⁷⁴.

Вероятно, «бессмертная душа» и может претендовать на знание вечного, но в любом конечном человеке она воплощена. Поэтому любое выраженное конечным существом всеобщее (вечное) исходно особенно. Из этого рождается неиз-

²⁷³ Васильева Т.В. Великая правда Протагора//АРХЭ: Ежегодник культурологического семинара / Под ред. В.С. Библера. Вып. 3. М., 1998. С. 206.

²⁷⁴ Там же.

бежная множественность: люди поклоняются разным богам и выражают спорящие идеи в философских выдвижениях к началам различные идеи истины или блага. Да и найдется ли за те пару тысячелетий, которые прошли со времен Платона и Протагора, хоть одна серьезная война, которая не проводилось бы с обеих сторон в полной уверенности, что именно «с нами Бог!» Каждая из войн (в том числе, и сегодняшние войны, неважно, ведутся ли они в защиту ислама или прав человека) были и остаются быть формой радикального устранения субъективности представлений о добре и зле противника.

Позволю себе предположить, что реальный отказ от субъективности (в негативном смысле) в обратном движении мысли — в отказе от претензии на единственно истинное понимание истины. Последнее не означает отказа от истины, а лишь её фундаментализацию через идею конечности человеческого существования... Никто не может в споре граждан претендовать на роль учителя истины — учителей всегда уже много (и философов, и богословов, и учёных). Именно в этом, а не в сочувствии к «душевной простоте» профана перед лицом вещающего от имени вечности эксперта по делам истины, — вечная истина Протагора...

Язык живой и мёртвый

Помню, на одном из выступлений по философии языка В.В. Бибихин сформулировал следующий парадокс: «слово есть, когда его нет». Причем читать эту фразу нужно дважды. При первом прочтении получим следующий смысл — слово есть как живое тогда, когда предъявляя *то*, *о чём* ведется речь в некоторой очевидности, оно само остается прозрачным. Неприметным. Прочтя вторым ходом, получим иное. Слово есть для нас как *это вот* слово, тогда, когда оно убито. Когда оно теряет возможность предъявлять *то*, *о чём* ведет речь, а предъявляет себя, его как живого нет, но именно за счет этого оно есть для нас в качестве предмета мысли. Таким образом оно существует в лингвистике. Бибихин сравнил лингвиста с анатомом.

Выспраивающий смысл (философский, юридический, психологический, богословский или любой другой) — тоже анатом. Чтобы разъяснить — в качестве примера напомню известный фрагмент из Августина. «Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю что такое время;

если я бы хотел объяснить спрашивающему — нет, не знаю»²⁷⁵. То есть слово может быть убито ритуальным вопросом — «что такое?». «Не знаю» — как раз и относится к ситуации потери словом того, о чём оно вело речь. Означающее теряет означаемое. Парадоксальным в этом фрагменте является не только природа времени, но и игра языка. Ведь поставить под вопрос «что такое?» можно любой фрагмент речи, в том числе и «что такое?». Однако сделать это можно, только опираясь на энергию слов, не спрошенных относительно их чёткости и поэтому — живых. Если мы зададим вопрос «что такое “что такое?”», то один и тот же фрагмент речи прозвучит и как живой, предъявляющий непосредственно предмет вопрошания, и как убитый, требующий разъяснений и прояснений, и как наивный, и как вскрытый в недостаточности вопрошанием смысла. Как удерживающий своё означаемое и как потерявший его. Выражаясь языком Т.В. Васильевой, мерой правды или неправды живого слова выступает сам человек, его откровенность. Как и что ему представляется, так это и есть, и не только для него, но и для другого. Путь к большему смысла и истины действительно от богов, но разворачивается он в лоне смерти — терминов. Причём это «большее» не только больше того, что в непосредственности речи выражает живое слово, но и меньше его. Живое слово раскрывает мир (миры) для многих смыслов и многих богов.

Те, кто оплошно спешит приписать живому слову некий предварительный или усредненный смысл, который в оформленном истолкованием виде истолковывающий выводит на свет божий, ставят себя в позицию биологов-преформистов. Последние считали, что человеческие сперматозоиды представляют собой микроскопические копии взрослого человека, которым предстоит лишь вырасти в женском теле и появиться на свет. Живое слово беременно не одним истинным смыслом, а их открытым в направлении будущего (в том смысле, который мной подчеркнут выше) множеством. Оно всегда больше своего смысла. В нем живет потенция как мощь множественных про-из-водительных актуализаций.

В лоне живой речи, которую Маркс называл «самоговорящим бытием человеческого рода», зачинаются и разворачиваются в профессионально аргументированные ответы на во-

²⁷⁵ Августин Аврелий. Исповедь. Абелар Петр. История моих бедствий, М., 1992. С. 162.

просы о смысле, опытность в разборчивом собирании которых делает некоторого человека «экспертом». Приобщение к живой речи, начинающееся с первых дней жизни и длящееся, по крайней мере, для некоторых из нас, даже за чертой смерти²⁷⁶ включает каждого человека, в том числе — каждого богослова и каждого философа, в живую общность — имманентное основание общения на переднем крае науки. И поскольку они этой общности принадлежат, то их человеческое существование оказывается кентавром профана и эксперта. Любой «сократ» не потому не может обойтись без истины Протагора, что в нём нет «божественной души» (она у него, безусловно, есть, как, впрочем, и у любого профана), но потому, что, раскрывая свой рот и предоставляя божественной истине высказаться в определенности смысла, он вынужден опереться и положиться на ту живую, профанную речь, в которой экспертов нет. Истина Протагора укоренена в конечности человеческого существа, и лишь с учетом этой конечности истина Платона может быть оправдана на суде равных — граждан.

Но тогда на это обращалось внимание не раз, а теперь это получает дополнительное обоснование, совершив движение. Первым тактом, следуя классической установке, совершив акт расчистки поля достоверного опыта, заключив в скобки предпосылки «естественной установки» — нерефлексивные предпосылки жизненного мира, и нагромождающийся на них груз метафизических представлений. Вторым — совершив обратное движение, заключив в скобки достигнутую достоверность опыта философа, учёного или богослова, для расчистки поля трансгрессии за рамку себя навстречу иначе мыслящему другому.

Именно живая речь (она говорит человеком, и он ею пользуется в conatus'e — усилии/порыве к обоснованию), хранящая нетематизированное содержание в структурах жизненного мира, является тем основанием, которое позволяет встретиться различным языкам в пограничном режиме переднего края науки.

²⁷⁶ Напомню пушкинское — «нет, весь я не умру ...»

В.А. Бажанов, Н.Г. Баранец

А.П. ОГУРЦОВ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ ХХ ВЕКА. Подведение итогов

Отечественная философия науки, представленная в советский период в основном философскими вопросами естествознания, привлекала к себе исследователей, которым были чужды господствующие идеологические соображения и установки; эти исследователи имели свои собственные взгляды на природу философского знания как такого.

К крупным представителям этого течения отечественной философии принадлежит А.П. Огурцов. Он всегда смел иметь своё собственное мнение, высказывал его, и поэтому в советские годы судьба испытывала его на прочность. Однако он не только устоял и активно работал в области истории и философии естествознания в 70–80-е гг. XX в., но и смог аккумулировать такой потенциал, который полностью раскрылся в постперестроечные годы. Его монографии «Дисциплинарная структура науки» (М., 1988), «Философия науки эпохи Просвещения» (М., 1994), «От натурфилософии к теории науки» (М., 1995) были заметными событиями в развитии отечественной философской мысли. А если иметь в виду продолжительную работу Огурцова в энциклопедических изданиях, то его творчество можно оценить как масштабное по разносторонности и глубокое по содержательности. Поэтому выход нового обширного издания

трудов Огурцова «Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы: В 3-х частях» — большое событие в отечественной философии науки. Это издание — своеобразный компендиум, представляющий в виде единой системы собрание работ автора за более чем полувековой период научных исследований.

В первой части Огурцов стремится осмыслить эволюцию концепций науки в XX в. в плотном социокультурном контексте. Анализ философских концепций, взаимовлияний и критики вскрывает исследовательские программы философии науки, представляющие собой «последовательность теорий науки, которые построены на основе общих фундаментальных принципов, разворачиваются ту или иную теорию науки, конкретизируют её, восполняют круг проблем, поставленных и решаемых той или иной философской теорией» (ч. I. С. 7; ссылки включают номер части и страницу). Автор показывает, что противоборство между различными исследовательскими программами — эмпиризма и конструктивизма, реализма и конвенционализма, неорационализма и логического эмпиризма, критического рационализма и структурализма — оттачивало концептуальный инструментарий философии науки.

Соответственно, это противоборство включало в себя несколько этапов.

Первый этап — это довоенный период с захватом первых двадцати лет после войны, т.е. до середины 60-х гг. XX в., когда, по мнению автора, философы науки исходили из своего рода эпистемического приоритета научного знания: «При всех различиях в трактовке науки независимо от того, исследовались ли структура научного знания или его рост, от того, как понималась истина, на которую ориентируется научное знание, на какие методы научного исследования делается акцент, независимо от этого научное знание рассматривалось как когнитивная деятельность, направленная на достижение истины и регулируемая определенными методами исследования и изложения» (ч. I. С. 17). Так, Венский кружок стремился не к элиминации метафизики, а к построению научной философии, понятой как научное миропонимание. Усилия логического эмпиризма были направлены на выявление соответствия между словарем наблюдений и теоретическим словарем. В это время была создана стандартная концепция науки.

В послевоенный период, отмеченный формированием

214 В.А. Бажанов, Н.Г. Баранец

Большой науки и превращением её в мощный социальный институт, исследователи концентрируются на социальных параметрах научного исследования. Единицей анализа науки в социологии науки уже становится научное сообщество. Книга Т. Куна «Структура научных революций» формулировала новые установки, нацеленные на поиск социальных индикаторов развития науки. «Социология науки, ставшая исходной в социальной истории науки, была восполнена культурно-историческим подходом к науке. Социокультурный анализ науки не мог осуществляться иначе, как в детальном изучении «отдельных случаев» — описания истории семьи, биографий учёных, их образования, культурного влияния, научных школ», — замечается в книге (ч. I. С. 20), а с 80-х гг. XX в. в наукометрии и социологии науки начинают анализировать виртуальные сообщества — «ко-лаборатории», ведущей тенденций в философии науки рубежа веков стал поворот в сторону лингвистических методов.

В главе «Судьба метафизики в век физики» автор показывает, что эволюция позитивизма привела к признанию эвристической роли метафизики. Философы науки стали анализировать метафизические ядра научных парадигм и исследовательских программ.

Огурцов критикует сложившееся мнение о том, что критика неопозитивистами метафизики была неприятием философии вообще, а не критикой спекулятивных философских систем: «На самом деле логический анализ науки предполагал построение философии, ориентированной на науку, на точные методы анализа научного знания. Подвергалась критике прежняя метафизика, а не философия как таковая» (ч. I. С. 62). Отчасти возникновению ряда мифов о позитивизме и неопозитивизме способствовали постпозитивисты, например, К. Поппер, утверждавший (в «Логике научного исследования»), что позитивист отрицает существование подлинно научной теории и методологии и разрабатывает натуралистическую методологию или индуктивную теорию науки. На самом деле далеко не все представители Венского кружка разделяли это положение. Огурцов анализирует высказывания о Венском кружке И. Лакатоса, Й. Йоргенсена, Ф. Сапе и настаивает, что стремление к унификации науки, присущее представителям Венского кружка, не должно превращаться в унификацию их взглядов, в подведение их под общий и идеино-бедный фундамент. Только скрупулезное восстановление

когнитивной и социальной институализации неопозитивистского направления позволяет избежать подобных стереотипов. Автором осуществлен подробный анализ исследовательской программы М. Шлика и эволюция от феноменализма к пробабилизму.

Огурцов призывает оценить инновационность ряда идей феноменологической философии (анализ единого опыта, жизненного мира и кризиса науки Гуссерля) для философии науки. Ему представляется плодотворным изучение научных текстов как нарратива через призму таких понятий, как дискурс, метафора (к чему призывали Х. Уайт, Р. Рорти). Много внимания уделяется автором проблеме интерсубъективности в контексте феноменологических исследований.

Весьма интересно описание Огурцовым особенностей перехода от социологии знания к социологии науки. Им анализируется деятельность М. Шелера по превращению социологии знания в самостоятельную дисциплину, его разграничение между реальной социологией и социологией культуры, частью которой являлась социология знания, и демонстрируется важность того, что К. Мангейм обратил внимание на подспудную связь между теорией познания и социально-духовной ситуацией соответствующего исторического периода: «В период своего формирования социология знания противопоставляла имманентный и трансцендентный подходы, т.е. анализ внутренней логики научного познания и внешних механизмов социализации его результатов. Позднее социология знания интерпретируется как дисциплина, которая объясняет изменения в когнитивной сфере изменениями в социокультурной среде. Эта установка обеспечила весьма длительное сосуществование социологии знания с позитивистской методологией науки, их параллельное развитие на протяжении нескольких десятилетий» (ч. I. С. 307).

Вполне можно согласиться с автором в том, что определение контуров специфического предмета социологии науки потребовало значительных усилий. В социологии науки Огурцов выделяет и подробно описывает три исследовательских программы: Л. Флека, начавшего с анализа связи интеллектуального сообщества и стиля мышления, Ф. Знанецкого, который стремился осмыслить роль учёных в историко-социальных исследованиях, Д. Бернала, изучавшего науку как социальный институт и его социальные функции. К концу 30-х гг. XX в. со-

циология науки стала специализированной областью, которая понималась либо как автономная относительно социологии познания, либо как подраздел социологии знания.

В главе «Идея «научной революции»: её исторический контекст и аксиологическая природа» Огурцов реконструирует историю введения в дискурс философии науки метафоры «научная революция». Отталкиваясь от анализа философии науки Просвещения, автору удается убедительно показать, что идея научной революции в гносеологии и историографии Просвещения оказалась тесно связанной с идеей научного прогресса. Так, Б. Фонтенель называл исчисление бесконечно малых революцией в математике, подчеркивая выдающуюся роль Ньютона в ее развитии, а А. Клеро связывал с «Математическими началами натуральной философии» Ньютона революцию в механике. Это означает, что первоначально термин «научная революция» использовался для оценки выдающихся открытий и концепций прошлого, особенно тех, которые были связаны с именем Ньютона. На следующем этапе термин «научная революция» стал употребляться для оценки выдающихся открытий и теорий, уже созданных современниками. Тем самым, отмечает Огурцов, «идея научной революции оказывается одновременно и способом самооценки, поскольку учёный, использующий эту терминологию, принадлежит к научному сообществу, принимающему новую, революционную концепцию, и способом отождествления себя с определенным научным сообществом, осуществляющим переворот в основаниях науки» (ч. I. С. 333). Постепенно идея научной революции дополнилась идеей революции в приложении различных наук к материальной и социальной жизни человечества (Кондорсе связывал победу человеческого разума и утверждение общественного состояния с применением научных результатов). Террор и репрессии, сопровождавшие политическую революцию, привели к разочарованию в идее научной революции. В сознании учёных начала XIX в. утвердилось стремление к осмыслению науки и философии в терминах, относящихся к прошлому, возникли ретроидеологии, но к концу XIX в. и в начале XX в. вновь метафора «революции» стала использоваться при оценке достижений искусства, литературы и науки. «Чувство краха старой науки и предчувствие новой лихорадочной эпохи охватило и учёных. Новые открытия стали оцениваться как научная революция, как революционный

переворот в физических представлениях о структуре материи, о пространстве и времени, о взаимоотношении различных сил и форм движения», — замечает Огурцов (ч. I. С. 342–343).

Особое внимание автор уделил концепции В.И. Вернадского, который уже в начале XX в. предложил новую историографическую программу, предполагавшую исследование не истории отдельных научных дисциплин, а развития естествознания в целом под углом зрения прогресса научного мировоззрения.

Глава «Томас Кун: между агиографией и просопографией» интересна прежде всего как образец использования в эпистемологических и историко-научных исследованиях не вполне традиционных методов.

Во второй части Огурцов проводит масштабный анализ науки в социокультурном контексте. Здесь показывается изменение в подходе к проблеме ценностной нагруженности научного знания в философии науки. До 40-х гг. XX в. доминировало мнение, что научное знание имеет исключительно объектививно-фактуальный характер, что оно свободно от ценностных суждений. Но постепенно, прежде всего в постпозитивизме, произошло осознание важности статуса оценочных суждений в науке. Поппер и последователи осуществили метафизическую интерпретацию принципов научного мышления. Кроме того, социология науки способствовала распространению исследований, связанных с анализом этоса научного сообщества. Осмысление и синтез этих тенденций в контексте марксистской доктрины в советской гносеологии привел к возникновению целого направления, занимавшегося исследованием проблемы идеалов и норм научной деятельности. Анализируя работы Вернадского и Д.И. Менделеева, автор показывает, что отечественные учёные уже в начале XX в. выдвигали оригинальные идеи об эволюции норм и идеалов познавательной деятельности.

Полагаем, что для молодых исследователей особенно полезны будут главы, касающиеся идеалов научности и ценностей культуры. В них Огурцов дает обзор множества определений понятия «идеалы науки» и описывает подходы к их изучению, а также на материале преимущественно истории биологии показывает эволюцию этих идеалов.

Самостоятельный и чрезвычайно интересный раздел второй части образуют главы, описывающие отношения Советской власти и науки, формирование и развитие проблематики истории и философии науки в отечественной философской

традиции, формирование философии науки в СССР. На конкретном историческом материале показано, как определялись место и функции философии науки, её цели и ценности на различных этапах истории нашей страны, а доминирующий образ науки (сциентистский, антисциентистский, инженерный) влиял на политику государственной власти по отношению к учёным и науке.

Анализ становления философии науки в России сопровождается описанием Огурцовым основных тенденций в западной философии науки и выделением влияний и антивлияний её идей на отечественные исследования. Он делает вывод, что «в настоящее время в философии науки существуют две стратегии: пропозициональная (стандартная, логико-эпистемологическая концепция науки) и социокультурная. Они несоизмеримы, конструируют каждая свой специфический образ науки, осуществляют анализ науки специфическими средствами и тематизируют различные сегменты научного знания. Задача философии науки в будущем — не отказываться от достижений логико-эпистемологического подхода к науке во имя социокультурной тематизации научного исследования, а найти пути сближения этих двух стратегий, если не соединения» (ч. II. С. 232).

Особенно интересными, богатыми постановкой проблем, нуждающихся в дальнейшем осмыслиении, представляются главы, посвященные анализу этоса науки и коммуникативной рациональности, исторических типов дискуссий, философии науки в эпоху глобальной коммуникации. Важно развить намеченный Огурцовым подход к осмыслиению механизмов изменения норм коммуникации между учёными в эпоху Интернета и осознать новые перспективы перед философией науки, которые открывает современное инновационно-развивающееся общество.

В третьей части дана реконструкция направлений в историографии естествознания. Огурцов показывает, что в историографии науки до 20-х гг. XX в. доминировала индуктивистская концепция науки. Развитие естественных наук представлялось как кумулятивный рост научных достижений, которые сохраняются на длительные промежутки исторического процесса. Дисциплинарные целостности здесь описывались внеtekstually, т.е. вне конкретного исторического контекста. Только после научной революции в физике первой четверти XX в. пришло осознание того факта, что существуют дискретные целостные структуры в развитии научного знания (теории, не сводимые

друг к другу, логически эквивалентные и одинаково эмпирически проверяемые), что переключило внимание исследователей на изучение смены и взаимоотношения теоретических концепций. С 30-х гг. XX в. в историографии естествознания особое место занимает историографическая программа, получившая название «Интеллектуальная история, или история идей». Она была сформулирована А. Лавджоем в работе «Великая цепь бытия» (1936), где вводилось понятие «элементарной идеи, идеи единицы», которая проявляется в коллективной мысли и определяет ментальные привычки. К. Скиннер усилил этот подход, утверждая, что история понятий как таковых невозможна, а существует история их использования в спорах. Исторический контекст есть предельная система отсчета, помогающая определить конвенциональные значения, принятые в обществе. Идеи были отграничены от понятий, имеющих однозначное значение и образующих элементы теоретических построений. Среди понятий были выделены концепты, обладающие авторским смыслом, а также инвариантные, устойчивые в историческом времени альтернативные темы (темы-оппозиции).

В 70-е гг. XX в. в рамках коммуникативного поворота в методологии гуманитарных наук в целом и научоведческих исследованиях в частности произошел переход к изучению различных форм когнитивного обмена между представителями как науки, так и другими эпистемическими сообществами. В сфере рассмотрения оказались «зоны обмена» информацией, изучалось взаимоотношение естествознания со средствами массовой информации, гражданским обществом и различными институтами государства. По мнению Огурцова, коммуникативный поворот в истории науки привел к уяснению значимости логических правил для многообразных форм коммуникаций в научном сообществе: «Вместе с тем этот поворот привел к деконструктивистской историографии науки, к замыканию рациональных реконструкций истории науки лишь в пределах герменевтически истолковываемых коммуникаций между учёными, что нашло свое выражение в тезисе о «несоизмеримости парадигм». В последнее десятилетие уже ощущается неприятие этой деконструктивистской программы в историографии и начинается поиск универсальных и актуальных посредников коммуникации, универсальных норм и правил, создающих «безличный мир» рациональности (её критериев, стандартов, регулятивов, методов, достигнутых истин)» (ч. III. С. 211–212).

Заслуживают пристального внимания соображения Огурцова о точках роста философии и философии науки (ч. III. С. 290–306). Эти точки роста намечаются и анализируются автором с учетом специфики гуманитарного знания вообще и философского в частности. Огурцов исходит из соображения, что идея прогресса неприложима к философии (возможно, здесь философия примыкает к искусству). Поэтому надо осознать персоналистский характер философствования (мы бы добавили: и соответствующие выражения авторитета философа, часто выраженного в цитировании) и важность типологизации философов. Философ должен смириться с тем, что мы вступаем в постсекулярное общество и проблематика философии религии, по мнению автора, будет занимать всё более заметное место.

Разработка этической онтологии в силу индивидуальности поступка (в том числе поступка философа) представляется Огурцову весьма важной. Равно как и анализ соответствующего дискурса, сопровождающего поступок.

В числе точек роста автор называет и такие традиционные проблемы, как проблему сознания и проблему идентичности человека. Он опасается, что увлечение постмодернизмом может привести к замыканию познающего сознания на мире симулякров, которое повлечет его деонтологизацию и «самопожирание». К данному предупреждению, безусловно, следует прислушаться.

Огурцов с интересом всматривается в противостояние натурализма и конструктивизма в философии науки и замечает, что тенденция к натурализму (равно как и новому эмпиризму) является в философии науки рубежа XX и XXI вв. очевидной. Различные направления развития современной науки приводят к их отходу от идеала единой науки. Однако этот идеал может быть сохранен благодаря повороту в сторону психолого-антропологического исследования творчества ученых, когда в поле зрения анализа оказывается субъект познания с его конкретными предпочтениями и оценками в процессе принятия решений в условиях неопределенности. «Последует ли за этими исследованиями поворот эпистемологии и философии науки к психологии и антропологии?» — задается вопросом автор (ч. III. С. 306). Он выражает мнение, что в ближайшие десятилетие борьба различных направлений в эпистемологии и философии науки лишь усилится. Однако это будет означать дальнейший прогресс этих областей фи-

философского знания и экспликацию его оснований и когнитивных предпосылок.

Вызывает сожаление, что в этот трехтомник не вошли работы Огурцова по истории методологии науки. Интересно было бы увидеть продолжение исследований по реконструкции методологического сознания учёных, которое Огурцов довел только до середины XIX в.

Издание столь значительного объема не может быть абсолютно «ровным» и кристально выверенным. Местами изложение носит излишне описательный характер (например, ч. II. С. 83, 168), встречаются дословные повторы (например, ч. I. С. 22 – 23 и ч. II. С. 483; ч. II. С. 200 и ч. III. С. 485).

Диапазон интересов Огурцова, оригинальность исследовательского взгляда, методологическая последовательность, энциклопедичность и колossalный охват исторического материала делают данное издание весьма заметным явлением для отечественного философского сообщества. В истории науки, говорят, бывают архивариусы знаний (собиратели и систематизаторы) и новаторы (творцы нового и полезного, что будет использовано другими). Без первых и вторых невозможно развитие науки. В творчестве Огурцова сочетаются эти важные функции. Поэтому его работы ценные не только для начинающих свой путь молодых, но и сложившихся учёных, способных найти в трудах автора новые идеи и восхищаться нетривиальной философской эрудицией.

Н.Г. Баранец

ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ «ФИЛОСОФИИ НАУКИ»

Выход трехтомного издания трудов Огурцова — большое событие в отечественной философии науки. Это издание — своеобразный компендиум, переработанное, переосмысленное в единую систему собрание работ автора за более чем полувековой срок научных исследований в области философии науки. Александр Павлович Огурцов — известный учёный-философ, автор более 300 научных статей и полдюжины монографий. Его вклад в философию и социологию науки, философию образования хорошо известен отечественным учёным. Его монографии «Дисциплинарная структура науки» (М., 1988), «Философия науки эпохи просвещения» (М., 1994), «От натурфилософии к теории науки» (М., 1995) будучи оригинальными исследованиями, полными множеством интересных идей, замечаний и выводов, имеют вдохновляющее значение для целого поколения философов и социологов науки. Профессиональному сообществу философов известны и всегда полезны чрезвычайно полные, продуманные и отличающиеся особенным интеллектуальным изяществом статьи Огурцова в «Философской энциклопедии» (1960—1970) и «Новой философской энциклопедии» (2000—2001), «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» (2009). Особенностью стиля Огурцова является

умение сложную философскую проблему раскрыть и передать с исключительной простотой и понятностью. Нигде не усложняя и только проясняя, он передает перипетии интеллектуальной истории, превращая её в увлекательный процесс, сопровождая ценными методологическими замечаниями и пояснениями. Полагаем, что у Огурцова давно сложился круг ценителей его творчества и уверены, что для них издание этого трехтомника стало подарком, который так же оценят те, кто не имел до сих пор возможности представить во всей полноте широту охвата научных интересов Огурцова.

В первой части «Философия науки: исследовательские программы» Огурцов восстанавливает эволюцию концепций науки в XX в., причем делает это как философ науки, учитываящий социо-культурный контекст развития идей. В подробном анализе философских концепций, взаимовлияний и критики предстают исследовательские программы философии науки. Огурцов показывает, какие этапы прошла философия науки и в чём состояла конкуренция исследовательских программ. Исследовательские программы, по Огурцову, это «последовательность теорий науки, которые построены на основе общих фундаментальных принципов, разворачиваются ту или иную теорию науки, конкретизируют её, восполняют круг проблем, поставленных и решаемых той или иной философской теорией» (ч. 1. С. 7). Огурцов отмечает, что философские программы исследования науки лучше было бы назвать метафизическими, но так как в XX в. сложилась традиция критики метафизики, целесообразнее использовать понятие «исследовательская программа». Тем более что в этих программах анализируются различные процедуры научных исследований, структура научного знания, его рост, социальные и технические достижения результатов научного поиска. Огурцов видит смысл философии науки в актуализации тех возможностей, которые существуют в самой науке, в формировании поля перспектив для самой науки. В первой части показано противоборство между различными исследовательскими программами, восстановлено, как в полемике оттачивалась техника анализа науки, выявлялись новые аспекты функционирования и развития науки, как становились предметом исследования.

Огурцов начинает свою книгу с очерка конкуренции исследовательских программ в философии науки в XX в., что позволяет представить хронологию основных периодов в её

развитии. Первый этап — это довоенный период с захватом первых двадцати лет после войны, т.е. с начала до середины 60-х гг. XX в., когда философы науки исходили из эпистемического приоритета научного знания, идеалов и норм науки — научное знание исследовалось эпистемологически. «При всех различиях в трактовке науки независимо от того, исследовались ли структура научного знания или его рост, от того, как понималась истина, на которую ориентируется научное знание, на какие методы научного исследования делается акцент, независимо от этого научное знание рассматривалось как когнитивная деятельность, направленная на постижение истины и регулируемая определенными методами исследования и изложения» (ч. 1. С. 17). Венский кружок стремился не к элиминации философии, а к построению научной философии, понятой как научное миропонимание. Усилия логического эмпиризма были направлены на выявление соответствия между словарем наблюдений и теоретическим словарем. В это время была создана стандартная концепция науки. Во второй период — «послевоенный» с формированием Большой науки и превращением её в мощный социальный институт исследователи концентрируются на социальных параметрах научного исследования. Единицей анализа науки в социологии науки, отмечает Огурцов, становится научное сообщество. Книга Куна «Структура научных революций» выразила новые настроения — найти социальные индикаторы науки и её роста, выявить характеристики «социального “бытия науки”». «Социология науки, ставшая исходной в социальной истории науки, была восполнена культурно-историческим подходом к науке. Социокультурный анализ науки не мог осуществляться иначе, как в детальном изучении «отдельных случаев» — описания истории семьи, биографий учёных, их образования, культурного влияния, научных школ» (ч. 1. С. 20). Огурцов отмечает, что с 80-х гг. XX в. реальность научного сообщества изменяется — в современной наукометрии и социологии науки начинают анализировать виртуальные сообщества — «ко-лаборатории». Ведущей тенденцией в философии науки рубежа веков стал поворот к лингвистике и к лингвистическим методам.

Огурцов в главе «Судьба метафизики в век физики» прослеживает динамику изменения отношения к метафизике в основных философских направлениях, связанных с философией науки (прежде всего, позитивизмом). Внутренняя эволюция позитивизма и переориентация постпозитивизма на

построение моделей роста научного знания привели к признанию эвристической роли метафизики. Философы науки стали анализировать метафизические ядра внутри научных парадигм и исследовательских программ.

В первой книге Огурцов описывает развитие основных направлений в философии науки. Показывает истоки формирования проблем, органично сочетая интерналистский и экстерналистский подходы. Ему удается показать и внутреннюю логику развития направления, и влияние критики со стороны оппонентов и значение внешнего, социокультурного контекста. Так, он весьма подробно описывает начало XX в., открывшегося противостоянием эмпиризма (Э. Мах. Анализ ощущений. 1900) и конструктивизма (Г. Коген. Логика чистого познания. 1902), реализма (Э. Гуссерль. Логические исследования. 1900) и конвенционализма (Э. Леруа. Наука и философия. 1900). Показывает, что благодаря неокантинцам происходит поворот к языку как важнейшей функции разума, без которой невозможно осмыслить ни содержание, ни акты познания.

Огурцов выявляет те предубеждения, которые сопровождали возникновение и историю Венской школы неопозитивизма. Обратившись к их собственной интерпретации достижений естествознания XX в., он критикует сложившееся стереотипное мнение, что критика неопозитивистами метафизики была не критикой спекулятивных философских систем, а неприятием вообще философии. «На самом деле логический анализ науки предполагал построение философии, ориентированной на науку, на точные методы анализа научного знания. Подвергалась критике прежняя метафизика, а не философия как таковая» (ч. 1. С. 62). Он отвергает трактовку неопозитивистского анализа научного знания либо как гносеологического исследования науки, либо как составной части теории науки. Представители Венского кружка не дистанцировали себя от проблем натурфилософии и этики (М. Шлик. Оновные черты натурфилософии. 1948; В. Дубислав. Натурфилософия. 1933; К. Менгер. Мораль, воля и формирование мира. Основания логики нравов, 1934). Кроме того, представители Венского кружка не были далеки от проблем истории науки, истории естествознания, как это принято считать. Они интенсивно занимались как историей естественных наук, так и современным им естествознанием. Причина этих предубеждений в том, что исследователи нео-

позитивизма нередко для реконструкции идей всего направления берут только философские идеи его отдельных представителей, причем делают это весьма произвольно. Отчасти возникновению ряда мифов о позитивизме и неопозитивизме способствовали постпозитивисты. Так, Поппер утверждал в «Логике научного исследования», что позитивист отрицает существование подлинно научной теории и методологии. В работе «Объективное знание. Эволюционный подход» он характеризует позитивизм как натуралистическую методологию или индуктивную теорию науки. Поппер усматривал в тезисе Витгенштейна, что «понятие пусто, если не существуют критерии его применения», суть позитивистских тенденций, а на самом деле далеко не все представители Венского кружка считали это положение обоснованным. Огурцов анализирует высказывания о Венском кружке И. Лакатоса, Й. Йоргенсена, Ф. Сапе и настаивает, что стремление к унификации науки, присущее представителям Венского кружка, не должно превращаться в унификацию их взглядов, в подведении их под общий и весьма идейно бедный фундамент. Только скрупулезное восстановление когнитивной и социальной институализации неопозитивистского направления позволяет избежать подобных стереотипов. Именно этим и занимается Огурцов в первой части книги — описывает как самоорганизовалась эта группа интеллектуалов, приводит биографические сведения о членах Венского кружка и Берлинского общества эмпирической философии, описывает их отношение к философии Маха и к концепции Витгенштейна. Им осуществлен подробнейший анализ исследовательской программы Шлика и эволюции от феноменализма к пробабилизму. Огурцов описывает становление и метаморфозы физикалистской программы Венского кружка. Драматично описывает начало дискуссии о протокольных предложениях, полемику между О. Нейратом и Р. Карнапом об интерсубъективности физикалистского языка.

Новый ракурс открывает Огурцов на историю западноевропейской истории науки, знакомя читателей с работами по методологии естествознания Э. Кассирера, описывая его трансценденталистскую трактовку причинности. Огурцов призывает оценить инновационность ряда идей феноменологической философии (феноменологический анализ единого опыта, жизненного мира и кризиса науки Гуссерля) для фило-

софии науки. Ему представляется плодотворным изучение научных текстов как нарратива, по канонам литературной критики, если использовать такие понятия, как дискурс, метафора (к чему призывали Х. Уайт, Р. Рорти). Много внимания Огурцов уделил проблеме интерсубъективности как поля феноменологических исследований. Показал вехи развития концепции Гуссерля (как произошел поворот к онтологии «жизненного мира») и провел ретроспективный анализ интерпретаций «жизненного мира» (Г. Лукача, А. Шютца, Э. Левинаса, Г. Блюменберга). Достаточно необычно для работ по философии науки, но вполне обоснованно Огурцов вписывает в свою реконструкцию «интеллектуальную траекторию Хайдеггера», его онто-теологическое понимание истины и умаление науки.

В очерке способов обоснования исчислений вероятностей Огурцов показывает как идеи физики и математики повлияли на обоснование идей вероятности в философском или метафизическом знании. Он фиксирует отсутствие единства в трактовке идеи вероятности и расхождения в способах обоснования исчисления вероятностей. Показывает, как воспринималась правдоподобность доксы и в чем состояла вероятностная аргументация в античной философии, как изменилось отношение к идее вероятности к началу Нового времени (описывает рассуждения Б. Паскаля, П. Ферма, Я. Бернулли, С. Пуассона, П. Лапласа, Д. Юма), анализирует развернутую концепцию вероятности — «тихизм» Ч. Пирса. Огурцов исследует «критический рационализм» Поппера в фокусе его отношения к идеям вероятности. Эпистемологический вывод из осознания вероятностности знания — его правдоподобность, что сказывается на трактовке истины. Квантовая механика и математическая теория вероятностей укрепили позиции вероятностной философии. Вероятностная философия отказывается от жестких причинно-следственных связей, которые заменяются вероятностными распределениями. Теория ошибок повлияла на возникновение идеи правдоподобности как решающего критерия истинности знания. Осознанно, что знание всегда правдоподобно, а не истинно, и есть степень вероятности этой правдоподобности (критерий обозначен Поппером). Сложившаяся вероятностная эпистемология оказалась единственной и в естественных, и в технических, и в социальных науках.

Огурцов описывает, как произошел переход от социологии знания к социологии науки. Анализирует концепцию и де-

ятельность М. Шелера по превращению социологии знания в самостоятельную дисциплину, его разграничение между реальной социологией и социологией культуры, частью которой являлась социология знания. Упоминает, что Шелер пытался объединить исследователей (П. Ландсберг, Г. Плеснер, Л. Шпиндер), изучавших исторические типы кооперации в интеллектуальной деятельности прошлого. Показывает важность того, что К. Мангейм обратил внимание на подспудную связь между теорией познания и социально-духовной ситуацией времени. Огурцов рассуждает, что «в период своего формирования социология знания противопоставляла имманентный и трансцендентный подходы, т.е. анализ внутренней логики научного познания и внешних механизмов социализации его результатов. Позднее социология знания интерпретируется как дисциплина, которая объясняет изменения в когнитивной сфере изменениями в социокультурной среде. Эта установка обеспечила весьма длительное сосуществование социологии знания с позитивистской методологией науки, их параллельное развитие на протяжении нескольких десятилетий» (ч. 1. С. 307). Вычленение специфического предмета социологии науки было длительным процессом. В социологии науки Огурцов выделяет и подробно описывает три исследовательских программы: Л. Флека, начавшего с анализа связи интеллектуального сообщества и стиля мышления, Ф. Знанецкого, описывавшего роли учёных в историко-социальных исследованиях, Д. Бернала, изучавшего науку как социальный институт и его социальные функции. К концу 30-х гг. XX в. социология науки стала специализированной областью, которая понималась либо как автономная относительно социологии познания, либо как подраздел социологии знания.

В главе «Идея “научной революции”: её исторический контекст и аксиологическая природа» Огурцов реконструирует историю введения в дискурс философии науки метафоры «научная революция». Так как ранее он занимался проблемами философии науки Просвещения, ему удается убедительно, иллюстрируя большим количеством исторических фактов, показать, что идея научной революции в гносеологии и историографии Просвещения оказалась тесно связана с идеей научного прогресса, что первоначально научная революция связывалась с уже имевшими место сдвигами в научном знании и использовалась для ретроспективной оценки происшедших изменений в науке. Огурцов приводит пример,

что защитник картезианской физики Б. Фонтенель называл исчисление бесконечно малых революцией в математике, подчеркивая выдающуюся роль Ньютона в развитии математики. А Клеро связывал с «Математическими началами натуральной философии» Ньютона революцию в механике. То есть на первом этапе термин «научная революция» использовался для оценки выдающихся открытий и концепций прошлого, и особенно тех, которые были связаны с именем Ньютона. На следующем этапе термин «научная революция» стал употребляться для оценки выдающихся открытий и теорий, созданных современниками. Тем самым, отмечает Огурцов, «идея научной революции оказывается одновременно и способом самооценки, поскольку учёный, использующий эту терминологию, принадлежит к научному сообществу, принимающему новую, революционную концепцию, способом отождествления себя с определенным научным сообществом, осуществляющим переворот в основаниях науки. Само собой разумеется, в революционных сдвигах, фиксируемых в развитии знания, обращается внимание или на разрушительную, или на преобразующую силу этих изменений» (ч. 1. С. 333). Так, А.Р.Ж. Тюрго уподоблял революции пожарам, которые прерывают прогресс, а Ж.Л. Д'Аламбер связывал революции с разрушением старого в науке. Постепенно идея научной революции дополнилась идеей революции в приложении различных наук к материальной и социальной жизни человечества (Кондорсе связывал победу человеческого разума и утверждение общественного состояния с применением научных результатов). Террор, репрессии, сопровождавшие политическую революцию, привели к разочарованию в идее научной революции. В сознании учёных начала XIX в. утвердилось стремление к укоренению науки и философии в традициях прошлого, возникли ретроидеологии, но к концу XIX в. и начале XX в. вновь метафора «революции» стала использоваться при оценке достижений искусства, литературы и науки. «Чувство краха старой науки и предчувствие новой лихорадочной эпохи охватило и учёных. Новые открытия стали оцениваться ими как научная революция, как революционный переворот в физических представлениях о структуре материи, о пространстве и времени, о взаимоотношении различных сил и форм движения» (ч. 1. С. 342–343). Огурцов анализирует взгляды М. Планка, А. Пуанкаре, отмечает, что осознавая новаторский характер процессов, они все же обра-

щали внимание и на то устойчивое, что сохраняется при развитии науки. Отдельное внимание Огурцов уделил концепции Вернадского, который уже в начале XX в. предложил новую историографическую программу — исследовать не историю отдельных научных дисциплин, теорий, экспериментов, а развитие естествознания в целом под углом зрения прогресса научного мировоззрения.

Глава «Томас Кун: между агиографией и просопографией» интересна не только из-за обстоятельного анализа генезиса и эволюции куновской концепции парадигм, но, прежде всего, как пример использования в эпистемологических и историко-научных исследованиях методов агиографического и просопографического анализа. Кроме того, им проанализирован круг понятий, предложенных Куном: нормальная наука, решение головоломок как характеристика нормальной науки, парадигма, научное сообщество, аномалия, научная революция как гельштат-приключение, несоизмеримость теорий, смена установок как религиозное обращение. Показана модификация их после критики.

Во второй части книги «Философия науки: наука в социокультурной системе» Огурцов, используя опыт философии науки и синтезируя лучшие элементы из разных исследовательских программ, проводит масштабный анализ науки в социокультурном контексте. Эту часть автор начал с того, что показал изменение в проблеме ценностной нагруженности научного знания в философии науки. До 40-х гг. XX в. доминировало мнение, что научное знание имеет исключительно объективно-фактуальный характер, оно свободно от ценностных суждений. Но постепенно, прежде всего, в господствующем в философии науки постпозитивизме, произошло осознание статуса оценочных суждений в науке. Поппер и попперианцы осуществили метафизическую интерпретацию принципов научного мышления. С другой стороны, социология науки способствовала распространению проблематики исследований, связанных с анализом этоса научного сообщества. Осмысление и синтез этих тенденций на основании марксистской парадигмы в советской гносеологии привел к возникновению целого направления, занимавшегося исследованием проблемы идеалов и норм научной деятельности, что отмечается Огурцовым. Анализируя работы В.И. Вернадского, И.Д. Менделеева, он показывает, что отечественные учёные в начале XX в. выдвигали оригинальные идеи о

противоборстве и развитии норм и идеалов познавательной деятельности.

Полагаем, что для молодых исследователей особенно полезны будут главы, касающиеся идеалов научности и ценностей культуры. В них Огурцов, с одной стороны, дает обзор множества определений понятия «идеалы науки» и описывает подходы к их изучению, а также на материале, преимущественно истории биологии, показывает эволюцию этих идеалов. Он утверждает, что возможно выделить два основных подхода к изучению функционирования идеалов научности, их роли в науке. «Первый подход предполагает осмысление эвристической роли идеалов научности в познавательном процессе, в научном поиске, их воздействие на выработку логико-теоретических принципов, их конкретное воплощение в исследовательской деятельности. Этот подход выявляет воздействие сложившихся или складывающихся идеалов научности на разработку исследовательской программы, на выбор теоретических средств в ходе конкретного научного поиска. Идеалы науки оказываются в этом случае важным компонентом научного творчества независимо от того, выбраны ли они учёным самостоятельно или заимствуются из существующих философских построений. Второй подход предполагает анализ не столько научных исканий, сколько процесса институциализации уже выработанных идеалов науки, признания их в качестве образцов научным сообществом, системой образования и т.д. Здесь в центре внимания стоят процессы признания идеалов научности в социокультурной среде, превращения их в парадигму дисциплинарного знания, в норму социального института образования» (ч. 2. С. 46). Именно второй вариант подхода к исследованию идеалов научности был реализован в этой книге Огурцовым.

Самостоятельную и чрезвычайно интересную часть книги образуют главы, описывающие взаимоотношения советской власти и науки, формирование и развитие проблематики истории и философии науки в отечественной философской традиции, формирование дисциплины «философия науки в СССР». На конкретном историческом материале показано, как определялись место и функции философии науки, её цели и ценности на различных этапах истории нашей страны. Описано, как эволюция аксиологического определения (сциентистского, антисциентистского, инженерного) образа науки влияла на политику государственной власти по отношению к

учёным и науке. Автор изучил феномен «советской науки», основываясь на принципах и методах исторической социологии науки, раскрыл связь между социальными группами и специфическими образами науки.

Огурцов, описывая развитие философии науки в России и СССР, предлагает периодизацию этого процесса, которая может корректироваться и уточняться, но все-таки является базовой для исследований в этом направлении. Первый период — против сопоставления механицистского и нового (энергетического в физике, виталистского в биологии) научного мировоззрения. Научное мировоззрение было аналитической единицей, с помощью которой осуществлялось философское исследование науки. Одним из первых проанализировал историю науки под этим углом зрения Вернадский, опубликовавший в 1902 г. статью «О научном мировоззрении». Второй период в развитии философии науки в России был связан с осмыслением статуса и способа существования понятий теории. Единицей философского анализа научного знания было теоретическое понятие и его значение. Развитие научно-теоретического знания отождествлялось с развитием значения понятия, с его уточнением и изменениями. Представителем этой линии в России Огурцов считает Шпета, который в книге «Явление и смысл» (1914) заявлял, что любое переживание становится опытом и облекается в слово. Логику науки с позиций исследования понятий теории разрабатывал А.И. Уемов. Динамический подход к анализу понятия сформулировали и применили А.С. Арсеньев, В.С. Библер и Б.М. Кедров в книге «Анализ развивающегося понятия» (1967). Третий период в развитии философии науки XX в. связан с осуществлением пропозиционального подхода к теории, которая трактуется уже как система предложений разного уровня. Огурцов рассказывает об оригинальном и мало оцененном математике-философе Г.А. Грузинцеве, создавшем теорию науки, которую мыслил как решение проблем обоснования научного знания. В начале 60-х гг. в СССР начинаются исследования в области логики науки и развертываются различные исследовательские программы. Он упоминает о ряде книг, изданных в эти годы: «Применение логики в науке и технике» (1961), «Философские вопросы современной формальной логики» (1962), «Формальная логика и методология науки» (1964), «Проблемы логики научного познания» (1964), «Логическая структура научного знания» (1965),

«Логика и методология науки» (1967). Он описывает вклад А.А. Зиновьева, В.А. Смирнова, П.В. Копнина, В.С. Степина, М.К. Петрова в развитие исследований в области философии науки. Описание становления отечественной философии науки сделано Огурцовым в сочетании с описанием основных тенденций и в западной философии науки и выделением влияний и антивлияний идей на отечественную философию науки. Он делает вывод, что «в настоящее время в философии науки существуют две стратегии: пропозициональная (стандартная, логико-эпистемологическая концепция науки) и социокультурная. Они несопоставимы, конструируют каждая свой специфический образ науки, осуществляют анализ науки специфическими средствами и тематизируют различные сегменты научного знания. Задача философии науки в будущем – не отказываться от достижений логико-эпистемологического подхода к науке во имя социокультурной тематизации научного исследования, а найти пути сближения этих двух стратегий, если не соединения» (ч. 2. С. 232).

Огурцов анализирует коммуникативный подход к науке, позволивший осмыслить роль коммуникаций в росте научного знания, особенности научного сообщества и дисциплинарных структур знания, раскрыть нормативный характер методологических и этических правил, регулятивность принципа объективности истины и его нарушений в различных подделках в науке. Особенно интересным и богатым поставленными проблемами, нуждающимися в дальнейшем осмыслении и поэтому эвристичными, представляются главы, посвященные анализу этоса науки и коммуникативной рациональности, исторических типов дискуссий, философии науки в эпоху глобальной коммуникации. Важно будет продолжить намеченный Огурцовым подход к осмыслению изменения норм коммуникации между учёными в эпоху Интернета и понять, какие новые перспективы перед философией науки открывает современное инновационно-развивающееся общество.

В третьей части книги «Философия науки и историография» дана реконструкция направлений в историографии естествознания. Огурцов показывает, что в историографии науки до 20-х гг. XX в. доминировала индуктивистская концепция науки (У. Уэвелл «История индуктивных наук», Э. Мах «История механики», Ф. Розенберг «История физики»). Развитие естественных наук представлялось как кумулятивный рост научных достижений, которые сохраняются на длительные проме-

234 Н.Г. Баранец

жутки исторического процесса. Особенностью такого подхода было, по мнению Огурцова, дисциплинарное восприятие науки как само собой разумеющихся структур, возникших из специфики и метода научного исследования (ч. 3. С. 184–185). Дисциплинарные целостности описывались вне текстуально, т.е. вне исторического контекста как рост достижений науки, её экспериментов и опыта. Только после научной революции в физике первой четверти XX в. пришло осознание, что существуют дискретные целостные структуры в развитии научного знания (теории, не сводимые друг к другу, логически эквивалентные и одинаково эмпирически проверяемые), что переключило внимание исследователей на изучение теоретических концепций, на их смену и взаимоотношения. С 30-х гг. XX в. в историографии естествознания особое место занимает историографическая программа, получившая название «Интеллектуальная история, или история идей». Она была сформулирована и применена Лавджоем в работе «Великая цепь бытия». В ней было введено понятие «элементарной идеи, идеи единицы», которая проявляется в коллективной мысли, определяет ментальные привычки. К. Скиннер усилил этот подход в своей программе «Контекстуальная история идей», утверждая, что история понятий как таковых невозможна, а существует история их использования в спорах. Исторический контекст есть предельная система отсчета, помогающая определить конвенциональные значения, принятые в обществе. Программа истории идей не была сведена к анализу научных понятий. Идеи были отграничены от понятий, имеющих однозначное значение и образующих элементы теоретических построений. Среди понятий были выделены концепты, обладающие авторским смыслом, и инвариантные, устойчивые в историческом времени альтернативные темы (темы-оппозиции).

Кроме того, в историографии во второй половине XX в. последовательно развивались макро- и микроисторические подходы к реконструкции истории науки.

Подходы в историографии во второй половине XX в.

Подходы	Макроисторический подход		Микроисторический подход
Философско-методологические основания	Марксизм	структурный функционализм	постмодернизм
Представители	Б. Гессен, Д. Бернал	Ф. Знанецкий, Р. Мerton	К. Гинзбург
Концепция	Акцент в исследовании на анализ генезиса и развития научного знания, в центре внимания — экстерналистские факторы развития науки, прогресс техники и интересы социальных классов	Изучались ценности и нормы, регулирующие деятельность учёных, смена ролей внутри сложившейся социальной структуры науки и её функции	Уликовая парадигма — поиск косвенных улик в научном знании и умение с помощью этих улик «декодировать реальность». Уликовая парадигма как индивидуализирующее знание, всегда антропоцентрична и этноцентрична.
Цель	Охватить в исследовании периоды большой длительности и глобальные социальные структуры		Изучение «отдельных случаев», индивидуальных ситуаций

В 70-е гг. XX в. в рамках коммуникативного поворота в методологии гуманитарных наук в целом и научоведческих исследованиях в частности произошел переход к изучению различных форм когнитивного обмена как между представителями науки, так и другими эпистемологическими сообществами. В сфере рассмотрения оказались «зоны обмена» информацией, изучалось взаимоотношение естествознания со средствами массовой информации, гражданским обществом и институтами государства. По мнению Огурцова, коммуникативный поворот в истории науки привел к уяснению значимости логических правил аргументирования науки для многообразных форм коммуникаций в научном сообществе. «Вместе с тем этот поворот, — писал он, — привел к деконструктивистской историографии науки, к замыканию ра-

236 Н.Г. Баранец

циональных реконструкций истории науки лишь в пределах герменевтически истолковываемых коммуникаций между учёными, что нашло свое выражение в тезисе о “несоизмеримости парадигм”. В последнее десятилетие уже ощущается неприятие этой деконструктивистской программы в историографии и начинается поиск универсальных и актуальных посредников коммуникации, универсальных норм и правил, создающих “безличный мир” рациональности (её критерии, стандартов, регулятивов, методов, достигнутых истин)» (ч. 3. С. 211–212).

Следует отметить, что Огурцов особое внимание уделил реконструкции историографических концепций отечественных ученых К.Э. Циолковского и Вернадского. Описал концепцию истории науки как смены тезаурусов М.К. Петрова. Дал развернутый анализ «физической метафизики» М.К. Мамардашвили <...>

В заключении хотелось бы сказать, что диапазон интересов Огурцова, оригинальность исследовательского взгляда, методологическая последовательность и продуманность в изложении материала, энциклопедичность и колоссальный охват исторического материала, делают данное издание его трудов явлением экстраординарным и важным для отечественного философского сообщества...

В.В. Платонов

ОБ ОБРАЗАХ ОБРАЗОВАНИЯ

Александр Павлович, несомненно, является одним из самых выдающихся философов России XX – нач. XXI вв. Его мировоззрение складывалось в 50-е годы прошлого века, когда начался переход нашей страны из закрытого общества в открытое – открытое для критического мышления и инновационных преобразований. Александр Павлович всю жизнь так или иначе работал в этом направлении, посвятив этому все свои многочисленные труды.

Автор предлагаемого текста не берется оценивать вклад Александра Павловича в каждое из множества областей современной философии. В нижеследующем речь будет идти о нашей совместной работе над книгой «Образы образования. Западная философия образования. ХХ век»²⁷⁷. Но и в этих пределах я смогу остановиться лишь на некоторых проблемах, показавшихся мне особенно важными и актуальными.

Согласно В. Йегеру, «история воспитания по существу обусловлена переменами в мировоззрении общества»²⁷⁸. Первая из этих актуальных проблем – это сдвиг в мировоззрении и соответственно «кризис об-

²⁷⁷ Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. ХХ век. СПб., 2004.

²⁷⁸ Йегер В. Пайдея. Воспитание античного грека. Т. 1. М., 2001. С.12.

разовательной системы в нашей стране, обусловленный распадом нормативной и унитарно-идеологизированной педагогики, нацеленной на утверждение коммунистических идеалов и ценностей. Это обострило интерес и философов, и педагогов к тому философскому наследию, которое существует за рубежом²⁷⁹. Правда, как далее будет показано, этот выход оказался выходом не на свободу. Кризис способствовал проникновению в образование культа православной религии и поиска национальной русской идеи. Надо сказать и то, что интерес к философии образования обострился у очень небольшого числа философов и еще меньшего числа педагогов. И это связано далеко не только с плохими знаниями иностранных языков, а у педагогов — еще и с незнанием философии, а то и с отвращением к ней, к ее прежнему диктату над специальными науками.

Очевидно, что книга может считаться инновацией или даже совокупностью инноваций в педагогическом знании, и Александр Павлович является пионером в разработке такого рода инноваций, которые существенно отличаются от множества педагогических инноваций, «мельтешащих» в последние два десятилетия, в основном, под эгидой отечественной психолого-педагогической методологии.

Существенное отличие состоит в том, что Александр Павлович включает в область инноваций «фундаментальные исследования», т.е. «деятельность, пополняющую запасы теоретического знания в философии, психологии, педагогике. Так, философия образования, рассмотренная в соответствии с практикой преподавания, является фундаментальным знанием. Второй тип инновационных проектов в образовании — прикладные исследования и разработки». Третий тип инновационных проектов — программирование на государственно-национальном уровне²⁸⁰.

Вопрос об отношении российской педагогики к западной философии образования впервые был поставлен именно Александром Павловичем на «Круглом столе» журнала «Вопросы философии» в ноябре 1995 г. Вряд ли можно было ожидать от теоретиков психолого-педагогической методологии признания корректности инноваций первого типа и стоящей за ними философии образования.

Известный представитель этой методологии В.В. Краев-

²⁷⁹ Новиков А.М. Методология образования. М., 2002. С. 495–496.

²⁸⁰ Там же. С.

ский высказался против того, чтобы «на западный манер» признавать философию образования, потому что она якобы непременно предполагает замещение научных педагогических исследований умозрительными конструированиями и неспособна на конкретные открытия, вносящие инновации в образовательную практику, не оказывает «значимого влияния на педагогическую деятельность в классе». Еще более резкую антипатию к философии образования в 2005 г. высказал представитель этой же методологии А.М. Новиков: термин «философия образования» появляется якобы в результате «разрастания модной “проблематики”, которой на самом деле не существует». И это связано с тем, что «в условиях свободного доступа к зарубежным источникам в российскую педагогику стали вводиться новые иностранные термины взамен <...> российской традиционной терминологии». «То же относится к “философии образования” и многим другим терминологическим “новациям”, которым, очевидно, диссертационные советы должны поставить надежный заслон»²⁸¹.

Разумеется, у нас можно найти и другие взгляды, признающие законность философии образования, хотя скорее в форме изобретения какого-нибудь своего варианта подобной философии, чем при посредстве выхода в международное поле дискурса между уже развитыми системами этой философии, но мы хотим указать на удивительное отсутствие критики указанного беспардонного отрицания философии образования.

Если все же обратиться к мышлению «на западный манер», то, как отмечает исследователь постмодернистского толка К. Хоскин, «Фуко действительно открыл нечто очень простое (но, тем не менее, в высшей степени незнакомое) — центральность образования в конструировании модерности. Иными словами, важнейшее проявление специфики модерна в том, что формы власти и социальной дисциплины, присущие модерну, утверждались через посредство образования; в некотором важном смысле они работали через образование. В модерности образование заместило домодерновое насилие и принуждение. В этом плане образование есть не просто то, что происходит в школе, но существенная часть управляемости, существенная часть практики управления на уровне институций модерна»²⁸².

²⁸¹ Новиков А.М. Методология образования. М., 2002. С. 246.

²⁸² Цит. по: Usher R. and Edwards R. Postmodernism and Education. L. a.

Правда, стоит уточнить, что впервые это было открыто гораздо раньше: «В XVI в. образование начинает восприниматься как в высшей степени важный социальный процесс, особенно после стимулов, данных Эразмом и Лютером, которые обосновывали, что пропаганда и утверждение религиозных верований, а, следовательно, политическая лояльность, могут контролироваться в ощутимой степени через школу и процедуры образования»²⁸³. Фуко в статье «Власть, великолепный зверь» ссылается именно на этот сдвиг в понимании властями образования как на важнейшее проявление специфики взаимодействия политической власти и образования эпохи модерна²⁸⁴.

Очевидно, что образование должно рассматриваться в контексте не только школы и класса, но и более общей системы, какой является культура с ее различными подразделениями. Исследование этой проблематики выходит за пределы педагогики в эмпирическом смысле к горизонту философии образования. В отечественной педагогической науке, склонной больше к эмпиризму, чем к философии, проблематика образования как социокультурной системы не разработана.

Исторически становление образования как особой профессиональной деятельности происходило в связи с возникновением классового общества, государства и, соответственно, возникновением нового, более высокого уровня культуры, включающего письменность, измерения, передачу текстов и т. п., для овладения которыми уже недостаточно простой социализации и семейного воспитания.

Необходимость приобщения определенной части людей к новому, возвышающемуся уровню культуры как раз и вызывает появление и развитие образования как особой профессиональной деятельности. Ее роль в общем контексте культуры несводима к простой культурной трансляции, а включает урегулирование разрыва между повседневным и более высоким уровнем культуры, а также соответствующего разрыва между культурами различных стран и регионов.

С середины XIX в. в Европе начинает осознаваться проблематика автономии образования, особенно в отношении к

N.Y., 1996. P. 84.

²⁸³ Bowen J.A. History of Western Education. V. 3 . The modern west Europe and the New World. Methuen, 1986. P. 4–5.

²⁸⁴ Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. М., 2002. Ч. 1. С. 15.

государству, а также и к вмешательствам других подразделений культуры (чаще всего через государство). В этой связи перед образовательным знанием возникает необходимость разработки целого ряда исследовательских программ о взаимоотношении образования с другими системами культуры.

Александр Павлович обратил внимание на то, что исследования такого рода не получили заметного развития в России. До революции господствовала патерналистская идеология «православия, самодержавия и народности», позволившая в 1850 г. изгнать из университетов философию и право «как бесполезные и предосудительные». В советские времена с возвышением Сталина устанавливается не менее патерналистское мировоззрение КПСС.

Автономия человека попросту отрицалась, проблема автономии образования даже не ставилась, и прежде всего это было заметно во взаимоотношениях с политикой и экономикой, которые довольно бесцеремонно вмешивались в дела образования. Подобные, чаще всего некомпетентные, вмешательства до сих пор не получают убедительных возражений от специалистов в области образования, которые по сей день не осознают необходимости защиты автономии образования. Не осознают, в частности, еще и потому, что большинство из них занято тем, «что происходит в классе», и не вникает в проблематику взаимоотношения образования с другими подразделениями культуры.

Очевидно, что исследование этих соотношений не находится в ведении «педагогики в классе», оно выходит за пределы каждой из дисциплин о подразделениях культуры и восходит к уровню мировоззрения и, следовательно, философии и философии образования. Очевидно также, что прояснение соотношения образования с другими подразделениями культуры является важнейшей предпосылкой многостороннего понимания образования как социокультурной системы.

Александр Павлович отмечает, что, сдвиг в российском мировоззрении совершается не только в сторону открытости, но и в обратном направлении: «...и в наши дни существует опасность отказа от принципов светскости и автономии образования. Многие церковнослужители предлагают ввести в школы и в вузы Закон Божий или богословие. Министерство образования привлекает патриархию для экспертизы программ, проектов, учебной литературы. Патриарх Алексей II предлагает ввести в государственные учрежде-

ния курс теологии или основ православной культуры. Такого рода тенденции находят определенную поддержку и среди высоких должностных лиц Российской академия образования, которые по своей должности обязаны были бы защищать автономию образования и его светскость в многоконфессиональной культуре России»²⁸⁵.

Вряд ли религия может обойтись без данных различных, в том числе педагогических, наук о детях и их образовании. Вместе с тем, однако, неясно, как можно обосновать «ко-геренцию» науки с религиозной картиной мира, человека и культуры. Конечно, религия начинает воспитание с внушения своих религиозных установок, которые, будучи в своей основе мифологическими, т.е. мировоззренческими, как, например, «страх божий», имеют более непосредственное отношение к морали, чем современная психолого-педагогическая педагогика.

По мнению протоиерея В.В. Зеньковского, директивное введение Закона Божия в секулярную школу нецелесообразно, так как наталкивается на многоконфессиональность и на безрелигиозное преподавание других предметов, что порождает раскол в сознании²⁸⁶. Организация целостной религиозной школы возможна только в обстановке христианской культуры путем создания ее островков в современном обществе²⁸⁷. Если бы и было возможным создание подобных островков, то оно не решило бы проблем обоснования морали, которая не может состоять из «островков». И далее он же: «нейтральность» школы в отношении к науке – миф «отвлеченного гуманизма», ведущий либо к эклектике, либо к антирелигиозности. Не должен ли подобным же мифом считаться и экуменизм, о чем свидетельствуют, например, недавние проявления неприязни РПЦ к приезду папы римского в Россию? Не проявляется ли что-то сходное и во взаимоотношениях между разными конфессиями, в частности, и в России? Ответы на эти порой весьма настойчиво задаваемые вопросы настолько сложны и запутанны, что вряд ли стоит акцентировать и тем самым подогревать указанные неясные различия. Раскол как с другими учебными предметами, так

²⁸⁵ Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. С. 480.

²⁸⁶ См.: Зеньковский В.В. Педагогика. М. 1996. С. 34.

²⁸⁷ См.: там же. С. 39, 88, 91.

и с другими конфессиями определенно подогревается в программах и учебниках по курсу «Этики и православной культуры» уже самим конфессиональным характером написания, тем более, что ученые были заранее категорически отстранены от экспертизы учебника А.В. Кураева.

Согласно Зеньковскому, гуманизм Руссо (любовь к ребенку, дающая «простор его личности») должен быть «христиански перефразирован»²⁸⁸ как релевантный отношению к ребенку в Новом Завете. Такое отношение до сих пор «мало отразилось» в христианской педагогике, где господствовала ветхозаветная «борьба с ребенком»²⁸⁹. Гуманизация этой педагогики требует разработки христианской антропологии, освещющей «светлые стороны ребенка»²⁹⁰ и внушающей уважение к его свободе на том основании, что в нем заложен образ Божий»²⁹¹.

Для этого автора характерно отрицание автономии рациональных исследований, в том числе отвлечения педагогики и школы от христианской теологии; вместе с тем для него характерна критика советской педагогики, подчиненной «коммунистической теологии» и лишенной «идейной автономии» и «права на свободное исследование»²⁹².

В этой связи следует обратить внимание на немонолитность культуры. В каждую эпоху выделяется несколько ведущих философских и мировоззренческих систем, которые конкурируют друг с другом; многие из них, подобно религии, претендовали на роль единственной универсальной системы, с которой остальные, если и могут быть несогласными, то якобы лишь по недопониманию — аналогичную абсолютную роль, например, Гегель, приписывал своей философской системе в XIX в, а в XX в. к подобному взгляду на марксизм приближались некоторые догматические марксистско-ленинские философы. Однако история философии свидетельствует о том, что никакая из систем не достигала такого окончательного объяснения мира и человека, да и с точки зрения теории познания это нелепо, потому что ставит предел появлению новых знаний и систем.

²⁸⁸ Там же. С. 35.

²⁸⁹ Там же. С. 16–17.

²⁹⁰ Там же. С. 25.

²⁹¹ Там же. С. 35.

²⁹² Там же. С. 141.

Следует, однако, заметить, что тенденция установить единую монолитную систему на манер Людовика XIV — «один народ, один царь, одна вера» — в какой-то мере сохраняется в народном мировоззрении, а также — в политике, например, в виде поиска так называемой «национальной русской идеи» или же единого — «без разноречия» — патриотического учебника по истории России. Подобный учебник уже был, правда, по истории ВКП(б), в нем эта история была, так сказать, выглажена настолько, что из нее исчезли нежелательные «разноречия», борьба мнений.

Однако, как отмечает Александр Павлович (относительно перспектив антропологии), в 90-е гг. XX в. «...притязания любой теории на единственную парадигму в той или иной области знания, в том числе и в педагогике, были подвергнуты вполне оправданной критике. Эпоха замкнутых систем и целостных, окончательных интерпретаций прошла. Наступили новые времена, когда создавались и создаются многообразные формы антропологического знания, которые ориентируются на различные научные дисциплины задают новые перспективы и ставят проблемы, исходя из своей установки и своей методологии»²⁹³.

(«Создание единой парадигмы — путь к формированию унифицированной концепции. Это скорее миф, чем реальность истории науки, в том числе и педагогики. Этот путь ведет лишь к умерщвлению педагогики, к ее тотализации во имя вненаучных, идеологических целей»²⁹⁴).

Александр Павлович исследовал важнейшие проблемы методологии образовательного знания, в частности, раскрыл недостатки психолого-педагогической методологии, доминирующей в отечественных образовательных исследованиях.

Коротко говоря, эти недостатки состоят в игнорировании гуманитарного подхода в теории и практике образования, позитивистском дистанцировании от философии образования или даже вообще от философии. Одним из главных недостатков отечественных методологических исследований является то, что в них чаще всего рассматривается только психолого-педагогическая методология и притом как самодостаточная, вне исследования соотношения с методологией гу-

²⁹³ Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. С. 374.

²⁹⁴ Там же. С. 374–375.

манитарных исследований, в частности, с герменевтикой как ядром гуманитарного подхода.

В отличие от западной философии образования, в которой, как показывает Александр Павлович, это соотношение находится в центре внимания ведущих теоретиков и практиков образования во всех направлениях философии образования, с самого их появления, более, чем за сто лет до философии образования — по существу с начала XIX в., с самого начала обращения образовательного знания к классической науке с ее сенс-эмпиризмом.

Как указывает Г.Г. Гадамер, образование является «стихией гуманитарных наук»²⁹⁵. Суть гуманитарных наук довольно концентрированно выражается в их интерпретации Дильтеем как «наук о духе». Наиболее ярко это проявилось в целой серии концепций педагогической антропологии, разрабатывавших образ человека, которые появляются в философии образования в 60–70 гг. XX в. Известный представитель педагогической антропологии в Европе, Генрих Рот, на которого ссылается Александр Павлович, считает что «духовность — это понятие, которое наилучшим образом характеризует этот образ человека и является общим знаменателем педагогической антропологии»²⁹⁶. «Педагогическая антропология ставила задачу — выявить фундамент, некую базу, исходя из которой можно будет определить педагогическое действие, а именно, педагогического отношения <...> вывести цели, дать легитимацию стилей и методов <...> осуществить переоценку образа человека, коренящегося в достоинстве и автономии индивида, понять ребенка в его самости как личность»²⁹⁷. С категорией духовности (духа) связаны основополагающие понятия педагогики, исходя из которых можно определить педагогическое действие.

Следует разобраться с пониманием слов «дух, духовное» в советских и современных российских текстах: как правило, эти термины отстраняют от науки в область христианской религии или же спекулятивной идеалистической философии типа Платона, а также в искусство. Однако подобное спекулятивное, а также эстетическое истолкование отнюдь не ис-

²⁹⁵ Цит. по: Новиков А.М. Методология образования. М., 2003. С. 190.

²⁹⁶ Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. С. 338.

²⁹⁷ Там же.

черпывает содержание понятий духа и духовности. Что касается несовместимости понятия духа с научной картиной мира, то это в основном было бы правильным, если иметь в виду классическую, в основе своей естественную науку, не прошедшую целой серии научных революций XX в.

Историческая эволюция соотношения сенс-эмпиризма и гуманитарного подхода является одной из главных тем книги Джемса Боуэна по истории образования эпохи модерна. В ней показывается, что, отступая от философских и гуманитарных исследований, образование, по существу, перестает быть самим собой, потому что оно уходит от распознания ценностей и их освоения учащимися, т.е. от проблем воспитания. К этому приближаются отечественные работы по психолого-педагогической методологии, в которых, по существу, не исследуется гуманитарный подход и проблемы воспитания.

Поппер раскрывает в платоническом тезисе о мире идей рациональное зерно: идеи, вернее их аналоги, могут быть фиксированы отдельно от людей в виде текстов, вообще символических систем, правда эти символы превращаются в идеи лишь в головах субъектов-интерпретаторов. Однако, будучи, таким образом, опосредованы (десифрованы) в сознании людей, эти системы становятся единственными в обществе и выступают как основания телеологической детерминации объектов культуры, создаваемых людьми. Мы можем, отбросив мистику, интерпретировать платонический мир идей как мир символических систем, составляющих основу относительной самостоятельности духовной культуры, как это и делает Поппер: «Платон был <...> первым (может быть, вместе с Протагором и Демокритом), кто *правильно оценил значение идей – “культуры”, чтобы применить современное понятие – для вычеканивания (Pragung) нашего духа*»²⁹⁸. Открытие этих философов ведет к тому, что человек имеет троеку природу: биологическую, социальную и духовную. Последняя может выступать как телеологическая детерминация и соучаствовать в том, чтобы собирать людей воедино, строить нравственный и гармоничный образ жизни, – в этом была основная проблема Платона. Материальных основ для объединения людей недостаточно, для этого нужно допустить еще существование всеобщего духа над индивидами – *духа, стремящегося утвердить преи-*

²⁹⁸ Popper K.R., Eccles J.C. Das Ich und sein Gehirn. München, 1982. S.209.

мужества зпистемы — мудрости, философии, истины и науки и согласовать с ней жизненные ценности справедливости и прекрасного. Такая роль принадлежит духовной культуре и, с нашей точки зрения, Платон открыл, что общество управляет не только нормами материального бытия, не только законами социально-организационных структур, но и духовной культурой. ***Освоение человеком этой высокой культуры — главная цель образования.***

Александр Павлович обращает внимание на довольно поздний сдвиг к признанию гуманитарных дисциплин науками, — где-то с середины 20-х гг. прошлого века. До признания этого, однако, психолого-педагогическая методология в сущности не поднялась до сих пор. Во всяком случае, в работах этого направления исследование гуманитарного подхода по существу отсутствует. И это отнюдь не случайно. В терминах сенс-эмпиризма, ориентированного на объекты естественнонаучного типа, дух и его основания просто невыразимы. Истоки методологии сенс-эмпиризма начали складываться в педагогическом сознании в XVII в. под влиянием классического материализма Ф. Бэкона, Дж. Локка и особенно К.А. Гельвеция, который стремился избавиться от теоретизирования о каких-либо внутренних процессах в психике и сознании, которые были неизвестны. Отсюда трактовка души как «чистой доски», свободной от домыслов религиозной мистики типа первородного греха, демонов, терзающих душу ребенка во чреве и т. п. Вместе с тем, как отмечает Боуэн, это влекло к «элиминации всех человеческих компонент власти, морали и воли». «Стремление вывести все содержание сознания из среды» и «отрицание любого вида духа внутри личности влечет 1) неспособность определить общий опыт и, следовательно, социальное согласие и 2) трудность определить ценности»²⁹⁹. Взгляд, к которому приближался Локк, «что сознание является пассивным в восприятии, должен был долгое время оставаться основным препятствием научной методологии и оказывать глубокое влияние на образовательную теорию»³⁰⁰. Короче говоря, сенс-эмпиризм, сросшийся в середине XIX в. с позитивизмом, отрывает образовательное знание от исследования философско-мировоззренческих оснований, в которых

²⁹⁹ Bowen J.A. History of Western Education. V. 3 . The modern west Europe and the New World. Methuen, 1986. P. 180.

³⁰⁰ Ibid. P. 175.

кроются проблемы образа человека как обладающего духовностью, которая вплоть до XX в. не находила объяснения в научной картине мира и оставалась в компетенции религии.

На самом деле образ человека, по идеи, должен лежать в основе даже не половины, а, так сказать, «львиной доли» образовательного знания, поскольку оно ориентировано на анализ не только обучения, но и воспитания как освоения ценностей. Очевидно, поэтому педагоги-инноваторы XIX в. не ограничивались эмпиризмом, а занимали двойственные — дуалистические позиции, пытаясь сочетать эмпирико-аналитический подход с признанием духовности как надэмпирического интегративного начала в человеческой психике особенно, в вопросах нравственного воспитания. Духовность они, так или иначе, относили к компетенции религии.

Советские теоретики отвергли подобную традиционную дуалистическую (тело-дух) интерпретацию, «поскольку она предполагает автономию нематериальной сферы» (как якобы шаг к идеализму); «вместе с тем они не хотели принять чистый материализм, который сводит личность и события к механическим функциям»³⁰¹.

Что касается современной российской психолого-педагогической эпистемологии, то проблемы духа как основы свободы и морали долгое время просто оставлялись вне специального исследования. Начала такого исследования появляются в гуманитарном подходе к педагогической психологии, который начинает складываться в России в 90-е годы XX в.

Парадокс состоит в том, что именно в естественнонаучных революциях XX в. обнаруживаются возможности преодоления разрыва и обоснования когерентного взаимоотношения естественных наук с гуманитарными.

Начиная с естественнонаучной революции конца XIX — начала XX вв., когда появляется неклассическая наука, которая обосновала объективность *случайности и тем самым прорвала «кошмар абсолютизации объективной необходимости* — вразрез с классической научной картиной объективного мира, в которой господствовало объяснение через закон, исключавшее случайность.

Поппер указывает на то, что уже в 1931 г. Тьеरри Комптон (заметим, физик, а не гуманитарий) обосновал общенаучные и философские следствия из квантовой механики В. Гейзен-

³⁰¹ Ibid. P. 524.

берга (1927), важные для понимания человека, для биологии в целом и особенно для решения проблем, связанных с этикой. Александр Павлович также ссылается на этот сдвиг в теоретической физике, правда, замечая, что он долгое время оставался непонятым с позиций официального диалектического материализма.

Поппер далее, вслед за Комптоном, раскрывает значение этого сдвига в естествознании для гуманитарных дисциплин. «Фундаментальная проблема морали, жизненно важная для религии и предмет постоянных исследований науки, заключается в следующем: свободен ли человек в своих действиях?»³⁰²; позднее, в книге «Гуманистическое значение науки» (1940) Комптон заключает: «Теперь уже не оправдано использовать физические законы как свидетельство невозможности человеческой свободы»³⁰³.

Далее Поппер уточняет «комптоновский постулат свободы»: свободу несет не просто случай, а тонкое взаимопеплетение чего-то почти случайного и непредсказуемого и чего-то напоминающего ограничивающее селективное регулирование, типа цели или стандарта, но, безусловно, «никак не жесткий контроль»³⁰⁴.

Сфера случайности — это пространство, допускающее выбор или свободу как главные специфические характеристики человеческой психики, концентрирующиеся в интенциональности. Это повлияло и на образовательное знание, особенно, на педагогическую антропологию, которая, кроме биосоциального объяснения человека, допускает особый источник детерминации внутри субъекта: в психике человека есть духовность или дух как система, способная делать выбор, интегрировать и направлять все силы и способности личности.

«Образ человека — стержневая онтологическая категория философской и педагогической антропологии. В эмпирико-аналитический образ человека как существа биосоциального втягивается третье измерение — духовность, составляющая основу наивысшей автономии, отличающей человека: не только “активность”, “относительная самосто-

³⁰² Поппер К.Р. Об облаках и часах...// Поппер К.Р. Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 508.

³⁰³ Там же. С. 510.

³⁰⁴ Там же. С. 526.

ятельность” и саморегуляция в рамках объективных закономерностей, но и формирование программ, которые определяют поведение человека»³⁰⁵. Согласно Роту, духовность рассматривается как система в психике человека (сознательной и бессознательной), которая способна интегрировать и направлять все силы и способности личности. «Новизна педагогической антропологии состоит в детальном анализе важнейших функций духовного в сферах образования и педагогической деятельности, в развитии таких понятий как “духовное”, “экзистенция”, “трансценденция”, “свобода”, “со-бытие”, “смысл”, “стремление к ценностям”, “ответственность”, “интенциональность”, “полагание ценностей”, “индивидуальность”, “ценности как смыслоуниверсалы”, “совесть как основа духовной организации личности”. Существование и функционирование духовного немыслимо в каком-либо полном смысле без его принадлежности конкретным людям, их непосредственно личностным отношениям»³⁰⁶.

Александр Павлович обращает внимание на то, что «представления о духовном соразмеряются с эмпирико-аналитическими данными о биосоциальных аспектах жизни человека. Отсюда, с одной стороны, происходят онаучивание гуманистического знания, втягивание его в целенаправленную практику, а с другой — гуманитаризация эмпирического и аналитического знания, в особенности педагогического, которое тем самым бросает вызов современной, прежде всего педагогической, психологии, требующей ее возвышения до уровня антропологической психологии (“смыслоориентированной”, экзистенциально-духовной и т. п.)»³⁰⁷.

В противоположность позитивистскому уклону психолого-педагогической методологии, «сосредоточенной, прежде всего, на обучении», Больнов подчеркивает, что педагогическая антропология концентрируется на воспитании, в котором главную роль играют «встреча», «диалог», «разговор» с другим человеком (другим народом, другой культурой и их творениями) Только в таких встречах человек обретает свою экзистенцию.

³⁰⁵ Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. С. 120.

³⁰⁶ Там же.

³⁰⁷ Там же. С. 121.

Здесь стоит добавить высказывание биолога Людвига фон Берталанфи, который говорит, что современная психология только притворяется, что она должна освободиться от более раннего бихевиоризма и психоанализа, и разъясняет, что более важным, чем некоторые корректирующие детали, «является, однако, факт, что психология сегодня является властью, которая далеко идущим образом формирует образ или “имидж” человека и направляет общество. Образ человека как некоего робота есть проекция духа времени в науке <...>»³⁰⁸. Такой образ человека как целиком определяемого воздействиями извне обусловлен, в конечном счете, не современной психологией, а сама она вместе с этим образом обусловлена «практической жизнью», ее духом, а именно, духом капитализма, который даже от образования требовал прежде всего «тренинга рук», а не ума, разбирающегося в экономических и социальных кознях общественного руководства.

Александр Павлович рассматривает влияние на философию образования следующего ряда сдвигов в науке XX в. — становление дисциплин «постнеклассической» науки, таких как исследование многоуровневых *сложноорганизованных систем*; кибернетика (*структурно-информационная, управляющая детерминация*); *синергетика* (*хаос на уровне элементов, однако с потенциалом движения к порядку*), *синэргия* как совместное действие детерминаций). На каждом из уровней преобладает соответствующий специфический вид детерминации, так или иначе взаимодействующий с другими ее видами.

Ю.В. Сачков справедливо полагает, что во «взаимодействиях между уровнями действительно есть иерархическая составляющая. Важнейшее значение приобретают процессы на высшем уровне. А в социальных системах именно на этом уровне принимаются решения, определяющие функционирование систем в целом. Если для нижележащих уровней характерны, прежде всего, силовые и энергетические воздействия, то на высших, интегративных уровнях доминируют информационные процессы, которые захватывают, как бы подчиняют низшие процессы; высшие уровни базируются на действии потребностей и интересов и характеризуются через представления об информации и цели, интегративная детерминация поведения сложноорганизованных систем выступа-

³⁰⁸ Там же. С. 123.

ет не в форме силовых, энергетических воздействий, а носит информационно-телеологический характер»³⁰⁹.

Это также отход от монодетерминации при исследовании сложных систем и тем самым переход от монометодологии, утверждающего одну детерминацию и, соответственно, один метод для всех наук, к комплексно-системному подходу, который дополнен анализом системообразующей роли интенционально-телеологической, т.е. духовной детерминации общественных процессов.

В этой связи Александр Павлович разъясняет отход от классического дуализма души и тела, в противовес которому «современная философская антропология выявляет различные слои в телесной и душевной жизни человека, раскрывает значение бессознательных процессов в жизни человека, определяет различные промежуточные слои между рациональным сознанием и влечениями человека. Вместе с тем педагогическая антропология оказала большое влияние на философскую антропологию, поставив перед ней ряд проблем, мимо которых она проходила. Одна из таких проблем — проблема детства. По словам Рота, «“философская антропология в большинстве случаев не принимает во внимание, что человек начинает свою жизнь как ребенок”. Несмотря на то, что в христианстве прославляется Богоматерь, ни христианская, ни гуманистическая антропология не анализировали детство как важнейший модус человеческого существования»³¹⁰.

К монометодологии в историческом материализме и экономизму склонялся Маркс и советские марксисты. Подобный «монометодологизм» известный советский психолог А.И. Леонтьев считал важнейшим преимуществом советской психологии: «Методологическому плюрализму, — писал он, — советские психологи противопоставили единую марксистско-ленинскую методологию, позволяющую проникнуть в действительную природу психики, сознания человека»³¹¹. Д.Я. Райгородский, приводящий эту цитату, замечает: «Подобная “методология” насаждалась в течение многих десяти-

³⁰⁹ Сачков Ю.В. Эволюция учения о причинности // Случайность и детерминизм. М., 2006. С. 37–38.

³¹⁰ Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. С. 361.

³¹¹ Леонтьев А.И. Избр. психологические произведения: В 2-х томах. М., 1983. Т. 2. С. 95.

летий», навязывая читателям «тусклый мир методологического монополизма»³¹².

На монометодологии настаивает и представитель психолого-педагогической методологии А.М. Новиков, и притом не только в исследовании образования, но в науке вообще: методология педагогики якобы ничем не отличается от методологии психологии или от методологии физики: «особенности научной деятельности, принципы познания и т. д. едины для всей науки вообще <...> Требования, например, к эксперименту одинаковы и для физики и для педагогики и для любой другой отрасли научного знания». Даже для «бурения скважин в геологии»³¹³.

С этими очевидными нелепыми упрощениями связано принижение или даже игнорирование самостоятельной роли информационно-teleologической детерминации и сползание к поиску в общественных процессах только таких причин, которые независимы от людей и их сознания. Или просто — к пассивному подчинению внешним обстоятельствам.

Как реакция на позитивизм к концу XIX в. начинает складываться антипозитивистская философия науки. Она акцентирует специфику методологии гуманитарных дисциплин, которая концентрируется в названии «герменевтика» (Дильтея, Макс Вебер; неокантианцы Баденской школы, В. Виндельбанд и Г. Риккерт). Эта философия науки, как считает фон Вригт, более разнородна, ибо она отвергает названные догмы и прорабатывает иной тип научного объяснения, переходящий границы номотетики (подведения под законы). Он называет его идеографическим, т.е. дескриптивным изучением индивидуальных и неповторимых особенностей объектов исследования. Именно этот метод — понимания — Дильтея обосновал как специфический метод «наук о духе», а именно — гуманитарных наук. Отличие понимания — «”психологический оттенок”, включающий “вчувствование” или воссоздание в сознании исследователя духовной атмосферы, мыслей, чувств и мотивов людей, являющихся объектами его исследования»³¹⁴.

Но отличие — не только в этом оттенке. Оно обусловлено

³¹² Райгородский Д.Я. Предисловие // Хрестоматия по психологии личности. Т. 1 / Сост., предисл. Д.Я.Райгородского. Самара, 1999. С. 4.

³¹³ Новиков А.М. Методология образования. С. 14–15.

³¹⁴ Цит. по: там же. С. 45.

онтологическим отличием объекта исследования — человека, которому присуща интенциональность как признак духа: «Можно понять цели и намерения другого человека, значение знака или символа, смысл социального института или религиозного ритуала». Это — «интенционалистский, или семантический, аспект понимания»³¹⁵. И эти реалии являются существенной составляющей детерминации социокультурных процессов и систем.

Трактовка подведения под закон как единственно надежного объяснения оказывается относительной, и сама ее абсолютизация позитивизмом обнаруживается как умозрительная и метафизическая. Ее обратной стороной является исключение познавательного значения единичного и уникального, каковым является, например, смысл, мыслимый индивидуумом, без раскрытия которого, однако, невозможно осмысленное педагогическое содействие этому индивидууму. Как отмечает Г. Рот, признаком такого подхода в немецкой гуманитарной педагогике и педагогической антропологии является «педагогическое отношение», предполагающее диалог, личностное герменевтическое «вслушивание» в особенности интенциональности ученика и на этой основе допускающее коррекцию планирования педагогической работы с ним. Отсюда — незаменимая роль педагога как личности.

В «номотетизме» сказывается игнорирование роли индивидуальности как ученика, так и педагога, свойственное вообще любителям ссылаться на массовые социальные процессы, а также на действия объективных законов, независимых от людей.

Отход от экономоцентризма означает также, что те или иные экономические тенденции и программы отнюдь не всегда первичны и должны оцениваться в соразмерении с позициями других подразделений культуры, в том числе, с позицией системы образования и ее ценностей, неотделимых от морали. Этого как раз недоставало «идеологам перестроечного и постперестроечного периода», поскольку они были людьми марксистской выучки и чтили базис, то им суждено было попасть в объятия «чикагской школы» — этой версии запоздалого экономоцентризма»³¹⁶.

³¹⁵ Там же.

³¹⁶ Философия истории / Под ред. проф. А.С.Панарина. М. 2001. С. 105.

Обратной стороной этой ориентации на рыночную экономику было «свёртывание социальных и образовательных программ» и т. д.³¹⁷.

Эта проблематика мало развилаась с тех пор. Подобные философские проблемы и теперь слабо разрабатываются в педагогической литературе.

Следует, однако, уточнить, что само по себе обнаружение в открытиях естествознания следствий, когерентных для трактовки гуманитарной проблематики, представляют собой теоретические выводы, но никак не конкретные решения этих проблем, принадлежащих и подлежащих гуманитарным наукам. И объективность случайности как основание свободы у человека, и многоуровневость, и иерархия детерминаций, восходящая к телеологии, представляют собой лишь самые общие методологические установки, открывающие возможности для обнаружения новых проблем и гипотез.

Раскрытие особой роли телеологической детерминации в определении образования как социокультурной системы открывает возможности рассматривать эту систему и ее развитие в терминах проектного подхода. Польский философ Зигмунд Бауман, следя постмодернистской философии, рассматривает образование как *проект*, потому что оно «не может быть понято как некий вид трансцендентального блага или как нечто следующее “естественно” из распознания существенных атрибутов “человека” (как это как раз и рассматривалось традиционно в философии образования). Скорее образование само по себе есть исторически локализованный культурный конструкт, конструируемый посредством нарративов, которые являются не просто средством понимания мира, но также и непрерывного изменения его через стремление формировать внутри него субъективности этого изменения»³¹⁸.

Образование рассматривается далее как «сердцевина» более общего проекта — «проекта модерности <...>», и «<...> этот проект конституируется особым видом идеологии или нарративов культуры, которые представляют мир как *man made*, руководимый *man made* ценностями и нормами и воспроизводимый через продолжающийся процесс учения и

³¹⁷ Там же. С. 106.

³¹⁸ Цит. по: Usher R. and Edwards R. Postmodernism and Education. P. 125.

обучения»³¹⁹. Именно таким проектируемым является социокультурный мир модерна в отличие от предшествующих обществ, опирающихся главным образом на традиции.

Согласно Ж.Ф. Лиотару, совокупность «метанarrативов» (или метарассказов), образует наиболее общий, мировоззренческий уровень рациональности общества и культуры. В сущности, это наиболее общий уровень телеологической детерминации — «рациональность эпохи». Она выражается совокупностью «метарассказов», включающих доминирующие философские и научные установки и мировоззренческие, религиозные и социально-политические ценности определенной эпохи, в данном случае, эпохи модерна.

Можно вести речь о рациональности какой-нибудь другой эпохи, например, эпохи социализма, основой которой являлось марксистско-ленинское мировоззрение и соответствующая политическая идеология; очевидно, что эта рациональность существенно определяла советскую систему образования (равно как и другие подразделения советской культуры — политику, экономику, науку, искусство и др.). Правда, трудно сказать, какая рациональность определяет современное расшатанное российское общество...

Особенно при игнорировании философии.

В психолого-педагогической методологии понятие телеологической детерминации отсутствует, что способствует сохранению в образовании позиции пассивного следования внешним требованиям. В западной философии образования в середине 60-х гг. XX в. сложилась весьма разумная и актуальная позиция «критической педагогики»: «Хотя исходный пункт критической педагогики должен состоять в радикальной критике образования модерна, можно обоснованно утверждать, что критическая педагогика в то же самое время остается неотъемлемой частью образовательного дела модерна, в терминах как его целей, так и ожиданий (эмансипации, демократии, справедливости), и в терминах его средств (демистификации, критики идеологии, критической рефлексии).

Критическая педагогика критична не к образовательному проекту модерна как таковому, но только ко всем формам *не*-kritической педагогики, т.е. ко всем формам педагогики, которые берут реальность, как она есть, без задавания вопросов о том, что делает ситуацию такой, как она есть, кто делает

³¹⁹ Цит. по: *ibid.*

ситуацию такой, как она есть, и чьи интересы обслуживаются этим *status quo* и изображением этого *status quo*, как естественного и неизбежного»³²⁰.

Подобный некритический характер присущ как советской, так и современной отечественной педагогике, которая не осознаёт важность автономии и собственных ценностей системы образования и не задает таких вопросов, а слишком спешно стремится принять все требования экономики и политики как якобы абсолютно необходимые — вроде требований уменьшения затрат государства на образование (включая снижение зарплаты педагогов) в сочетании с введением платного образования и культивированием сомнительного бизнеса в образовательных учреждениях.

Все это привело к сокращению числа школ (особенно, сельских) и учащихся, а также к коррупции и безнравственности. Впрочем, в наших педагогических дебатах и текстах, повторим, вообще не видно интереса к проблемам автономии образования, равно как и автономии человека. И это при множестве речей о проблемах существования и развития в нашей стране гражданского общества, его автономных организаций, способных защитить себя от давления других, особенно, вышестоящих, структур.

Абсолютизация объяснения через закон проявляется в идентификации принципов и правил педагогики с «*объективными законами*», как это делается в Российской педагогической энциклопедии (см.: т. 1. С. 267; т. 2. С. 111, 116), даже и при том, что признается *нормативный* характер педагогических дисциплин (т. 1. С. 265; т. 2. С. 191). При этом игнорируется онтологическая специфика образовательных норм как человеческих (интенциально-телеологических) установлений определенной эпохи.

Специфика гуманитарных методов познания этих норм, опирающихся на философско-мировоззренческие основания и герменевтику, а также специфика их действия, которая, таким образом, неправомерно сближается с каузальной принудительностью законов природы — некий остаток тоталитарной интерпретации всякой нормативности как якобы объективной необходимости. Боуэн подмечает эту путаницу: образование, достигшее статуса науки, с педагогикой как её

³²⁰ Biesta Gert. What Can Critical Pedagogy Learn From Postmodernism? // Critical Theory and Critical Pedagogy ,today. Haifa, 2003. P. 146.

технологией, построено на базовых «законах, обусловливающих процессы обучения»: законах индукции, апперцепции, цели, само-активности, абсорбции, рефлексии, интереса и корреляции.

В действительности эти «законы» подозрительны. Но на подобном «научном» подходе основывалась педагогическая мысль и образование в последние декады XIX в. и ранние декады XX в. – обучение учителей, построение учебного плана и метод обучения.

Спутывание педагогических норм с объективными законами типа законов естественных наук скрывает то обстоятельство, что педагогика с её нормами и принципами может быть советской, национал-социалистической, личностно-ориентированной, тоталитарной и т.п., но таковыми, очевидно, не могут быть некие «объективные законы развития человека», если бы они были известны какой-либо из педагогик. На самом деле развитие человека связано не просто с его «природой», а с ее специфическими трансформациями в культурах различных эпох, которые выражаются и в соответствующих системах образования. Затемнение телеологических оснований принципов и норм педагогики открывает возможность индоктринации этих принципов в педагогическом образовании, т.е. преподнесения их как непреложных без прояснения их оснований.

Гуманитарный подход и критика сенс-эмпиризма в отечественной педагогической мысли появляются в 90-е годы XX в. В.П. Зинченко пишет: «Тема “воспитания души” может рассматриваться как вызов всей академической психологии, который она, возможно, примет, достигнув соответствующего духовного возраста»³²¹.

В книге «Образы образования...» исследовано множество философских и образовательных проблем. Она дает вполне ясное представление о том, что такое философия образования. В данной статье рассматривались только два круга проблем этой философии, особенно важных для образовательного знания в России. Во-первых, это ряд философских вопросов о сдвигах в мировоззрении и культуре России и о том, что образование играет существенную роль не только в школе и классе, но и в указанных сдвигах, чего недооценивали

³²¹ Зинченко В.П. Размышления о душе и ее воспитании // ВФ. 2002. № 2. С. 120.

российские образовательные теоретики, а также и практики, в значительной мере потому, что отстранились от философии. Во-вторых, Александр Павлович как выдающийся специалист по методологии науки, разобрался в более чем вековой оппозиции между эмпирико-аналитическим и гуманитарным подходом. Он показал, что на основе естественнонаучных революций XX в. выявлена научная интерпретация главной категории гуманитарного подхода — понятия духа (духовности) и связи этой категории с понятиями эмпирико-аналитического подхода. Научный характер этой категории в Европе утвердился в 40-е гг. XX в. В российском же образовательном знании этого не случилось, пожалуй, и до сих пор.

В.М. Розин

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА А.П. ОГУРЦОВА

Судя по названию многих статей и Центра, которым он руководил с начала его основания («Центр методологии и этики науки»), Александр Павлович мог бы позиционировать себя как методолога; но, насколько я знаю, он считал себя философом, рассматривая методологию как раздел философии³²². Тем не менее, поскольку А.П. Огурцов писал о методологии и, как показывает мой анализ, мыслил во многих случаях методологически, вполне можно говорить о «методологическом дискурсе» Огурцо-

³²² При обсуждении этого вопроса стоит различать методологию как самостоятельную дисциплину, выделившуюся из философии в начале XX столетия, и методологию как старую, еще с античности философскую традицию, характеризующуюся рядом особенностей — наличием рефлексии и критики творчества, анализом и деконструкцией понятий и других средств мышления, изучением мыслительной деятельности, конституированием новых подходов и понятий и др. Примером первого варианта методологии является отечественная школа методологии «Московский методологический кружок» (ММК), созданная Г.П. Щедровицким, к основоположениям которой Огурцов относился достаточно критически (эти основоположения и этапы развития идеи ММК я рассмотрел в работе «Научные исследования и схемы в Московском методологическом кружке», М., 2011). Себя Александр Павлович, вероятно, мог бы отнести к старой методологической традиции, которую он считал просто разделом философии.

ва и попытаться понять его особенности. Этую задачу я буду решать в два приема: сначала остановлюсь на общих представлениях Александра Павловича о методологии, а затем на примере двух кейсов (анализа его статей «От методологии истории к метафизике истории» и «Генетическая методология и переход от индивидуальной инновации к ее общезначимости») обсужду особенности его методологического дискурса.

Методология для Огурцова, действительно раздел философии. Методология начинает философствование и научное исследование с вопроса *как* (каким образом мы познаем и мыслим?), отвечая на который в форме конституирования и выбора метода, методолог создает условия для перехода к построению онтологии и затем теории. «Общий ход движения теоретического знания, — пишет Огурцов, — начав с уяснения проблем *методологии* (с вопроса “*как?*” — познавать тот или иной объект), оно переходит к осмыслинию того, что познается (вопрос “*что?*” есть основной вопрос *онтологии*, каковы границы исследуемой предметной области, каковы ее особенности для того, чтобы принятые методы оказались адекватными). Лишь после этого речь идет о построении теоретической системы, позволяющей постичь и выявить законы исследуемой области»³²³.

Но на вопрос «*как?*» методологи отдельных направлений отвечают по-разному. Их ответы условно можно расположить в пространстве, заданном на одном полюсе позицией Г.П. Щедровицкого, настаивавшего на варианте методологии как единой организационной и нормативной дисциплины (в том числе и по отношению к философии), и позицией В.В. Бибихина, отчасти феноменологической, утверждавшего, что методология — это способность мыслить правильно, не опираясь на нормы и методы. Позиция Огурцова не совпадает ни с позицией Щедровицкого, ни с позицией Бибихина, она расположена где-то между обеими указанными позициями. Но послушаем самих участников.

Щедровицкий. В 1983 г. создатель ММК (Московского методологического кружка) пишет достаточно ясно: «Методология — это не просто учение о методе и средствах нашего мышления и деятельности, а форма организации и в этом смысле “рамка” всей мыследеятельности и жизнедеятельно-

³²³ Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы: В 3-х частях. Часть I. Исследовательские программы. СПб., 2011. С. 182.

сти людей...»”³²⁴. В 1991 г. Щедровицкий утверждает, что методологическое мышление является «универсальной формой мышления, “рефлексивно” охватывающей все другие формы и типы мышления»³²⁵.

Огурцов. «Универсалистские притязания на всеобщую значимость методологии характерны для всей классической методологии науки. Это характерно и для методологии математики, и для методологии истории <...> Притязания на универсальность любой методологии, в том числе и истории как методологии, были подвергнуты критике в постпозитивизме. Акцент делается на *case studies*, на изучении *отдельных случаев*, на осмыслении специфичности и проблемной ситуации и способов решения тех или иных проблем»³²⁶.

Бибихин. Не имеет смысла распределять наши представления, чтобы создать «леса» и правила, опираясь на которые человек будет мыслить более эффективно и правильно. В самом языке и его построениях (фразах), утверждает Бибихин вслед за Л.Витгенштейном, уже заключена логика, она не направляющие и рельсы, по которым мы сознательно катим свою мысль, а имманентное, бессознательное свойство нашего языка и речевого выражения. Логика не как правила и методология, а тавтологическое содержание языка и его фраз. «Рассел, — пишет Бибихин, — в своем предисловии представил его (Витгенштейна. — *B.P.*) продолжателем дела всеобщей чистки философии, религии, этики, начиная с их языка, ради новой свободы; сначала перестановка всего на математизированные основания, потом строительство на неизарожденном метафизикой месте. Витгенштейн такой чистки не планировал. Пусть всё останется, как есть. Нет двух задач, работа одна: развязывание узлов, разбор завалов. Рядом с обычным языком не нужен никакой другой, тем более искусственный. От естественных наук Витгенштейн ушел в философию. Логика не инструмент для работы с понятиями, не рельсы для движения мысли; между ней и действительно-

³²⁴ Щедровицкий Г.П., Котельников С.И. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности // Щедровицкий Г.П. Избр. труды. М., 1995. С. 118.

³²⁵ Щедровицкий Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодеятельностного подходов // Там же. М., 1995. С. 152.

³²⁶ Огурцов А.П. История методологии науки: реальные и виртуальные трудности // Методология науки: проблемы и история. М., 2003. С. 222–223.

стью не надо наводить мостов. Витгенштейновская логика оставляет естественный язык в полной силе, никакой нормой в него не внедряется, не связывает его ничем, кроме предельного внимания. Эта логика не нормирует язык и не предлага-ет ему схем»³²⁷.

Огурцов (обсуждая проблему *этической значимости методологических норм*). «Как трактовать предельное основание и существо методологии – либо как *формы мыследеятельности* (Щедровицкий), либо как *способы жизнедеятельности* (не только научной и технической деятельности, а деятельности вообще, в том числе и организации деятельности) <...> Если подчеркивается примат практического разума и нормативность методологии, то возникает ряд вопросов: существуют ли различия между правильным применением методов рассуждения в науке и праведным следованием этическим нормам и регулятивам? В чем отличие этических норм от методологических норм? Каков статус такого методолого-практического применения разума? <...> Аксиологическая нагруженность методологии науки выражена не только в совпадении нормативности методов и нормативности ряда наук (например, юриспруденции), но в том, что метод, выбранный в качестве приоритетного в той или иной методологической программе, становится универсальной нормой оценки работы исследователя и ее результатов, да и вообще нормой научности»³²⁸.

³²⁷ Бибихин В.В. Витгенштейн: смена аспекта. М., 2005. С. 122.

³²⁸ Огурцов А.П. История методологии науки: реальные и виртуальные трудности. С. 227. Стоит отметить, что Щедровицкий отрицал аксиологическую нагруженность методологии. В одной из частных бесед на мой вопрос «А зачем нужна методология? Может быть, какие-то ее формы вредны, поскольку порождают негативные последствия для культуры?», Щедровицкий ответил: «Это не обсуждается. Просто методологию нужно развивать». В работе «Философия. Наука. Методология», возможно, продолжая данную дискуссию, Щедровицкий пишет: «Но если вы будете работать внутри методологии, в методологической команде, то у вас не будет всех этих проблем: зачем нужна методология, что она позволяет и чего она, наоборот, не позволяет. Вы будете методологизировать – и все <...> у нас нет проблем внедрения; как правило, мы создаем знания, необходимые нам самим и всем тем, кто хочет работать, как мы» (Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 419, 446). Хотя Огурцов никогда не отказывался работать в группе или творческом коллективе, он всегда сохранял свое личное понимание и отношение к делу, принципиально отказывался думать «как все» в команде, не важно, философ-

Отчасти понятно, почему Бибихин возражает против методологии, как ее трактовал Щедровицкий: это защита против своего рода методологической формализации. Огурцов в этом вопросе с Бибихиным вполне солидарен. Отмечая, что в методологии метод становится нормой, которая уже не нуждается ни в обосновании, ни в оправдании, Огурцов пишет следующее. «Метод в методологии становится рутинным, машинообразным, автоматически используемым и нуждается лишь в развертывании методики его использования. Но в этой рутинизации метода и заключается опасность: универсализация метода, ведущая к превращению его в методическую машинерию, в своего рода логическую или технологическую инженерию, означает по сути дела завершение всякой рефлексивной методологической работы и исчерпание методологической программы. В то же время альтернативные методологические программы выявляют не только трудности и пределы предшествующей программы, но и новые проблемные ситуации, находят новые методы в качестве ядра исследовательской, а затем и методологической программы <...> изучение истории методологии науки не может ограничиваться только философским уровнем методологии, необходимо проанализировать различные уровни специальной методологии, в том числе и методологический “здравый смысл” научного сообщества <...> Между уровнями методологии и методологическим сознанием ученых — временной лаг, когда реальная исследовательская работа осуществляется в соответствии с другими методами и образцами, а методологическое сознание ученых отдает приоритет прежним методам, догматизируя методы, выбранные в качестве приоритетных, рутинизирует их, а нередко и выхолащивает их содержание»³²⁹.

«Предельной онтологией» для методологии выступает *мышление* (предельная онтология репрезентирует основную реальность, способы ее представления, процедуры конституирования идеальных объектов; например, для естествознания это *природа, математические положения, естество-*

ской или методологической

По поводу же приведенной цитаты стоит отметить, что в других своих работах Щедровицкий подчеркивал, что продуктом методологии являются не знания, а проекты и схемы.

³²⁹ Там же. С. 228, 240.

ственнонаучный эксперимент)³³⁰. Понятие предельной онтологии приходится вводить, чтобы объяснить специфику разных типов наук и философских систем. Например, если для естественных наук основная реальность – это реальность природы, то для гуманитарных – история, дух, культурный диалог. Для Платона основная реальность – идеи, а для Аристотеля – сущности. Дальше можно провести различия и по другим параметрам: языкам конструирования идеальных объектов (например, математика для естествознания и схемы для гуманитарных наук), а также соотношению модальностей естественного и искусственного. В замысле методологии Ф. Бэкона, а потом и в первой программе ММК мышление полагалось как основная реальность; предполагалось, что его можно изучать наподобие исследования явлений природы, выявляя закономерности, на основе которых можно построить эффективные методы мышления в разных науках и практиках. То, что при этом приходилось мыслить мышление в рамках самого мышления, хотя и осознавалось, но практически не обсуждалось³³¹.

Интересно сравнить понимание мышления Щедровицким и Огурцовыми.

Вероятно, первое естественнонаучное образование Щедровицкого, да и общий дух эпохи (речь идет о конце 1950-х – начале 1960-х гг.) предопределили его отношение к мышлению. Марксистская идея историзма сохраняется, изучение мышления понимается в значительной мере как исследование по

³³⁰ См.: Розин В.М. Мышление: сущность и развитие. Концепции мышления. Роль мыслящей личности. Циклы развития мышления. М., 2014. С. 13–27. Кроме того, предельная онтология должна задавать язык (языки) конструирования идеальных объектов. Указывать на решение вопроса об отношении естественного и искусственного (например, в гуманитарной науке это отношение другое, чем в естествознании: здесь, с одной стороны, исследователь привносит свои ценности в изучаемый объект, с другой – допускает активное воздействие последнего на себя; известные идеи *диалога и взаимодействия двух духов – познаваемого и познающего* М.М. Бахтина). Наконец, предельная онтология задает структуру изучаемой в данной науке предметности (понятия «Механизм», «Деятельность», «Коммуникация», «Культура», «Личность» и др.).

³³¹ Если в философии предельная онтология опознается как бытие, то в методологии – как мышление. Но противоречия здесь нет, поскольку, начиная с Парменида и Платона, утверждается, что достигнуть правильного бытия можно лишь правильно мысля.

образцу естественной науки. Формулируются тезисы, что логика — это эмпирическая наука, а мышление — это процесс и мыслительная деятельность, которые подлежат моделированию и теоретическому описанию. Одновременно речь шла о логике. Обе эти установки вылились в идеи исторического анализа мышления, в требование рефлексии собственного мышления и логического контроля исследований, которые велись в этот период. Под влиянием работ Л.С. Выготского, а также Ф. Соссюра мышление трактуется Щедровицким и семиотически: он утверждает, что мышление представляет собой замещение объектов знаками и действия со знаками, позволяющими раскрывать и создавать содержание мысли и решать задачи³³².

Переход к построению теории деятельности (вторая программа ММК) существенно повлиял и на понимание мышления. Источником знаний о мышлении участники Московского методологического кружка стали считать *не его изучение, а собственную мыслительную работу*. По-новому концептуализированное мышление теперь получает название «методологическое мышление», причем Щедровицкий считает методологию исходной и основной формой мышления, предшествующей даже научному мышлению. Объясняя в 1971 г. на лекциях, что такое методология, Щедровицкий пишет. «Методология как раз и возникает потому, что мы обращаем внимание на сами возможности действования и начинаем их формировать <...> Утверждается, что *существует особое, методологическое мышление*, которое движется не только в картинах объектов и протекающих в них процессов, но одновременно и во втором пространстве — *пространстве самой деятельности, соптнося друг с другом эти пространства и устанавливая между ними особые отношения*»³³³.

Меняется и профессиональное самосознание участников ММК: не содержательная логика, а именно методология,

³³² Щедровицкий Г.П. О различии исходных понятий «формальной» и «содержательной» логик // Щедровицкий Г.П. Избр. труды. С. 44, 49.

³³³ Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. М., 2005. С. 58. При таком понимании методологии получалось, что разработка и изучение деятельности одновременно должна решать и задачу разработки мышления, ведь реализация методологического мышления предполагает, по Щедровицкому, также анализ и контроль за процедурами методологического мышления.

призванная реформировать существующее мышление и интеллектуальные практики (науку, педагогику, инженерию и др.)³³⁴. Методолог видит свое назначение (миссию), с одной стороны, в *перестройке и реформировании неудовлетворительных форм и способов мышления* (приводящих к противоречиям, неудовлетворительных с точки зрения эпистемических идеалов, перестающих употребляться), с другой – в *построении способов мышления, позволяющих решать принципиально новые проблемы и задачи*.

Щедровицкий показывает, что методологическое мышление развертывается под влиянием ряда факторов: рефлексии, «испорченности» методолога (т.е. наличных его ценностей, способностей и представлений), коллективной методологической работы и коммуникации с другими, собственно деятельности конструктивного типа, в которой большую роль играют схемы и проекты, наконец, вызовов времени (и проблем), на которые методолог пытается ответить³³⁵. В совокупности эти представления можно считать *второй концепцией мышления*.

Важно, что в обеих концепциях мышление понимается как единое законосообразное явление, а его отдельные виды

³³⁴ «Методология есть новая форма организации мышления и деятельности, стоящая над наукой и задающая “общую шапку” для всех других видов мышления и деятельности <...> В науке есть схема объекта. И грамотные учёные (получившие школу) умеют работать по прототипам. Методология экстериоризует эту деятельность, выносит ее, описывает и фиксирует. А, следовательно, для методолога его собственная методологическая деятельность и его мышление выступают еще как внеположенный объект. Он не задает объект и не задается объектом. Это – его собственная деятельность. И он может работать со своей собственной деятельностью как с конструктом: он там, на схеме, что-то переменит, задаст новые направления, другие связи процессов, а после этого осуществит. Итак, методолог (в отличие от учёного) – это человек, который работает над собственной деятельностью и собственным мышлением, меняя их, трансформируя, создавая новые формы – сначала в мысли, а потом в реализации. На мой взгляд, в этом суть дела» (На досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого. ШКП. М., 2004. С. 131, 184–185).

От себя спрошу, что значит положить мышление как объект? Если речь идет о чужом мышлении, это более или менее понятно, хотя и здесь проблема: можно ли избежать отождествления изучаемого мышления со своим? Но если как объект полагается собственное мышление, то как это возможно, хотя, замечу, в рефлексии это постоянно происходит. Но, возможно, в рефлексии, хотя мы и полагаем мышление как объект, оно таковым не является.

³³⁵ См. подробнее: Розин В.М. Научные исследования и схемы в Московском методологическом кружке. М., 2001. С. 175–266.

(проектное мышление, гуманитарное, социальное у разных мыслителей и т.д.) — как варианты и реализации общих структур и норм мышления как такового. По сути, такое понимание было обусловлено истолкованием мышления в первой программе в рамках семиотики и истории, во второй — теории деятельности. Идея законосообразности мышления, конечно, противоречит понятию «методологическое мышление»: законосообразное мышление наподобие явления природы должно существовать независимо от методолога, а методологическое мышление, напротив, создается именно методологом. Но это противоречие реальное, обусловленное разными, действительно мало совместимыми, подходами к мышлению в работах Щедровицкого и ММК. Задержимся на этом моменте и посмотрим, как эта проблема обсуждалась Щедровицким.

Создатель ММК ясно осознает, что онтологические представления об изучаемых объектах он порождает сам, приписывая этим объектам на методологических схемах определенные характеристики. При этом чуть ли не главную роль в этой процедуре, считает Щедровицкий, играют средства и представления методолога. Но в отличие от Канта он не считал их априорными: одни из них обусловлены воспитанием, другие собственными ценностями, третьи были выработаны в процессе решения задач и проблем, т.е. получены в опыте жизни.

«Объект как особая организованность, — пишет Щедровицкий, — задается и определяется не только и даже не столько материалом природы и мира, сколько средствами и методами нашего мышления и нашей деятельности»³³⁶.

«Осуществляется полный отказ от описания внешнего объекта. На передний план выходит рефлексия, а смысл идеи состоит в том, чтобы деятельно творить новый мыследеятельный мир и вовремя его фиксировать, — и это для того, чтобы снова творить и снова отражать, и чтобы снова более точно творить. Поэтому фактически идет не изучение внешнего объекта, а непрерывный анализ и осознание опыта своей работы»³³⁷.

³³⁶ Щедровицкий Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодеятельностного подходов // Щедровицкий Г.П. Избр. труды. С. 154.

³³⁷ Щедровицкий Г.П. Методологическая организация сферы психологии // Вопросы методологии. 1997. № 1–2. С. 124.

«Система методологической работы создается для того, чтобы развивать все совокупное мышление и совокупную деятельность человечества <...> напряжение, разрыв или проблема в мыследеятельности не определяют еще однозначно задачу мыследеятельности; во многом задача определяется используемыми нами средствами, а средства есть результат нашей “испорченности”, нашего индивидуального вклада в историю, и именно они определяют, каким образом и за счет каких конструкций будет преодолен и снят тот или иной набор затруднений, разрывов и проблем в деятельности»³³⁸.

Однако Щедровицкий понимает, что претензии на познание предполагают специальные процедуры, позволяющие утверждать, что построенные методологические схемы являются не просто игрой ума методолога, а именно моделями и знаниями в отношении действительности. «Называя деятельность системой и полиструктурой, — объясняет Щедровицкий, — мы стремимся задать “категориальное лицо” научных предметов, в которых она, по предположению, может быть схвачена и адекватно описана. Это определение, следовательно, нельзя понимать непосредственно объектно: говоря, что деятельность есть система, мы характеризуем в первую очередь *наши собственные способы анализа и изображения деятельности*, но при этом хотим, чтобы они соответствовали изучаемому объекту, но опосредованно — через *научный предмет*»³³⁹.

Как можно здесь понять фразу — «но опосредованно — через научный предмет»? Думаю, так. Да, деятельность — это в первую очередь собственные способы работы Щедровицкого, но нужно, чтобы они соответствовали изучаемому объекту. Выход указал еще Маркс, утверждая, что его прогноз о смене капиталистической формации на социалистическую построен со всей строгостью точной науки, что за ним стоит закон исторического развития общества. Сходно мыслит и Щедровицкий: чтобы наши собственные способы анализа и изображения изучаемого объекта были ему адекватны, говорит он, нужно эти способы подчинить норме научной деятельности (которую Щедровицкий называет «научным пред-

³³⁸ Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Там же. С. 112.

³³⁹ Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теорий деятельности // Щедровицкий Г.П. Избр. труды. С. 245.

метом», содержащим такие эпистемологические единицы как «проблемы», «задачи», «онтология», «модели», «факты», «знания», «методики», «средства выражения»³⁴⁰). Щедровицкий уверен, что исследование, соответствующее этой норме, позволяет схватить сущность изучаемого объекта, законы его формирования.

А если это не так? Кстати, опыт Маркса, да и самого Щедровицкого, конкретные методологические программы которого (в семиотике, педагогике, дизайне, психологии) оказались неудачными и не были приняты учеными, показал, что выявить нужные законы не так-то просто. Кроме того, даже если такие законы выявлены, не факт, что они будут действовать в условиях современности.

Совершенно другие представления о мышлении мы видим у Огурцова. Для него мышление — это многообразное поле разных конкретных видов мышления. Создание общей теории мышления, так же как и других мыслительных средств (например, схем и концептов) для Огурцова проблематично, и если возможно, то только после описания основных конкретных видов мышления. Отсюда и задача методологии: не создание общей теории мышления (соответственно, схемологии и концептологии), а проблематизация и анализ отдельных, эмпирических видов мышления с принципиальной установкой — удержать специфику этих явлений. С точки зрения этой концептуализации мышления, можно объяснить замечание к моей статье, сделанное Александром Павловичем.

«Детальное описание многообразных типов схем, — пишет он, — используемых в наши дни (психологических, проектных, направляющих, методологических, технологических и др.) и их разных функций, приводит Розина к выводу о необходимости создания «схемологии» — самостоятельной гуманитарной научной дисциплины, близкой к семиотике и выполняющей функции, аналогичные математике в естествознании. Принимая его описание многообразных схем, не могу согласиться ни с предложением о создании новой научной дисциплины — схемологии, ни с определением ее функций. Аналогичным образом не могу согласиться и с предложением В.П. Макаренко о создании новой научной дисциплины — концептологии. Дело не столько в несвоевременности такого рода предложений, поскольку еще далеко не полностью описано все многооб-

³⁴⁰ Там же. С. 246.

разие концептов и схем, сколько в том, что формирование научной дисциплины закрывает перспективы для осознания методологической функции и концептов, и схем. Подобная схематизация различных типов концептов и схем фиксирует их использование для ряда эпистемических целей, от замещения идеальных объектов научной теории до коммуникации со своими приверженцами и оппонентами, но не позволяет отделить первичную функцию от производных, нехарактерных для них. В этом описании многообразных типов концептов и схем и их функций утрачиваются их главенствующие тип и функции — быть выражением авторской инновации, для схемы — быть первым шагом в ее переходе к признанию микросообществом и научным сообществом»³⁴¹.

Подчеркивая, что преждевременное построение теории мышления (теории схем) «не позволяет отделить первичную функцию от производных, нехарактерных для них», Огурцов хочет сказать, что обобщение и построение идеальных объектов теории, объясняя одни конкретные феномены (те, которые уже были проанализированы), закрывают для исследования другие, еще не проанализированные, и число вторых может оказаться значительно больше, чем первых.

Есть еще одна особенность истолкования мышления Огурцовым. Он рассматривает его вместе с мыслящими индивидами, а также направлениями мысли. Отсюда такой интерес к анализу и схематизации разных направлений мышления и мышления отдельных авторов. Огурцов не спешит обобщать и строить теорию интересующих его случаев и типов. Напротив, он как бы хочет сказать: наибольший интерес, позволяющий понять и сущность явлений, именно в этих разных и непохожих друг на друга случаях. Мало того, подобный же подход и тенденции Огурцов усматривает в научном изучении истории, а также в методологии истории. В результате он формулирует задачу изучения истории именно в этом же ключе.

«Однако, — пишет Огурцов, — общую тенденцию в развитии “новой исторической науки” можно зафиксировать — это движение от серийных процессов “большой длительности” к микроситуациям и микрособытиям, от глобальных процессов становления цивилизаций (феодализма у М. Блока, капитала

³⁴¹ Огурцов А.П. Генетическая методология и переход от индивидуальной инновации к ее общезначимости // Методология науки и антропология. М., 2012. С. 54–55.

лизма у Ф. Броделя) к описанию “обычного человека” в конкретных общинах, группах и ситуациях (средневекового человека у Ж. Ле Гоффа, “казусов” у Ю.Л. Бессмертного). Это движение совпало с тяготением социальных наук (не только истории) к case studies, к изучению конкретных случаев, к монографическому и целостному описанию уникальных событий»³⁴².

Поппер подчеркивал, «что в исторической науке существует многообразие интерпретаций множества исторических фактов, поэтому существует множество историй и не может существовать какой-либо единственной интерпретации совокупности фактов»³⁴³. Кто-то может возразить, сказав, что так обстоит дело в истории, что это такой объект. Ну, отчасти это так, но значительно важнее, что здесь Огурцов реализует определенную методологию изучения, в результате которой и возникает плюрализм историй.

«Метафизика истории, — пишет он, — по-моему, должна мыслиться иначе: прежде чем ее “конструировать”, следовало бы осмыслить онтологические схемы, лежащие в основании различных исторических описаний и концепций истории (Щедровицкий в споре с Огурцовым мог бы возразить: в основании этих различных исторических описаний и концепций лежит *единая мыследеятельная реальность* истории; у вас просто, Александр Павлович, нет соответствующих средств, чтобы это увидеть. — *B.P.*), стыкуются ли между собой или нет те “идеальные объекты”, из которых они исходят, проанализировать взаимоотношения между различными предметными областями различных исторических наук (историческая наука — одна, опять бы возразил Щедровицкий. — *B.P.*). Онтология истории, на базе которой может быть воздвигнута метафизика истории, является не спекулятивным знанием о цели и смысле человеческой истории (почему же нет, сказал бы Щедровицкий, их задает реальность мыследеятельности. — *B.P.*), а аналитикой тех “реалий”, которые явно или неявно вводятся в историческое знание историками <...> Методолог истории должен осознать плюрализм как методов, так и вводимых историками реалий, невозможность соединения “идеальных объектов” в одной онтологической схеме

³⁴² Огурцов А.П. От методологии истории к метафизике истории // Наука: от методологии к онтологии. М., 2009. С. 197.

³⁴³ Там же. С. 226.

(только не в схеме мыследеятельности, опять не согласился бы Щедровицкий. – *B.P.*) и альтернативность тех онтологий, из которых исходят разные исторические концепции»³⁴⁴.

Подход Огурцова можно охарактеризовать как «коммуникационный». Он осуществляет сборку разных концепций и теорий, но не в онтологической плоскости (создавая тем самым новую теорию, снимающую остальные), а в плоскости собственного дискурса, в пространстве, где спорят между собой эти разные концепции и точки зрения.

Что это за пространство? Возможно, пространство философской и научной коммуникации, но, без сомнения, пространство и реальность Александра Огурцова. лично для меня последняя реальность не менее значима, чем общефилософская, представленная в словарях и учебниках в качестве мейнстрима философской мысли. В современной же ситуации кризиса философии и перехода даже более значима.

Обычно считается, что если мыслитель отвечает на объективные вызовы времени, то он действует не субъективно. Но мой друг и многолетний оппонент Андрей Андреевич Пузырёв утверждает, что на первом месте в творчестве всегда стоят личные задачи. Другое дело, работают ли они объективно на существующие вызовы времени. Творчество Александра Павловича подтверждает тезис Пузырея. Рассмотрим в связи с этим его статью «Генетическая методология и переход от индивидуальной инновации к ее общезначимости».

В этой статье Огурцов обсуждает понимание и употребление концептов, схем, символических форм и схематизмов сознания у разных авторов (Ж. Делёза, Розина, Платона, Аристотеля, Ф. Бэкона, Л. Блауштайна, Э. Кассирера, Г. Вёльфлина, Ж. Пиаже) и в разных направлениях философской и научной мысли. Для каждой из указанных авторских концептуализаций он дает очень точные, иногда краткие, иногда развернутые характеристики. Может показаться, что это просто эмпирическое описание множества концептуализаций. Но ведь их схематизация, без которой нельзя обойтись, предполагает использование определенных «рамок» (тех же концептов и

³⁴⁴ Там же. С. 231. На предполагаемые возражения Щедровицкого Огурцов мог бы выдвинуть контраргументы, указав, что существуют неисторические периоды «истории», что основные известные нам истории очень разные, что мыследеятельность – это не построение Щедровицкого, а демиург и разум, задающие цели и смысл истории.

схем, но в особом употреблении). И действительно Огурцов задает такие рамки, как в названии статьи, так и в ее первой части. Например, он пишет, что «концепт и является той эпистемологической характеристикой, которая позволяет понять авторское начало в произведениях ученого, осмысливать мотивацию его деятельности и смысл, вкладываемый в ту или иную инновацию»³⁴⁵. Или «важно не подменить коммуникативную функцию схем, позволяющих в упрощенном виде представить исследуемое многообразие (заметим, не объект изучения, а многообразие. — В.Р.), их производной и неспецифичной функцией — будь то онтологической презентацией понятий и идеальных объектов теории, будь то способами описания результатов когнитивной деятельности»³⁴⁶. Можно, конечно, сказать, что это просто гипотезы, которые дальше в статье Огурцова разъясняет и иллюстрирует на материале разных авторских концептуализаций. Но можно эту работу увидеть иначе: Огурцов, задав указанные рамки, решает, прежде всего, свои собственные задачи, а именно, старается понять различие схем и концептов, в чем их сущность, обосновать и продемонстрировать положение, по которому как раз за счет построения концептов и схем можно объяснить переход от видения и творчества мыслителя (индивида) к общезначимым философским, научным и онтологическим представлениям. Другое дело, что данные личные задачи Огурцова могут быть действительно истолкованы как важные задачи современной философии науки и эпистемологии (в данном случае такое совпадение налицо, но как часто его нет). Можно сказать и иначе: мыслитель эффективен тогда, когда выслушивает вызовы современности, отвечая на них решением собственных задач.

Генетическая методология в этой статье Огурцова, да и в той, которую мы рассматривали выше («От методологии истории к метафизике истории») обсуждается методологически, т.е. дискурс явно методологический. Действительно, анализируются разные авторы и их подходы; осуществляется схематизация и распредмечивание их взглядов и понятий

³⁴⁵ Огурцов А.П. Генетическая методология и переход от индивидуальной инновации к ее общезначимости. С. 13.

³⁴⁶ Там же. С. 16. Разъясняя эту характеристику схем, Александр Павлович ссылается на мою книгу «Введение в схемологию», педалируя ее главные положения под углом подтверждения выдвинутой им гипотезы.

(например, понятий «схема», «концепт», «ментальность», «модель», «онтология» и др.); формулируются парадоксы и оппозиции в мышлении разных авторов. Например, следующие. «Дискуссия о дедуктивно-номологических, охватывающих законах как основной характеристике исторического объяснения развернула панораму различных методологических позиций, высказанных К. Гемпелем, и У. Дреем, и их оппонентами. В споре, начатом в 40-х гг. прошлого века и не закончившемся и в наши дни, были обсуждены многообразные проблемы процедур исторического знания. Однако в ходе этого спора никто не заметил того, что спорящие стороны исходят из разных онтологий, что предлагааемая ими методология объяснения в исторической науке коренится в разных онтологических схемах. Если К. Гемпель говорил об объяснении исторических событий, то У. Дрей – об объяснении действий индивидуального исторического деятеля. И хотя в историческом процессе событие, конечно, связано с действием исторического индивида, или исторических индивидов, все же их онтология принципиально различна: одна касается безличных событий и коренится в социологии, а другая – действий индивида, его рациональных мотивов, планов и целей, будучи ветвью гуманитарной науки»³⁴⁷. На мой взгляд, данный нарратив представляет собой яркий пример методологического дискурса.

В методологии, во всяком случае отечественной, различаются два ее подразделения – «общая методология», где обсуждаются такие представления как «мышление», «наука», «понятия», «развитие» и другие, необходимые для методологического сопровождения и обслуживания конкретных научных дисциплин и практик, и «частная методология», специализирующаяся как раз на методологическом сопровождении и обслуживании. Большая часть методологических работ Огурцова, на мой взгляд, относится именно к частной методологии. Но Александр Павлович выполнил интересные работы, которые вполне можно отнести и к общей методологии. Одна из последних – трехчастное фундаментальное исследование «Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы», которое еще ждет своих читателей и комментаторов.

³⁴⁷ Огурцов А.П. От методологии истории к метафизике истории. С. 182–183.

Кроме того, Огурцов, вероятно, понимал общую методологию не так, как Щедровицкий и ваш покорный слуга. Для Огурцова методологический анализ конкретных дисциплин (в плане их проблем, подходов, строения понятий и пр.) — это не просто эмпирическое изучение конкретных видов мышления. Одной из центральных философских интенций этого изучения для него выступает выявление и обсуждение *универсалий*, понимаемых, конечно, не в средневековом ключе, а в современном, осмысленном и возобновленном С.С.Неретиной вместе с Огурцовым в книге «Пути к универсалиям» (2006). Учитывая эту интенцию, методологические исследования Огурцова необходимо отнести, прежде всего, к общей методологии, а точнее — к философскому учению о бытии и мышлении.

И.И. Мочалов

**В.И. ВЕРНАДСКИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ
АЛЕКСАНДРА ОГУРЦОВА**

Приобщение к наследию В.И. Вернадского

Начало предметного, по первоисточникам, знакомства Александра Огурцова (*АО*) с наследием В.И. Вернадского приходится на 1950–1960-е годы, время его работы в журнале «Вопросы философии». Особо должен быть отмечен 1965 год. В этом году впервые публикуется главная книга Вернадского «Химическое строение биосфера Земли и её окружения» — его «завещание потомкам», как её называл сам автор. Книга, наряду с другими трудами русского классика, начинает активно осваиваться *АО*. В то же время он обращается к самостоятельным архивным изысканиям, в частности, знакомится с хранящимися в Архиве АН СССР собраниями картотек, заметок, выписок Вернадского по истории российской и мировой науки, а также, что самое важное, рукописями его философских и историко-научных очерков и статей.

Эта увлечённость сохраняется после перехода *АО* из редакции журнала в Институт истории естествознания и техники АН СССР (РАН), а затем в Институт философии АН СССР, позже — РАН (1988–2014 гг.). Сегодня можно с уверенностью утверждать, что до конца жизни *АО* Вернадский оставался в поле его историко-научных и философских интересов, о чём

свидетельствуют, в частности, ссылки *AO* на труды классика, опубликованные в двух выпусках его «Очерков и речей» (1922 г.), «Биогеохимических очерках» (1940 г.), шеститомном «Собрании сочинений» (1954–1960 гг.).

Некоторые аспекты этих интересов *AO* заслуживают быть отмеченными специально.

Пересечения с И.В. Кузнецовым и Б.М. Кедровым

В 1977 г. в издательстве «Наука» впервые выходит отдельным изданием монография Вернадского «Научная мысль как планетное явление». Выходит, по условиям того времени, со значительными, сегодня можно сказать – варварскими, купюрами, но – главное – всё-таки издаётся, а значит, доходит до заинтересованных в ней читателей, к коим, понятно, в числе первых принадлежал *AO*. Книгу сопровождали два послесловия: первое – значительная по объёму статья И.В. Кузнецова «Естествознание, философия и становление ноосфера» – статья-размышление, статья-исследование, захватывающая читателя с первых строк и до конца держащая его в напряжении; второе послесловие – краткий (две с половиной страницы текста) очерк Б.М. Кедрова «К вопросу об эволюции мировоззрения В.И. Вернадского», сугубо фактологический, дополняющий исследование Кузнецова.

Нет сомнений, что вслед упомянутому «Химическому строению биосферы Земли и её окружения» книга Вернадского «Научная мысль как планетное явление» заняла в домашней библиотеке *AO* почётное место. Но вряд ли кто мог предполагать, что автор скромного очерка – Кедров, старший товарищ и коллега *AO*, станет одним из «виновников» существенного расширения и обогащения историко-научных и философских поисков *AO* на ниве вернадо- и ноосфероведения.

О двух эпиграфах к монографии Александра Огурцова

Спустя немногим более одного десятилетия после выхода в свет «Научной мысли как планетного явления» Вернадского, советское академическое издательство публикует фундаментальное монографическое исследование *AO* «Дис-

циплинарная структура науки. Её генезис и обоснование». В аннотации (её автором, очевидно, был сам АО) говорилось: «Книга посвящена проблемам становления и развития научной дисциплины. Автор *объясняет* генезис дисциплинарного расчленения наук *функционированием* науки в системе образования. В этой связи проводится различие между отдельными формами систематизации знания (мифом, теорией, научной дисциплиной и исследовательской областью), рассматриваются исторические формы обоснования дисциплинарного знания в античности, средних веках, новое время»³⁴⁸.

Книгу предваряли два эпиграфа. Первый — скромное четверостишие:

«Дважды два четыре — верно,
Но давно неинтересно,
Я хочу узнать такое,
Что сегодня неизвестно.

В.Буш»³⁴⁹

В конце книги в списке литературы автором указывался источник эпиграфа: *Busch W. Schein und Sein. Insel*, 1952. S. 28³⁵⁰. Перевод с немецкого названия книжки (или брошюры? — в «Ленинке» она отсутствует) «Видимость и бытие», или «Иллюзия и действительность», однозначно говорил о серьёзности, пожалуй, даже «философичности» её содержания. В известной мере четверостишие это подтверждало: многократно повторяемая «простаястина» со временем неизбежно становится банальностью, перестаёт возбуждать пытливость исследователя, и только ещё не познанное толкает разум вперёд, потому что он «хочет узнать такое, что сегодня неизвестно».

«Можно сказать, — рассуждал Гегель, — что познание начинается вообще с чего-то такого, что *неизвестно*, ибо с тем, что нам уже знакомо, нечего знакомиться. Но верно и обратное: познание начинается с *известного*; это — тавтологическое предложение; то, с чего оно начинает, то, сле-

³⁴⁸ Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. М., 1988. С. 2. Курсив мой.

³⁴⁹ Там же. С.3. Четверостишие из ч. I гл. 10 § 1 книги К.Поппера «Предположения и опровержения» (М., 2004).

³⁵⁰ Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки. С. 247.

довательно, что оно действительно познаёт, есть именно благодаря этому нечто известное; то, что ещё не познано и должно быть познано лишь впоследствии, есть ещё нечто неизвестное. Постольку мы должны сказать, что познание, если только оно уже началось, всегда движется от *известного к неизвестному*»³⁵¹.

Идея проблемности знания как процесса, представленная читателю в дискурсе Гегеля, десятилетия спустя была воплощена в четверостишии его современника Вильгельма Буша (1832–1908), живописца и графика, поэта, автора стихотворных миниатюр и юмористических сказок для детей, о котором Альберт Эйнштейн однажды отзывался как об «одном из величайших мастеров стилистической точности, которому в этом отношении в немецком языке, кроме, может быть, Лихтенберга, нет равных»³⁵².

Второй эпиграф — вполне прозаический, связанный непосредственно с монографией АО. Взят он автором из книги Вернадского «Научная мысль как планетное явление»: «В наше время рамки отдельной науки, на которые распадается научное знание, не могут точно определять область научной мысли исследователя, точно охарактеризовать его научную работу. Проблемы, которые его занимают, всё чаще не укладываются в рамки отдельной, определённой, сложившейся науки. Мы специализируемся *не по наукам, а по проблемам*»³⁵³.

На этом второй эпиграф заканчивается, а в книге, развивая свою мысль, Вернадский утверждает: «*Проблемы, вышедшие за пределы одной науки, неизбежно создают новые области знания, новые науки*, всё увеличивающиеся в числе и в быстроте своего появления, характеризуя научную мысль XX столетия»³⁵⁴.

³⁵¹ Гегель. Соч. Т.6.М., 1939. С. 252. Курсив мой.

³⁵² Цит. по: Буш Вильгельм. Истории для детей в стихах и картинках. М., 1994. С. 271.

³⁵³ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М., 1977. С. 89. Курсив мой.

³⁵⁴ Там же. Курсив мой.

Концепт «передний край науки»

Есть основания предположить, что эти (или им аналогичные) размышления Вернадского стали важным источником, стимулировавшим обращение *АО* к концепту «Передний Край Науки (Научных Исследований)». Развернём его словами самого *АО*. На мой взгляд, это — классика.

«Существует принципиальное различие между организационными структурами переднего края научных исследований и трансляцией научных результатов в культуру. Постановка и решение научных проблем, научный поиск, многообразные варианты построения теоретических гипотез, выдвигаемых и опровергаемых в ходе научно-исследовательской работы (в ходе эксперимента, совместного обсуждения с коллегами и пр.) — всё это характеристики переднего края научно-исследовательской деятельности. Здесь существует множество исследовательских групп, каждая из которых предлагает свою методику решения проблемы, по-своему ставит и расчленяет научную проблему, вырабатывая, в конце концов, специфические методы анализа и своеобразную концептуальную схему, в дальнейшем развёртывающуюся в исследовательскую программу <...>

Передний край науки можно представить в виде разветвляющегося дерева исследований, каждая ветвь которого может дать ростки новых проблем, стать точкой роста новых проблемных исследовательских областей. Передний край научных исследований предполагает существование единой системы отсчёта для каждого из последующих уровней. Для проблемных областей такую систему координат задаёт исследовательская область, для исследовательских областей — специальность, для специальностей — научная дисциплина. Следует обратить внимание на то, что проблемная область не совпадает с исследовательской областью, поскольку проблемы могут быть заданы извне и не получить адекватной формулировки на языке науки. Лишь благодаря формированию исследовательской программы складывается соответствующий язык, принимаемый исследовательской группой, и проблема превращается в задачу, поддающуюся решению научными методами. Проблемная и исследовательская области не тождественны области действительности. Ведь область действительности может перестать существовать, но

быть предметом исследования, например исторического. В свою очередь, исследовательская область может прекратить своё существование, но это не означает, что исчезла область действительности. Ряд аспектов исчерпания и вымирания исследовательских областей проанализированы в концепциях “финализации” науки (Ван ден Деле, Г. Бёме, В. Крон и др.).

<...> Передний край науки — это весьма динамичный, мобильный и подвижный уровень организованности науки. Его динамичность объясняется, прежде всего, тем, что его ядром была, есть и будет научно-исследовательская деятельность, постановка и решение научных проблем, сменяющихся и развивающихся в процессе познания.

Знание, функционирующее на переднем крае науки, носит гипотетический, правдоподобный характер <...>. Оно здесь оценивается по его эффективности, а не по истинности <...> Лишь позднее, при формулировке исследовательской программы, создаются возможности не только для систематизации достигнутого знания, для построения когнитивных систем, но и для проверки их на истинность <...> Атмосфера драмы людей и идей присуща переднему краю науки, противоборства и конкуренции исследовательских программ»³⁵⁵.

Генетическая связь между концептами «новые области знания» (Вернадский, 1977 год) и «передний край науки» (Огурцов, 1986 год) очевидна, лежит на поверхности. На переднем крае науки, точнее будет сказать, — «передних краях наук», работал практически всю жизнь энциклопедист Владимир Вернадский; в «новые области знания» также всю жизнь, без устали вторгался энциклопедист Александр Огурцов. Обоих, скорее всего в сопоставимо и примерно равной мере, неотвратимо и мощно привлекали к себе «свои» поля проблем. В этом контексте творческое наследие Вернадского уже начинает изучаться, что же касается наследия Огурцова, то здесь первые шаги в этом направлении еще предстоит сделать. Насколько интересные и, безусловно, злободневные «тексты» ожидают будущих исследователей, философов, историков науки, науковедов, можно убедиться на следующем примере.

³⁵⁵ Огурцов А.П. Глава IV. Уровни дисциплинарной организации науки и взаимодействия между учёными. §3 / Дисциплинарная и проблемная организация науки // Дисциплинарность и взаимодействие наук. Отв.редакторы Б.М. Кедров, Б.Г. Юдин. М., 1986. С. 113–115, 117–119, 121.

Александр Огурцов: заключительная часть монографии 1988 г.

Научная дисциплина может быть охарактеризована как определенная форма *систематизации научного знания*, связанная с *институализацией* знания, с осознанием *общих норм и идеалов* научного исследования, с формированием *научного сообщества*, специфического типа научной литературы (обзоров и учебников), с конкретными *формами коммуникации* между учеными, с созданием функционально автономных организаций, ответственных за *образование и подготовку кадров*.

Существует *принципиальное различие* между структурами *переднего края* научных исследований и *трансляции научного знания в культуру*, которая обеспечивается, прежде всего, *дисциплинарными механизмами*. На переднем крае науки есть множество *исследовательских групп*, каждая из которых предлагает *свою методику* решения проблемы, вырабатывает *специфические* методы анализа и *концептуальную схему*, в последующем развертывающуюся в *исследовательскую программу*. Передний край науки организован *проблемно*. Это означает, что знание здесь функционирует *иным образом*, чем там, где речь идет о *передаче* полученных результатов последующим поколениям, т.е. в *дисциплинарной* организации научного знания. На переднем крае науки ядром когнитивной организации является проблема, а не решение, вопрос, а не ответ, *деятельность*, а не изложение уже найденного решения в готовых формах. Если *исследователь* занят открытием еще не известных феноменов и охотно ставит под сомнение многое из того, что считает вполне установленным, то *преподаватель* следует программе, установленной не им самим, имеет склонность к догматизму, стремясь придать окончательную форму состоянию динамическому, изменчивому.

Парадигматизация научной теории — один из путей превращения результатов деятельности исследовательской группы в *социально признанное знание*, та промежуточная форма трансляции достигнутых знаний в культуру, благодаря которой осуществляется взаимодействие между передним краем науки и системой образования, между проблемной и дисциплинарной организацией науки.

Дисциплинарная организация науки оказывается тем каналом, который обеспечивает социализацию достигнутых результатов, превращая их в *научные и культурные образцы*, в соответствии с которыми строятся учебники, излагается *и передается знание в системе образования*. Формирование и развитие дисциплинарной структуры науки связаны с процессами когнитивной институализации результатов работы исследовательской группы и созданной теории в парадигму научного сообщества, с созданием учебника, принятием определенных инструкций, регулирующих учебный процесс, содержание преподавания и пр. Когнитивная институализация дополняется социальной институализацией, которая предполагает создание кафедр, факультетов, отделов, обеспечивающих социализацию новичков, их профессиональную подготовку и обучение.

Дисциплинарная организация знания выполняет различные функции – трансляции достигнутого знания в культуру, социализацию новых поколений, передачи идеалов и норм, признанных научным сообществом. Для исследователей переднего края науки дисциплинарный уровень является способом идентификации каждого из ученых с научным сообществом, формой отождествления себя и своих профессиональных занятий с социально признанной областью истинного знания. Дисциплинарная организация научного знания фиксирует определенный ценностно-нормативный порядок, обеспечивающий воспроизведение научного сообщества с помощью определенных норм, системы поощрений и санкций. Эта ценностно-нормативная система, отлагающаяся в дисциплинарном знании, транслируется с помощью специфических каналов коммуникации, присущих системе образования.

Между дисциплинарной структурой знания и передним краем научных исканий могут существовать и существуют различные несоответствия и расхождения, которые дают себя знать, например, в организации так называемых междисциплинарных исследований, в трудностях установления взаимного согласия между учеными разного профиля, работающих в междисциплинарной группе, в согласовании языков различных дисциплин, в формировании навыка к

коллективной работе в междисциплинарных лабораториях и исследовательских группах)³⁵⁶.

Тroe на переднем крае: К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский

Научные интересы К.Э. Циолковского охватывали множество проблем. Как пишет В.В. Казютинский, «наибольшее значение, помимо космонавтики, имеют его исследования по аэродинамике, ракетодинамике, теории самолета и дирижабля, космической медицине, социологии и футурологии. Космическая философия Циолковского — мировоззренческая система, включающая подробно разработанную метафизику и этику», в которой «синтезированы разнообразные системы западной (Платон, Демокрит, Г.В. Лейбниц, Г. Бюхнер и др.) и восточной, преимущественно эзотерической, мысли, что обусловило ее глубокую антиномичность». Вселенной Циолковский приписывал свойства, обычно рассматриваемые как атрибуты Бога. Богами же различных рангов Циолковский считал могущественных представителей космического разума — «президентов» планет, галактик, метагалактик («эфирных островов»). Исходным принципом он считал атомистический панпсихизм. Подлинными гражданами Вселенной он считал «атомы-духи», простейшие «существа», обладающие «чувствительностью», тогда как человек, подобно всякому животному, осуществлял «союз» таких атомов, живущих «в согласии» друг с другом. «Смысл» Вселенной Циолковский, по словам Казютинского, заложен «в стремлении материи к самоорганизации, возникновении высокоразвитых форм космического разума, способных к преобразованиям космоса», для освоения которого необходимо вмешательство в эволюцию вида *homo sapiens*, совершенствование биологической природы человека путем естественного и искусственного отбора»³⁵⁷.

Александр Огурцов был первым, кто еще в 1977 г. четко обозначил тему сравнительного анализа философских идей

³⁵⁶ Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. М., 1988. С. 244–245. Курсив мой. Об этом подробнее см. также: Дисциплинарность и взаимодействие наук. М., 1986. С. 91–132.

³⁵⁷ Казютинский В.В./// Новая философская энциклопедия. Т. IV. М., 2010. С. 336–337.

Циолковского и Вернадского в статье, опубликованной в «Трудах Десятых Чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К.Э. Циолковского». Мне неизвестно, были ли у *АО* последователи. Скорее всего, эта «первая ласточка» пока так и остается последней.

В 2011 г. в Петербурге выходит в свет в *трёх частях* фундаментальнейшее исследование Александра Павловича «Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы». Общий объём исследования – 1334 стр.; каждая из *отдельно изданных* частей располагает своим проблемным полем, опирается на свой историко-научный, концептуальный, историко-философский базис, пересекается с некоторыми, *ранее опубликованными* трудами *АО*, но отнюдь и никоим образом не повторяет их, а идёт дальше, обогащаясь и новым эмпирическим материалом, и новыми идеями и ходами мысли, что даёт все основания сопоставить этот труд *АО* с обращённым также к современникам и потомкам, упоминавшимся ранее «Химическим строением биосферы Земли и её окружения» Владимира Вернадского.

Не удивительно, что более 30 лет спустя (после 1977 г.) *АО* вновь возвратился к непростому, но столь притягательному «феномену Циолковского».

Судя по библиографическим сноскам, *АО* весьма основательно проработал не только опубликованные брошюры и статьи Циолковского, в то время уже достаточно хорошо известные, но также и его рукописные труды, хранящиеся в академическом Архиве (такие, как «Направление работ», «Разум и звезды», «Этика, или Естественные основы нравственности», «Что делать на Земле», «Наука и вера»). Что же касается Вернадского, то здесь *АО*, очевидно, было вполне достаточно уже опубликованных и освоенных им его трудов³⁵⁸.

Подзаголовок 8-й главы третьей части книги *АО* – «Космическая ориентация мировоззрения Циолковского» – с самого начала ставит *главную проблему* связей и, наряду с этим, существенных различий между философскими идеями Циолковского, с одной стороны, Вернадского – с другой. Анализ *АО* весьма тонок и заслуживает того, чтобы воспроизвести его как можно подробнее.

³⁵⁸ См.: Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы. Ч. III. С. 217–225.

Циолковский, отмечает *AO*, считал, что нельзя судить о жизни человека и животных, основываясь только на познании Земли. Он подчеркивал необходимость, прежде всего, космической точки зрения для решения и собственно научных проблем, и для перестройки науки на новых — негеоцентрических — основаниях, и для постановки новых философских, этических и социологических проблем. Космическая точка зрения, отмечает *AO*, «позволила Циолковскому по-новому рассмотреть и этические проблемы, охарактеризовать этап расселения человечества в космосе как способ достижения нравственного совершенствования, сформировать принципиальные идеи астросоциологии, определить смысл своих научных изысканий в области ракетной техники как поиск средств выхода человечества в космос и овладения им. Вселенская, космическая точка зрения дает новое видение фундаментальных философских, этических, познавательных проблем: этика наполняется космическим чувством и возвышается до уровня космической этики высокосовершенных, разумных существ, разум человека обретает новое измерение — “Разума Космоса”, становясь силой, воздействующей на Вселенную и перестраивающей ее в соответствии с образцами и “категорическими императивами” космической этики»³⁵⁹.

Космическая точка зрения привела Циолковского, отмечает *AO*, к пониманию разума как антиэнтропийной силы, как творческой силы, к осмыслиению жизни и разумной деятельности как важнейшего фактора эволюции Космоса, его восхождения к гармонии и совершенству. Это оптимистическое мировоззрение в противовес идеям конечности, смертности человечества и смерти Вселенной было движимо идеями бесконечного прогресса человечества и бесконечного развития Вселенной. Главное у Циолковского — понимание им активной, преобразующей, творческой силы Разума, приводящего Космос к совершенству и гармонии.

Последовательно и смело развиваемая, космическая точка зрения приводит Циолковского к утверждениям, что в «космосе, без сомнения, есть существа сложнее и совершеннее человеческих, что космос, в общем, *переполнен жизнью даже вышею, чем человеческая*»³⁶⁰. Признать-

³⁵⁹ Там же. С. 217.

³⁶⁰ Там же. С. 218. Курсив мой.

ся, не могу припомнить случаев похожих суждений у Вернадского, к тому же высказываемых в столь категоричной форме; кажется, максимум, на что Вернадский решался в своих фантазиях, — это допущение возможности *реального* существования за пределами Земли *человеческого* — и никакого иного — разума и сознания. Совершенно прав поэтому АО, отмечая, что этот «важнейший умозрительно-гипотетический мотив творчества Циолковского в *принципе был неприемлем для умонастроения Вернадского*»³⁶¹.

Существенно *общее* между Циолковским и Вернадским состоит в том, что для обоих характерна космическая ориентация в понимании мироустройства; однако если у Циолковского-философа система «Космос-Земля» *резко смещена* в сторону Космоса, то у Вернадского-ученого та же система является *внутренне сбалансированной*, уравновешенной, что особенно ярко проявилось в концепции *биосферы*, которая Циолковскому, не исключено, по сути своей вообще осталась мало известной. Рассуждения АО на этот счет чрезвычайно важны и никогда не теряют своей актуальности.

«Основной подход Вернадского, выраженный в его трактовке целей и предмета наук о Земле, заключается в постижении единства Земли и Космоса, в понимании того, что в земных условиях обнаруживается космическое, а космическое преломляется в земном. Космический подход определяет взгляд Вернадского на решающие проблемы естествознания, на место Земли и человека в Космосе. По его словам, для современных наук о Земле характерны представления о ней «как о космическом естественном теле, не случайному, но обусловленному макрокосмическим строением Космоса»³⁶².

Космический подход к явлениям жизни, синтетический, целостный взгляд на геохимические, биологические, биохимические процессы, происходящие на нашей планете, *не превратился у Вернадского в некую натурфилософскую схематику, а реализовался в конкретном, глубоко специальном исследовании биогеохимических проблем моря, земной коры, геохимическом анализе почв, газов, метеоритов, космической пыли, минералогии, геохимии*

³⁶¹ Там же. С. 217. Курсив мой.

³⁶² Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии: В 4 вып. М.; Л., 1934–1940. Вып. 1: Значение биогеохимии для познания биосферы. С. 8.

воды. Круг интересов Вернадского необычайно широк. И к каждой области своих научных интересов, оставаясь в ней глубоким специалистом, Вернадский применял этот целостный – космический – взгляд, позволивший ему по-новому увидеть проблематику научных дисциплин. Мысль о том, что “законы геохимии выходят за пределы планеты и правильнее было бы их назвать космохимическими”, глубоко обосновывается в одной из последних работ Вернадского³⁶³.

Разработанное Вернадским учение о биосфере коренится в понимании единства явлений жизни на нашей планете с космической средой. С этих позиций биосфера рассматривается им как область взаимопревращений земного вещества и космической энергии»³⁶⁴.

Циолковский и Вернадский, отмечает АО, «независимо друг от друга пришли к идеям, весьма близким по своему духу, оптимистической уверенности в силе человеческого Разума, космической направленности своего мышления». Наряду с этим, нельзя забывать о принципиальных отличиях их космизма. Циолковский строит некую «метафизику космоса» и не задаётся вопросом о принципиальной её возможности, его умозрения далеко перешагивают за пределы наличной реальности, оказываются зачастую натурфилософскими, содержат неосновательные с научной точки зрения суждения, например, об одухотворённости атомов, оживлённости Вселенной как целого, отсутствии границ между живым и неживым и т.п. «Попытку мыслить мировое целое, космос, не задаваясь вопросом об условиях и возможности этой мыслимости, можно назвать, следя Канту, теоретико-догматическим подходом в метафизике, который пускается в запредельное и сверхчувственное так, как будто оно дано в научном опыте»³⁶⁵. Позиция Вернадского принципиально иная, отмечает АО. Некритическим воззрениям на Вселенную он противопоставляет взгляд, который не выходит за пределы эмпирических обобщений, добытых в современной ему науке.

³⁶³ См.: Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965. С. 47.

³⁶⁴ Огурцов А.П. Философия науки: Двадцатый век. Ч. III. С. 219. Курсив мой.

³⁶⁵ Там же. С. 220.

«Методологическая и философская установка Вернадского не допускает рассмотрения Космоса, как такового, вне реальности, данной в биосфере, — позиция, вводящая в исследование Космоса новую размерность — научный разум человечества. Он проводит позицию, согласно которой наши знания о Космосе ограничены исторически обусловленными формами научного постижения биосферы, а все рассуждения, выходящие за пределы научного опыта, представляют собой натурфилософские построения и спекулятивную метафизику. Эта позиция Вернадского весьма созвучна идее, высказанной Энгельсом: «Бытие есть вообще открытый вопрос, начиная с той границы, где прекращается наше поле зрения»³⁶⁶. Позиция Вернадского, если прибегнуть к этой формулировке, может быть выражена следующим образом: Космос есть вообще открытый вопрос, начиная с той границы, где прекращается поле зрения биосферы и её высшей формы — ноосферы, поле зрения научного знания и человеческой практики»³⁶⁷.

Вряд ли можно поэтому, на мой взгляд, считать случайным тот факт, что в трудах Вернадского не встречается ни одной ссылки на работы Циолковского и ни разу, — ни напрямую, ни косвенно, — не упоминается его фамилия. Аналогичным образом обстоит дело и наоборот: Циолковский, так сказать, «платил» Вернадскому той же монетой.

И все-таки, как это часто бывает, и не может не быть в жизни, — через третьих лиц, «промежуточную», говоря в общем, социальную среду, контакты между Циолковским и Вернадским существовали. Естественно также, что этой «промежуточной средой» могла быть и реально была, прежде всего, среда русского космизма, в качестве важнейших представителей которого АО, помимо Циолковского и Вернадского, называет также Александра Леонидовича Чижевского³⁶⁸.

Как свидетельствовал сам основоположник гелиобиологии — науки, изучающей связи солнечной активности с различными явлениями в биосфере Земли, в том числе влияние Солнца на живые организмы, — Вернадский и Циолковский,

³⁶⁶ Энгельс Ф. Анти — Диоринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 43.

³⁶⁷ Там же. С. 225. Курсив мой.

³⁶⁸ См.: там же. Ч. II. С. 216.

а также П.П. Лазарев, Д.К. Заболотный, А.В. Леонтович, другие ученые решительно поддержали его пионерские исследования, в 1920–1930-е гг. далеко не без трудностей пробивавшие себе дорогу в жизнь³⁶⁹.

«...Научные интересы А.Л. Чижевского, — писал о нем Казютинский, — были чрезвычайно разнообразными: исследование солнечно-земных связей (влияние Солнца на биосферу и социально-исторический процесс), разработка проблем аэроионификации для оптимизации здоровья и деятельности человека, структурный анализ движущейся крови и многое другое. Значительное место в наследии Чижевского занимает разработка философских проблем в рамках русского космизма... Считал, что космическая энергия всецело обуславливает все жизненные процессы в биосфере. Допускал, что не только процессы в человеческой психике, но и важнейшие социальные события зависят от ритма солнечной активности. Поворотные этапы всемирной истории (восстания, революции, войны, крестовые походы, религиозные волнения) связывал с эпохами максимума солнечной активности»³⁷⁰.

С 31 марта по 6 апреля 1934 г. Вернадский принимал участие в работе Всесоюзной конференции по изучению стратосферы. Его избрали в президиум Конференции, и он выступил с программным докладом «Биосфера и стратосфера», посвященным проблемам геохимического и биогеохимического взаимодействия биосферы и стратосферы. Для участия в Конференции был приглашен также Циолковский, и вероятность личной встречи двух крупнейших русских космистов, естественно, была очень велика. Однако она не состоялась из-за недомогания Циолковского. В конференции участвовали выдающиеся советские ученые, инженеры, конструкторы, в частности, С.П. Королев, С.И. Вавилов, А.П. Карпинский, В.Г. Фесенков, В.В. Шаронов, А.Ф. Иоффе, Д.В. Скobelцын, М.С. Эйгенсон, В.А. Амбарцумян, А.Ю. Северный, Г.А. Надсон, Н.К. Кольцов, Г. Мёллер, Л.А. Орбели, Г.А. Тихов, А.А. Белопольский, Д.С. Рождественский, И.М. Виноградов... Некоторые из них уже тогда с полным правом могли бы

³⁶⁹ Чижевский А.Л., Шишина Ю.Г. В ритме Солнца. М., 1969. С. 108–109.

³⁷⁰ Казютинский В.В. // Новая философская энциклопедия. Т. IV. М., 2010. С. 360.

быть причислены к «лику» русских космистов. Участники конференции получили письменное приветствие от Циолковского и послали ему ответную телеграмму. В «Трудах» Конференции был опубликован доклад Циолковского «Достижение высот стратостатом». Там же был опубликован и доклад Вернадского «Биосфера и стратосфера». (Накануне, в 1932 г., Циолковский разработал теорию полета в стратосфере со сверхзвуковыми скоростями).

«Не все бесспорно в отдельных рукописях Циолковского, не все идеально было и в личной жизни <...> Несомненно одно: чем дальше время уносит нас от него, тем убедительнее и выразительнее предстает нам титанизм этой личности и всего, созданного ею. Рядом с именем Циолковского по праву стоит имя А.Л. Чижевского <...>. И еще третье имя непременно тут следует назвать: Владимир Иванович Вернадский. Три имени — три звезды первой величины на небосклоне естествознания XX века, осветившие самое главное в сегодняшней естественнонаучной картине мира и в дальнейшей судьбе познания и практики человечества...»³⁷¹.

В.И. Вернадский как естествоиспытатель и философ

Особое место в контексте разрабатывавшихся Александром Огурцовыми проблем занимает глава 9 третьей части его энциклопедической монографии «Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы». Глава называется: «История науки как путь к ноосфере: концепция Вернадского» и состоит из двух разделов: I. «Вернадский как историк науки», II. «Развитие науки как движение к ноосфере»; им предшествует краткое, но очень важное введение, которое целесообразно воспроизвести полностью:

«Прогресс научного знания, научно-техническая революция, в которую вступило человечество ко второй половине XX в., привело к созданию *новой* историографической

³⁷¹ Голованов Л.В. Средство сердец и дум [предисловие] // Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. Годы дружбы с Циолковским. Воспоминания. М., 1995. С. 6–7, 9.

концепции, в которой развитие науки рассматривается как *планетарное* по своим масштабам явление, оказывающее *громадное воздействие* и на биосферу, и на *окружение* Земли. Эта концепция, прежде всего, связана с именем Вернадского, однако предпосылки идеи о существовании оболочки Земли, контролируемой разумом, формировались раньше и нашли свое отражение в идеях о ноосфере (Леруа, Тейяр де Шарден), антропосфере (А.П. Павлов, Н.О. Лосский), психозойской эре (Д. Ле-Конт), цефализации (Д. Дана), пневматосфере (П.А. Флоренский), техносфере (А.Е. Ферсман).

Исследование развития научного знания привело Вернадского в начале 1920-х гг. к своеобразной исторической концепции *не только знания, но и человечества*. Рост научного знания рассматривается им на протяжении всей жизни как *решающий* фактор прогресса человеческой цивилизации, как *способ преобразования* биосферы в ноосферу, как *новая* (антропогенная по своей природе) форма биогенной миграции атомов, осуществляющаяся благодаря *человеческой деятельности*³⁷².

В это небольшое введение в тему 9-й главы *АО* вкладывает чрезвычайно емкое содержание. Его узловые моменты выделены мной курсивом, причем каждый из «узлов», как это очевидно, заслуживает отдельного исследования (анализ) с последующей попыткой их связного изложения (синтез). Это – задачи, которые, надо полагать, будут ставиться и решаться не одним поколением будущих исследователей от студентов до академиков.

Следует подчеркнуть, что на *передний край* научных исканий XIX–XX вв. Вернадский выходит одновременно в трех связанных между собой и нередко переходящих друг в друга «плоскостях»: 1) как *ученый*, ставящий и решающий вполне *конкретные* научные проблемы; 2) как *философ*, размышляющий о месте в научной картине мира этих и иных, напрямую уже не обязательно связанных с его творчеством проблем (а таковых, естественно, существует потенциально бесконечное множество); 3) как *историк*, прежде всего, во-первых, историк *науки*, в том числе и тех наук, в которых сам он работал профессионально, во-вторых, историк научного *мировоззрения*, в некоторых случаях закономерно пересекающегося с историей *философии*.

³⁷² Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век. Ч. III. С. 226. Курсив мой.

Направления историко-научных интересов Вернадского

«Вернадский как историк науки» — так озаглавлен первый раздел главы 9 третьей части книги Александра Огурцова. Название этой части — «Философия науки и историография» — говорит само за себя, и неудивительно, что Вернадский, по свидетельству его ученика А.Е. Ферсмана, сам считавший себя по свойственной ему интенциональности преимущественно *историком*, — представлен в этой части весьма основательно.

Названный выше раздел начинается следующим предложением: «Если попытаться охватить историко-научное наследие Вернадского, то можно схематически наметить следующие *направления его интересов*»³⁷³. Название существенно уточняется — в духе *проблемно-концептуальной* методологии, которой последовательно придерживается автор книги. Он выделяет следующие направления историко-научных интересов своего героя:

- 1) История науки как развитие *научного мировоззрения*.
- 2) История науки как развитие *форм организации научной работы*.
- 3) История науки как развитие отдельных *научных дисциплин*.
- 4) История науки под углом зрения развития *научных проблем*.
- 5) История *отечественного естествознания*.
- 6) Биографии и оценка вклада личности *различных ученых прошлого*.
- 7) *Историографические работы*, связанные а) с организацией Комиссии по истории знаний АН СССР, б) оценкой состояния историко-научных исследований в стране за 10 лет *советской власти*, в) выявлением связи российской *истории* с развитием *науки*³⁷⁴.

Каждое из перечисленных направлений историко-научных интересов Вернадского *АО* обосновывает достаточно подробно *фактически*, что является весьма важным и само по себе, и как побудительный мотив к дальнейшим изысканиям. Вывод автора бесспорен: «Область историко-научных интересов Вернадского весьма обширна и охватывает почти все значительные аспекты истории естествознания. Диапазон научных интересов и знаний Вернадского, глубина его

³⁷³ Там же. С. 226. Курсив мой.

³⁷⁴ См.: там же. С. 226–228. Курсив мой.

эрудиции в истории тех или иных научных проблем, оригинальность его концепции науки и прогресса научного знания нашли свое выражение в его специальных историко-научных исследованиях, в его трактовке любой научной проблемы на фоне глубокого знания всех предшествовавших исканий мысли прошлого»³⁷⁵.

В российском – да, наверно, не только российском – вернадоведении – *АО* был *первым*, кто по сути с *исчерпывающей* полнотой представил *все* направления историко-научных интересов (исследований, поисков, трудов...) Вернадского. Разумеется, это отнюдь не значит, что нам остается подвести «жирную черту» и на этом успокоиться. Сам *АО* никогда бы с этим не согласился. Поиски – уточнения, конкретизация, развитие... – в намеченных им направлениях, а в каком-то смысле выходящих за их пределы – и возможны, и необходимы. Достаточно сказать, например, что некоторые, даже завершенные и давно опубликованные труды Вернадского, как: «Черты мировоззрения князя С.Н. Трубецкого», «Нефть как природное тело в науке XVIII столетия», «О коллекции архиепископа Нила» и, увы, многие другие – нами настоящим образом еще не освоены и не осмыслены, если не сказать – забыты или почти забыты...

Если же обратиться к завершающему «подразделу» последнего направления – «Историографические работы, связанные с выявлением *связи российской истории с развитием науки*», – то следует признать, что он далеко выходит за пределы «чистой» классификации *только* историко-научных интересов и трудов Вернадского, но, как ни парадоксально, именно поэтому с большой глубиной проникает в «интимную лабораторию» мысли Вернадского, а в определенном смысле и самого Александра Огурцова. В еще большей степени об этом свидетельствует завершающий рассматриваемый раздел монографии *АО* краткий, но содержательно очень емкий дискурс, в котором пересекаются разнокачественные линии анализа, а именно: историко-научная, философская, социально-историческая, биографическая.

«В последние десятилетия своей жизни, особенно в годы Великой Отечественной войны, Вернадский окончательно формирует новую историко-научную концепцию, где рост науки рассматривается не просто под

³⁷⁵ Там же. С. 228.

когнитивным углом зрения (будь то мировоззрение, научная проблема или теория), а как процесс превращения биосферы в ноосферу и как рост антропогенной по своей природе ноосферы.

История науки рассматривается как путь к ноосфере»³⁷⁶.

Развитие науки как движение к ноосфере

Свообразие отношения Александра Огурцова к наследию Вернадского с наибольшей глубиной выразилось, на мой взгляд, в окончательно сформировавшемся в последние годы жизни *АО его личностном вернадоведении* (редчайший случай!). Оно возникло на пересечении занимавших мысль Вернадского с юношеских лет проблем истории и философии, этики, социологии науки и размышлений над этими проблемами *АО*, — размышлений, вполне *конгениальных* размышлениям Вернадского, но при этом, благодаря сдвигу во времени — «большое видится на расстоянии»! — идущим, как это ни парадоксально, *дальше* Вернадского, но идущим по тому же пути, по которому шел классик.

«Развитие науки как движение к ноосфере» — так буквально проблему сам Вернадский никогда и нигде не формулирует. Ее *АО* самостоятельно извлекает из своего личностного вернадоведения, творцом которого и для самого себя, и для нас, его читателей, он является. Сердечно поблагодарим его за это.

Во втором разделе главы 9 части III монографии *АО* обосновывает безусловное новаторство Вернадского, через данные своей науки пришедшего к оригинальной концепции *истории не только науки, но и человеческого общества*. Некоторые читатели, познакомившись с текстом *АО*, могут сказать, что ведь Вернадский, в сущности, не выходит за пределы пусть развернутой, увлекательной, но — *проблемы*, точнее — только ее *постановки*. И они, конечно, будут правы. Но *АО*, со своей стороны, с не меньшим основанием может заметить, что как раз в этом он усматривает не недостаток, а великое достоинство размышлений Вернадского, ибо только содержательная, захватывающе интересная проблема способ-

³⁷⁶ Там же. Курсив мой.

на порождать концепции столь же высокого полета. Это — соображения принципиального, т.е. качественного характера³⁷⁷.

И.В. Гете и В.И. Вернадский: обсуждение общих проблем

В 1920–1930-е гг. Вернадский существенно углубляет свои взгляды. Он вводит понятие *субстрата истории*. Таким субстратом, по-Вернадскому, является биосфера как целое, в особенности те части литосферы, атмосферы, гидросферы, в которых существует, модифицируется и развивается *живое вещество* и, как естественный элемент его, — *человек*, его сообщества и человечество в целом. Человеческая история, неоднократно подчеркивал ученый, не есть нечто случайное, потому что она теснейшим образом связана с историей биосферы, будучи от нее неотделимой. Это выводит историка и философа непосредственно на проблемы глобальной экологии разного уровня и содержания, био- и антропоэкологии, экологии культуры в широком смысле. В последнем случае становится особенно очевидной необходимость «вторжения» на поле ноосферы, существенного дополнения и развития вещественных элементов ее субстрата элементами духовными, идеальными (искусство, наука, религия...). В известной мере это нашло отражение в размышлениях Вернадского о жизни и творчестве Гёте, прежде всего — его «Фауста».

К теме «Гёте и Вернадский» Александр Огурцов в книге возвращается *неоднократно*, что неудивительно: великий немецкий поэт и мыслитель через жизнь и творчество Вернадского проходит, можно сказать, насквозь, а сама эта тема заслуживает отдельного, возможно даже *монографического специального исследования*. Во всяком случае, несколько десятилетий тому назад советский журналист А.А. Лилиенфельд (Лин), заинтересовавшись этой темой, установил в частности, что в личной библиотеке Владимира Ивановича хранилось около 60-ти томов как сочинений Гёте, так и книг о нем, изданных в России и за рубежом на русском и европейских языках³⁷⁸. — Факт, о многом сам за себя говорящий.

³⁷⁷ См.: там же. С. 228–233.

³⁷⁸ См.: Лин А.А. Вернадский и Гёте // Наука и жизнь. 1976. №1.

Дело будущих исследований установить, как, когда, при каких обстоятельствах и предпосылках зарождался и развивался интерес Вернадского к личности Гёте, его творчеству и поэтическому, и философскому, и естественнонаучному. Этот последний аспект наиболее близок *АО* и, несомненно, родствен его концепту переднего края науки. Следует остановиться на следующем — ключевом — факте биографии Вернадского — факте, в известном смысле переломном в его отношении к Гёте и его творчеству.

В марте 1936 г. по предложению Института мировой литературы им. А.М. Горького Вернадский заключает с Литературно-художественным отделом Госиздата договор на редактирование естественноисторических сочинений Гёте, с обязательством написать специальную статью о Гёте как натуралисте. Над статьей Вернадский работал с большим подъёмом, тем более что эта работа целиком и полностью шла в русле давних, уходящих во времена юности, его увлечений биографией и творчеством великого немецкого поэта.

Летом 1937 г. он пишет из академического подмосковного санатория «Узкое» своему ученику и другу академику Ферсману: «Здесь сейчас вторично отделяю записку о Гёте как натуралисте...»³⁷⁹. В октябре 1938 г. работа над статьей «Мысли и замечания о Гёте как натуралисте» была закончена. Однако планы Госиздата переменились (как, когда и почему это произошло, — особая тема, но о причинах нетрудно догадаться), и некоторое время спустя Вернадский переслал статью в редакцию «Бюллетеня Московского общества испытателей природы». Там она и увидела свет в 1946 г., после кончины автора. (В последние годы в разных изданиях трудов Вернадского статья перепечатывалась несколько раз и, надо полагать, будет публиковаться еще неоднократно).

В мировой историко-научной литературе Вернадский был, по существу, одним из первых, кто с такой основательностью и глубиной сумел раскрыть современное звучание естественноисторического наследия Гёте, несмотря на все понятные для того времени его ошибки и заблуждения. В этой работе, по энциклопедичности и богатству идей типичной для Вернадского, он предпринял попытку пересмотреть место Гёте в

³⁷⁹ Картотека жизни и творчества академика В.И. Вернадского / Сост. А.Д. Шаховская // Фонд Кабинета-музея В.И. Вернадского Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН.

науке с точки зрения новой исторической перспективы; ему удалось обстоятельно и убедительно показать, какие именно представления Гёте опережали его время и весь XIX век. Статья Вернадского, однако, выходит за пределы одного только анализа творчества Гёте как натуралиста, и внимательный читатель найдет в ней богатый естественнонаучный, философский, социально-исторический материал, непосредственно выходящий — прямо по *АО!* — на передний край науки.

На критическом рубеже перехода от юности к зрелости у Вернадского по сути уже сформировалось очень сходное с гётевским отношение к природе и ее понимание в духе философского пантеизма, на что обратил внимание *АО*. Очень ярко и колоритно отразилось это, например, в письме Вернадского к жене из Полтавы в июле 1890 г.

«Много, много мыслей рождается, когда сидишь в тенистом густом саду, когда сумерки скрывают яркость теней и както больше и глубже углубляют тебя в жизнь природы. А она здесь живет, и ты видишь эту жизнь в каждом листе, где рождаются бесчисленные клеточки плазмы, видишь и слышишь ее в шуме, летании насекомых, движении червей, малошумном блуждании ежей и других более крупных жителей сада в сумерках. Та основа, которая определяет твою жизнь и отличает тебя от основной природы, находится в каждом листе — есть ли и там «сознание», которое для тебя *de facto* единственно важное отличие одушевленной природы от неодушевленной? Или этого сознания там нет, совсем нет? Но тогда сознание даже в жизнеодаренной природе играет случайную роль, является случайным аксессуаром, не есть непременное условие жизни? А если оно есть, то какова его форма и проявление в других существах и где граница между одушевленной и неодушевленной природой? Тогда является неизбежным пантеистическое представление о природе, столь родное нашему уму и сердцу, если рассуждать априорно. А ведь пантеизм всюду — в языке, в обычном ходе мысли, в мире сказок, легенд — этом источнике живой веры.

Говорится, что естественные науки подняли силу человека, дали ему какую-то невиданную мощь: они скорее низвели природу до человека, дали возможность предугадывать ее мелкость, предугадывать, что по должном расследовании она явится того же порядка, как и природа человека < ...>. Жаль или не жаль потерять возможность существования в природе движителей и деятелей более сильных, чем человек, одарен-

ных большей степенью сознания? Возможна ли без них цель жизни?

Манфреды и Фаусты удовлетворяют большему чувству, чем Ньютоны, Лавуазье. Первые имеют надежду оставаться навеки личностями, и в них получает и в оживотворенной природе смысл жизнь личности, а вторые? Что они дали и что они взяли? Для чего дали?»³⁸⁰.

Это первое из известных мне упоминаний Владимиром Ивановичем о Фаусте Гёте (в компании с Манфредом, героем одноименной поэмы Дж. Байрона). К сожалению, как свидетельствует составитель, «конец письма не сохранился», что затрудняет удовлетворительное его комментирование.

Таким образом, на сегодняшний день можно вполне определенно констатировать, что интерес Вернадского к творчеству Гёте имеет весьма давнюю историю. Первое же упоминание о том, что этот интерес принял исследовательский характер, по-видимому, следует отнести к 1909 г. Так, 28 июля в письме к сыну Георгию Вернадский сообщал: «Изучаю Гёте — ужасно много любопытного и много такого странно далекого как по содержанию, так и по времени»³⁸¹.

19/25 января 1920 г. в Симферополе Вернадский, тогда организатор и первый президент Академии наук Украины, ректор Таврического университета, делает в своем дневнике следующую запись:

«Читал Гёте, Гейне, Бальзака <...> Гёте, особенно когда пересматриваешь его мелкие вещи, наброски, путевые заметки, — самый глубокий натуралист. Я чувствую что-то в нем родственное и одинаково понимаю его интерес и к природе, и к искусству, и к истории. Время от времени к нему возвращаюсь и в него углубляюсь. Систематическое и внимательное чтение начал уже давно <...>, прочел комментарии к Фаусту.

<...> Сейчас, читая «Spräche» Гёте (возможно, Gespräche gesamtausgabe. Bd. 1-5. Leipzig. 1909—1911. — Прим. составителей) — неотделанные и иногда не изящные по форме и безобразно злые изящные выводы из жизни Ля Рошфу-

³⁸⁰ Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской. 1889—1892. М., 1991. С. 67—68. Выделено Вернадским.

³⁸¹ Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. М., 1988. С. 310. Курсив мой.

ко, невольно чувствуешь и эстетическую сторону этого рода творчества — стремление к тому, что иногда достигал Гёте и к чему стремился Ля Рошфуко»³⁸².

К этой дневниковой записи Вернадского, особенно первой его части, органично примыкает, его развивая, интереснейший дискурс Александра Огурцова, посвященный характеристике своеобразия биологического знания. *Ограничусь выдержкой из него:*

« <...> Отстраненно-дистанционному, отчужденно-безличному отношению к объекту своего исследования в биологии противостоит иная установка, установка натуралиста, в которую в качестве необходимого элемента входит представление о живом, свое “видение” предельной проблемы, конституирующей его теоретическое “умозрение”. Эта синтетически-цельная, эмоционально-яркая установка пронизывает творчество всех выдающихся биологов. Она не менее научна, чем противоположная ей схема теоретической физики, противопоставляющая субъект и объект и стремящаяся освободить картину мира от «человечески-антропологических моментов». Вернадский говорит о двух пониманиях Природы — физическом и натуралистическом, причем о равноправных, равномощных трактовках Природы, отдавая все же предпочтение натуралистическому мировоззрению.

Натуралистическое мирочувствование нашло свое выражение в творчестве не только поэтов и философов, но и ученых. Примером натуралистического мирочувствования цельности Природы может быть творчество Гёте. Е.А. Баратынский в стихотворении “На смерть Гёте” писал, что “с природою одною он жизнью дышал”. Любая инновация в биологии, любой шаг в осмыслении живого всегда связаны с непосредственным мирочувствованием, со способностью увидеть целостность живого, охватить эту цельность своим умом, описать жизнь Природы во всех ее связях. В этом мирочувствовании натуралист оказывается вовлеченным в саму жизнь, и в нем укоренены все отстраненно-дистанционные структуры теории. Любой шаг биологического знания оказывается сопряженным с новым натуралистическим ми-

³⁸² Вернадский В.И. Дневники 1917–1921. Январь 1920–март 1921. Киев, 1997. С. 23. Курсив мой.

чувствованием, с ощущением связанности исследователя со всем живым миром, с тем, что *Вернадский* называл чувством *космичности жизни*³⁸³.

Возвращаясь к статье Вернадского о Гёте как натуралисте, нелишне обратить внимание на следующее обстоятельство: работа над ней шла у Вернадского *параллельно* с работой над книгой «Научная мысль как планетное явление». Неудивительно, что ряд сюжетов статьи и книги между собой пересекаются, взаимно друг друга дополняют. Эта тема могла бы стать и, может быть, когда-нибудь действительно станет темой самостоятельного историографического исследования. (Увы, их «судьба» в контексте жизни Вернадского также оказалась в чем-то схожей: статья увидела свет, но до ее публикации Вернадский не дожил; что касается книги, то попытка ее публикации он даже не предпринимал, понимая, что «жандармскую», по его словам, цензуру она не пройдет...).

В подтверждение сказанного обращу внимание на немногие сюжеты, ранее уже затрагивавшиеся.

«Благодаря своему пантегиизму, — подчеркивал Вернадский, — Гёте принадлежит к нашему времени, а не к своему.

Как “целое” — синтетически — он охватывал не только земную “природу”, т.е. биосферу, но и каждый организм и всю их совокупность — “живую природу”. Синтетическое изучение объектов природы — ее естественных тел и ее самой, как “целого” — неизбежно вскрывает черты строения, упускаемые при аналитическом подходе к ним, и дает новое. Этот синтетический подход характерен для *нашего времени* в научных и философских исследованиях. Он ярко проявляется в том, что в наше время грани между науками стираются; мы научно работаем по *проблемам*, не считаясь с научными рамками. Гёте был натуралист прошлого, на этот путь вступивший раньше времени. Он уже по одному этому представляет для нас живой интерес современности. Новое философское творчество идет по тому же пути.

Я не говорю об абстрактных научно-философских построениях физиков и математиков — хотя по существу и здесь видны черты того же явления. Но новые философские реалистические направления XIX в. приводят к тому же самому — например, философия организма Уайтхеда или холизм Смэтса.

³⁸³ Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы. Ч. II. СПб., 2011. С. 92–93. Курсив мой.

Гёте не был философом, но эти новые философские искания ближе к его пониманию окружающего, чем философские системы его времени и XIX столетия. Этот факт нельзя не отметить для правильной оценки его положения в истории мысли.

Еще два явления надо подчеркнуть. Во-первых, то, что Гёте всю свою жизнь менялся и все время находился, как духовная личность, в росте и в созидании (*in's Werden*). Он не останавливался в этом процессе до последних дней жизни. Нить оборвалась внезапно. Во-вторых, в течение всей своей жизни в своем *in's Werden*, будучи глубоко мыслящим и ищущим натуралистом, он в процессе своего становления никогда не сходил с пути реальности на путь мистики или рационализма — на путь “философии”.

Это был мудрец, а не философ, мудрец-естествоиспытатель.

Очень возможно, как тонко подметил англо-американский философ Д.Сантаяна, “он был слишком мудр, чтобы быть философом в обычном смысле (*in technical sense*)” (*Three philosophical poets. Cambridge, 1910. P. 139*)³⁸⁴.

Отмечу, что заключительная фраза-оценка Гёте Сантаяной («он был слишком мудр...»), с которой почти соглашается Вернадский, вполне может быть отнесена к самому Владимиру Ивановичу, а в определенном смысле и к Александру Огурцову. Но в последнем случае это, конечно, отдельная тема, время для содержательного обсуждения которой, скопре всего, еще не пришло. Что же касается упоминаемого Вернадским А.Н. Уайтхеда, то к его философским воззрениям *АО* обращается во всех трех частях своей монографии-энциклопедии, как, впрочем, и к многим другим «философским реалистическим направлениям XX в.», представителей которых, надо полагать, отчасти также имел в виду Вернадский в своей статье о Гёте как натуралисте.

В.И. Вернадский — Институт истории естествознания и техники АН СССР (РАН) — А.П. Огурцов

В течение своей, охватившей несколько десятилетий, творческой жизни, Александр Огурцов был связан с внуши-

³⁸⁴ Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. М., 1988. С. 264–265. Выделено Вернадским.

тельным числом научных организаций — исследовательских институтов, научных журналов, советов, комиссий, фондов... Из всего их многообразия в российском социальном времени и пространстве не только из соображений удобства, но и по существу, в контексте обсуждаемой в этой статье связки «В.И. Вернадский — А.П. Огурцов», было бы и по существу правильным и практически целесообразным особо выделить, поставив его на *первое место*, академический Институт истории естествознания и техники. Как минимум по следующим соображениям.

Во-первых, именно В.И. Вернадский стоял у истоков этого Института, он же в течение ряда лет являлся и его директором, и, что не менее, если не более важно, идеальным вдохновителем его растущего коллектива. К настоящему времени история ИИЕТ, в том числе и в обозначенном выше аспекте, изучена практически досконально.

Во-вторых, именно в 1971–1988 гг., годы интенсивной исследовательской работы *АО* в ИИЕТ, и/или зарождаются, и/или получают *развитие*, и/или реализуются в виде законченных очерков и статей многие идеи и замыслы *АО*, на которые он был так богат, можно сказать без преувеличения, — неисчерпаемо, фантастически богат. На рубежное время завершения работы *АО* в ИИЕТ и перехода его в Институт философии пришелся выход в свет классического исследования *АО* «Дисциплинарная структура науки». Тема — лично-институциональный этап творческой биографии *АО* периода работы в ИИЕТ АН СССР (РАН) — со временем, надо полагать, будет изучена досконально.

Сам *АО* как в *этот* период, так и на ранних *подходах* к нему и *после* него интенсивно исследовал проблематику философии науки в аспекте как *объективной* истории мировой и отечественной философии и науки как таковых, — главным образом, но не исключительно XIX–XXI вв., — так и *отражения* их в мировой и отечественной *историографии* философии и науки. Разумеется, далеко не всегда и отнюдь не во всех «штудиях» и самого *АО*, и его не малым числом друзей и коллег в ИИЕТ и за его стенами Вернадский присутствовал, так сказать, «актуально». Хотя, не лишним будет отметить, что не кто иной, как сам Владимир Иванович еще в 1892 г. признавался в одном из писем к жене, что его все более начинает привлекать та область исканий мыслителей и ученых, которую можно было бы определить понятием «философия

науки». Однако это особая тема биографии Владимира Ивановича и — в определенном аспекте — будущей научной биографии самого *АО*.

Думается, сам Вернадский, — (если позволено пофантазировать) будь он сегодня с нами, — в целом согласился бы с той системной характеристикой философии науки, которую развертывает *АО* в самом начале своей трехчастной монографии-энциклопедии. Выделим главную часть этой характеристики.

«Если попытаться охарактеризовать философию науки, то необходимо отметить, что философия науки — это приложение **общей** философии к анализу науки, тематизация науки в рамках **специального** сегмента философии — философии науки. Поэтому *все* сформировавшиеся к началу XX в. **компоненты** философского знания — онтология, методология, этика, эпистемология, аксиология — оказываются **приложимы** в исследовании науки. Тематизируя науку, философия отдает приоритет тем или иным составным частям общей философии. <...>

Философия науки по своей сути и по своим функциям амбивалентна. Она тематизирует научное знание, оставаясь *философией*, т.е. не сводясь просто к обобщению и пересказу фундаментальных научных достижений. Она имеет свои цели и свои методы работы с научным знанием. Вместе с тем она является философией *науки*, т.е. рефлексивным анализом структуры и развития научного знания, его принципов и методов, его ценностей и их взаимосвязей с ценностями культуры. И то, как философия способна осуществить этот рефлексивный анализ, философское понимание сути и методов науки свидетельствует об эффективности и когнитивной мощи той или иной философской концепции науки»³⁸⁵.

Если не всегда и во всем актуально, то уж точно у всех потенциально, а у очень многих сотрудников ИИЕТ — от «мэнээсов» до «главных» — и труды, и дух (ментальность, интеллект) Вернадского «присутствовали» в творчестве, а в чем-то и в повседневной жизни *вполне реально*. Помимо перечисляемых далее *АО* сотрудников Института и к нему «примыкавших» — в узком смысле, в контексте причастности к разработке проблем философии науки определенной *группы*

³⁸⁵ Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы: В 3-х частях. Предисловие. СПб., 2011. С. 5–6. Простой курсив — А.П. Огурцова. Жирный курсив мой.

исследователей, — в существенно более широком смысле было бы справедливо в том же контексте (такова уж специфика ИИЕТ!) назвать также фамилии таких исследователей, как: В.М. Орел, П.В. Смирнов, А.Н. Родный, Э.Н. Мирзоян, И.С. Тимофеев, М.С. Бастракова, И.В. Кузнецов, Э.И. Колчинский, Б.Г. Кузнецов, Б.Г. Юдин, Г.А. Фирсова, В.А. Широкова, Н.И. Кузнецова, И.М. Забелин, С.С. Илизаров, Г.П. Аксенов и ряд других... Однако обратимся к тексту *АО*.

«Исследование смены стратегий и проблем в философии науки является продолжением программы, выдвинутой В.С. Библером и Б.М. Кедровым в середине 60-х гг. XX в. и объединившей вокруг себя группу научных сотрудников Института истории естествознания и техники (ИИЕТ) АН СССР (Н.И. Родный, Б.С. Грязнов, А.В. Ахутин, Л.А. Маркова, А.Ф. Зотов, В.Л. Рабинович, Н.Ф. Овчинников и др.). Параллельно исследования в этом направлении вели те историки и методологи науки из ИИЕТ, которые формально не входили в эту группу (И.Д. Рожанский, П.П. Гайденко, В.С. Черняк, В.П. Визгин, Н.К. Гаврюшин и др.). Итогом деятельности этой группы был выход в свет сборников «Позитивизм и наука» (М., 1970), «Концепции науки в буржуазной социологии» (М., 1977) и книги Б.М. Кедрова и А.П. Отурцова «Марксистская концепция истории естествознания. XIX век» (М., 1978). Были проанализированы концепция науки И. Канта в ее сопоставлении с физикой Галилея (В.С. Библер), индивидуальная программа Ф. Бэкона, У. Уэвелла, Дж. С. Милля (Л.А. Маркова), неокантианская программа Марбургской школы (П.П. Гайденко), французская философия начала XX в. (А.Ф. Зотов), позитивизм XIX в. и его интерпретация науки (Е.П. Никитин), программа «критического рационализма» (Б.С. Грязнов) и др. Ее принципами были:

- 1) демонстрация многообразия концепций науки;
- 2) раскрытие внутренней логики их движения, которая в отличие от линейно-прогрессистской диалектико-материалистической интерпретации мыслилась как логика диалога между ними (позднее была осознана гораздо большая сложность их эволюции);
- 3) концептуализация историко-научных исследований, что предполагало их переход с эмпирического на теоретический уровень, создание новых исторических дисциплин (историографии науки, исторического науковедения,

- источниковедения истории науки, в том числе истории научных приборов и промышленной археологии);
- 4) включение в поле исследований интерпретации как структуры научного знания, так и «роста науки»;
 - 5) выявление последовательности (серий) концепций науки, объединяемых в исследовательские программы (индуктивистская, позитивистская и др.);
 - 6) анализ науки как социального института, что связано с обращением к различным вариантам социологии знания и социологии науки, ставших особенно актуальными после выхода книги Куна «Структура научных революций» и ее русского перевода (1976), что вызвало полемику в отечественной литературе, в том числе между Б.С. Грязновым и В.Л. Гинзбургом в журнале «Природа» (1976, №1), после утверждения в качестве приоритетной программы социальной истории науки;
 - 7) анализ альтернатив и оппозиций в историко-научных реконструкциях (кумулятивизма и антикумулятивизма, экспернализма и интернализма);
 - 8) развитие различных процессов в эволюции науки (рост науки и ее развитие, модели эволюции науки и эволюционистские концепции, кризис и научная революция, «невидимые колледжи», формирование исследовательских областей и дисциплинарной науки, виды научной литературы и др.).

Несомненными достоинствами этой программы было то, что в ней были осознаны

- 1) философско-методологическое своеобразие историко-научных реконструкций, которые не сводимы ни к методам научной дисциплины, ставшей объектом историко-научных исследований, ни к методам собственно философии;
- 2) различные формы зависимости историко-научных исследований от концепций науки (и ее развития), тяготеющих к определенным философским и социологическим доктрина姆 или же дающих импульс для их формирования;
- 3) поворот от одномерного социально-экономического обоснования науки к многомерному осмыслиению функционирования и развития науки в контексте определенной культуры;
- 4) обращение к полемике между учеными и к внутренней (явной и неявной, латентной и артикулируемой) диалогичности научного знания;

- 5) выявлены различные аспекты научного знания, ставшие единицами анализа науки в тех или иных концепциях (язык науки, проблемы, темы, исследовательские области, научные дисциплины, научные общества и институты и пр.);
- 6) необходимость объединения когнитивно-гносеологических характеристик научного знания с его социокультурными формами.

Этот подход позволил показать то, насколько многообразны и даже альтернативны представления ученых о своей деятельности и об исторических процессах роста науки, заместить одномерный образ науки как сугубо кумулятивного и когнитивного процесса многомерными моделями науки как целостной социокультурной системы.

Программа реализовывалась в контактах с философами и логиками различных направлений из ряда академических и университетских организаций (М.К. Петров, В.С. Степин, В.С. Швырев, В.А. Лекторский, Е.П. Никитин, И.И. Мочалов, А.С. Панарин, Л.М. Косарева, А.Е. Левин, И.Н. Лосева), так и специалистами из других областей истории науки (Ф.А. Медведев, И.В. Круть, В.И. Кузнецов, А.Н. Вяльцев), в том числе с группой системного исследования науки (И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин, Э.М. Мирский и др.).

Хотя группа по исследованию концепций науки и ее развития распалась в годы идеологического зажима после вторжения советских войск в Чехословакию, после смены руководства как в ИИЕТ АН СССР, так и в самой группе, однако исследования различных концепций науки и ее истории продолжались, способствовав формированию новых подходов в философии науки и новых историко-научных дисциплин (историографии науки, источниковедения науки), обсуждению новых тем в истории науки (историография науки и науковедение, методология историко-научных и историографических исследований, идея прогресса в историко-научных исследованиях и ее границы, трактовка генезиса науки и др.)»³⁸⁶.

Признаться, испытываешь гордость за то, что в этом Предисловии, самом по себе представляющем законченное эссе-исследование, *АО* столь значительное внимание уделяет *нашему* ИИЕТ, с которым связано столько воспоми-

³⁸⁶ Там же. С. 9–10.

наний-переживаний о трудовых буднях 1970–2010-х гг., о друзьях-коллегах, многих из которых, увы, уже нет с нами... Свою трехчастную монографию *АО* скромно именует «книгой». Обратимся к завершающим «аккордам» Предисловия к ней: здесь *АО* вновь погружается в столь родственную ему концептуальную стихию.

«Завершает книгу раскрытие взаимоотношений философии науки и историографии естествознания. Этому кругу проблем посвящен ряд исследований как отечественных, так и зарубежных ученых. (Помимо своих монографий [Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. М., 1994; Огурцов А.П. От натурфилософии к теории науки. М., 1995] назову следующие работы: [Грязнов Б.С. Логика. Рациональность. Творчество. М., 1982 <...> Маркова Л.А. Наука. История и историография XIX-XX веков. М., 1987; сборники «Принципы историографии естествознания. XX век» (СПб., 2001 <...>).

Поворот к истории науки, произшедший в философии науки в 70-е гг. прошлого века, вместе с критикой неопозитивистской философии и формированием исторического направления в философии науки привел к смене исследовательских стратегий, в частности, социальной истории науки, к осознанию и применению новых техник анализа истории науки (рациональная реконструкция, научный дискурс, тематизация, интерсубъективность и др.), к разработке новых проблем историографии науки (анализ сетей коммуникаций между учеными, различные типы коммуникаций, коммуникативная деятельность, способы цитирования в различных научных дисциплинах, типы научной литературы, формы рекрутования молодежи в науку и др.).

Конечно, анализ истории науки в социокультурном контексте, существенно расширив области исследования и проблемы, достойные изучения, одновременно ослабил интерес историков естествознания к когнитивным аспектам науки, привел к умалению того, что наука есть прежде всего истинное знание, а не просто совокупность убеждений, разделяемых тем или иным ученым вместе с научным сообществом. Кропотливое и дотошное изучение всех биографических данных, окружения ученого, взаимоотношений внутри научной группы, научной школы или конфликтов в научной среде, споров относительно приоритета, — все это достойно внимания, но не должно закрывать путь для изучения научного

знания как знания, научного открытия как *научного*, для осмыслиения всех трудностей и достижений науки.

При всем изменении принципов историографии естествознания, во многом зависящих от принципов философии науки, должно сохраняться и оставаться устойчивым исследование естествознания как научного знания, радикально трансформирующего и технику и социальную систему, и культуру. Анализ науки в социокультурном контексте не исключает и не может исключать осмысление развития науки как научного знания, постижение когнитивной стороны науки. Из-под глыб советской идеологии пробились историко-научные реконструкции, которые анализировали прогресс науки и как когнитивный рост, и как определенную культуру. Именно таковы были концепции истории науки, развитые В.И. Вернадским, М.К. Петровым, М.К. Мамардашвили, которые рассмотрены в последних главах книги»³⁸⁷.

Из размышлений Александра Огурцова о В.И. Вернадском в контекстах возможного и действительного

Необходимо с самого начала отметить, что в своем «виртуальном» качестве (контекст возможного). Владимир Иванович прочно и надолго, а теперь правильнее сказать — навсегда «поселился» на многих страницах монографии Александра Огурцова. Сам АО это обстоятельство в полной мере вряд ли осознавал, что естественно и быть иначе не могло: причина его коренится в самой природе *возможного* (потенциального, виртуального), которое, думается, существенно богаче, содержательнее *действительного* (актуального, реального) в силу своей историчности, обогащения и развития во времени, что «улавливается» не столько отдельным человеком, сколько человечеством в смене поколений. В конкретном, нас здесь интересующем «казусе Вернадского», следует учесть, что на рубеже XIX–XX и, особенно XX–XXI столетий, ряд его принципиально важных научных и философских до-

³⁸⁷ Там же. С. 13–14. Простой курсив — А.П. Огурцова, жирный курсив — мой.

стижений (концепций, гипотез, теорий, проблем, открытий, фактологий, интерпретаций...) уже прочно вошли в сознание научной среды, были переварены ею и, обретя в значительной части статус чего-то само собою разумеющегося, отчасти даже обезличились, стали привычными в употреблении, как таблица умножения. Однако, — и это, наверно, самое удивительное, — актуализировавшись и как будто став окончательно и бесповоротно действительным, эти достижения ученого и мыслителя не только не покинули поля виртуальностей, но остались в ней и, более того, стали обрастать аналогичными, но уже качественно новыми ментальными полями...

В качестве примера сошлись на совершенно исключительную по глубине и многогранности главу 10 «Философия науки в эпоху глобальных коммуникаций» из второй части монографии *АО*. Формально, по своему объему, эта глава могла бы стать брошюрой в несколько десятков страниц (с. 440–490). Но содержательно, по богатству идей, «векторов» анализа и рассуждений — это фактически целая книга, даже не одна...

Рассматриваемые *АО* в этой главе проблемы глобализации имеют прямое отношение и к *Вернадскому*, и к его концепции *ноосфера* — в разрезе онтологии, и к *возможному*, и к *действительному* — под углом зрения методологии.

В контексте возможного и действительного, потенциального и актуального к проблеме пересечения размышлений Вернадского и Огурцова можно и нужно подойти, сместив, так сказать, систему отсчета в сторону Вернадского. В этом плане трудно найти более благодатную тему, нежели понимание естествоиспытателем Вернадским природы философии и философского знания в широком смысле. Это — то, над чем *АО* размышлял постоянно как философ, историк философии и науки, историк естествознания в том числе. Тему эту, в виду ее необъятности, обозначу немногими, но существенными штрихами.

Общая структура философского знания. Все философское знание Вернадский подразделяет на две основные части. Это, во-первых, «философия как таковая», которую он нередко именует еще «метафизикой» или просто «философией», и, во-вторых, «философские науки», к которым от относит историю философии, логику и психологию. Что касается этой второй части, то она представляет собой систему наук. Философ, работающий в какой-либо из этих наук, в тоже время является ученым-профессионалом.

В свою очередь, внутри философских наук Вернадский

различает две категории. С одной стороны, это, так сказать, традиционные, упоминавшиеся выше три философские дисциплины. «Историческим ходом эволюции мысли психология, логика и история философии зародились в сфере философии, и медленно — в течение работы поколений — было выявлено их лицо как особых наук. Такое зарождение этих отраслей знаний не случайно; оно обусловлено тесной связью этих *точных научных дисциплин* с философскими проблемами и философским умозрением. Вполне отделить эти отрасли знания от философии нельзя иногда и по существу»³⁸⁸.

Ко второй категории философских наук Вернадский относит те «неклассические» научные дисциплины, которые возникают в ходе научной революции (взрыва научного творчества) в начале XX в. В качестве примера он ссылается на исследования в области оснований математики. «Научный подъем, который мы переживаем, выразился — кажется, *впервые в истории мысли* — в том, что одна из научных дисциплин теснейшим образом по характеру своей научной работы связалась с философией, и едва ли работа в ней может быть вполне оторвана от философских исканий. Это — часть анализа, связанного с математической логикой, аксиоматикой и т.п. Эти математические дисциплины должны быть причислены к философским»³⁸⁹.

Философия как таковая, своеобразие ее проблем. Преимущественное внимание Вернадский уделял философии как таковой — учению о бытии, метафизике, философскому знанию в широком смысле, куда он включал и философию науки, и эпистемологию, и учения о нравственности и др. В отличие от тех или иных научных дисциплин, философских в том числе, философия как таковая не имеет строго очерченного предмета исследования. Отсюда столь характерная — и особенно ярко проявляющаяся в наше время — специализация философов *по проблемам*.

Тот или иной мыслитель имеет «свою ограниченную область понятий и никто не может охватить один их все, так как они являются несравненно более разнообразными и разнородными, чем понятия научные. Быт, политика, вопросы личной и социальной жизни, искусство во всех его проявлениях,

³⁸⁸ Вернадский В.И. Записка о выборе члена Академии по отделу философских наук. 1928 // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 1. Ед. хр. 314. Л. 7. Курсив мой.

³⁸⁹ Там же. ЛЛ. 16-17. Курсив мой.

социальный строй, вся область гуманитарных, естественнонаучных наблюдательных и опытных знаний, математические и логические знания, история мысли... Кто это одинаково охватит?» — спрашивает Вернадский³⁹⁰.

Более того, даже в пределах какой-либо одной философской проблемы невозможно рассчитывать на ее окончательное решение, так как философия «постоянно касается таких вечных вопросов человеческой мысли, по отношению к которым никогда не может быть сказано последнее слово»³⁹¹.

Натурфилософия. Вернадский отмечал неоднократно, что если рассматривать натурфилософию как некое целостное явление, учитывая основные, достаточно хорошо известные ее свойства и тенденции — абстрактность и умозрительную схематичность, игнорирование фактов конкретной действительности и т.п., — то ее полное банкротство перед лицом научных данных станет совершенно очевидным. При этом второстепенным является вопрос о том, кто именно становился на путь созидания натурфилософских конструкций — философы или сами естествоиспытатели. И в том и другом случае результат, как правило, был одинаково печален³⁹².

Вместе с тем Вернадский отнюдь не отрицал, и эта тенденция явственно проявилась в его творчестве, что некоторые частные натурфилософские идеи могут представлять для естествознания определенную методологическую ценность, намечая **возможные** пути научного поиска. «Среди натурфилософской, в общем бесплодной, литературы и в общей массе потерянных исканий иногда встречаются отдельные верные и глубокие идеиные построения»³⁹³. В качестве примера он ссылается на идею взаимопревращаемости химических элементов, которая нашла, в частности, отражение «в туманных мечтаниях натурфилософов первой половины XIX века»³⁹⁴.

³⁹⁰ Вернадский В.И. О жизненном (биологическом) времени. 1931 // Архив РАН. Ф. 518.Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 1.

³⁹¹ Вернадский В.И. Очерки и речи. Вып. II. Пг., 1922. С. 57.

³⁹² См.: Вернадский В.И. Записка о выборе члена Академии по отделу философских наук. 1928 // Архив РАН. Оп. 1. Ед. хр. 314. ЛЛ. 1,4; Мысли. 1920-1931 // Там же. Ед. Хр. 162. Л. 66. Научная мысль как планетное явление. 1938 // Там же. Ед. хр. 149. ЛЛ. 11, 42, 94, 99.

³⁹³ Вернадский В.И. Биогеохимическая энергия в земной коре. 1933 // Там же. Ед. хр. 12. Л. 33.

³⁹⁴ Вернадский В.И. Парагенезис химических элементов в земной коре.

Как свидетельствует история естествознания, в тех случаях, когда научная мысль в той или иной области начинает делать еще только свои первые шаги, натурфилософские идеи иногда выступают в качестве той естественной формы, в которую отчасти облекается развитие данной науки, в определенной мере способствуя привлечению к ней внимания широких кругов, притоку свежих научных сил. Так, ссылаясь на изданную в 1810 г. в Петербурге работу А.Ф. Севастьянова «Геогнозия»³⁹⁵, Вернадский замечает, что это было «сочинение, любопытное в связи с натурфилософскими увлечениями, сыгравшими такую *видную и плодотворную роль* в истории русского общества»³⁹⁶.

Натурфилософия, *подменяющая* собой естествознание, есть нечто противоположное науке; натурфилософские идеи и проблемы, *сочетающиеся* с фундаментальными исследованиями в конкретных областях научного знания, могут представлять в определенных случаях эвристическую ценность, которой не следует пренебрегать. Такова принципиальная позиция Вернадского, и с ним, *это доказывается текстуально*, целиком солидаризируется АО.

В сущности, столетие спустя, он подхватывает мысль Вернадского о том, что «философия должна иметь дело не только, или не столько, с реальным материалом научного знания, как с **возможным** и вероятным материалом, ибо только при этом условии она может идти дальше и предугадывать ход дальнейшего развития мысли. Только при этом условии возможна теория познания»³⁹⁷

Последний сюжет: диалог мыслителей

Монографию-энциклопедию Огурцова завершает раздел, обозначенный им достаточно традиционно: «Вместо за-

1909 // Вернадский В.И. Избр. соч. Т. I. М., 1954. С. 396.

³⁹⁵ См.: Севастьянов А.Ф. Геогнозия, или наука о горах и горных породах, присовокуплением наставлений путешествующему геологу, почерпнутых из 4-го тома путешествия г. Соссюра по Альпийским горам. СПб., 1810.

³⁹⁶ Вернадский В.И. О значении трудов М.В. Ломоносова в минералогии и геологии. М., 1900. С. 15. Курсив мой.

³⁹⁷ Вернадский В.И. Мысли. 1920-1931 // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 73. Выделено Вернадским.

ключения». И здесь, я бы сказал, история повторяется: и по своему объему (с. 284–306), и – главное – по содержанию заключительный раздел далеко выходит за границы простого «вместо» заключения. В нем, говоря словами только что процитированного Вернадского, *AO* «имеет дело... с возможным и вероятным материалом, идет дальше и предугадывает ход дальнейшего развития мысли».

Последний – третий – подраздел заключения озаглавлен: «Личность и ее самовыражение в философии». Он – самый объемный и на него приходится львиная доля интеллектуальной нагрузки (с. 292–306)...

Действительно, Вернадский подчеркивал, что философия «теснейшим образом связана с личностью», «является попыткой из личности познать сущее»³⁹⁸.

Роль личности в философском творчестве сказывается, по его мнению, в еще большей степени, нежели в научном познании. В то время как научные истины в своем существе безлики, в философии личность отражается не только на процессе (что характерно также и для науки), но и на самих результатах познания. Каждый философ смотрит на мир как бы через собственные, только ему принадлежащие «философские очки». Личность философа – это сложная равнодействующая чрезвычайно разнообразных факторов. Под влиянием причин социального и бытового характера, условий воспитания и образования, господствующей в данную эпоху общей духовной атмосферы и т.п. у каждого философа формируется свое видение мира, оригинальное философское мировоззрение³⁹⁹.

В 1907 г. Вернадский писал сыну, узнав, что тот увлекся философией Спинозы: «Я очень живо и глубоко чувствую твой интерес к философии Спинозы, но мне кажется, ты должен прочесть его биографию для того, чтобы вполне понять совершенно своеобразную, глубоко индивидуальную глубину его мышления. Мне кажется, едва ли кто другой из философов так сильно захватил общие черты в индивидуальном и чисто личном, как это сделал Спиноза. В этом отношении он стоит наряду с великими художниками. Конечно, его фило-

³⁹⁸ Вернадский В.И. Дневниковые записи. 1890–1894 // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 53; Научная мысль как планетное явление // Там же. Оп. 1. Ед. хр. 149. Л. 70.

³⁹⁹ Вернадский В.И. Очерки и речи. Вып. II. Пг., 1922. С. 14–15, 26–28, 93–94.

316 И.И. Мочалов

софия может изучаться и помимо его жизни, но правильно понята она может быть лишь на почве его личной судьбы. С этой точки зрения не менее ценно собрание его переписки, которая, кстати, имеется в прекрасном русском переводе Волынского, — она интересна и в хрустальной ясности спинозовой латыни»⁴⁰⁰.

Вернадский отмечал: субъективно-личностный элемент, — внутренняя сосредоточенность, «уход в себя», рационалистическое самоуглубление, как об этом свидетельствует вся история философии, — всегда играл важнейшую роль в философском творчестве. «Философ углубляется в себя и связывает с этим *своим* систематическим размышлением картину реальности, в которую он захватывает и многие глубокие проявления личности, едва затронутые или совсем не затронутые наукой... В самом себе, в размышлении над своим я, в углублении в себя, даже вне событий внешнего личности мира, человек может совершать глубочайшую философскую работу, подходить к огромным философским достижениям»⁴⁰¹.

Подчеркивая главенствующую роль в развитии философской мысли отдельных выдающихся личностей, Вернадский вместе с тем был далек от того, чтобы считать философское творчество прерогативой одной лишь интеллектуальной элиты. «Положение философии в структуре человеческой культуры — очень своеобразное... Огромное число относящихся к философии или могущих относиться к ней проблем, постоянно растущих, непрерывный переход от нее ко всем вопросам обыденной и государственной жизни, здравого смысла и морали дает возможность принимать участие в ее работе всяко му мыслящему и задумывающему над происходящим человеку... Можно быть философом, и хорошим философом, без всякой ученой подготовки — надо только глубоко и самостоятельно размышлять обо всем окружающем, *сознательно жить* в своих собственных рамках. В истории философии мы видим постоянно людей, образно говоря, “от сохи”, которые без всякой другой подготовки оказываются философами»⁴⁰²

⁴⁰⁰ Вернадский В.И. Письмо Г.В. Вернадскому 12 июля 1907 г. // ГАРФ. Ф. 1137. Оп. 1. Ед. хр. 200. Л. 40. Выделено Вернадским.

⁴⁰¹ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. 1938 // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 1. Ед. хр. 149. ЛЛ. 93, 98. Выделено Вернадским.

⁴⁰² Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. 1938 // Там же. ЛЛ. 92–93. Выделено Вернадским.

Поэтому, по мнению Вернадского, не следует в оценке роли обучения в философии впадать в наивную крайность, полагая, что философское образование одно само по себе способно сотворить чудо и во всех случаях — даже при отсутствии у человека необходимых задатков и интереса — сделать из него «философа». «Ясно, что философии надо учиться, но нельзя с помощью только ученья сделаться философом»⁴⁰³. Вместе с тем обучению, как, впрочем, и самообучению, в философии принадлежит очень значительная роль. Пренебрежение философским образованием, нигилистическое к нему отношение еще более опасны и вредны. «Наряду с этим философии учат, и действительно философии можно и нужно учиться. Произведения великих философов есть величайшие памятники понимания жизни и понимания мира глубоко думающими личностями в разных эпохах истории человечества. Это живые человеческие документы величайшей важности и поучения»⁴⁰⁴.

«Человечество переживает сейчас, — констатировал Вернадский, — огромное, все растущее возбуждение и подъем философского творчества. Это пробуждение философских исканий стихийно войдет и в нашу страну, охватит ее мыслителей и неизбежно — рано ли, поздно ли — мощно скажется в ее духовной жизни»⁴⁰⁵.

Этот расцвет, полагал он, наступит «уже после нас, после людей моего поколения, во всяком случае»⁴⁰⁶. Без малого 100 лет спустя, мы можем утверждать сейчас, что это пророчество начинает осуществляться не в последнюю очередь благодаря также и философскому творчеству Александра Павловича Огурцова, нашего незабвенного Саши.

⁴⁰³ Там же. Л. 94.

⁴⁰⁴ Там же. Л. 93.

⁴⁰⁵ Вернадский В.И. Записка о выборе члена Академии по отделу философских наук. 1928 // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 1. Ед. хр. 314. Л.5.

⁴⁰⁶ Вернадский В.И. Письмо Б.Л. Личкову 17 ноября 1924 г. // Кабинет-музей В.И. Вернадского Института геохимии и аналитической химии имени В.И. Вернадского РАН.

В.П. Макаренко

О БЮРОКРАТИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В мае 1992 г. при посещении московского Дома ученых я предложил Александру Павловичу Огурцову провести круглый стол в журнале «Вопросы философии» по теме бюрократии. В июне того же года идея была реализована. Редакция предложила для обсуждения следующие проблемы: бюрократия и ее место в посттоталитарном обществе; типы бюрократии; бюрократия и властвующая элита; бюрократия и группы интересов; бюрократия и проблемы управления; бюрократия и авторитаризм как формы управления; авторитаризм и национально-государственное обустройство России; перспективы демократии в России⁴⁰⁷.

В круглом столе, помимо Огурцова и меня, участвовали известные философы, социологи и политологи (Т.А. Алексеева, Ю.А. Замошкин, В.К. Кантор, В.М. Межуев, А.С. Панарин и др.). Главный редактор журнала В.А. Лекторский указал, что проблема бюрократии для России является одной из самых острых, поскольку существует постоянная угроза демократическим изменениям со стороны новой бюрократии и слоев, которые жаждут нового диктатора. Огурцов подчеркнул, что Россия тихо вползла в авторитаризм с бюрократическим сти-

⁴⁰⁷ См.: Бюрократия, авторитаризм и будущее демократии в России (материалы «круглого стола») // ВФ. 1993. № 2. С. 3–32.

лем управления. Авторитарный политический режим всегда выступал как надпартийная структура, стремился стать патроном политических партий, волютить патерналистское отношение к объединениям граждан, свободной прессе, независимым СМИ. Управление государством осуществляется авторитарной бюрократией, которая использует законы и подзаконные акты для упрочения своей власти, коренящейся в простом факте пребывания в должности. Бюрократия России смыкается с корпоративными группами, коррумпируется и не допускает правовых механизмов регуляции и контроля. Борьба с бюрократией составляет важнейшую задачу демократических движений.

Таким образом, более двадцати лет назад учёные зафиксировали связь бюрократии с авторитаризмом и вытекающую отсюда блокировку демократических преобразований в России. Поэтому анализ всех аспектов данного процесса необходим для возврата страны на нормальный путь развития.

Исходные посылки

В итоге длительного исследования проблемы бюрократии я пришел к нескольким основным выводам: ни политическое руководство бывшего СССР, ни правительство современной России даже не пытались извлечь практических выводов из теории бюрократии для преодоления тотальной бюрократизации государственной власти и управления; в России веберовская концепция «рациональной бюрократии» используется для апологетики существующего режима и манипуляции обществом; современное российское законотворчество не выражает интересов населения, а обслуживает произвол вершины и других звеньев государственного аппарата; этот аппарат раскололся на несколько клик, ни одна из которых не выражает общих интересов населения страны; политическая система российского государства устарела, а так называемая «оппозиция» была и остается частью властно-политического истеблишмента; сам способ постановки и обсуждения социальных и политических проблем в современной России является разновидностью манипуляции обществом со стороны власти, ее специальных и идеологических служб⁴⁰⁸.

⁴⁰⁸ См.: Макаренко В.П. Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса. Ростов-на-Дону, 1985; он же.

Эти положения уже давно обсуждаются в научной литературе⁴⁰⁹. На критику коллег я ответил разработкой теорий оппозиции, легитимности, групповых интересов и власти⁴¹⁰. В результате возникло целое исследовательское поле. Кратко скажу об инструментарии⁴¹¹.

Специфика моего подхода — анализ бюрократии во взаимосвязи с проблемами культивирования политической оппозиции и легитимности. Бюрократия (государственная служба, государственный аппарат) — это социальный организм-паразит на всем протяжении своего исторического существования, отражение социальных конфликтов и материализация политико-управленческого отчуждения. Любые государственные аппараты есть политические формы естественного (животного, биологического) состояния общества. Они претендуют на универсальность, но не создают ни материальных, ни моральных, ни политических, ни духовных ценностей. Базисные понятия теории бюрократии («бюрократическое отношение — государственный формализм — политический рассудок») позволяют описать поведение бюрократии на уровне отношений, деятельности и сознания в мирные и революционные периоды развития, а также в периоды политических реформ, одну из которых безуспешно пытались осуществить политическое руководство России.

Бюрократия царской, советской и нынешней России есть класс властителей-собственников, а связанные с нею круги

Бюрократия и государство: ленинский анализ бюрократии царской России. Ростов-на-Дону, 1987; *он же*. Вера, власть и бюрократия: критика социологии М. Вебера. Ростов-на-Дону, 1988; *он же*. Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону, 1989; *он же*. Социальная структура: явные и скрытые элементы. Ростов-на-Дону, 1992; *он же*. Бюрократия и государственный формализм // ВФ. 1993. № 2; *он же*. Цикл работ 1985–2000 гг. по фундаментальным проблемам политической науки http://portal.rsu.ru/science/modernisation/L_M/Makarenko/%E3%C9%CB%CC%20%D2%C1%C2%CF%D4%201985-2000%20%C7%C7..doc

⁴⁰⁹ См.: Бюрократия, авторитаризм и будущее демократии в России (материалы «круглого стола») // ВФ. 1993. № 2 (выступление Т.А. Алексеевой и др.); Левинсон А.Г. Термин «бюрократия» в российских контекстах // ВФ. 1994. № 7–8 и др.

⁴¹⁰ См.: Макаренко В.П. Теория бюрократии, политическая оппозиция и проблема легитимности. СПб, 1996.

⁴¹¹ См.: Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство. Часть 1. Ростов-на-Дону, 2013.

интеллигенции — группа властителей-жрецов государства. Авторитарно-бюрократические тенденции русских революций — это воспроизведение силовых министерств и ведомств с помощью культивирования социальной и политической мимикрии, политической демагогии, бумаготворчества, реакционно-бюрократического контроля, политического консерватизма и иллюзий. Указанные тенденции после Октябрьской революции привели к тому, что партийно-государственный аппарат СССР стал суперклассом. Сосредоточил в своих руках экономическое, социальное, политическое и духовное господство. Аппарат нынешней России — наследник данного суперкласса. В Российской империи/СССР сложилась и воспроизводится до сих пор экономическая, социальная, юридическая, политическая и идеологическая бюрократия. Политическая структура нынешней России включает все элементы бюрократических отношений, государственного формализма и политического рассудка и охватывает мимо противоборствующие политические силы.

Политическая оппозиция — это партии, группы и движения, которые действуют организованно, стремятся взять власть из рук правящей бюрократии и передать ее другой политической силе. Оппозиция в той форме, в какой она существует в России, есть часть государственного аппарата.

Легитимность — это такое состояние политической системы и всех ее элементов, когда они признаются и одобряются всеми (или большинством) граждан на том основании, что обладают политической правотой и научной истиной. Но политическая правота и научная истина были и останутся дискуссионными или спорными. Поэтому ни одно государство не является абсолютно легитимным. Легитимизация власти есть процесс завоевания доверия у граждан, а не трансляции традиционалистских и навязывания авторитарно-бюрократических представлений о легитимности.

При анализе проблемы легитимности следует исходить из различия между реальной властью и официальной легитимностью. Из концепта «легитимность» надо исключить насилие, манипуляцию, материальное процветание общества, организационно-управленческую эффективность власти и политическую пассивность граждан. Любой из указанных параметров содержит опасность отождествления легитимности с существующим государством и политическим режимом.

Любое государство и власть легитимны частично. Концепт

«частичной легитимности» позволяет изучать: классические и современные объекты и субъекты легитимизации; степень согласия граждан с аргументами, которыми пользуются политические клики и государственные аппараты для оправдания своей власти; степень и конкретные проявления самооправдания клик и бюрократии; процессы обретения и потери легитимности.

Обычно государства и государственные аппараты признаются субъектами и объектами внутренней и международной политики. Я строю теорию политических типов на методологии, отвергающей классические концепции субъекта и объекта и культивирующей принципиальное различие между дискурсами власти и науки. «Позиция “соприкосновения разных сознаний” и была точкой отсчета в данной статье при анализе отношений властного сознания и рефлексивного сознания науки о самой себе, двух форм дискурса — властного дискурса и науки, — писал Огурцов. — Это соприкосновение не было Встречей-коммуникацией двух равноправных сознаний (что предполагает диалог), стремящихся понять друг друга, идущих навстречу друг другу и ищущих взаимопонимания. Нередко отношение между ними было отторжением, отчуждением. Дискурс власти — это монолог, язык диктата, не допускающий каких-либо возражений и сомнений. Дискурс науки, отложившийся в ее рефлексивных образах, выявлял те моменты в жизни научного знания, которые еще не были доминирующими, и, по сути, были потенциями, реализующимися позднее»⁴¹². Специфика политической грамматики такова, что все проекты переустройства общества по любым рецептам (либеральным, социалистическим, консервативным, националистическим, этническим или их комбинации) и вытекающие из них концепции легитимной власти являются либо ложными, либо к ним не применимы критерии истины и лжи.

Если применить нормативно-элиминационную и конструктивно-генетическую установку к анализу политических фактов и политического языка, то исходная альтернатива теории легитимности заключается в следующем: она может

⁴¹² Огурцов А.П. Наука и советская власть: смена образов и стратегий // Подвластная наука? Наука и советская власть / Сост., научн. ред. С.С. Неретина, А.П. Огурцов. М., 2010. С. 64–65. См. также: Огурцов А.П. Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций) // Там же. С. 737–814.

основываться на самопризнаваемом логическом круге и продуцировать парадоксы социального и политического бытия граждан и государств; она может базироваться на утверждении о собственной достоверности, продуцировать догмы для культивирования естественного догматизма большинства людей, включенных в социальные и политические процессы, и усиливать данные догмы в деятельности и сознании общественно-управленческих аппаратов. Большинство направлений политической мысли и практики до сих пор тяготеют ко второму члену альтернативы.

Проблема «истинности» любых концепций легитимной власти зависит от эпистемологического, аксиологического и политического выбора, но никаких универсальных правил такого выбора не существует. Поэтому все концепции легитимной власти являются разновидностями идеологии, их научный статус был и останется дискуссионным. Для анализа меры идеологичности любых государств и концепций легитимности я использую понятия «политическое отчуждение», «гражданское отчуждение» и «гражданское сопротивление» в их пространственно-временных характеристиках⁴¹³.

В рамках цивилизационных циклов любая власть является легитимной и нелегитимной одновременно. Никаких абсолютных критериев для измерения пропорции между легитимностью и нелегитимностью власти не существует. Любые соображения о легальных (формально-правовых), традиционных, харизматических, символических, исторических, философско-исторических, религиозных, национальных, этнических, «консенсусных», «архетипических» и прочих основаниях доверия к власти (такой список обычно приводится в большинстве работ по проблеме легитимности) являются разновидностью мифологизации.

Эта статья посвящена дальнейшему обоснованию и детализации указанных положений. В частности, я уже применял теорию бюрократии для анализа связи между группами интересов и правительством современной России. Корпоративные, клиентельные и парентальные отношения групп интересов с госаппаратом не отражают общих интересов населения страны и не являются правовым взаимодействием между си-

⁴¹³ См.: Макаренко В.П. Государство и политический реализм: пути когнитивного сопротивления // Космополис. Журнал мировой политики. 2006. Весна. № 1(15).

стемой социальных интересов и властью. Госаппарат тоже не выражает общих интересов. Поэтому общие интересы населения страны не выражаются и в российском законодательстве. Таков парадокс постсоветской трансформации в России: вмешательство правительства в социальную жизнь увеличивает стремление групп интересов изменить перераспределительную политику в свою пользу, одновременно увеличивая сферу неправового взаимодействия групп интересов с госаппаратом и социальную роль правительства⁴¹⁴. Эта тенденция усилилась после прихода Путина к власти⁴¹⁵.

Роль госаппарата растет по мере того, как он оккупирует все социальные территории. Эту меру до сих пор определяет правительство, поскольку оно не отказалось от регламентации экономических, властно-управленческих, избирательных, политических и идеологических процессов в свою пользу. Поэтому правительство России и весь аппарат управления государством — особая группа интересов: «Современное российское государство сохранило символический фасад государственности, но прекратило существование, с точки зрения ключевых внутренних функций — охраны, сбора налогов, обеспечения правопорядка; это — частное охранное предприятие, которое располагает офисом в Кремле; определенные группы контролируют средства организованного насилия и называют себя “российским государством”»⁴¹⁶.

Однако граница между государственным насилием и частнопредпринимательской уголовщиной постоянно нарушается следующими процессами: 1. власть обычно делегирует кому-то часть своих силовых функций, которые не может (или не хочет) сама выполнять (взимание налогов, охрана рубежей, организация торговых кампаний, колонизация, создание проправительственных движений и партий пр.). Этим объясняется относительность всех норм и законов. 2. В эпохи

⁴¹⁴ См.: *Макаренко В.П.* Групповые интересы и властно-управленческий аппарат: к методологии исследования // Социс. 1996. № 11; 1997. № 7; *он же*. Правительство и бюрократия // Социс. 1999. № 2.

⁴¹⁵ См.: *Фурман Д., Морозов А., Прибыловский В., Петров Н., Коргунюк Ю., Блюм А.* О политической системе России после путинских реформ // Неприкосненный запас. 2004, № 6 (38). <http://magazines.russ.ru/nz/2004/38/ref3-pr.html>. Последнее посещение 11. 04. 2016.

⁴¹⁶ *Волков В.В.* Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства: исследовательская гипотеза // Полис. 1998. № 5. С. 46–47.

социальных изменений политическое и уголовное насилие переплетаются. После победы революции или проведения реформы связь между политическим и уголовным насилием становится основанием силового сектора новой власти. З. В периоды социальной нестабильности государство использует «насилие снизу» (неформальные структуры под контролем полиции, службы безопасности внутристрановых и транснациональных корпораций) для выполнения задач, которые по политическим и/или иным причинам оно не может или не хочет брать на себя. Такое насилие служит прикрытием для деятельности спецслужб, выдается за стихийные акции народа.

Третий процесс в последние 15 лет стал повседневной практикой: «Фактически складывается своеобразный “круговорот” государственных и частных, официальных и теневых, правовых и противозаконных форм насилия, которые могут и должны по-разному оцениваться с позиций действующих в данной стране и в данное время норм закона, морали, идеологии, политики»⁴¹⁷. Проблема смещается к описанию конкретных форм этого круговорота, который стал особенно заметен после агрессии России на Украину.

Советская власть на всем протяжении своего существования усиливала авторитарно-бюрократические тенденции революций⁴¹⁸. В постсоветской России причиной авторитарных тенденций является связь экономики и политики. Под предлогом модернизации власть транслирует монархически-советскую связь политического угнетения с экономической эксплуатацией людей и природы. Главная драма посткоммунистической трансформации — борьба между сторонниками

⁴¹⁷ Косолапов Н. Круговорот насилия в социальных структурах // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 3. С. 73. Большинство лидеров террора готовились спецслужбами государств для выполнения возложенных на эти службы задач. Затем террористы выходили из-под материнской опеки, переходили к другому нанимателю или пытались вести свою игру. На этом фоне выглядят детскими лепетом вопросы вождя сюрреализма: «Почему в человеке так мало индивидуального? Ну, почему человеку не развлечься, пустив под откос парочку поездов?.. Не понимаю, почему до сих пор никого из тех, кто производит унитазы, не посетила счастливая мысль поместить бомбу в сливной бачок, чтобы она взорвалась, когда власть имущий дернет за цепочку!». Дали С. Сюрреализм — это я. М., 2005. С. 156.

⁴¹⁸ См.: Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону, 1989. С. 42–102.

рынка и рантье. Последние поставили задачей переходного периода сохранить условия для извлечения ренты⁴¹⁹.

Д. Норт показал, что армия, церковь и бюрократия — главные действующие лица латино-американского пути зависимости экономики от траектории предшествующего развития. В результате испано-язычные страны навсегда отстали от других стран Запада⁴²⁰. Движение России по латиноамериканскому пути подтверждено⁴²¹. Предпосылки для анализа влияния армии, церкви и бюрократии на социальную жизнь страны уже появились и полностью проявились. Нужен детальный анализ этого влияния.

Полицейская культура России базируется на культурах репрессивного закона, военщины, политического сыска. Эти качества государства воспроизводились на протяжении столетий — от Тайной канцелярии до КГБ/ФСБ⁴²². Армия и органы госбезопасности способствовали тому, что госаппарат России/СССР культивировал холопство на протяжении столетий, включая советское время и современный этап⁴²³. В российском обществе до сих пор господствует репрессивное сознание, отождествляющее экономический и административно-полицейский порядок. Составным элементом такого тождества является «народная любовь к армии и чекистам», недоверие к суду, воздействие на власть через родственно-дружеские и криминальные сети: «В результате молодая Россия (слой современных российских предпринимателей. — В.М.) выступает сегодня <...> в роли главной наследницы и продолжательницы советского образа жизни эпохи разло-

⁴¹⁹ См.: Макаренко В.П. Аналитическая политическая философия: очерки политической концептологии. М., 2002. С. 190–224.

⁴²⁰ См.: Дуглас Норт. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. Фонд экономической книги «Начала». М., 1997.

⁴²¹ См.: Круглый стол «Авторитаризм развития: генезис, функции, перспективы» // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 5–7; Шевцова Л. От России Ельцина к России Путина (эволюция выборной монархии) // <http://www.ieras.ru/journal/journal4.2000/3.htm>. Посещение 31.07.2015.

⁴²² См.: Анисимов Е.В. Дыба и кнут: политический сыск в России. М., 2001. ФСБ — Федеральная служба безопасности Российской Федерации.

⁴²³ Хелли Р. Холопство в России: 1450–1725. М., 1998. С. 19.

жения»⁴²⁴. Надо описать механизмы воспроизведения такого разложения.

Вся история России/СССР – это процесс многократного образования и распада империи⁴²⁵. Но в рамках империй невозможно разрешить ни *универсальные проблемы* (появление класса государственных чиновников, торговля государственными должностями, конфликт центра и периферии, использование финансов и кредита для колонизации новых и удержания за собой прежде завоеванных пространств), ни устранить *особенности распада империй*: возникающие на руинах империй государства обладают большой силой самосохранения даже при неблагоприятных обстоятельствах; на протяжении периода распада империй эти государства превращаются в «змеиный клубок интересов», зависимостей и карьер; государство становится самодовлеющей ценностью и теряет способность решения социальных проблем; зато оно удовлетворяет материальные интересы все большего слоя людей, не создающих ни материальных, ни духовных ценностей; по мере распада империй новые правящие клики преобразуют государство в сословный институт⁴²⁶. Под углом зрения «змеиного клубка интересов» можно рассматривать деятельность всех государственных ведомств и институтов.

В эпоху разложения СССР вне критики полностью оставались деятельность органов управления высших уровней, госбезопасность, армия и внешняя политика. После 1991 г. шлюзы открылись. Теперь дипломаты критикуют военных и чекистов, военные и журналисты критикуют чекистов и дипломатов, чекисты критикуют дипломатов и идеологов, бывшие идеологи огрызаются на все стороны, почти все плюются вслед ЦК КПСС, а сыновья стремятся выгородить своих папаш⁴²⁷. Накапливается громадный эмпирический и антrop-

⁴²⁴ Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Смягчать или ужесточать законы? // Полис. 2000. № 5. С.129.

⁴²⁵ См.: Геллер М.Я. История Российской империи. Т. 1 – 2. М., 2001.

⁴²⁶ См.: Макаренко В.П. Кавказ: концептуологический анализ // Социс. 2001. № 12.

⁴²⁷ Приведу навскидку несколько симптоматичных публикаций: Гриневский О. Тайны советской дипломатии. М., 2000; Шебаршин Л. Рука Москвы. М., 2000; Филби К. В разведке и в жизни: сборник статей и мемуаров. М., 2005; Сухомлинов А. Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. М., 2004; Бовин А. 5 лет среди евреев и мидовцев, или Изра-

ологический материал для анализа «змеиного клубка интересов» (в данном случае я использую метафору Б. Льюиса) политической бюрократии и применения к российским процессам теории политической критики⁴²⁸.

Перед перестройкой значительная часть комсомольских лидеров низшего и среднего звена перебежала в органы безопасности и более других воспользовалась (в личных целях) начавшимися в стране преобразованиями⁴²⁹. Перебежчики всегда держали нос по ветру. Знали, что *советское общество жило двойной жизнью, функционировало в двух параллельных мирах*. Но первой социальной системой с двойным сознанием был капитализм: «Американские финансисты начали пользоваться двойным языком — для внутреннего и для внешнего употребления. Последний имеет характер дискурса, адресованного общественному мнению, в котором успех финансиста представляется как типичный триумф сэлфмейдмена и условие благосостояния нации. Существование двойного языка — типичная реакция любого класса, который чувствует, что его престиж нарушен, а привилегии находятся под угрозой. Чтобы это замаскировать, он должен стремиться к отождествлению собственной судьбы с судьбой государства и нации. Такая модель может существовать на протяжении столетий»⁴³⁰. Попутная проблема состоит в анализе современных форм двойного языка и классификации групп населения и политических институтов России, которые настаивают на тождестве собственной судьбы с судьбой государства и нации.

иль из окна российского посольства (из дневника). М., 2003; Шлыков В. Что погубило Советский Союз. Генштаб и экономика. М., 2002; Коржавин Н. В соблазнах кровавой эпохи. Воспоминания: В 2-х кн. Кн.1. М., 2006; Протоиерей Георгий Эдельштейн. Записки сельского священника. М., 2005; Черняев А.С. 1991 год. Дневник помощника Президента СССР. М., 1997; Микоян С. А. Анатомия Карабского кризиса. М., 2006.

⁴²⁸ См.: Уолцер М. Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века. М., 1999.

⁴²⁹ См.: Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: В 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. Часть 2. М., 2006. С. 863, 878.

⁴³⁰ Braudel F. Historia I trwanie. Warszawa, 1971. S.68.

Прозрения Андрея Платонова

Эту проблему можно ставить и решать по-разному. В том числе на основе прозрений А. Платонова об универсальности двоемыслия. Он считал этот феномен следствием и причиной появления и поведения особого социально-антропологического типа, возникшего в СССР после революции. Приведу главные констатации Платонова, классифицируя их по условным рубрикам.

Общая характеристика человека: «Типичный человек нашего времени: это голый — без души и имущества, в предбаннике истории, готовый на все, но не на прошлое». «Не Иван-дурак, а Иван-асpid, Иван-хитрец — вот сущий тип нашего времени». «Сознание себя Иваном-дураком, это самосознание народа (класса)». «Каждый человек с детства вырабатывает себе социальную маску, чтобы гарантировать себе наибольший успех. Уже с детства человек впадает в уродство: все люди на самом деле замаскированы»⁴³¹.

Связь революции и контрреволюции. «Революция была задумана в мечтах и осуществляема (первое время) для исполнения самых никогда не сбывающихся вещей». Таких мечтаний (в терминологии Платонова — тайных идей⁴³²) три: а) устранение религии как народной религиозности⁴³³ и как следствия нечистой совести: «Жизнь состоит в том, что она исчезает. Ведь если жить правильно — по духу, по сердцу, подвигом, жертвой, долгом, — то не появится никаких вопросов, не появится желание бессмертия и т.п. — все эти вещи являются от нечистой совести»; б) использование философии для освобождения человека: «Вся философия есть способ самозащиты угнетенных людей против угнетателей, путем поисков такого слова, чтоб их угнетали не до смерти, чтоб слово это подействовало на угнетателей особым, неизвестным магическим образом, — но черта с два это выйдет»; в) не менее

⁴³¹ Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. 2-е изд. М., 2006. С. 42, 72, 78, 100, 102.

⁴³² «Чем живет человек: он что-нибудь думает, т.е. имеет тайную идею, иногда несогласную ни с чем официальным» // Платонов А. Там же. С. 113.

⁴³³ Реальную народную религиозность Платонов описывал по квитанции: «Счет живописца — церкви: «Залатал дыру Марии Магдалины». «Пририсовал Св.Семейству недостающий член» // Платонов А. Там же. С. 156.

330 В.П. Макаренко

значима «...мечта о государстве, где население бьет, издевается, колотит полицию, власть и пр. — и население наслаждается»⁴³⁴.

Непосредственная цель революции в России состояла в уничтожении буржуазии — «великой гниды земного шара». Средством был специфический человеческий материал: «Только деклассированные, выродившиеся из своего класса, “ублюдки” истории и делали прежде революции <...> Да здравствуют безымянные “ублюдки” и всякие “отбросы” человечества!». «Без мучений нельзя изменить общество: ведь социализм получил в наследство мещанство, сволочь <...> Страдание ототрет с таковых, размелет их разум, от которого можно застрелиться в провинции». «Сознание, не закрепленное в чувстве, это действительно контрреволюция, т.е. непрочное слишком состояние». «Если нельзя сплотить людей на основе родства, то можно их соединить на основе мучительства».

На деле «великая гнида» и «ублюдки» сыграли роль исторического навоза: «В революции выигрывает “боковая сила”, т.к. главные уничтожают друг друга, а боковая остается при здоровье и забывает все». «Мещанин, а не герой вывезет историю». Иначе говоря, реальная революция в России оказалась мучительством масс ради победы мещан под видом революционных преобразований⁴³⁵.

Так формировалась *социальная основа советских преобразований*. «Советская власть опирается на приспособленческие элементы, страшно цепляющиеся за жизнь и готовые на все». «Удивительно, что люди жались к жакту, кабинете, к справкам, хотя в городе были мировые театры и в мире вечные вопросы мучения». «Люди связаны между собой более глубоким чувством, чем любовь, ненависть, зло, мелочность и т.д. Они товарищи даже тогда, когда один из них явный подлец, тогда подлость его входит в состав дружбы. Отчего это? Оттого, что человек интересен лишь с “говном”. Устраивали праздники по случаю получения паспортов, справок, воинских билетов и т.д.».

Из всего перечисленного вытекает бюрократическая природа *советского государства* — это «государство, держа-

⁴³⁴ Там же. С. 141, 167, 171, 257, 157, 233.

⁴³⁵ Там же. С. 159, 147, 44, 225, 68, 69, 72, 113, 176.

щееся на чтении книг, газет». Жизнь в таком государстве есть беспрерывное напряжение приспособленчества и безошибочности. «Учреждения ничего не делают, сознавая бесполезность большинства дел, но взаимосвязь, прослежки, страх перед неисполнением пустяка такие сильные, что все плетется мелочью, трется и тихо выходит дело. Так что учреждения полезны, но не работой, а суетой». «В начале класса — чиновничий героизм; смерть на далеких бурьянных полях с портфелем и преданностью; герой более мощный, чем военный, более глубокий и жуткий»⁴³⁶. Бюрократический геройзм в СССР стал массовым явлением: «Чтобы истреблять целые страны, не нужно воевать, нужно лишь так бояться соседей, так строить военную промышленность, так третировать население, так работать на военные запасы, что население все погибнет от экономически безрезультатного труда, а горы продуктов, одежды, малин и снарядов останутся на месте человечества, вместо могильного холма и памятника»⁴³⁷.

Хотя все население страны не погибло, но СССР распался. Советская власть провозгласила социалистическую демократию, а постсоветская назвала ее «суверенной»⁴³⁸. Однако «происхождение демократии — это переодетая полиция, это штатскость — для конспирации наблюдения». В этом смысле Платонов оказался пророком⁴³⁹. Иначе говоря, ни цель революции, ни тайные мечтания наших соотечественников не осуществились до сих пор.

Причин тому много. В том числе — многослойность массового сознания. В составе населения СССР существовало три типа масс: представители рода *homo sapiens* жили в рамках первой реальности; представители рода *homo communisticus* были сосредоточены в партийно-государственном аппарате и жили в рамках второй реальности; представители рода *homo soveticus* жили одновременно в двух мирах. У *homo soveticus* существовал чисто материальный интерес к «строительству нового общества». На этой основе в СССР появилась новая порода человеческих особей. Она сохраняла анатомию и физиологию *homo sapiens*, но отличалась от прародите-

⁴³⁶ Там же. С. 108, 144, 106, 113.

⁴³⁷ Там же. С. 104.

⁴³⁸ См., например: Суверенитет / Сост. Никита Гараджа. М., 2006.

⁴³⁹ Платонов А. Указ. соч. С. 104, 150.

лей способом чувственного восприятия мира и логики суждений о нем. Этот менталитет передавался с молоком матери, поддерживался системой общественного воспитания и до поры до времени сравнительно бесконфликтно совмещал представления о «простой жизни» и «борьбе за коммунизм». Но разрыв во взглядах на мир между представителями *homo communisticus* и *homo sapiens* свидетельствовал о глубокой трещине в структуре массового сознания. Широкие массы не поддались на удоочку коммунистической пропаганды и не верили в возможность земли обетованной. Предпочитали реализовывать не общественные, а свои собственные жизненные цели — без «коммунистического труда» и без «коммунистической морали». Это обстоятельство породило конфликты, чреватые негативными последствиями⁴⁴⁰.

Не пора ли почесать затылок с учетом последствий деятельности «великой гниды», «ублюдков» и трехслойной структуры массового советского сознания?

Этот вопрос давно меня вдохновляет. Для описания прошлого, настоящего и будущего (если оно есть...) мертвых, живых и еще не рожденных отечественных сущих — крапивного семени чиновников (так в словарях называли судейских, чем подчеркивались продажность и произвол царевых судей и приказных), я создал концепт «сжирубешенства», дедуцировав его от русской пословицы «с жириу бесяся».

Паек и оппозиция

Военно-служилое сословие образует социальную почву и политическую основу империй. В современной России оно сохраняет экономическую и политическую власть, дает заказы на выработку идеологии или само пытается ее сочинять⁴⁴¹. Оно вмонтировало в социальные и политические преобразования механизмы обеспечения собственных экономических и политических интересов. О.В.Крыштановская назвала этот процесс «возрождением номенклатуры», которая пережила ужасы реформ 1990-х годов, перестроилась, сменила имидж, но осталась у власти. Восстановлена «табель о ран-

⁴⁴⁰ См.: Грушин Б.А. Указ. соч. С. 874–875.

⁴⁴¹ См., например: Алексеев С.В., Каламанов В.А., Черненко А.Г. Идеологические ориентиры России / Под ред. С.В. Степашина. М., 1998. Т. 1–2.

гах», отстроены новые «дворянские гнезда», спецателье и спецтранспорт. Перелицована идеология: «Раньше жили по принципу «социализм для народа, капитализм — для элиты», а теперь наоборот — «капитализм для народа, социализм для элиты»... Но суть та же: властью ни с кем не делиться, льготы — себе увеличить, а другим — отменить»⁴⁴². Поэтому российское государство парализовано множеством формальных и неформальных связей.

В массовом сознании бытует мнение, что в СССР господствовал партийный аппарат. Однако на всем протяжении советской власти партийный, военный и полицейский аппараты конкурировали между собой за главное место в политике. Конкуренция завершилась созданием военно-промышленного комплекса, в состав которого вошли также ученые-естественники и идеологическая обслуга⁴⁴³. Этот монстр выступал главным властителем-собственником и эксплуататором природных и людских ресурсов страны.

Предпосылки эксплуатации стали складываться сразу после Октябрьской революции. Осенью 1918 г. жители Москвы и Петрограда были разделены на категории в зависимости от рода деятельности (физической, интеллектуальной и нетрудовой). Нормы снабжения были установлены для каждой категории в пропорции 4:2:1. В 1919 г. разделение превратилось в систему. Например, врачи и медработники получили надбавку к пайку за борьбу с эпидемиями. Военные получали красноармейский паек в зависимости от службы на фронте или в тылу. Но вскоре сотрудники ЧК, милиции и пропаганды добились причисления себя к врачам и фронтовикам. Уже в период гражданской войны справедливость в распределении (снабжение в первую очередь детей, больных и малоимущих) отошла на второй план. В основу был положен принцип: снабжать в первую очередь не создателей материальных и духовных ценностей, а тех, кто трудится для укрепления власти. Паек стал индикатором расслоения общества по отношению к власти. Распределяя продукты и вещи, власть присвоила себе мощное средство нажима на людей для выполнения своих планов. Так советская власть воспроизвела кормлен-

⁴⁴² Крыштановская О. Возвращение номенклатуры. Предисловие к изданию 2005 года // Восленский М. Номенклатура. М., 2005. С. 7.

⁴⁴³ См.: Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Редактор-составитель Э.И. Колчинский. СПб., 2003. С. 823–826.

ческую функцию царской и патриаршей власти. Кормушка – это устойчивый образ власти, которая должна кормить и от которой можно кормиться⁴⁴⁴.

11 мая 1918 г. было принято «Положение об отделе по борьбе с преступлениями по должностям», параграф 1 которого гласил: «Принять самые решительные меры для очищения рядов Советской власти от провокаторов, взяточников, авантюристов, всевозможных бездарностей, лиц с темным прошлым, с злоупотреблением властью, превышением власти и бездействием власти, предавая их деяния широкой огласке в печати»⁴⁴⁵.

11 марта 1937 года Н.И. Ежов выступал перед мобилизованными на работу в НКВД молодыми коммунистами и комсомольцами. Он резюмировал итоги двадцатилетней борьбы с властвующими бездолями и сформулировал идею «народной разведки»: «У нас каждый соглашается быть осведомителем. Осведомителей нужно иметь в каждой комнате, в уборной, и т.д., всюду должно быть осведомление <...> Мы должны платить агенту <...> обязательно по его стоимости <...> Деньги деньгами и еще кое-что нужно для души <...> Я имею в виду особо крупных политических деятелей или специально созданных политических деятелей, поддерживаемых нами, которых мы проталкиваем в руководство каким-нибудь движением, которое имеет перспективу быть у власти или быть в оппозиции к правительству или будет занимать позицию, дружественную нам <...> Агентура среди духовенства, особенно среди православной церкви, должна заниматься не только информацией, но и разложеческой работой, внутри разлага любое религиозное движение»⁴⁴⁶. Как известно, Ежова расстреляли, но идею народной разведки воплотили в жизнь.

При этом использовались те свойства массового характера, которые положительно оценивал Петр I, а народная артистка обнаружила даже у кубанских казаков: безотказный до дури характер; бегут выполнять приказ, не дослушав и не поняв его содержания. Например: при Сталине вызвали в

⁴⁴⁴ См.: Кондратьева Т. Современное государство как власть по «Домострою»? (К спорам о социокультурных источках сталинизма) // НЛО. 2006. № 5/81. С. 50–66.

⁴⁴⁵ Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров, 2003. С. 303.

⁴⁴⁶ Там же. С. 574, 576–577, 578.

Кремль казаков из колхоза «Мировой октябрь» Кущевского района. Казачка после получения грамоты крикнула: «Товарищи делегаты! От имени нашего колхоза про-си-мо нас обложить хоть каким-нибудь налогом!»⁴⁴⁷

Так власть подчинила себе большинство населения. Народная разведка занимала существенное место в процессе подчинения. Она была фактом повседневной жизни, воплощающим карьерные, благонамеренные и верноподданныческие стремления тех, кто стремился «выбиться в люди» — попасть в привилегированные сословия. Но политическая суть дела состоит в том, что после 1991 г. властующие клики и подчиненные им государственные институты использовали систему народной разведки для постепенной и безболезненной адаптации к изменениям социального строя. С помощью данной системы госаппарат выработал гарантии воспроизведения своих интересов, включая претензии на толкование истории страны⁴⁴⁸. В этом смысле вся возня с монополией правительства на толкование советской истории, особенно истории советско-германской войны, тоже завершает определенную тенденцию, в которой воспроизводится комплекс авторитарно-бюрократических стереотипов восприятия истории⁴⁴⁹.

Падение советской власти не является следствием реализации какого-то плана-заговора. Всегда существуют опосредующие варианты между планом-заговором и стихийными социальными процессами. Эти варианты станут предметом исследований не скоро — после систематического описания конкретных сценариев манипулятивных операций органов внутренних дел и госбезопасности в период, предшествующий падению советской власти и следующий за ним. Пока таких материалов нет, я буду исходить из констатации: очередная революция сверху в СССР/России осуществлена путем создания сверху контролируемой оппозиции, которая предотвратила удар масс по властно-управленческим струк-

⁴⁴⁷ Мордюкова Н. Казачка. М., 2006. С. 264.

⁴⁴⁸ См.: Зверева Г. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России: дискурсный анализ публикаций последних лет // Новое литературное обозрение. 2003. № 1/59.

⁴⁴⁹ Свежим вариантом этого старья могут служить экзерсисы на исторические темы В.Мединского. Для объяснения их популярности можно использовать формулу моей мамы: «Люди — это бараны, куда их гонят, туда они и идут».

турам. Например, армия ни за кого не вступалась, пока население не стало громить обкомы и горкомы: «Войска ввели только тогда, когда остро встал вопрос о <...> спасении правительственные чиновников»⁴⁵⁰.

Создание такой оппозиции — элемент самоутверждения государства. Оно всегда желает иметь такого противника, уничтожить которого не составляет большого труда. Например, по мнению Р.Маккенни, средневековые народные религиозные движения полагали государство несовместным с христианской моралью. Власть всегда стоит перед задачей создать видимость оппозиции для того, чтобы затем ее уничтожить⁴⁵¹.

Успешность такой стратегии определяется тем, что приватизация власти-собственности началась в период *перестройки*. Официальная статистика и общественные науки не располагают надежными данными о том, какая часть бывшей общегосударственной собственности перешла в частную собственность, какова картина ее распределения среди слоев населения, какова динамика численности собственников постсоветского периода, какую часть населения они представляют и на каком основании нынешнего гражданина России можно отнести к категории собственника⁴⁵². В период советской власти госаппарат колонизировал, а после 1991 г. приватизировал все национальное богатство⁴⁵³.

Государственный аппарат присутствует на политической сцене прямо и опосредованно — через подставные лица и структуры (в виде появившихся политических лидеров, партий, профсоюзов, избирательных блоков, общественных движений и т.д.). Он влияет на СМИ и другие государственные институты формально (представительство в парламенте, организация партий) и неформально (механизмы личной и

⁴⁵⁰ Новое литературное обозрение. 2007, № 84, С. 57

⁴⁵¹ См.: Маккенни Р. XVI век. Европа. Экспансия и конфликт. М., 2004. С. 275–298.

⁴⁵² См.: Губогло М.Н. Драма собственника нашего времени // Отечественная история. 2004. № 1. С. 93.

⁴⁵³ См.: Эткинд А. Бремя бритого человека или Внутренняя колонизация России // Ab Imperio: теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2002. № 1. С. 265–298; Эткинд А. Фуко и имперская Россия: дисциплинарные практики в условиях внутренней колонизации // Там же. С. 166–191.

институциональной агентуры и коррупции). В любом случае трудно установить ответственность за такое влияние.

Смысл гарантий сохранения и воспроизведения интересов госаппарата — не допустить потери власти и привлечения к ответственности за всю совокупность решений в центре и на местах, сохранить привилегированное экономическое и социальное положение. Отказ от положения правящего класса не тождествен тому, что его отдельные (групповые) члены потеряли власть и привилегии. Для анализа различия между ними я предлагаю выделить в особые предметы анализа экономические, агентурные и политические гарантии воспроизведения интересов госаппарата.

Экономические гарантии

Трудно доказать, что на вершине советского госаппарата существовал всеохватывающий тайный план приватизации, в результате реализации которого национальное богатство попало в руки госаппарата. Приватизация — итог комплекса причин и следствий, систематического описания которых пока нет. Но в любом случае экономические гарантии сохранили привилегированное положение госаппарата, поскольку лидер *перестройки* (Горбачев) и его главный оппонент (Ельцин) воспроизвели сложившиеся при Ленине и Сталине способы социальной манипуляции. Юмор в том, что — в соответствии с эпигонской природой политической бюрократии — лидер и контрлидер (точнее, их советники) позаимствовали популярную тогда в европейском неоконсерватизме идею приватизации. Но опять идея была истолкована так, что населению страны был нанесен ущерб, а власть выиграла... Поэтому всякое заимствование политической бюрократией любых концепций и моделей из прошлого своей страны (в данном случае России) или со стороны (в Европе, США или Китае) наносит вред населению страны, который не замечает та его часть, что превратилась в бааранов и воспитывает в таком же духе «подрастающее поколение».

Руководства Российской империи и СССР культивировали готовность индивидов и целых социальных слоев сотрудничать с органами политического сыска. Народная разведка — это система внутреннего шпионажа (далее СВШ), которая складывается как элемент бюрократического управления государством

и потому использует все средства манипуляции населением. С помощью СВШ руководство СССР контролировало социальные события и процессы. Если бы такого контроля не было, партгосноменклатура (особенно ее так называемые «прогрессивные слои») не решились бы на *перестройку*⁴⁵⁴. В этом смысле СВШ – средство защиты интересов госаппарата, а не населения страны. С помощью данной системы блокируются (или направляются в определенное русло) попытки групп и слоев населения (не связанных с интересами госаппарата) изменить положение.

С самого начала существования советской власти все сферы социальной жизни, социальные группы и государственные учреждения подвергались явному и тайному контролю. Как требовал Ежов, даже в сортирах (конечно, не во всех, а только в высокопоставленных, в соответствии с принципом: «Слово «частный» (privy) означало то место, куда даже короли ходят в одиночку»⁴⁵⁵) был представитель органов. Обычно через отделы кадров он сотрудничал с руководством и партийными органами предприятия. Этот человек руководил группой информаторов, обеспечивавших неофициальную информацию о множестве сфер социальной и учрежденческой жизни. Декларативной целью сети информаторов была борьба с экономической преступностью (со времени создания ОБХСС, Отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности) и идеологическими диверсиями (со времени создания Пятого управления КГБ).

В.В. Бибихин, сотрудник Центра, которым руководил Огурцов, показал, что главными идеологическими диверсантами оказались советские военные стратеги, которые еще в 1970-е годы решили заменить марксизм православием⁴⁵⁶.

⁴⁵⁴ Например, сотрудник ЦК полагает естественным зарождение ревизионизма в международном отделе ЦК: «Ибо мы-то знали мир и знали, что никто на нас не нападет, знали и то, что такое на самом деле МКД (международное коммунистическое движение, – В.М.) и что дело его дохлое <...> Недаром <...> в аппарате ЦК КПСС международников еще со времен Н.И. Трапезникова считали “ревизионистами” и терпели только потому, что без них “технически” невозможно было поддерживать отношения с компартиями и держать их в своем “обозе”» (Черняев А.С. 1991 год. Дневник помощника Президента СССР. М., 1997. С. 238).

⁴⁵⁵ Кревельд Мартин Ван. Расцвет и упадок государства. М., 2006. С. 73.

⁴⁵⁶ См.: Бибихин В.В. Другое начало. М., 2003.

Например, С. Грибкаускас на основе анализа рассекреченных архивных материалов сообщает, что КГБ располагал подробной информацией о заводских администрациях и настроениях руководителей. Залогом благонадежности был высокий процент присутствия работников администраций предприятий в агентурном списке. В основном агентами были руководители (начиная с начальников цехов и отделов) и служащие, при минимальном участии рабочих (5 человек из 124 агентов). Литовская эмиграция возлагала большие надежды на инженерных работников, которые якобы плохо поддаются влиянию советской идеологии (по сравнению с гуманитариями). Наоборот, представители администрации и ИТР (инженерно-технических работников) сами искали пути сотрудничества с КГБ, надеясь извлечь из этих отношений административную пользу. Роли агента КГБ и представителя администрации завода были тесно связанными в одной личности в связи с личными надеждами на продвижение и соответствующими мотивами поведения. Понятие «экономическая безопасность» (наряду с понятиями «защита экономики», «идеологические диверсии») появилось в риторике документов третьего отдела КГБ в конце 1970-х гг. Такова была реакция на деятельность «Солидарности» в Польше. Но реальные методы работы практически не изменились, просто структура начала расти. В деятельности КГБ сильной стороной было оперативное наблюдение и агентурная сеть, а не аналитические и системные способности. В целом вмешательство органов госбезопасности в работу промышленных предприятий не способствовало их развитию и процветанию⁴⁵⁷.

А.Е. Бовин отмечает, что в последнее десятилетие ФСБ и ГРУ (Главное разведывательное управление) стремятся восстановить позиции, которые они занимали в штатных расписаниях посольств и которые в начале 1990-х гг. были сужены. С этой точки зрения идея повышения бдительности и безопасности есть «<...> возврат к тем временам, когда всех иностранцев считали потенциальными шпионами, а всех «совграждан» потенциальными предателями. Если согласиться с предлагаемым порядком, то “загранучреждения” превращаются в под-

⁴⁵⁷ См.: Грибкаускас С. Деятельность КГБ на промышленных предприятиях Литвы в 1965 - 1985 годах // Социальная история. Ежегодник 2008. СПб., 2009. С. 253–278.

собный цех разведки»⁴⁵⁸. Надо бы посчитать подсобные цеха и внутри страны — ведь мечтал герой М.А. Булгакова «поставить городового рядом с каждым человеком»...

Для начала констатируем, что роль указанных структур сводится к подмене контроля. В западных странах функции контроля общества над государством выполнял рынок, твердая валюта, пресса и другие структуры, побуждающие предпринимателей стремиться к максимальной выгоде и минимальным расходам на госаппарат. Советская власть превратила двойное сознание в систему. Хитрость и обман стали нормой, поскольку государство систематически искажало и утаивало информацию. Длительное существование людей в атмосфере полной (частичной) лжи не благоприятствовало распознаванию лжи и правды и способствовало становлению массового повседневного макиавеллизма — убеждения большинства в том, что при общении с другими людьми ими можно и нужно манипулировать, а также навыки манипуляции. Повседневный макиавеллизм — следствие отношения индивидов к способности распознавать ложь и правду. Причем, объективная способность обычно противостоит завышенной самооценке этой способности. Люди, склонные манипулировать окружающими, часто используют обман для достижения своих целей. Существует положительная (у мужчин) и отрицательная (у женщин) связь между отношением к лжи и правде, самооценкой способности распознавать ложь и правду и макиавеллизмом (женщины более склонны утаивать правду, чем мужчины)⁴⁵⁹. К этому можно добавить, что целые институты эксплуатируют указанную норму.

Рыночная экономика впитала средневековую корпоративную модель социального устройства и породила экономический шпионаж — стремление знать производственные секреты и материальные возможности актуальных и потенциальных конкурентов, клиентов и потребителей. Такая система начала складываться на рубеже XIX—XX вв. и тоже отличалась двойственностью: «Безжалостная тактика Рокфеллера по отношению к конкурентам — угрозы, запугивание, готовность применить силу и даже убийц — стали типичным образ-

⁴⁵⁸ См.: *Бовин А.* 5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (из дневника). М., 2003. С. 293, 387.

⁴⁵⁹ См.: *Мещеряков Б.Г., Некрасова А.В.* Макиавеллизм: правда и ложь в повседневной жизни // Человек. 2005. № 6. С. 8795.

чиком изменившихся нравов века. Его методы несли на себе отчетливый отпечаток представлявшейся соблазном для других морально-политической двойственности, беспрецедентно расцветшей в Америке. Лучшие адвокаты его времени, люди высочайшей юридической этики, были наняты Рокфеллером с целью разработки его крайне сомнительных методов. Это еще раз подчеркнуло двусмысленность, освящавшую и омрачавшую бурное развитие Запада, объединившую его худшие и лучшие стороны»⁴⁶⁰.

Теперь пару соображений о специфике России. А.Г. Чукарев показал, что в России создание Тайной полиции было не двусмысленным, а «однозначно» (как сказал бы В.В. Жириновский) негативным. В начале XIX в. развивались капиталистические отношения, начался промышленный переворот, усложнение социальной структуры общества. Это требовало усилить обратную связь между властью и обществом. В Европе связь обеспечивалась парламентом, печатью, судом присяжных, адвокатурой. В России этих институтов не было. Одновременно государство вступало в период кризиса крепостничества и стагнации. Для усиления контроля за обществом Николай I учредил сыскную контору. Отсюда парадокс российской политической полиции: власти казалось, что секретная служба может выполнить функцию связи государства с обществом.

Размеры страны требовали усилить контроль за действиями местных администраторов, которые всегда отличались коррупцией и произволом. По замыслу Николая I при отсутствии гласности, недостатках суда и общей полиции такой контроль мог осуществляться тайной службой. Под предлогом «благочиния» царь думал создать элитное учреждение, которое вберет в себя цвет русской аристократии. Но аристократия презирала обычную полицию и тем более не пошла в новую жандармерию. Поэтому в состав нового ведомства пришлось набирать *бездарей* из армии и флота — офицеров, которые руководствовались материальными (а не идеальными) соображениями. Тогда же возникла традиция составлять нравственно-политические обзоры (анализ настроений различных групп и слоев для выявления опасных для власти), правило сообщать «наверх» обо всем отрицательном, что происходит на данной территории — для сведения и принятия

⁴⁶⁰ Бурстин Д. Американцы: демократический опыт. М., 1993. С. 66–67.

мер в борьбе с конкретными носителями зла. Но в целом тайная полиция только загоняла вглубь общества все социальные болезни. А защита «сирых и угнетенных» — таков был христианский мотив создания тайной полиции — оказались ей не под силу⁴⁶¹.

В СССР экономический шпионаж служил правительству, а не гражданам и рынку. Был элементом политической системы, контролируя экономику в пользу вершины политической власти. Противодействовал автономизации экономической власти низших уровней иерархии. Эта борьба закончилась провалом. Такова политическая эффективность данных органов.

В СССР аристократии не было, но аристократическое отношение к внутреннему шпионажу сохранилось. И.В. Говоров отмечает, что значительная часть российских граждан оценивает сотрудничество со спецслужбами как недостойное и позорное явление. Ученые-юристы и практикующие адвокаты требуют запретить использование органами правопорядка «негласной агентуры», так как «агенты» провоцируют людей на преступление. Россия здесь опирается на советский опыт. Поэтому нужен анализ положительных и отрицательных сторон агентурной работы в СССР.

В советское время при вербовке «негласных сотрудников» использовались три метода: идейное убеждение (при вербовке осведомителей из числа работников торговли); материальный интерес (большинство осведомителей работало за продукты, карточки, деньги); собранный репрессивными органами компромат толкал представителей «блатного сообщества» и «тевневой экономики» на сотрудничество с НКВД. Это породило следующие недостатки агентурно-осведомительной сети: *неработоспособность* части информаторов отражала главный принцип ее формирования — количественный рост для галочки; *двухрушничество* — преступники шли на вербовку с целью использовать покровительство милиции для прикрытия своей преступной деятельности и ликвидации конкурентов; многие осведомители были не просто преступниками, а главарями уголовных банд; *привокация* — оперативные работники выступали организаторами преступления и пытались спасти агентов от уголовного преследования; *разврат* органов — присвоение

⁴⁶¹ Чукарев А.Г. Тайная полиция России. 1825-1855 гг. Жуковский-М., 2005. С. 578–587.

средств для оплаты агентуры, пьяники оперативных работников с осведомителями, интимные отношения с женщинами-осведомителями, получение взяток за прекращение уголовных дел. Административные меры борьбы с этими явлениями результа-та не дали. Такая ситуация сохраняется и сегодня⁴⁶².

Структуры внутреннего шпионажа в СССР были обязаны бороться с коррупцией директорского корпуса, использованием казенного имущества для личного обогащения. Большинство директоров стремилось обойти или приручить соперника. Для этого они должны были знать, когда, с кем, по какому поводу надо делиться неофициальными доходами. На последней стадии существования СССР усилия внутреннего экономического шпионажа концентрировались на фиксации явных и скрытых, легальных и нелегальных связей и форм сотрудничества госпредприятий с частным сектором. Инициатором выступала вершина партаппарата, а исполнителем — комсомольский аппарат, хотя все направления внутриполитической и международной деятельности по созданию таких связей и форм засекречивались (напомню, как раз в это время комсомольский аппарат побежал в госбезопасность). Связь директората с частным сектором и контроль этой связи осуществлялись так, чтобы не оставлять никаких следов деятельности. Директора и не требовали от официальных соглядатаев письменных распоряжений, прикрываясь плановой дисциплиной, финансовой и служебной тайной и т.п.

Теперь многократно умножим эту ситуацию на число всех производственных структур и государственных учреждений СССР накануне распада. Ее суть — передача народной собственности из одних рук в другие при контроле со стороны КГБ. Термин «красные капиталисты» предпочтительнее терминов «новые русские» и «бизнес-слой» по историческим, социологическим и политическим основаниям, описанным Крыштановской⁴⁶³. Здесь подчеркну самый распространенный способ обеспечения экономических интересов «красных

⁴⁶² Говоров И.В. Негласная агентура советской милиции в 1940-х годах // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 109–119.

⁴⁶³ См.: Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2005. В мае 2007 г. в Интернете было вывешено 5245 страниц о красных капиталистах, сегодня уже 1770000 страниц. Но только о китайцах. В соответствии с официальной евразийской концепцией политического руководства страны я предлагаю использовать этот термин и в отношении России.

директоров» и «красных капиталистов»: те и другие сознательно занижают производственный и финансовый капитал фирмы при любых контактах с отечественным и иностранным капиталом и контролирующими органами. Такое занижение повышает долю каждого директора (теперь уже как частного собственника) в вероятных доходах по отношению к расходам. Эта процедура универсальна, а ее проявления многократно описаны в микроэкономике и публицистике.

Так был расчищен путь к переходу материальных и финансовых средств в частные руки. Задолго до официальной приватизации множество советских министерств наладило связи с зарубежным капиталом. А связными всегда были «верные личарды», которые давно наторели в создании зарубежных контор для достижения своих целей. То же самое относится к множеству внутренних постов, руководящие лица которых отвечали за международные экономические связи. Должности были и остаются частной собственностью власти, хотя официально квалифицируются как государственные.

Таким образом, нынешняя система внутренних и международных связей страны сформирована группами госаппарата, а не группами граждан. В состав таких связей входит выдача разрешений на организацию пунктов обмена валюта, различные формы технологической разведки, контакты с политическими фигурами и т.д. Социальная наука не располагает систематическим материалом обо всех случаях большого обогащения за краткое время на местном, региональном и федеральном уровнях. Отсутствие таких данных свидетельствует, что публичного контроля за этой сферой не было и нет. Значит, СВШ не заинтересована в обнародовании результатов своей деятельности, опираясь при этом на аналогичные мотивы поведения мелких пройдох, крупных коммерсантов и фасадных государственных деятелей.

Роль данной системы в приватизации власти детально не изучена. Зато известно, что спецслужбы раньше других социальных групп освободились от идеологических иллюзий. Частично это связано с природой шпионажа, предполагающего свободу от идеологических стереотипов, умение отделять слова и декларации от фактов, бесстрастное описание реальных явлений и процессов. Отношение СВШ к идеологии всегда инструментально. Эта система может использовать любую идеологию, если она не мешает маскировать интересы правительства и госаппарата и представлять их деятельность как

необходимую и положительную для общества. Это убеждение и выразил бывший глава Пятого управления КГБ: любое государство «<...> проводит ту идеологию, ту политику, которую исповедуют люди, стоящие у власти»⁴⁶⁴.

Агентурные гарантии –

это множество лиц, структур и направлений деятельности соответствующих ведомств, численный состав и тенденции развития сети информаторов. Эти гарантии направлены на поддержку (блокировку) карьеры конкретных людей, влияние на взгляды и действия лиц и организаций, участие в реализации конкретных мероприятий. По правилам шпионажа всегда существует несколько вариантов (сценариев) действий для достижения одной и той же цели. Например, массовое уничтожение документов после государственного переворота августа 1991 г. послужило благовидным предлогом для последующей регламентации деятельности архивов РФ: «В Центре хранения современной документации с начала 1995 г. в категорию секретных неожиданно для исследователей попали материалы, доступ к которым ранее не был ограничен. В другом архиве – Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории – действующий “Временный регламент” (а по российской традиции подобные временные регламенты подменяют закон) отсекает историков на 75 лет с момента создания документов от любой информации, относящейся к “тайне личной жизни граждан”. А к такой информации могут быть отнесены: сведения о здоровье; семейных и intimных отношениях; материальном, имущественном положении; источниках доходов; об обстоятельствах рождения, усыновления, установления опеки, развода и вступления в брак; личных привычках и наклонностях; о деятельности в области частного бизнеса, изобретательства; об интеллектуальной собственности и т.п... Таким образом, изучение проблем частной жизни советского общества делается попросту невозможным. И здесь нельзя не заметитьironии истории: в советском обществе грубо нарушалось право граждан на тайну частной жизни, ныне же, благодаря

⁴⁶⁴ Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 2003. С. 397.

“временным регламентам”, сама эта практика тоже становится тайной»⁴⁶⁵.

Суть проблемы – в персонификации государственной жизни. Указанные действия свидетельствует о том, что во всех случаях преследовалось несколько целей: ликвидация (засекречивание) материалов, которые можно использовать для описания кувшинного рыла власти; ликвидация (засекречивание) материалов, которые могут служить основанием для привлечения к ответственности конкретных лиц даже на основании существующих законов; скрытие от публичного внимания документов, которые раскрывают сеть информаторов и предотвращают агентурное обеспечение интересов разных звеньев госаппарата. Конечно, такие материалы всегда можно использовать в политической игре по достижению личных и групповых целей. Давно известно, что власть создает комплекс причин для того, чтобы люди добровольно (на первый взгляд) осуществляли полезные для нее действия. Власть определяет поле выбора, одновременно отвлекая внимание публики от собственных интересов. В этом состоит манипулятивное содержание властно-управленческих процессов.

Большинство банков прямо и косвенно контролируются госаппаратом, который инициировал направленную коррупцию: вначале его члены создали под себя кредиты, затем установили правила, условия и гарантии их использования. Каждый банк раньше и теперь имеет главных и подчиненных соглядатаев из состава СВШ. Сеть информаторов позволяет ориентироваться в ситуации, но не способствует предотвращению социальной патологии.

Политические гарантии

интересов аппарата определим путем отрицания: в СССР не было правовых норм, определяющих условия владения и передачи собственности партгосаппарата. Право подчинялось власти. Такое положение во многом сохраняется до сих пор, хотя конституция декларирует обратное⁴⁶⁶.

⁴⁶⁵ Куприянов А.И. Историческая антропология в России: проблемы становления // Отечественная история. 1996. № 4. С. 91.

⁴⁶⁶ См.: Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. М., 2000.

Мне уже приходилось писать о специфике современных российских законов. Приведу один пример. В 1992 г. ушлые мужи (почти сразу после государственного переворота) из Российской академии управления сочинили проект закона «Об основных началах государственной службы Российской Федерации». Я тогда как раз был приглашен в Российскую академию управления для чтения лекций. Участвовал в конференции на эту тему и в докладе раскрыл бюрократическую суть проекта. После конференции ко мне подошел один из членов тогдашнего парламента и предложил опубликовать статью. Она была опубликована под названием «Власть закона или бюрократическая иерархия?» в «Российской газете». Тогда законопроект не прошел.

Но история не прекратилась. Сущие три года спустя все же пропихнули закон «Об основах государственной службы Российской Федерации». В этом законе без труда обнаруживается весь комплекс полицейско-бюрократических стереотипов сознания и мышления. Он направлен не на объективное отражение социальных процессов, а на подтверждение факта существования властно-управленческих структур. Создавшие его юристы и проголосовавшие за него члены парламента полагают, что можно создать «идеальную» государственную службу в государстве, перспективы, цели и смысл существования которого остаются неясными. В законе отражен универсальный стереотип бюрократии — стремление сочетать «положительные» и «отрицательные» стороны при описании действительности. Идея преимущества права перед политикой отодвигается на второй план. Предусматривается опережающее создание учреждений и структур по сравнению с кристаллизацией социальных отношений и правовых процедур. Государственные учреждения опять обретают самостоятельную силу, которую они имели при монархическом и советском режимах. Транслируется стереотип «идеально-го чиновника». Отношение к любым социальным теориям остается сугубо прагматичным: они используются лишь в той степени, в которой обслуживают интересы «здесь и сейчас» существующего госаппарата. Связь с политикой толкуется таким образом, чтобы любые политические реформы не ставили под угрозу существование бюрократических структур. Для этого Российское государство и его государственная служба квалифицируются как носители «социального порядка», «прогресса», «рациональности» и т.п. Стало быть,

с помощью таких законов новые лидеры и правящие группы освобождаются от социального и политического контроля на «законном основании». Оно базируется на недоказанном предположении: решения аппарата соответствуют «общим интересам» населения страны. В действительности эти решения соответствуют структуре правительственный дел и вертикально-горизональным звеньям управления⁴⁶⁷.

Но дело не только в России. Идея о бесплодности политики как сферы деятельности высказывается представителями разных направлений современной мысли: неотрадиционализма (Р. Генон), консерватизма (П. Джонсон), неомарксизма (Ю. Хабермас), феноменологии (П. Рикёр), коммunitаристского направления в либерализме (А. Макинтайр), миросистемной теории (И. Уоллерстайн), школы «аутопойесиса» (Н. Луман) и др. Например, П. Дракер пишет о кризисе политики и государственного управления во всех развитых странах: «Вопрос о функциях и функционировании правительства должен стать центральным как для политической мысли, так и для политической практики. Мегадержава (тип государства, который был реализован в нынешнем столетии) в ее тоталитарной и демократической версиях уже продемонстрировала свою неэффективность. Она не выполнила ни в одной стране мира ни одного из своих обещаний. Действия же правительства через уравновешивающий механизм лоббирования не являются ни эффективными, ни привлекательными. Фактически нынешние правительства парализованы»⁴⁶⁸.

Появились и реакции на ситуацию. Например: «Современное государство не должно быть инструментом защиты национальных интересов, оно должно защищать международные интересы своего собственного населения <...> Люди поняли, что политики не говорят им правды. Это касается и специалистов в области политической науки. Они говорят неправду о человеческих отношениях <...> Политики должны быть изгнаны, люди должны жить без политики! Эта нечистая сила должна быть устранена из национальных госу-

⁴⁶⁷ См.: Волков Ю.Г., Лубский А.В., Макаренко В.П. Легитимность политической власти: методологические проблемы и российские реалии. С., 1996. С. 190–205.

⁴⁶⁸ Дракер П. Эпоха современных трансформаций // Современность. 1996. № 6. С. 57.

дарств, различных культур и борьбы между ними»⁴⁶⁹. При такой ситуации проблема воспроизведения гарантий интересов госаппарата становится глобальной.

Концепт троевластия

Я буду исходить из различия между идеальными типами чистой власти и власти-субъектности.

Чистая власть отличается следующими свойствами: ее поддерживают граждане, если даже они не считаются источником власти; одна часть граждан (собственники) имеют независимые от власти источники социального могущества; большинство граждан (производители материальных и духовных ценностей) создают юридический минимум (совокупность прав и законов) для защиты от власти и реализации своих интересов; власть вынуждена заботиться о том, чтобы экономически независимые граждане ее поддерживали (хотя бы пассивно).

Власть-субъектность включает следующие свойства: абсолютное большинство граждан не имеет независимых от нее источников существования; она безразлична к поддержке со стороны подданных, поскольку такая поддержка наносит ей вред; является самодостаточным и единственным основанием физической, экономической и духовной власти; явно презирает подданных; подданные поддерживают власть-субъектность лишь в той степени, в которой считают свою волю значимой для властителя⁴⁷⁰.

Отсюда вытекает концепт троевластия, который я предлагаю использовать для оценки имперской и советской России вместо концептов тоталитаризма и модернизации. Если власть переплетена с собственностью и идеологией, она плюет на всех, кто зависит от нее в сфере экономики, политики и идеологии. Концепт троевластия позволяет увидеть ложность популярных положений теории модернизации: совокупность экономических программ коммунистов была продолжением более ранних программ модернизации России; русские цари и большевики хотели преодолеть отсталость России и

⁴⁶⁹ Здравомыслов А.Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. М., 2003. С. 37, 151, 153.

⁴⁷⁰ См.: Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, 1998. С. 437–440.

обеспечить ее независимость от внешнего мира; запоздалая промышленная революция несет ответственность за политическую революцию. Одновременно следует учитывать: качественное различие между классовым обществом и системой троевластия; тождество между царскими и сталинской программами индустриализации; социальные функции модернизации в системе троевластия связаны с развитием экономического, политического и идеологического отчуждения; террор (а не производство тракторов, паровозов, комбайнов и самолетов) – самое эффективное средство модернизации.

Кроме того, существуют пункты сходства между неоинституционализмом и разработанной мной теорией политического отчуждения – отчуждение, о котором писал Огурцов, сново уместно. Они состоят в следующем: критика либерализма, социализма и ленинизма; критика теорий интересов, поскольку сами по себе они не дают полного представления о русском государстве; анализ связи власти, собственности и идеологии; анализ бюрократии; акцент на непредвиденные следствия решений; фиксация различия между силой и успехом (эффективностью) власти; анализ специфики политической конкуренции; анализ революций. Некоторые положения теории политического отчуждения дополняют неоинституционализм: политическое отчуждение – ключ к пониманию социальной и экономической истории России.

В России сложилась и существует до сих пор негативная эффективность власти – предельное усиление интересов государства за счет интересов общества. В этом контексте терроризация, бюрократизация и модернизация России – звенья единого процесса, детерминированного спецификой властного выбора: быть свергнутой или усилить угнетение и манипуляцию? Власть в России всегда шла и продолжает идти по второму пути. Этим объясняется специфика русского капитализма, в том числе современных преобразований. То, что мы наблюдаем в течение последних 20 лет, я уже предложил обозначить термином «сжирубешенство».

Предположим, мы имеем дело с бывшим (нынешним) членом номенклатуры или его наследником – хозяйственным руководителем-бизнесменом. Его капитал возник на базе приватизации народного имущества. На последней стадии существования СССР были организованы номенклатурные ООО на основе вкладов государственных предприятий, а не личного капитала. На руководящие посты в таких фирмах

назначались свои люди. Уже при создании фирмы они соглашались делиться доходами с теми или иными руководителями или направлять их на указанные счета. Руководители не выступали против перетекания прибыли фирмы в карманы физических лиц.

Изменение субъектов и характера фирм зависело от многих обстоятельств. Не все партийные бонзы и их комсомольские подпевалы поступали по обычаю «украсть и убежать». Многие привлекали экономистов и юристов для отмывания денег и материальных ресурсов. Поэтому сегодня почти невозможно доказать посредством судебного процесса, что большинство существующих фирм есть продукт организованного воровства народного имущества. Даже европейские суды не всегда могут это сделать. В России во всех офисах снизу доверху сидят «красные капиталисты». Этот термин позволяет связать монархическую, советскую и современную форму государственной эксплуатации населения страны и потому точнее отражает социально-экономическую суть процесса. Большинство современных отечественных бизнесменов ранее принадлежали к партийному, комсомольскому и хозяйственному активу (или являются их физическими, властными и духовными отпрысками). За время службы они накопили связи с лицами и институтами экономической инфраструктуры и благодаря этому сегодня занимают привилегированное положение в том капитализме, которому не подберут названия⁴⁷¹.

Наш герой в первую очередь связан с финансовыми органами и структурами исполнительной власти — для льгот в налогах, сроках и формах уплаты. Через исполнительную власть он связан с банками для получения высоких кредитов на выгодных условиях. Банки стремятся уменьшить произвол в выдаче кредитов и создают особые правила и процедуры для понижения финансового риска. Но в принятии решений о кредитах остается значительная доля личного усмотрения. Управление банка решает вопрос о гарантиях предоставления кредитов. Например, устанавливает цены движимого и недвижимого имущества, благодаря чему можно влиять на кредиты.

⁴⁷¹ Российский капитализм называют разбойничим, олигархическо-периферийным, политическим, семейно-клановым и т.д. См.: Terra economicus. Сборник статей российских и зарубежных экономистов начала XXI века. М., 2008. С. 384–394, 504–520. (Надо бы: «Terra economica». — Ред.).

Даже от скорости получения кредита зависит многое. Контакты с финансовыми органами дают возможность проникать в деятельность актуальных и потенциальных конкурентов. Затруднять и блокировать выделение кредитов, перехватывать выгодные сделки и затруднять развитие конкурентов.

У нашего деятеля есть свои люди в органах арбитража. Благодаря этому он получает опережающее знание о движении финансов конкурентов. Ускоряет регистрацию собственных и затрудняет регистрацию чужих фирм, если они вредят его интересам.

Наш капиталист дает работу лицам из состава бывших КГБ, МВД, армейских и тому подобных структур⁴⁷². Особенно тем, кто отвечал за безопасность номенклатуры. Данные лица и структуры обладали сетью информаторов. Большинство из них по-прежнему охраняют «покой и труд» тех, кто больше заплатит. Благодаря этому можно с опережением получать информацию о возможном привлечении к суду за незаконные действия. На основе этой информации можно вовремя заметать следы — подчищать и уничтожать финансовые и прочие документы. Бывшие сотрудники ГБ и ВД сегодня заняты также в частных сыскных и охранных агентствах. В критических обстоятельствах они могут использоваться для принятия «нужных решений». Немногие отваживаются противостоять давлению.

Связь с судебными структурами помогает не выполнять обязательства в отношении кредиторов или продолжать до бесконечности судопроизводство, связанное с их выполнением. С помощью юридической казуистики нетрудно вызвать банкротство фирм, которые выдвигают по отношению к нашему капиталисту финансовые претензии. Контроль за фактором времени расширяет поле маневра. Вызвать серию направленных банкротств (среди строптивых) тоже можно с помощью нашего законодательства.

Наш герой сохраняет связи с региональными и центральными структурами, занятыми зарубежными инвестициями, с той поры, когда определенные суммы прокручивались внутри кадровой номенклатурной карусели. Решение текущих вопросов в таких структурах осуществляется без промедления. Еще до принятия закона о создании фирм с участием зарубежных

⁴⁷² Эта тема детально изучена в книге: Волков В.В. Силовое предпринимательство. СПб.-М., 2002.

инвесторов была возможность получить разрешение на их создание. Значит, здесь тоже располагается сфера управлеченческого произвола, включая освобождение от налогов. Человеку с улицы труднее получить разрешение на создание совместной фирмы, нежели члену бывшей номенклатуры.

«Красный капиталист» дает работу экспертам и консультантам с экономическим и юридическим образованием. Они толкуют в пользу фирмы все неясности всех законов и подзаконных актов, обходят один закон с помощью другого. Связь с законодательными структурами необходима для выбора тактики поведения в конкретных случаях. Вовремя полученная информация о подготовке правовых актов (законопроектов) позволяет изменить правовой статус собственной хозяйственной деятельности для минимализации налога и достижения других целей.

После 1991 г. расплодились учебные структуры по бизнесу, менеджменту и праву. Зарплата преподавателей новоиспеченных учебных структур больше зарплаты сотрудников университетов и научных учреждений Академии наук. Идут бесконечные конференции по экономическим, правовым, политическим и т.п. вопросам реформы. Во всех этих учебных структурах и научно-практических мероприятиях руководителями и преподавателями выступают те, кто был связан с прошлой и не теряет контактов с нынешней властью.

Покупка научных степеней и званий членами современного госаппарата и богатыми бизнесменами стала повсеместной. Большинство председателей диссертационных советов и членов ВАК (Всесоюзной аттестационной комиссии) этому не препятствует. Как прежде, так и теперь от имени науки осуществляется произвол⁴⁷³. Таков еще один канал связи властно-управленческих структур с «красным бизнесом». Результатам научных исследований нельзя верить до тех пор, пока не узнаешь, кто за них платит. Независимые от административного рынка и от власти-собственности честные ученые влачат жалкое существование.

Журналистский корпус и СМИ тоже необходимы для приобретения в общественном мнении статуса и связей «делового человека» высокого уровня. Журналисты помогают проводить мелкие операции, поскольку большинство наших бизнесменов

⁴⁷³ См.: Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений / Под ред. В. Куренного. М., 2006. С. 27–34, 61–72 и др.

не желают становиться под телеопитеры, давать интервью и т.д. Вчера журналисты обслуживали советскую власть, сегодня — разные эшелоны госаппарата и бизнесменов.

Разумеется, коррупция властных структур — обычное явление. Но есть качественное различие между ситуациями: начинающий классический бизнесмен годами устанавливает личные связи с госчиновниками путем коррупции и других махинаций; в нынешней России во всех главных институтах экономической и политической систем сидят люди, которые при советской власти и после нее научились обходить законы. В первом случае человек рискует, давая взятку одному чиновнику, и не уверен, что все остальные чиновники тоже возьмут у него взятку. Во втором случае коррупция госаппарата связана с минимальным риском.

Связь «красных капиталистов» с избирательными процессами начинается при вступлении в предвыборную борьбу. Без финансирования избирательные кампании невозможны. Мне еще не приходилось слышать, чтобы граждане, получающие честно заработанные копейки, пускали «шапку по кругу» для финансирования избирательной кампании человека, имеющего политическую программу, противостоящую всем группам госаппарата по всем пунктам. Таких избирателей и политиков нет в России. Есть «красные капиталисты» и связанные с ними ловкие ребята. Они финансируют избирательные кампании.

Если политик только таким образом входит в структуры законодательной власти, после выборов он обязан расплатиться. Теоретически не исключена возможность, что вновь избранный политик обязан принять или изменить те или иные законы в пользу тех, кто финансировал его выборы. Однако при каждом голосовании по любому законопроекту спонсоры парламентского деятеля обязаны профинансировать больше половины (двух третей, в зависимости от процессуальных особенностей) голосов в парламенте. Ни одна партия (парламентская группа) таким числом голосов не располагает. В парламенте представлены интересы групп, взаимно блокирующих интересы конкурентов. Конечный результат голосования по любому вопросу всегда связан с компромиссом. Парламент — это политический театр, спектакль, который не ставит один режиссер. Претенденты на режиссуру конкурируют между собой. Результаты голосования зависят от соотношения сил групп политиков, распределенных между партиями и парламентскими фракциями.

Иначе говоря, «красный капиталист» не обязан контролировать избирательный процесс от начала до завершения. Его интерес состоит в том, чтобы склонить в свою сторону соотношение сил при принятии законов, значимых для бизнеса. Возможны две стратегии: принятие или непринятие определенного законопроекта в определенное время. В обоих случаях не требуется финансировать голоса «за» или «против». Для реализации обоих стратегий надо просто учитывать парламентскую рутину. Слабая посещаемость заседаний – факт общеизвестный. Для принятия того или иного решения достаточно отсутствие группы парламентариев, которое нетрудно стимулировать. Опытный парламентарий знает, что судьбы большинства законопроектов решаются в парламентских комиссиях, а не на общих собраниях Думы. Члены парламента не знают всех деталей вопросов, связанных с теми или иными законами. Голосование зависит от мнения коллег или решения руководства парламентской фракции. При решении сложных вопросов руководители парламентских комиссий и фракций приглашают экспертов – юристов, экономистов, политологов и т.п. Эта публика (за незначительным исключением) обслуживала и обслуживает интересы разных эшелонов власти. На ее мнение полагаются парламентские деятели при решении политических вопросов.

Во всех группах людей существуют иерархия более-менее влиятельных лиц. Влияния на руководителя группы обычно достаточно для манипуляции всей группой. Запоздалое принятие тех или иных законов значимо для достижения интересов конкретных групп. Контроль за небольшой группой парламентариев позволяет получить результат в виде того или иного закона. В отличие от других стран Восточной Европы в России не принят закон о люстрации. Значит, члены законодательных собраний снизу доверху не заинтересованы в его принятии и даже обсуждении. Заключая от противного, можно сформулировать вывод: в законодательных структурах сегодняшней России снизу доверху представлена одна партия – бывших, актуальных и потенциальных агентов-информаторов, их спонсоров и союзников.

Давление на парламентариев и их продажность общеизвестны. Эти явления обслуживают множество целей, а не ограничиваются влиянием на законотворчество. У любого парламентария есть возможность отблагодарить своих спонсоров. В том числе – найти «выход» на конкретного человека.

ка во властных структурах. Члены парламентских комиссий тесно связаны с контролируемыми ведомствами. Поэтому парламент служит не только для привлечения внимания общественного мнения к тем или иным вопросам. Он помогает также собирать информацию о закулисной деятельности госаппарата. Такая информация нужна лицам, проталкивающим те или иные законы.

Автохтонный политический порядок

Теоретический характер моих размышлений объясняется предварительной стадией исследования. Надо обобщить громадный исторический и социологический материал, чтобы конституировать особое направление *гражданских исследований*, не замутненных корпоративными интересами власти⁴⁷⁴. Генезис групп интересов на закате советской власти был связан не столько с социально-профессиональными группами, сколько с группами, сложившимися на вершине госаппарата. В последнее десятилетие, как мы уже писали, возник слой «красных капиталистов», накопивших значительный капитал за краткое время или проделавших бурную политическую карьеру. В любом случае законность и справедливость этой карьеры сомнительна. Зато данная группа обладает системой личных связей, доступом к информации, скрытой от рядовых граждан и честных ученых, умеет действовать на грани фола в отношении права и проникать в институты, образующие экономическую инфраструктуру. В состав политических ресурсов данной группы входят люди из частного бизнеса, банков, госаппарата, СМИ, правовых (суд, милиция, прокуратура, госбезопасность, армия), таможенных, финансовых органов, а также структур, обладающих монополией на международные связи. Такова социальная почва российского государства. Можно ли его назвать демократическим, как гласит Конституция РФ? — особая проблема.

Есть ли у этой группы общий центр управления? Рыночная экономика обычно вырабатывает индивидуалистические и эгоистические мотивы формирования групп, культивируя

⁴⁷⁴ Корпоративные интересы в виде «научных трудов» уже появились. См.: Зданович А.А., Васильев И.И. Спецслужбы в зеркале социологии // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 1. М., 2006. С. 25–50.

самостоятельность, а не подчинение. Стремление к сотрудничеству усиливается при угрозе интересам групп. Однако президент, парламент и политические партии не могут сделать эту угрозу постоянной, несмотря на бесконечное муссирование темы борьбы с коррупцией. Причем, речь идет о выработке таких средств, которые бы ни в коем случае не увеличивали бюрократизацию страны. А население России пока не может (или не хочет...) выдвинуть из своей среды политических лидеров-самородков, свободных от системы перечисленных интересов и обладающих позитивной программой действий. Стало быть, функционирование этой системы интересов подобно группам, которые преследуют полулегальные и нелегальные цели. Зато социальное и политическое пространство данной группы превосходит все известные исторические примеры.

В результате реализации такой системы интересов страна подвергается двум угрозам: деструкции экономических, социальных и политических процессов; податливости на влияние других государств. При таких условиях никакая целенаправленная политика невозможна. Честные, компетентные и не деморализованные люди давно ушли из политики. Отсутствует политическая воля для расправы с обычными аферистами. В стране нет политической силы, стремящейся устраниć «змеиный клубок интересов». Его полная ликвидация с помощью обычных правовых средств невозможна. Юридический корпус извлекает прямые и косвенные дивиденды от его существования.

Отсюда вытекает главная политическая проблема: государственный надзор в стране стал настолько призрачен, что ее секретные службы ограничиваются помилованием одних бандитов за представление сведений о других. Как предотвратить использование экономических и политических институтов в трофеи для сложившихся групп интересов? Традиционных институтов демократии для этого недостаточно, тогда как авторитаризм лишь усиливает все перечисленные тенденции. «Как бы различны ни были стратегии и доктрины, все они подчинены одному — безграничной воле к власти, стоящей превыше морали и религии, людей и идей. Машина власти обслуживает исключительно свои собственные интересы, не опирается ни на какой закон, кроме стечения обстоятельств, и не знает никаких границ, кроме пределов земного шара»⁴⁷⁵.

⁴⁷⁵ Леруа М. Миф о иезуитах: от Беранже до Мишле. М., 2001. С. 137.

Выводы

Сказанного достаточно для определения *современного политического порядка России как государства, разъединенного агентурой*. Выход на политическую арену рядовых и руководящих соглядатаев завершает описанные тенденции. Политики такого рода подпадают под общую характеристику политики как самого аморального вида деятельности. Они постоянно обвиняются в аморальных проступках и уголовных преступлениях. Однако публичное оправдание стало исключением, а не правилом политической жизни страны. Следовательно, государственный аппарат — это неправовой и аморальный элемент социальной системы, выполняющий в ней властно-управленческие функции. Драма в том, что в государстве нет организованной силы, способной стать здоровым ядром политической системы и одновременно ситом, отсекающим социальную патологию и неправовые действия. Все группы интересов и партийно-политическая структура современного российского общества созданы сверху. Во всех случаях использовалась манипуляция. Значит, здоровое ядро еще предстоит создавать.

Проблема осложняется тем, что коллаборационизм — общая характеристика всех слоев и групп, сотрудничавших с советским режимом. Модный лозунг управленческого «профессионализма» скрывает бюрократизацию, приватизацию и коллаборационизм государственной службы современной России. Политическое руководство России не вовлекло в политический процесс широкие массы населения, не порвало связи с провластными, коммунистическими, либеральными и националистическими группами бывшей и нынешней номенклатуры и населения и не вырвало Россию из ее имперского прошлого⁴⁷⁶. Предлагаю читателям самим определить пользу от такого политического руководства и правительства.

Международное следствие указанных процессов состоит в

⁴⁷⁶ Провластная, коммунистическая, националистическая и либеральная группы образуют основной состав потребителей российского Интернета. См.: Паин Э.А. Российские идеологические течения в эпоху безвременья (по материалам Рунета) // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2014. № 1. С. 221–228. Электронный ресурс <http://politconcept.sfedu.ru/2014.1/12.pdf> Проверено 25.12.2014. Последнее посещение 5.08.2015.

развращающем влиянии Кремля на страны ближнего и дальнего зарубежья. Бывший Генеральный прокурор Ю.И. Скуратов сокрушается, что до сих пор прокуратура зависит от власти и не в состоянии поставить под контроль ФСБ. В результате развиваются интересные процессы: сначала в европейскую страну (в данном случае в Швейцарию) приходят и оседают большие деньги сомнительного происхождения; затем их владелец приезжает за ними, пытается легализоваться и купить недвижимость; но по закону Швейцарии иностранец не имеет права купить там землю или дом; он договаривается о фиктивном оформлении собственности на швейцарского гражданина; для оформления гражданства начинает давать взятки. «С этого момента начинается постепенное разворачивание и коррумпирование швейцарского государственного аппарата, его чиновников — явление для законопослушной страны чрезвычайно опасное»⁴⁷⁷. Затем владелец денег переезжает в страну на постоянное жительство; за ним тянутся его компании, владельцы грязных денег, заработавшие их на наркотиках, игорном бизнесе, торговле оружием (все эти сферы принадлежат вершине госаппарата); следом за русскими деньгами текут грязные деньги из Украины, Китая и т.п.; вслед за деньгами приезжают в Европу бандиты; эти «бизнесмены» начинают делить новый для них рынок, давать взятки, вкладывать деньги в легальный бизнес, пытаясь их отмыть; начинаются разборки, убийства и т.д. В итоге законопослушная страна превращается в проблемную.

С учетом этого следствия можно оценивать и современную ситуацию в отношениях между Россией и Украиной. В любом случае требуется разработка концепций, которые опровергают любые интеллектуальные основания властно-управленческих и идеологических клик и структур современной России и стран, испытавших и до сих пор не свободных от влияния ее политического руководства и правительства.

⁴⁷⁷ Скуратов Ю.И. Кремлевские подряды: последнее дело Генпрокурора. М., 2014. С. 42.

А.В. Рубцов

ПОСЛЕ ПОСТМОДЕРНА: РЕАБИЛИТАЦИЯ ФИЛОСОФИИ

Пожалуй, самым сильным из последних рас-
суждений А.П. Огурцова было признание «по-
ражения философии» – целого ряда таких по-
ражений. В этом есть локальная, собственно
российская проблема, например, в новом рас-
кладе влияний в обществе и государстве фи-
лософского отделения РАН, с одной стороны,
и патриархата РПЦ – с другой. Если бы был
жив Мераб, даже он сейчас вряд ли собрал бы
на свои лекции очередь, как на лицезрение пояса
Богородицы. Но есть и более общая проблема:
постмодерн в целом демонтирует пьедестал
философии – заодно со всем, что связано с фун-
даментализмом (в хорошем и высоком – ме-
трафизическом смысле этого слова), метанар-
ративами и пр. сверхценными идеями. Можно
утешать себя тем, что философия и так всег-
да была средоточием рефлексии, критики и са-
мокритики, что даже критика философии в её
классических ипостасях сама есть особого рода
философия, однако это не отменяет нового –
и вовсе не такого помпезного – статуса, ка-
кой философское знание и философские науки
приобретают в постсовременности, в пост-
модерне и постмодернизме.

В этой связи можно думать о новом месте философии в постмодерне, как это делает (делал), например, Ричард Рорти, – а можно думать о выходе из самого постмодерна, о перспективах и интеллектуальных обстоятельствах такого выхода, о том, как в этих новых условиях возможна реабилитация философии, в том числе в сравнительно классических её ипостасях, и как такая реабилитация сама может способствовать обнаружению выхода из постмодерна.

А выход этот искать приходится и, более того, давно пора.

Проблемы темпоральности, характера течения времени культуры, исторического времени и собственно Большой Истории – тоже предпочтительные темы в исследованиях Огурцова, особенно в последнее время, когда он занимался этим совместно с С.С. Неретиной. Он не был постмодернистом, но знал толк в иронии и не любил избыточной организованности, в том числе какой она была явлена в Высоком Модерне, особенно в его тоталитарных проявлениях. Ходить без галстука, курить, где не положено, плевать на здоровье и лечение, выпивать и подписывать подмётные политические письма – все это сильно отдаёт духом «правильной» постсовременности. И это безумно хочется с ним обсудить. Сейчас его очень не хватает в том числе и в этом – и почитать его новые работы, и поделиться своим – письменно, а лучше устно. Этот человек умел слушать и критиковать, не размахивая.

На пороге сверхнового времени

Прощание с модерном

Оценку происходящего определяет оптика зрения. Можно смотреть в упор, с большего или меньшего расстояния или вовсе из «космоса времени» – зависит от исторического размера события. Нынешние метания России выглядят вблизи суетой местного режима, загнанного в угол собственной близорукостью и корыстью. Но с дистанции виден кризис эпохи, с которым не справляются уже не только здесь. Россия сейчас «большой человек мира», однако сама возможность таких

рецидивов отсылает к санитарии в общем доме и к истории болезни, которой уже несколько веков, минимум.

Исчадие рая

Старая идея: своими рукотворными трагедиями Россия предостерегает мир. Но часто страна, наоборот, игнорирует чужой опыт. Так было с установками социальной машинации и исторической инженерии. Идеальное общество и правильно устроенный прогресс не мы придумали, но именно в России проект тотального переустройства воплотили со всеми перегибами и дичью, когда другие уже успели остыть и взяли себя в руки. Это такая «всемирная отзывчивость»: подхватывать западные идеи и воплощать их, как на Востоке, — с фанатичным фундаментализмом и воодушевленной дисциплиной.

Похожие черты были у немцев, от века организованных, податливых внушению философией на грани софофилии. В итоге Высокий Модерн довёл идею искусственного порядка до издевательства и абсурда, породив два тоталитаризма, наш и немецкий. Политическим ответом на немецкое издание стал Нюрнберг, а мировоззренческим и философским — ревизия идеологии Модерна, несущего, как выяснилось, не только свет. После лагерей смерти уже нельзя было делать вид, будто эпохой гуманизма и просвещения мир понят правильно и лишь не так отстроен, что дело в дефектах реализации, а не проекта.

Когда-то прорыв в современность «из тымы средневековья» был окрашен высочайшим пафосом: образы «рассвета» (Руссо), «великолепный восход солнца» (Гегель), «вспышка молнии» (Шеллинг). Но оказалось, что ослепительные явления истории нагоняют слепоту на целые народы, вдруг кидящиеся во имя всего хорошего уничтожать себе подобных и самих себя. ХХ век заканчивался прозрением: трагедии и риски современности — не отклонения, а законные порождения Модерна, его темной стороны, опасной, но неотчуждаемой.

Эта мысль ожила в разных образах: от дуализма доктора Джекила и мистера Хайда до проблем с контролем светлой стороны Силы — Ашлы в ордене джедаев («световой меч» близок метафорам света в немецкой классике, но без фанатизма). Вся эта идейная попса восходит к древнейшим диалектикам света и тени, добра и зла, однако придает им звучание техногенной современности. Джекил превращается в Хайда не иначе как интересом и силой знания, науки, опыта, техники. И тягой к рукотворному совершенству — *idefix* Модерна.

Новое время открыло человека себе, миру и будущему, сбросило путы косности и слепых верований, расковало субъективность и самопознание. Оно ищет основания только в себе, отвергая устои и предубеждения, все внешнее и предзданное. Эту экстремальную свободу и самостоятельность Модерн распространяет на человека, избавляя его от ограничений и соподчинения, барьеров и иерархий. Культ разума и объективистская нелицеприятность знания согласуются с ценностями политической справедливости; научная истина и гражданское право гарантированы одинаково — абстрактным Законом, стоящим выше любых интересов, предрассудков и привилегий.

Плюс прорыв в эсхатологии: история становится временем направленного прогресса, движения к осмысленному плану. Начиная с «идеальных городов», слово «идеал» делается ключевым. Но это вечное движение постоянно встраивает в себя проект «открывающей завершенности»: от идеализации прусского государства Гегелем и начала «подлинно человеческой истории» у Маркса до русского политического и художественного авангарда с «до основания, а затем» в «Интернационале» и «переходом через ноль» в квадрате Малевича. Идеальное завершение как абсолютное начало.

Одновременно осваивается универсальное пространство, «председателем» которого объявил себя тот же Малевич с претензией на космос, планету («единая система мировой архитектуры Земли») и «утилитарное совершенство» как таковое. К тотальной архитектуре приходит Modern Movement в установках Гропиуса, Корбю или Гильберсеймера («от дверной ручки до системы расселения»). Универсальный стиль демонстрирует «прекрасный максимализм и полуфантастические результаты». И локальные воплощения: Бразилиа, Чандигарх, Канберра, Тольятти... XX век — эпоха мегапроектов во всех ипостасях, особенно у нас: от ГУЛАГа, секретного «неофициального градостроительства» и экономики тотального плана в СССР до идеалов мировой революции. Те же претензии планетарного масштаба, реализованные для начала «скромно» — в габаритах соцлагеря, мирового освободительного движения, единства всех людей доброй воли.

Преобразование мира и общества — мания Модерна, иногда мистическая. Свобода и регулятивный контроль в одной связке. Реформации и Просвещению сопутствует расцвет

демонологии и «охота на ведьм». Кампанелла повернут на астрологию; архитекторы Нового времени дружно и хронически увлекаются масонством с его знанием тайного кода изменений. Тот же пафос знания и контроля разделяют наука и разного рода инженерии, в том числе социальная, «человеческих душ»... Но этот энтузиазм всегда чреват выходом и торжеством темной стороны. Уже в «Городе Солнца» решены вообще все проблемы: слепые чешут шерсть, хромые стоят на страже, а бесплодные женщины поступают в «общее пользование». Эта мораль строга: «Подвергаются смертной казни те, которые из желания быть красивой начали бы румянить лицо, или стали бы носить обувь на высоких каблуках». После 27 лет тюрьмы социальный рай видится утописту острогом с плахой. И наоборот: идеальная тюрьма — «Паноптикум» Иеремии Бентами — стилистически не отличима от идеальных поселений.

Эта экзотика лишь высвечивает родовую травму Модерна: его фиксация на упорядоченности (regularity), измерении и исчислении всего, включая повседневную жизнь, на деле оборачивается новыми формами индивидуального надзора, дисциплины, контроля. Раскрепощению сопутствует культ порядка и проекта.

Прямая дорога в ад по пути в рай. Инверсия Мефистофеля: часть той силы, что хочет блага — и вечно совершает зло.

Новое или порядок?

Для понимания, где мы оказались, важно начало. Одна из версий отсчитывает Модерн с времен Буало и Перро, от конфликта во французской Академии между «древними», отстаивавшими верность античным образцам, и «новыми», призывающими отбросить классику. Отсюда культ новизны как таковой, докатившийся до новой России недавними воззваниями о модернизации с инновациями.

По другой версии Большой Модерн начинается раньше и в архитектуре, с проектов «идеальных городов» — альтернативы хаотизму средневековой застройки. Это два разных начала эпохи: полемика в Академии (по Хабермасу) — или все же идеальные города Возрождения; *Querelle des Anciens et des Modernes* — или «*Città ideale*» del Rinascimento? Но это и две конфликтующие оси в Модерне: новое во времени или порядок в пространстве?

Новое — это независимость и свобода; порядок — это проект и организация, дисциплина, свободе враждебные. Опасность почти синхронно почувствовали в градостроительстве и в политике. В среде, построенной по пусть гениальному, но тотальному проекту, мешает жить оскомина от «красоты» и «искусства», знакомая музеиной работникам и искусствоведам. Тотальный проект исключает пространственную и пластическую фиксацию жизни со всеми её милыми дефектами и неподражаемым несовершенством. В политике те же риски: «Государство призвано не для того, чтобы превратить жизнь в рай, но для того, чтобы не дать превратиться ей в сущий ад» (Николай Бердяев). Менее известно его же ещё более резкое: «Ад нужен не для того, чтобы злые получили воздаяние, а для того, чтобы человек не был изнасилован добром».

Опасности причинения добра теперь очевидны и универсальны, они одинаковы в техногенных воздействиях и в биоэтике, в политической евгенике, в социальной и генной инженерии, в чудесах полицейского государства и госплана, в информационной экспансии и новом колониализме. Новое время с трудом обошло не один тупик, но у России и здесь свой путь.

Русский Модерн — утрированный и незавершенный

В Модерне, при всём его критицизме, есть проблемы с самокритикой, не говоря о самоиронии, но все же есть и защита от срывов. В России этот предохранитель сломан. Здесь испытали на себе (и не только) всю силу темной стороны Модерна, став в этом смысле «гиперсовременными». Но вместе с тем и «недосовременными»: позитивная работа Нового времени, связанная с обновлением и свободой, законом и правом, наоборот, осталась недоделанной, вплоть доrudиментов немыслимой архаики. Поэтому и выход из тоталитаризма у нас такой затяжной, частичный и обратимый. Мы вызывающие игнорируем рекомендации сэра Уинстона Черчилля: «Если вам нужно пройти сквозь ад, проходите не останавливаясь». (Ср. у Василия Мельниченко, уральского фермера, члена КГИ, эскувайра: «Страшно не то, что страна в заднице, страшно то, что она там обустраивается»).

Временной разрыв в сознании рождает опасный гибрид. Тёмные люди, корча из себя мировых джедаев, начинают размахивать «световыми мечами», пугать себя и всех радиоактивным

пеплом, забывая пахать и строить, не говоря о законе, праве, справедливости и свободе, о своём и чужом достоинстве. Тот же фермер: «Россия производит впечатление великой державы — и больше ничего не производит». Новейшие техники манипуляции массами накладываются на ритуалы и мифологию островных аборигенов. Средства массового поражения сознания плюс ядерный потенциал, Верхняя Вольта с гранатой.

Мы опять выпадаем из мировой повестки. Модерн не отменён, но стал другим, в том числе войдя в метасистему постмодерна. Теперь ищут уже и выход из постмодерна, явно зажившегося на этом свете со всей своей искусственной, а потому очень ограниченной «органичностью». Но Россия вновь вне времени. Она оставляет при себе худшее, что есть в некритично воспринимаемом Модерне. В условиях кризиса стране уже уготована взвинченная мобилизация с подавлением любых форм самоорганизации людей и процессов.

Провалив попытку доделать работу Модерна, мы теперь падаем сквозь непрожитое толком Новое время назад, в какое-то уже вовсе не новое, доисторическое прошлое. Мракобесие и эпидемия запретов заставляют думать о Средневековье как о светлом времени поисков духа, цеховых свобод и университетской автономии. Не найдя места в глобальном мире, страна компенсирует провал изоляционизмом и круговой агрессией.

Чем больше ада во внешнем мире показывает телевизор, тем хуже ожидания уготованного нам здесь. Запад, породивший Модерн, но и смиривший его, опять вызывает в России зависть, реализуемую в уничижении несостоявшегося предмета страсти. Конструкцию описал ещё Марк Твен: «В настоящее время райские чертоги отапливаются радиаторами, соединенными с адом. Муки грешников усугубляются от сознания, что огонь, пожирающий их, одновременно обеспечивает комфорт праведникам».

Рождение постмодерна из духа современности

Затянувшееся разбирательство России с Модерном происходит с отставанием и задним числом, на фоне уже следующего глобального цикла. Постмодерн, пришедший на смену избыточному порядку, уже и сам набивает оскомину кудрявостью и капризами, вечной игрой, имитацией «естественноти». Впору искать пути из тупиков постмодернизма, а мы

до сих пор не можем ни нормально войти в Новое время, ни выйти из него.

Мир постмодерна опознается по новой эстетике: на место Больших Стилей пришло Большое Бесстилье. Право сочетать все со всем и предаваться радикальной эклектике стало равным и всеобщим. Кризис идеального: все слишком правильное, серьезное, совершенное и законченное под подозрением, фундаментализм нелеп и опасен. Пафос прогресса вызывает иронию и скепсис; история, когда-то насаженная на стрелу времени, объявлена «закрытым проектом».

Но Модерн не исчезает. Его позитивная сторона пытается сохранить вектор, и наш мир, при всех оговорках, ещё можно считать «современным». Более того, постмодерн изменил бы себе, если бы не рискнул включить конструкции модерна в качестве равноправных элементов эклектической сборки. Но сохраняется и темная сторона. Неискоренимо желание отставших объявить себя венцом политической и нравственной эволюции и построить народ, страну и мир согласно умозрительному и жесткому проекту.

Это не значит, что в России не освоили духа постмодерна и даже многих наиболее резких и отвязанных техник постмодернизма, в том числе в идеологии и политике. Но то, как и с какими издержками это связано, — предмет отдельного анализа. Кто-то и правда думает, что Сурков чем-то всерьёз отличается от Павленского?

Дух постмодерна и тупики постмодернизма

В предыдущем параграфе мы попытались попрощаться с Модерном в его наиболее опасных проявлениях. Сейчас, когда впору прощаться со следующим персонажем драмы, с постмодерном, многие с ним ещё даже не познакомились и не считают нужным. Это неосмотрительно. Модерн закончился трагедией целой эпохи. Теперь рассеиваются иллюзии и надежды постмодерна. Расслабленность и легкий дискомфорт сменяются повышенной тревожностью буквально во всем. Такие «недомогания» опасно переносить на ногах, не озадачившись диагнозом и возможными осложнениями.

История болезни

Симптоматика известна. Напряженное отношение к правилу, норме, порядку и однозначности, к бинарным оппози-

циям (высокое — низкое, истина — заблуждение, правда — ложь, красота — уродство). Самодостаточные языковые игры, в которых означаемое (референт, реальность) исчезает либо неинтересно. Критика фундаментализма и всякой одержимости; ирония, всегда готовая опустить любой пафос и порыв. Неприятие иерархий, в том числе «горизонтальных» (деконцепция), культура маргинального — интерес к «краям» и «полям», к малому и второстепенному. Отрицание прогресса как идеи и опыта, признание самой истории «закрытым проектом». Презрение к глянцевой новизне, ко всему слишком свежему, ненощеному. Воинствующая эклектика, смешение всего со всем в синхронии и диахронии — обломков из любой живой или мертвой культуры, из любой точки современности или ставшего равноценным прошлого. В целом это дух веселый и принципиально несерьезный, свободный и жестко отвязанный. Что, впрочем, не мешает его не менее жесткой эксплуатации в политике новой тотальности — и с весьма тяжкими последствиями. В этом Россия опять образец.

Однако простого перечисления симптомов здесь мало: важно понять «с чего вдруг». А для этого надо вписать постмодерн в некую логику и историю. Причём здесь сразу две истории: внешняя история, в которую вписан постмодерн (до и после), и внутренняя история постмодерна, его собственного развития и периодизации. То есть надо создать тот самый «метанarrатив» (большой всеобъясняющий рассказ о главном), который постмодерн исключает в первых же строках своего кредо. Однако приходится.

Здесь многое проясняет архитектура, с которой, собственно, и начался постмодерн (и Модерн тоже). Постмодерн — это прежде всего реакция на господство тотального проекта, восстание против идеалов в мечтах и совершенства во плоти. С мегапроектами, утопиями и идеальными городами не было проблем, пока их не сподобились реально воплощать, начисто вытеснив спонтан — стихийную среду с её совершенно особыми эстетическими и человеческими качествами. Проекты идеального общества тоже не страшны, пока в жизни не превращаются в лучезарные лагеря, из которых нет выхода. Человек грезит планомерным порядком, пока эта его «инструментальная рациональность» не уничтожает на корню хаотизм живой жизни, будь то архитектура, социум или политика. Далее по списку: экономика, технологии и любая

инженерия, экология, воспитание, идеологии, манипуляция сознанием, экспансия культур, медиа и мода...

Современная архитектура в лице «Modern Movement» и его производных на такое вытеснение отважилась — и тут же спровоцировала радикальную переоценку ценностей, развернув вкусы от правильных красот мастерства и высокого стиля к потертым прелестям старого города, всего «исторически сложившегося». Там, где государство достигло тех же высот регулятива, зарвавшийся Модерн быстро приучил всех ценить приватное и непредрешенное, неподконтрольность и самоорганизацию, ускользание от нормы и власти во всех её ипостасях и агрегатных состояниях.

Эта реакция понятна и нормальным, живым людям близка, вплоть до манеры пить, говорить и одеваться. Но постмодерн непонятен без главного: это ответ именно на тотальность «произведений» архитектуры или политики, а не на стиль. Жить в проекте (будто в изделии 3D-принтера) невыносимо, каким бы гениальным жизнеподобием и какой бы авторской свободой он ни блестал. Это не проблема смены формы от «слишком жёсткой к более органичной», это вообще не художественная проблема — это проблема взаимоотношения искусства и неискусства, произведения (проекта) и среды. Это не проблема жизни в искусстве, но проблема пропорции искусства и жизни. Этой проблемы нет в музыке и живописи, потому что всегда можно выключить или отвернуться, но это решает все в архитектуре и политике, от мегапроизведений которых деться некуда.

В теоретической эстетике есть «маятник Вёльфлина»: история стилей раскачивается между полюсами порядка и свободы, регулярности и органики, строгости и манеры (например, от Ренессанса к барокко). Однако под тяжестью мегапроектов Высокого Модерна этот маятник оборвал подвеску, пробив оболочку искусства и власти. Постмодерн — не просто раскованный стиль, в котором мы отдыхаем от геометризма архитектурных построек или построения человека политикой. Утрачена не условная свобода в искусстве и социальной гармонии, а сама жизнь вне искусства и вне организованной социальности. Поэтому подлинный, понимающий постмодерн увидел альтернативу не в иных, более раскрепощенных стилях профессии, а именно в стихии городского спонтана, в эстетике и особой человечности кривого и узкого — «архитектуры без архитектора».

*Постсовременность, постмодерн,
постмодернизм*

Путаница в этих понятиях и словах порождает рваное отношение к теме в целом.

Историческое место, в котором тотальные проекты уже отметились своими кошмарами, и есть та самая «постсовременность» (postmodernity), существующая здесь и сейчас «объективно», как ландшафт или климат. Гигантская воронка, оставшаяся после взрыва Модерна. Можно всех нас эвакуировать в другое время или пространство — эта историческая «яма» и излучаемая ею «радиация» останутся. Если сюда десантировать любое другое племя или поколение, обнаружатся те же напряжения, с той же наводкой идеей и вкусов. Это чтобы «простой народ» и отдельные непростые искусствоведы не выступали со своим провинциальным снобизмом: постсовременность всех касается, мы все в ней прописаны, и лучше это знать, дабы не удивляться собственным вкусам и ощущениям, буквально за полвека изменившимся и все изменившим до неузнаваемости.

Постмодерн (postmodern) — это уже не просто историческая конфигурация, но сам дух постсовременности, культурная программа, с биологической заданностью вырастающая на этой почве и в этом особом климате. Такой тип умонастроения и мироощущения задан всем грузом усталости от Модерна. Поэтому каждый из нас уже «человек постмодерна» — в той мере, в какой мы спокойно и даже с расположением впускаем в свою жизнь немыслимую прежде мешанину одежды, кухни и еды, бытовой техники и всякого дизайна, «этноуники» и «этномедицины», образовательных практик, оживших исторических аллюзий, легенд и мифов всех времён и народов. Уважение к легкой (или нелегкой) небрежности и потёртости проявляется в симпатиях туризма к старым городам и в сходных настроениях моды — в ретро и Casual. Это тоже не для отвлечённой теории, а для понимания втянутости в постмодерн всех, в том числе тех, кто этого слова не выносит, не выговаривает или не слышал. «Люди постмодерна» ходят по городу толпами и трутся друг о друга плечами, даже не подозревая, насколько этим общим духом пропитано всё, насколько он специфичен и как сильно отличается от того, что было до эпохи postmodern.

Если климат постсовременности естественно порождает атмосферу постмодерна, то из неё так же естественно кон-

денсируется активная, экстремальная фракция постмодерна — постмодернизм (postmodernism). И это тоже куда более распространённое явление, чем принято считать — как и дух постмодерна. Постмодернисты — непризнанная элита «народа постмодерна», но это не только философы, архитекторы и художники, литераторы и музыканты, идеологи и политики; это и обычные люди, не впадающие в истерику негодования от размытости гендерных и прочих связей, ценящие элементы хаоса и случайности превыше плана и единства. По стилю это ближе к all-out-casual, по духу — к путанице, самоиронии, приколу и веселой анархии. Это не обязательно творчество — это ещё и оттенки стиля жизни, еще недавно казавшиеся диковатыми.

Постмодернизм это «партия» постмодерна, его авангард, однако граница этой партийности размыта, что позволяет постмодернизму вести за собой вперёд (и назад) самые широкие слои населения. Это уже не классический постмодерн, в котором культ исторической среды города повторяется в «исторически сложившейся» линялости мирно стареющих джинсов. Постмодернистов в архитектуре, нагло имитирующих историческое и спонтанное, не так много, зато в этой жизни полно полно «стихийных постмодернистов», носящих искусственно состаренные швейные изделия с изящной бахромой и дизайнерскими дырами на коленях и задах. Этот дух универсален, он проявляется во всем, будь то мебельный винтаж, искусственно состаренные клипы с ретро-звездами или вареные штаны о главном.

Здесь есть и своя динамика, история. Человечество последовательно эволюционирует: от красивых брюк в стиле правильного модерна или авангарда к классическим, реально стареющим джинсам постмодерна и лишь потом к дизайнерской потрепанности галантейного постмодернизма. История логичная, но и в ней уже видны тупики.

Восторги симуляции

Если постмодерн это реакция на проблему Модерна, то постмодернизм претендует на решение этой проблемы новым, альтернативным проектом. Однако это «решение» само слишком реактивно. Оно понятно как ответный жест, но постоянно жить в такой жестикуляции тоже тяжело.

Прежде всего, постмодернизм не возвращает, а лишь имитирует утраченное, будь то живая спонтанность в архитектуре или реальная свобода в политике. Сложность и не-

предсказуемость пластики старого города происходят от реальной жизни; если это наслоения, то это наслоения истории, а не фантазии, процесса, а не проекта. Постмодернизм лишь изображает хаотизм живой среды — он «проектирует спонтанное», «вычерчивает естественное», и эта фальшь всегда видна либо ощущается нутром.

То же в политике. Политтехнологи проектируют политическую «жизнь»: дискуссии, массовые демонстрации поддержки, фиктивное народовластие. Эта фальшь становится всеобщей — от голосований, соревнований и бесконечных ток-шоу с несущими пургу аналитиками до постановочных, экраных сцен руководства страной и всем подряд прямо из кабинета.

Далее, постмодернизм выворачивает саму логику связи порядка и спонтанности. В старом городе пространства власти и общественного центра строги, упорядочены и подчинены логике проекта, тогда как пространства приватной жизни, наоборот, являются собой полюс органики, естества и спонтанности. В постмодернизме же все наоборот: в архитектуре общественного центра есть деньги, заказ и креатив, поэтому здесь концентрируется вся имитация «живого и интересного», оставляя архитектуре жилых районов стилистику лагеря. Эстетика «мехом внутрь».

То же в политике: свобода от норм, правил и принципов порядка концентрируется в коридорах власти, тогда как внизу, в пространствах приватной жизни, все более уплотняется система мелочных, маниакальных запретов. Эстетика и функция произвола и зажатости меняются местами: власть ведёт себя как независимое частное лицо, а частные лица втискиваются в регламенты, будто это сплошь служивое чиновничество.

Таким же перевертышем обличивается в политическом постмодернизме когда-то демократичная ирония постмодерна. Постмодернистская ирония есть, но она приватизирована наверху и проявляется в отношении власти и политтехнологов к управляемой массе, которую специально обученные люди разводят весело и с фантазией. Теперь власть сочетает монополию на легитимное насилие с государственной монополией на иронию, причём ещё не известно, что в этой политике важнее. Тексты официоза захлебываются от совершенно отвязанных фантазий, от залпов безбашенных орудий прессы и ТВ. Там понимают, что в логике идеологического и пропагандистского постмодернизма теперь своё «правило Геббельса»: чем смешнее аргумент, тем серьезнее он будет воспринят. Внизу же все воспринимается буквально — рас-

пятые мальчики, норковые дамы, мерзнувшие на Болотной за центы Госдепа, вражеские фрегаты, удирающие от одного вида наших расчехленных железок.

Все это захватывающе интересно, но только как эксперимент на обществе и живых людях, временный, хотя и долгоиграющий. Это занос, из которого рано или поздно все равно придётся выходить. Все чаще мы ощущаем себя в преддверии какой-то другой, новой эпохи.

На пороге неомодерна

Времена, как вещи, имеют окраску и размер. В истории давно проявлены циклы: этапы расцвета сменяются упадком и крушением иллюзий; при этом «злоба дня» может быть сиюминутной, а может быть кризисом целого периода или эпохи. Сейчас события в стране и мире не внушают оптимизма, тем более исторического; вновь что-то нагнетается, и это не просто текущая политика. Похоже, замыкается большой круг: от упований Нового времени через трагедии и переоценку проекта Модерна к исчерпанию уже и самой постсовременной парадигмы, едва справляющейся с кризисами, ею же порождёнными. И опять все путает инерция сознания — люди блуждают в постмодерне, так и не избавившись от модернистских соблазнов предыдущего этапа — от модернистского культа тотального проекта, порядка, контроля. Но сейчас теряется ещё один темп: интеллектуальная повестка только предполагает заглянуть «за постмодерн», хотя эта головоломка для снобов уже перешла в разряд вопросов жизни, если не выживания.

Из света в тень

Метафоры исторического процесса повторяют суточный цикл: рассветы и сумерки, восходы и закаты. Из «тьмы средневековья» человечество вступало в рассвет Нового времени, но уже из Высокого Модерна оно выходило через мировую бойню и ужасы тоталитаризма — эпоха Просвещения заканчивалась таким мраком, какого свет не видывал. Отказом от одержимости сверхценными идеями постмодерн дал надежду на просветление, но тьма вновь накрывает ненавидимый город. В самоощущении времени сгущается тревожность, множатся нехорошие предчувствия. Суровые годы уходят, но за ними приходят другие, они будут тоже трудны.

С лагерными порождениями тотальных проектов и идеологии человечество прощалось клятвенно: никогда впредь! Некоторое время помогала держаться общая усталость от навязчивого порядка Модерна, но сейчас энергия этого отрицания выдыхается в усталости от самого постмодерна с его слишком равномерной разупорядоченностью. Локальные кризисы распространяются и тиражируются, набирают своюенную большой истории размерность, создавая впечатление ещё одного исхода ещё одной эпохи. И хотя выход из рассредоточенного постмодерна окажется не таким болезненным и жестоким, как выход из концентрационного Модерна, логика рисков с неприемлемым ущербом запрещает расслабляться: судя по динамике событий и по тому, что едва ли не каждый день случается из ещё вчера казавшегося совершенно невозможным, в этой истории опять может быть всякое.

Держать нужную концентрацию внимания не так просто: в этой истории, как в урбанистическом пейзаже, сумерки скрывают искусственным освещением, рекламой, фейерверками и салютами. Вечерняя Москва в центре — город томного благолепия, и такое уже было. Накануне той революции для многих тоже «ничто не предвещало», а о первых её днях Василий Каменский написал: «Было жутко, ново и весело»⁴⁷⁸. Сейчас скорее противно и не ново, хотя да, пока ещё весело. Но поверх постмодернистской иронии все чаще всплывают из памяти пронзительные слова Георгия Флоровского о начале века прошлого: «И вдруг все становится как-то очень серьёзно»⁴⁷⁹.

Карта исторической местности

«Пути России», одновременно забегающей и отстающей, с одинаковым увлечением рвущейся в разные стороны, всегда отличались асинхронностью. График нашего движения в этом большом цикле крайне рваный.

Новое время («большой Модерн») начиналось как мгновенное просветление: гуманизм, разум и свобода воли для совершенного «переблагоустройства». Культ всего идеального (человека, города, общества); эпоха мегапроектов как живого воплощения запограммированного идеала. Дороги в не-

⁴⁷⁸ На эту цитату из славного футуриста любезно обратила внимание Т.В. Горячева.

⁴⁷⁹ Флоровский Г. Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 452.

человеческий ад всегда начинаются с коллективных экспедиций к земному раю. Но Запад в целом держал баланс: идеи и институты новой гуманности связывали разгул профетизма и помешательства на правильной организации. Срывы в тоталитаризм — как раз те инциденты, в которых «современная» идея порядка побеждала в Модерне дух свободы. Россия в этом стала одним из лидеров.

Сейчас похожая история повторяется на новом витке. Россия выхватывает постмодернистские техники возгонки и подавления сознания и ставит их на службу модернистского рецидива — построения нового лагеря концентрированного счастья. При этом, как и прежде, в сохраняемой части проекта Модерна игнорируется линия гуманизма и права. Западный постмодерн подхватывает и развивает линию свободы и эманципации личности, отказываясь от идей тотального проекта и непререкаемой организованности, мы же все делаем ровно наоборот. Если опасный потенциал постмодерна (срыв в новый хаос) на Западе сдерживается сохранением позитивной стороны Нового времени — синтезом порядка и права, организации и свободы, то у нас прорыв в утрированный постмодернизм беспринципной, циничной и ничем не ограниченной «политики» осложняется ещё и движением вспять, отказом от тех завоеваний Нового времени, которые еще вчера казались необратимыми.

И опять урок, негативный пример: тем самым Россия сейчас помогает вскрыть потенциальный нарыв постмодерна, как раньше она делала то же с тоталитарной инфекцией Модерна. В ситуации с постмодерном в России и мире много общего, от структур повседневности и микрофизики власти до надломов национальной государственности и глобального мироустройства. При этом особая пластичность постмодерна может казаться одновременно избыточной и недостаточной (испытания толерантности в ситуации с мигрантами в ЕС или с «пятой колонной» в РФ). Но именно в российской политике во взрывоопасном виде сосредоточено многое из того, что заставляет думать о поисках если не выхода из постмодерна, то во всяком случае о его существенной трансформации.

Новый конфликт...

Банальная истина: постмодерн, а в концентрированном виде постмодернизм, является реакцией на наиболее про-

блемные эволюции Модерна, а в известном смысле и на некоторые его фундаментальные основания. Вместе с тем, Модерн в несколько стреноженном виде продолжает существовать и в эпоху постмодерна. Более того, мир постмодерна во многом удерживается от разрушения именно тем, что сохраняет важнейшие несущие конструкции Модерна. В этом смысле постмодерн велик, но и дважды паразитарен.

На этом фоне несколько необычными выглядят взаимоотношения постмодерна и постмодернизма. Казалось бы, постмодерн должен быть прямым антиподом Модерна, а постмодернизм — лишь концентрированным, экстремально творческим усилением постмодерна, его «партийной» фракцией. Но в более сложной конфигурации постмодерн оказывается одновременно и продолжением либеральной тенденции модерна, тогда как постмодернизм — прямым антиподом постмодерна в онтологии его ценностной ориентации. Если постмодерн противопоставляет тотальному порядку модерна именно реальную естественную разупорядоченность и недорупорядоченность как органичное и «исторически сложившееся», то постмодернизм компенсирует утраченный спонтан его искусственной имитацией, симуляцией естественности и «истории», фиксацией мнимой асинхронности в синхронии проекта. Если в этом уравнении вынести за скобки Модерн и противостояние ему, оставив только то, что сохраняется в различиях постмодерна и постмодернизма, то окажется, что противоположность эстетизации живого естества в постмодерне и его искусственной имитации в постмодернизме является не менее глубокой, а в определенном смысле даже более значимой, чем противоположность Модерна и постмодерна.

Это не покажется столь неожиданным и парадоксальным, если смотреть на такое соотношение «онтологически», через материал. Эстетика в постмодерне и постмодернизме в целом может быть даже примерно одна (хотя различия существуют), но с точки зрения источника и воплощения архитектурный постмодернизм, например, в корне отличается от исторически сложившейся среды старого города — точно так же как проект отличается от естественного роста, а наслаждения истории — от нагромождений авторской фантазии. В этом плане постмодернизм искусственно и порой искусно состаренных джинсов ближе к модерну аккуратно запроектированных брюк со стрелками и манжетами, чем к естественной линялости классических джинсов, стареющих (старевших) естественно и вы-

тиравшихся в историческом времени на реальных коленях и прочих выдающихся частях тела.

И в этом смысле постмодернизм своей искусственной имитацией оказывается антиподом и едва ли не убийцей постмодерна с его культом подлинной, натуральной, исторической естественности — спонтанности коллективной жизни, а не индивидуального творчества. Соответственно, если и искать выход из постмодерна, то не только в его противостоянии Модерну и в реабилитации позитива Нового времени, похороненного под тотальностью, но и в разрешении этого его конфликта с имитационным постмодернизмом.

...И новый контраст

Поскольку пророчества грядущего в масштабе эпох вызывают законные сомнения в адекватности пророков, придётся входить в эту тему через реальные тенденции, хотя бы ещё только проступающие.

Ожидание очередного парадигмального перехода уже просматривается в концептуальной лексике, в которой все чаще мелькают термины примерно одной ориентации: пост-постмодерн, after-postmodernism, неомодерн, новое Просвещение, неоклассицизм...

Кроме того, в этих поисках выхода из постмодерна приходится учитывать исчерпанность вариантов всеми предыдущими эволюциями. Круг моделей весь поделён на сектора, и под этой луной ничего принципиально нового уже не будет; возможна только макрокомбинаторика, более или менее оптимизированные рекомбинации — да и те возвращают к образам относительной полноценности моделей жизни и мира из уже бывших (например, в городской среде).

Наконец, эта модель по необходимости должна быть формальной — схематичной и «образной»; в противном случае всегда будут оставаться сомнения в её универсальности, в способности работать в самых разных областях созерцания и активности: в мировоззрении и структурах повседневности, в обыденных практиках, в философии, науке, культуре, искусстве, идеологии, в глобальной и локальной политике, в организации институциональных сред, стилях администрирования и регулятивных моделях, в экономике, технике и технологиях... Логикой и эстетикой такая модель должна воспроизвести одновременно «алгебру и гармонию» альтернативных

представлений: формула должна допускать работу с самыми разными переменными, а эстетика обязана соответствовать улавливаемой динамике вкусов.

Здесь опять хорошо работает архитектурная метафора (особенно если помнить, что архитектура есть одновременно и место зарождения «правильного» постмодерна, и его «контрольная предметность», и возможная точка выхода). Все отчетливее ощущается потребность разорвать и раздвинуть на полюса то среднее арифметическое между порядком и беспорядком, планом и стихией, которое постмодернизм с большей или меньшей равномерностью распространяет по всей среде. Чисто вкусовое движение: после перепевов Пьяцца д'Италия, овощебазы сэра Нормана Фостера с его антисредовыми «огурцами» и «апельсинами», после каши лужковского постмодерна в Москве опять хочется чего-то честно правильного в духе Версалья, Канберры и улицы зодчего Росси. Архитектурная мешаница нынешних городов вызывает острую ностальгию по трёхлучевым системам и регулярным планировкам, по генплану и ансамблевому градостроительству как таковому. Но одновременно есть полное понимание неспособности постмодернизма компенсировать утраченную естественную среду — живой спонтан, исторически сложившееся в самом прямом и онтологически ответственном смысле слова. Возникает естественное движение к восстановлению эстетически выразительного, экзистенциально и социально понятного контраста между жестким архитектурно-планировочным каркасом среды и её реально спонтанным наполнением, сохраняющим хаотизм, сдерживаемый исключительно логикой и эстетикой самоорганизации.

Эта архитектурная метафора как схема почти одинаково прочитывается в самых разных сферах. В российской политике явно перезрела потребность, с одной стороны, упорядочить и сделать предельно жестко, неукоснительно исполняемым законодательство высших уровней, начиная с конституции, а с другой — максимально вычистить нормативную правовую базу, до абсурда навязчиво регулирующую приватную жизнь и низовую политическую активность. Эта же модель лежит в основе реформирования и других регулятивных практик, например, в техническом регулировании, в котором поистине постмодернистская мешаница бесчисленного множества с грехом пополам исполняемых нормативных актов в проекте заменяется на сочетание жёсткого законодательного, но пре-

дельно ограниченного по предмету регулирования (регламенты) с добровольностью и сверхбыстрой обновляемостью живой системы стандартов. Та же схема просматривается в геостратегии и миросистемных отношениях, в которых все более очевидна потребность в построении новой, крепкой и хорошо упорядоченной «глобальной архитектуры», способной нести на себе и удерживать максимальную свободу межкультурной, межнациональной, межстрановой диффузии, формирующей новое «исторически сложившееся».

Мегапроекты свободы

Подобные примеры можно продолжить, но здесь уже просматривается общее движение. Ультрамодерн тотальным планом и избыточным порядком вызвал естественную реакцию отторжения. Однако эта реакция распространилась и на те уровни регулирования, в которых разупорядоченность в любом виде рискованна (так, тотальные проекты гипертрофией регулятивности убили не только тотальность плана, но и градостроительство вообще). Постмодернизм пошёл дальше, допустив незаметный перехват этих уровней регулирования или просто влияния. В политике это называется прикрытым приватизированным законом произвол, в архитектуре — развитие города без плана, но по плохо согласованным проектам локальных групп влияния, корпораций и интересов. Утраченная спонтанность, в свою очередь, скрытно и незаконно перекочевала с уровней массовой приватности на этажи власти. Версаль символизировал не только всесиление абсолютизма, но и рамку самой власти, её строжайшие внутренние регулятивы. Лужковской постмодерн символизирует отсутствие порядка и плана, но и вопиющий дефицит сдерживающих начал для лиц и инстанций, принимающих решения. Зато на приватном уровне стандартная секционная застройка в точности отображает уровень политической свободы гражданина и человека.

Если «сверхновое» время и станет временем возврата мегапроектов (а к тому пока все идёт), то это в любом случае будут мегапроекты, свободные от тотальности, но, наоборот, гарантирующие сложной иерархией регулятивности максимальную свободу и спонтанное развитие на средних и низовых уровнях. Тотальные проекты ультрамодерна дискредитировали саму идею полным подавлением спонтанного, хотя мегапроекты, максимально расковывающие спонтанное развитие, не новость в идее, хотя и редкость в идеальной реализации.

Россия в этом плане оказывается сейчас в особом и весьма интересном положении. Попав в историческую ловушку ресурсного социума, сырьевого и порождённого им институционального проклятия, она не может выйти из этого тупика без масштабного мегапроекта. Но происходит все это в эпоху, в которой мегапроекты считаются опасными анахронизмами, и, более того, в стране, в истории которой организованные сверху маршевые исторические переходы, как правило, сопровождались дикими потерями и заканчивались откатами в архаику. Мегапроект «смены вектора развития», основанный на максимальном раскрепощении массовой спонтанности, мог бы стать, пожалуй, единственным в истории позитивным примером для товарищей по несчастью. Однако обсуждение вероятности такого развития событий находится за пределами данного текста и человеческого понимания.

Архитектоника постмодерна

Время

Исторический размер события

В расхожем мнении постмодерн⁴⁸⁰ — течение новейшее. Но, оставаясь знаком времени, авангардом и модой, он уже покрывается налетом истории. В своем нетленном отношении к прошлому он и сам превращается в стильное ретро — как английская королева. Его востребованность растет, не скрывая усталости возраста.

Свежесть нового утрачена здесь не вчера: эту идеиную контрабанду еще в начале 1970-х осваивали отдельные экземпляры из интеллектуальных стиляг. Сейчас эти лейблы носят все, как контрафактный ширпотреб с *двойным кодированием* (Ч. Дженкс): для всеядной массы — отказ от правил ради вкуса плохого или отсутствующего; для «ангажированного меньшинства» — новая философия, изысканный прикол. И тоже как обертка, прикид. Постмодерн сам становится *знаком знака*, отражением себя, пустой модой (например, когда его фичи втыкают «для красоты», без иронии стиля).

⁴⁸⁰ Пока этот термин используется как обобщение тренда: различия с «постсовременностью» и «постмодернизмом» имеются в виду, но будут введены позже.

Вместе с тем постмодерн все еще открывают! Развновозрастные неофицы — юные дарования и молодящиеся авторитеты — осваивают его ходы и лексику как откровение. Восстав против *больших нарративов* (метаарассказов), постмодерн теперь сам читается как еще один вселенский нарратив. Он явно застрял в смене парадигм: это место пусто не бывает, а другой «интеллигентской религии», такой же размашистой по пересмотру ценностей, понятий и форм, нет даже на горизонте⁴⁸¹.

Слухи о моральном старении постмодерна преувеличены, но объяснимы: сколько можно и, главное, что потом? Ротация философий и стилей буксует. Проблемы с графиком выводят на особую темпоральность: похоже, у постмодерна в истории *свое время, свой размер и ритм* — необычный для смены макроустановок знания и культуры.

У постмодерна уже есть биография, даже периодизация. Но если сменить оптику и посмотреть на предмет издалека, постмодерн можно увидеть и как *событие* — как «историческую точку» (аналог «геометрической точки»), собственный размер которой в пространстве истории не важен. Тогда виднее *внешняя* история предмета: какой глубины и длительности течения выносят его на поверхность, дают ему смысл и силу, в какие временные масштабы, ритмы и волны он вписывается, какие пласти сознания и бессознательного поднимает или прячет. Длинные преамбулы и сильное послевкусие важны для будущего: явления, замыкающие короткие процессы, отживают быстро — порождения длинных трендов приходят всерьез и надолго. Это как «динамический габарит» из теории безопасности движения: пространство, «занимаемое» авто на дороге, зависит от скорости.

В философии и теории цивилизаций постмодерн понимают как ответ на модерн Нового времени, хотя сам этот модерн толкуют по-разному (и прежде всего, то в нем, что, собственно, и вызвало постсовременную реакцию). Но начиналось все локальнее и остree. Постмодерн был зачат в другом лоне — в

⁴⁸¹ Вот трогательное посвящение целой книги: «...О современности (и постмодернизме) — с любовью» (Социальная теория. 2008. С. 9). Отсутствие альтернатив отмечали давно (Маньковская Н. Париж со змеями. М., 1994. С. 16). За полтора десятка лет ситуация не изменилась — даже с учетом такой экзотики, как «after-postmodernism», «неоклассицизм» (М. Готдингер), «реанимация значения» (Дж. Уард) и т.п.

эстетике среды, в философии градостроительства, как реакция на «Современное Движение» в архитектуре и дизайне первой половины XX в. (postmodern как post для «Modern Movement», «Современного Движения»). А уже оттуда импульс был воспринят другими искусствами и философией с ее «большим Модерном», от Возрождения. Не-архитекторы об этом первородстве вспоминать не любят, хотя некоторые знают⁴⁸².

В разных толкованиях и срезах есть целая коллекция разных модернов, ответом на которые постмодерн признается, а значит, и самих постмодернов. Это именно разные зеркала, не отражения (рамы не в счет: постмодерн их деконструирует). Это не разночтения в понимании одного и того же, но разные историко-культурные объекты, не совпадающие по размеру, смыслу и локализации. Постмодерн как реакция на «Современное Движение» по историческому размеру и по смыслу вроде бы на порядок локальнее, чем общекультурная реакция на всё Новое Время: одно дело проектный стиль полувека, другое — общий дух пяти веков. А если углубиться в мотивы, архитектурный постмодерн окажется реакцией даже не на весь период «современной архитектуры», но только на его финал, незавершенную кульминацию. Однако если видеть суть этой кульминации и ее полную предысторию, окажется, что именно она и выводит на максимальный «габарит» постмодерна, возвращая даже не к Новому времени, а к более ранним пластам археологии культуры и цивилизации. Архитектурная предыстория постмодерна шире философской. И это объяснимо.

«Контрольная предметность» постмодерна

Роль архитектуры в явлении постмодерна объясняют ее особым синтетизмом, часто делавшим искусства (и фило-

⁴⁸² О «после модерна» заговорили еще на выходе из глобального стиля самого начала XX в.: moderne, art nouveau, fin de siècle (Франция), Jugendstil (Германия), modern style (Англия), tiffany (США), Secessionss stil (Австрия), liberty (Италия), modernismo (Испания), Nieuwe Kunst (Голландия), Style sapin (Швейцария). «Биологический отец» термина Р. Паннвиц был ницшеанец и писал о кризисе еврокультуры (что уже шире). Были эпизоды у Ф. де Ониса (в 1934 г.) и А. Тойнби (в 1947 г.). Но всерьез слово пригодилось позже и опять в архитектуре — для реакции на «второй модерн», отличающейся от «первого», как О. Нимейер от Ф.О. Шехтеля. Но к тому времени о перворожденном постмодерне, убитом «преждевременным словоупотреблением» (В. Вельш), почти не вспоминали.

софию) невольными эпигонами⁴⁸³. Но этот синтез эстетикой не исчерпан. Он соединяет искусство, технику, науки (естественные и гуманитарные), социальную инженерию, функционально-эстетическую организацию пространства и процессов (от пластики движения тела до территориального планирования), затрагивает эргономику и экономику, институты и политику. Девиз «Архитектура или революция» был преувеличением лишь отчасти. Это и особая философия — непрофессиональная, но с идеями. Ученые тоже философствовали — либо не были великими. В истории среды это сильнее: сначала великие архитекторы «интуитивную философию» своего времени физически строили — а уже потом ее «метафизически» писали великие философы. Артикуляция в пространстве предшествует вербальной⁴⁸⁴.

Но это было всегда: сначала вселялись и жили, а потом объясняли, куда и зачем вдруг всех так повело. «Мы создаем наши дома, а затем наши дома создают нас» (Черчилль). «Иdealные города» зарождались в интенции, в архитектурных фантазиях и беглых набросках, а уже потом в проектах, философиях и политиках правильного жизнеустройства⁴⁸⁵.

⁴⁸³ «Возникнув на Западе как понятие, характеризующее некоторые особенности новейшего архитектурного стиля <...> понятие «постмодерн» вначале имело хождение среди людей, близких к архитектуре <...>. Как свидетельствует история эстетики, специфически художественные определения архитектуры — этого едва ли не наиболее синтетического из искусств — легче всего поддаются ассилияции в рамках всех других искусств, задавая им некий общий стилеобразующий принцип <...>. А там, где та или иная стилистическая тенденция раскрывается как общая для многих, если не всех видов искусства, она уже приобретает значимость <...> категории эстетики, которая резонно считается частью философии, наряду с этикой, логикой и онтологией. Тем же путем <...> архитектуроедческий термин «постмодернизм» постепенно превращался в культурологическую категорию <...>. Механику этого превращения еще 15 лет назад неплохо проиллюстрировал Жак Деррида — один из философских столпов постмодернизма» (Давыдов Ю. Патологичность «сстояния постмодерна» // Социологические исследования. 2001. № 11. С. 3). См. также: Архитектура и философия. Интервью с Жаком Дерридой. Ленинград-Париж, 1986.

⁴⁸⁴ Речь об Архитектуре, а не о черчении в Autocad, привязке к месту и авторском надзоре за халтурой строителей, во что превращают профессию власть и девелопмент, помутившиеся от избытка силы и средств.

⁴⁸⁵ Здесь, как в индивидуальном творчестве, так и в «творчестве» цивилизации и самой истории, интуитивное и образное предшествует рациональному, угадывание — пониманию.

Но для понимания пусковой, триггерной роли архитектуры в постмодерне важнее другое: в отличие от прочих искусств архитектура нам безнадежно навязана. Можно не слушать музыку, не читать книг, не смотреть кино, спектакли и выставки. Все можно «выключить»: закрыть, отвернуться, уйти. Архитектуру не выключишь. Отвернувшись, тут же упрешься в архитектуру, не лучше и не гуманнее. Эта *usability* из триады Витрувия, синтез пользы и красоты (прочность не проблема), делает архитектуру гигантской ловушкой. Поэтому архитектура и колыбель постмодерна, но и шкаф с его скелетами, хранилище его самых интересных «заначек».

В разных версиях постмодерна видна зависимость от предмета (как в «жанровой избирательности» аппаратуры hi-end, заточенной либо на классику и симфо-рок, либо на акустику и кантри). Если постмодерн в философии понятно сопряжен с литературой, театром и кино, то с архитектурой, музыкой и не-фигуративной живописью хуже, а постмодерны в социологии, экономике или географии и вовсе свои. Нити, идущие от одних «отраслевых» версий к другим и к целому, обрываются. Их сборки скорее склад, чем концепт. В списках признаков *постмодерна вообще* их жанровая привязка утрачивается, их несводимость тихо стирается, заодно с рядом важных ответов⁴⁸⁶.

Даже зная об архитектурном первородстве постмодерна, его понимают узко — как интенцию в *искусстве* архитектуры, в идеологии *проектирования*. Однако начинающему постмодернисту 1970-х (например, философствующему студенту с факультета градостроительства МАРХИ) было видно и другое: вторая половина постмодерна с не меньшей энергией проявляла себя в отношении к архитектурному *не-искусству*. Там, где удавалось мыслить категориями города и среды, были важны манифесты Джэнкса или Вентури как установки композиции, архитектурной эстетики, философии и морали, но важнее были процессы не в мастерских, а в библиотеках — в исследовательских и теоретических разделах профессиональной периодики («l'Architecture d'Aujourd'hui»,

⁴⁸⁶ Казалось бы, это вполне «по-нашему, по-постмодернистски»: без иерархий и центризмов. Однако такие модели все же задумываются скорее как правильные систематизации, нежели как этюды в стиле postmodern. См. классификационные таблицы сравнительных признаков модерна и постмодерна: *Hassan I. The Dismemberment of Orpheus: Toward a Postmodern Literature*. NY, 1971; Брайнин-Пассек В. О постмодернизме, кризисе восприятия и новой классике // Новый мир искусства. СПб., ноябрь 2002.

«Architectural Design» и пр.). Дело не в том, как «словом и рукой» учили *проектировать* мэтры постмодерна, а в том, что интерес сместился с *архитектурой произведения* к *архитектуре спонтанна*, к «второй архитектуре» (А. Ксан). Исследователей больше не интересовали таинства проектной геометрии, порядка, ритма, симметрии и пропорций, «золотых» и др. красивых сечений. Интересными вдруг стали другие организованности: стиснутые и путаные средиземноморские города, косье экраны Хайдарабада, кривые улочки и дворы Замоскворечья или Сите. Это было концептуально (хотя в основном от семиологии — Кр. Александер, Ф. Шоэ). Это было смещение не только научного интереса, но и самой эстетики — переоценка ценностей, причем кардинальная. Эпохальный текст Вентури назывался «Сложности и противоречия в архитектуре». Но это было и смещение в «онтологии»: от сделанного к *возникшему*, от спроектированного к *сложившемуся*. Даже в непрофессиональном, туристическом сознании это подхватила мода на Таллинн или Выборг. Авангард архитектуроведения ушел из царства проекта. Хит того времени, в просторечии «альбом Рудофского», так и назывался: «Архитектура без архитекторов». По идеи альбом был посвящен архитектуре, творимой *не архитекторами*, а людьми-непрофессионалами⁴⁸⁷. Но тот визуальный ряд эстетизировал и саму *среду*, возникающую независимо от организующих усилий человека. Это были потрясающие красоты не просто строений и других артефактов (например, полос пахоты на полях, снятых с аэроплана), но и того, что складывалось *между* и вообще *без* человека (например, планировки без плана — не дома, но *отношения между ними*). Чтобы чувствовать это кожей, нужна не просто архитектурная, но градостроительная школа⁴⁸⁸. Или географическая. Географы восприняли постмодерн

⁴⁸⁷ Rudofsky B. Architecture Without Architects: A short introduction to non-pedigreed architecture. N.Y., 1964. У нас это перевели как «народная архитектура», хотя точнее — «беспородная», «бездонная», ничья. Кстати, с 1960-х гг. в духе пред-постмодерна вовсю отмечалась группа Аркигрэм. Книга о ней названа демонстративно: «Архитектура без архитектуры» (Sadler S. Achigram. Achitecture without Achitecture. MIT Press, 2005).

⁴⁸⁸ Градостроителей от «объемщиков» отличает обостренное понимание архитектуры как организации пространства, пустоты (а не только формы и массы). Функционалисты это утилизировали, отменив декор и сделав план главное фасада. В библиотеке Аалто понимаешь, почему «чисто» поставленная лестница не

как родной: для них он заменил многовековой куль *времени цивилизацией пространства*.

Разворот к эстетизации (и этизации) естественно сложившейся среды – ключ для понимания того, куда мы попали. Речь не о смене одного стиля другим, но о взаимоотношении искусства и не-искусства. Постмодерн (как концепт, а не как рукоделие) это не просто другая манера, но ответ на *тотальную экспансию архитектуры*, вытеснившую в восприятии и природу, и историческую среду города. Это долгое и этапное вытеснение как раз и вскрывает «максимальное время» предыстории постмодерна.

Большой нарратив об архитектуре

Легенда об архитектуре, городе и природе – это притча, мораль которой для постмодерна поучительна.

Первые поселения погружены прямо в природу и воспринимаются вместе с ней как произведение и фон. Это принцип всех искусств: живопись как упорядоченный колорит живет в контексте хаотичной цветовой среды; музыка как гармонизированный звук на фоне обыденных шумов, бормотания толпы, шелеста шин; поэзия терпима только как врезка в фон прозаической речи, обычного говорения. Так же и первые поселения вносят порядок в природу, фиксируя человеческое участие в этом мире: они регулярны, ортогональны или центричны, понятны по геометрии – правильны.

Затем город, разрастаясь, замыкает в себе человека, вытесняя природу и исчерпывая полноту эстетических впечатлений (небо не в счет). Но хотя это уже не *поселение в природе*, система «произведение – фон» сохраняется, как и сам эффект двойного восприятия. Проектируется художественный каркас города, его эстетический «хребет» (ансамбли, оси, диаметры, лучевые системы), тогда как «мясо» города, его «тугая плоть», продолжает формироваться спонтанно, со всеми прелестями, сложностями и противоречиями градообразующей стихии. Это видно в Риме, в Санкт-Петербурге

уступает ордеру. Это не ваяние очень большой тектонической и геометризированной скульптуры, но членение пространства матерней, воздуха объемом. Точно так же музыка как «звучавшая архитектура» – не только звук, но и членение тишины звучанием. Постукивание палочкой по пюпитру в начале и пауза перед аплодисментами в finale как раз и погружают музыку в пространство тишины – как архитектурную форму в воздух.

(пространство между «стреляющими» проспектами заполнено сюрреалистическими «дворами Добужинского»), в просеках «плана Османа», расчленившего вполне органическое тело старого Парижа. «Вторая архитектура» остается аналогом, заместителем и компенсатором вытесненной природы — обязательным фоном архитектуры произведения. Ансамблевые пятна и линии классицизма плавают в этом бульоне и без него не могут.

Но экспансия проекта не останавливается, а реализуется уже внутри города. Архитектура произведения вытесняет спонтанный контекст, как ранее природу. История триумфально завершается «Современным Движением», над принципами которого парил еще один, поставивший его не в ряд стилей, а над ними. У пионеров Modern Movement были свои пароли тотальности: «от кофейной чашки до планировки города» (Корбю), «от дверной ручки до системы расселения» (Гропиус). Считалось, что среда достигнет идеального состояния, если и когда ее удастся запроектировать «от и до», во всей иерархии масштабов и по всей «поверхности».

Неважно, насколько и как этот план был реализован в жизни: в Бразилии Нимейера или в Тольятти коллектива советских авторов. Уже на подходе к «идеалу» выяснилось, что жить в реализованном в натуральную величину макете плохо, независимо от качества проекта и изделия. Если надеть на человека наушники и вынудить его слушать *только музыку*, более или менее тихое помешательство гарантировано, вопрос времени. Здесь «большой разворот» постмодерна понятен. Неважно ни качество музыки, ни ее стиль, как и в архитектуре: тотальный проект в жизни вызывает спектр эмоций от оскомины до депрессии, будучи выполнен в сухой линейности Гильберсеймера, и в духе ампира, эклектики или барокко.

Это меняет позицию постмодерна в истории стилей и идей. В нем обычно видят реакцию на прямоту, жесткость и сухость функционализма — столпа «Современного Движения». В лучшем случае подразумевают, что это еще одна, новая волна в вечном колебании «маятника Вёльфлина» между регулярными и иррегулярными стилями: от упорядоченности, правильности и геометризма к большей органичности, естественности, капризности — и наоборот. Все это очень похоже на упорную синусоидальность чередования эстетик и стилей⁴⁸⁹. В этом

⁴⁸⁹ Сначала античный ордер и планировочные ортогонали в духе Милета —

циклизме колебаний, менявшем амплитуды, но не правило, естественно было воспринять иррегулярный постмодерн как ожидаемый ответ на гиперрегулярный функционализм. Но это был не еще один эпизод во взаимоотношении архитектуры с архитектурой (последующей с предыдущей), а *конфликт архитектуры с не-архитектурой*, накрывающий всю историю их непростых взаимоотношений. Жупел «макета в натуральную величину» меняет оценки: тотальный проект ужасен в исполнении даже самого отвязанного эклектика. В этом принципиальное отличие эклектики рубежа XIX–XX вв. от воинствующего эклектизма постмодерна: старая эклектика собирает разностилевые элементы в по-прежнему безупречной целостности произведения, тогда как «пламенеющий постмодерн» ставит под сомнение сам этот вечный диктат целостности, безупречности и завершенности. В артефакт вводятся элементы не-произведения — диссонансы особого рода (как в музыке К. Штокгаузена, М. Бютора, Н. Кейджа). Если учесть «журнальную» переоценку ценностей с ее смещением к архитектуре «без архитекторов», то и в этой новой диссонансности проявится стремление воспроизвести уже не обычные для искусства диссонансы, а некоторые по-своему замечательные качества естественно формирующейся среды, исчезающей под натиском тотальной архитектуры.

Транспонировать это в другие постмодерны легко, но если строго, надо разобрать язык стиля и зоны его применимости.

Языки и территории постмодерна

Лексика постмодерна, как и всякая другая, имеет свои *синтаксис, семантику и pragmatiku*: специфический характер взаимоотношений между элементами; тип связи означающего и означаемого; особый характер использования в речевых практиках.

В архитектуре постмодерна наиболее видны и описаны особенности *синтаксиса*. В самом первом и простом понимании постмодерн и есть реабилитация, даже культивирование

потом лабиринты средневековых городов и самодеятельность под крышами Нотр Дам — затем новый порядок Возрождения, сменяемый барокко и рококо — потом классицизм, ампир и т.д. А далее эклектика, псевдорегионализм, фриольный и капризный модерн начала века — и вдруг все это перескакивает в страшно регулярный модерн функционализма, разбавленный разве что авторской неудержимостью его изобретателей.

сонансов, нарушений порядка, правил соотношения. Это как аккорд или арпеджио, в котором отдельные ноты обязательно «не на месте». Делается демонстративно: ортогональная сетка или симметрия строится не ради нее самой, а чтобы ее сбить, и не просто эффектно, но *идеологически*, как пароль, как роспись в постмодернистской лояльности. Это не обычный для искусства диссонанс, подчеркивающий и заостряющий гармонию, а взлом порядка и нормы, изящная или грубая, но издевка над правилом как таковым. Это клавиr, не просто плохо темперированный, но декларативно опускающий всякого рода правильную темперацию. Это даже не «низкая» речь против литературной — с ошибками, корявостью и ненормативным мусором: это имитация шумов, когда врываются обрывки речи на другом языке, вовсе посторонние звуки, кто-то перебивает, говорит невнятным дуэтом или хором. Это коллаж, но особый, с дырами, наложениями и якобы случайной несовместимостью — имитация утраченного далеко не художественного фона.

Далее, это коллаж *цитат*, определяющий семантику. Это фрагментарные врезки из других архитектурных текстов и языков. Но это цитаты из *руинированных* текстов. Обычная цитата воспроизводит смысл фрагмента так, чтобы этот смысл совпадал с исходным контекстом. Цитата в постмодерне эту связь с треском разрывает. В архитектуре это *проектные обломки*, руины для новой сборки. Полная аналогия — в постмодернистской литературе, особенно в поэзии (Д. Пригов, Т. Кибиров). То же в музыке, но сложнее: музыкальная семантика не так читаема в силу абстрактности языка. Этих руин часто не видят, рассуждая в духе советского интернационализма о том, как замечательно постмодерн возродил сразу все прошлое и сократил большие расстояния между далекими друзьями. У этого «возрождения» свой алгоритм: умертвить, расчленить и имплантировать в свой организм, но уже как протез, костыль, виртуозно сделанный... из чужой кости (аналогия жутковатая, но в искусстве это впечатляет и даже весело).

Здесь два смягчающих обстоятельства. Семантическая отвязанность также является реакцией на модерн, причем сразу на оба. И Новое время, и «Современное Движение» навязывали семантике языков культуры такую же жесткость, как и синтаксису. Правильный порядок букв и слов по интенции тоже, что и правильность в отношениях формы и содержания, знака и денотата, экстенсионала и интенсионала. Здесь ар-

хитектура и литература близки, как в гениальной главе «Это убьет то» из «Собора Парижской Богоматери». Но книгопечатанье не убило архитектуру — письменность в камне. Произошло другое. Функционализм довел однозначность формы до предела, сделав ее простой функцией функции. В этом, как и в синтаксисе, он лишь испытал на прочность общую тенденцию архитектурного языка. Ранее здесь, как и в «Маятнике Вёльфлина», были циклические колебания между однозначностью и полисемией, между внятностью и размытостью семантики формы (в том числе в плане проявления функции и тектоники). Но тотальная архитектура сделала тотальным и управление смыслом. Дело не в том, что функционализм отменил прелести семантически невнятной формы, свойственные порой и «архитектуре произведения». Из обращения были изъяты элементы *особой* полисемии исторически формирующейся среды. Классика непроектной семантики: дверь высоко в стене, ведущая в никуда, в воздух, в падение, и только след от когда-то бывшей лестницы говорит об утраченной функции (о правильном смысле). Имитацией таких нелепостей *остроты постмодерна пытаются воспроизвести именно эту семантику (например, колонной, база которой, не доставая опоры, висит в воздухе)*⁴⁹⁰.

Второе оправдание постмодернистской *расчлененки* — ирония и самоирония как базовый принцип pragmatики языка подлинного постмодерна. «Современное Движение» сделало архитектуру экстремально серьезной. В любом декоре есть элемент несерьезности: он всегда чуть фриволен, даже если это обломы⁴⁹¹ самого строгого классического ордера. Смыв этот макияж, функционализм сделал выражение лица ар-

⁴⁹⁰ Ср. мнение о том, что бетон в архитектуре и пластмасса в дизайне опустили форму, сделали ее «знаком знака», как мода оторвалась от социальной семантики, а деньги от стоимости (см.: *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. М., 2004). Наоборот, бетон вполне проявил и функцию, и тектонику, работу конструкции. А вот мода (в строгом смысле) всегда не была функцией статусов. Социальные слои по-разному одевались, но циклы смены моды — другое. У аристократов и мещан была не разная мода, но разные системы одежды. То, что один и тот же слой носил то одни шляпки и галстуки, то другие, — не функция стратификации. Мода семантически пустовата всегда. Рассуждения философов об архитектуре и моде не всегда получаются; хуже только, когда архитекторы рассуждают о философии.

⁴⁹¹ В архитектуре «обломы» — это не руины, а всего лишь профили, например, ордерных карнизов.

хитектуры серьезным до угрюмости. Однако и этот перегиб разрешается в главной интенции «понимающего постмодерна» обращением не столько к другому, менее насыщенному стилю в искусстве, сколько к той легкой бесшабашности среды, которая свойственна историческому городу. Прагматика языка постмодерна повторяет перипетии синтаксиса и семантики: сначала видится знакомый маятник в истории стилей, а потом выясняется, что эта амплитуда уже выбрасывает из истории искусства и чисто эстетических предпочтений в историю взаимоотношений искусства и не-искусства, художественной экспансии и не художественной среды, вдруг ставшей ценностью, как воздух, которого не замечали, пока его хватало. Момент тонкий, но решающий. Постмодерн легко вырождается в неироничное декорирование, без меры и правил — как бывает в архитектуре или политическом пиаре, где самоиронию вытесняет «красивая» самовлюбленность.

Итак, в языке постмодерна (в его синтаксисе, семантике и прагматике) выделяются укрупненные признаки: эстетика неупорядоченности и нарушения правил, коллажирование цитат из руинированных текстов, ирония и самоирония. Прочие признаки из сводных списков легко укладываются сюда как частные проявления (по принципу матрёшки). Но и сама эта триада (в ее причастности к взаимоотношениям искусства и не-искусства, художественной экспансии и внехудожественной среды) окрашена общим колоритом — глубинным *антитроектным* пафосом постмодерна. Строго говоря, постмодерн есть реактивный ответ на великую *историю проектности*, в которой рост экспансии вылился в цивилизацию тотального проекта, занявшуюся самоопровержением еще в недострое.

Этот антитроектный пафос разоблачает в постмодерне формалистические подделки (декор без философии) и объединяет постмодерн архитектуры и искусства с другими пост-модернами: в экологии и научной этике, в экономическом регулировании, в социальном проектировании и политике. Экспансия инженеризма в постсовременной ситуации везде обнаруживает сходные издержки и риски. Они примерно одни в инженерии генной и социальной, в управлеченческом дирижизме и градостроительстве. Пик модерна гипертрофирует и надрывает пафос *борьбы* — за физическое могущество и биологическое здоровье, против болезней социальных и «врожденных», против любой «ущербности» — генетической, психологической или этнической, расовой, гендерной или сексуальной. Это

культ тотальной власти: над себе подобными, в городе и мире, над природными процессами, над болезнями человека и экономики. Прошлый век не все победил из намеченного, но уже увидел страшноватые контуры тотальной победы — и заранее ударился в постсовременную рефлексию и критику. В апогее этой установки на тотальную правильность и победу сформировались и сошлись в войне два тоталитарных колосса. Рубежом модерна и постмодерна можно считать Вторую мировую, но не само ее окончание, а более позднее изживание того, что ее вызвало и что отличало ее главных участников накануне прямого столкновения. В Германии и в России это изживают очень по-разному — и с разными результатами.

Зона постмодерна делится и по уровням: *postmodernity* (как *постсовременное состояние* или *состояние постсовременности*) и *postmodern* или *postmodernism* (как тренд в творчестве и рефлексии). В русском слово *постмодерн* чаще употребляют как сленговое сглатывание от *постмодернизм*, а *постсовременность* остается уделом особо интересующихся. Но в тонких различиях полезны все три термина. *Постсовременность* — это состояние мира независимо от осознания данного факта и вне его художественного освоения. *Постмодерн* — это рефлексия и творчество в постсовременности, но без постмодернистских изысков и специальных знаков. Собственно *постмодернизм* отличают самоидентификация и партийная обязательность в применении особого языка.

Постсовременность реализуется в структурах повседневности. Процесс идет и пока необратим⁴⁹². Слово «глобализация»

⁴⁹² Системы питания радикально коллажируются. Русская кухня перестает быть едой русских, японская — едой японцев. Все едят всё. И пьют. То же в одежде; в моде перемешиваются и размываются национальные и даже половые различия. Гендерные различия стираются в социальных ролях и, например, в сексе. Размываются системы национальной медицины, впитывающей самые разнообразные, порой летально несовместимые лечебные практики. Переплетаются ветви образовательных систем, как в технологиях обучения, так и в содержании (не говоря об обмене курсами, педагогами и студентами). Информационное пространство становится вседенным, а Интернет делает его открытым без ограничений. Вселенский коллаж архитектуры и дизайна, предметно-пространственной среды, более не собираемой «большими стилями», — материальный отпечаток всей этой *postmodernity*. Здесь три объекта: город, магазин, дом. И где он, этот Большой Стиль, способный, как когда-то, объединить кожаный диван, пиджак с плечами, ЗиМ, Военторг, настольный письменный прибор из мрамора и метро из оникса? Его нет, но его нельзя и представить.

здесь не выговаривается из-за стертости и желания подчеркнуть изменение вообще всех обстановок: глобализацию взаимного впитывания (а не экспансии и навязывания) сделали возможной *внутренние* переоценки в сообщающихся культурах.

Постмодерн, в отличие от постсовременности, — это не пассивное перемещение в постсовременное состояние, а интеллектуальная и творческая *работа* в данном контексте. Этот нюанс позволяет не записывать так просто в словарные статьи о «постмодернизме» фигуры Ф. Броделя, М. Фуко или И. Пригожина, даже Ж.Ф. Лиотара. Это, несомненно, философы постсовременности и даже постмодерна, но не постмодернисты. «Структуры повседневности», «микрофизика власти», «порядок из хаоса» и «нарратология» в своих сферах сделали то же, что и переоценка ценностей в архитектуре. Они все сдвинулись к обыденному, «низкому», естественно формирующемуся, спонтанному и не-проектному, но их тексты не являются постмодернистскими по конструкции, языку или самоидентификации. В отличие от Ж. Деррида, Р. Рорти постмодернистом предпочитал не называться. Иначе надо писать особым образом (если в апогее деконструкции письмо вообще возможно). И если состояние постсовременности неотвратимо, «как смерть и налоги», а постмодерн его оформляет, собственно постмодернизм оказывается здесь наиболее проблемным звеном.

Постмодернизм как имитация: симулякры спонтанна

Если это реакция на тотальность, то как постмодернизм восстанавливает или хотя бы компенсирует то, что эта тотальность вытеснила? Архитектура и здесь — поле для «контрольного эксперимента», но в рамках градостроительного, средового подхода, не сводимого к объемной архитектуре (когда и проектируют и рассматривают как постмодерн *отдельные объекты*). «Объектный» подход в аналитике не лучше точечной застройки в строительстве.

Сразу виден ряд ограничений. Проект вообще не в силах воспроизвести утраченный «градус» спонтанности, будь он трижды постмодернистским: *такой* беспорядок в принципе не проектируется. Даже при очень нездоровой фантазии, на грани шизофрении, нельзя спроектировать Замоскворечье как генплан и среду. И это разные онтологии. В историческом городе за всякой случайностью и несуразицей, за каждым из-

гибом и царапиной на камне стоят реальные жизненные события, а не прихоть старающегося зодчего. «Спонтанность» же постмодерна — декор, ложная семантика, дополняющая слабый синтаксис. Это «историческая среда» без истории; вся ее «история» — авторская прихоть и ностальгия.

Далее, в городе совершенно особый резонанс дает *контраст* между регулярностью архитектуры произведения и естеством рядовой среды. Постмодернизм же более или менее ровно распределяет на проектируемое поле нечто среднее между порядком и беспорядком. В городе эти отношения и вовсе выворачиваются. Отчаянное творческое усилие расставляет симулякры спонтанности там, где есть заказ и ресурс, прежде всего в *общественных пространствах*, в которых раньше, наоборот, царила эстетика плана и регулярности, зрило воплощавшая иерархию и закон, интеграцию и власть. Но на всю среду не хватает даже энергии имитации: в рядовой среде, там, где частная жизнь отливалась в естественные формы, в постсовременную эпоху царит дух стандарта и ортогонального модерна. Имитация выворачивает логику: места социализации и власти утомляют натужной «интересностью», тогда как приватные пространства города продолжают пугать регулярностью, приватной жизни не свойственной.

Эта схема — прямой слепок знакомых политических конструкций, когда приватные пространства (в социальной сфере, экономике и пр.) зарегулированы до отвращения, как типовой многоквартирный дом, а верхние этажи управления и власти, наоборот, наращивают *дефицит* формальной регламентации, регулярности и элементарного порядка. Новой бюрократии не хватает бюрократизма; пространства власти прихотливы, запутанны и капризны, нормативная база не-прилично кудрява. Пиар власти имитирует душевную приватность постмодернистскими фантазиями политтехнологов — в остальном командные высоты СМИ исключают незaproектированные сюрпризы. В этом информационное пространство и пространство города закомпонованы одинаково. Схема такой *имитационной инверсии*, увы, почти универсальна.

Коррекция зрения

Понимание модерна как *проектной цивилизации*, а постмодерна — как реакции на апофеоз *тотальной проектности* устраниет ряд мифов и разнотечений. Прежде всего, отменяется

идея считать постмодерн продолжением модерна, его авангардом и кульминацией, *гипермодерном* (что по накалу формы можно заподозрить: сначала постмодерн прямо связывали с ультрамодернизмом). Всякая сильная реакция носит родимые пятна источника реакции: старательные постмодернисты, действительно, сродни старательным модернистам, изо всех своих творческих сил изобретающим новое и шокирующее. Но в самом постмодерне важнее другое — *ответ, пересмотр, вызов, разворот*. Эта зеркальность многое оправдывает, но и делает постмодерн ущербным, отраженной патологией.

Иначе выглядит и почтенная версия постмодерна как реакции на *провал* модерна, на его тотальную *неудачу* — от «мифа о прогрессе» до структуралистской философии языка (Деррида). В архитектуре постмодерн возник в предчувствии тотальной, а потому ужасной *победы* модерна. То же и в политических ипостасях далекого зашедшего модерна: радикальный коммунизм, фашизм. Постмодерн породила реакция не столько на провал светлых идей, сколько на издержки их тотального (тоталитарного) воплощения⁴⁹³.

Здесь видна сложная диффузия модерна и постмодерна. «Состояния постмодерна» нет — есть немирное сосуществование. Модерн продолжается — и даже не отказывается от радикальных притязаний. Постмодерн живет параллельно как долгая, уже хроническая реакция на не вполне снятую угрозу этих притязаний. Он бдительно подстерегает каждый из новых таких проектов. Это борьба эпох и микроситуаций, в идеологии и в обыденности. Интеллектуальное эстетство постмодернизма на этой не всегда яркой работе паразитирует, хотя и эффектно.

Постмодерн и модерн особо хитро сплетены в России. Страна попала в историческую ловушку: инерция прямо ведет к коллапсу сырьевой экономики, но вырваться из колеи нельзя без нового *мегапроекта* — без того, что эпоха постмодерна, казалось, уже отнесла к опасным анахронизмам. Чтобы не обернуться новым срывом, этот мегапроект

⁴⁹³ Возможно, для традиционно левых французских интеллектуалов тут и был момент разочарования в неудаче социализма, но в целом в постмодерне это скорее испуг от возможной «удачи» всякого тотального проекта. Именно этот своевременный испуг позволил социализму в Европе остаться, но в человеческих дозах и на своем месте, как умеренный модерн в рамках прогресса.

должен быть неклассическим — типичный *модерн в эпоху постсовременности*. Стране еще предстоит разобраться с многими неизжитыми перехлестами модерна, не позволяющими сделать ее даже не пост-, а просто современной.

Иначе выглядят и суждения о том, что Россия впала в безвременье, не пройдя модерна⁴⁹⁴. «Первый модерн» в России был из лучших в мире, «русский авангард» — лидером 1920-х, конструктивизм и функционализм просто экстремальны. Пафос и издержки тотальной архитектуры советского градостроительства реализовало на пределе и без смягчающих обстоятельств. Принадлежность советского тоталитаризма к крайним воплощениям модерна, с его прогрессизмом, профтизмом, идеологическим сциентизмом и безудержным проектно-преобразовательным пафосом, тоже подмечена. Россия и сейчас в прошлом — именно из-за неизжитости этого духа централизованного проекта, недоверия ко всему неконтролируемому. Страна все еще мучительно ставит модерн на место, с успехом скорее переменным, нежели устойчивым.

Очевидно, не все, что началось в *эпоху модерна*, является собственно модерном. Полагая, что Россия не прошла модерна, не усвоив идей свободы и индивидуализма, неявно опираются на трактовку модерна от Хабермаса. Но если акцентировать «пост-» (момент отдачи), окажется, что именно эти ценности постмодерн как раз и *не* отрицает — более того, утрирует. Как эстетика и дух постмодерн даже еще более свободен и индивидуалистичен. Либеральный тренд, вошедший в мейнстрим Нового времени, с модерном не заканчивается, но продолжается, накрывая и постмодерн (возможно, потом, из еще более нового времени этот тренд получит расширенное обозначение). Но тогда обнаружится большой исторический сдвиг, нахлест: предыстория постмодерна подтверждает его причастность к переоценке техногенной цивилизации вообще⁴⁹⁵; вместе с тем в Новое время начинается либеральный тренд, который в постмодернистскую ревизию не упирается, но, перекрывая ее,

⁴⁹⁴ Это уже штамп: у нас, чего не хватишься, ничего нет — ни полезного опыта Средних веков, ни Возрождения, ни Просвещения, ни состоявшегося Нового времени в целом.

⁴⁹⁵ Это действительно одна развилка. Еще перед самым зарождением постмодерна можно было, подобно Уитмену, восхищаться образом Земли, опутанной сетью проводов и сплошь заасфальтированной, — как и образом сплошь запроектированной среды в архитектурных идеологиях того времени.

уходит в будущее. Это занятно теоретически и актуально тем, что подрывает попытки использовать постмодерн как идеологический и политический ресурс подавления свободы.

И наконец, о постмодернизме как *отпечатке духа времени* («мир стал таким», что и «нашло отражение»). Это и «восприятие мира как хаоса», и поиск пластичных форм для упаковки сверхбыстрых изменений, когда не просто «дети не узнают родителей», а люди не узнают себя десятилетней давности (С. Богословский). Однако здесь есть непродуктивная тавтология: получается, что postmodernism утверждает то, что postmodern отражает в postmodernity. Более того, эта «теория отражения» если и применима к миметическим искусствам, то плохо вяжется с архитектурой, которая не отражает мир, а творит его на опережение. Здесь постмодерн активен, даже в качестве реакции. Если мимесис в искусстве и философии постмодерна и «отражает хаос мира», архитектура постмодерна, наоборот, преодолевает избыточный порядок — и именно это понимание дает шанс на выход из имитации.

Можно ли в новых условиях воспроизвести естественную среду в ее живой, не симулируемой естественности? Можно ли исторически сложившуюся среду заставить вновь «исторически складываться» (а не возникать в одночасье проектной подделкой)? Это уже отдельная тема.

Пространство

Тупики постмодернизма

Выше рассматривались постсовременные коллизии прежде всего в ракурсе двух вопросов, адресованных к постмодерну: «Сколько можно?» и «Что дальше?». Эти вопросы конденсируются в воздухе культуры, но и повисают в нем. Умонастроение зреет, его артикуляции есть, хотя пока чаще «на полях», но ответы уже задерживаются. Триумфальное шествие постмодерна в базовых предметных областях и сферах активности, не всегда видимое невооруженным взглядом, спецлитературой описывается с такой же радостью, как победы советской власти в Кратком курсе. Более того, постмодерн при всей винтажности и поношенности стиля в глазах его первооткрывателей до сих пор продолжает «первооткрываться» неофитами как территория будущего, как новейшее из откровений в общей теории мира и в «интеллигентских ре-

лигиях». И все же бреши появились. Если без конформизма, можно уже в обозримое время собрать интеллектуальное и эстетское движение под лозунгом *выхода из постмодерна*.

Такой поиск в отдельных движениях культуры начат — хотя чаще интуитивно, без систематической рефлексии. Но учитывая остроту проблемы (не исчерпываемую концептуальной оскоминой, теоретической скучой и жаждой очередного нового), скорости здесь явно не хватает. Тупики постмодерна обозначились в глобальных связях и мультикультурализме, в новой геостратегии, в мировой и страновой экономике, особенно в финансах, в экологии, в политическом дизайне и социальной инженерии, в управлении сознанием и в идеологии. Они видны в регулировании дел и производств, в архитектуре и формировании предметно-пространственной среды, в этике исследований и динамике инноваций, в познании и практической утилизации его результатов. Пора все это собирать, подводя под *общий тренд*. Тогда есть шанс на выход из системной ограниченности постмодерна и ряда ситуаций, пока кажущихся тупиковыми, вплоть до невозможности реверса.

Однако такой выход (насколько он возможен) должен быть достаточно просторным — отдельные «калитки» здесь не устраивают. Приходится затрагивать фундаментальные категории, сначала отделившие постмодерн от модерна, а теперь подсказывающие выход из путаницы. Большой путаницы, чем в *пространственно-временных отношениях* модерна и постмодерна, давно не было.

Из времени в пространство (из истории в географию)

Применительно к особо крупным цивилизационным, культурным, идейным, политическим и т.п. явлениям слово «выход» в сознании автоматически связывается не с дверью, а с координатой времени: что *потом*? И естественно (привычно) возникает желание представить состояние *после постмодерна* как еще одно движение, приходящее на смену, как постмодерн в свое время сменил модерн (насколько смог).

Отчасти это неизбежно: физическое время никто не отменял, и всякое новое будет *после*. Однако в отношениях постмодерна с его предшественниками и последователями есть нестандартные моменты. Эти *до*, *после* и *потом* применительно к ситуации входа в постмодерн и выхода из него часто

корректнее читаются в пространственных терминах *рядом и вокруг*. И даже *вместо* не всегда получается: изменения случаются не как простое замещение, а как *перестановки – обмены местами*. Динамика сменяется комбинаторикой.

Прежде всего: постмодерн если не отменил, то поставил под фундаментальное сомнение саму *модель прогресса* – поступательного и кумулятивного развития по восходящей. Светлая идея восхождения в истории и без того была небезусловной, тем более не вечной, особенно в культуре (циклизм и апокалипсизм, вечное возвращение, слезы по утраченному Золотому веку и т.п.). Но эти возражения не стали определяющими: циклизм прочно и надолго сменился линейностью. В обыденных смыслах и главных рефлексиях цивилизация жила с идеей прогресса, пусть не всегда прямого. Если в Средних веках и увидели откат, то уже Ренессанс отряхнул идеалы и формы античности, а модерн довел импульс Нового времени до экзальтации, на чем и сломался, казалось бы, сломав заодно и всю идею прогресса. Однако это «оказалось бы» из предыдущей фразы не риторическое: прогрессистская традиция во многом осталась – хотя бы в понимании самого постмодерна как движения, приходящего *после* модерна и *на смену* ему (освобождение от плоского прогрессизма как еще один «прогрессивный» шаг). Общеупотребимая периодизация эпох цивилизации также подразумевает *восхождение* – если об идее прогресса не думать специально и критично⁴⁹⁶.

В самых разных сферах культуры и жизни постмодерн еще далеко не все и не всех победил: в сознании и политике, в исследовании и творчестве остались анклавы модерна, причем прогрессирующего. Однако эта включенность модерна в постсовременность не только остаточная, но и системная. Вседность постмодерна распространяется и на модерн. Постмодерн не был бы самим собой или был бы неполным и непоследовательным, если бы не мог с позиций всепогло-

⁴⁹⁶ Здесь интересен перевод времени истории в пространство географии, предпринятый Чуаньци Хэ, руководителем Центра исследований модернизации Китайской академии наук. Четыре эпохи цивилизации – примитивное общество, аграрное, индустриальное и постиндустриальное, общество знания – совпадают с четырьмя основными зонами (течениями) великой китайской реки – от Тибета до впадения в океан (Модернизация Китая 2010). Раздел называется «Река Янцзы как модель процесса человеческой цивилизации. Длинная река истории и социальной эволюции».

щающей метапарадигмы и метастиля переваривать все подряд, включая модерн. Это видно и в среде, по композиции: постсовременный город легко включает в общий коллаж и модерную, в том числе модернистскую архитектуру (кстати, нынешний хайтек — далеко не всегда постмодерн). Поглощение модерна постмодерном проявляется в концепциях и в умонастроении, в комбинациях теорий и практик, в системах идей и институтов. Но если постмодерн, отрицая модерн, тут же и вбирает его в себя, это акт скорее *пространственный*. Цивилизацией овладевает особое беспокойство — охота к перемене мест, а не вещей (как раньше).

В философических осмыслениях географии эпоха времени с модерном и вовсе уходит: с постмодерном наступает эпоха пространства, а значит... географии. «...Сегодня, пожалуй, скорее пространство, чем время, оказывается тем, в чём таятся для нас причины происходящего, а «*making of geography*» даёт нам основную часть свидетельств насчёт и мира повседневности, и мира теорий. Таков обет географий эпохи постмодерна»⁴⁹⁷. (Хотя в том, что географы делают из пространства такой же знак постмодерна, каким для модерна было время, есть понятный, почти грубый конфликт интересов).

Тенденция есть и в языке знания (причем не только философии и социогуманитарных наук), упершемся в пространственную метафору: *situated knowledge*, *localized subjectivity* и т.п. Даже когда описывают представления классической науки, теперь активно используют пространственные термины (по «динамической траектории» объекты движутся организованно, как по «дорожным картам», столь модным в новейшей geopolитике). Язык философии постмодерна также осваивает пространство: плоскость, складка, след, замещение, расстановка. Этот сдвиг в философском сознании и в коллективном бессознательном науки отражает особую *географичность* нового восприятия мира и мышления о нем. Или его *архитектурность*. Так точнее: архитектура объемнее географии и физически, и по смыслу, по составу измерений.

Наконец, пространственное захватывает обыденность и культуру: «...В нашей повседневной жизни, нашем психологическом опыте, наших культурных языках сегодня доминируют скорее категории пространства, чем времени, как это

⁴⁹⁷ Soja E. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. L., N.Y., 1989. С. 10.

было в предшествующий период модернизма»⁴⁹⁸. Автор этой сентенции Ф. Джеймисон называет историю «утраченным референтом», «мифом».

Позже мы специально рассмотрим еще одно небывало радикальное отрицание времени — в физической картине мира эпохи *модерна* (до сих пор речь шла о критике темпоральности именно в постмодерне). Забегая вперед, отметим, что это и есть та самая путаница, о которой говорилось выше.

Наряду с идеей прогресса постмодерн пытается преодолеть и оценочные иерархии, бинарные оппозиции высокого и низкого. Если новое более не воспринимать как априори высшее, то и высокое как таковое перестает быть предметом безоговорочного культа. «Низкое» уравнивается в оценках, а то и культивируется — особенно там, где оно в дефиците, как спонтанная среда в тотальном городе. Но с иерархической оценкой исчезает и вектор, в том числе вектор времени. Если телега истории не движется вверх или вниз, проблема «завтра» вообще не так значима.

Тогда иначе выглядит возможный исход всей постсовременной интриги, подсвеченный опять же отношениями между архитектурой произведения и средой: уже виден тупик комбинаций, «останавливающий» новое в этой системе и самое время обновления отношений проекта и среды — самой «архитектуры архитектурного». Еще раз: 1) сначала произведение погружено в естественную среду, будь то природа вовне или «вторая архитектура» в городе; 2) потом проект вытесняет все непроектное: природу из восприятия, спонтанные процессы из среды города; 3) постмодерн реагирует, имитируя спонтанность в ансамблях, ранее, наоборот, стягивавших порядок, а приватные пространства не хуже модерна оставляет удручающе регулярными, комфортабельной казармой. Затем...

Затем время кончается. Выбор ограничивается *перестановкой* составляющих проекта и среды, пространственно: ничего качественно нового здесь не может быть «физически» и «геометрически» — в наборе элементов и вариантов. Остается вернуть архитектуре произведения неоклассику, а среде — подлинную, живую спонтанность, свойственную приватному и позволяющую времени подгонки и кристаллизации красиво отливаться в пространствах *исторически сложившегося*. В

⁴⁹⁸ Jameson F. Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, NC, 1991. P. 155.

архитектуре, в ее технике, форме и стиле, и дальше может происходить что угодно — но только не на метауровне, не в архитектуре отношений произведения и среды. Здесь комбинации исчерпаны.

Схема работает не только в архитектуре. Реабилитация низовой, приватной спонтанности в принципе способна поддержать явно ожидаемый приход неоклассики, создав для нее фон, правильную нишу. Это возвращает к состоянию до апофеоза модерна с его тотальным порядком и безоглядным вперед и вверх, а там хоть трава не рости. Круг замыкается: в этой схеме отношений между проектом и естеством кардинально новое вряд ли представимо. Остается либо постмодернистская суэта в тупике, либо возвращение, на этот раз не «вечное»: здесь история учит, а за повтор ошибок наказывает сурово, для идеологий и политических систем — летально.

Модель реабилитации проекта и неоклассики в среде живого и честного, настоящего спонтана требует развития и разных приложений — в архитектуре, знании, культуре, социуме, политике, экономике: схема почти универсальна. Но раньше надо затронуть еще один план осложнений модерна с временем. Тем более, что далее будет симметрично показано, как обратный сдвиг постмодерна — из времени в пространство — также можно интерпретировать. с точностью до наоборот.

Историчность модернизации и концы модерна

В эпоху постмодерна пространственная составляющая усиливается даже в самих процессах модернизации, и здесь ограничивая роль времени.

Среди разных трактовок «modернизации» едва ли не основная — переход от традиционного общества к современному. Но это не всегда удобно: при таком понимании модернизация не нужна обществам, в модерн уже вошедшим, что вряд ли. Сейчас ближе к делу выглядят подходы, в которых модернизация понимается проще, но шире — как достижение передового (на этот момент) рубежа. Однако и здесь остается дыра: тогда что такое модернизация для тех, кто и так на передовом рубеже? Или для тех, кто все же продвигается вперед, но рубежей так и не достигает?

Иногда полезнее доверять мудрости обыденного словоупотребления. Например, когда в жизни запросто говорят о

модернизации оборудования на предприятии, модернизация понимается, как ни странно, предельно широко — как *приведение к современности*, причем именно как *процесс* (не обязательно завершенный).

Эта трактовка подтверждает, что само понятие *современного* исторично: оно именно возникает и необязательно навечно. Понятие современного не имеет смысла, пока всё одинаково современно. Оно становится осмысленным, только когда возникает *несовременное*. На повышенных скоростях изменений ткань цивилизационной, культурной и социальной материи расслаивается, возникают болезненные, часто кровавые разрывы между лидерами и отставшими. Разделяется и социум: наряду с нормальными людьми в нем появляются новаторы и ретрограды, прогрессисты и консерваторы⁴⁹⁹. Одновременно мир становится более цельным: уровни развития стран начинают ревниво сравниваться, различия в них становятся жизненно значимыми, порой фатальными. Начинается великая и драматичная история *догоняющих модернизаций*. Процесс становится определяющим для миросистемы и геостратегии. Но и эта история не вечна: уже в обозримой перспективе сближение пелетона с группой лидеров может быть существенно замедлено, прервано или изменено до неузнаваемости.

Отставания приобретают склонность становиться *необратимыми*. Мы попадаем в другую историю. Эра догоняющих модернизаций заканчивается, но не потому, что разрывы исчезают, а потому что консервируются. Лидеры идут вперед быстрее догоняющих (у одних уже вторая производная, другие еле дотягивают до первой — и это нормальное следствие экспоненты ускорения обновлений, переходящих в перманентную революцию, почти по Троцкому). В итоге мир прямо сейчас стремительно делится на тех, кто успевает войти в поток сверхбыстрых изменений, и на тех, кто в него уже никогда не войдет⁵⁰⁰.

Вместе с тем нельзя сказать, что для «навеки» отставших дорога в будущее закрыта напрочь и во всем. Просто приве-

⁴⁹⁹ Подобное бывало и раньше, причем даже в таких сакральных сферах, как вера и церковь, но это не было мейнстримом, знаком самого времени.

⁵⁰⁰ Есть прогноз, что к середине века окно возможностей может чуть приоткрыться еще раз, но это не принципиально: к группе А потенциально в состоянии присоединиться не более 5% стран, а при нарастающем дефиците времени и того меньше.

дение к современности в большей степени становится *пространственным*: предельные (на данный момент) инновации распространяются в глобальном пространстве в ходе вывода производств и в их географической диверсификации, в частичном втягивании отставших в инновационные процессы (русские и индузы — программисты в главных исследовательских и креативных центрах Запада). Лидеры в экономике знания выводят в третий мир не только производства (где рабсила дешевле и природу не жалко), но уже и проектирование. Модернизация как темпоральный процесс дополняется, а часто и вытесняется перемещением, движением в пространстве. История инноваций частично поглощается их географией.

Возможно и замедление собственной модернизации лидеров из-за ограничения роли ряда основных факторов форсированного обновления: идеологических и статусных, гонки вооружений, отчасти экономических (снятие монопольной ренты с инноваций первого эшелона). Но останутся вечные мотивы: расширение человеческих возможностей и естественное давление нового, спонтанного креатива (из любви к искусству). Это делает *любую* модернизацию догоняющей, постоянно подтягивающей передовые страны к еще более передовым рубежам их же собственного сознания и опыта (внутреннее лидерство и внутреннее отставание). Зато все острее будут становиться проблемы геостратегической реорганизации мира, устроения модернизационного процесса в пространстве. Нерешенность проблем в политической географии будет становиться все более тяжким грузом для модернизационной истории.

Более того, модерн, самосохраняясь в контексте постмодерна, во многом и сам может оказаться близок к исчерпанию. Например, в плане инноваций и самой науки. Уже видны некоторые пределы ядерной физики: углубление в микромир уже не кажется бесконечным по мере приближения одновременно к самым маленьким частицам и к самому большому взрыву. Это оглоушивает: за время жизни частиц 10^{-23} сек. объект пролетает расстояние в диаметр ядра, но в этих частицах — объяснение мегасобытия, состоявшегося 13,7 млрд. лет назад. На самом видном месте в ЦЕРНе висит вертикальная схема (график, дорожная карта), показывающая, сколько уже пройдено в углублении в микромир и, что

то же самое, в историю этой Вселенной — и сколько осталось. Визуально — почти ничего. Неуютно, но не столько от близости конца этого славного пути, сколько от самого его наличия. Религиозные веяния в ЦЕРНе — явление неординарное, но объяснение намечается в прогрессе информационных технологий, развивающихся по линии получения максимально быстрого доступа к максимальным объемам данных. Революция Гейтса уже была не технической, а гуманитарной: он придумал сделать, придумал, как сделать, и, наконец, сделал бытовым и общедоступным прибор, технически существовавший до него. Одним словом, *переместил*. Это повлекло за собой множество попутных и обеспечивающих собственно технических и программных инноваций, но сам ключевой сдвиг был *пространственным*. Теперь пользователь среднего РС легко носит с собой библиотеку в сотни тысяч томов (практически все, что на данный момент оцифровано), а 3G открывает и вовсе неограниченный доступ к информации. Уже теоретически возможен вопрос, не является ли доступ к информации близким к исчерпанию по объему и практически значимой скорости. С учетом ограничений человеческой биологии и психики и даже при допущении бесконечного числа запросов разных пользователей здесь уже намечаются теоретические пределы.

Аналогий достаточно для обобщений: «Последние годы отмечены опрокинутым милленизмом, в котором предостережения в отношении будущего, катастрофы или искупления, замещаются ощущением конца самых разных явлений (конца идеологии, искусства или социального класса, кризиса ленинизма, социальной демократии или государства всеобщего благодеяния и т.д. и т.п.): взятое вместе, все это, возможно, составляет то, что все чаще называют постмодернизмом»⁵⁰¹.

Модерн как прогресс вне времени

Вместе с тем схема, в которой модерн олицетворяют время и прогресс, а постмодерн — перемещение и пространство, не безусловна. Не исключено, что именно этой путаницей завален (и именно здесь возможен) выход из лабиринта.

Если модерн — это, прежде всего, проект, то каждый проект как таковой по определению останавливает время. Он

⁵⁰¹ Jameson F. Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism // New Left Review I/146, July-August 1984. P. 123.

делает это уже своей централизованно тотальной завершенностью. Проект — это документ, строго говоря, закон, по которому ведется строительство. Этот план обращен в будущее, он обеспечивает изменение и движение, но в той мере, в какой он жестко предопределяет будущее и движение к нему, время останавливается. В ходе строительства реальность изменяется в сторону проекта, но будущее оказывается фиксированным, неподвижным. Проект забегает вперед, но, неизбежно застывая, часто оказывается позади времени, морально устаревая еще до реализации. Сплошь и рядом это бывает в политическом проектировании и социальной инженерии, в градостроительстве и архитектуре (реже в технике). В этом смысле сам модерн одновременно и адепт идеи прогресса, но и ее могильщик, не хуже постмодерна. Он устремлен в будущее, но само это будущее уже никуда не устремлено. Это субъективно ощущается в странной опустошенности в момент окончания, сдачи и закрытия всякого большого проекта: кажется, что «время встало», а в тебе что-то умерло.

Подобным образом можно проработать некоторые базовые схемы синергетики, в частности в терминах обратимости и необратимости процессов. «Переоткрытие времени» обычно связывают с идеологией постмодерна. Соответственно, предшествующая парадигма с ее отрицанием времени логично увязывается с модерном. Это вполне укладывается и в логику останавливающего время проекта как сути модерна, и в новые парадигмы знания.

Согласно досинергетической идеологии, детальное равновесие базируется на принципиальной обратимости элементарных процессов во времени. Система движется по динамической траектории, которая может быть обращена вспять мгновенным разворотом всех скоростей и в этом случае пребежит все предшествующие состояния, приведшие к точке инверсии⁵⁰². Соответственно, в потенциале эта траектория симметрично развернута в будущее. Эта картина мира — тоже своего рода законченный в себе *проект*, хотя и поданный как описание процесса, якобы бесконечного «вперед» и «назад». И как всякий законченный проект, такое полотно также останавливает время (в том смысле, в каком это описано выше). В новой философии физики это поняли сразу: «Обратимость законов... обеих фундаментальных наук, созданных в

⁵⁰² См.: Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. М., 1990.

XX столетии — квантовой механики и теории относительности, — выражает такое радикальное отрицание времени, какого никогда не могли вообразить никакая культура, никакое коллективное знание»⁵⁰³. В околонаучном модернизме этот провал с временем произошел как раз тогда, когда в гуманистике, не уделявшей особого внимания специфике проектности, дружно рассуждали о модерне как о вместилище идей прогресса, развития, истории — самой темпоральности.

Нечто подобное есть в философии в ее классической ипостаси. Историзм является матрицей для идеи прогресса, но в классике всякая такого рода философская модель строится как завершенная конструкция, как *проект всей истории*, и в этом смысле историю отрицает, описывая ее ход и блестящий или жуткий финал, задавая рамочные параметры движения и цели. При этом даже не надо было так открыто впадать в трагедию вселенского и над-исторического системосозидания и моделировать идеальный конец (пусть хотя бы как неопределенно длящееся состояние и даже если подражать таким гениям всемирно-исторического конструирования, как Гегель или Маркс). Достаточно идеи вечного, асимптотического приближения, например, в духе марбургской школы. Даже если культивировались незавершенность, недостижимое будущее и время, вечно ведущее к нему, процессы в этой модели философствования в любом случае получали взятое разрешение с фиксированной формой и тем «останавливались». Это было не просто схемой мысли, понимания истории и бытия: пока философы думали и писали о том, каким мир станет и должен быть, политики и архитекторы этот мир таким, каким он «должен быть», реально строили, безжалостно останавливая процесс дискуссий, экспертиз и согласований, перепланировок, чьих-либо некомпетентных и посторонних вмешательств. В проекте не бывает плурализма, идеальный проект всегда тоталитарен⁵⁰⁴. Бывают корректировки, но и

⁵⁰³ Prigogine I. From Being to Becoming: Time and Complexity in the Physical Sciences. San Francisco, 1980. P. 8.

⁵⁰⁴ В частности, это выпукло проступает в целом ряде построений того же Ф. Джеймисона. Подчеркивая в модернизме (в противовес реализму с его «эпистемологическими» притязаниями) повышенное значение стиля, индивидуальности субъекта, автономности автора и самого искусства, он, по сути, описывает доминирование проекта над реальностью и историей. И почти тут же делает следующий шаг к идее тотальности через сближение значимых в

это лишь смена одной фиксированной позиции на другую, а не изменение сути и формы процесса, тем более его авторства и онтологии. Эта завершенность проектного действия санкционировалась в реальной жизни, в мировоззрении и мирочувствии завершенностью самой мысли, всякого философского проекта и рисуемой им картины мира.

В этой модели слово «проект» почти без потерь может быть заменено на «произведение». Более того: именно в сфере художественного, как нигде соединяющей однокоренные *завершенность и совершенство*, достигается апофеоз «остановленного времени», в принципе исключающий прогресс в истории искусства. Здесь, в сфере шедеврального, моделируются идеальные, нигде, ничем и никем не превосходимые продукты человеческой деятельности, более ни в какой другой сфере активности для человека не возможные (кроме философии, и то отчасти). Это принципиально разные модели прогресса⁵⁰⁵.

Не случайно также, что предметы искусства изначально так привязаны к культурам и захоронениям. Здесь видно, как модерн лишь нарастил и перевел в новое качество, но вовсе не открыл интенцию человека и установку культуры на то, чтобы победить время, в том числе простую конечность жизни, остановив историю хоть в чем-то, а именно в кантовской сугубо эстетической «закономерности без закона» и «целесообразности без цели» (больше негде). Искусство не зря и по праву, причем вовсе не метафорически, относят к разряду *бессмертного*. Остальное все смертно (опять же кроме философии, и то отчасти) — в технике, в позитивной науке, в жизнеустроительных моделях («вечная жизнь» таких изделий возможна, но в музеефикации, тоже как искусство). Однако когда с этим не смиряются, локальное «бессмертие» начинает убивать всё по соседству — в идеологии и знании, в социальном конструировании и в политике. В борьбе за «вечную» власть убивают физически.

Проект как произведение, как порождение искусства также бессмертен по определению, но этим своим бессмертием и он перекрывает жизнь остальному, в утробе лишая жизни другое

этом контексте слов (например: «Мифы агрессии: Уиндхэм Левис, модернист как фашист»).

⁵⁰⁵ См.: Рубцов А.В. Художественное произведение как модель «завершенного познания» // ВФ. 1979. № 10; Рубцов А.В. Российская идентичность и вызов модернизации. М., 2009.

и новое. Реальность меняется в ходе эпохального строительства, но в сфере идей, ценностей, изобретений и откровений, т.е. в зоне собственно проектности, внутри проекта, ничего не меняется. В культе тотального проекта прогрессистский модерн утомительно статичен. (Это к вопросу о якобы безусловном культе времени, истории и прогресса в модерне).

Еще одно Переоткрытие Времени

Зеркальная ситуация — в якобы сугубо пространственном постмодерне. В естественных науках, в их новейшей философии (и, как полагают, именно в рамках естественнонаучного постмодерна) происходит широко разрекламированное *переоткрытие времени*⁵⁰⁶. Признание фундаментальной необратимости процессов в системе считается здесь сильнейшей посылкой и откровением. «“Наука вновь открывает для себя время», причем именно необратимость «есть тот механизм, который создает «порядок из хаоса»»⁵⁰⁷. Это отчасти условность, поскольку время в физике присутствовало всегда; здесь скорее речь о появлении в физике *истории* — особого рода времени, не пустого, но наполненного, пронизанного полями и векторами, асимметричного, имеющего «стрелу» и даже «стрелы» — направленность. И. Пригожин называет материю не данностью, но «продуктом истории», а эволюцию мироздания — «историей времени»⁵⁰⁸.

Но если вслед за отдельными философами и всеми географами отрывать постмодерн от времени и замыкать его на пространство, то либо все эти научные откровения про время и историю в физике, ботанике и т.п. не постмодерн — либо

⁵⁰⁶ В частности о переоткрытии времени, о новом понимании необратимости и ее фундаментального значения не случайно пишут едва ли не во всех словарных статьях именно о постмодерне и постмодернизме.

⁵⁰⁷ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 35.

⁵⁰⁸ При этом открывается не сама по себе необратимость, а ее универсальность: обратимость возможна лишь в узком ареале закрытых систем, и не исключено, что ее можно рассматривать как предельный, частный случай — как «пустую» необратимость. В хаотической динамике качественные свойства диссилиативных структур фатально зависят от «предыстории системы», создавая саму возможность устойчивых состояний в неравновесной среде — от физики до химии («память» реакции) и биологической жизни («прошлое» биосистем).

сугубая пространственность и атимпоральность постмодерна сама есть уклонизм и миф.

Здесь удобно опять обратиться к архитектурной, средовой аналогии как к «контрольной предметности» постмодерна и «контрольному эксперименту». Все, что излагается в терминах истории, темпоральности, необратимости, устойчивости хаотизма, возникновения порядка из хаоса и т.п., с точностью до знака соответствует описаниям свойств и процессов становления спонтанной архитектуры — *исторически сложившейся* среды. Это ровно одно общее движение в познании мира и в его предметно-пространственном созидании. Такой синхронизм в истории цивилизации и культуры не нов (в свое время понимание мира как мегамашины, как гигантской заводной игрушки идеально соответствовало приходящей эпохе машинных производств и механических социумов). Загадкой остается, каким образом и почему те или иные естественно-научные открытия делаются именно в то время, когда аналогичные процессы набирают силу в политике и истории, в культуре (например, логика бифуркаций). Тем не менее влюбленность науки в порядок из хаоса и радикальная эстетизация спонтанной среды с ее особыми, неклассическими порядками явно составляют одно интеллектуальное и культурное движение. Более того, в спонтанной архитектуре особенно хорошо (даже лучше, чем в хаотической динамике) видно, как время начальных изменений (предварительная эволюция), отливается в итоге в исторически сложившемся *пространстве*. Если динамическая траектория в физике — это проект, то сложившаяся среда в архитектуре — это окаменевшая история.

В архитектуре для достижения качеств сложившейся среды даже не обязательно наличие изменений и процессов в обычном смысле. Важнее развила: проект либо свобода, в нём или от него. Улица может быть застроена домами в разное время, но если это делается по единому проекту, присутствие времени и истории воплощения здесь ничего не решает: подавляет единовременность плана. И наоборот, если дома строили одновременно, но по раздельным проектам, это вполне обеспечивало качество спонтанности и почти все свойства «исторически сложившегося». Проекты, разнесенные в пространстве создания (по разным подрамникам и планшетам, авторам и мастерским) парадоксальным образом в сумме уже дают качество времени, истории. И даже простая синхронность создания проектов этого не отменяет, выводя

на все те же предельные, частные случаи с «нулевой историчностью». Хаотическая динамика в физике или ее аналоги в биологии, по сути, совершают нечто подобное: они отказываются от единого наперед заданного проекта, в котором все однозначно расписано из настоящего в прошлое и будущее (проект всего процесса) и высвобождают место для *исторически сложившегося* («от бытия к становлению», из «мира траекторий» в «мир процессов»)⁵⁰⁹.

Все это предохраняет от опасности списать всё в постмодерне в пространство, недооценив его темпоральность (не говоря уже о постмодернистских симпатиях к историческим аллюзиям, что уже и вовсе банально). И даже намекает на необходимость особого прочтения связей пространства и времени в свете соотношения проекта и исторического становления, на особые свойства такого континуума, возникающие, когда в него привносят план и действие. Более того, здесь намечается движение к новой (или к новому воссозданию старой) модели соединения в одном целом цивилизации (или физической реальности) *проекта* с культурой свободного формирования естественно сложившейся *среды*, всего *возникающего* и *становящегося*. Не хватает и естества, и порядка. Сейчас мы не имеем ни того, ни другого: проект косит под утраченную среду, а среда проектируется как тотальный проект, если не считать по-разному растущих деревьев. Однако это тема отдельного разговора — на этот раз про *континуум*.

Одновременно это проблема примирения двух миров — траекторий и процессов, двух стратегий их освоения. «В истории западной мысли господствующее положение занимает конфликт, связанный с понятием времени, — противоречие между инновационным временем раскрепощения человека и периодически повторяющимся временем стабильного материального мира, в котором любое изменение, любое новшество с необходимостью оказываются не более чем видимостью»⁵¹⁰. Сюда же примыкает дихотомия «наук о природе» и «наук о культуре», «исторических наук» в духе Риккера.

Новая парадигма естествознания, казалось бы, почти счи-

⁵⁰⁹ Кстати, в понятии «мир траекторий» не случайно употреблен графический, пространственный термин. По траектории тоже движутся во времени, но «по проекту» и в этом смысле пространственно, без истории.

⁵¹⁰ Тоффлер О. Предисловие // Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. С. 9.

мает это противопоставление. Физика, химия, биология и пр. тоже становятся историчными. Иными словами, они также отходят от изучения природы как пространственного проекта и пытаются обнаружить в нем спонтанное, не вполне заданное и предсказуемое становление, причем не видов, а молекул, не каузальных цепочек, а «кирпичиков». Однако в реальном формировании среды нашего обитания эта проблема не снимается, по крайней мере, в парадигме постмодерна. Здесь еще мало что изменилось даже в сравнении с «хаотической» культурой физики, но уже явно зреет следующий (или параллельно необходимый) шаг — реабилитация классики, приход неоклассического. Еще нет живого спонтана с его органично организованным хаотизмом, но по ощущению уже не хватает простого и строгого порядка, правильных и чистых построений.

Генерирующими философские и научные конструкции это удобнее показать на особой пространственности текстов, исполненных в классической стилистике и рациональности, и на живой темпоральности, но пространственной хаотичности текстов постмодерна и особенно постмодернизма.

Непространственный постмодерн и графический рационализм

Итак, во взаимоотношениях постмодерна и пространства ситуация симметрична взаимоотношениям модерна и времени, т.е. крайне неоднозначна. Если модерн, будучи зациклен на истории и прогрессе, в то же самое время останавливает темпоральность тотальным или близким к тотальности проектом, то постмодерн, наоборот, перенося акцент в пространство, тут же возвращает и культивирует историзм. Это проявляется хотя бы в эстетизации и моральной переоценке спонтанно формирующейся среды — исторически сложившегося как порождения времени. Когда рассуждают о географичности постмодерна, об этой его общеизвестной темпоральности как-то забывают или, как минимум, ее недооценивают. А если и не забывают, то эту историчность с географичностью никак или сколько-нибудь осмысленно не связывают.

Но вместе с тем в исторически сложившемся постмодерн культивирует уже *застывший* процесс, его *итог*. Здесь постмодерн пассивен: процесс он эстетизирует, но его не запускает, а лишь имитирует его результат (по крайней мере в своей активной ипостаси — в творческом постмодернизме). В итоге

сейчас это начинает почти так же утомлять, как в свое время заорганизованность модерна. Это ощущается одновременно и почти одинаково в архитектуре, литературе, философии и музыке. На фоне искусственно и равномерно недоорганизованной и не вполне внятной кудрявости все более хочется правильного, простого и чистого. Если не другого языка, то хотя бы другого в языке.

Но здесь неожиданно приходит на помощь именно пространственность мысли и речи, языка. Причем языка не постсовременного, тем более не постмодернистского, а именно классического, воплощавшего лучшие, самые изящные и строгие интеллектуальные конструкции классики и еще не зарвавшегося модерна.

Как уже отмечалось, в продвинутой постсовременной речи наблюдается сгущение сугубо пространственных терминов и оборотов. Это, казалось бы, работает на тему «постмодернизм и пространство», «постмодерн и география» (в широком, а не в узкопрофессиональном понимании этого слова). И, несомненно, связь тут есть.

Однако все иначе выглядит, если иметь в виду не просто элементы языка и фигуры речи, а форму и конструкцию мысли, всего интеллектуального построения. В этом плане тексты постмодернизма (а иногда и постмодерна) феерически непространственны, негеометричны. Это скорее темпоральная композиция, поток слов и мыслей, часто без начала и конца, без видимой макроструктуры.

Классический текст, будь то литература, философия или музыка, всегда можно перевести в формат пространственного проекта: в нем есть своя более или менее строгая архитектура. Такой текст можно — не метафорически, а вполне реально — «изобразить», «вычертить» в твердой графике, показав его осевые линии, несущие конструкции, иерархии, сечения и пропорции, ритмы, линии и плоскости симметрии. Это будет не сам и не весь текст, а только его проект, его архитектоника, но после раздевания такого скелета и сам текст становится понятнее.

Постмодернистский текст вычертить нельзя или крайне трудно: в нем нет или почти нет организованного пространства, видимой конструкции, архитектуры, а потому кажется, что в нем нет понятного пространства вообще, а есть только время более или менее равномерного, монотонного изложения. Это

даже не поток сознания, а омут (причем не бессознательного или подсознания, а именно пародии на сознание и рацию, хотя нередко и виртуозной). В такой текст можно входить в любой его точке — и так же произвольно выходить. В нем вообще нет дверей, только окна, чтобы заглядывать и выглядывать.

В некотором смысле эти схемы могут быть использованы и для понимания рациональности и рационализма вообще. Рациональная мысль как таковая всегда может быть изображена в той или иной схеме. Это не значит, что на такое способен каждый рационально мыслящий, но это должен иметь возможность сделать каждый, одновременно и понимающий текст, и способный переводить его в графические, визуальные абстракции.

Более того, даже не обязательны такие эксперименты в твердой графике: всегда и так более или менее видно, может ли текст своей конструкцией быть представлен как взятый графический проект — или же это получится нагромождение закоулков и чуланов, хотя бы и с отдельными небывалыми мыслями.

Пока география теснит историю, «архитектурная рациональность» как мышление в пространственных образах готова оспорить монополии мышления сугубо вербального, в плавающих смыслах, вопиюще полисемичного, тонущего в авторских неологизмах и экзотических контекстах. Утомленные постмодерном в архитектуре и философии с нежностью вспоминают о Версале и Декарте. На высших уровнях работает принцип: если ваша мысль не графична, в ней не хватает логики, а то и самой мысли. Плавающие смыслы имеют право на жизнь — но там, где им, как в городе, не хватает хребта, приходится отшучиваться.

Как выход из положения напрашивается конструкция текста, изоморфная городской среде, в которой есть и регулярный градостроительный каркас, но и спонтанность микросреды, создающие одновременно и контраст, и единый организм. Причем чем графичнее (и тем самым рациональнее) макроструктура текста и самого смысла, его «скелет», тем свободнее и раскованнее, спонтаннее может быть его «мясо».

Это тянет на обобщение: хорошо и разом организованное макропространство всегда допускает живую спонтанность микропроцессов во времени становления. И наоборот.

Континуум

Предыдущие параграфы рассматривали постмодерн в категориях времени и пространства⁵¹¹. Размах темы оправдан представлениями о постмодерне как об эпохе пространства, сменившей в модерне эпоху времени⁵¹². При всей условности подобного деления, избирательная предрасположенность каждой из эпох к «своей» априорной форме все же остаётся: модерн явно тяготеет к темпоральности, постмодерн — к территориальности.

Но есть ряд моментов, в которых эти акценты эпох на времени и пространстве редуцированы, смещены или даже меняются местами. Парадигмальный масштаб этих изменений параллельно осваивается естественными и точными науками — в новой топологии, «переоткрытием времени» физикой и биологией. Такие моменты сейчас особенно интересны в связи с программой выхода из постмодерна, зреющей в интеллектуальной повестке (безотносительно к вопросу о самой возможности «конца» такого рода трендов). К этой же размерности проблемы подводит универсализация кризисных явлений заката эпохи — от «поражения» философии, архитектуры и политики до системных сбоев глобалистики и мультикультурализма, самих основ миропорядка, все ещё называемого современным⁵¹³.

Масштаб бедствия предопределяет статус категорий. Отсюда «континуум» — как модель единого пространства-времени, по-разному характеризующая переходы из премодерна в модерн, из высокого модерна в постмодерн, в маньеристский постмодернизм и далее, в неоклассику.

Пространство «времени постмодерна»

Проблема времени имеет здесь два измерения: 1) постмодерн во времени истории и 2) особое время в самом постмодерне.

⁵¹¹ См.: Рубцов А.В. Архитектоника постмодерна: время // Вопросы философии. 2011. № 10; он же. Архитектоника постмодерна. Пространство // Вопросы философии. 2012. № 4.

⁵¹² Soja E. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. L.; NY., 1989; Harvey D. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Wiley-Blackwell, 1992.

⁵¹³ Огурцов А.П. Поражение философии // Идеи и числа. Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований. М., 2016.

«Постмодерн в истории» — это выглядит как нонсенс, допущенный по недосмотру или незнанию. Одно из фирменных обязательств философского постмодерна — отказ от метанаarrативов, в которых по обыкновению нам авторитетно рассказывают не только, что и как было (и что будет), но и какова собственная или извне заданная логика вселенского процесса, его глубинная интенция и смысл. Такое предельно укрупнённое время, вмещающее в себя метаповествование (историю истории), в постмодерне выключено.

Позиция сильная, но пикантная. Если её додумать и принять, оказывается в принципе невозможен и большой нарратив о самом постмодерне — с его долгой предысторией и собственной биографией (внутреннее развитие и периодизация), не говоря о перспективе. Всякое «до» и «после» в таких масштабах уже намекает на запретную мега- и даже метаисторию. Если в следовании этому запрету идти до конца, придётся не обращать внимания на все, что было до постмодерна, и признать, что ничего осмысленного не будет после, поскольку впрочем вообще нельзя говорить о логике больших исторических переходов. В такой конструкции постмодерн «теоретически вечен» — в противном случае (если он все же как-то понятно вписан в процесс, а значит, конечен или это хотя бы обсуждаемо), мы опять погружаемся в «нарратив о постмодерне», всплывающий на метауроне — этажом выше, в более общей концептуальной оболочке и в объемлющей истории.

В этом качестве постмодерн оказывается пародией на ещё одну черту модерна — на его аналогичную претензию быть вечным, но в нескончаемом прогрессивном самообновлении. У Гегеля этот прорыв окрашен высочайшим пафосом: от «великолепного восхода солнца» (у Шеллинга «вспышка молнии») до «последней стадии истории». Постмодерн в своих претензиях не столь ослепителен, но и он не позволяет рассмотреть в предстоящем времени что-либо помимо себя.

Вывод тем более грустный, что этот, казалось бы, здоровый скепсис в историософии неожиданно убивает иронию, которая в постмодерне обязательна и едва ли не ценнее остального. Кстати, с этим связаны и некоторые деликатные особенности selfy постмодернизма на фоне всякой прочей философии, сказывающиеся в том числе на характере отношений в профессии. Адептам сильных версий, например, постструктурализма часто свойственно не только ревниво читать своих пророков, но и относиться ко всей прочей философии

по соседству с нескрываемым высокомерием — в диапазоне от едкой снисходительности до злого сарказма. По духу посвященности, таинствам инициации и дефициту самоиронии это ещё не secta, но уже орден, что вредит стилю, в котором положено ценить прищур и подмигивание — но только не в отношении себя.

Намёк на то, что в постмодерне часто хромают на всеисторическую тотализацию, которую сами же отрицают, — претензия по части внутренней логики не оригинальная. Постмодерн вообще легко и модно ловить на непоследовательности и противоречиях. Полина Розенау ещё в 1993 г. поведала о семи изоморфных «ключевых противоречиях постмодернизма»: антитеоретическая позиция в нем сама основана на теории; постмодернизм, подчеркивая иррациональное, использует рациональные инструменты; он провозглашает интертекстуальность, но тут же легко интерпретирует отдельные тексты; призыв сосредоточиться на маргинальном — сам по себе оценочный и т.п.

Однако положение меняется, если говорить не целиком изнутри постмодерна, придерживаясь принятых здесь обязательств, но одновременно и извне, все же рассматривая его как отрезок более общей исторической траектории. Позиция двойственная: понимать идею не значит подписываться. Тем более что для понимания постмодерна иногда просто необходимо начинать «из затаクта» — от премодерна через модерн к высокому модерну и далее к его кризису, собственно, и породившему постсовременную реакцию.

Поэтому так интересны «интимные места» постмодерна — точки его зачатия и рождения. Для понимания сути явления принципиально важно, когда мы впервые с ним соприкасаемся — в начале второй половины XX в. или много раньше, например, с Ницше или с первого трикстера и первых пародий на художественный модерн в духе Альфонса Алле и Поля Билхода (как полагает, в частности, Александр Луфер) или даже Роберта Фладда. Тем более оправдан такой взгляд на вещи, если считать феномен постмодерна историчным, конечным, близким к исчерпанию или, во всяком случае, заставляющим думать о выходе заранее. Тогда постмодерн законно вписывается в «объемлющий» нарратив, обнаруживая свою сложную и не всегда очевидную предысторию, собственную историю (самоизменение, этапность) и гипоте-

тическую историю будущего — теорию «жизни после постмодерна», в каком нибудь ещё только оформляющемся Сверхновом (сверх-Новом) времени.

Проблема «постмодерн в истории» усугубляется противоречиями в представлениях, характеризующих внутреннее время постмодерна, специфику его собственной темпоральности. В этой постмодернистской редукции времени есть не только воздержание от метанаарративов, но и ряд суждений (пусть скрытых и негативных) о некоторых базовых свойствах процессов. Если такие утверждения и не видны сразу, их можно реконструировать. Скепсис распространяется здесь на «допостсовременные» представления о том, что история имеет смысл и вектор, «стрелу», а тем более «прогрессивную направленность». Веллер назвал это концом «исторического проекта»⁵¹⁴. Но здесь та же проблема на метауроне. «Конец исторического проекта» — тоже проект. Отрицание направленности времени истории по логическому статусу мало отличается от прямо противоположного суждения о том, что такая направленность есть, а некоторым даже известно, какая. Тут сразу два тупика. Либо постмодерн «всего лишь» декларирует воздержание от такого рода суждений (например, в логике «нам не дано»), и тогда это не новая, хотя и заслуженная идея не судить о том, чего нельзя знать. Либо это именно содержательное утверждение о характере процесса (о его иррациональности, ненаправленности, центрированности и высокой бессмысленности), т.е. все тот же метанаарратив, но только другого уровня, «второго порядка».

При этом надо понимать, что во всем остальном (на практике и даже в прикладной теории, но не в методологии) постмодерн обращается с самой разнородной исторической фактурой именно так, как если бы упорядоченной истории не было в самой жизни и в нашем отношении к ней, а не только в воздержании от соответствующих философических суждений. Свой собственный метанаарратив здесь воплощен практически, даже если он не артикулирован и не оформлен в теории. Человек постмодерна, тем более идеально заряженный постмодернист, работает с наследием истории как с массивом явлений и событий, неупорядоченным «реально», а не только нашим отказом его упорядочивать. Одной только воинствующей эклектикой он сам делает отражение истории в современности хаотичным.

⁵¹⁴ Wellmer A. Zur Dialektik von Moderne und Postmoderne – Vernunftkritik nach Adorno. 1985, S. 337.

В жизни это уже не скептическая осторожность, а именно рабочая позиция, в которой постмодерн вполне «конструктивен» (или деконструктивен), если не сказать онтологичен — в том смысле, что у него есть своя особая хаотическая онтология в обращении с материей истории и культуры.

Это проблема: как можно рассматривать постмодерн в истории, если он не только провозгласил историю «утраченным референтом», но и воплощает это её отрицание в креативном смешении эпох и стилей, в эклектической сборке любых времён? Как и куда можно выходить из такого состояния, если оно перестаёт устраивать, утомляет, порождает новые коллизии или просто наскучивает? Можно ли выходить из такого состояния, не возвращаясь к мегапроектам модерна, к его профетизму и избыточной заорганизованности? Если только представить себе новое выстраивание истории и порядка из эклектической сборки постсовременности, это уже потянет на такой вселенский мегапроект, в сравнении с которым жизнеустроительные опыты высокого модерна покажутся тихими играми.

Внутреннее время postmodern

Будучи реакцией (а иногда исключительно реакцией) на модерн, постмодерн, как всегда в таких случаях, несёт на себе все родимые пятна того, реакцией на что он является. В предыдущем анализе мы рассматривали эти множественные взаимопревращения из модерна в постмодерн и обратно, в том числе в отношении пространства и времени. Проект в модерне устремляет в будущее, но и уничтожает его: в будущем не обнаруживается ничего, кроме фиксированного и материализованного проекта, созданного в прошлом и транслированного из настоящего. При этом с экспансией проекта утрачивается спонтанная среда «исторически сложившегося» — будь то город или само общество. Постмодерн (точнее постмодернизм) отвечает на это почти симметрично, но и с зеркальными пороками. Постмодернистский проект своей заведомо искусственной, порой натужной сложностью и противоречивостью имитирует спонтанность средообразования в архитектуре, жизнеподобие в политике или ускользание от власти идеологии и схематизмов в философском тексте. В итоге получается зафиксированное в проекте, синхронное «изображение времени», картинка спонтанного процесса, но даже не как

на киноплёнке (в движении), а как в композиции множества мгновенных фотографий (в статике). Это так в той мере, в какой реализация сколь угодно жизнеподобного плана отличается от естественной жизни. Если модерн это продленное во времени пространство сегодняшнего проекта, то постмодерн это, наоборот, пространственная имитация якобы текущего времени — разложенный на плоскости диафильм.

Ещё раз: если быть более строгими, все это в полной мере относится скорее к постмодернизму, чем к постмодерну в широком смысле. Или даже так: именно к постмодернизму. Постмодернизм как активная и экстремальная фракция постмодерна берётся творчески ответить и на вызов модерна, и на постсовременную переоценку ценностей, которую он одновременно и впитывает, и возгоняет часто до мыслимого предела. Здесь обнажается внутренний раскол — уже не просто различие, а именно противоречие между постмодерном и постмодернизмом, иногда грозящее стать фатальным. Система ценностей и «вкус стиля» в постмодерне и постмодернизме примерно одни и те же, но постмодерн и постмодернизм расходятся по разным предметностям и «онтологиям». Постмодерн в архитектуре эстетизацией и исследованиями уходит в спонтанные среды «второй архитектуры», «архитектуры без архитектора» — архитектурный постмодернизм, наоборот, сам, на своей площадке и в своей проектной предметности начинает воспроизводить утраченное, впадая в неизбежную имитацию. Постмодерн в политике культивирует все непреднамеренное и непредзаданное, свободное от принуждения и ускользающее от власти — политический постмодернизм, наоборот, в изобилии создаёт симулякры живой спонтанности, развёрнутые и хорошо организованные имитации низовой и частной инициативы, фейки deregулирования и самой свободы, тем самым работая на власть. Постмодерн в философии ценит спонтанную интертекстуальность и настаивает на «смерти автора» — философский постмодернизм не только интерпретирует, но и создаёт тексты, либо вполне авторские, но с самоотстранением и даже видимым самоустранием автора, претендующие на «прямой» выход контента, либо вовсе не авторизованные, либо якобы множественно авторизованные (как у Делеза и Гваттари), что тоже, естественно, возможно лишь в имитации, условно, как приём и демоверсия. Во всех этих примерах постмодерн переоценивает нечто вне себя, тогда как постмодернизм в ответ на эту переоценку

создаёт нечто сам и себе. Фундаментальное различие между «возникшим» и «созданным».

Возможно, ещё рано утверждать, что внутренний конфликт между постмодерном и постмодернизмом приближается по масштабу и значимости к конфликту между постмодерном и модерном, однако уже пора готовиться ко всячому. Именно это может оказаться решающим, если встанет вопрос о том, что отрицание пафоса и идеалов Нового времени оказалось паллиативным и сопровождающимся лишними потерями, а потому намекает на реабилитацию просвещенного Просвещения, возрождения Ренессанса и т.п. Это почти ожидаемо, если видеть в постмодерне не только критику и отрицание модерна, но и его продуктивную самокритику. Архаизация сознания, в том числе под воздействием экстремальных постмодернистских техник, может вновь сделать востребованными просвещенные мотивы и новый заход в Новое время. В частности, нам для объяснения подобных настроений окажется недостаточным сокрушаться по поводу так и не завершенных в России просвещения, Модерна и пр.

Здесь опять надо иметь в виду, что вся эта децентрированная и рассинхронизированная стилистика постмодерна отрицает совершенно определенное «время Модерна» с его устремленностью вперёд и вверх⁵¹⁵. Когда идеалы тотально-го проекта в архитектуре и политике породили тоталитаризм идеально упорядоченных городов и обществ — фашизм плановой застройки и политического построения людей, — было естественно подвергнуть глубокой ревизии идеалы всей эпохи переустройства жизни на правильных началах, по плану и «сверху вниз». Снижение пафоса снизило и риски для человечества, до зубов вооруженного техникой всякого рода и на-учившегося жёстко строить что угодно и кого угодно, будь то общество, город, человек, сознание, природа, социально-экономические процессы и т.п., вплоть до архитектуры мировых отношений, скреплённой ядерными потенциалами. Но в другом смысле постмодерн одновременно и реабилитирует время, делая его условно обратимым уже тем, что вызывает в сегодняшний день сразу все подряд, совершенно не взирая на расположение исходного материала на карте истории. Вре-

⁵¹⁵Разное написание слова «модерн», со строчной или заглавной, оправдано тем, что это слово в одних контекстах выступает как концепт, в других — как имя собственное эпохи

мени для постмодерна «нет» в том смысле, что оно более «не течёт» (раз уж все времена в текущем моменте присутствуют как равно актуальные), но оно и заново реабилитировано, поскольку восстановлено все, что было отправлено модерном на вечное складирование как несовременное.

Рождение модерна из духа времени

Если видеть в постмодерне ответ на издержки тотального проекта с его навязчивой организацией, сложные связи пространства и времени обнаруживаются в попытках компенсировать подавленный спонтан и утрату особых эстетических свойств, свойственных всякого рода спонтанности. Это опять возвращает разговор к «контрольной предметности» постмодерна — к архитектуре и городу, к эстетике среды. Здесь наиболее отчетливо проявляются суть и структура главных превращений: рождения модерна, перерождения его в постмодерн и вырождения в постмодернизм, предлагающий в качестве находки не то, что потеряли.

Важно также (и утилитарно-функциональная составляющая архитектуры этому помогает) вывести разговор из бана́льной цикличности смены художественных стилей в более широкий контекст — кардинального изменения взаимоотношений искусства с внехудожественной реальностью. Если оставаться исключительно на территории артефакта, в потоке произведений, картина рождения Модерна из непрерывного производства нового получается убедительной и привычной, но смешённой, односторонне сосредоточенной на моменте «включения» времени культом новизны. Поскольку при таком взгляде на вещи область искусственного (понятого в синкретизме античного *τέχνη*) «выпиливается» из фона внехудожественной реальности, на заднем плане неизбежно остается нечто более важное для понимания модерна и постмодерна — новое качество во взаимоотношениях искусства и неискусства, в том числе фундаментальные изменения в характере освоения пространства техниками искусственного порядка.

Определяя Модерн через категорию «нового» в контексте времени, Хабермас пишет: «Проблема самообоснования модерна стала осознаваться прежде всего в сфере эстетической критики. Это обнаруживается, если проследить понятийную историю слова *modern*. Процесс смены образца, в качестве которого выступало античное искусство, был иницииро-

ван в начале XVIII в. известным *Querelle des Anciens et des Modernes* («спор древних и новых»)⁵¹⁶. Имеется в виду эпохальная «ссора» Перро и Буало в теории и эстетике, а заодно между Корнелем и Расином в практической драматургии, т.е. конец третьей четверти XVII в. (хотя начало конфликта относится к середине XVII в., ещё с «христианских эпопеяй» в духе Жана Шаплена).

В самом деле, здесь с достаточной определенностью была сформулирована идея Модерна как противопоставления своего и нового возрожденческому культу древних образцов (часто цитируемая фраза Перро: «Милетские рассказы так ребячливы, что слишком много чести противопоставлять их нашим сказкам матушки Гусыни или об Ослиной Коже»). Там же оформлялась идеология прогресса, в том числе в четырёхтомном трактате «Сравнение древних и новых в вопросах искусств и наук», выпущенном в 1688–1697 гг.

Кстати, здесь же идея прогресса надолго срастается с профетизмом и моралистической дидактикой — пока ещё наивно и без фанатизма, но уже с намеками на политическую евгенику, какой она показала себя в XX в. Перро превозносит «похвальную и поучительную мораль» новых сказок, утверждая их преимущество над греко-римской мифологией: «Везде в них добродетель вознаграждена и порок наказан. Все они стремятся показать, как выгодно быть честным, терпеливым, рассудительным, трудолюбивым, послушным и какое зло постигает тех, кто не таковы». Исполненная в прозе «Спящая красавица» была предусмотрительно оснащена отдельным стихотворным нравоучением (предназначенным, кстати, специально для взрослых). Забавно, что «новых» вёл вперёд не кто иной, как... выдающийся сказочник. Это было, конечно, случайностью, но случайностью знаменательной: прорыв модерна в новое с самого начала сопровождается установкой на исправление нравов посредством собственного мифа. То же в нашей «мудрости»: сказка, ложь, намёк, урок...

Далее в понимании Модерна тянется именно эта, прогрессистская линия: Новое время — это время нового, эпоха агрессивной и всепобеждающей новизны, открытости обновлению. В этой версии Модерн конституируется самодостаточным новым, не опирающимся на «классику», взятую в качестве образца из прошлого. Модерн уникален тем, что ищет

⁵¹⁶ Хабермас Ю. Философский дискурс в модерне. М., 2003. С. 24.

смыслоное, нравственное и художественное обоснование только в себе самом — в полном соответствии с кантианской субъективностью. Здесь совпадают самодостаточный статус субъекта, лица — и времени, определяемого как Новое. Синхронная эмансиpация человека и процесса.

*Новое во времени или порядок
в пространстве?*

Однако в иных рассуждениях Новое время (как разновидность трактовки Модерна) противопоставляется в своей начальной стадии скорее Средневековью, чем Возрожденческой заимствованной классике. Здесь модерн не приходит на смену эстетике образцов, но вбирает этот смысл и этот период в себя, захватывая Возрождение в целом, включая ранний Ренессанс, Высокое Возрождение и поздний уход в маньеризм. Такое разнотечение в понимании сути и момента зарождения модерна в целом ряде контекстов слишком очевидно: новое против античного балласта, отягощающего Возрождение, — или все же начавшееся уже в Ренессансе противопоставление правильного ratio «темному», недостаточно разумно устроенному Средневековью. В одном контексте Модерн противостоит классике «образцов», а в другом, наоборот, противопоставляет всякого рода нерегулярности свою собственную классику. Чтобы справиться с таким расхождением, приходится идти на терминологические ухищрения, например, вводя понятие «Большого модерна»⁵¹⁷.

Но данная коллизия не разрешается терминологически и вообще как-либо формально. Это видно, если её упростить, ради резкости пожертвовав теорией. Строго говоря, выбор шарнира в переходе к Модерну ставит перед дилеммой: новизна или порядок. Или даже так: новизна во времени или порядок в пространстве? Если же говорить совсем предметно, это полемика в Академии — или все же идеальные города Возрождения, *Querelle des Anciens et des Modernes* — или «Città ideale» del Rinascimento? От этого выбора зависит, что здесь является сначала атрибутирующим, а затем и критичным, что именно сталкивает в постмодерн в итоге, после всех тупиков и катастроф Высокого Модерна?

Если толковать Модерн через самодостаточное новое, то

⁵¹⁷ См.: Неклесса А.И. Конец эпохи Большого Модерна. М., 1999.

отсчет и в самом деле условно можно начинать с известного спора драматургов и литераторов XVII в. Но если опираться не столько на идею нового, сколько на идею порядка, такой подход не просто отодвигает метку модерна примерно на два столетия назад, к XIV в., но и меняет саму «онтологию» проблемы.

Под «онтологией» здесь понимается нечто большее, чем обычная предметность. Мало (хотя для начала полезно) увести разговор в область эстетики и художественной критики, как это делает Хабермас. Недостаточно даже сделать в этом поиске начального самоопределения модерна «правильный» выбор между драматургией и архитектурой. Важно, что апелляции к архитектуре и предметно-пространственной среде с их утилитарно-функциональной составляющей включают в разговор коллизию между искусством и неискусством, между произведением и внехудожественной реальностью, не ограничиваясь выяснением отношений в теоретической эстетике, критике и пр. Такое расширение принципиально и многое меняет.

Отказываясь от опоры на прошлое и авторитет, Модерн одновременно и запускает время, и отключает его. Запуск изменений означает, что «время пошло» — изменения есть то, что отмеряет время, позволяет видеть его течение (звуки часов, движение стрелок, перемещение, следы старения и пр.). Но отстраняясь от прошлого, от традиции, от авторитета и образца, Модерн попадает в ситуацию чистого самообоснования и в этом смысле оказывается вне времени — наедине с самим собой. Правда, в этом времени даже как в чистой априорной форме есть вектор, например, в признании необратимости и вечного самопорождения нового. Однако для Модерна, определяемого через темпоральность, нет времени в другом смысле — для него нет времени культурно наполненного и стилистически значимого, порождающего.

Если модерн хочет быть абсолютно самодостаточным, то постмодернизм в этом плане является его критическим отражением. Как «контрмодерн», он образует ещё одну симметричную противоположность — ноль самостоятельности. Это как новое рождение субъекта (в Модерне) и его смерть (в постмодерне).

В постмодернизме на равных правах есть одновременно все, из любых времен, а это значит, что в предельном, чистом случае в ситуации нулевого самообоснования, нет и его самого. В самом деле, что можно назвать в «элементной базе»

собственно постмодернистским, за исключением более или менее отвязанной эклектики? Модерн логически сходится в исчезающую точку «Черного квадрата» с его максималистским эстетическим ничто; постмодернизм как реакция и альтернатива тоже исчезает, но зеркальным образом — растворяясь в бесконечности исторического материала, осваиваемой как стилистическое все.

Если же вернуться на почву архитектуры и пространства, новизна уступает место порядку, а это, в свою очередь, отодвигает границу Модерна примерно на пару веков. На поверхности все выглядит как переход от спонтанной органичности средневековой среды к геометрической правильности новой архитектуры, а это прямо сопряжено с возвратом к образцам античной классики, включая ордер. Достаточно вспомнить шаблонный образ «средневекового города» как плохо организованного и противопоставить ему симметрию, ритм и правильный геометризм архитектуры этого совершенно нового (в стилевом отношении) времени. Идеи второй половины — конца XV в. (А. Филарете, Л.Б. Альберти, позже А. Палладио) уже содержат все, что, будучи гипертрофированным в Высоком модерне, вызвало законную реакцию постмодерна. Все начиналось с простого и понятного неприятия эстетики «узких и кривых улочек» средневекового города и противопоставления этой эстетике идеи единого плана, украшенного связками правильных ансамблей и планировочных осей. Но отсюда прямой путь к тотальной архитектуре, а если шире, то и к философии и даже к реальной политике тотального плана, идеального порядка, воплощенного совершенства самой жизни.

На этой линии «ссора древних с новыми», давшая толчок Модерну, понимаемому и самообосновывающему себя через новое, уже не так много значит. А если, несколько упрощая ход событий, вводить Модерн не через новое и время, а через пространство и порядок, мы получаем картину, позволяющую охватить куда более широкий круг конфликтов, порождающих постсовременность — практически все коллизии искусственного и естественного, навязанного и живого.

Но не менее важно увидеть, как в эти взаимодействия избыточного порядка и умеренного хаотизма включены факторы времени и особого рода темпоральности.

*Суррогатное время
в пространствах имитации*

Ещё раз опорная схема: постмодерн является реакцией не столько на сухую упорядоченность, жёсткость и пуританство предшествующего стиля, будь то функционализм, конструктивизм или *Modern Movement* в целом, сколько на вытеснение тотальным проектом спонтанно формирующегося контекста — исторически сложившейся среды как необходимого естественного фона «архитектуры произведения». Именно эту фатальную и гигантскую по своим физическим и эстетическим масштабам потерю постмодернизм пытается (хотя и не всегда осознанно) компенсировать — и именно это у него получается лишь отчасти и с большими оговорками. «Сложность и противоречия» — качества, которые вынес в название своей культовой книги Роберт Вентури, — совсем разные в естественной среде и в архитектуре произведения. Поэтому все, что в этом плане получается компенсировать, остаётся на уровне паллиатива, часто натянутого и слабого, особенно в сравнении с когда-то живым прообразом. Это тупик.

В характеристиках среды, свойства которой стали предметом эстетизации в постмодерне, принципиальны слова «исторически сложившаяся». В них отражены процессуальность и темпоральная составляющая — времена, застывшее в «теле» города, в его органичных, пластически свободных пространствах. Это не просто уютный и не слишком художественный беспорядок, на котором отдыхает взгляд, измученный организованностью тотального произведения. Это беспорядок, привнесённый именно временем — притершийся в быстрых или долгих взаимодействиях и обогащённый непредусмотренными историческими наслоениями. Даже если улица старого города сформирована домами, построенными почти одновременно и с тех пор не менявшимися, темпоральность здесь всегда присутствует в снятом виде. Время просачивается в разрывы между пространственными проектами отдельных зданий через их незапланированное визуальное взаимодействие. То, что сделано «не одной рукой», по смыслу и эстетическим последствиям тождественно тому, как если бы это было сделано «не в одно время». В эстетическом смысле множественность авторов и проектов создаёт «историю» даже там, где её физически почти и не было.

Постмодернизм такого не умеет, он в состоянии лишь имитировать время. Он тоже наслаждается, но делает это «одной рукой» и единовременно — в разовом проекте. А всякая неупорядоченность, возникающая вне живого процесса отдаёт плохо скрываемой искусственностью. Подделка времени выдаёт подделку естества. Исчезает главное — связь длительности процесса с непреднамеренностью результата. В таких проектах окаменело не время, как в исторически сложившейся среде, но более или менее капризная авторская воля. В этом главное различие — становления и создания.

Подобные сложные превращения пространства и времени происходят в формировании не только среды, но и её антипода — проектируемого произведения. Здесь высшая упорядоченность, называемая «совершенством», прямо связана с «завершенностью»: это не просто один корень в близких словах, но совпадение идеального качества, достигнутого в пространственном порядке, с особым, а главное дляящимся в истории состоянием «вне времени». Иначе это называется «законченностью». Бытовое «ни прибавить, ни убавить» не только фиксирует синхронную гармонию, но и «выключает» диахронию, время, причём навсегда. Произведение это совершенно особая вещь — уникальное изделие, над которым «время не властно» не только в плане ценности, но и функционально, технически — часы работы над изделием остановлены, трогать больше ничего нельзя, в том числе автору (известные исключения лишь подтверждают правило).

Но тем самым искусство выключается и из времени истории. Это относится к отдельному произведению и к потоку произведений в целом, «в веках». Завершенность произведения как изделия и вещи совпадает с законченностью в истории процесса оценки. Здесь можно опустить присутствие ценностных иерархий, факты открытия и забвения отдельных вещей и авторов, целых направлений. В горизонте рассуждений об истории и времени искусство представлено шедеврами, а шедевры отличают «абсолютное совершенство» и «идеальная законченность», определяющие, в свою очередь, особую расстановку вещей и авторов в пространстве истории: отсутствие прогресса, выражющееся в равновеликости шедевров и мастеров, тем более гениев.

Эта остановка темпоральности в истории и культуре уникальна, и она тем ценнее, чем глубже осознается текучесть, временность и фатальная незавершенность поиска во всех

прочих сферах активности (например, асимптотический прогресс в науке и технике, сомнительный характер «развития» в политике, социальной сфере, коллективной морали и т.п.).

Вместе с тем такого рода понимание — приобретение сравнительно недавнего времени. Долгое время казалось, что философия и наука поэтапно фиксируют завершённые в себе вечные истины, а разного рода «техники», в том числе социальные, позволяют на рациональных основаниях сколь угодно близко подходить к созданию «технических» шедевров, в том числе политических (идеальная власть, совершенное общество, непревзойденное государственное устройство, вечно правильная мораль). В этом плане все это время искусство смотрелось почти в одном ряду с прочими формами сознания и деятельности, выделяясь лишь предметом и средствами, да и то не всегда и не очень.

Даже когда вера в возможность воплощения идеальных проектов и в достижимость совершенных состояний, мягко говоря, пошатнулась, сохранилась уверенность в том, что движение «вперёд и вверх» возможно, реализуемо и даже в целом в истории воплощается. Надо было добраться до полномасштабных реализаций проектов Высокого модерна в области преобразования природы, живой и социальной, в архитектуре и в политике, в строительстве совершенных городов и идеальных обществ, чтобы оказался под вопросом тренд всего Нового времени, Модерна, а в известном смысле, по касательной, и всей техногенной цивилизации. В этом плане лагеря смерти и оружие массового уничтожения во многом изоморфны уничтожению видов и природных экосистем, максимальным рискам в сфере биоэтики или, например, работе новейших средств массового поражения сознания.

Постмодерн стал закономерной реакцией на этот триумф и кризис тотального «усовершенствования», но в активной, экстремальной своей ипостаси — в постмодернизме — породил имитации, способные создавать не меньшие проблемы, чем сам тотальный порядок.

«Порядок вне времени» как антипод спонтанности

Имитация спонтанности и живой истории порождает в постмодерне симметричную проблему — дефицит порядка там, где он должен быть, недостаток законченности и стабильности в сферах, где они необходимы.

Подобная проблема обозначилась в архитектуре ранее и сейчас обостряется. Дело не только в том, что постмодернизм не восполняет утраты живой естественности среды; он занимается имитацией времени и нормального хаотизма как раз в тех когда-то организующих пространствах, которым самой логикой процесса, композиции и социума предписаны чистый порядок в пространстве и «победа над временем» в истории. Более не воспроизводится живая ткань естественно формирующегося города, но не воспроизводится и её архитектурный антипод — классический порядок опорных зданий, ансамблей, осей и диаметров, основы всего градостроительного каркаса.

Когда-то порядок классики и хаотизм спонтанно работали вместе именно на контрасте. Но когда этот контраст был разрушен, постмодернизм предложил взамен лишь среднее арифметическое между искусственным порядком и живой органикой. Более того, этот усреднённый микст оказался равномерно распределен постмодернизмом лишь в подвластной ему части среды — эстетика массовой застройки продолжает оставаться в целом лагерной, сколько бы её ни оживляли и ни декорировали. Упрощенно говоря, сначала эстетика тотальных проектов, от Бразилии до Тольятти, породила острую тоску по естественности Сите и Замоскворечья, но затем в переоценке ценностей произошла «обратная коррекция»: экстремальный постмодернизм Лас-Вегаса и унылый постмодерн лужковской Москвы вызвали ностальгию по эстетике проспектов плана Османа, трёхлучевых систем Рима и Санкт-Петербурга. На фоне кудрявой постсовременности опять хочется улицы Зодчего Росси, причём уже давно.

Эта, казалось бы, исключительно архитектурная коллизия в точности отражает «композиционные» проблемы политики и систем регулирования — направления власти в целом. В классическом городе жёсткость эстетики центра и всего градостроительного каркаса зрительно воплощает, а во многом и «физически» организует не только графический порядок, но и регламентации самой власти. Это относится и к самым жёстким режимам. Связка архитектурного классицизма с государственным абсолютизмом воплощала одновременно и силу властевования, но и рамку самой власти — пространственно и политически. Точно также спонтанная застройка окраин одновременно и символизировала, и реально воплощала присутствие свобод на микроуровне. В ситуации постмодерна эта

схема расплывается, а её составляющие путаются местами, порой самым неожиданным и неприличным образом.

Новый либеральный гуманизм, возникший на руинах тоталитарного порядка, в последнее все чаще обнаруживает недостаточную жёсткость и стабильность несущей конструкции, вплоть до попыток коррекции «либерализма без берегов», в том числе под давлением самых разных проблем, от мультикультурализма, эмиграции и беженцев до международного терроризма.

О.А. Донских

Конец стиля — конец эпохи
(Памяти А.П. Огурцова)

*В философии, как в никаком ином модусе культуры,
выражена личность мыслителя.*

А.П. Огурцов

*С помощью денег демократия уничтожает саму
себя — после того как деньги уничтожили дух.*

О. Шпенглер

*Скорость, с которой обновляются технологии,
навязывает нам нестерпимый ритм постоянной
перестройки наших ментальных привычек.*

Умберто Эко

С Александром Павловичем Огурцовым мы познакомились на одной из конференций, которые в то время по два раза в год организовывал в Новосибирске замечательный Иоасаф Семенович Ладенко. На эти конференции приезжал Г.П. Щедровицкий и другие известные ученые из Москвы и некоторых других городов. В кулуарах конференции мы разговорились с Александром Павловичем, и я сослался по слуху на классификацию видов восприятия, которую я нашел в книге Дж. Романэса «Духовная эволюция человека». Оказалось, что этой классификации Александр Павлович не знал

(что было очень странно для него самого, поскольку он знал если не все, то уж точно гораздо больше, чем человек вообще может знать). В результате мы подружились, и когда вышла его книга «Дисциплинарная структура науки: ее генезис и обоснование», он попросил меня написать рецензию на нее, что было неожиданно и, конечно, очень ответственно. Рецензия вышла тогда в журнале «Вопросы философии». Наши отношения сохранились до последнего времени. В 2013 и 2014 гг. в двух номерах журнала «Идеи и идеалы» опубликовано мое большое интервью с проф. Светланой Сергеевной Неретиной и Александром Павловичем Огурцовым, где идет речь об истории советской философии и более широко — о специфике философского знания.

У меня всегда было впечатление, что он постоянно находится в профессиональном диалоге с огромным количеством людей. Практически на любое утверждение он начинал приводить относящиеся к этой теме мнения примерно в таком стиле: «Ты, наверное, знаешь статью такого-то немецкого автора. Он считает, что...» И эта колossalная интеллектуальная работа проявилась как в серии значительных книг, написанных совместно со Светланой Сергеевной, так и, конечно, в его трехтомном труде «Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы»⁵¹⁸. Фактически над этой книгой Александр Павлович работал более сорока лет, и именно ему довелось в ряде аспектов реализовать программу исследований в области истории, философии и социологии науки, которую начали в середине 60-х годов В.С. Библер и Б.М. Кедров вместе с учеными и философами — научными сотрудниками Института истории естествознания и техники АН СССР. Фактически этой работой подведен итог интересному этапу в исследованиях науки.

В Предисловии к работе А.П. Огурцов пишет: «Философия науки в свою очередь в своей тематизации науки дифференцируется в наше время на методологию науки, аксиологию науки и онтологию науки. Эти модусы философии науки тематизируют различные компоненты научного знания — методы и процедуры, ценности науки и взаимоотношения с ценностями культуры и, наконец, предметные области научных дисциплин и научную картину мира» (ч. 1. С. 6.). Именно такой многофо-

⁵¹⁸ Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: В 3-х частях. СПб., 2011.

кусный подход позволил А.П. Огурцову не только оригинально и глубоко представить становление философии науки, но и наметить ряд новых аспектов в изучении феномена науки. Читая эту работу и размышляя о масштабе человека, ее написавшего, я невольно думаю о том, что такой тип ученого исчезает в условиях того, что называется сейчас информационно-компьютерной революцией. Собственно, это изображение определило тему настоящей статьи — что происходит с наукой и ее творцами, и какой она может стать в ближайшие пару поколений?

С началом обыденности компьютера и Интернета идет ускоряющаяся смена одних носителей информации другими, причем даже наиболее долговременные носители сменяют друг друга за несколько лет, так что человеку приходится все время переучиваться способам восприятия и коммуникации.

Таким образом, исторически меняются, во-первых, способы хранения и передачи информации, во-вторых, связанный с ними характер коммуникации и, в-третьих, способы обучения, т.е. трансляции знаний. И в связи с этим радикально меняется не только содержание общения, но и вообще место человека в лишенной субъективности «цифровой ландии»⁵¹⁹. Каково же в этом мире положение тех, кого мы называем Учеными и среди которых почетное место занимал Александр Павлович Огурцов?

Если посмотреть на ситуацию в самой далекой перспективе, то можно очень кратко наметить несколько парадигмальных сдвигов в сфере коммуникации.

Первый сдвиг (пока выделяемый абсолютно гипотетически) — появление передаваемых из поколения в поколение текстов. Фактически он означает рождение языка как системы знаков. На каком-то этапе тексты через обряды инициации начали духовно связывать поколения.

Второй — появление письменности. Устное общение дополняется письменным, непосредственное общение — опосредованным. Тексты постепенно оформляются в книги, представленные на связках пластинок, свитках и позже в кодексах. Книга невероятно расширила культурно-языковое

⁵¹⁹ Поневоле на ум приходят строки Гумилева — «А для низкой жизни были числа, Как домашний подьяремный скот, Потому что все оттенки смысла Умное число передает <...> Но забыли мы, что осиянно Только слово средь земных тревог, И в Евангелье от Иоанна Сказано, что слово — это Бог...»

пространство, сделав современниками-собеседниками всех его жителей. Но при этом книга сделала то, чего так опасался Платон, — она унизила устный способ общения, ослабив память и погасив радость непосредственного рождения мысли. Алкивиады уже не плачут (что они делали, когда слушали сократов непосредственно), а философия перестает быть духовным упражнением, обучением диалогу сначала с другим, а потом с самим собой⁵²⁰. Хотя читали вслух, а не про себя, что становится привычкой, по-видимому, лишь в Новое время, книга сделала речь плоской, убрав интонации и переключив внимание исключительно на содержание. Певучая речь оратора превратилась в монотонную речь пономаря. (И это несмотря даже на то, что в Средние века письмо не просто было устной деятельностью, «но даже формой ораторского искусства, или тем, что в то время называлось *rgopuntiatio*, которое составляло пятый основной раздел нормативного риторического учения»⁵²¹.) Человеческая интонация стала вторичной — она во многом лишь искусственное воспроизведение условной интонации письменной речи. Содержательно духовный мир формируется как комментарий к Вульгате.

Третий сдвиг определился изобретением И. Гутенberга. Книги множатся стократно, рождаются газеты и журналы. Книга постепенно перестает звучать, и в библиотеках воцаряется молчание. Духовный мир выстраивается вокруг Энциклопедии, определяющей европейское единство науки. Латинское выражение западной мысли переводится в национальные миры, в каждом из которых складывается свой стиль размышления и представления знания. Появляется университет, в котором исследование ставится на первое место по отношению к преподаванию. С основания Берлинского университета Гумбольдтом прошло двести лет, и мы живем уже совсем в другом мире. Идет трансформация, которую можно обозначить как четвертый сдвиг интеллектуальной жизни.

Вот как его характеризует Ал Гор: «Одновременное использование Интернета и повсеместная компьютеризация создали планетарную нервную систему, которая передает

⁵²⁰ Об этом замечательно пишет Пьер Адо (*Адо П. Духовные упражнения и античная философия*. М; СПб., 2005. С. 34–40).

⁵²¹ См.: *Мак-Люэн Маршалл*. Галактика Гуттенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев, 2003. С. 141 и след. (Со ссылкой на работу Иштвана Хайнала.)

информацию, мысли и чувства к миллиардам и от миллиардов людей со скоростью света». Резко меняются образцы поведения, появляются новые виды бизнесов — от Гугла до Амazona, — это результат того, что уже два миллиарда человек оказались связанными в единую информационную сеть. В дополнение к этому «количество цифровых электронных устройств, связанных с другими электронными устройствами и приборами — уже без посредства человека — уже превысило количество людей на Земле. Исследования показывают, что к 2020 г. более 50 миллиардов устройств будет подключено к Интернету и они будут обмениваться информацией на постоянной основе»⁵²². А Эрик Шмидт, Председатель совета директоров компании Google, выступая в Давосе в январе 2015 г., уже заявил о конце Интернета⁵²³. Он связал это с распространением различного рода электронных устройств и роботов, которые фактически уже создали большое количество пересекающихся виртуальных пространств, в которые включен современный человек. Вопрос в том, насколько в этом многомерном виртуальном пространстве могут передаваться мысли и чувства в какой форме.

Есть такой чудовищный образ, который любит эксплуатировать телевидение, — быстрое замещение одного лица другим в таком темпе, что невозможно их толком рассмотреть. Это, по мысли телевизионщиков, по-видимому, символизирует как многообразие человечества, так и виртуальное присутствие толпы в эфире. Напоминание тому, кто одиноко сидит в своей квартире перед экраном, о том, что одновременно с ним то же самое делают еще миллионы людей. Но этот образ означает еще и отсутствие индивидуальности, он превращает всех в замещаемых индивидов, лишая их личности и индивидуальности. Это символ усредненного одномерного человека. Он разрушает границы личности. Что могут передать друг другу такие индивиды? Какие мысли и чувства? В условиях, когда фактически исчезает непосредственное общение.

Что в этом мире происходит с текстами как результатами размышлений одинокого человека? Особенно если считать, что «слишком легкая смена аспектов (“плюрализм”) дает

⁵²² Al Gore. The future: six drives of global change. New York: Random House, 2013. P. 44–45.

⁵²³ <http://argumentiru.com/society/2015/01/387064>. Последнее посещение 10.04.2016 г.

условную широту взглядов и безусловную потерю почвы»⁵²⁴. Иначе говоря, возможна ли философия в условиях беспочвенности?

Начнем с того, что исчезает книга в том смысле, в каком она формировалась на протяжении трех тысячелетий. Хотя Жан Клод Карьер и Умберто Эко заявили, что книги еще живут и будут жить долго, их оптимизм относится больше к содержанию, чем к форме⁵²⁵. Тексты все меньше хранятся на бумаге и все больше на электронных носителях. Но важнее другое — тексты книг попадают в новое пространство, все больше трансформируясь в информацию и переставая быть размышлением, анализом и знанием. Они теряются рядом с телевизором и кино, они распыляются кусками по статьям и рефератам. Поскольку тексты легко складываются, они теряют индивидуальность. Не случайно, в Википедии отсутствует авторство. Ее авторы — это все, кто решил и смог что-то туда написать. Она принципиально безлична.

Книга истребила интонации. Интернет истребляет стиль. Мы неуклонно продвигаемся к стилю бесконечно переписываемой коллективной монографии. Речь жестко структурируется, становясь зависимой от технологий. Технологии требуют определенных способов представления мысли. И понятно, что согласно очевидному соображению о диалектической зависимости содержания и формы, последняя все активнее влияет на содержание. Доминирующий сейчас английский язык с его аналитичностью подчиняет себе другие языки, требуя жесткой выразительности даже тогда, когда такая прямота не позволяет уловить важные обертона, а мысль требует осознания важных тонких нюансов. В результате в прошлом остаются такие могучие интеллектуальные традиции, как немецкая, французская или русская с их особыми стилями. Но это делает интеллектуальное пространство более плоским, отнимая определенные неосознаваемые возможности. Кроме того, когда вы ведете поиск, вам подсказывают те варианты, которые кому-то уже были нужны. Это тоже толкает к усреднению.

Выплетающаяся бесконечная коллективная монография (здесь, конечно, больше подошло бы слово «полиграфия», но оно безоговорочно занято совсем другим значением)

⁵²⁴ Неретина С.С. Философские одиночества. М., 2008. С. 3.

⁵²⁵ Карьер Жан-Клод, Эко Умберто. Не надейтесь избавиться от книг! СПб., 2010.

включает все когда-то попавшие в Интернет тексты, не только независимо от их качества, но и независимо от того, что они утрачивают значимость со временем. Если старые книги самим своим видом демонстрировали свою принадлежность к определенному времени, то отчужденные через цифровую форму тексты свидетельствуют о времени лишь благодаря использованию в них устаревающей лексики. Поэтому все оказывается в одной плоскости.

Итак, с одной стороны четвертый сдвиг меняет поле интеллектуальной деятельности. Но, с другой стороны, он меняет положение человека в мире. Поскольку процесс безостановочного формирования коллективного текста фиксируется в тысячах электронных устройств, Интернет делает невозможной ситуацию забвения. Благодаря облачным технологиям уничтожить информацию нельзя. И тогда ситуация с текстами должна быть рассмотрена через призму того, что в ближайшее время каждый шаг человека станет фиксироваться, и вся его жизнь может быть восстановлена минута за минутой с момента рождения «Облако движется благодаря статистике, и даже в самых плохих случаях личного невежества, тупости, лени или незначительности, каждый человек в настоящее время постоянно передает данные в облако»⁵²⁶. Облака помнят все. Переписанный текст сосуществует со своим оригиналом. Сокращенная до пятидесяти страниц версия «Войны и мира» сосуществует с полной, а еще и с киноверсиями.

Как человек может чувствовать себя в таком обществе? Исчезает право забыть. Каждый человек будет всегда помнить, что о нем все известно, что он абсолютно прозрачен со всеми своими желаниями, поступками, пороками и добродетелями. А если он забудет об этом, ему всегда смогут напомнить, когда придет необходимость. Благодаря облачным технологиям государство вместе с десятками и сотнями желающих и могущих пристально смотрит на нас с той стороны любого электронного устройства⁵²⁷. Семейный альбом заполняется независимо от желания и вручается человеку насилино.

⁵²⁶ Lanier Jaron. Who owns the future? New York, etc., 2014. P. 7.

⁵²⁷ «Даже невинное посещение сайта известной газеты, вроде “Нью-Йорк Таймс” тут же активизирует больше дюжины отслеживающих сервисов, каждый из которых, отталкивая других, стремится стать главным собирателем шпионской информации о вас» (Lanier J. Op. Cit. P. 99–100).

Человек попадает в абсолютную зависимость от технологий. Подобно тому, как городской житель находится в полной зависимости от работы коммунальщиков, энергетиков, водителей общественного транспорта и т.д., он оказывается еще и в колossalной духовной зависимости от государства, гарантирующего работу информационной инфраструктуры. Но за эту гарантию человек и платит своей усердненностью и потому одиночеством.

Интересно, что вроде бы есть тенденция к сохранению индивидуальности, и эта тенденция проявляется в заботе об охране так называемых авторских прав и персональных данных. Человека пытаются защитить от хакерских атак и т.п. Но это не имеет ничего общего с правами личности. Это защита собственности. Причем по большей части собственности чужой (персональные данные участников сетей принадлежат тем, кто владеет этими сетями). Персональные данные защищаются исключительно потому, что они представляют ценность. Владение ими есть владение капиталом. Так, капитализация Facebook составляла в прошлом году более 200 млрд долларов⁵²⁸.

Но что такое одиночество в этом новом цифровом мире? Это не одиночество мыслителя, живущего в башне из слоновой кости. Потому что эта башня электрифицирована, телефонизирована, и там есть wi-fi. Это не одиночество анахорета, который удалился в пустыню как в купель познания. Потому что пустыни уже нет. Это одиночество лишенности права на индивидуальность и ответственности за свою судьбу плюс сознание своей зависимости от государства. Это одиночество гонимого дубового листка, дружащего с ветром, которого ветер может забросить, куда угодно. Но куда угодно не листку, а ветру. И такое одиночество не истинно и потому не продуктивно. Оно не ведет к рефлексии и пересмотру оснований. Упомянутая выше книга Светланы Сергеевны Неретиной открывается блестящей фразой В.В. Бибихина – «у человечества нет другого окошка, через которое видеть и дышать, чем прозрения одиночек»⁵²⁹. Но если человек лишен права на истинное одиночество, то окошко захлопывается.

И, наконец, еще один момент, который характеризует современное состояние сознания и безусловно влияет

⁵²⁸ <http://top.rbc.ru/economics/09/09/2014/947787.shtml>

⁵²⁹ Неретина С.С. Философские одиночества. С. 3.

на положение мыслителя в нашем мире. Это экономизм, т.е. ориентированность мышления исключительно на достижение определенной выгоды. Экономизм конгениален информационно-компьютерной глобализации. Шпенглер писал: «<...> когда с наступлением цивилизации начинается отлив всего вообще мира форм, вперед выступают голые и навязчивые очертания ничем не прикрытого жизнеобеспечения: это время, когда пошлое речеие о “голоде и любви” как движущих силах существования перестает быть постыдным, когда смысл жизни оказывается не в том, чтобы набраться сил для исполнения задания, но в счастье большинства, в спокойствии и уюте, “*panem et circenses*” <...> на место большой политики приходит как самоцель экономическая политика»⁵³⁰. Экономическое мышление переводит все на рационально-денежную плоскость, которая приобретает самодовлеющее значение и становится конечным критерием всего, включая искусство и науку.

Тенденция к такому плоско экономическому пониманию мира ярко проявилась, например, в реформе РАН, когда заговорили о том, что главной функцией РАН должна быть не фундаментальная наука, а экспертиза. Это значит, что к ученым обращаются не как к ученым, т.е. мыслящему человеку, исследующему определенные сферы бытия, но лишь по необходимости оправдания определенных проектов. То есть в РАН будут ходить по экономической нужде. Такое понимание, что Академия наук должна быть экспертным сообществом — это уровень мышления комсомольского лидера, который считал, что Пушкина нужно читать для того, чтобы избегать бюрократизмов, для гладкости языка⁵³¹.

И, наконец, нельзя не сказать о том, как мыслится сейчас обучение — т.е. способы передачи знаний из поколения в поколение. Высший этап в развитии структуры обучения представляет, по-видимому, университет братьев Гумбольдтов, благодаря которому Германия вышла в XIX в. на первое место в мировой науке и во многом определила ее развитие в веке XX-м. В университете на первом месте должны стоять научные исследования, и на втором — преподавание. Сейчас идет процесс, который был определен Биллом Ридингсом как

⁵³⁰ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М., 1998. С. 500.

⁵³¹ Я имею в виду предисловие А. Косарева к юбилейному изданию нашего классика, вышедшему в 1937 г.

процесс перехода от университета качества к университету совершенства. Этот процесс определяется тем, что университет становится корпорацией в корпорации. Экономизм превращает университет в корпорацию и тем самым убивает свободную мысль, ставя ее в зависимость от приносимой выгоды. «Государство — лишь огромная корпорация, которая все больше исполняет роль служанки всепроникающего транснационального капитала. Правительственная структура национального государства уже не является организующим центром существования людей на планете, а Университет Совершенства служит только самому себе: еще одной корпорации в мире транснационально обмениваемого капитала»⁵³². Если Эдгар Робинсон, президент Стэнфордского университета, в 1928 г. призвал студентов «надежно строить и вдумчиво готовиться к труду гражданина», то, в противоположность этому, администрирование знаний означает лишь, что будущему работодателю выгодно, если студенты будут знать мало, хотя развитие информационных технологий еще больше сужает объем этих знаний»⁵³³. (У нас этот процесс перестройки образования с примитивной одноклеточной последовательностью проводится в форме стандартизации и «компетентизации» образования.) Происходит процесс встраивания ученых в определенные корпоративные системы, и как до этого мудрецы уступили место ученым, так теперь ученые уступают место специалистам.

В свое время Александр Павлович был составителем книги А. Тойнби, посвященной судьбам цивилизаций⁵³⁴. Говоря о современности, Тойнби пишет, что «цивилизации третьего поколения представляют собой регressiveное явление относительно высших религий, поднявшихся из руин цивилизаций предыдущего поколения; ибо мирское падение мертвых цивилизаций должно судить по высотам их духовных достижений, а мирское падение ныне живых цивилизаций должно судить с точки зрения тех условий, которые они сумели создать для жизни Души. А с этой точки зрения их вряд ли можно будет оценить достаточно высоко»⁵³⁵.

⁵³² Ридинг Б. Университет в руинах. Минск, 2009. С. 70.

⁵³³ Там же. С. 122–123.

⁵³⁴ Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991.

⁵³⁵ Там же. С. 529.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности переживаемой сейчас трансформации, можно предположить, что, с учетом упомянутых выше тенденций, такие ученые, как А.П. Огурцов, скроются «в катакомбах, пустынях и пещерах», а такие труды, как «Философия науки: двадцатый век», останутся памятниками великой эпохи ученых.

Б.Г. Юдин

ПУТЕШЕСТВИЕ В БИОЭТИКУ

После того, как в январе 1976 г. внезапно умер мой старший брат Эрик, на протяжении многих лет Саня⁵³⁶ Огурцов был для меня самым близким человеком. Именно Эрик и познакомил нас с Саней.

Предыстория этого знакомства такова. В 1955 г. Эрик, защитив кандидатскую диссертацию по философии, был распределен на работу в Томский пединститут. А уже в следующем году, после того, как советские войска вторглись в Венгрию для подавления вспыхнувшего там восстания, Эрик выступил на институтском партсобрании. В своей речи он критически отозвался не только о порядках в местных партийных инстанциях, но и о советской внешней и внутренней политике в целом. Итогами этого выступления стали последовательно исключение из партии, увольнение с работы, арест и осуждение на 10 лет за антисоветскую деятельность по печально известной в отечественной истории статье 58–10.

Впрочем, в самом конце 1959 г., благодаря хлопотам наших родителей, срок заключения был снижен до

⁵³⁶ В нашем повседневном общении он был для меня, как и едва ли не для всех, с кем ему приходилось иметь дело, Саней. Именно так мне проще и естественней именовать его в тех местах статьи, где речь будет идти о житейских реалиях. Столь же естественным будет говорить о нем как об Александре Павловиче Огурцове при обсуждении того, что им было сделано и опубликовано как исследователем.

фактически отбытого, и вскоре после этого мой брат вернулся в Москву. В течение нескольких лет после освобождения ему, как идеологически неблагонадежному, было невозможно получить работу по специальности — вместо этого пришлось трудиться прессовщиком на заводе резинотехнических изделий. Для занятий философией оставалось только «свободное от работы время».

Лишь в 1964 г. с помощью друзей ему удалось стать научным редактором в философской редакции издательства «Советская энциклопедия». Тогда шла подготовка к публикации двух заключительных, четвертого и пятого, томов «Философской энциклопедии», и в ведении Эрика оказались проблемы диамата и философских вопросов естествознания — то, что в наши дни именуют теорией познания и философией науки. Он и привлек Саню в качестве автора ряда чрезвычайно важных и объемных статей, таких, как отчуждение, практика и рефлексия. Впоследствии, объединив эти три статьи под одной обложкой, А.П. Огурцов защитил кандидатскую диссертацию.

В те годы я был еще студентом МВТУ им. Баумана, и под сильным, можно сказать, определяющим, влиянием брата только начинал интересоваться и заниматься философией. Саня, профессиональный философ, поначалу представлялся мне человеком, хотя в обиходе очень простым и доступным, но, тем не менее, обитающим в каких-то высших сферах, особенно учитывая то, что я знал о нем как об авторе нескольких ключевых статей в таком чрезвычайно авторитетном издании, как знаменитая «Философская энциклопедия».

Последний, пятый том этой энциклопедии вышел в 1967 г.; в этом же году Саня защитил кандидатскую диссертацию. А в следующем 1968 г., после подписания письма в защиту диссидентов А. Гинзбурга, Ю. Галанского и их товарищей, его исключили из КПСС и уволили с работы в академическом Институте международного рабочего движения (ИМРД). По его рассказам, в соответствующей партийной инстанции ему предлагали покаяться в содеянном, признать свою ошибку, и тогда все обошлось бы минимальными санкциями. Он, однако, оказался неуступчивым и предпочел статус «идеологически неблагонадежного», не поступившись своими убеждениями. Подобные предложения делались ему и в дальнейшем, как правило, из самых лучших побуждений, но он отвечал неизменным и решительным отказом. Его «поражение в правах» длилось около двадцати долгих лет и пришлось на тот

период его жизни, который, вообще говоря, принято считать наиболее продуктивным.

Друзьям удалось устроить Саню на техническую по сути дела должность, сначала в Советской социологической ассоциации, а затем — в группе по истории социологии Института конкретных социальных исследований АН СССР. Ему была поручена подготовка социологического словаря, что включало работу по составлению словарника, подбору авторов, редактированию статей. При этом очень многие статьи, за неимением либо нежелания специалистов, Сане пришлось писать самому — ситуация, в которой впоследствии он оказывался довольно часто при подготовке разного рода словарных и энциклопедических изданий. Я помню, например, как ему пришлось тащить на себе «Новую философскую энциклопедию». Какое-то время он вел эту работу, даже находясь на больничной койке по поводу операции на сердце (я сам в это время лежал в другом отделении той же больницы — Института трансплантологии и искусственных органов).

К моменту смерти моего старшего брата у нас уже сложилась довольно-таки тесная компания, в которую помимо Эрика и Сани входил также Николай Григорьевич Кристостурьян. Он работал редактором в партийном журнале «Политическое самообразование», а мы все были идеологически неблагонадежными, хотя и в разной степени: у Эрика за спиной была отсидка по политической статье, Саня был исключен из партии, а я как-то подвергся проработке с высокой трибуны партийного совещания, на котором мою статью критически отметил тогдашний секретарь Московского горкома партии по идеологии.

Мы с Саней, помимо того, что были близкими друзьями, на протяжении многих лет оказывались сотрудниками одних и тех же учреждений. Так, когда в начале 1979 г. я стал младшим научным сотрудником в возглавлявшемся Юрием Александровичем Левадой секторе Института конкретных социальных исследований, Саня уже работал в этом же Институте. А в 1973 г. я перешел в редакцию журнала «Вопросы философии», в которой он работал лет за десять до этого. Из «Вопросов» я в 1977 г. перевелся в Институт истории естествознания и техники, сотрудником которого Саня был уже несколько лет. В конце нашего пребывания в ИИЕТе он много времени и сил уделял журналу «Вопросы истории естествознания и техники», в котором я тогда стал главным редактором. Колossalную редакторскую работу в журнале вела тог-

да Света Неретина, с которой у Сани постепенно сложились тесные, вплоть до семейных, отношения. Наконец, в составе одной довольно большой компании мы с Саней и Светой в 1988 г. перешли из ИИЕТА в Институт философии РАН, в котором он и проработал до последних дней жизни.

Одной из ярких черт творчества Александра Павловича был его острый интерес ко вновь возникающим исследовательским областям и проблемам. Поэтому для меня нисколько не стало неожиданным то, что он стал одним из первых в нашей стране среди тех, кто обратился к изучению биоэтической проблематики. Важную роль в этом сыграла состоявшаяся в 1989 г. поездка небольшой группы советских философов в ведущие биоэтические центры США. Это был ответный визит после состоявшегося несколькими месяцами ранее посещения Москвы и Тбилиси рядом ведущих американских философов, специализирующихся в биоэтике, включая А. Каплана, Д. Уиклера, Р. Уитча, Д. Брука, Б. Герта и Р. Деджорджа, в рамках которого и состоялось наше первое знакомство с биоэтикой. В ходе поездки в США, в которой участвовали, помимо Огурцова и меня, также П.Д. Тищенко и В.Н. Игнатьев, мы посетили Гастингский центр близ Нью-Йорка, Институт этики им. Кеннеди при Джорджтаунском университете в Вашингтоне. Кроме того, нам довелось поучаствовать в заседании биоэтической секции на очередном ежегодном съезде Американского философского общества, состоявшемся в Нью-Орлеане. В ходе этой поездки Огурцов, как и все мы, получил возможность познакомиться с тематикой тех дискуссий по биоэтическим проблемам, которые проходили тогда в США. Насколько я помню, для Огурцова эта зарубежная поездка была первой. Так началось наше путешествие в биоэтику, которое у Сани продлилось несколько лет, а у меня длится уже несколько десятилетий.

Вернувшись домой, Александр Павлович стал основательно заниматься этой проблематикой, которая в нашей стране была тогда практически неизвестной никому за исключением довольно узкого круга тех, кто занимался медицинской этикой. Эта последняя, впрочем, по своему содержанию была какой-то беззубой, во многом сводилась к морализаторству по поводу долга врача и набору образцов-примеров из деятельности светил медицины, которым удавалось легко решать возни-

кавшие перед ними моральные затруднения. По своей сути она была чем-то вроде этики добродетелей, обсуждавшей притом не столько реальные моральные проблемы, с которыми врачу приходится сталкиваться в своей повседневной практике, сколько перечни необходимых врачу положительных качеств.

Вот как сам Огурцов характеризовал причины возникновения биоэтики: «Формирование биоэтики обусловлено, прежде всего, теми грандиозными изменениями, которые произошли в технологическом перевооружении современной медицины, кардинальными сдвигами в медикоклинической практике, которые нашли свое выражение в успехах генной инженерии, трансплантации органов, биотехнологии, поддержании жизни пациента. Все эти процессы невиданным образом обострили моральные проблемы, встающие перед врачом, перед родственниками больных, перед медицинским персоналом. Существуют ли пределы и каковы они в поддержании жизни смертельно больного человека? Допустима ли эвтаназия? С какого момента следует считать наступление смерти? С какого момента зародыш можно считать живым существом? Допустимы ли abortionы? Или abortionы есть убийство живых существ? Таковы лишь некоторые из тех вопросов, которые встают перед врачом, да и перед широкой общественностью в условиях невиданного технологического оснащения современной медицины в развитых странах»⁵³⁷.

Как видим, на первое место он ставит бурный технологический прогресс в области медицины, порождающий или обостряющий многие моральные проблемы, с которыми приходится сталкиваться в медицинской практике. Вместе с тем — и это имеет принципиальное значение — он отмечает, что непростые задачи морального выбора приходится решать не одним только медикам. Тем самым он обозначает две существенных особенности, отличающих биоэтику от традиционной медицинской (или врачебной) этики. Во-первых, если последняя по большей части носила корпоративный характер, то в биоэтике в поиски решений возникающих моральных проблем вовлекаются и пациенты, и испытуемые (коль скоро речь идет о биомедицинских исследованиях), и упоминаемая Огурцовым «широкая общественность». Во-вторых, традиционная медицинская этика носит патер-

⁵³⁷ Огурцов А.П. Этика жизни или биоэтика: аксиологические альтернативы // Вопросы философии. 1994. №3. С. 49–51.

налистский характер — это значит, что врач лучше пациента знает, что является благом для последнего, а потому вправе единолично принимать касающиеся пациента решения. Для биоэтики же принципиальное значение имеет принцип уважения автономии пациента — предполагается, что пациент активно участвует в принятии решений о том, каким диагностическим и терапевтическим процедурам он будет подвергаться. Свое конкретное выражение этот принцип находит в правиле информированного согласия, в соответствии с которым в круг обязанностей врача входит информирование пациента о его состоянии, возможных вариантах лечения и т.п., а также получение согласия пациента на предлагаемое врачом лечение.

Надо сказать, увлечение Александра Павловича биоэтикой, хотя оно было не очень продолжительным, оказалось, тем не менее, весьма основательным и продуктивным. Сегодня можно со всей определенностью утверждать, что он сделал немало для развития биоэтики в нашей стране. Вскоре после поездки в США мы с ним начали читать спецкурс по философским основаниям биоэтики на кафедре философской антропологии философского факультета МГУ им. Ломоносова. При этом Александр Павлович взялся за то, что можно было бы назвать историко-философским введением — не только в биоэтику, но и более широко — в философию медицины.

Он прочел всего несколько лекций, которые мне посчастливилось послушать. Эти лекции составили, по сути дела, краткий курс истории античной философии. Но подготовленный им курс оказался совершенно новаторским, резко отличным от любого стандартного курса по этому предмету. Обычно каждый такой курс выстраивается вокруг онтологической и когнитивной проблематики, затем могут освещаться темы, относящиеся к социальным и политическим учениям, к этике и т.д. Но в центре того курса, который прочел Александр Павлович, была иная тематика: он рассказывал об античном понимании болезни и здоровья, жизни и смерти человека, о том, насколько человек подвержен боли и страданиям, о тех смыслах, которые люди вкладывали в целительные практики.

На мой взгляд, Огурцов самым убедительным образом показал, что эти сюжеты вовсе не были боковыми, мало значащими для античного философствования, что они позволяют более

объемно представить те трактовки человека, которые были характерны для философии тех времен. Тем самым и античный человек раскрывался как существо не только познающее и рассуждающее, но вместе с тем и вполне земное и плотское. Я тогда неоднократно просил Александра Павловича подумать о подготовке этих материалов к публикации, и он вроде бы был не против. Но, увы, в повседневной текущке он так и не выкроил для этого времени. Я думаю, сделанные им при подготовке к лекциям записи лежат где-то в его архивах, и если бы их удалось обнаружить, находка была бы попросту бесценной!

Следующим важным шагом биоэтического путешествия Александра Павловича стала подготовка, проведение и публикация материалов Круглого стола, посвященного биоэтике, в журнале «Вопросы философии»⁵³⁸. Огурцов работал тогда в редакции журнала, и именно у него возникла идея проведения дискуссии по биоэтической проблематике. Заседание круглого стола, проходившее зимой 1992 г., запомнилось мне, помимо всего прочего, сильным холодом, который стоял тогда в неотапливаемом помещении редакции.

Публикация материалов этой дискуссии стала одним из первых шагов на пути ознакомления российской общественности не только с проблематикой, но и с самим термином «биоэтика». Так, за несколько месяцев до этого мы попытались создать при Академии наук (тогда еще СССР) Научный Совет по биоэтике. По инициативе академика И.Т. Фролова вопрос был вынесен на заседание Президиума Академии. Однако тогдашний Президент Академии Г.И. Марчук высказался в том духе, что он не понимает, что такое биоэтика, и это его непонимание стало единственным, но и решающим аргументом против создания Научного Совета. Фролов, впрочем, нашел другое, весьма остроумное решение проблемы: Российский национальный комитет по биоэтике был учрежден при Отделении философии и права АН СССР.

Одним из результатов публикации дискуссии по биоэтике в «Вопросах философии» стало то, что интерес к биоэтической тематике был проявлен Русской православной церковью. В своем выступлении я заметил, что за рубежом очень заметную роль в постановке и обсуждении биоэтических проблем

⁵³⁸ Биоэтика: проблемы, трудности, перспективы // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 3–29.

играют представители церкви и что этого, к сожалению, нет в нашей стране. А через несколько месяцев после публикации Саша рассказал мне, что в редакцию журнала пришло письмо от отца Николая Балашова, священника из Вологодской области. Я посмотрел это письмо. В нем отец Николай соглашался с важностью биоэтической проблематики для РПЦ, писал, что сам он этой проблематикой интересуется и занимается, но сетовал на то, что в связи с изменением позиций РПЦ в обществе служителям церкви приходится решать множество новых задач, так что до биоэтики просто не доходят руки. По моему предложению это письмо было опубликовано в «Вопросах».

Помимо этого, я и сам написал отцу Николаю. Из его ответного письма выяснилось, что он знаком с работами по биоэтике, принадлежащими служителям греческой православной церкви. Мы договорились с ним о том, что он подготовит публикацию некоторых из этих материалов для журнала «Человек», а затем опубликовали в «Человеке» и статью самого отца Николая, посвященную позиции церкви по отношению к проблемам абортов и вспомогательных репродуктивных технологий. В процессе нашего сотрудничества менялось положение отца Николая: из Вологодской области он перебрался в Москву, стал сотрудником, а затем и заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата.

Еще один этап путешествия Огурцова в биоэтику был продиктован присущим ему глубоким интересом к истории науки и философии. Этот интерес привел его к поискам источников тех идей и концепций, которые можно рассматривать как предшественников биоэтики, и нашел выражение в уже цитированной статье «Этика жизни или биоэтика: аксиологические альтернативы». Статья открывала посвященную биоэтике подборку, которая была опубликована в третьем номере «Вопросов философии» за 1994 г. Отмечу, впрочем, что некоторые идеи этой статьи Огурцов излагал еще в своем выступлении на биоэтической секции годичного собрания Американского философского общества в Нью-Орлеане, которое состоялось в ходе уже упоминавшейся нашей поездки в Штаты в 1989 г.

Замысел статьи отчетливо выражен в следующем замечании автора: «Развитие биоэтики в нашей стране предполагает

осмысление тех традиций, которые существовали в этической мысли в России, анализ их философских оснований и тех горизонтов, которые они открывают в новых отношениях человека к жизни». Определяя проблемное поле биоэтики, Огурцов противопоставляет две ее трактовки. В соответствии с одной из них, «биоэтику пытаются отождествить с биомедицинской этикой, ограничив ее содержание этическими проблемами отношений «врач – пациент». Другая, более широкая трактовка исходит из такого понимания биоэтики, которое включает в себя «ряд аксиологических проблем профессиональной деятельности, смежной с врачебной, ряд социальных проблем, связанных с системами здравоохранения и, наконец, проблем, относящихся к отношению человека к животным и растениям».

Надо сказать, противопоставление этих двух трактовок биоэтики имеет долгую историю. Согласно первой из них, биоэтическая проблематика фокусируется вокруг понятий человека, личности. В литературе такая трактовка в общем и целом является преобладающей. Вторая трактовка, которую принято связывать с В.Р. Поттером, который, как считалось до недавнего времени, первым употребил сам этот термин. В отличие от первой трактовки, которую можно назвать антропоцентрической, Поттеровское понимание биоэтики более экологично, что и имеет в виду Огурцов, когда он говорит о проблемах отношения человека к животным и растениям. Впрочем, сегодня биоэтика антропоцентрического типа все больше включает в себя, выражаясь словами Огурцова, и проблемы «профессиональной деятельности, смежной с врачебной», и «социальные проблемы, связанные с системами здравоохранения». Как выясняется, в современных сложных системах, призванных обеспечивать организацию эффективной и доступной медицинской помощи возникает немало проблем, требующих этической рефлексии.

Так или иначе, в своей статье А.П. Огурцов ориентируется именно на экологическое понимание биоэтики, в фокусе которого находятся понятия «живое», «жизнь». В этой связи он и обращается к тем традициям отечественной этической мысли конца XIX – начала XX столетий, которые концентрировались на понятии жизни. Чрезвычайно интересно со-поставить эти изыскания Александра Павловича с тем, что писал по поводу биоэтики протестантский пастор из города Галле, что в Саксонии, Фриц Яр (1895–1953).

Как показал профессор философии Пурского университе-

та Х.-М. Сасс, специализирующийся в области биоэтики⁵³⁹, еще в 20-е годы, задолго до Поттера, Яр предложил термин «биоэтика». Яр понимал биоэтику примерно в том же смысле, что и Поттер: он совсем не касался этических проблем медицины и здравоохранения, его интересы были сосредоточены на этике отношения человека к животным и растениям. Вот как Яр формулировал свой биоэтический императив: «*Уважай каждое живое существо исходя из того, что оно является целью само по себе, и по возможности относись к нему соответствующим образом!*»⁵⁴⁰

В статьях, посвященных обоснованию биоэтики, Яр ссылался главным образом на немецкую литературу примерно того же периода – конца XIX – начала XX в., что и Огурцов. Яр упоминал многих авторов – философов, биологов и др., рассуждавших о необходимости защищать жизнь животных и растений. Что касается Огурцова, он рассматривал идеи русских философов и ученых, касающихся живого мира в целом. Характерно, что он не только принял это широкое (экологическое) понимание биоэтики, но и представил его как выражение общей направленности русской этической мысли в целом: «Русскую этическую мысль можно назвать этикой жизни. Для нее характерно прежде всего осознание самоценности жизни, нравственное освящение жизни как фундаментальной ценности...»

В концепциях русских мыслителей, обращавшихся к этой тематике, Огурцов различал две тенденции. Одна из них базировалась на предпосылках, заимствованных из религиозных и философских источников, другая стимулировалась достижениями естественных наук. Конечно же, каждая из них включала множество различных взглядов. Некоторые авторы опирались на идеи православия, которые «задавали фундаментальную систему отсчета этических построений русских философов – от космизма этики всеединства В.С. Соловьев-

⁵³⁹ Sass H.-M. Fritz Jahr's Bioethischer Imperativ. 80 Jahre Bioethik in Deutschland von 1927 bis 2007. Bochum: Zentrum medizinische Ethik; an Adobe pdf file is available at <http://www.ethik-in-derpraxis.de/bioethik/MM175.pdf>; Fritz Jahr's 1927 Concept of Bioethics // Kennedy Institute of Ethics J. 2007. V. 17, No 4. P. 279–295.

⁵⁴⁰ Яр Ф. Био-этика: об этике отношений человека к животным и растениям // Человек. 2013. № 6. См. также: Юдин Б.Г. Биоэтический императив Фрица Яра // Человек. 2013. № 6.

ва до философской антропологии Н.А. Бердяева, от проекта Н.Ф. Федорова воскрешения отцов и победы над смертью до христианского социализма С. Булгакова». Идеи православия, как мы видим, послужили истоком весьма различающихся между собой философско-этических концепций.

Как отмечает Огурцов, осмысляя отношение человека к природе, Соловьев видит в нравственном одухотворении природы путь утверждения добра: «Цель труда по отношению к материальной природе не есть пользование ею для добывания веществ и денег, а совершенствование ее самой — оживление в ней мертвого, одухотворение вещественного <...> Без любви к природе для нее самой нельзя осуществить нравственную организацию материальной жизни <...> В общей жизни человечества борьба с внешнею земной природой и покорение ее есть только необходимый переход, а не окончательная норма деятельности: нормальная деятельность здесь есть культивирование земли, ухаживание за нею, в виду ее будущего обновления и возрождения»⁵⁴¹. Как представляется, в этих словах выражены примерно те же интуиции, которые характерны и для биоэтической концепции Яра.

В целом, как констатирует Огурцов, этические концепции, развитые в русской религиозной философии, не смогли стать теоретическим основанием для построения биоэтики: «Они лишь задавали ведущий вектор отношения человека к миру, к жизни, к окружающей природе. К сожалению, они, будучи весьма спекулятивными, были далеки от моральных коллизий, возникавших в повседневной жизни, в медицинской практике, в отношениях человека к живым существам»⁵⁴².

Другая рассмотренная Огурцовыми линия философской мысли, которую можно отнести к этике жизни, — это так называемая «живая этика», близкая к буддизму. Наиболее известный ее представитель — художник, писатель, археолог и философ Николай Рерих. Согласно его учению, наша планета вступила в эпоху Огня. При этом все более важную роль приобретают психические и космические энергии. Овладение психическими энергиями предполагает моральное преобразование природы. По представлениям Рериха, средоточие психической энергии — это сердце, которое является вместе с

⁵⁴¹ Соловьев В. С. Собр. соч. Т. 8. СПб., 1914. С. 384–385.

⁵⁴² Огурцов А.П.. Ук. соч. С. 49–61.

тем и частью общей, космической энергии. Поэтому духовное преображение человека осуществляется не в одиночестве, а в общине, в сотрудничестве с космической иерархией. Этика Рериха, согласно Огурцову, — это этика взаимной солидарности, милосердия и справедливости.

Определенные связи с религией и философией буддизма обнаруживаются и в «космической этике» К.Э. Циолковского, который базировал свою философию панпсихизма на идеях одушевленности Вселенной и существовании бессмертных духовных атомов, которые блуждают по миру и вселяются в разные организмы. По словам Огурцова, главный принцип этики Циолковского — это требование, чтобы «все живое благоденствовало», ведь «жизнь непрерывна, смерти нет»⁵⁴³. Можно отметить, что и биоэтика Яра, и «этики жизни» в России используют некоторые импульсы, исходящие из восточных религиозных и философских источников.

Для другой из выделенных Огурцовым тенденций в русской «этике жизни» — натуралистической — характерна ориентация на естественные науки, прежде всего на биологию. Натуралистическим концепциям свойственна интенция интерпретировать жизнь как естественный и исторический феномен и базировать этику на идеях борьбы со смертью.

Характерной в этой связи представляется концепция физика и математика Николая Умова (1846–1915), который настаивал на специфичности живого с точки зрения его организации. Вследствие этого, считал Умов, для достижения жизни недостаточно понятий и методов физики. Раскрывая позицию Умова, Огурцов отмечает, что «специфика жизни заключается в ее анти-энтропийности, в том, что всегда связано с борьбой с тем, что Умов называет «нестройностью». Этот термин по своей сути тождествен тому, что в современной физике называют хаосом, неорганизованностью, беспорядком»⁵⁴⁴. Далее Огурцов приводит чрезвычайно яркую цитату Умова: «Нестройность есть то вероятное состояние, к которому стремится неорганизованная природа. Напротив, стройность движений есть основа организованной материи... Картина превращения нестройности в стройность представляет и историческая жизнь человеческого общества <...> При-

⁵⁴³ Циолковский К.Э. Грезы о земле и небе. Тула, 1986. С. 365.

⁵⁴⁴ Огурцов А.П. Ук. соч. С. 56.

рожденные нам стройности заключают уже в себе элементы этики. Нравственные принципы не могли бы руководить поведением существ, природа которых была бы образована из нестройностей»⁵⁴⁵. Этика, согласно Умову, неразрывно связана с естествознанием и должна базироваться на понимании специфичности живого. Так что сама этика, ее основания должны быть выведены из жизни, из первичных форм тех стройностей, которые существуют в органической жизни и в ходе эволюции живого развиваются до высшей формы — этических идеалов добра и любви. Тем самым Умов задает новый ориентир этике — ориентир борьбы с силами хаоса, беспорядка во имя утверждения жизни. «Величественная задача гения человечества — охранение, утверждение жизни на земле».

Умовская концепция этики жизни в существенной степени базируется на дарвиновском понимании биологической эволюции. Как известно, эволюционное учение Дарвина породило огромное множество натуралистических версий этики; при этом в России особенно популярными были такие трактовки, в которых роль борьбы за существование и выживания наиболее приспособленных как ключевых факторов эволюции занимала, а то и вовсе отвергалась⁵⁴⁶. На первую же роль выдвигалось начало организованности, то, что Умов называл стройностью.

В этой связи интересно сопоставить концепции Умова и Яра. Оба они пытались обосновать более широкое, чем было принято, понимание этики; оба стремились включить в сферу компетенции этики живое целое, а не только жизнь человека. Если же говорить о концептуальных различиях между ними, то следует обратить внимание, прежде всего, на противоположную направленность их размышлений: Умов исходил из жизни как наиболее общего этического понятия, тогда как Яр отталкивался от этики, понимаемой как область межчеловеческих, межличностных отношений и шел по пути расширения ее до более общей, если угодно, глобальной, включая в

⁵⁴⁵ Умов Н.А. Собр. соч. М., 1916. Т. 3. С. 162.

⁵⁴⁶ См. в этой связи: Галл Я.М. Борьба за существование как фактор эволюции. Л., 1976. Особенно важна в этом смысле глава 1: «Проблема борьбы за существование в эволюционной теории XX века». (Gall Ya. M.. The Struggle for Existence as a Factor of Evolution. Leningrad: Nayka Publishers, 1976.(In Russian). Especially Chapter 1.of the book, entitled «The Problem of Struggle for Existence in Evolution Theory of the 20th century».

нее отношения людей ко всей сфере животных и растительных организмов.

Огурцов противопоставляет умовское понимание этики, которое неразрывно связано с жизнью, тому пониманию, которое было характерно для неокантианцев с ключевым для них различием должного и сущего. Аналогичным образом Сасс противопоставляет узкую (и формальную), с его точки зрения, трактовку категорического императива у Канта более широкому биоэтическому императиву Яра.

Еще один представитель натуралистической линии в «этике жизни», к творчеству которого обращается Огурцов, — это князь П.А. Кропотkin (1842–1921). Подобно многим другим русским мыслителям, развивавшим различные версии этики жизни, и подобно Яру, Кропоткин также испытал сильное влияние идей Дарвина. Для Яра, впрочем, в учении Дарвина важнее всего была идея родства человека с животными и растениями⁵⁴⁷, тогда как Кропоткин воспринимал Дарвина более серьезно. Он описывал и обсуждал взаимоотношения не только между человеком и другими видами, но и внутри различных видов, раскрывая в этих взаимоотношениях основания этики. Свою этику альтруизма он считал основывающейся на естествознании, и прежде всего — на эволюционной теории Дарвина.

Заканчивая рассмотрение интереснейшей работы Огурцова, посвященной сопоставлению различных концепций «этики жизни», предложенных российскими авторами, с биоэтикой, я хотел бы отметить следующее. Слово «биоэтика» образовано из греческих корней, и в переводе на русский оно выглядело бы именно как «этика жизни». Это обстоятельство можно интерпретировать в том смысле, что русскими философами и учеными было предложено много различных подходов к глобальной и интегральной биоэтике.

В работах Фрица Яра мне удалось обнаружить только одну ссылку на русского автора. В статье, опубликованной в 1928 г., Яр писал: «Высказывание графа Льва Толстого: “От убийства животного до убийства человека — один шаг” может показаться чересчур строгим, однако его позиция выражает

⁵⁴⁷ См.: Engels E.- M. The importance of Charles Darwin’s theory for Fritz Jahr’s conception of bioethics / Fritz Jahr and foundations of global bioethics: the future of integrative bioethics. Ed. by A. Muzur, H.-M. Sass. Münster, 2012. P. 97–120.

идею и понимание Канта»⁵⁴⁸. К сожалению, ни в 1928 г., ни в 1934 г., когда Яр пытался переосмыслить Пятую заповедь⁵⁴⁹, он никак не мог знать о работе Льва Толстого «Путь жизни», которая была написана в 1910 г., но впервые опубликована лишь в 1956 г.. Толстой писал: «*Не убий* относится не к человеку только, но и ко всему живому. Заповедь эта была записана в сердце человека прежде, чем она была записана на скрижалях»⁵⁵⁰.

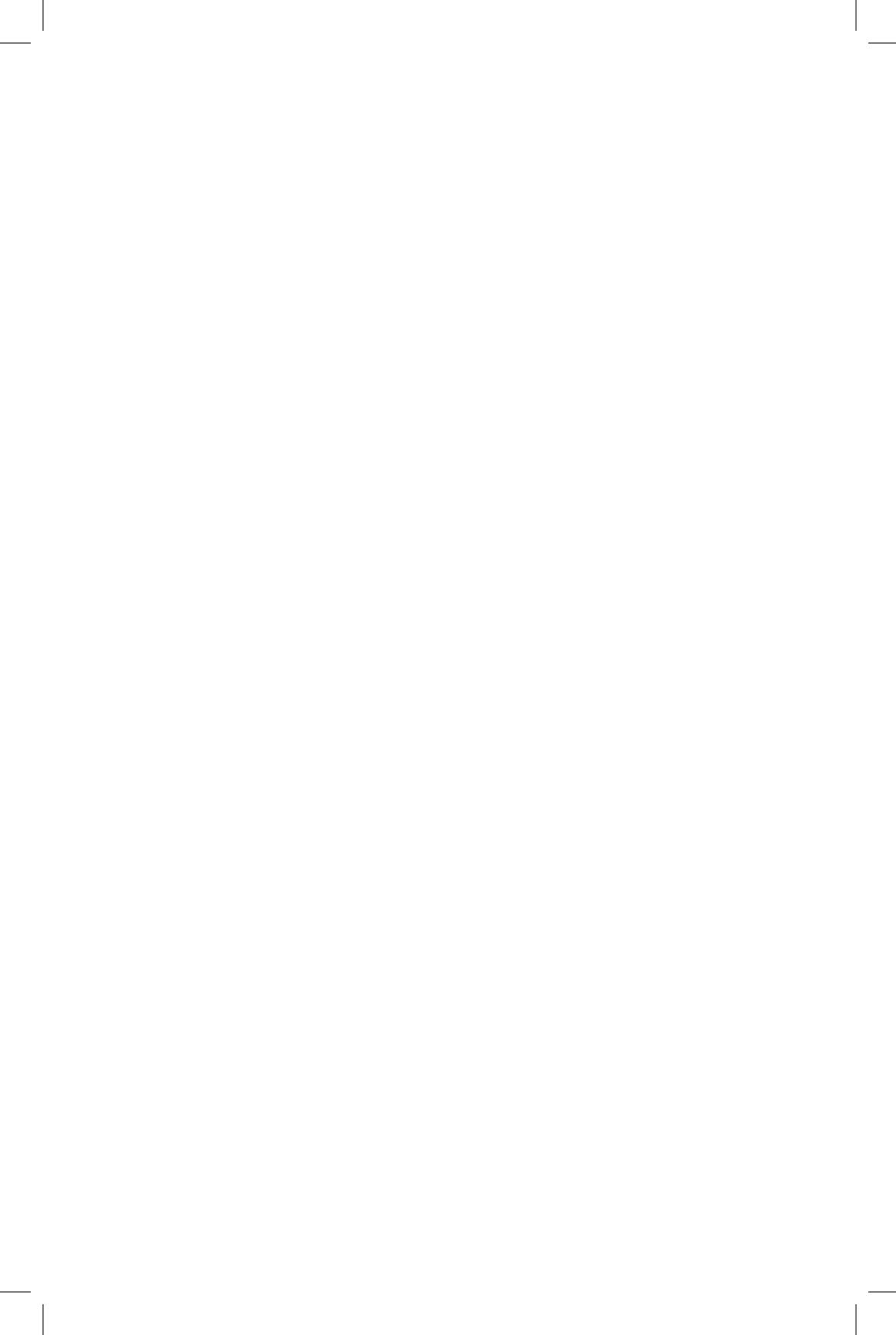
В ходе своего недолгого путешествия в область биоэтики Огурцову удалось получить весьма нетривиальные результаты. Мне представляется чрезвычайно ценной его попытка такой трактовки истории античной философии, когда во главу угла ставится не отвлеченное умозрение, выражаемое в абстрактно-всеобщих понятиях, а то, что относится непосредственно к жизненному миру человека. Вообще говоря, по своим воззрениям Огурцов был убежденным и последовательным рационалистом; тем не менее, как мне стало ясно из прочтенного им «биоэтизированного» курса античной философии, рамки его рационализма были достаточно широкими, чтобы вместить и то, что касается иных сторон человеческого существования.

Я полагаю также, что сходные дилеммы и интуиции стояли и за той статьей Огурцова, в которой он сопрягал отечественную традицию этики жизни с американской биоэтикой. Его не удовлетворяло то, что биоэтика, какой мы увидели ее во время нашей поездки в США, в основном ограничивалась областью медицинской практики, взаимоотношений врача и пациента, тогда как интересы Огурцова были скорее экологическими, и в этом смысле более широкими. Некоторые тенденции в развитии современной биоэтики, в частности, быстро растущий интерес к проблематике общественного здоровья и ее этическим аспектам, как и влиянию на общественное здоровье экологических факторов, являются свидетельством того, что биоэтические идеи Огурцова заслуживают сегодня нового прочтения и приобретают особую актуальность.

⁵⁴⁸ Jahr F. Animal Protection and Ethics / Fritz Jahr. Essays in Bioethics 1924–1948. Lit Verl. Münster; B., 2013. P. 37.

⁵⁴⁹ Jahr F. Three Studies on the 5th Commandment / Ibid., P. 77–84.

⁵⁵⁰ Толстой Л.Н. Путь жизни. Полн. Собр. Соч. т. 45. М., 1956. С. 52.

III

В.А. Бажанов

**АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ ОГУРЦОВ.
КАКИМ Я ЕГО ПОМНЮ**

Александра Павловича я помню еще с того периода, когда он работал в Институте истории естествознания и техники АН СССР (ИИЕТ). В середине 1980-х гг. я плотно занимался научной биографией оригинального логика Николая Александровича Васильева (1880–1940), который предложил «воображаемую логику», ставшую предтечей современной неклассической логики. Кроме того, известными учеными в семействе Васильевых были отец Николая Александровича А.В. Васильев, известный математик и организатор математического образования в России, его дед В.П. Васильев, один из родоначальников отечественного востоковедения, а прадед И.М. Симонов – видный астроном, путешественник и ректор Казанского университета после Н.И. Лобачевского. В этом институте я делал несколько докладов, в частности, на семинаре по истории математики, которым руководил А.П. Юшкевич. Интерес к фигуре Н.А. Васильева был весьма значителен, и на этот семинар приходили многие сотрудники ИИЕТ. Помнится, что на одном из них присутствовал и АП, который также проявил живой интерес к идеям Н.А. Васильева.

Кажется, не было тех пределов, которые ограничивали интересы АП. Его познания в области истории науки и истории философии просто поражали. АП

вполне можно отнести к той ныне уникальной касте энциклопедистов, причем обладающих не поверхностными знаниями о широком круге научных дисциплин, а глубоким пониманием особенностей их эволюции и деталей развития. Едва ли не во всех историко-научных работах АП можно увидеть именно такое виртуозное владение предметом исследования и вдумчивый анализ. Он умел сложные вещи изложить просто, своими идеями делился охотно и относился ко всем в высшей степени доброжелательно.

На XI международной конференции «Логика, методология, философия науки», которая проходила в 1995 г. в Обнинске, АП предложил мне, как представителю провинциальной России, войти в экспертный совет сравнительно недавно созданного Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). В нем АП исполнял обязанности координатора философской секции. Таким образом, с осени-зимы этого года, когда началась очередная кампания экспертизы заявок на гранты РГНФ, мы начали работать совместно, встречаясь, по меньшей мере, несколько раз в год. Экспертная работа велась вручную, а не по Интернету, как в последнее время. Поэтому эксперты проводили в РГНФ несколько дней, знакомясь с присланными на конкурс заявками и оценивая их в виде письменных рецензий. Общение с АП было очень полезным, поскольку я собственными глазами видел, как АП работает, а его замечания по поводу грантовых проектов всегда были точными и корректными.

Через несколько лет АП покинул РГНФ. Мы стали встречаться реже (в основном, когда я имел возможность заглянуть в Институт философии РАН), но регулярно обменивались письмами по электронной почте — в основном приуроченными к каким-то праздникам.

Когда в 2007 г. вышла моя книга «История логики в России и СССР. Концептуальный контекст университетской философии» (М.: Канон+, 2007), то я, конечно же, подарил ее АП. Он откликнулся электронным письмом от 2 января 2008 г. В этом письме АП высказывал свои соображения о предмете книги и щедро делился своими соображениями о возможных направлениях дальнейших исследований, демонстрируя свои энциклопедические познания, которые восполняли некоторые пробелы издания. Вот это письмо (оно приводится в редакции АП):

«Валентин Александрович! Добрый день!

Сегодня получил твою книгу по истории отечественной логики. Прочитал ее залпом. Многое мне известно, в том числе и из твоих публикаций. Но многое, очень многое мне не было известно. Например, о судьбе и идеях В.И. Шестакова. С интересом прочитал страницы о Д.И. Столыпине, Б.Н. Чичерине и А.И. Смирнове. Для меня эти имена как философов науки были неожиданны. Я знал только Б.Н. Чичерина как историка политических учений (его двухтомную работу читал еще в студенческие времена), но то что его интересовала философия науки, не предполагал.

Мне не очень понятен подзаголовок твоей книги — «Концептуальный контекст университетской философии». Скорее речь идет о социальном контексте истории логики в России. Почему-то логике в России не повезло, хотя она оказалась не только теоретической наукой, тесно связанной с математикой, но и сугубо практической значимой наукой. Не повезло именно в концептуальном плане.

Назову несколько имен, которые заслуживали не просто упоминания в такого рода историко-научной реконструкции логики в России. Прежде всего, Григорий Алексеевич Грузинцев (1880–1929), автор работы «Очерки по теории науки» (Записки Днепропетровского института народного просвещения. Т. III. Днепропетровск, 1928). Его отец — профессор физики в Казанском ун-те. Сам он учился в Германии и в Англии, по моему, у Б. Рассела. Читал он курсы по теории множеств и теории арифметики. Я не смог найти в московских библиотеках ряд упоминаемых им работ по логике, в частности, ни одного из изданных шести выпусков «Логики для математиков», «Логика и изучение науки», «Задачи логики». Где его рукописи, не знаю.

Евгений Евгеньевич Слуцкий, который предложил один из первых вариантов аксиоматизации теории вероятностей (до Колмогорова).

Тимофей Иванович Райнов (1888–1958). Ты упоминаешь его некролог А.В. Васильева (*Isis*, 1930 № 44, р. 342–348). Но он уже известен работами по психологии и феноменологии творчества. Он же автор *первой публикации* по количественному измерению роста науки (Rainoff T.I. Wave-like fluctuations of creative productivity in the development of West-European physics in the XVIII and XIX th. Centuries // *Isis*. 1929 № 38). Уже потом он стал заниматься историей науки в России. На Западе его статья считается основополагающей

по социологии науки (до Р. Мертона). Первая статья Р. Мертона в соавторстве с П. Сорокиным о количественном анализе научных открытий в разных культурах опубликована в том же *Isis* через два года. Причем они взяли в качестве источника только многотомную историю науки Д. Сартона. Источниковедческий материал Т.И. Райнова гораздо шире.

Дмитрий Дмитриевич Мордухай-Болтовской (1876–1952) – выдающийся историк математики. Работал в Ростовском ун-те. Когда я работал в РГНФ, по моей просьбе молодой аспирант⁵⁵¹ подготовил и получил грант на издание работ Д.Д. Однако архив РАН в Санкт-Петербурге не дал возможности работать с архивом Д.Д. Мордухай-Болтовского. А у него по описи есть работы послевоенных времен о «Металогике и метаматематике» и при том их несколько, разного объема. *Они до сих пор не изданы.*

Я написал в свое время статью в «Природе» 1976 №2, с. 118–128 «Забытые изыскания», где упоминал эти имена в качестве науковедов.

Николай Николаевич Парфентьев – тебе известный казанский математик. Он уже в студенческие времена перевел книгу Ганкеля Г. Принцип перманентности, которая, по-моему, обсуждала принцип соответствия в истории математических теорий. Да и потом он публиковал интересные статьи о Планкаре, А.В. Васильеве.

Гегельянство оказалось губительное воздействие на историю логики. Гегель отвергал все математические открытия XVII–XVIII вв. – математику Ньютона и Лейбница. Маркс в интерпретации истории дифференциального исчисления оказался не знаком с работами О. Коши. С. Яновская, о которой ты пишешь в книге, понапалу, очевидно, думала, что с помощью гегельянского метода можно переинтерпретировать новую и новейшую математику. Оказалось, что невозможно. Можно лишь сконструировать некую «диалектическую логику» – псевдонауку, каких много было создано в советские времена. Если трактовать диалектическую логику как логику аргументации, то она еще имеет смысл. В диалектической логике речь не шла и не может идти об аргументации и полемике со своими оппонентами. Что случилось с С. Яновской? В 1936 г. она печатает статью против Н.Н. Лузина, а в 1937 г. статью О ло-

⁵⁵¹ А.В. Родин, ныне кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИФ РАН. – Прим. ред.

гике математической (в БСЭ). После войны первые переводы на русский язык книг А. Тарского, Д. Гильберта и В. Аккермана выходят с ее вступительными статьями (правда, со всеми «зубодробительными» эпитетами). Имеет смысл внимательно поглядеть на курс по истории современной логики, который читал В.Ф. Асмус после войны на философском факультете МГУ. Он опубликован (не помню где). Кроме того, имеет смысл обратить внимание на работы А.Ф. Лосева о математике и диалектике, опубликованные в книге «Хаос и структура» (М., 1997). Это работы разных лет, но по-своему интересны.

Меня сейчас интересуют проблемы вероятностной логики. Если тебе известны какие-то работы на русском языке, сообщи, пожалуйста. По-моему, отечественными логиками в этой области сделано, увы, крайне мало. Если ты что-то знаешь о работах по вероятностной логике, сообщи, пожалуйста.

Я думаю, что имело бы смысл подготовить антологию из работ отечественных логиков XX века, в том числе и математических логиков. Это тем более целесообразно, когда аспирантам читается курс по философии науки. Я готов принять в этом посильное участие. Изданье статей следовало бы сопроводить небольшими биобиографическими очерками.

До встречи. Александр Огурцов».

Разумеется, я искренне поблагодарил АП, а будучи на конференции в Санкт-Петербурге сходил в Российскую национальную библиотеку и познакомился с печатными трудами Г.А. Грузинцева. Его рукописи найти в этой библиотеке не удалось.

В январе и феврале 2008 г. по «гранту Лакатоса» я проходил стажировку в Лондонской школе экономики, на кафедре, на которой работали и К. Поппер, и И. Лакатос. А.П. знал, что по результатам работы с архивом Лакатоса я пишу статью. Он предложил мне поместить в сборник, который редактировался, но эту статью еще раньше предложения приняли к публикации в «Вопросах философии».

В конце 2009 г. АП написал мне:

«Дорогой Валентин! Поздравляю с Новым годом! Желаю всяческих успехов. Читаю твою статью о Логике в России в «Новую Российскую Энциклопедию». Есть определенные предложения и пожелания. До выхода этого тома еще далеко — пока делаем том на букву К (из-за Китая все стоит на месте — слишком громадная статья). Я тебе специально

напишу после приезда из Израиля, куда я еду на Новый год. До встречи в Новом году. Огурцов».

В канун 2011 г. АП прислал такое письмо:

«Добрый день, Валентин! Получил твое поздравление с Новым годом. Прими и мое поздравление и пожелания всяческих благ, прежде всего, активного здоровья, новых идей и отклика на них. К сожалению, ситуация в России такая, что многие что-то пишут и издают, есть даже интересные публикации, но увы — мало кто что-то читает. Из нашего сектора на этой конференции был сотрудник — Костя Павлов, он делал даже сообщение, и он мне кое-что рассказал об этой конференции. Спасибо за фильм и за презентацию докладов. Буду читать, пока окончательно не ослеп. До встречи. Огурцов».

Речь в письме АП упоминается конференция «”Воображаемая логика” Н.А. Васильева и современная неклассическая логика», которая проходила в середине октября 2010 г. в Казанском университете и была приурочена к 100-летию открытия «воображаемой логики» и 130-летию со дня рождения ученого.

8 июня 2011 г. АП пишет:

«Валентин! Добрый день! Сейчас выходят три тома моей книги «Философия науки: двадцатый век». Там, к сожалению, нет о методологическом сознании ученых XX века, но есть описание отношения к теории относительности и квантовой механике. У меня в свое время вышла книга «Философия науки эпохи Просвещения». Там (хотя и немного) но есть о методологическом сознании ученых этой эпохи. Как проходило обсуждение? Позвали бы меня — я бы приехал. Тем более в Ульяновске не был никогда. До встречи. Огурцов».

Этим письмом АП отреагировал на мое сообщение, что мы на семинаре кафедры, в котором принимали активное участие аспиранты и студенты старших курсов отделения философии, обсуждали проблему анализа и реконструкции методологического сознания ученых разных исторических эпох.

Это письмо подтолкнуло меня и коллег-философов к идеи пригласить следующей весной АП в Симбирск-Ульяновск на очередной семинар.

В ноябре 2011 г. уже на конференции, посвященной Д. Юму, которая проходила в середине ноября в Москве на площадках Института философии РАН, Московского университета и Высшей школы экономики, я зашел в сектор, которым руководил АП и высказал эту идею. АП ответил, что с удоволь-

ствием бы, но очень неважно себя чувствует и вряд ли сможет решиться на такую поездку. Мы говорили о том, что нас беспокоит, — крен в проблематику, характерную для социальной философии и заметный спад отечественных исследований по теории познания и логике, особенно вне российских столиц, о важности продолжения анализа отечественной научной мысли, о том, какое место может занять наука и высшее образование в России завтрашнего дня.

Трехтомник по философии науки, в котором АП как бы подводил итоги своей грандиозной работы в этой области уже увидел свет, и он мне его вручил, попросив о рецензии. Это была последняя встреча с АП...

Нагрузка в университете и разные дела не позволили немедленно начать эту работу. К ней я привлек свою бывшую аспирантку, уже защитившую докторскую диссертацию и работающую в должности профессора кафедры Н.Г. Баранец. Когда текст рецензии — уже шел апрель — был готов, я послал его АП с тем, чтобы он смог высказать свои соображения⁵⁵².

АП ответил 29 апреля.

«Добрый день, Валентин! Прочитал Вашу рецензию. Прими мои искренние благодарности. Одно замечание: Вы указываете на повтор на стр. 485 Ч. 3 (очевидно, о Вернадском?). Но такой страницы нет в Ч. 3... Мне самому понятно, что лакун в книге много. Назову лишь французский неорационализм — Г. Башляр, Кангилем и др. Я старался самому себе подвести итоги прошлому веку и осознать, что же было сделано. Не думаю, что мы вступили в постсекулярный век, но думаю, что в нашей стране с ее авторитарным режимом усиливается тяготение власти к унифицированной идеологии (власть видит ее в православной религии), а со стороны РПЦ увеличивается тяготение к власти. Возникнет такой симбиоз авторитаризма и православного фундаментализма. Я хотел бы успеть сделать то, что не представлено в этих трех книгах: 1) более детально изложить философию науки в СССР — я этого касался мимоходом. Для себя открыл В.В. Налимова. К сожалению, не был с ним знаком лично. 2) Показать, что было сделано нашими естественниками и математиками в философии науки (они за нас — философов — сделали немало. В этом отношении показательны статьи Г. Грузинцева в

⁵⁵²Бажанов В.А., Баранец Н.Г. А.П. Огурцов и философия науки XX в. — Прим. ред.

20-е годы, В.А. Фока и М. Маркова в 50-е годы); 3) работы гуманитариев (кроме структуралистов) оказались ниже, чем можно предположить. Возможно, я ошибаюсь, но гуманитарии находились под большим прессом. Эта тема и есть то, что называется методологическим сознанием ученых 20 века. Естественно, она касается и зарубежных ученых, хотя здесь надо влезать в контекст иных культур. Если хватит сил и времени, постараюсь сделать это. Теперь относительно методологического сознания ученых второй половины 19 века. Здесь, по-моему, две принципиально новых научно-исследовательских программы, которые радикально изменили философию науки: 1) статистическая, представленная в теории эволюции Ч. Дарвина и в третьем томе «Капитала» Маркса, который отказался от закона стоимости в его динамической форме (хоть и в гетеевской форме метаморфоз стоимости), введя понятие цены производства и закона-тенденции; 2) альтернатива элементаризма и холизма как в биологии, так и в математике (в частности, в теории групп, в теории множеств, в проективной геометрии), что и привело в начале нового ХХ в. к простой теории типов Б. Рассела и ее парадоксам, а в биологии — к генетике и альтернативной ей теории биологического поля (Б.С. Кузин, А.Г. Гурвич и др.). Ученые XIX в. поставили те проблемы, которые не нашли своего решения и в 20 веке. В качестве примера приведу программу К. Бернара о приоритете экспериментального изучения в биологии и в медицине. Альтернативная ей программа — изучения живых существ в естественной среде вновь возродилась вместе с исследованиями Фриша, была повторена А.Г. Стерлевантом, а попытка преодолеть эту альтернативу Ф. Добржанским и найти среднюю линию, по-моему, осталась непонятой. Короче говоря, истоки многих проблем 20 века надо искать в XIX веке, хотя он кажется таким благополучным и далеким от перманентных кризисов 20 века. Тем более, что в философии науки господствовал индуктивизм, пусть даже утонченный благодаря работам Д.С. Милля. Отправили ли Вы рецензию А. Шарову?⁵⁵³ Писать рецензии — не самое благодарное дело. Еще раз примите мою благодарность. А. Огурцов».

Рецензия вышла в сентябрьской книжке «Вопросов философии» за 2012 год.

Коллеги мне рассказывали, что, несмотря на плохое само-

⁵⁵³ Шаров Анатолий — редактор ВФ.

чувство АП пришел в ненастный и холодный день в конце октября этого же года проститься с В.Н. Садовским, с которым дружил и сотрудничал много лет.

Мы обменялись новогодними поздравлениями еще два раза. 9 мая 2014 г. я узнал, что АП не стало. Не стало светлого, смелого, порядочного и очень умного человека, прожившего по принципу «живь не по лжи» непростую жизнь и оставившего в отечественной философской мысли яркий след. Вместе с тем, его труды еще долго будут образцом для тех, кто занимается историей и философией науки.

А.А. Гусева

ЖИВАЯ РЕЧЬ И ЦЕННОСТЬ РЕЦЕНЗИЙ

Жанр научных рецензий, суховатый и отстраненный, вызывает ассоциации с далеким от жизни «кабинетным ученым», нелюдимым одиночкой, окруженным такими же молчаливыми корешками книг — а следовательно, объективным и беспристрастным. Рецензия — вспомогательный жанр научной литературы, увы, мало ценимый авторами, особенно молодыми, стремительно и порой самонадеянно летящими навстречу открытиям — и нередко сшибаемыми ими сразу же, налету.

В «рецензии» тот же корень, что и в слове «ценность», сквозь который просвечивает и цена поиска — цена и ценность чуда и человека. Жанр рецензии предоставляет возможность оглянуться и увидеть то, что было спрятано в пути. Оглянуться — вместе. Сделать выбор — и идти одному, дальше, увидев свой, единственный путь к чуду. Много ли вы читали таких рецензий?..

Для АП человек и его тема жили вместе — или, по крайней мере, рядом. И одновременно шла тонкая примерка темы научной работы к человеку, его интересам и возможностям. Работа оценивалась так, как если бы она была частью этого человека, его внутренним органом или скорее присущей только ему речью (по речи можно сказать о человеке почти всё). АП всегда знал, как сделать так, чтобы тема заискрилась, как представить ее в полноте, максимально возможной для автора. Они были целым для него — тема и автор, текст и его человек.

Ценность науки, безусловно приоритетная для АП, распространялась и на самого молодого ученого. Никакого человекоугодничества не было, но тактичность, и огромная, была. Потому что внутри человека живет поиск как некое условие существования — и вот за эту возможность поиска человек, делающий свои первые шаги или уже овладевший материалистом, и ценится.

Так строился разговор о статье К.Е. Троицкого «Взгляд на источник императивности у Макса Вебера» (статья была опубликована в: Vox. Философский журнал. 2014. Июнь. Вып. 16). Этот текст готовился к печати весной 2014 г., в преддверии серьезных сдвигов, всколыхнувших и взбудораживших общество. АП предлагает выстроить статью как своего рода диалог с Вебером, высвечивая «веберовские» ответы на запросы современности: «Константин, добрый день! Прочитал Вашу статью. У меня к ней возник ряд вопросов. <...> для Вебера основными понятиями были субстанциональное (содержательное) и формальное. Поэтому имело бы смысл обратиться к его работам по истории права, в частности исламского, для выяснения особенностей императивности в этих правовых системах и их отличия от формально-юридической трактовки императивности в европейских системах. Во-вторых, сама трактовка императивности в формально-правовых системах, конечно, связана с понятием долженствования и правового закона, однако здесь возникают достаточно сложные вопросы: нацисты, создавшие систему концлагерей и убившие миллионы евреев, русских и т.д., следовали законам права, которые были приняты в Германии в это время. Как же быть с формальным выполнением закона и императивности долженствования и одновременно с антигуманной, нечеловеческой практикой? Иначе говоря, императивность требует гораздо более корректного и осторожного к себе отношения, чем иногда проскальзывает в ряде предложений в Вашей статье.

В концепции социального действия Вебера основным, по-моему, является взаимное признание участников коммуникации. И уже из этой посылки вытекает его трактовка императивности, которая, конечно, имеет кантианские корни. К сожалению, в четверг меня не будет. До встречи. А.П. Огурцов».

Если говорить о том, какой по стилю была рецензия АП, то можно сказать, что это была рецензия-диалог, где для автора оставалась всегда возможность выбора пути. И в этом

диалоге чувствовалась необходимость совместного поиска и со-достраивания темы. Говорить о «деликатности», «мягкости» тут не приходится — напротив, это был сам поиск, со-редоточенный и без лишних сантиментов. В этом звучало уважение к молодому автору — разговор на равных, разговор со-работников, идущих в одном направлении. А пройдя первые шаги вместе, рецензент тактично уходил, предоставляя автору самому совершать свой путь — трудный, но единственный для него.

Так было и с моей диссертацией. Мне как лингвисту хотелось заниматься философскими аспектами языка, и образование — кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания и потом (первая) аспирантура по этой кафедре — позволяло ставить подобные задачи. Но оказывалось отсутствие системной базы, связанной именно с философским знанием. Это очень сковывало меня в поисках своего пространства исследования. АП сначала предложил мне заняться изучением логического позитивизма. Но я не чувствовала внутреннего согласия с методами этого направления — хотелось уйти в Средние века, куда-то, где отношение «человек — язык — бытие» не мыслится вне философско-теологической системы. Вскоре была утверждена другая тема: «Идиома как проблема философии языка», причем под философией языка понимался не третий позитивизм, как это обычно делается, а именно философские проблемы, связанные с онтологией и гносеологией языкового пространства. Так моей областью стала «философская история» идиомы, с напряженными поисками корня у Платона и Аристотеля, затем в Средних веках, философии Возрождения, потом в XIX столетии — и неожиданном возникновении идиомы в XX в. Эта тема увела меня в область, близкую моим интересам, и работать стало радостно.

Общий ход — «история» — работы прояснялась в ходе обсуждения: я видела, что и моему научному руководителю С.С. Неретиной, и самому АП любопытно, как повернется поиск генезиса идиомы, со всей ее замкнуто-разомкнутой эйдосностью, с выходом к платоновской и аристотелевской трактовке идеи, акцентом на эквивокативности, тесно связанной с самим человеком.

Надо было показать, что в основе идиомы в любой интерпретации лежит ее «гносеологичность» (она участвует в познании и описании мира), которая основана на корневом значении «собственного», «своего», замыкающего и обосо-

бывающего объекта исследования вместе с познающим субъектом. Без этого, как говорил АП, тема не будет философской («Надо, наконец, уйти от лингвистики к философии», говорил он). Этого же хотелось и мне, но страшно мешало и мутило отсутствие методологического фундамента. В конце концов, вдохновленная мгновенным очерком истории философии, данным за чашкой чая АП, я, наконец, услышала его речь (до этого — просто слушала, слушала почти обреченно) и поняла, как буду работать. Поняла, что я могу как филолог — и как мне сделать этот скачок, позволяющий перевести то, что я уже знаю, в философское русло и искать там ответ на вопрос. АП посмотрел на меня очень серьезно, мне показалось — испытующе-недоверчиво, и пошел курить к окошку. Но в результате этого разговора я смогла выстроить линию истории «идиомы» именно как философского понятия, через античность к проблеме *communicatio idiomatum* в Средние века и к «непопулярному» И.Г. Гаманну.

Гаманн показал, что между языком и человеком лежит разрыв, непереходимая пропасть — как между внешним и внутренним, — которая может быть преодолена гносеологической связкой (Гаманн называет ее *Machtwort* или *Flickwort*). Необходимость наличия этой связки тоже тянет за собой корень *eid-/id-*, каждый раз выстраивая вокруг себя контекст философской эпохи, разворачивая терминологическую систему и формы ее обоснования.

«Найдя» Гаманна, я показала первые заметки научному руководителю С.С. Неретиной и АП. Работать с Гаманном было непросто, и хотя его тексты полностью собраны в архиве (<http://web.archive.org/web/20071002165156/http://members.aol.com/agrudolph/jghamann.htm>), читать их крайне нелегко из-за специфики языка. Это требующая времени работа, а как раз времени оставалось мало, но без Гаманна, мне казалось, работа не зазвучит. Переводы В.Х. Гильманова тогда еще только начинали выходить.

«У меня есть Гаман в переводе Волжина, и я даже помню, где он лежит», — вдруг сказал АП.

И через неделю Светлана Сергеевна принесла белую книжку «И.Г. Гаман. Ф.Г. Якоби. Философия чувства и веры». С закладкой и карандашным отчерком там, где шла речь о понимании Гаманном роли языка. «Это просто чудо! — разохалась я (нервная аспирантка, которую поджимали сроки). «Никако-

го чуда, — спокойно ответила Светлана Сергеевна. — Книжка была на месте, под кроватью».

АП был рецензентом моей диссертации. Текст, написанный довольно быстро, он прочитал после Светланы Сергеевны. Но перед тем, как составить официальную рецензию-документ, и до того, как была завершена работа, он представил свое видение моей темы — т. е. этой темы как моей. Принимая, что история идиомы как термина в ее эквивокативности неминуемо преломляется в моей интерпретации через философско-богословский спор о *communicatio idiomatum*, он пишет все же о слишком заметном уклоне в эту сторону и затем аккуратно и четко задает курс, который позволил, учитывая мои интересы и расширяя рамки, выйти на проблему соотношения *communicatio idiomatum* и *coincidentia oppositorum*: «У тебя явный крен в сторону анализа ***communicatio idiomatum***... Перед абзацем о Николае Кузанском и Бруно я бы вставил абзац о том, что *communicatio* может трактоваться не как общение, а как **совпадение и даже как разрыв**. Более того, *idiomatum* может трактоваться как “противоположностей”. Из этого и возникает идея совпадения максимума и минимума у Кузанца и Бруно. Эта линия превратилась у Шеллинга в эволюцию потенций, а у Гегеля — в совпадение и в снятие противоположностей. Иными словами, различная трактовка *communicatio*, с одной стороны, и “своего”, с другой, позволяет осмыслить вектор размышлений об идиоме. До встречи. Огурцов».

Четко, по существу — и с заботой. Эти поиски «своего», *ἴδιου*, — или аристотелевского, или теологического, или дерридианского, — в конце концов и вывели меня на версию разгадки «тайны идиомы»: каким образом возможна эквивокативность слова применительно к самому человеку. Термину «идиома», ставшему привычным и совершенно лингвистическим, понемногу возвращался исконный, философский смысл, связанный с онтологией и антропологией.

Замечания же «официальные», которые были отражены в рецензии как документе, необходимом для защиты диссертации, содержали вопросы, связанные прежде всего с техникой (если можно так сказать) и историей эквивокативности (эквивокальности). Увлеченная поиском смысловых валентностей, развившихся в корнях «-eid-», «-id-», я написала, что принцип *communicatio idiomatum* возник из принципа *coincidentiae oppositorum*, не заметив, что потенциал корня

допускает и даже оправдывает противоположный порядок: буквально изнутри *eid-/id-* вылезает возможность противопоставления и взаимообщения как непрестанного поиска и «взаимопроверки» границ.

«Взаимодополняющая» и настраивающая работу идиомы особенно хорошо проявляется в языке философии — философский термин всегда является идиомой благодаря своей рефлексии. Разрыв, конфликт восприятия, объясняемый лингвистикой как «утрата внутренней формы», на самом деле коррелирует с принципом совпадения противоположностей в его разновидности *communicatio idiomatum*, который, в свою очередь, обусловлен развитием метафизической семы корня *eid-/id-*. Разрыв необходим для начала осознания процесса или явления, именно благодаря ему «иное» переходит в «свое» (точнее, появляется возможность «своего», так, чтобы сохранялась возможность иного: интенция как натянутость от одного к другому). В этом напряженном взаимодействии — и переходе — видна «философская суть» идиоматического в языке. Так мне представлялось теперь введение термина «идиома» в философию языка.

АП и Светланы Сергеевны не было на моей защите. Они уехали на симпозиум, посвященный В.И. Вернадскому, который проходил в Бордо. Вернувшись домой поздно вечером, я прокручивала в голове слова оппонентов, мысленно отвечала на вопросы, жалела, что не всё успела сказать, строила какие-то планы... И тут раздался звонок: «Мы в Бордо. Пьем бордо — за защиту!». И в этих победно-каламбурных словах была и *communicatio idiomatum*, и игра внутренней формы, и охваченность словом и свойством, и — ценность выбранного пути.

Л.С. Давыдова

**МАСТЕР И ПОДМАСТЕРЬЕ
(О работе над «Новой философской
энциклопедией»)**

XIII век — это время создания жанра философской «суммы» (Альберт Великий «Сумма о тварях» и «Сумма теологии»; Фома Аквинский «Сумма против язычников», «Сумма теологии»; Уильям Оккам «Сумма логики»).

«Сумма» знаний — своего рода энциклопедия, где есть единственный автор (творец). Автор, вытаскивающий и выстраивающий структуру понимания мира. Автор, кропотливо выписывающий детали на полотне размером с онтологию. Мастер. Трудник. Философ.

Конец XX-го — самое начало XXI вв. — выход в свет «Новой философской энциклопедии». Это проект, работа над которым длилась четыре года (начало работы — 1998 г., стремительное окончание — 1999 г., издание — 2000–2001 гг.). В осуществлении же его многие сомневались. Слишком неподъёмным казалось осмыслить и выразить полноту мировой философской мысли, сделать слышными далёкие шаги ушедших в тома философов. Для этого нужен был, прежде всего, авторский коллектив. Слово «коллектив», безликое и жёсткое, оно совсем не отражает смысла напряжённого «со-чтения», которое было в этом слове изначально и которого не хватает сейчас в языке, чтобы определить суть труда создания «Энциклопедии».

476 Л.С. Давыдова

ХХ век — и около пятисот авторов, эксперты, научные редакторы (3650 статей, четыре тома объёмом почти в 333 авторских листа). Это та же «сумма» — итог, огромный по объёму труд на основе знаний, накопленных многими поколениями философов.

Как описать работу над «Энциклопедией»? Задача эта не ограничивалась жёстким форматом, но оказалась для меня весьма непростой. О самой работе мне трудно, почти невозможно, ни писать, ни говорить (да и не умею этого). С Александром Павловичем ни тогда — во время работы над статьями, редактурой и словником, — ни потом мы не обсуждали «нашу совместную работу». Этого и не требовалось. Все мои воспоминания перешли вовнутрь переживаний (чувства, ощущения), туда, где живут ставшие моими образы, но нет текста и слов. От того и не получается написать на заданную тему — что есть лишь эти образы, которые живут со мной и во мне. О многом вспомнив, многое прожив в нашей работе, на «как?» ответить могу одним словом — «напряжённо». В это понятие укладывается абсолютно всё: общение с авторами, экспертами, научными редакторами, издательством, наборщиками и пр., и пр. Что же здесь рассказывать?

Для меня было редкой привилегией работать с таким коллективом. Роль моя весьма скромная (техническая) — передавать материал, написанный авторами в соответствии со «Словником», для прочтения, отбора и одобрения двум редакторам — Огурцову и Гусейнову. К информации в энциклопедии предъявляются очень жёсткие требования (прежде всего — лаконизм). Как же это непросто с помощью немногих слов (читай: знаков) выразить всё многообразие тем, понятий, персонажей! Какая нужна сосредоточенность!

Тем не менее, четыре года напряжённой работы остались в душе и в сознании ощущение праздника, который я помню и храню в себе по сей день. Думаю, это от того, что особое впечатление на меня произвёл последний этап работы с Александром Павловичем при подготовке материала к передаче в издательство. Вот здесь мне и довелось наблюдать работу Мастера (Художника).

Художник — творец. В роли Мастера и предстал передо мной Александр Павлович, который на моих глазах будто расписывал гигантское полотно мировой философии для будущих зрителей. Труд этот потребовал от него колоссально-

го напряжения душевных и физических сил, огромной траты времени. (Подмастерье же, в роли которого выступала я, по-даёт кисти, иногда смешивает краски.)

Думается, вынужденная «краткость» изложения материала в «Энциклопедии», с которым мне в какой-то мере тогда довелось работать, оказала и на меня определённое влияние, развив предельный лаконизм изложения собственных мыслей.

После окончания нашей работы мне встретилось стихотворение (видимо, не случайно) А.С. Пушкина «Труд». Хочется привести его целиком, так как текст определяет, как мне кажется, полноту чувств и мыслей всего коллектива по завершении нашей работы:

*Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
Или, свой подвиг совершив, я стою, как поденщик ненужный,
Плату приявший свою, чуждый работе другой?
Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатов святых?*

К.А. Томилин

ОТЕЦ КАК FÜHRUNG FIELD

Времени, когда мы с отцом жили в одной семье, я практически не помню, только смутно — расположение комнат в Веденниковом переулке и газовую колонку для нагрева воды, а также, как он сказал мне «ну, ты пижон», когда на меня надели какой-то костюмчик песочного цвета и мы шли по улице. В дальнейшем брак матери с отцом распался, и мать со мной переехала на съемную квартиру в деревянном доме в Останкино, а затем — в Текстильщики, где мать купила в рассрочку кооперативную квартиру. Отец изредка приезжал, особенно, когда у матери были с утра до вечера уроки (она преподавала русский язык и литературу сначала в школе, а затем в Московском художественно-промышленном училище — МХПУ им. М.И. Калинина). Я иногда приезжал к родителям отца — бабушке Анне Степановне и дедушке Павлу Ивановичу, которые получили квартиру в Погонном проезде, недалеко от Преображенской площади, и оставался у них на несколько дней. Когда туда приезжал отец, мы с ним гуляли, ходили по книжным и музыкальным магазинам. Как-то он купил для меня справочник по элементарной физике Н.И. Кошкина и М.Г. Ширкевича, подарил пластинку французского певца Ги Беара.

Также со временем я стал навещать отца в его квартире на Рогожском валу, где он жил с дочерью

от другого брака Ириной и женой, у которой был сын от ее предыдущего брака. В этот период у нас началось интеллектуальное общение, хотя сохранялся некоторый психологический барьер из-за распада семьи. Отец мне дарил различные книги и сборники статей, сопровождая их различными надписями. Помню, что одной из первых книг была книга с диалогами Платона. Надпись на одной из книг гласила: «Пора читать серьезные книги». В 1979 г., когда я закончил школу, отец подарил мне сборник «Принцип соответствия», выпущенный Институтом истории естествознания и техники АН СССР, в котором была его статья «Предыстория принципа соответствия», посвященная принципу соответствия в математике⁵⁵⁴.

Когда я приезжал к отцу, он давал мне читать новые книги и исторические сборники «Минувшее», выходившие за рубежом, недоступные в библиотеках. Помню, какое большое впечатление произвела на меня статья П. Нерлера о судьбе О.Э. Мандельштама, письма А.В. Колчака и А.В. Тимиревой — то, что он был крупнейшим российским полярным исследователем, у нас в то время замалчивалось, и его роль в истории рисовалась исключительно в черных тонах.

До этого я уже читал опубликованный в «Роман-газете» «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына и его рассказы «Матренин двор», «Случай на станции Кречетовка». Мать, несмотря на то, что была членом партии, читала учащимся в МХПУ отрывки из неопубликованного «Ракового корпуса» Солженицына. Как-то матери дали на ночь книгу воспоминаний Солженицына «Бодался теленок с дубом», тогда мне удалось прочитать примерно полторы сотни страниц. При следующем посещении отца я попросил прочитать у него «Архипелаг ГУЛАГ». Отец был приятно удивлен и достал с полки небольшого формата книгу в красном переплете с мелким текстом (такой формат был удобен для перевозки из-за границы). Другими книгами, которые я у него прочитал (в виде ксерокопий), были «Утопия у власти» А.М. Некрича и М.Я. Геллера, «Номенклатура» М.С. Восленского.

Меня серьезно интересовала история репрессий, особенно было неприятно фактическое замалчивание этой трагической страницы в период «развитого социализма», это наглядно де-

⁵⁵⁴ См.: Принцип соответствия. М., 1979.

монстрировало, что за ширмой советского режима скрылась совершенно другая, неприглядная изнанка. Интересно, что и в школе и в вузе именно меня дважды вызывали отвечать по теме репрессий. Причем в обоих случаях сценарий урока был один и тот же — долгое и нудное обсуждение экономических вопросов, которые решались на XX съезде КПСС, а когда оставалось ровно 5 минут, преподаватель истории говорил: а также на XX съезде был разоблачен культ личности Сталина: и вызывали почему-то меня. Помню, когда то же самое повторилось в вузе, я уже едва сдерживал истерический смех: миллионы погибших — и всего 5 минут.

Обучение в МИФИ на нашей кафедре управления комплексами, начиная с 4-го курса, приобрело явный военно-прикладной характер, появились «номерные» курсы — мы записывали за преподавателем в секретные тетради, прошитые сурговой нитью, и сдавали их на хранение в первый отдел. Мне это было совершенно чуждо, хотелось заниматься математикой для фундаментальных физических задач, поэтому, сдав экзамены третьего курса на «отлично», я решил больше не напрягаться, особенно по номерным курсам (по одному из которых, собственно, и получил единственную «тройку» за все 5 лет учебы). На четвертом курсе В.Ю. Татур, руководитель нашего стройотряда, достал мне отношение от комитета комсомола МИФИ, что я якобы работаю над рефератом по истории Парижской коммуны, и так я стал посещать историческую библиотеку, где прочитал большое количество журналов периода оттепели, начал составлять базу данных репрессированных военачальников по открытым источникам. В этот период я всерьез рассматривал возможность уйти на истфак МГУ и даже ездил туда и беседовал с замдекана, однако требовалось пересдавать практически все предметы, разрушались связи с друзьями, и я остался в МИФИ.

В институтский период я еще сохранял ортодоксальные коммунистические взгляды, полагал, что сталинщина была отходом от марксистских идей, прочитал первый том «Капитала» К. Маркса, читал подряд тома В.И. Ленина. Когда я был на третьем курсе, в 1982 г., я прочел объявление на стенде об организации коммунистического строительного отряда (отряда безвозмездного труда). Идея принадлежала старшему научному сотруднику МИФИ Татуру. Такие отряды были распространены уже в это время в СССР, в том числе в Муромском районе, откуда был родом Татур. Заработанные деньги пере-

числялись детским домам или прямо закупались конкретные вещи (одеяла, спортивный инвентарь и т.п.). Два года летом я работал в таком стройотряде «Поиск», составленном из студентов разных факультетов МИФИ, в Черустях и на Пахре. Так я познакомился с замечательными людьми, с некоторыми из которых сохранил дружеские отношения на всю жизнь.

В декабре 1983 г. из состава комотряда выделилась группа студентов, продолжившая обсуждение различных вопросов в рамках неформального семинара по глобальным проблемам — разоружения и экологии. В этот момент напряженность международной ситуации достигла апогея — размещались ядерные ракеты средней дальности в Европе, как американские, так и советские — в Чехословакии и ГДР, и это вызвало в рациональной среде физиков естественное желание противостоять этому гибельному процессу. Первоначально мы встречались после окончания занятий и работы в библиотеке МИФИ. Лидерами нашей группы были два сотрудника МИФИ — Татур и С.Ф. Кравченко. Помню, как Кравченко мрачно поздравил нас «с наступающим новым 1984 г., последним годом существования человечества». Меня тогда же кто-то спросил о вероятности ядерной войны, я ответил, что она неизбежна, приведя аналогию: если повышать напряжение на электродах и их еще и сближать, то пробой неизбежен. В результате дискуссий мы решили организовать открытое общественное движение «Человек за ноосферу». Название придумал Д.И. Сергеев, студент факультета теоретической и экспериментальной физики, на основе идей В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу. В январе 1984 г. была сделана наивная попытка зарегистрировать наше движение в Моссовете, что привлекло, как стало ясно потом, внимание КГБ. В течение года к нам присоединилась группа выпускников МИФИ, поэтому встречи стали проходить на квартирах и дважды на нашей даче. Уровень обсуждений был в значительной степени примитивным, мы не знали даже научной литературы, которая уже была переведена на русский язык. В октябре 1984 г. движение было разгромлено КГБ, пять человек получили предупреждения КГБ, со студентами (в том числе со мной) на следующий день были проведены «беседы» (фактически пятничасовые допросы) в МИФИ. По окончании мне сказали: «А теперь вами займутся комсомольские органы».

Учитывая, что у нас было комотрядовское прошлое, они решили ограничиться выговорами, и вопрос заключался лишь, за что (в сталинские времена нас бы посадили, а в хрущевские — выгнали бы из института, так что прогресс режима был налицо). Первоначально собрание кафедры мне вообще не вынесло никакого взыскания, но затем — на комсомольском собрании потока — мне влепили выговор «за политическую беспринципность» (претензия заключалась в недоносительстве о попытке найти контакты с индийскими дипломатами — как с «третьей силой», о чем, я, собственно, узнал *post factum*). Поскольку такая формулировка меня не устраивала, я, естественно, подал апелляцию.

В январе 1985 г. прошло заседание комсомольского актива института в большой аудитории, где выступали комсомольские вожди и философ Б.Я. Пахомов с обоснованием идеологической ошибочности нашего движения. Дали слово и нам (выступал Татур), при этом перед заседанием секретарь комсомола сказал странную фразу, чтобы мы не сильно каялись (но мы вообще-то вовсе и не собирались каяться). Цель этого собрания была нам не совсем понятна, скорее всего это было связано с тем, что по институту ходили слухи о раскрытии подпольной организации, о чем передали даже западные радиостанции, и требовалось показать, что это всего лишь маленькая группа идеологических «отщепенцев». Думаю, что нам надо было воспользоваться этим благоприятным моментом для пропаганды разрядки и общечеловеческих ценностей на широкую аудиторию, но я выступать тогда вообще отказался.

В январе 1985 г. после долгих проволочек неожиданно было дано разрешение на организацию Дискуссионного клуба МИФИ. Это было прямым следствием нашего «дела», поскольку мы аргументировали, что проводили «тайные» заседания из-за отсутствия возможности проведения в институте открытых дискуссий. На первом же заседании после доклада приглашенного лектора ярко выступила группа студентов-анаархистов, зачитавшая явно антисоветский пасквиль (как оказалось, сказку М.Е. Салтыкова-Щедрина). На втором заседании эта же достаточно подкованная в политике и экономике группа студентов после доклада лектора об экономических успехах СССР показала с цифрами в руках, что СССР находится в экономическом кризисе. Через несколько дней мы зашли в общежитие к этим студентам-анаархистам. Помню, что они

категорически отказывались получать дипломы, дабы не распределяться в секретные военные центры.

Через несколько дней после собрания актива института прошло заседание комитета комсомола МИФИ, на котором разбирали по очереди три «дела» Татура, меня и Сергеева (Кравченко уже вышел из комсомольского возраста). Надо сказать, что к этому заседанию я уже морально окреп для активного сопротивления. Поддержку оказал нам и отец. Он передал мне критическую, но в целом благожелательную, рецензию на программу нашего движения, подписанную философом Б.Г. Юдина, которая, таким образом, компенсировала погромный текст Пахомова, озвученный им на заседании комитета комсомола. Первым разбиралось «дело» Татура, после того, как выступил Пахомов, Татуром была зачитана рецензия Б.Г. Юдина, все заседание записывалось на магнитофон. Вадим получил строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Затем стали разбирать мое «дело». Понимая, что и мне выговора не избежать, а формулировка «за беспричинность» меня совершенно не устраивала, я занял жесткую позицию, заявив, что принципиально поддерживаю общечеловеческие ценности, а не классовые. Как ни странно, помог мне в этом Ленин. Читая подряд его тома, я наткнулся в 4-м томе на написанный им проект программы партии, где им была высказана мысль, что «интересы общественного развития выше интересов пролетариата»⁵⁵⁵. Вот эту цитату я и озвучил на заседании комитета комсомола МИФИ, не говоря, что привел дословную цитату из Ленина. Это я сделал намеренно. В случае исключения из комсомола, я намеревался использовать аргумент, что был исключен за цитату из Ленина. Но институтские комсомольские вожди решили ограничиться выговором с занесением в учетную карточку и с радостью ухватились за «наживку». В результате мне дали выговор с формулировкой — «за политическую близорукость, отход от классовых позиций в вопросах оценки современного состояния проблем защиты мира и охраны окружающей среды». Нам, студентам, дали возможность закончить институт, но двух сотрудников вскоре вынудили институт покинуть. Еще через два года М.С. Горбачев провозгласил общечеловеческие ценности.

⁵⁵⁵ Ленин В.И. Проект программы нашей партии // Ленин В.И. ПСС. Т.4. С. 220.

Вся эта ситуация имела лично для меня и положительную сторону — я как-то лучше стал понимать исключенного из партии отца, и психологические барьеры между нами полностью исчезли. Помню, что после заседания я приехал к отцу, он подал мне книгу с надписью, в которой поздравлял с крещением.

В феврале 1985 г. меня вызвали в первый отдел МИФИ и сообщили, что никак не могут направить меня по распределению в Институт приборостроения, а только в институты Академии наук. Я едва сдержался, чтобы не выдать радость, что удастся работать в Академии наук. Как мне рассказал один из студентов, в коридоре института начальник первого отдела кричал, что меня нельзя на пушечный выстрел подпускать к Среднемашу (среднему машиностроению). Но я-то туда как раз и не стремился, с трудом отбившись осенью от распределения в Институт теплотехники, занимавшийся военными разработками.

Так я попал в Академию наук. С марта 1985 г. я работал стажером-исследователем, а затем младшим научным сотрудником в Институте радиотехники и электроники (ИРЭ) АН СССР в прикладной радиофизической области (компьютерной обработки сигналов миллиметрового излучения), но мои интересы лежали в более фундаментальной и теоретической области. Прежде всего, меня интересовали фундаментальные постоянные как абсолютные эталоны Природы. Когда через несколько лет я придумал несколько интересных новаций (как мне казалось) в области теоретической физики, то отец предложил прийти в ИИЕТ и проконсультироваться с Вл.П. Визгиным, заведующим сектором истории физики ИИЕТА. В ответ на высказанные мной идеи Вл.П. Визгин мне объяснил, что гиперболическая интерпретация специальной теории относительности — давно известный факт и была открыта еще в 1910 г. В. Варичаком (в МИФИ на факультете кибернетики, который я окончил, хорошо преподавали математику, а физику — только исключительно в инженерном плане, поэтому в моем физическом образовании зияли большие пробелы, а Интернета и Википедии тогда еще не было). Этот и еще один аналогичный случай (придумал систему единиц, основанную на фундаментальных постоянных, предложенную еще в 1899 г. М. Планком) привели меня к мысли не «изобретать велосипед», а прежде всего изучить работы классиков науки, и я в течение нескольких лет собрал приличную библиотеку оригинальных работ крупнейших физиков и исследований по

истории физики, ходя в обеденный перерыв по букинистическим магазинам.

Изучение истории физики, знакомство с оригинальными текстами великих ученых, привели к тому, что я полностью переключился на историю физики и поступил в 1988 г. в заочную аспирантуру ИИЕТа по теме истории фундаментальных постоянных. Помню, как один из завлабов ИРЭ, которому я сообщил о намерении поступить в аспирантуру ИИЕТа, спросил меня: «А Вы знаете, что это за институт?», и посмотрел на меня с неподдельным ужасом. Я ответил, что знаю. В самом деле, за пределами ИИЕТа этот институт рассматривался чуть ли не как место ссылки, куда отправляли работать тех, кто не вписывался в советские стандарты. Как раз из ИРЭ был изгнан и работал в ИИЕТе физик А.Е. Каплан, призвавший на собрании коллектива фрязинского филиала ИРЭ в 1968 г. не голосовать в поддержку ввода советских войск в Прагу (была такая форма переложения ответственности руководства страны на всех граждан как собрания трудовых коллективов в поддержку тех или иных преступных акций тоталитарного режима). Каплан в течение нескольких лет проработал в секторе истории физики ИИЕТа по истории оптики, а затем эмигрировал в США, стал известным ученым. Помню его триумфальный приезд в СССР и выступление на семинаре в ИРЭ в 1988 г., на который пришли и сотрудники ИИЕТа. Однако такое «изгойное» положение ИИЕТа привело к тому, что в нем в 1970-е гг. произошла колоссальная концентрация научного потенциала уникальных, выдающихся ученых, которая привела к расцвету истории, философии и методологии науки. Все это, естественно, притягивало и начинаящих ученых.

В конце 1980-х годов в период перестройки открылись архивы, и начала активно развиваться социальная история науки, в ИИЕТе были проведены две конференции по этой теме, были выпущены два тома книг «Репрессированная наука»⁵⁵⁶. Еще один том «Наука и тоталитарная власть» начал готовить по этой теме отец, тексты были собраны, книга находилась в работе в редакции издательства «Прогресс» в известной серии «Иного не дано». Предполагалось, что предисловие к ней напишет А.Д. Сахаров. Однако Сахаров неожиданно умер, а

⁵⁵⁶ Репрессированная наука / Ред. М.Г. Ярошевский. Сост. А.И. Мелуа, В.М. Орел. Л., 1991; Репрессированная наука. Вып 2 / Ред. М.Г. Ярошевский. Ред.-сост. А.И. Мелуа. СПб., 1994.

«Прогресс» начал испытывать экономические проблемы, и статьи из этой книги были опубликованы только в 1993 г. в двух номерах журнала «Философские исследования» при поддержке издательского гранта РФФИ. В дальнейшем сборник был переиздан в виде отдельной книги⁵⁵⁷.

Как раз в рамках социальной истории науки в 1988 г. отец предложил мне заняться изучением несостоявшегося Все-союзного совещания физиков 1949 г. и оформил для меня отношение в архив ЦГАОР (ныне – ГАРФ) от ИИЕТА. Совещание, которое планировалось как перенесение опыта разгрома «идеалистической» «лженавуки» генетики на сессии ВАСХНИЛ 1948 г. на физику, после трехмесячной подготовки с обсуждением докладов, в конце концов было отложено и так и не состоялось (физики в этот момент работали над атомной бомбой, что для власти было важнее борьбы с идеализмом), а тысячи машинописных страниц стенограмм и докладов были отправлены в архив. Знакомство с архивными документами произвело на меня сильное впечатление. Я сделал многочисленные выписки из докладов и стенограмм обсуждений, и отец помог написать мне первую статью по истории науки, фактически диктуя связующие предложения и придумав название, добавив в конце, что больше в написании статей мне помогать не будет. Эта статья, соавтором в которой он фактически являлся, как раз и вошла в сборник «Наука и тоталитарная власть»⁵⁵⁸. В дальнейшем на основе этих же архивных материалов я написал статью об этом совещании под другим углом – начавшейся тогда кампании по борьбе с космополитизмом, которая буквально тут же, через несколько дней после статьи в «Правде» 28 января 1949 г., затронула и это совещание – там начали разоблачать учеников школы академика Л.И. Мандельштама как «антипатриотическую группу физиков» и заниматься выяснением национальности советских физиков⁵⁵⁹.

⁵⁵⁷ Подвластная наука? Наука и советская власть / Сост., научн. ред. С.С. Неретиной, А.П. Огурцова. М., 2010. (Этот сборник по авторскому составу не полностью совпадает с «Наукой и тоталитарной властью», какие-то статьи в него не вошли, другие, напротив, были вставлены. – Ред.).

⁵⁵⁸ Томилин К.А. Несостоявшийся погром в физике // Философские исследования. Вып.3. С. 335–371.

⁵⁵⁹ Томилин К.А. Физики и борьба с космополитизмом // Подвластная наука? Наука и советская власть.

Позже, в 1999 г. у нас с отцом возникла идея оцифровать статьи и книги по социальной истории науки (прежде всего, сборники «Репрессированная наука» и базу данных репрессированных ученых — членов Академии наук, подготовленную Ф.Ф. Перченком) и выложить их в открытый доступ. Начальный этап электронной библиотеки был осуществлен при поддержке фонда Дж. Сороса, а последующие — при поддержке РФФИ и РГНФ. Гранты давали, учитывая авторитет отца (он был руководителем проекта), а все средства шли на осуществление технического сканирования различных источников (электронная библиотека, содержащая более 800 статей и 20 сборников и книг, а также база данных репрессированных ученых, доступна ныне на сайте ИИЕТ РАН⁵⁶⁰).

В 1992 г. отец предложил мне перевести статью К. Вайцзеккера «Физика и философия», однако текст формального перевода, который я ему принес, он подверг серьезной редакторской правке, из чего я понял, что перевод это особое искусство передачи смысла, поиска образов, которые отсутствуют в словарях, чем я явно не владел (перевод под его редакцией был опубликован в 1993 г. в ж. «Вопросы философии»), и я сосредоточился исключительно на истории физики.

В этот период я также интересовался исследованиями А.Л. Чижевского по корреляции солнечной активности и различных социальных процессов. Отец дал мне ксерокопию книги Чижевского «Физические факторы исторических процессов», которая в СССР не переиздавалась и была труднодоступна. Также отец оформил мне от ИИЕТА отношение в Архив Академии наук, в фонд Чижевского, для знакомства с неизданными работами Чижевского, ссылки на которые я вычитал из книги В.Н. Ягодинского. Статья о Чижевском вошла в сборник⁵⁶¹, посвященный русскому космизму, который готовил отец.

С 1996 г. после двух лет почти полного выпадения из научной деятельности (приходилось зарабатывать деньги физическим трудом в коттеджном строительстве, поскольку в ИРЭ тогда не платили), я уже полностью перешел в ИИЕТ РАН, сначала с годичным грантом по истории физики, а затем остался как специалист, разбирающийся в компьютерной

⁵⁶⁰ <http://www.ihst.ru/projects/sohist/>

⁵⁶¹ Томилин К.А. Вокруг трепещет пульс вселенной: А.Л. Чижевский // Философия русского космизма. М., 1996. С. 164–180.

технике, поскольку начиналась компьютеризация института. Я же был, прежде всего, заинтересован в сотрудничестве с коллективом историков физики ИИЕТА и через несколько лет перешел в сектор истории физики, в 2003 г. защитил диссертацию и в 2006 г. издал книгу по истории фундаментальных физических постоянных с посвящением своим родителям — Н.К. Томилиной и А.П. Огурцову⁵⁶².

В книге об отце, интересовавшемся проблемами физики, хотелось бы отметить некоторые наиболее важные особенности её развития.

Физика построена на упрощении реальности — придумывании простых моделей, которые приближенно описывают реальность. Вся классическая физика была основана на мгновенности взаимодействия, а современная до сих пор успешно оперирует с точечными частицами. Вся экспериментальная физика тоже оперирует с приближенными значениями измеряемых величин. (В этом отношении философ К. Поппер совершенно не прав, утверждая, что все, что приближено, — неверно). Вторая особенность развития физики заключается в принципе соответствия физических теорий — теории не отбрасываются, а обобщаются, сохраняясь в обобщенной теории в качестве предельного случая. Третья особенность связана с обоснованием истинности теории на основе выполнения двух условий: теория должна вытекать из фундаментальных физических принципов и, одновременно, соответствовать экспериментальным данным. Такой методологии обоснования истинности придерживаются практически все физики, ее сформулировал в явном виде в письме к М. Соловину А. Эйнштейн, изобразив ее в виде схемы, а еще ранее — Д.И. Менделеев.

Решающие, прорывные идеи выдвигают отдельные гении, такие как Г. Галилей, И. Ньютона, Дж.К. Максвелл, Л. Больцман, А. Эйнштейн. Как правило, эти идеи значительно опережают уровень научного сообщества, и требуется время, пока не выдвинется какая-либо научная фигура, способная воспринять идеи гениев. Поскольку возникает разрыв между передовыми научными идеями и общим уровнем научного сообще-

⁵⁶² Томилин К.А. Фундаментальные физические постоянные в историческом и методологическом аспектах. М., 2006.

ства, для восприятия этих идей возникает запрос на упрощение этих идей, который и выполняется последователями гениев.

Так, например, второй закон механики Ньютона — изменение [количества] движения пропорционально приложенной силе и направлено в том же направлении, т.е. $\frac{dp}{dt} \sim F$, был переупрощен кем-то из последователей Ньютона XVIII в. и, с учетом классического определения импульса $p=mv$, превращен из дифференциального соотношения в линейную формулу $F=ma$, которая присутствует в современных школьных учебниках.

Однако, как выяснилось при дальнейшем развитии физики, формула $F=ma$ не является универсальной — она не выполняется при изменении массы тела (например, для ракет, расходующих топливо), а также в теории относительности, где трехмерное ускорение, вообще говоря, не устремлено по направлению трехмерной силы (из-за отсутствия абсолютного времени, и, как следствие, другого определения импульса и появления в формуле для ускорения дополнительного члена, который пропорционален вектору скорости).

Однако, второй закон Ньютона в форме $\frac{dp}{dt} = F$,

соответствующий именно оригинальной, ньютоновской формулировке, оказался справедлив и для полетов ракет и в специальной теории относительности, т. е. он изначально являлся более универсальным, чем закон, который был переупрощен его последователями и преподается до сих пор в школах, как некоторая истина. Поэтому совершенно очевидно, что в школьных учебниках необходимо возвращаться к первоначальной ньютоновской формулировке этого закона, дабы не заставлять их в дальнейшем переучиваться.

Аналогичная ситуация сложилась и с электродинамикой, развитой Максвеллом на основе тщательного анализа того, что было сделано его предшественниками — М. Фарадеем, А. Ампером и др., и, опираясь на математический аппарат, развитый У. Гамильтоном. Для описания электродинамических закономерностей Максвелл использовал такие физические величины, как скалярный ϕ и векторный потенциал \mathbf{A} , электродвигущую силу (аналог напряженности поля \mathbf{E} с учетом движения пробного тела), поля \mathbf{D} и \mathbf{H} , а также плотность заряда q и тока j , характеризующие источники (в современных обозначениях). В «Трактате по электричеству и

магнетизму» (1873) Максвелл ввел также и магнитную индукцию **B**. При этом Максвелл отметил, что не стремится к упрощению всей системы из 12 соотношений (в основном это были определения одних физических величин через другие, а также линейные соотношения между полями **B** и **H**, **E** и **D**, которые и представляли, собственно, основные законы электродинамики, поскольку именно в них и фигурирует в общем случае в качестве коэффициента эмпирическая константа, характеризующая силу электромагнитного взаимодействия). Еще одну физическую величину — концентрацию потенциала Максвелл ввел в электростатику, но не успел развить до полноценного понятия электродинамики (при ее введении уравнения электродинамики являются линейными, а дифференциальные операторы фигурируют только в определениях физических величин)⁵⁶³.

Максвелл, к сожалению, не успел развить форму электродинамики, независимую от выбора единиц измерения, и опирался на электростатическую и электромагнитную систему единиц, хотя ясно указал на необходимость перехода к системам единиц, основанным на мировых постоянных (что и осуществляется ныне в рамках перехода к квантовой метрологии). Это привело к тому, что последователи максвелловской теории О. Хевисайд, Г. Герц и Г. Лоренц, вместо записи уравнений Максвелла в универсальной, независимой от выбора единиц форме, на основе комбинированной механической системы единиц (гауссовой системы) осуществили переупрощение максвелловской теории, сведя уравнения Максвелла к двум основным с двумя полями **E** и **H**. На основе такой упрощенной системы понятий с двумя полями **E** и **H** в дальнейшем были открыты преобразования Лоренца и пошло дальнейшее развитие физики (с учетом рационализации Хевисайдом и Лоренцом единиц, т. е. согласования законов электродинамики и геометрии по симметрии). Тем не менее, уже в 1916 г., Эйнштейном была переформулирована электродинамика в общековариантной форме, из которой стало наглядно ясна правота Максвелла, вводившего 4 поля, которые принципиально отличаются по своим физическим

⁵⁶³ Tomilin K.A. Fundamental constants, quantum metrology and electrodynamics // Physical Interpretation of Relativity Theory: Proceedings of International Meeting. Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 29 June–02 July, 2015. Moscow: BMSTU, 2015. P 511–522.

и математическим свойствам и которые никак нельзя отождествлять, как это делается в гауссовой системе, из-за наличия в общем случае между ними метрического тензора. Между этими 4 полями есть три разных попарных соответствия (**E** и **D** – электрические поля, **B** и **H** – магнитные поля; **E** и **H** – с точки зрения математики 1-форма (ковекторы), **B** и **D** – 2-форма (тензоры); **E** и **B** объединяются в один тензор 2-го ранга (тензор электромагнитного поля), **D** и **H** – в другой (тензор смещения, или, как называл его А.Зоммерфельд, тензор возбуждения)). Отождествление, как это делается в гауссовой системе, полей **E** и **D**, а также **B** и **H** в вакууме, возможно только в идеальном случае отсутствия гравитации, что никогда в реальности не реализуется. Упрощенное понимание электродинамики (с двумя полями **E** и **H**) было преодолено Зоммерфельдом, перешедшим в 1933 г. к системе МКСА, основанной на максвелловской системе понятий с учетом основополагающих работ Г. Минковского, и отражено в его фундаментальном учебнике по электродинамике. Им же были, по-видимому, впервые записаны уравнения Максвелла в универсальной, независимой от выбора единиц форме, содержащей в явном виде эмпирическую константу взаимодействия (волновое сопротивление вакуума, пропорциональное в квантовых единицах постоянной тонкой структуры). Тем не менее, переупрощенная система величин только с двумя полями **E** и **H** до сих пор еще применяется в научных публикациях, и проникла даже в такие классические учебники, как учебник Л.Д. Ландау и Е.М. Лифшица, что является тормозом на пути развития науки, а включение в один тензор величин из двух разных тензоров запутывает студентов. Обманчивая простота гауссовой системы понятий, включающая константу взаимодействия электродинамики α в сами определения физических величин, приводит к необходимости перенормировки всех физических величин при высоких энергиях (поскольку в этой системе электрический заряд определяется через механическую силу, а не как инвариантный заряд, а сила взаимодействия растет с ростом переданного импульса). Принципиальным недостатком гауссовой системы является и то, что она построена на игнорировании существования естественных эталонов, в ее рамках невозможно одновременно выбирать такие постоянные, как скорость света c , постоянную Планка \hbar и элементарный заряд e в качестве единиц

измерения — а именно к таким единицам и осуществляется переход в современной метрологии. Переход в электродинамике к форме, не зависящей от выбора единиц измерения, является давно назревшим.

Еще одно переупощение было связано с теорией относительности Эйнштейна, в которой действует фундаментальное соотношение между энергией, импульсом и массой, в виде теоремы Пифагора: $E^2 = (pc)^2 + (mc^2)^2$, а для покоя ($p=0$) выполняется простая формула $E_0 = mc^2$. Ради сохранения формы классического закона сохранения импульса была введена так называемая релятивистская масса $m_{rel}^2 = m^2 + p^2/c^2$, в результате чего возникла формула $E = m_{rel}c^2$, а инвариантная масса m при этом стала называться массой покоя m_0 . При этом индекс при массе со временем стали отбрасывать и формула превратилась в простое соотношение $E = mc^2$, получившее широкое распространение и ставшее символом теории относительности. Само понятие «релятивистской массы» было, на самом деле, по определению эквивалентным энергии (с точностью до квадрата скорости света) и, тем самым, излишним и запутывающим понимание теории относительности. Следует отметить, что значительная часть физиков не поддалась этой моде и не использовала понятие релятивистской массы в принципе (например, Ландау и Лифшиц). С большим трудом, только на рубеже XX–XXI вв. удалось избавиться от этого понятия из школьных учебников и вернуться к понятию инвариантной массы m . Интересно, что акад. Л.Б. Окунь, написавший статью по этой проблеме, получил отказ от журнала «Физика в школе», в результате он опубликовал ее в 1989 г. в журнале «Успехи физических наук».

Как видим, работы классиков науки содержат значительно более глубокое знание, чем принято считать, а представление, что все нашло отражение в современных учебниках — совершенно ошибочно. Как раз в учебники попадают переупощенные до голых скелетов теории, лишенные к тому же для простоты вторых рук и ног, и требуется значительное время для преодоления этого переупощения. Как справедливо отмечал Эйнштейн, «всё следует упрощать до тех пор, пока это возможно, но не более того».

Основным регулирующим принципом развития физики является принцип соответствия физических теорий. Осозна-

ние этого важнейшего методологического принципа физики произошло на рубеже XIX–XX вв. в ходе квантово-релятивистской революции в физике, хотя на самом деле он широко применялся физиками и математиками и до этого.

Согласно принципу соответствия физические теории не сменяют полностью одна другую в ходе развития физики; напротив, историческое развитие физики заключается в переходе ко все более общим теориям, а первоначально развитые теории сохраняют свою ценность в качестве предельных случаев этих общих теорий. Таково взаимоотношение между классической, ньютоновской механикой (НМ) и релятивистской механикой (РМ), классической термодинамикой и релятивистской, классической механикой и квантовой (КМ), квантовой и релятивистской квантовой теорией (РКТ), ньютоновской теорией тяготения (НТТ) и релятивистскими теориями гравитации (РТГ), в том числе общей теорией относительности (ОТО).

Соотношение между классическими и неклассическими (релятивистскими, квантовыми) теориями устанавливается с помощью предельного перехода по той или иной фундаментальной постоянной. Под предельным переходом по какой-либо фундаментальной постоянной понимается переход по безразмерному отношению некой размерной физической величины к соответствующей размерной физической постоянной (например, скорости тела v к скорости света c или действия S к постоянной Планка \hbar).

При этой операции основные законы и понятия более общей теории переходят в соответствующие законы и понятия первоначально развитой частной теории (но не непосредственно, а через некоторую промежуточную теорию, а переход к первоначальной теории требует еще дополнительных условий идеализации). Таким образом, фундаментальные постоянные определяют границы применимости первоначально развитых идеализированных частных теорий, но соответствие между законами и понятиями этих теорий не является пол-

ным. Например, релятивистский импульс $\vec{P} = \frac{m\vec{v}}{\sqrt{1 - v^2/c^2}}$

при предельном переходе $v/c \rightarrow 0$ переходит в классический

импульс $\vec{P} = m\vec{v}$. Энергия $E = \frac{mc^2}{\sqrt{1 - v^2/c^2}}$ в этом же пределе

переходит в $E = mc^2 + \frac{mv^2}{2}$, в то время как в классической механике энергия покоя $E_0 = mc^2$ является свободным параметром и обычно по умолчанию выбирается равной нулю. Также релятивистский эффект Доплера переходит при предельном переходе в формулу для классического эффекта Доплера, причем оказывается, что в классической кинематике отсутствует такой эффект, как поперечный эффект Доплера, и т. д. Таким образом, более общие теории содержат новое дополнительное знание, не имеющее аналогов в классических теориях. Экспериментальное подтверждение этих новых эффектов является наиболее убедительным свидетельством справедливости более общих теорий.

Часто предельный переход между теориями понимается как непосредственное стремление некой фундаментальной постоянной к нулю или бесконечности ($\hbar \rightarrow 0, c \rightarrow \infty$). Однако эта операция не вполне корректна как в методологическом, так и в физическом смысле. Во-первых, изменение численного значения размерной постоянной может быть скомпенсировано простым изменением единиц. Поэтому реальными изменениями значений размерных фундаментальных постоянных являются только такие, которые приводят к изменению безразмерных параметров. (В связи с этим и рассуждения о том, как выглядел бы мир, если бы та или иная размерная постоянная была бы больше или меньше современного значения, лишены физического смысла, если при этом не оговаривается, что происходит с безразмерными постоянными.) Во-вторых, даже формально условие $c \rightarrow \infty$ не приводит к переходу от группы Лоренца к группе Галилея, необходимым условием для этого является, чтобы все физические величины с размерностью L/T были много меньше скорости света, как отмечал, например, Ж.-М. Леви-Леблон⁵⁶⁴. Поэтому предельный переход должен осуществляться не по размерным константам, а по безразмерным параметрам (отношениям размерных физических величин к соответствующим фундаментальным постоянным).

История развития принципа соответствия исследовалась в

⁵⁶⁴ Levy-Leblond J.-M. On the conceptional nature of the physical constants // Rivista Nuovo Cimento. 7 (2). P.203 (1977).

монографии И.В. Кузнецова⁵⁶⁵, в коллективных монографиях «Принцип соответствия» (первую главу которой составила книга Кузнецова, а в последующих были рассмотрены история осознания принципа соответствия физических теорий в ходе революции в физике и история аналогичных принципов в других науках — математике, химии, биологии и т. д.)⁵⁶⁶ и «Методологические принципы физики»⁵⁶⁷, в монографии Н.Ф. Овчинникова⁵⁶⁸. Различные аспекты принципа соответствия анализировались в статьях Н.Розена, И.Кона, Я.А. Смородинского и др.⁵⁶⁹ Рядом ученых, в том числе Т. Куном, П. Фейерабеном и др., высказывались возражения против соответствия физических теорий, а П.Г. Кардом была выдвинута идея «принципа несоответствия» физических теорий, дополняющая принцип соответствия⁵⁷⁰.

Обычно принцип соответствия связывается с именем Н. Бора, а именно с его работами по квантовой теории. На самом деле идея соответствия новых законов с установленными ранее и имеющими хорошее эмпирическое обоснование законами неявно использовалась уже с момента зарождения классической физики в XVII в. Например, Ньютона при построении теории тяготения понимал, что из его теории должны следовать эмпирические законы Кеплера, а Максвелл — что из его электродинамики должны следовать законы Кулона и Ампера. Причем из ньютоновской теории тяготения следовал не собственно кеплеровский закон, являющийся чисто кинематическим, а модифицированный закон Кеплера, учитывающий отношение масс взаимодействующих тел и переходо-

⁵⁶⁵ Кузнецов И.В. Принцип соответствия в современной физике и его философское значение. М., 1948.

⁵⁶⁶ Принцип соответствия. М., 1979.

⁵⁶⁷ Зотов А.Ф. Принцип соответствия // Методологические принципы физики. М., 1975. С. 343–384.

⁵⁶⁸ Овчинников Н.Ф. Методологические принципы в истории научной мысли. М., 1997.

⁵⁶⁹ Cohn I. Quantum theory in the classical limit // Amer. J. Phys. 40. 3. P. 463–467 (1972). Rosen N. The relation between classical and quantum mechanics // Amer. J. Phys. 32. № 8. P. 597–600 (1964). Смородинский Я.А. Спор, который не может окончиться // Нильс Бор и наука XX века. Киев, 1988. С. 191–196.

⁵⁷⁰ Кард П.Г. Принцип несоответствия // Методологические вопросы физики. Т.2. Тарту, 1975. С. 21–26.

дящий в собственно кеплеровский при предельном переходе $m/M \rightarrow 0$.

В ходе развития физики оказалось, что не только отдельные законы, но и хорошо развитые теории, такие, как механика, могут обобщаться и становиться предельными случаями обобщенных теорий. Развитие квантово-релятивистской революции требовало осмыслиения соотношения нового и старого знания, что нашло отражение в докладах Л. Больцмана и А. Пуанкаре на Конгрессе искусства и науки в Сент-Луисе в сентябре 1904 г.

В докладе «О статистической механике» Больцман размышлял об особенностях развития теоретической и экспериментальной физики: «Развитие экспериментальной физики непрерывно прогрессирует, никогда не делает слишком внезапных скачков, <...> никогда не претерпевает серьезных переворотов и потрясений», а «каждый твердо установленный факт остается навсегда неизменным», напротив, теоретическая физика «переживает период переворота»⁵⁷¹. Отмечая, что основания старых теорий «в настоящее время во многом становятся спорными» и «может случиться, что сложное теоретическое построение вдруг рухнет и будет заменено другим, более плодотворным», Больцман указал, что «при этом, как правило, старая теория находит себе место в рамках новой в качестве картины для более узкого круга явлений»⁵⁷².

В докладе на этом же конгрессе 24 сентября 1904 г. Пуанкаре прямо высказал идею соответствия и предельного перехода между «новой механикой» и классической механикой, предвосхитившую создание релятивистской механики. Пуанкаре отметил, что классическая механика должна сохраниться как предельный случай «новой механики» для малых скоростей движения по сравнению со скоростью света: «Возможно, мы должны создать совершенно новую механику, которую мы лишь смутно представляем, механику, где инерция возрастала бы со скоростью и скорость света являлась бы непреодолимым пределом. Обычная механика, более простая, оставалась бы как первое приближение, справедливое для скоростей не слишком больших, так что новая динамика включала бы старую»⁵⁷³.

⁵⁷¹ Больцман Л. (1904) О статистической механике // Больцман. Избр. труды. Л., 1984. С. 379, 380.

⁵⁷² Там же. С. 380, 381.

⁵⁷³ Пуанкаре А. (1904) Настоящее и будущее математической физики //

В литературе, посвященной принципу соответствия, уже отмечалось, что соответствие между физическими теориями аналогично соответствуанию между такими математическими теориями, как евклидова и неевклидова геометрия (*Каган*, 1944, с. 317–328; *Кузнецов*, 1948, с. 58; *Овчинников*, 1997, с. 149–152)⁵⁷⁴. Неевклидову геометрию — геометрию Лобачевского и геометрию Римана, можно рассматривать как обобщение евклидовой геометрии, считавшейся единственно возможной на протяжении двух тысячелетий. Взаимоотношение между неевклидовой и евклидовой геометриями также подчиняется принципу соответствия (что в принципе не характерно для математических теорий), евклидову геометрию можно рассматривать как предельный случай неевклидовой геометрии при стремлении кривизны пространства к нулю (или радиуса кривизны к бесконечности), что было осознано еще Ф.К. Швейкартром и К.Ф. Гауссом. Так, Швейкарт в 1817 г. в письме Гауссу говорил о переходе «звездной» геометрии в евклидову при стремлении некоторой константы к бесконечности⁵⁷⁵. Позже Гаусс в письме Тауринусу от 8 ноября 1824 г. указал на предельный переход между «неевклидовой геометрией» (термин, впервые введененный Гауссом именно в этом письме) и евклидовой: «Допущение, что сумма трех углов треугольника меньше 180, приводит к своеобразной, совершенно отличной от нашей (евклидовой) геометрии; эта геометрия совершенно последовательна, и я развел ее для себя совершенно удовлетворительно; я имею возможность решить в этой геометрии любую задачу, за исключением определения некоторой постоянной, значение которой a priori установлено быть не может. Чем большее значение мы придаем этой постоянной, тем ближе мы подойдем к евклидовой геометрии, а бесконечно большое ее значение приводит обе системы к совпадению»⁵⁷⁶. Существенным отличием неевклидовой геометрии от евклидовой было то, что все

Планкаре А. Избр. труды. М., 1974. Т.3. С. 575.

⁵⁷⁴ *Каган В.Ф.* Лобачевский. М.-Л., 1944. *Кузнецов И.В.* Принцип соответствия в современной физике и его философское значение. *Овчинников Н.Ф.* Методологические принципы в истории научной мысли.

⁵⁷⁵ *Лобачевский Н.И.* Полн. собр. соч. Т.1. М;-Л., 1946. С. 163.

⁵⁷⁶ *Гаусс К.Ф.* (1824) Отрывки из писем и черновые наброски, относящиеся к неевклидовой геометрии // Об основаниях геометрии. М., 1956. С. 105–106.

ее законы связаны с предварительным выбором некоторого фундаментального масштаба длины, относительно которого и можно мерить кривизну. Идея абсолютной единицы длины («ein absolutes Maass der Lange»), по-видимому, впервые была высказана Г. Ламбертом в «Теории параллельных линий»⁵⁷⁷, затем в известном письме 1817 г. Гауссу эту «константу» размерности длины обсуждал Швейкарт⁵⁷⁸, Гаусс в письме к Тауринасу также использовал термин «абсолютная мера длины» («absolutes Maass»)⁵⁷⁹.

Аналогия между этими математическими и физическими теориями основана на аналогии между понятием «абсолютной единицы длины» в неевклидовой геометрии и понятием фундаментальных физических постоянных, как абсолютных масштабов Природы. Однако это не просто аналогия. Уже после создания релятивистской механики было выяснено, что пространство скоростей в релятивистской механике является не чем иным, как геометрией Лобачевского, где роль «абсолютной меры длины» играет скорость света в вакууме (*Varičak*, 1910)⁵⁸⁰. А в общей теории относительности с помощью риманова пространства гравитация была представлена как искривление пространства-времени. При этом при стремлении компонентов тензора кривизны пространства-времени к нулю ОТО переходит в СТО, что соответствует переходу от римановой геометрии к псевдоевклидовой.

С точки зрения развития физических теорий, подчиняющихся принципу соответствия, эволюция физики идет от частных ко все более общим теориям, и окончательный итог большинство ученых видят в построении единой физической теории, которая описывала бы все наблюдаемые явления — «теории всего» («Theory of Everything»). На протяжении XX в. в физике реализовывалось несколько программ построения единой теории, основанных на выборе различных наборов фундаментальных постоянных. В первой трети XX в. попытки

⁵⁷⁷ Lambert J.H. Theorie der Parallellinien // Die Theorie der Parallellinien von Euklid bis auf Gauss. Leipzig, 1895. S. 199.

⁵⁷⁸ Лобачевский Н.И. Полн. собр. соч. Т.1. С. 162–163.

⁵⁷⁹ Гаусс К.Ф. Там же, с.106.

⁵⁸⁰ Varičak V. Anwendung der Lobachevskischen Geometrie in der Relativitätstheorie // Phys. Zeit. 11. S. 93–99. Varičak V. Die Relativtheorie und die Lobatschevskische Geometrie // Phys. Zeit. 11. S. 287–293.

построения «единой теории поля» на основе программы геометризации физики и объединения электродинамики и гравитации предпринимали Г. Ми, Д. Гильберт, Г. Вейль, А. Эйнштейн, А. Эддингтон и др.⁵⁸¹, однако в 1930-е гг. были открыты другие взаимодействия — слабое и сильное. В последней трети XX в. приобрела популярность модель общей теории как с Gh-теории (А.Л. Зельманов, Л.Б. Окунь, Л.Д. Фаддеев, Г.Е. Горелик, Вл.П. Визгин и др.). Процесс объединения физических теорий продолжился и в 1970—1980-е гг. В этот период было осуществлено объединение таких теорий, как квантовая электродинамика и теория слабого взаимодействия. Дальнейшее продвижение по пути объединения физических теорий ныне связывается с объединением теории электрослабого взаимодействия и квантовой хромодинамики, описывающей сильное взаимодействие. Основным камнем преткновения для реализации программы полного объединения физических теорий по-прежнему остается обособленность гравитации от других взаимодействий, связанная в том числе с ее исключительной слабостью, а также использование в электродинамике в уравнениях Янга-Миллса системы понятий, основанной на переупрощении системы физических величин.

В заключение хотелось бы остановиться на роли философии, которая играет, на мой взгляд, общерегулирующую роль для физики. Философия строится на принципе единства мира, его познаваемости, системности философской теории, едином языке. Физика движется тоже к единству, но до сих пор далека от единства — гравитация и элементарные взаимодействия существуют как отдельные теории, материальные носители — бозоны и фермионы, подчиняющиеся принципиально разной квантовой статистике, также существуют вне единого их понимания. В этом смысле между физикой и философией нет принципиальных конфликтов, а только связанные с отсутствием единства физики и ошибочным восприятием относительных физических истин как абсолютных.

Общефилософская критика не воспринимается физическим сообществом в силу зашоренности, узости специалистов, непонимания ими единства Природы. Философы видят мир в целом, как космонавты, видящие, что Земля круглая. Физики, работающие в узких областях, напоминают геодезистов, для которых достаточно считать, что Земля плоская в

⁵⁸¹ Визгин В.П. Единые теории поля в первой трети XX в. М. 1985, 304 с.

соответствии с принципом простоты. Физики с трудом сшивают эту плоскую мозаику и рано или поздно приходят к тому, что земля круглая. Неслучайно предвосхищение физических теорий в рамках различных философских систем — четырехмерия пространства-времени, планетарной модели атома и др. Э. Шредингер отмечал, что исток квантовой теории — в античной философии⁵⁸². Как теперь очевидно, в дискуссиях XX в. именно философы оказались ближе к истине в нескольких случаях: когда физики Н. Бор, Л.Д. Ландау и др. попытались отказаться от закона сохранения энергии в слабых взаимодействиях (выход был найден в открытии нейтрино), термине «аннигиляция материи» (хотя речь шла об аннигиляции вещества и переходе материи из одной формы в другую), а также в критике эквивалентности массы и энергии (философы и физики из-за введения понятия релятивистской массы понимали под одними и теми же терминами разные понятия, правильно говорить было только об эквивалентности массы и энергии покоя, а не энергии в целом). Также с общефилософской точки зрения были не правы те физики, которые утверждали принципиальную невозможность выбора физиками системы природных эталонов (П. Бриджмен, Д. Хартри, Ф. Вильчек), или придумывающие ныне многомировые интерпретации для объяснения «тонкой подгонки» численных значений фундаментальных констант вместо поиска соотношений между ними.

Для физиков характерна абсолютизация исторически сложившихся форм физических теорий (например, уравнения Максвелла записываются в дифференциальной форме, из-за того, что в линейное уравнение включаются определения физических величин, и в виде, привязанном к конкретным единицам измерения, в то время как теория должна формулироваться в виде, который не зависит от выбора единиц измерения). Для физиков также характерно непонимание принципиально разного обоснования элементов физической теории — физических законов, физических принципов, математически определяемых (с учетом метрики пространства-времени) физических понятий, конвенциональных соглашений и эмпирических элементов (таких как константы взаимодействия). Это приводит к тому, что эмпирические элементы включаются в

⁵⁸² Шредингер Э. 2400 лет квантовой теории // Избр. труды по квантовой механике. М., 1976. С. 254–260.

определения физических величин, и даже в само математическое определение расширенной производной, математические тождества (как первая пара «уравнений Максвелла», верная в принципе для любых дифференцируемых векторов и введенная в теорию Хевисайдом в процессе переупрощения максвелловской теории) рассматриваются как физические законы, а конвенциональные соглашения воспринимаются как фундаментальные, на основе чего делаются ошибочные выводы даже о нефундаментальности некоторых физических принципов (так, П.А.М. Дирак отрицал принцип неопределенности просто из-за того, что абсолютизировал форму уравнений электродинамики в гауссовой системе)⁵⁸³. В то же время физики болезненно реагируют на философскую и методологическую критику форм современных физических теорий и понятий, ошибочно отождествляя форму физических теорий с ее содержанием и рассматривая развивающуюся форму как неизменную абсолютную истину.

С начала 1990-х гг. разрушилась система научного книгоиздания (прежде всего — по естественным наукам) и распространения научной литературы. Выход в этот период был найден в поддержке книгоиздания научными фондами. В 1996 г. удалось, таким образом, осуществить публикацию фундаментальной книги Г. Вейля «Пространство, время, материя», перевод с немецкого которой был сделан Вл.П. Визгиным. Поскольку Вейль находился под влиянием феноменологии Э. Гуссерля, знатоком которой был отец, мы обратились к нему для редактирования введения к книге Г. Вейля, что и было им сделано.

В 2010 г. по инициативе акад. Окуня отец перевел статью немецкого философа Э. Чиммера по принципам инвариантности, которую высоко оценивал Эйнштейн. Окунь достал ксерокс статьи, однако она оказалась написанной на немецком языке трудночитаемым готическим шрифтом, и он спросил у меня, нет ли у нас в институте специалистов, которые могли бы перевести текст этой статьи. Тогда я обратился к отцу, и он перевел всю статью (опубликована в электронном ж. «Vox», 2010. № 8 – vox-journal.org). Отец обладал широ-

⁵⁸³ Дирак П. Эволюция физической картины природы // Собр. Научн. трудов. Т.4. М., 2005. С. 568–582.

ким кругом интересов, в том числе и в области истории науки, поэтому текст по принципу инвариантности представлял для него тоже интерес. Но особенно его интересовала история математики, обоснование теории вероятности, он читал все ежегодники «Исследования по истории математики» и просил принести как раз именно новые историко-математические исследования, когда лежал в последний раз в больнице в «Узком».

Отец был и остается для меня Führung Field — направляющим полем (если воспользоваться термином Вейля).

БИБЛИОГРАФИЯ⁵⁸⁴

Монографии

1. Марксистская концепция истории естествознания (XIX век) (в соавторстве с Б. М. Кедровым). М., 1978.
2. Марксистская концепция истории естествознания. Первая четверть XX в. (в соавт. с Б.М. Кедровым). М., 1985.
3. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. М., 1988.
4. Философия науки эпохи Просвещения. М., 1993.
5. От натурфилософии к теории науки. М., 1995.
6. Философия природы: коэволюционная стратегия. М., 1995 (в соавт. с Р.С. Карпинской и И.К. Лисеевым).
7. Отечественная философия науки: предварительные итоги. М., 1997 (в соавт. с Е.А. Мамчур и Н.Ф. Овчинниковым).
8. Время культуры. СПб., 2000 (в соавт. с С.С. Неретиной).
9. Образы образования. Западная философия образования. ХХ век. М., 2004 (в соавт. с В.В. Платоновым).
10. Пути к универсалиям. СПб., 2006 (в соавт. с С.С. Неретиной).
11. Реабилитация вещи. СПб., 2010 (в соавт. с С.С. Неретиной).
12. Концепты политической культуры. М., 2011 (в соавт. с С.С. Неретиной).
13. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы. В 3-х т. М., 2011.
 - Т.І. Философия науки: исследовательские программы.
 - Т.ІІ. Философия науки: Наука в социокультурной системе.
 - Т.ІІІ. Философия науки и историография.
14. Онтология процесса. М., 2014 (в соавт. с С.С. Неретиной).

⁵⁸⁴ Библиография неполная.

504 Библиография

Учебники

1. История культурологии. М., 2006 (в соавт. с В.М. Межуевым, Ф.Т. Михайловым, С.С. Неретиной).

Брошюра

1. Научно-техническая революция и особенности современного научного познания (в соавт. с А.Е. Разумовым и Б.Г. Юдиным). М., 1977.

Статьи

1. Проблема труда в философии Гегеля // Научные труды МГИЛП. Сб. 15. М., 1960.
2. Критика буржуазных и ревизионистских фальсификаторов работы К. Маркса «Экономическо-философские рукописи 1844 г.» // Научные труды МГИЛП. Сб. 17. 1960.
3. Категория меры в истории диалектики // ВФ. 1964. № 12.
4. Проблема отчуждения в работах Маркса // Труды Московского института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. Вып. 31. М., 1965
5. Переход количества в качество и обратно (в соавт. с В.С. Тюхтыным) // Ленин об элементах диалектики. М., 1965.
6. Секрет открытий // ВФ. 1965. № 12.
7. Новыми путями (в соавт. с Н.Ф. Наумовой) // ВФ. 1966. № 12.
8. Человек в мире отчуждения // Человек в социалистическом и буржуазном обществе. Вып.1. М., 1966.
9. Судьба книги переплетается с судьбой человека // ВФ. 1967. № 4.
10. Отчуждение и человек // Человек, творчество, наука. М., 1967.
11. Практика как философская проблема // ВФ. 1967. № 7.
12. Этапы интерпретации философии Маркса // «Капитал» Маркса, философия и современность. М., 1968.
13. Экзистенциалистская философия языка. М. Хайдеггер // Философия марксизма и экзистенциализм. М., 1971.
14. Примечания к труду Гегеля «Философская пропедевтика» // Гегель. Работы разных лет. Т. 2. М., 1971.
15. Примечания к труду Гегеля «Наука логики». Т. 1–3. М., 1971–1974
16. Образы науки в буржуазном общественном сознании // Философия и наука. М., 1972.
17. Этапы интерпретации системности научного знания // Системные исследования. Ежегодник. М., 1974.
18. Гносеологические идеи К.Э. Циолковского // Труды IX Чтений К.Э. Циолковского. М., 1975.
19. Философия природы Гегеля и ее место в истории философии науки // Послесл. к: Гегель. Философия природы. М., 1975.

20. Metodos de analisis del desarollo de la ciencia // Metodología del conocimento científico. La Habana, 1976.
21. Забытые изыскания // Природа. 1976. № 2.
22. К.Э. Циолковский и В.И. Вернадский // Труды X Чтений К.Э. Циолковского. М., 1977.
23. Научная школа как форма кооперации в науке // Школы в науке. М., 1977.
24. Исторические формы дискуссий. Тезисы // Роль дискуссий в развитии естествознания. М., 1977.
25. От принципа к парадигме деятельности // Эргономика. Вып. 19. М., 1977.
26. Марксистская концепция истории естествознания (в соавт. с Б.М. Кедровым). М., 1979.
27. Из предыстории принципа соответствия // Принцип соответствия. М., 1979.
28. Предисловие к книге: *Одум Г., Одум Е.* Энергетический базис природы и человечества. М., 1979.
29. Дисциплинарное знание и научные коммуникации // Системные исследования. М., 1980.
30. Системность знания: история и проблемы // Сборник трудов ВНИСИ. 1980. № 7. (перепеч. на нем., англ., исп., франц. языках).
31. Взаимосвязь наук и взаимодействие ученых // Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук. М., 1981.
32. Экзистенциальность правды или объективность истины: конфликтность установок творческой личности // Междисциплинарный подход к исследованию научного творчества. М., 1981.
33. Институциализация идеалов научности // Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981.
34. Новое направление историко-научных исследований // Природа. 1982. № 7.
35. К.Э. Циолковский и В.И. Вернадский. Сравнительный анализ философских идей // К.Э. Циолковский и научно-технический прогресс. М., 1982.
36. Экологическое сознание: его генезис и особенность // Экология и культура. Ставрополь, 1982.
37. Уровни организованности научного знания. Тезисы // Структура и развитие научного знания. М., 1982.
38. Генезис рефлексивной установки в гносеологии Нового времени // Проблема рефлексии. Куйбышев, 1983.
39. Концепция науки Б. Больцано // Природа. 1983. № 6.
40. Социология знания и социология науки (в соавторстве с Н.И. Машениным) // Теория развития науки. На чешском яз. Прага. 1983. № 3.

506 Библиография

41. От исследовательских программ к образам культуры // Пути интеграции биологического и социогуманитарного знания. М., 1984.
42. История естествознания, идеалы научности и ценности культуры // Наука и культура. М., 1984.
43. Disciplinary knowledge and scientific communications // Systems research. Methodological problems. Oxford et all. 1984.
44. Проблемы научной революции (выступление на круглом столе) // ВФ. 1985. № 1.
45. Исторические типы дискуссий и становление классической науки // Роль дискуссий в развитии естествознания. М., 1986.
46. Уровни дисциплинарной организации науки и взаимодействия между учеными // Дисциплинарность и взаимодействие наук. М., 1986.
47. Антропность биологии и образы человека // Биология в познании человека. М., 1988.
48. Ценность науки в советской культуре // Культура в советском обществе. М., 1988.
49. От социологии знания к социологии науки // Современная западная социология науки. М., 1988.
50. Этнометодология и этнографическое изучение науки // Там же.
51. Антропность биологии и образы человека // Биология в познании человека. М., 1988.
52. Ценность науки в советской культуре // Культура в советском обществе. М., 1988.
53. От социологии знания к социологии науки // Современная западная социология науки. М., 1988.
54. Этнометодология и этнографическое изучение науки // Там же.
55. Методология гуманитарных наук в трудах В. Дильтея // ВФ. 1988. № 4 (в соавт. с В.В. Калиниченко).
56. Великая французская революция и наука // ВФ. 1989. № 3.
57. Подавление философии // Суровая драма народа. М., 1989.
58. Подавление философии // Общественные науки. 1990. № 4.
59. Междисциплинарные исследования творчества // Междисциплинарный подход к исследованию творчества. М., 1990.
60. Экзистенциальность правды или объективность истины: конфликтность установок творческой личности // Там же.
61. Герменевтика и естественные науки // Загадка человеческого понимания. М., 1991.
62. Можно ли достичь взаимопонимания в проблеме понимания? // Там же.
63. Наука: власть и коммуникация // ВФ. 1991. № 11.
64. Стоит ли умерщвлять науку ради «живого знания»? // Вопросы истории естествознания и техники. 1991. № 1.
65. Мир как автомат // Познавательные модели естественных наук

- в их взаимосвязи с науками общественными и техническими. М., 1991.
66. Идея «научной революции»: политический контекст и аксиологическая природа // Традиции и революции в истории науки. М., 1991.
67. Новые философские журналы и альманахи // Вопросы философии. 1992. № 3, 5, 7.
68. Этика жизни или биоэтика: аксиологические перспективы // Биоэтика: проблемы и перспективы. М., 1992.
69. Наука и тоталитарная власть: смена образов и стратегий // Наука и тоталитарная власть. М., 1993 (перепеч. в кн.: Подъластная наука? Наука и советская власть. М., 2010)
70. Этика жизни или биоэтика // Вопросы философии. 1994. № 3.
71. Аксиологические модели в философии науки // Философские исследования. 1995. № 1.
72. Культура как просветление бытия // Постижение культуры. Вып. 5–6. М., 1996.
73. Благо и истина: точки схождения и расхождения // Благо и истина: классические и неклассические регулятивы. М., 1998.
74. Философия науки в 20 веке // Философия науки. Вып. 6. М., 2000.
75. Постмодернизм и книжная культура модерна (в соавт. с С.С. Неретиной) // Общество и книга: от Гуттенберга до Интернета. М., 2000.
76. Социальная история науки: стратегии, направления, проблемы // Принципы историографии естествознания. ХХ век. СПб., 2001.
77. Приключения философии науки в России в 20 веке. 2000 // Философия науки. Новосибирск. 2001. Вып. 3 (11).
78. Постмодернистский образ человека и педагогика // Человек. 2001. № 3, 4.
79. Педагогическая антропология: поиски и перспективы // Человек. 2002. № 1, 2.
80. Проблема универсалий в философии ХХ века // Истина и благо: универсальное и сингулярное. М., 2002.
81. От семантики языка к семантике культуры // Теоретическая культурология. М., 2005.
82. Язык и речь – векторы определения пространства культуры (в соавт. с С.С. Неретиной) // Теоретическая культурология. М., 2005.
83. Концепт как возможность постижения смысла (в соавт. с С.С. Неретиной) // Теоретическая культурология. М., 2005.
84. Лингвокультурология, концепт, смысл, значение, язык, речь, знаковая система, символические формы, дискурс // Теоретическая культурология. М., 2005.
85. «...Мое самоопределение относительно самоопределения университета» // Самоопределение университета: нормативные модели и отечественные реалии. Ведомости. Вып. 27, специальный / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень, 2005.

508 Библиография

86. Наука глазами гуманитария // Вопросы философии. 2007. № 7.
87. О понятиях логики // Vox. Философский журнал. 2007. № 2.
88. Антология раннего позитивизма // Vox. Философский журнал. 2007. № 3.
89. Русский космизм (обзор литературы и навигатор по сайтам Интернета) // Vox. Философский журнал. 2008. № 4.
90. Точки роста философии: разрозненные мысли // Vox. Философский журнал. 2008. № 5 (переопубл.: Философский журнал. 2009. № 1 (2)).
91. Философия природы как онтология // Философия природы сегодня. М., 2009.
92. Интерсубъективность как проблема философии науки // Философия науки. Вып.14. Онтология науки. М., 2009.
93. Концепты политического сознания(в соавт. с С.С. Неретиной)// Vox. Философский журнал. 2009. № 5.
94. От методологии истории к метафизике истории // Наука: от методологии к онтологии. М., 2009.
95. Венский кружок и переход от физикализма к пробабилизму // Vox. Философский журнал. 2009. № 6.
96. Образование как процесс: смена интерпретаций//Vox. Философский журнал. 2009. № 7.
97. Ценностные ориентации внутри корпоративной культуры // Философия и культура. 2009. № 1 (9).
98. Истина, правдоподобность и пробабилизм (Ч.1) // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. Вып. 3 (50).
99. Истина, правдоподобность и пробабилизм (Ч.2) // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. Вып. 4 (51–52).
100. Образование – процесс vs деятельность? (Ретроспектива интерпретаций. В двух частях) // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XII. Вып. 53–54; вып. 55–56.
101. Наука и образование в перспективе тезаурусной динамики М.К. Петрова // Политическая концептология. Журнал междисциплинарных исследований. Ростов на Дону. 2009. № 3.
102. Тенденции современной философии науки // Общественные и гуманитарные науки. Тенденции развития и перспективы сотрудничества. М., 2009.
103. Trends in the modern philosophy of science // The social Sciences and Humanities Research Trends and collaborative Perspectives. М., 2009.
104. Новый поворот к объекту в современном мышлении // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб., 2009.
105. Paradoxes of Mephistopheles or Paradoxes of the Communist Mind? // Aleksandr Bogdanov Revisited. Helsinki, 2009.

106. Наука и советская власть: смена образов и стратегий // Подвластная наука? Наука и советская власть. М., 2010.
107. Метафизика и способы обоснования исчисления вероятностей (разрозненные заметки) // Vox. Философский журнал. 2010. № 8 (переопубл.: Идеи и идеалы. 2010. Т. 1. № 4 (6)).
108. Фундаментальный труд по индийской философии // ВФ. 2010. № 6.
109. Русский космизм и современность (в соавт. с И.К. Лисеевым) // Россия в диалоге культур. М., 2010.
110. От методологии истории – к метафизике истории // Наука: от методологии к онтологии. М., 2010.
111. Ученый и власть (выступление на круглом столе 12 ноября 2009 г. в СПбГУП) // Человек. 2010. № 3.
112. «Жизненный мир» и кризис науки // Vox. Философский журнал. 2010. № 9.
113. Юридические метафоры, в которых жила философия (статья первая). Томас Гоббс и Левиафан тотальной власти // Vox. Философский журнал. 2011. № 10.
114. Дискурс об управлении: от метафор к нейтральному языку описания // Vox. Философский журнал. 2011. № 11.
115. Методология науки и ее антропологический ресурс. (В двух частях) // Личность. Культура. Общество. М., 2011. Т. XIII. Вып. 3. № 65–66; вып.4. № 67–68.
116. Преодоление сложности и расширение границ научных теорий // Vox. Философский журнал. 2012. № 12.
117. «Планетарий Архимеда» и сопряжение дискурсов а античности // Vox. Философский журнал. 2012. № 13.
118. Онтология // Vox. Философский журнал. 2012. № 13. Онтология процесса как онтология субъекта: от генетической феноменологии к генетической психологии // Методология науки и антропология. М., 2012.
119. Преодоление сложности и расширение границ научных теорий // Философия науки. М., 2013.
120. Поражение философии // Vox. Философский журнал. 2013. № 15.
121. Дивергенция и конвергенция концепций дискурса – их эпistemологические основания (статья первая) // Методология науки и дискурс-анализ. М., 2014.
122. Этос философии науки // Vox. Философский журнал. 2014. № 16.
123. История науки как путь к ноосфере: концепция В.И. Вернадского // Vox. Философский журнал. 2014. № 17.

510 Библиография

Энциклопедические и справочные статьи

Философская энциклопедия: В 5-ти т. / Под ред. Ф.В. Константинова. М., 1960–1970.

1. Литт Т. // Т.3. 1964.
2. Ландгребе Л.// Там же.
3. Метафизика // Там же.
4. Молешотт Я.// Там же.
5. Ноль Г./ Т. 4. 1967.
6. Отчуждение // Там же.
7. Пирсон К. // Там же.
8. Практика // Там же.
9. Рефлексия // Там же.
10. Риль А. // Там же.
11. Спекулятивное // Т.5. 1970
12. Сравнительно-исторический метод // Там же.
13. Спонтанное // Там же.
14. Субстанция (в соавт.)// Там же.
15. Феноменология // Там же.
16. Фетишизм // Там же.
17. Философия (в соавт.) // Там же.

Краткий словарь по философии. М., 1966.

18. Абстрактное и конкретное.
19. Единичное, всеобщее, особенное.
20. Единство диалектики, логики и теории познания.
21. Единство и борьба противоположностей.
22. Знание.
23. Идеал.
25. Идеализм.
26. Идеальное.
27. Изменение.
28. Институты социальные.
29. Качество и количество.
30. Материализм.
31. Мера.
32. Мышление.
33. Натурфилософия.
34. Основание и следствие.
35. Познание.
36. Противоположность.
37. Противоречие.
38. Символ.
39. Содержание и форма.

- 40. Сущность и явление.
- 41. Цель.

Большая Советская энциклопедия: В 30-ти т. М., 1969–1978 (3-е изд.).

- 42. Бытие // Т. 4.
- 43. Генезис // Т. 6.
- 44. Деятельность // Т. 8.
- 45. Индетерминизм // Т. 10.
- 46. Молешотт Я. // Т. 16.
- 47. Нельсон Л. // Т. 17.
- 48. Отчуждение // Т. 19.
- 49. Паульсен Ф. // Т. 20.
- 50. Петцольдт Й. // Т. 20.
- 51. Ремке Й. // Т. 21.
- 52. Ренувье Ш. // Т. 22.
- 53. Риккерт Г. // Т. 23.
- 54. Сравнительно-исторический метод // Там же.
- 55. Субстанция // Т. 24.
- 56. Типология (в соавт. с Э.Г.Юдиным) // Т. 25.
- 57. Трельч Э. // Т. 26.
- 58. Феноменология // Т. 27.
- 59. Фетишизм // Там же.
- 60. Философское образование // Там же.
- 61. Философские журналы // Там же.
- 62. Философские организации // Там же.
- 63. Экология социальная // Т. 30.

Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

- 64. Бытие.
- 65. Внешнее и внутреннее.
- 66. Генетический метод.
- 67. Действительность.
- 68. Деятельность.
- 69. Индетерминизм.
- 70. Отчуждение.
- 71. Парадигма.
- 72. Плюрализм.
- 73. Субстанция.
- 74. Типология.
- 75. Цель.
- 76. Институт социальный.
- 77. «Наука логики» Гегеля.
- 78. Риккерт Г.
- 79. Спекулятивное.

512 Библиография

- 80. Сравнительно-исторический метод.
- 81. Экология социальная.
- 82. «Энциклопедия философских наук» Гегеля.
- 83. Философские журналы.

Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии. М., 1986.

- 84. Абсентеизм.
- 85. Автаркия.
- 86. Авторитарной личности концепция (в соавт. с Ю.Н. Давыдовым).
- 87. Амбивалентность.
- 88. Ассоциация.
- 89. Биографический метод (в соавт. с С.М. Митиной, Е.А. Осиповой).
- 90. Географическое направление в социологии (в соавт. с А.Д. Ковалевым).
- 91. Дистанция социальная.
- 92. Культурное отставание.
- 93. Массового общества теории.
- 94. Социогеография.
- 95. Социология знания (в соавт. с Ю.Н. Давыдовым).
- 96. Социология искусства (в соавт. с Ю.Н. Давыдовым).
- 97. Сравнительно-исторический метод.
- 98. Стадий роста теории.

Краткий словарь по социологии. М., 1988.

- 99. Взаимодействие социальное.
- 100. Географическая школа.
- 101. Господство.
- 102. Движения социальные.
- 103. Детерминизм социальный.
- 104. Динамика социальная.
- 105. Дистанция социальная.
- 106. Законы социальные.
- 107. Идеал социальный.
- 108. Идеальных типов теория.
- 109. Институт социальный.
- 110. Исторического круговорота теории.
- 111. Капитализм.
- 112. Культурно-исторических типов теории.
- 113. Макросоциология.
- 114. Микросоциология.
- 115. Объяснение.
- 116. Отчуждение.
- 117. Психологизм.

- 118. Психодрама и социодрама.
- 119. Сравнительно-исторический метод.
- 120. Социология знания.
- 121. Социология искусства.
- 122. Социология международных отношений.
- 123. Социология науки.
- 124. Социология политики.
- 125. Социология права.

Современная западная социология. Словарь. М., 1990.

- 126. Социология искусства.
- 127. Социология знания.
- 128. Типология.
- 129. Этнометодология.
- 130. Формальная социология.

Современная западная философия. Словарь. М., 1991.

- 131. Мангейм К.
- 132. Мертон Р.К.
- 133. Метафизика.
- 134. Онтология.
- 135. Плюрализм.
- 136. Социология знания.
- 137. Социология науки.
- 138. Шелер М.

Русская философия: Малый энциклопедический словарь. М., 1995.

- 139. Подавление философии в СССР (в соавт. с В.П. Филатовым).

Новая философская энциклопедия. М., 2001–2002.

- 140. А=А // Т. 1.
- 141. Абсурд // Там же.
- 142. Адлер А. // Там же.
- 143. Аккультурация // Там же.
- 144. Алексеев Н.Н. // Там же.
- 145. Апель К.О.// Там же.
- 146. Апоретика // Там же.
- 147. Баадер Ф. // Там же.
- 148. Банзен Ю. // Там же.
- 149. Батеньков Г.С. // Там же.
- 150. Баур Ф. // Там же.
- 151. Бензе М. // Там же.
- 152. Бессмертие // Там же.
- 153. Библер В.С.// Там же.
- 154. Биографический метод // Там же.
- 155. Брюнswick Л. // Там же.
- 156. Бюхнер Л. // Там же.

514 Библиография

157. Вебер А. // Там же.
158. Весь // Там же.
159. Вико Дж. // Там же.
160. Вкус // Там же.
161. Вульгарный материализм // Там же.
162. Гайм Р. // Там же.
163. Гартман Э. // Там же.
164. Гилеморфизм // Там же.
165. Гольдман Т. // Там же.
166. Гомперц Т. // Там же.
167. Гротт Н.Я. // Там же.
168. Движение // Там же.
169. Дедукция // Там же.
170. Действительность // Там же.
171. Деятельность // Там же.
172. Дискурс // Там же.
173. Другой // Там же.
174. Дэвидсон Д. // Там же.
175. Зейдельмаёр Х. // Т. 2.
176. Идея // Там же.
177. Изменение // Там же.
178. Имманентная философия // Там же.
179. Императив // Там же.
180. Индетерминизм // Там же.
181. Индивидуальность // Там же.
182. Инсайт // Там же.
183. Исследование // Там же.
184. Источниковедение в истории философии // Там же.
185. Категории // Там же.
186. Коген Г. // Там же.
187. Концепция // Там же.
188. Краузе К.К.Ф. // Там же.
189. Кроче Б. // Там же.
190. Кюльпе О. // Там же.
191. Лифшиц М.А. // Там же.
192. Маймон С. // Там же.
193. Маковельский А.О. // Там же.
194. Маркузе Г. // Там же.
195. Мера // Там же.
196. Мертон Р.К. // Там же.
197. Место // Там же.
198. Методология // Там же.
199. Минковский Э. // Там же.
200. Наблюдение // Т. 3.

- 201. Натурфилософия // Там же..
- 202. Омельяновский Э. // Там же.
- 203. Операционализм // Там же.
- 204. Оуэн Р. // Там же.
- 205. Парадигма // Там же.
- 206. Паульсен Ф. // Там же.
- 207. Перцепции // Там же.
- 208. Политика // Там же.
- 209. Понимание // Там же.
- 210. Практика // Там же.
- 211. Процесс // Там же.
- 212. Реальность // Там же.
- 213. Ренувье О. // Там же.
- 214. Рефлексия // Там же.
- 215. Розенкранц К. // Там же.
- 216. Самодеятельность // Там же.
- 217. Сартр Ж.-П. // Там же.
- 218. Семиотика // Там же.
- 219. Символаты // Там же.
- 220. Симулякр // Там же.
- 221. Синтегма // Там же.
- 222. Смит А. // Там же.
- 223. Социология знания // Там же.
- 224. Спекулятивное знание // Там же.
- 225. Структура // Там же.
- 226. Сущее // Там же.
- 227. Сущность и явление // Там же.
- 228. Тейхмюллер Г. // Т. 4.
- 229. Тело // Там же.
- 230. Теннис Ф. // Там же.
- 231. Теософия // Там же.
- 232. Теургия // Там же.
- 233. Типология // Там же.
- 234. Труд // Там же.
- 235. Умозрение // Там же.
- 236. Уэвелл У. // Там же.
- 237. Фетишизм // Там же.
- 238. Фикционализм // Там же.
- 239. Философия в СССР // Там же.
- 240. Философия образования // Там же.
- 241. Философия языка // Там же.
- 242. Фриз Я.Ф. // Там же.
- 243. Шрейдер Ю.А. // Там же.
- 244. Эбнер Ф. // Там же.

516 Библиография

- 245. Эйкен Р. // Там же.
- 246. Эйлер Ф. // Там же.
- 247. Экология социальная (в соавт. с Б.Г. Юдиным) // Там же.
- 248. Энергия // Там же.

Большая Российская энциклопедия.

- 249. Бюхнер Л.// Т.4. М., 2006.
- 250. Виндельбанд В.// Т. 5. М., 2006.
- 251. Индетерминизм // Т. 11. М., 2008.
- 252. Методология // Т. 20. М., 2012.
- 253. Науковедение // Т. 22. М., 2013.
- 254. Ойкен Р.// Т. 23. М., 2013.
- 255. Плюрализм // Т. 26. М., 2014.
- 256. Практика (в новоевропейской философии) // Там же.
- 257. Риккерт Г./ Т. 28. М., 2015.

Эпистемология и философия науки. М., 2009.

- 258. Абсурд.
- 259. Авторство.
- 260. Академия наук.
- 261. Академия наук Российской.
- 262. Анализ.
- 263. «Беседы и математические доказательства» Галилея.
- 264. Биографический метод.
- 265. Мера.
- 266. Науковедение.
- 267. «Науковедение как точная наука».
- 268. «О вращениях небесных сфер» Коперника.
- 269. «Очерки по теории науки» Г. Грузинцева.
- 270. Социология знания.
- 271. Социология науки.
- 272. Сравнительно-исторический метод.
- 273. Тематизация.
- 274. Типология.
- 275. Философия языка.
- 276. Этнометодология.

Новая Российская энциклопедия.

- 277. Адлер А. // Т. II.
- 278. Аничков Е. В. // Там же.
- 279. Баадер Ф.К. // Там же.
- 280. Батеньков Г.С. // Там же.
- 281. Бентам И. // Т. III (1).
- 282. Беньямин В. // Там же.
- 283. Беркли Д. // Там же.
- 284. Берлин И. // Там же.

-
- 285. Берталанфи Л. // Там же.
 - 286. Бессмертие // Там же.
 - 287. Биографический метод // Там же.
 - 288. Блох Э. // Там же.
 - 289. Боден Ж. // Там же.
 - 290. Бонхёффер Д. // Там же.
 - 291. Бошкович Р. // Там же.
 - 292. Брюнсвик Л. // Т. III (2).
 - 293. Бюхнер Л. // Там же.
 - 294. Веттер Г.А. // Там же.
 - 295. Вечность // Там же.
 - 296. Вико Д. // Там же.
 - 297. Винкельман И. // Там же.
 - 298. Виртуальная реальность // Т. IV (1).
 - 299. Вкус // Там же.
 - 300. Вольтерьянство // Там же.
 - 301. Вольф Х. // Там же.
 - 302. Воля // Там же.
 - 303. Врожденные идеи // Там же.
 - 304. Гаман И.Г. // Там же.
 - 305. Гартман Н. // Т. IV (2).
 - 306. Гвардини Р. // Там же.
 - 307. Гегель Г.В.Ф. // Там же.
 - 308. Гегельянство // Там же.
 - 309. Греция Древняя // Т. V (2).
 - 310. Движение // Там же.
 - 311. Действительность // Там же.
 - 312. Деконструкция // Там же.
 - 313. Делёз Ж. // Там же.
 - 314. Диалектика // Там же.
 - 315. Диалектический материализм // Там же.
 - 316. Добиаш-Рождественская О.А. (в соавт. с С.С. Неретиной) // Там же.
 - 317. Достоверность // Там же.
 - 318. Другой // Т. VI (1).
 - 319. Дэвидсон Д. // Там же.
 - 320. Жизнь // Там же.
 - 321. Зедльмайр Х. // Там же.
 - 322. Изменение // Т. VI (2).
 - 323. Индетерминизм // Там же.
 - 324. Институт социальный // Там же.
 - 325. Интерпретация // Там же.
 - 326. Интерсубъективность // Там же.

518 Библиография

327. Иррациональное // Т. VII (2).
328. Йонас Г. // Там же.
329. Категории // Там же.
330. Кедров Б.М. // Т. VIII (1).
331. Кембриджский неоплатонизм // Там же.
332. Комментарий // Там же.
333. Кроче Б. // Т. IX (1).
334. Кун Т. // Там же.
335. Кьеркегор С. // Т. IX (2).
336. Ламберт И.Г. // Там же.
337. Левада Ю.А. // Там же.
338. Лессинг Т. // Там же.
339. Логика аргументации // Там же.
340. Марксизм // Т. X (1).
341. Материализм // Т. X (2).
342. Материя и форма // Там же.
343. Мера // Там же.
344. Методология // Там же.
345. Наторп П. // Т. XI.
346. Натуралистический материализм // Там же.
347. Натурфилософия // Там же.
348. Науковедение // Там же.
349. Неокантианство // Там же.
350. Неопозитивизм // Там же.
351. Онтология // Т. XII (1).
352. Описание // Там же.
353. Парадигма // Т. XII (2).
354. Паульсен Ф. // Там же.
355. Понимание // Т. XIII (1).
356. Практика.
357. Ренувье Ш.
358. Рефлексия.
359. Смысл.
360. Спекулятивное знание.
361. Сущее.
- Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009.**
362. Абсурд.
363. Авторство.
364. Академия наук.
365. Академия наук российская, Академия наук СССР.
366. Анализ.
367. «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки, относящиеся к механике и местному движению».

- 368. Биографический метод.
- 369. Инновации.
- 370. Мера.
- 371. Науковедение.
- 372. «Науковедение как точная наука».
- 373. «О вращениях небесных сфер».
- 374. «Очерки по теории науки».
- 375. Практика.
- 376. Просопография.
- 377. Процесс.
- 378. Социология знания.
- 379. Социология науки.
- 380. Сравнительно-исторический метод.
- 381. Тематизация.
- 382. Типология.
- 383. Универсальная характеристика.
- 384. Философия языка.
- 385. Этнометодология.

Переводы

1. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и трансцендентальная феноменология // Вопросы философии. 1992. № 7.
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. 2 часть. §§ 12–27 // Истина и благо: универсальное и сингулярное. М., 2002.

Интервью

1. Моя позиция (интервью, данное С.С. Неретиной) // Методология науки: исследовательские программы. К 70-летию со дня рождения А.П. Огурцова. М., 1977.
2. Профессиональное кредо (с Ю.М. Резником) // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. VII. Вып. 3 (27).
3. Еще раз о философии и о многом другом (с Ю.М. Резником) // Личность. Культура. Общество. Т. XII. Вып. 1 (53–54).
4. Правдоподобность синтеза (с Д. Медовниковым и А. Механиком) // Эксперт. 2012. № 22(805)(перепеч. в: Эксперт. 2014. № 16).
5. Интервью с проф. С.С. Неретиной и А.П. Огурцовыми об истории советской философии (с О.Э. Донских) // Идеи и идеалы. 2013. № 3.1; 2014. № 1.
6. Этос философии науки (с А.С. Нилоговым) // Философия и культура. 2014. № 7 (79).

Основные события жизни

14 сентября 1936 г. — родился в семье учителя истории Павла Ивановича Огурцова и его жены Анны Михайловны Огурцовой (урожд. Осиной).

1941–1942 — эвакуация в Рязанскую область, затем в г. Козмодемьянск во время Второй мировой войны.

1943–1953 — учеба в средней школе № 466 г. Москвы.

1953–1958 — учеба на философском факультете МГУ.

1958–1961 — заведующий кабинетом философии в Московском технологическом институте легкой промышленности.

1961 — вступление в КПСС и поступление в аспирантуру Московского института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. Женитьба на Нине Константиновне Томилиной.

1962 — рождение сына Кости (Константина Александровича Томилина).

1962–1964 — старший редактор издательства «Высшая школа».

1965 — развод с Н.К. Томилиной и женитьба на Нине Федоровне Наумовой.

1964 — начало многолетней дружбы с Э.Г. Юдиным и М.К. Петровым.

1964–1967 — научный консультант в редакции ж. «Вопросы философии»

1964–2014 — член редколлегии ж. «Вопросы философии» (до 2010). Член редсовета ВФ.

1967 — защита кандидатской диссертации «Отчуждение. Рефлексия. Практика».

1967–1968 — научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР. Дружба с Б.И. Шрагиным. Автор статей в «Философской энциклопедии» под ред. Ф.В. Константинова.

1968 — исключение из КПСС за подпись письма в защиту А. Гинзбурга, Ю.Т. Галанскова, А.А. Добровольского и В.И. Лашковой. Сотрудничество с М.Я. Гефтером по поводу спасения сектора методологии истории в Институте всеобщей истории АН СССР, который в этом году был разогнан.

1969—1971 — младший научный сотрудник в Советской социологической ассоциации, затем в Институте конкретных социологических исследований в группе по истории социологии.

1971—1988 — старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники (ИИЕТ) АН СССР.

1972 — развод с Н.Ф. Наумовой. Самовольное участие в Гегельевском Конгрессе, на который его пытался не допустить директор ИИЕТА С.Р. Микулинский, присутствие на котором имело для А.П. Огурцов, причастного к изданию трудов Гегеля, важное значение. Прошел по конкурсу на должность старшего научного сотрудника Института истории естествознания и техники (ИИЕТ). Рождение дочери Ирины.

1974 — женитьба на Майе Романовне Френкель, матери Ирины Александровны Огурцовой.

1974 — смерть отца, Павла Ивановича Огурцова.

1976 — смерть матери, Анны Степановны Огурцовой.

1978 — выход книги «Марксистская концепция истории естествознания (XIX век)» в соавторстве с Б.М. Кедровым.

1979 — самоубийство жены Майи Романовны Френкель.

1979 — Женитьба на Наталье Анатольевне Досаевой.

1985 — выход книги «Марксистская концепция истории естествознания. Первая четверть XX в.» в соавторстве с Б.М. Кедровым.

1986 — активное сотрудничество с ж. «Вопросы истории, естествознания и техники», где главным редактором стал Б.Г. Юдин, а исполняющим обязанности ответственного секретаря — Светлана Сергеевна Неретина.

1988 — развод с Н.А. Досаевой. Переход в Институт философии АН СССР (с 1991 г. РАН) вместе с 13 учеными из ИИЕТ на должность старшего, затем ведущего научного сотрудника. Выход в свет монографии «Дисциплинарная структура науки».

1989 — женитьба на Светлане Сергеевне Неретиной.

1990 — Занятия (вместе с Б.Г. Юдиным и П.Д. Тищенко) биоэтикой, поездка в США в медицинский Гастиングс-Центр.

1991, февраль — защита докторской диссертации «Дисциплинарная структура науки».

1991, август — один из защитников Белого дома во время революции 1991 г.

1992 — зав. лабораторией аксиологии познания и этики науки.

1993 — выход в свет монографии «Философия науки эпохи Просвещения».

522 Основные события жизни

- 1993** – член редколлегии ж. «Человек», первый номер которого вышел в 1990 г.
- 1994** – руководитель Центра методологии междисциплинарных исследований и Отдела науки и техники ИФ РАН.
- 1994–1997** – Руководство одновременно с работой в Институте философии РАН Отделом философии в Российском гуманитарном научном фонде (РГНФ).
- 1994–2000** – ученый секретарь «Новой философской энциклопедии».
- 1995** – выход в свет монографии «От натурфилософии к теории науки».
- 1995** – выход в свет «Философии природы: коэволюционная стратегия» (в соавт. с Р.С. Карпинской и И.К. Лисеевым)
- 1997** – выход книги «Отечественная философия науки: предварительные итоги» (в соавт. с Е.А. Мамчур и Н.Ф. Овчинниковым). Уход с должности заведующего Отделом философии РГНФ.
- 1999** – операции на сердце в Институте трансплантологии и искусственных органов.
- 2000** – выход книги «Время культуры» (в соавт. с С.С. Неретиной).
- 2002** – участие в Российском философском конгрессе. Первый инсульт.
- 2003** – присуждение звания лауреата Государственной премии (вместе с В.С. Степиным, А.А. Гусейновым и Г.Ю. Семигиным) за издание «Новой философской энциклопедии».
- 2004** – выход книги «Образы образования. Западная философия образования. XX век» (в соавт. с В.В. Платоновым). Участие в симпозиуме, посвященном 80-летию со дня рождения М.К. Петрова.
- 2006** – выход монографии «Пути к универсалиям» (в соавт. с С.С. Неретиной). Совместная с С.С. Неретиной организация и выпуск он-лайнового журнала «Vox. Философский журнал», шеф-редакторами которого они оба являлись до 2014 г.
- 2009 – 2010** – несколько операций на глазах. Учреждение издательства «Голос».
- 2010** – выход в свет «Реабилитации вещи» (в соавт. с С.С. Неретиной).
- 2011** – Монография «Концепты политической культуры» (в соавт. с С.С. Неретиной). Выход в свет трехтомника «Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы», выпущенной к 75-летию со дня рождения. Эндоскопическая остановка внутрижелудочного кровотечения.
- 2013** – организация группы «Дискурсивные практики».
- 2014, 26 апреля** – второй инсульт.
- 2014, 8 мая** – смерть Александра Павловича Огурцова.
- 2014, июль** – выход последней монографии (в соавт. с С.С. Неретиной) «Онтология процесса».

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аверинцев С.С. 14, 26, 41, 149
Аврелий Августин 7, 8, 53, 65, 81,
83, 87, 88, 209, 210
Адо П. 435
Адорно (Adorno) Т. 87, 418
Аккерман В. 464
Аксенов Г.П. 306
Александер Кр. 385
Александров Г.Ф. 117–119
Александров Н.Н. 114
Алексеев И.А. 31, 186
Алексеев П.В. 128
Алексеев С.В. 332
Алексеева Т.А. 318, 320
Алле А. 417
Альберт Великий 475
Альберти Л.Б. 426
Альтюссер Л. 25, 55
Амбарцумян В.А. 291
Ампер А.М. 489, 495
Андреева Н.А. 141
Анзимирова Н.В. 8, 42
Анисимов Е.В. 326
Антей 8, 89
Арендт Х. 61–63
Арзаканьян Ц.Г. 125
Аристотель 53, 139, 207, 265,
273, 471
Арсеньев А.С. 148, 232
Асмус В.Ф. 17, 118, 131, 464
Ахмадулина Б.А. 8, 31
Ахматова А.А.13
Ахутин А.В. 36, 40, 162, 186, 306

Байрон Дж. 300
Балашов Н. о. 450
Балибар (Balibar) Э. 55
Бальзак О. де 300
Баранец Н.Г. 4, 212, 222, 466
Бастракова М.С. 306
Батищев Г.С. 43, 148
Бауман З. 255
Бахтин М.М. 9, 55, 56, 89, 265
Башляр Г. 466
Беар Г. 478
Бедный Демьян 13
Белецкий З.Я. 117, 118
Беловежский А.С. 135
Белопольский А.А. 291
Белый Андрей 13
Бентам И. 364
Беранже П.Ж. 357
Бердяев Н.А. 23, 58, 60, 62, 105,
153, 157–159, 174, 175, 365,
453
Бергсон А. 25

524 Именной указатель

- Берия Л.П. 116, 189, 190, 193, 199, 327
Бернал Д. 215, 228, 235
Бернар К. 467
Бернулли Я. 227
Берталанфи Л. фон 251, 517
Бессмертный Ю.Л. 272
Бёме Г. 282
Бибихин В.В. 13, 14, 23, 26, 29, 30, 57, 59, 60, 62, 66, 67, 92, 162, 207, 209, 261–264, 338, 439
Библер В.С. 22, 26, 29, 148, 208, 232, 306, 433, 513
Билход П. 417
Блауберг И.В. 20, 34, 308
Блауштайн Л. 48, 273
Блок М. 271
Блудов Я.С. 127
Блюм А.В. 324
Блюменберг Г. 227
Бобков Ф.Д. 345
Бовин А.Е. 327, 339, 340
Богданов А.А. 114
Богданов Б.В. 130
Богомолов А.С. 17, 126
Богораз Л.И. 30
Богословский С. 397
Бодрийяр Ж. 390
Больнов О.Ф. 250
Больцано Б. 48, 505
Больцман Л. 488, 496
Бонапарт Ш.Л.Н. 198
Бор Н. 143, 495, 500
Боузэн (Bowen) Дж. 240, 246, 247, 257
Боэций А.М.Т.С. 77, 86, 95
Брайнин-Пассек В. 384
Брачев В.С. 138
Брежнев Л.И. 328
Брехт Б. 56
Бриджен П. 500
Бродель (Braudel) Ф. 272, 393
Бродский И.А. 31
Брок Д. 446
Бруно Дж. 473
Буало Н. 364, 423
Булгаков М.А. 340
Булгаков С.Н. 105, 453
Бурстин Д. 341
Буш (Busch) В. 279, 280
Бухарин Н.И. 108, 110, 111, 130, 131
Быков В.В. 52
Быховский Б.Э. 117, 118
Бэкон Ф. 85, 247, 265, 273, 306
Бютор М. 388
Бюхнер Г. 285, 513, 516, 517
- В**авилов С.И. 291
Вайсман Ф. 156, 181
Вайцзеккер К. 487
Ван ден Деле 282
Варичак (Varičak) В. 484, 498
Васильев А.В. 460, 462, 463
Васильев В.П. 460
Васильев И.И. 356
Васильев Н.А. 460, 465
Васильева Т.В. 208, 210
Введенский А.И. 56
Вдовина И.С. 160
Вебер М. 253, 320, 470, 514
Вейль Г. 499, 501, 502
Веллмер (Wellmer) А. 418
Вельфлин Г. 273, 369, 387, 390
Вельш В. 382
Вентури Дж.Б. 384, 385
Вентури Р. 427

- Вернадский В.И. 26, 43, 50, 138, 217, 230, 232, 236, 277, 278, 280, 282, 285, 286, 288, 289–307, 310–317, 466, 474, 481, 505
- Вернадский Г.В. 300, 316
- Вёльфлин Г. 273, 369, 387, 390
- Визгин В.П. 36, 157, 306
- Визгин Вл.П. 484, 499, 501
- Вильчек Ф. 500
- Виндельбанд В. 253, 516
- Виноградов И.М. 291
- Витгенштейн Л. 156, 167, 181, 226, 262, 263
- Витрувий 384
- Волжин С.В. 472
- Волков В.В. 324, 352
- Волков Ю.Г. 348
- Володин А.И. 131
- Вольтер 43, 88
- Восленский М.С. 333, 479
- Вригт Г.Х. фон 253
- Выготский Л.С. 266
- Вяльцев А.Н. 308
- Г**аврюшин Н.К. 306
- Гадамер Г.Г. 245
- Гайдар Е.А. 42
- Гайденко П.П. 23, 36, 40, 148, 186, 306
- Галактионов А.А. 141
- Галансков Ю.Т. 31, 102, 444, 521
- Галилей Г. 306, 488, 494, 521
- Галл (Gall) Я.М. 455
- Гальцева Р.А. 149
- Гальцевич В. 111
- Гаман (Гаманн) И.Г. 472, 517
- Гамильтон У.Р. 26, 69, 489
- Ганкель Г. 463
- Гараджа Н.В. 331
- Гаусс К.Ф. 497, 498
- Гачев Г.Д. 38, 39
- Гачева А.Г. 39
- Гваттари Ф. 163, 169, 177, 420
- Гегель Г.В.Ф. 17, 18, 27, 34, 55, 59, 92, 107, 109, 113, 117, 118, 120, 123, 130, 134, 138, 174, 243, 279, 280, 362, 363, 407, 416, 463, 473, 504, 511, 512, 517
- Гейзенберг В. 248
- Гейне Г. 300
- Гейтс Б. 405
- Геллер М.Я. 327, 479
- Гельвеций К.А. 199, 247
- Гемпель К. 275
- Генон Р. 348
- Геракл 8, 89
- Гераклит 53
- Герт Б. 446
- Герц Г. 490
- Гессен Б. 235
- Гефтер М.Я. 24, 32, 33, 67, 131, 521
- Гёте И. фон 297–303
- Гилберт (Гильберт) Д. 464, 499
- Гильберсеймер Л. 363
- Гильманов В.Х. 472
- Гинзбург А.И. 31, 102, 307, 444, 521
- Гинзбург В.Л. 307
- Гинзбург К. 235
- Гоббс Т. 57
- Говоров И.В. 342, 343
- Голованов Л.В. 292
- Голосовкер Я.Э. 16, 26
- Гольбах П.А. 199
- Гор (Гоге) А. 435, 436
- Горбачев М.С. 40, 41, 98, 103, 142, 328, 337, 483

526 Именной указатель

- Горелик Г.Е. 499
Горький Максим 13
Горячева Т.В. 374
Готдингер М. 381
Греков Л.И. 124
Грибкаускас С. 339
Гриневский О. 327
Гропиус В. 363, 387
Грузинцев Г.А. 232, 462, 464, 466,
 516
Грушин Б.А. 16, 186, 328, 332
Грязнов А.Ф. 174
Грязнов Б.С. 186, 306, 307, 309
Губогло М.Н. 336
Гумбольдт В. 435
Гумилёв Н.С. 41, 104, 434
Гурвич А.Г. 467
Гусейнов А.А. 43, 476, 522
Гуссерль Э. 45, 48, 167–169, 179,
 215, 225–227, 501, 519
Гутенберг И. 435
Гучинская Н.О. 156
- Давыдов Ю.Н. 31, 55, 383
Д'Аламбер Ж.Л. 43, 74, 77, 79,
 81, 88, 229
Дали С. 325
Дана Д. 293
Даниэль А.Ю. 104
Даниэль Ю.М. 31, 102, 104
Дарвин Ч. 455, 456, 467
Деборин А.М. 108–111, 113, 115,
 122–125, 127–130, 134, 138
Деборин М.Г. 114
Деджордж Р. 446
Декарт Р. 65, 74, 85, 86
Делёз Ж. 163, 169, 177, 273, 420
Демокрит 246, 285,
Денисов В.В. 131
- Деррида Ж. 206, 383, 393, 395
Джеймисон (Jameson) Ф. 401,
 406, 407
Джеймс У. 174
Дженкс Ч. 380, 384
Джонсон П. 348
Дидро Д. 43, 88, 199
Дилигенский Г.Г. 198
Дильтей В. 253
Дирак П.А.М. 501
Добренко Е.А. 118, 120, 121,
 136, 146
Добржанский Ф. 467
Добровольский А.А. 31
Дорош Е.Я. 52
Достоевский Ф.М. 130, 141
Дракер П. 348
Древс А. 106
Дрей У. 275
Друк В.Я. 137
Дубислав В. 225
Дубровский Д.И. 41
Дутенс М. 83
Дынник М.А. 122, 126
- Е**вграфов В.Е. 97
Еврипид 208
Ежов Н.И. 334, 338
Ельцин Б.Н. 42, 196, 328, 337
Есаков В.Д. 120
Есенин С.А. 104
Есенин-Вольпин А.С. 104
- Ж**арков Е.Д. 38
Жириновский В.В. 341
Жданов А.А. 119
Жильсон Э. 7
Жоффруа-Сент-Илер Э. 79

- Забелин И.М.306
Заболотный Д.К. 291
Замошкин Ю.А. 318
Зверева Г.И. 335
Зданович А.А. 356
Здравомыслов А.Г.348
Зельманов А.Л. 499
Зенон 16
Зеньковский В.В. 242, 243
Зиновьев А.А. 16, 22, 132, 134,
 149, 186, 233
Зиновьев Г.Е. 110
Зинченко В.П. 258
Знанецкий Ф. 215, 228, 235
Зоммерфельд А. 491
Зоркая Н.А. 32
Зоркая Н.М. 31, 32
Зотов А.Ф. 306, 495
Зуев И. 15
- И**ванов Вяч.Вс. 41
Игнатьев В.Н. 446
Илизаров С.С. 306
Ильенков Э.В. 20, 24, 26, 134,
 148, 149
Ильин И.А.105
Иовчук М.Т. 17, 122, 126, 130,
 189, 193, 199
Иоффе А.Ф. 291
Ипполитов-Иванов М.М. 14
- Й**егер В. 237
Йоргенсен Й. 214, 226
- К**аган В.Ф. 497
Каганов В.М. 125, 130
Казютинский В.В. 285, 291
Каламанов В.А. 332
Калинин М.И. 130, 478
- Калиниченко В.В. 40
Каменев Л.Б.110
Каменский В.В. 374
Каменский З.А. 149
Кампанелла Т. 364
Кангилем Ж. 466
Кант И. 25, 26, 50, 69, 130, 163,
 199, 289, 306, 456
Кантор В.К. 318
Каплан А.Е. 485
Каплан А. 446
Кард П.Г. 495
Карев Н.И. 114, 128, 130, 139
Карнап Р. 226
Карпенко А.С. 143
Карпинский А.П. 291
Карпинская Р.С. 41
Карпушин В.А. 126
Карсавин Л.П. 105
Карьер Ж.К. 437
Кассирер Э.184, 226, 273
Кедров Б.М. 19, 26, 34, 37, 103,
 119, 122, 131, 148, 232, 278,
 282, 306, 433
Кейдж Н.388
Келле В.Ж.131, 132
Кеплер И. 495
Кибиров Т.Ю. 389
Киров С.М. 128, 130
Клеро А. 216, 229
Клямкин И.М. 327
Князева Е.Н. 206
Коген Г. 225
Кокурин А.И. 334
Колмогоров А.Н. 77
Колосков В.Н. 135
Колчак А.В. 479
Колчинский Э.И. 306, 333
Колядко В.И. 167

528 Именной указатель

- Кольцов Н.К. 291
Комптон Т. 248, 249
Кон И.С. 34, 186
Кон (Cohn) И. 495
Кондорсэ (Кондорсе) Ж.А. 71, 73,
 216, 229
Кондратьева Т. 334
Конквест Р. 104
Константинов Ф.В. 104
Копнин П.В. 233
Корбю см. Ле Корбюзье
Коргунюк Ю.Г. 324
Корнель П. 423
Коржавин Н.М. 328
Коровиков В.И. 149
Королев С.П. 291
Корсаков С.Н. 114, 127, 140
Коршунов Н.Б. 122, 123
Косарев А.В. 440
Косарева Л.М. 308
Косичев А.Д. 16
Косолапов Н.А. 325
Котельников С.И. 262
Коши О. 463
Кошкин Н.И. 478
Кравченко С.Ф. 481, 483
Краевский В.В. 238
Кревельд М. Ван 338
Кристотурьян Н.Г. 445
Крон В. 282
Кропоткин П.А. 456
Крутъ И.В. 308
Крыштановская О.В. 332, 333, 343
Ксан А. 385
Кудрявцев В.Н. 346
Кудрявцев В.Т. 9
Кузин Б.С. 467
Кузнецов Б.Г. 306
Кузнецов В.И. 308
Кузнецов И.В. 278, 306, 495, 497
Кузнецова Н.И. 306
Куйбышев В.В. 130
Кулон Ш.О. 495
Кун Т. 184, 214, 217, 230, 307, 495
Куперт Ю.В. 98
Куприянов А.И. 346
Кураев А.В. 243
Куренной В.А. 353
Кутырев В.А. 157
Лавджой А. 219, 234
Лавуазье А.Л. 300
Ладенко И.С. 432
Лазарев П.П. 291
Лакатос И. 214, 226, 464
Ламарк Ж.Б. 79
Ламберт (Lambert) Г. 498
Ламетри Ж.О. де 199
Ландау Л.Д. 491, 492, 500
Ландсберг П. 228
Лаплас П.С. 75, 76, 79, 227
Ларошфуко Ф. де (Ля Рошфуко)
 300
Лашкова В.И. 31
Левада Ю.А. 131, 148, 186, 445
Леви-Леблон (Levy-Leblond) Ж.М.
 494
Левин А.Е. 308
Левинас Э. 227
Левинсон А.Г. 320
Левитанский Ю.Д. 52
Леглер В.А. 132
Ле Гофф Ж. 272
Лейбниц Г.В. 285, 463
Ле-Конт Д. 293
Ле Корбюзье (Корбю) Ш.Э. 363,
 387

- Лекторский В.А. 27, 97, 98, 100, 101, 104, 131, 136, 144, 163, 308, 318
Ленин (Ульянов, Ильич) В.И. 13, 17, 19, 27, 41, 67, 100, 101, 103, 106, 110, 111, 113, 115–117, 120, 121, 123–125, 128, 132, 135, 139–143, 337, 480, 483
Леонтович А.В. 291
Леонтьев А.И. 252
Леруа М. 293, 357
Леруа Э. 225
Лившиц Е.М. 491
Лилиенфельд А.А. 297
Лиотар Ж.Ф. 256, 393
Лифшиц Е.М. 491, 492
Лихачев Д.С. 38
Лихтенберг Г.К. 280
Лобачевский Н.И. 460, 497, 498
Локк Дж. 247
Ломинадзе В.В. 128
Лоренц Г. 490, 494
Лосев А.Ф. 26, 131, 149, 464
Лоссева И.Н. 308
Лосский Н.О. 105, 293
Лубский А.В. 348
Лужков Ю.М. 379
Лузин Н.Н. 463
Лукач Д. 22, 60, 227
Луман Н. 348
Луппол И.К. 130, 139
Луфер А. 417
Людовик XIV 244
Люттер М. 240
Льюис Б. 328
- Майленова Ф.Г.** 206
Макаренко В.П. 270, 319, 320, 323–327, 348, 349
Макаров В.Г. 105
Макинтайр А. 338
Маккенни Р. 336
Мак-Люэн Маршалл Г. 435
Максвелл Дж.К. 488–491, 495, 500
Малевич К.С. 83, 363
Мамардашвили М.К. 16, 22, 29, 43, 72, 148, 170, 185, 236, 310, 360
Мангейм К. 29, 215, 228
Мандельштам Л.И. 486
Мандельштам О.Э. 24, 49, 479
Маньковская Н.Б. 381
Маритен Ж. 157, 181
Маркес Г.Г. 47, 96
Марков М. 466
Маркова Л.А. 306, 309
Маркс К. 18, 20, 22, 24–29, 34, 53, 56, 60–66, 107, 108, 112, 113, 121, 125, 132, 134, 142, 210, 252, 269, 270, 290, 319, 363, 407, 463, 467, 480
Марсель Г. 184, 185, 187
Марсель Э. 72
Марчук Г.И. 449
Мах Э. 225, 226, 233
Медведев Ф.А. 308
Мединский В.Р. 335
Межуев В.М. 24, 162, 318
Мейен С.В. 40
Мейер А.А. 26
Мелуа А.И. 485
Мельниченко В.А. 365
Менгер К. 225
Менделеев Д.И. 217, 488
Менделеев И.Д. 230
Мерло-Понти М. 160
Мертон Р. 235, 463

530 Именной указатель

- Мехова А.А. 145
Мещеряков Б.Г. 340
Мёллер Г. 291
Ми Г. 499
Мизес Р. Фон 77
Микоян С.А. 328
Микулинский С.Р. 37
Миллс Р. 499
Миль Д.С. 306, 467
Минковский Г. 491
Минц И.И. 32
Мирзоян Э.Н. 306
Мирский Э.М. 308
Митин М.Б. 18, 19, 20, 21, 22,
 111–114, 117, 122, 123, 128, 129
Митрохин Л.Н. 16, 134
Михайлов А.В. 22, 23, 26, 60, 62,
 169
Михина Е.М. 33
Мишле Ж. 357
Могилев А.И. 34
Монж Г. 83
Мордухай-Болтовской Д.Д. 463
Мордюкова Н.В. 335
Морен Э. 206
Морозов А. 324
Мочалов И.И. 308
Муравьев В.Н. 43
Муравьев М.Н. 85
Мусто М. 60
- Н**адсон Г.А. 291
Налимов В.В. 466
Нарский И.С. 55
Наумова Н.Ф. 34, 142
Нейрат О. 93–95, 226
Некрасова А.В. 340
Некрич А.М. 30, 479
Немцов Б.Е. 66
- Неретин И.И. 42
Неретина С.С. 21, 91, 145, 205,
 207, 276, 322, 361, 433, 437,
 439, 446, 471, 472, 486
Нерлер П.М. 479
Нестеренко А.Н. 326
Никандров П.Ф. 141
Никитин Е.П. 306, 308
Николай I 341
Николай Кузанский 86, 206, 473
Николис Г. 406
Нимейер О. 382, 387
Ницше Ф. 156, 193, 417
Новиков А.М. 238, 239, 245, 253
Норт Д. 326
Ньютон И. 79, 216, 229, 463, 488,
 489, 495
- О**вочкин В.В. 52
Овсянников М.С. 17
Овчаренко В.И. 146
Овчинников Н.Ф. 306, 495, 497
Огурцов А.П. 7, 9, 10, 16, 20, 21,
 28, 31, 36–38, 40, 44, 45, 47–50,
 53, 59–73, 76–82, 85, 90, 92,
 94, 97–105, 123, 124, 136–142,
 144–147, 155, 161, 181–189,
 191–193, 198, 199, 203–205,
 207, 213–236, 237, 242, 244,
 245, 250, 252, 260–265, 270–
 279, 282, 283, 285, 286, 289,
 292, 294–297, 301–306, 310,
 314, 317, 318, 322, 360, 361,
 415, 432–434, 442–454, 456,
 457, 460, 464, 465, 467, 470,
 476, 486
Огурцов И.В. 45
Огурцов П.И. 10, 11, 20
Огурцова А.С. 10

- Ойзерман Т.И. 17, 55, 122
Оккам У. 475
Оксман Л. 15
Окуджава Б.Ш. 31, 32
Окулов А.Ф. 122
Окунь Л.Б. 492, 499, 501
Онис Ф. де 382
Орбели Л.А. 291
Орел В.М. 306, 485
Орtega-и-Гассет Х. 157
- П**авленский П.А. 367
Павлов А.П. 293
Павлов К.А. 465
Пайн Э.А. 358
Палладио А. 426
Панарин А.С. 254, 308, 318
Паннивич Р. 382
Парменид 46, 53, 265
Парфентьев Н.Н. 463
Паскаль Б. 227
Пастернак Б.Л. 27
Пахомов Б.Я. 482, 483
Педетти А. 41
Перро Ш. 364, 423
Перченок Ф.Ф. 487
Петр I 334
Петр Абеляр 210
Петров М.К. 23, 24, 26, 28, 43, 46,
68, 132, 186, 233, 236, 308, 310
Петров Н.В. 324, 334
Петровская Е.В. 193
Пиаже Ж. 273
Пирс Ч. 227
Пифагор 492
Планк М. 229, 484, 491
Платон 53, 83, 92, 130, 163, 174,
209, 211, 245–247, 265, 273,
285, 435, 471, 479
- Платонов (Климентов) А.П. 329,
331
Платонов В.В. 54, 237, 242, 244,
245, 250, 252
Плеснер Г. 228
Плеханов Г.В. 20, 108, 110, 111
Плимак Е.Г. 131
Плутарх 78
Полани М. 205
Померанц Г.М. 30
Попов Ю.Н. 38
Попович М.В. 126
Поппер (Popper) К.Р. 46, 93, 94,
184, 214, 217, 226, 227, 246,
248, 249, 272, 279, 464, 488
Порфирий 77
Поттер В.Р. 451, 452
Прибыловский В.В. 324
Пригов Д.А. 389
Пригожин И. 393, 406, 409, 411
Приль Л.Н. 98
Прокофьев С.С. 192
Протагор 208, 209, 211, 246
Пружинин Б.И. 133
Пуанкаре А. 229, 463, 496
Пуассон С. 227
Пузырей А.А. 273
Путин В.В. 197, 324, 326
Пушкин А.С. 194, 202, 440
Пущаев Ю.В. 71
- Р**аббот Б.С. 32
Рабинович В.Л. 36, 37, 306
Разумов А.Е. 10
Райгородский Д.Я. 252
Райнов (Rainoff) Т.И. 462
Расин Ж. 423
Рассел Б. 174, 262, 462, 467
Резник Г.М. 66

532 Именной указатель

- Резник Ю.М. 9, 10, 21, 31, 40,
183, 185, 186
Рейн Е.Б. 31
Перих Н.К. 453, 454
Ридингс Б. 440, 441
Рикёр П. 348
Риккерт Г. 253, 411
Риман Б. 497
Робине Ж.Б. 83
Робинсон Э. 441
Родин А.В. 463
Родный А.Н. 306
Рожанский И.Д. 306
Рождественский Д.С. 291
Розен Н. 495
Розенау П. 417
Розенберг Ф. 233
Розин В.В. 267, 273
Рокфеллер Д.Д. 340, 341
Романэс Дж. 432
Рорти Р. 193, 215, 227, 361, 393
Рот Г.И. 245, 250, 252, 254
Рубцов А.В. 9, 79, 408, 415
Рудофски (Rudofsky) Б. 385
Румянцев А.М. 32
Румянцев Б.А. 20
Руссо Ж.-Ж. 88, 199, 243, 362
Руткевич А.М. 23
Рязанов Д.Б. 112
- Садлер (Sadler) С. 385
Садов Р.В. 20
Садовский В.Н. 20, 21, 46, 134,
308, 467
Салтыков-Щедрин М.Е. 482
Самойлов Д. (Кауфман Д.С.) 52
Сантаяна Д. 303
Сапе Ф. 214, 226
Сапгир Г.В. 31
- Сартон Д. 463
Сартр Ж.-П. 156, 168, 169, 172
Сасс (Sass) Х.-М. 452, 456
Сачков Ю.В. 251
Сахаров А.Д. 485
Светоний 78
Севастьянов А.Ф. 314
Северный А.Ю. 291
Семенова С.Г. 39
Семигин Г.Ю. 43
Семин В.Н. 52
Семковский С.Ю. 139
Сергеев Д.И. 481, 483
Сережников В.К. 139
Симонов И.М. 460
Синявский А.Д. 31, 102, 104
Скаакун В.М. 121
Скворцов-Степанов И.И. 108,
111, 114
Скиннер К. 219, 234
Скобельцин Д.В. 291
Скуратов Ю.И. 359
Слуцкий Б.А. 52, 86
Слуцкий Е.Е. 462
Смирнов А.И. 462
Смирнов В.А. 233
Смирнов П.В. 306, 462
Смородинский Я.А. 495
Смэтс Я. 302
Соджа (Soja) Э. 400, 415
Соколов В.В. 124
Сократ 193, 208
Солженицин А.И. 52, 104, 143,
479
Соловин М. 488
Соловьев В.С. 130, 131, 206,
452, 453
Соловьев Э.Ю. 72
Сорокин П.А. 105, 106, 463

- Сорокина С.И. 66
 Сорос Дж. 487
 Соссюр Ф. 266
 Спиноза Б. 315
 Спиркин А.Г. 149
 Сталин (Джугашвили) И.В. 13,
 15, 20, 21, 41, 103, 110–113,
 115–124, 128, 130, 140, 142,
 241, 334, 337, 480
 Стенгерс И. 409, 411
 Степашин С.В. 332
 Степин В.С. 43, 233, 308
 Стерревант А.Г. 467
 Столыпин Д.И. 462
 Странда В. 45
 Стэн Я.Э. 20, 21, 111, 114, 128,
 130, 139
 Судаков А.К. 157
 Сумин О.Ю. 107
 Сурков В.Ю. 367
 Суслов М.А. 119
 Сухомлинов А.В. 327
- Тарский А.** 464
Татур В.Ю. 480–483
Таурикус Ф.А. 497, 498
Твардовский А.Т. 52
Твен Марк 366
Тейяр де Шарден П. 293
Тимирева А.В. 479
Тимофеев И.С. 36, 306
Тимофеев Л.М. 327
Тимофеев Т.Т. 26
Тимофеев-Ресовский Н.В. 23
Тихов Г.А. 291
Тищенко П.Д. 43, 206, 446
Тойнби А. 38, 382, 441
Толстой Л.Н. 56, 130, 456, 457
Томилин (Tomilin) К.А. 490
- Томилина Н.К. 488
 Тоффлер О. 411
 Трапезников Н.И. 338
 Трифонов Ю.В. 52
 Троицкий К.Е. 470
 Троцкий Л.Д. 102, 105, 106, 108,
 110–112, 131
 Трубецкой С.Н. 295
 Трусов А.И. 346
 Туманова Л.Б. 45
 Тымянский Г.С. 130
 Тюргеев А.Р.Ж. 88, 229
 Тюхтин В.С. 19, 123
- Уайт Х.** 227
Уайтхед А.Н. 302, 303
Уард Дж. 381
Уемов А.И. 232
Уиклер Д. 446
Уитмен У. 396
Уитч Р. 446
Улицкая Л.Е. 92
Умов Н.А. 454, 455
Уоллерстайн И. 348
Уолцер М. 328
Ушаков Д.Н. 114
Уэвелл У. 233, 306
- Фаддеев Е.Т.** 21
Фаддеев Л.Д. 499
Фадеев А.А. 122
Фарадей М. 489
Федоров А.С. 38
Федоров Н.Ф. 453
Фейерабенд П. 495
Фейербах Л. 60
Ферма П. 227
Ферсман А.Е. 293, 294
Фесенков В.Г. 291

534 Именной указатель

- Филарете А. 426
Филатов В.П. 145
Филби К. 327
Финн В.К. 104
Фирсова Г.А. 306
Фладд Р. 417
Флек Л. 215, 228
Флоренский П.А. 139, 293
Флоровский Г.В. 374
Фок В.А. 467
Фома Аквинский 475
Фомин В.И. 32
Фонтенель Б. Ле Бовье де 86–88,
 216, 229
Фостер Н. 378
Франк С.Л. 105
Фрейд З. 23
Френкель М.Р. 521
Фридман Ю.А. 40
Фриш А.С. 99, 101, 102, 136, 467
Фролов И.Т. 21, 132, 142, 449
Фрунзе М.В. 130
Фуко М. 55, 239, 240, 336, 393
Фурман Д.Е. 324
- Хабермас Ю. 176, 348, 364, 422,
 423, 425
Хайдеггер М., 22, 23, 25, 28,
 58–62, 87, 155, 156, 162, 166,
 167, 169, 172–174, 179, 184, 207
Хайналь И. 435
Хартри Д. 500
Хевисайд О. 490, 501
Хелли Р. 326
Хоружий С.С. 149
Хоскин К. 239
Христофоров В.С. 105
Хрущев Н.С. 328
Хэ Чуаньзы 399
- Циолковский К.Э. 43, 236,
 285–292, 454
- Чанышев А.Н. 17
Черненко А.Г. 332
Чернышев Б.С. 118
Чернышевский Н.Г. 106
Черняев А.С. 328, 338
Черняк В.С. 306
Черчилль У. 365, 383
Чесноков Е.Н. 127
Чижевский А.Л. 285, 290–292, 487
Чиммер Э. 501
Чичерин Б.Н. 462
Чудинов Э.М. 122
Чукарев А.Г. 341, 342
- Шаламов В.Т. 101, 102, 104
Шаплен Ж. 423
Шаров А.Я. 467
Шаронов В.В. 291
Шаховская А.Д. 298
Шацкин Л.А. 128
Шаумян Л.С. 21
Шаумян С.Г. 21
Шварц Т. 23
Швейкарт Ф.К. 497, 498
Швырев В.С. 27, 72, 97–101,
 104, 136, 148, 308
Шевцова Л.Ф. 326
Шебаршин Л. 327
Шеллер М. 215, 228
Шеллинг Ф. 362, 416, 473
Шендрек Н.И. 122
Шестаков В.И. 462
Шехтель Ф.О. 382
Шиллер Ф. 58
Ширкевич М.Г. 478
Широкова В.А. 306

- Шишина Ю.Г. 291
Шишкун Н.С. 122
Шкловский В.Б. 56, 203
Шлик М. 156, 215, 225, 226
Шлыков В. 328
Шмидт О.Ю. 110
Шмидт Э. 436
Шопенгауэр А. 23
Шоэ Ф. 385
Шпенглер О. 94, 432, 440
Шплет Г.Г. 39, 139, 232
Шпиндер Л. 228
Шрагин Б.И. 24, 31, 41, 45, 103,
 186
Шредингер Э. 500
Шрейдер Ю.А. 40
Штокгаузен К. 388
Шурбелеев А.П. 161
Шютц А. 227
- Эддингтон А. 499
Эдельштейн Г., протоиер. 328
Эйгенсон М.С. 291
Эйнштейн А. 143, 280, 488, 490,
 492, 499, 501
Эко У. 432, 437
Энгельс Ф. 64, 107, 109, 112,
 113, 121, 125, 132, 290
Эпштейн М.Н. 162, 163, 165
Эразм Роттердамский 240
Этабле (*Éstablet*) П. 55
Эткинд А. 336
- Ю**дин Б.Г. 37, 40, 45, 186, 282,
 306, 452, 483
Юдин П.Ф. 111, 117
- Юдин Э.Г. 24, 27, 44, 90, 97, 98,
 100, 104, 136, 148–150, 186,
 308, 443
Юлина Н.С. 40
Юм Д. 227
Юшкевич А.П. 460
- Я**годинский В.Н. 487
Ядов В.А. 186
Якоби Ф.Г. 472
Яковенко И.Г. 66
Янг Ч. 499
Яновская С.А. 463
Яр (Jahr) Ф. 451–457
Ярославский Е.М. 130
Ярошевский М.Г. 485
Ясперс К. 155, 157, 169, 170,
 176, 177, 180
Яхот И. 105, 108, 110, 115, 120,
 122, 123, 134, 137, 144, 146
- B**iesta G. 257
- E**cckes J.C. 246
Edwards R. 239, 255
Engels E.-M. 456
- H**arvey D. 415
Hassan I. 384
- L**anier J. 438
- M**uzur H.-M. 456
- U**sher R. 239, 255

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бажанов Валентин Александрович — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой философии Ульяновского Государственного университета (УлГУ), действительный член Международной академии философии науки.

Баранец Наталья Георгиевна — доктор философских наук, профессор УлГУ.

Блюхер Федор Николаевич — кандидат философских наук, заведующий сектором философских проблем гуманистического и социального знания Института философии РАН.

Гусева Анна Андреевна — кандидат философских проблем, младший научный сотрудник Института философии РАН.

Давыдова Людмила Сергеевна — кандидат исторических наук, заведующая издательским отделом Института философии РАН.

Донских Олег Альбертович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления. Главный редактор журнала «Идеи и идеалы».

Карпенко Александр Степанович — доктор философских наук, заведующий сектором логики Института философии РАН.

Лекторский Владислав Александрович — академик РАН, доктор философских наук, заведующий сектором теории познания Института философии РАН.

Макаренко Виктор Павлович — доктор философских и политических наук, профессор, директор Центра политической концептологии Высшей школы бизнеса Южного федерального университета, иностранный член Национальной Академии педагогических наук Украины.

Мочалов Инар Иванович — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН. Шеф-редактор онлайнового журнала «Vox. Философский журнал». Директор издательства «Голос».

Платонов Владимир Васильевич — кандидат философских наук, доцент, действительный член Российской академии естественных наук.

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Розин Вадим Маркович — доктор философских наук, профессор, действительный член Академии педагогических и социальных наук, главный научный сотрудник Института философии РАН. Главный редактор журнала «Культура и искусство».

Рубцов Александр Вадимович — кандидат философских наук, заведующий сектором философских исследований идеологических процессов Института философии РАН, член Совета Вольного исторического общества.

Тищенко Павел Дмитриевич — доктор философских наук, заведующий сектором гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН.

Томилин Константин Александрович — кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники РАН

Юдин Борис Григорьевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН. Главный редактор журнала «Человек».

Философ и наука

Александр Павлович Огурцов

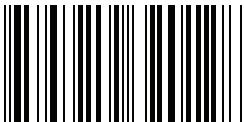
Директор издательства «Голос»
Неретина Светлана Сергеевна

Редактор Е.Н. Некрасова
Верстка и оригинал-макет Елена Бутузова
Обложка Екатерина Смирнова

Подписано в печать
Формат 60x90/16. Гарнитура Литературная.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 31,39 усл. п.л. Тираж 500 экз.

ООО «Издательство «Голос»
Адрес издательства «Голос»
115196 Москва, 5-я Кожуховская ул., д. 9 кв. 2
E-mail: abaelardus@mail.ru

ISBN 978-5-9193-2012-8

9 785919 320128

Для ЗАМЕТОК

Для ЗАМЕТОК